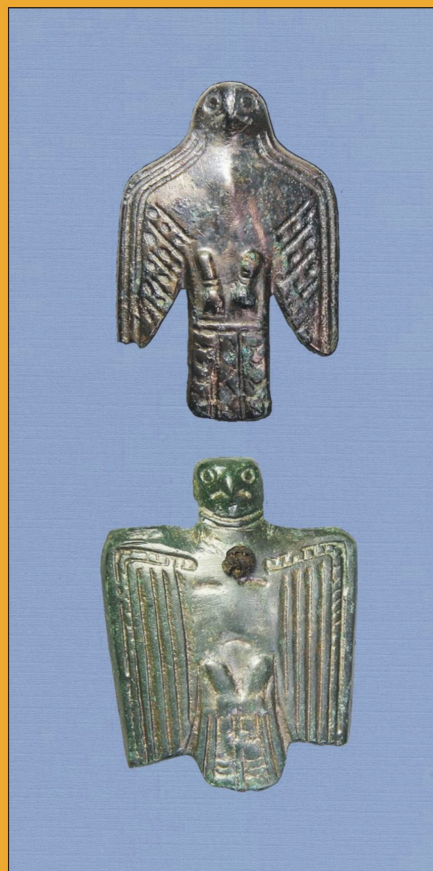

3 (54)
2021

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство Эл № ФС77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Lishevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Еньшин Д.Н. Неолитический керамический комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (группы I и II): характеристика и интерпретация	5
Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н., Фролов Я.В., Шапетько Е.В., Шмидт А.В. К вопросу об относительной и абсолютной хронологии ранних погребений грунтового могильника Фирсово-XI (Барнаульское Приобье)	20
Скочина С.Н., Мосин В.С. Каменный инвентарь полуденского комплекса стоянки Кедровый Мыс-1	34
Чечушков И.В., Епимахов А.В. Хронологическое соотношение укрепленного поселения Каменный Амбар и могильника Каменный Амбар-5 в Южном Зауралье: возможности байесовской статистики	47
Чикунова И.Ю., Илюшина В.В. Керамический комплекс городища Усть-Васьеган 1	59
Сенотрусова П.О., Эккердт А.А., Мандрыка П.В. Находки орнитоморфных изображений финала раннего железного века на Нижней Ангаре	77
Берлина С.В., Цембалюк С.И., Якимов А.С. Конструктивно-техническая характеристика фортификационной системы городища Дикая яма раннего железного века Среднего Приобья	85
Бравина Р.И., Соловьева Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В. Береста в погребальном обряде якутов: по материалам погребения Учугей Юрях (XV–XVII вв.)	95
Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Тюркское погребение в сопровождении коней из Верхнего Прииртышья ...	107
Зах В.А., Цембалюк С.И., Сидорова Е.В., Юдакова В.С. Тарханский острог XVII–XVIII вв.: направления поиска и начало исследований	119
Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Бердников И.М., Щетников А.А., Филинов И.А., Липнина Е.А., Золотарев Д.П. Геоархеология в системе археологических исследований на территории Байкальской Сибири	133

Антропология

Слепченко С.М. Археопаразитология — новый источник реконструкции миграций древнего населения: возможности, результаты и перспективы	147
Слепцова А.В. Происхождение населения Западной Сибири раннего железного века по данным одонтологии	163

Этнология

Адаев В.Н. Юганские ханты на Демьянке: формирование локальной идентичности	176
Томилов Н.А. Хозяйственно-культурные типы тюркских народов Сибири в научных трудах середины XX — первых десятилетий XXI в.	187
Бурнаков В.А. Почитание «земли-воды» в традиции северных хакасов — кызыльцев (конец XIX — середина XX в.)	196
Перевалова Е.В. Трансформация традиционных технологий и приемов выпаса оленей на Кольском полуострове в XX — начале XXI в.	206
Романова Е.Н., Степанова Л.Б. Антропология болезни. По следам эпидемий Полярного круга: полевые материалы И.С. Гурвича	218
Яковлева К.М., Яковлев А.И. Родильные обряды якутов: традиции и современность	231
Григорьев С.А. Добыча останков мамонтовой фауны и локальные сообщества арктических территорий Якутии в конце XX в.	239
Корандей Ф.С., Абрамов И.В., Костомаров В.М., Черепанов М.С., Шелудков А.В. Провоцирующие ландшафты: исследования повседневных культурных ландшафтов периферии агломераций	247
Информация для авторов	258
Список сокращений	261

На передней стороне обложки: оленивод-саами на ижемской упряжке, Ловозерская тундра (фото Ю.С. Коньковой, 2015 г.); материалы из раскопа на предполагаемом месте расположения Тарханского острога (Нижнее Приобье): копейка Федора Алексеевича, наперсток из латуни; орнитоморфные изображения из могильника Пинчуга VI (Нижняя Ангара).

Contents

Archaeology

Enshin D.N. Neolithic ceramic complex of the settlement of Mergen 6 in the Lower Ishim (groups I and II): characteristics and interpretation.....	5
Kiryushin K.Yu., Kiryushin Yu.F., Solodovnikov K.N., Frolov Ya.V., Shapetko Ye.V., Schmidt A.V. On the relative and absolute chronology of early burials at the Firsovo-XI burial ground (Barnaul Ob River region)	20
Skochina S.N., Mosin V.S. Stone equipment of the Poludensky complex of the Kedrovyy Mys-1 site	34
Chechushkov I.V., Epimakhov A.V. Chronological relationship between the fortified settlement of Kamennyi Ambar and the Kamennyi Ambar-5 cemetery in the Southern Trans-Urals: capabilities of the Bayesian statistics	47
Chikunova I.Yu., Ilyushina V.V. The ceramic complex of the ancient settlement of Ust-Vasyegan 1	59
Senotrusova P.O., Ekkerdt A.A., Mandryka P.V. Finds of ornitomorphic images of the End of the Early Iron Age in the Lower Angara region.....	77
Berlina S.V., Tsembalyuk S.I., Yakimov A.S. Structural and technical characteristics of the fortification system of the Dikaya Yama hillfort of the Early Iron Age in the Middle Tobol River area	85
Bravina R.I., Solovyova E.N., Petrov D.M., Syrovatskiy V.V. Birch bark in the funeral rite of the Yakuts: a case-study of the Uchugei-Yuryakh burial (15 th –17 th cc.).....	95
Tkachev A.A., Tkachev A.I. Turkic burial accompanied by horses from the Upper Irtysh River region	107
Zakh V.A., Tsembalyuk S.I., Sidorova E.V., Yudakova V.S. Tarkhansky Ostrog of the 17th–18th centuries: directions of search and the beginning of research.....	119
Berdnikova N.E., Vorobieva G.A., Berdnikov I.M., Shchetnikov A.A., Filinov I.A., Lipnina E.A., Zolotarev D.P. Geoarchaeology within the system of archaeological research in the territory of Baikal Siberia.....	133

Anthropology

Slepchenko S.M. Archaeoparasitology — a new source of reconstruction of migrations of ancient populations: opportunities, results, and prospects	147
Sleptsova A.V. The origins of the population of Western Siberia in the Early Iron Age according to odontological data.....	163

Ethnology

Adaev V.N. The Khanty of the Yugan River in the Demyanka River basin: formation of local identity.....	176
Tomilov N.A. Economic and cultural types of the Turkic peoples of Siberia in scientific works of the mid-19 th — first decades of the 21 st century	187
Burnakov V.A. The veneration of “land-water” in the tradition of the northern Khakas — Kyzyls (late 19 th — mid-20 th century).....	196
Perevalova E.V. Transformation of traditional reindeer herding technologies and pasturing practices on the Kola Peninsula in the 20 th — early 21 st century	206
Romanova E.N., Stepanova L.B. Anthropology of disease. In the wake of the Arctic Circle epidemics: field materials of I.S. Gurvich	218
Yakovleva K.M., Yakovlev A.I. The childbirth rituals of the Yakuts: traditions and modernity	231
Grigorev S.A. Extraction of remains of the mammoth fauna and local communities of the Arctic territories of Yakutia at the end of the 20 th century.....	239
Korandei F.S., Abramov I.V., Kostomarov V.M., Cherepanov M.S., Sheludkov A.V. Provocative landscapes: a study of everyday cultural landscapes at the outskirts of agglomerations	247
Memo to the authors	258
Abbreviations	261

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-1>

Еньшин Д.Н.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6 В НИЖНЕМ ПРИИШИМЬЕ (ГРУППЫ I И II): ХАРАКТЕРИСТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Проанализированы неолитические керамические комплексы поселения Мергенъ 6 (группы I и II; VII тыс. до н.э.) в контексте проблематики культурно-хронологического соотношения боборыкинских и кошкинских древностей. Приведены морфологические и орнаментальные характеристики сосудов; обоснована их принадлежность к обозначенным культурам; зафиксирован факт сосуществования. Поставлен вопрос об уточнении хронологии бытования боборыкинской керамической традиции и причинах ее вариативности.

Ключевые слова: *ранний неолит, Среднее Зауралье, Западная Сибирь, Нижнее Приишимье, Мергенъ 6, керамический комплекс, боборыкинская культура, кошкинская культура.*

Введение

К одним из наиболее дискуссионных в изучении неолита Среднего Зауралья относится вопрос хронологического и культурного соотношения боборыкинских и кошкинских комплексов. Основными оппонентами и разработчиками двух противоположных концепций являются В.Т. Ковалева с С.Ю. Зыряновой и В.А. Зах [Ковалева, Зырянова, 2008, 2010; Зах, 2009, 2018]. Не будем подробно излагать их точки зрения, обозначим лишь суть этих позиций в хронологическом и генетическом аспектах. По В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой, кошкинская культура датируется ранним неолитом (VI или V тыс. до н.э.) и не связана с боборыкинской культурной традицией позднего неолита (V или IV тыс. до н.э.). По мнению В.А. Заха, боборыкинское население появляется в Зауралье уже в раннем неолите (VII тыс. до н.э.), а кошкинская традиция зарождается внутри него на рубеже VII–VI тыс. до н.э. как результат культурной трансформации. Указанная ситуация отразилась на построении культурно-хронологических схем развития неолитических комплексов и Среднего Зауралья и пограничных с ним территорий Западной Сибири (Тоболо-Ишимье). Как справедливо отметил В.В. Бобров, дискуссионность этой проблемы во многом связана с тем, что оппоненты опираются на материалы слабостратифицированных памятников, в частности, расположенных на территории Андреевской озерной системы (Среднее Притоболье) [Бобров, 2020, с. 154]. Кроме того, следует отметить слабую проработанность причин типологического многообразия неолитических керамических комплексов Зауралья (в большей степени это относится к боборыкинским древностям (см., напр.: [Ковалева, Зырянова, 2010]) и возможной их многокомпонентности. Поэтому «размываются» относительно четко определенные признаки керамики культурных групп, проблематично выделение условных «классических», «смешанных» (синкретичных), поздних — ранних групп и типов.

Помимо слабой стратифицированности памятников и неясности причин типологического разнообразия сосудов негативно сказывается на состоянии изученности неолита Зауралья недостаток дат, связанных с конкретными керамическими комплексами. Так, для боборыкинской традиции Зауралья (включая басьяновский комплекс) исследователи приводят 27 дат (горно-лесная, лесостепная зоны (бассейны Исети, Миасса, Среднее Притоболье) [Мосин, 2018, с. 58; Шорин, Шорина, 2020, с. 42], а для кошкинской — от 36 до 40 (лесная и лесостепная зоны, время существования определяется серединой VII — концом VI тыс. до н.э.) [Мосин, Епимахов, 2018, с. 109; Шорин, Шорина, 2020, с. 35]. При этом, как отмечается, лишь с единичных памятников получены серии дат, превышающие пять единиц [Мосин, Епимахов, 2018, с. 112]. Подобная тенденция распространяется на все неолитические культуры обозначенной территории.

Выделенные проблемы, связанные с интерпретацией (культурной, генетической, хронологической) рассматриваемых комплексов, затрудняют изучение динамики культуры древних коллективов, факторов и механизмов ее трансформации, выявление признаков социокультурной адаптации. Это касается всего Зауралья, однако интерпретация материалов периферии ареалов носителей культурных традиций осложняется отношением к ним большинства исследователей как априори к «иным» — не показательным. С другой стороны, указывается, что для решения, например, проблем «плоскодонного» неолита (в этой плоскости находится и боборыкинская проблематика) наиболее реальным является подход с привлечением материалов «окраинных районов Зауралья» [Бобров, 2020, с. 154]. Один из таких районов — Нижнее Приишимье, и в частности Мергенский АМР, территориально относящийся к пограничным областям Зауралья и более восточными территориям Западной Сибири (Прииртышье и т.д.), но в культурном отношении на данном этапе исследований связанный в большей степени с зауральскими традициями.

Цель данной работы — представить результаты анализа неолитических керамических комплексов с поселения Мергень 6 (Нижнее Приишимье) в разрезе обозначенных проблем изучения зауральского неолита.

Памятник расположен в северной лесостепной зоне на мысовидном выступе высокой озерной поймы, образованном озером Мергень и вытекающей из него протокой Мергенской (рис. 1). На сегодняшний день на памятнике исследовано около 1500 м², выявлено 13 сооружений неолитического времени, выделено 4 группы сосудов. Планиграфический и стратиграфический анализ позволил установить хронологическое единство построек, подтвержденное серией радиоуглеродных и AMS-дат (21 ед., Combine probabilities — 2σ (95,4 %) 6095–6060 BC, OxCal v3.10, калибровочная кривая Intcal 13 [Reimer et al., 2013]). Данное положение было подкреплено и результатами пространственного анализа распространения керамики (по методу «связей») [Еньшин, 2020].

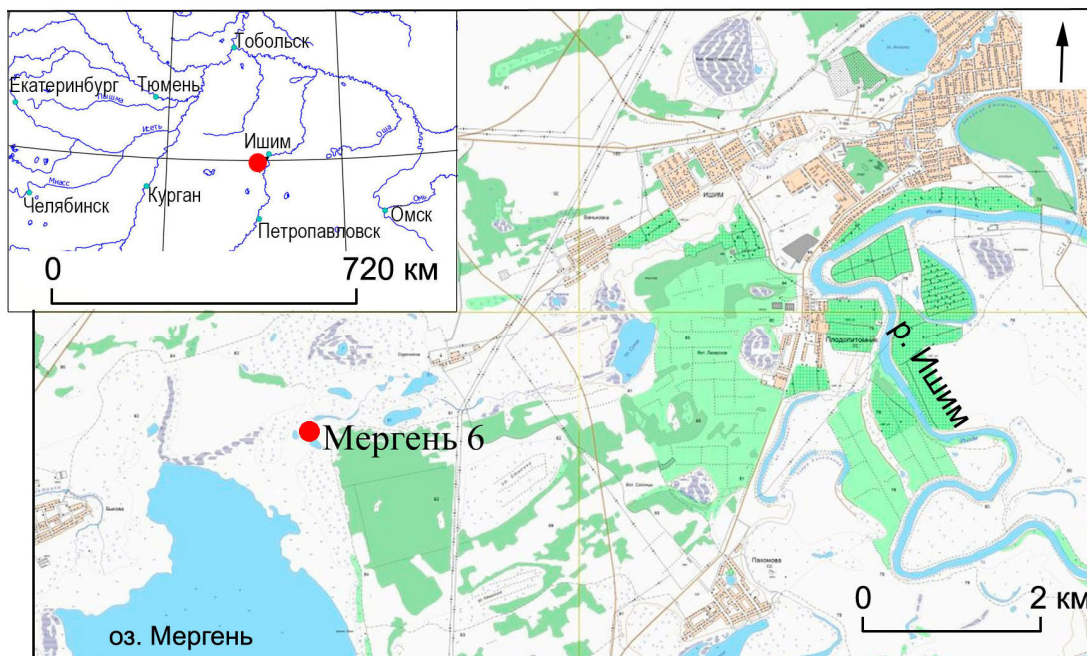

Рис. 1. Место расположения поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье.
Fig. 1. The location of the settlement Mergen 6 in the Lower Ishim River Region.

Методика

В методическом отношении анализ керамического комплекса проводился с позиций сочетания элементов двух подходов: формально-классификационного и историко-культурного [Цетлин, 2017, с. 94–95, 261–265]. Определение типов отдельных морфологических элементов форм и орнаментов на сосудах осуществлялось согласно классификациям В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой, предложенным для интерпретации кошкинских и боборыкинских комплексов [2008, с. 73–113; 2010, с. 230–231]. Анализ деталей формы сосудов учитывал следующие компоненты: срез венчика, венчик, шейка, тулово, дно. Изучение орнаментации включало две сту-

пени: технологическую (инструмент и техника нанесения) и стилистическую (структурные компоненты декора, характер системной организации компонентов, связь компонентов со структурой формы сосудов). В качестве основных структурных компонентов декора рассматривались: *элемент* («отпечаток» или динамический след на поверхности сосуда, созданный мастером за один трудовой акт (по Ю.Б. Цетлину [2017, с. 245]); законченная геометрическая фигура, имеющая несколько вариантов конфигурации и «заполнения фигуры» (по В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой [2010, с. 236]), *мотив* (организованные элементы и узоры, определенным образом повторяющиеся (тиражирующиеся) на поверхности сосуда [Цетлин, 2017, с. 245]; ритмичные ряды из повторения одного и того же элемента [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 236]), *композиция* (совокупность мотивов в сочетании с зонами и участками без орнамента [Цетлин, 2017, с. 245]; комбинация различных мотивов [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 236]).

Отдельного пояснения требует интерпретация некоторых рельефных элементов декора и формы сосудов — валики, наплывы, «воротнички», карнизы. Под *валиком* понимается небольшое утолщение преимущественно с внешней стороны сосуда (скругленной, подпрямоугольной или подтреугольной формы) в бордюрной зоне под венчиком, а также в придонной части, образованное применительно к рассматриваемому комплексу формованием — вытягиванием (ручной сгонкой части лепного материала в тонкую линию вокруг сосуда) либо путем близкого прочерчивания двух прямых горизонтальных линий, между которыми образовывался выступ (валик). Под *напływом* понимается утолщение (преимущественно подтреугольной формы) с внутренней стороны сосуда в бордюрной зоне под венчиком, имеющее плавный подъем от края венчика и более резкий спуск за «вершиной», образованное, вероятно, путем формования (загиб края сосуда и последующее заглаживание с приданием формы?) или «сгонки» излишков лепного материала при оформлении горловины емкости. Согласно классификации В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой наплывами называются и закраины дна сосудов, обозначаемые в публикациях так же, как придонные валики плоскодонных изделий [2010, с. 231]. Под *воротничком* понимается утолщение шириной до 3–4 см на внешней стороне сосуда, расположенное непосредственно под краем среза венчика, образованное, вероятно, загибом края горловины сосуда на внешнюю сторону и последующим заглаживанием. К категории *карниза* отнесен выступ края (внутреннего или внешнего) среза венчика, образованный путем вытягивания/формования или, вероятно, загиба верхней части горловины сосуда.

При анализе приемов нанесения орнамента на поверхности сосудов использовались такие понятия, как «отступающе-прочерченная», «прочерченная», «накольчатая» техника, штампование¹. В данной работе термин «отступающе-прочерченная техника» рассматривается как синоним используемому некоторыми исследователями понятию «отступающе-накольчатая техника» и «отступающая палочка» и подразумевает движение орнамента без отрыва от поверхности с периодическим нажатием.

Анализ керамики проводился «по жилищам» (в закрытых комплексах), однако выявленное единообразие (с некоторыми нюансами) и установленное хронологическое единство жилищных комплексов позволило в данной работе рассматривать керамические группы совокупно, т.е. со всего памятника, а сравнительный анализ посуды «по жилищам» будет представлен в последующих публикациях. Кроме того, многочисленность совокупного комплекса: 520 изделий — 4 группы (64 % из сооружений и 36 % с межжилищного пространства) + комплекс доньшек (168 ед.) — не позволяет уместить характеристику всей посуды в одной публикации, в связи с чем и исходя из поставленной цели в представленной работе дается описание двух групп сосудов (обладающих признаками бобыркинской и кошкинской традиций), а оставшиеся две будут охарактеризованы в последующей.

Результаты

Описание керамических комплексов

Группа I представлена 69 емкостями (13 % от всего комплекса) (рис. 2). В морфологическом отношении выделены две подгруппы: банки (36/52 %)² и горшки (33/48 %). Археологически целыми зафиксированы 5 емкостей (8 % от группы). Диаметр устья у определяемых сосудов варьируется в пределах от 13 до 44 см. Преобладают вытянутые пропорции. Поверхность подвергалась заглаживанию и уплотнению. Толщина стенок 0,8–1 см.

По оформлению среза и форме венчика выделено 3 подгруппы (рис. 3, 4).

¹ о/п — отступающе-прочерченная техника, п — прочерченная, н — накольчатая, ш — штампование.

² Здесь и далее в числителе — количество сосудов, в знаменателе — процент от комплекса/группы.

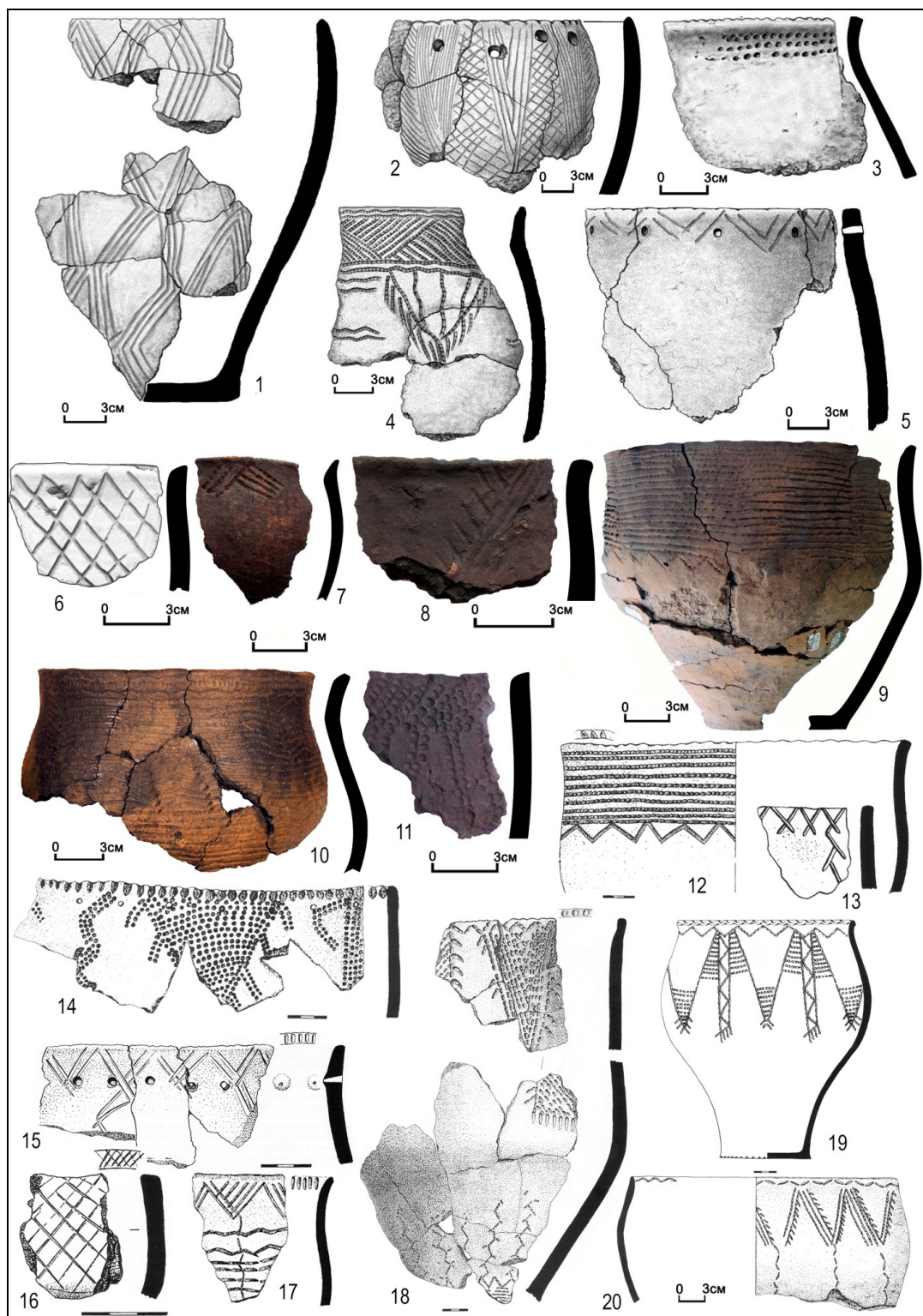

Рис. 2. Сосуды группы I поселения Мergenь 6 (1–11); сосуды боборыкинского типа: 12–15, 17 — пос. ЮАО-V, 16 — пос. ЮАО-IX, 18 — пос. ЮАО-XII, 19 — пос. Ташково I, 20 — пос. Усть-Суерское 4 (по В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой [2010]).

Fig. 2. Vessels of group I from the settlement of Mergen 6 (1–11); vessels of the Boborykino type: 12–14, 17 — set. YuAO-V, 16 — set. YuAO-IX, 18 — set. YuAO-XII, 19 — set. Tashkovo I, 20 — set. Ust-Suerskoe 4 (according to V.T. Kovaleva and S.Yu. Zyryanova [2010]).

Неолитический керамический комплекс поселения Мергенъ 6 в Нижнем Приишимье...

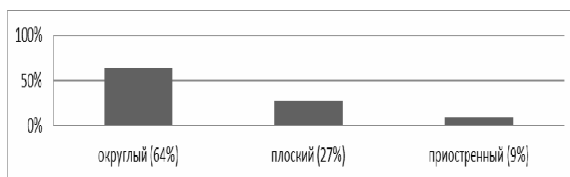

Рис. 3. Соотношение форм срезов венчиков сосудов группы I.

Fig. 3. The ratio of the cut shapes of the rims of the vessels of group I.

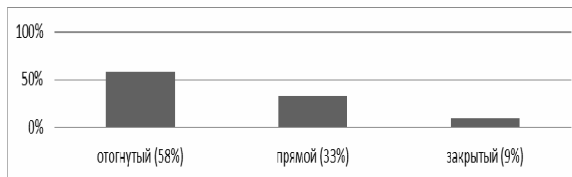

Рис. 4. Соотношение форм венчиков сосудов группы I.

Fig. 4. The ratio of the corolla shapes of the vessels of group I.

Доминируют сосуды с округлым (по оформлению среза) и отогнутым венчиком (открытые емкости). Необходимо отметить, что корреляции форм венчиков с определенными формами сосудов (банки/горшки) не выявлено. Однако при сопоставлении форм сосудов и форм венчиков прослеживается следующая тенденция: в горшечной доминирует отогнутый венчик (79 %), в баночной наблюдается относительно равномерное присутствие форм.

В подгруппе профилированных сосудов выделено 3 типа шеек, среди которых преобладает вогнутая (рис. 5).

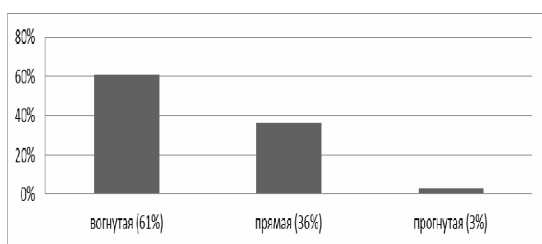

Рис. 5. Соотношение форм шеек профилированных сосудов группы I.

Fig. 5. The ratio of the necks of profiled vessels of group I.

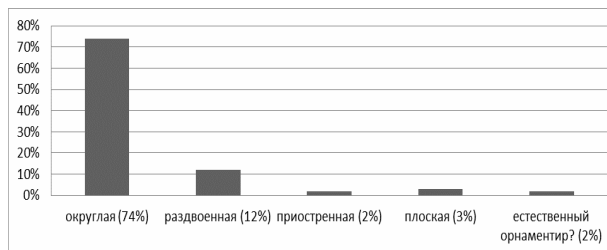

Рис. 6. Соотношение форм рабочих частей орнаментов сосудов группы I.

Fig. 6. The ratio of the shapes of the working parts ornamentation rod of the vessels of group I.

Непосредственно с сосудами I группы удалось соотнести 2 плоских доньшка — с наплывом и без наплыва. На одной емкости отмечен наплыв с внутренней стороны под краем горловины, на другой — утолщение с внешней стороны от края венчика, напоминающее воротничок. Кроме того, в изломах двух сосудов в венчике отмечены каналы от сгоревшего шнура.

В орнаментальном плане рассматриваемый комплекс делится на две группы — сосуды без орнамента (10/14 %) и с орнаментом (59/86 %). В качестве орнамента использовались стержни с различным оформлением рабочего края, при этом абсолютно доминирующим является округлый (рис. 6).

На ряде сосудов отмечено сочетание использованных орнаментов: с округлым и раздвоенным рабочим краем (1/2 %); с округлым и острым (3/5 %).

Анализ по степени корреляции орнаментов и форм сосудов выявил следующую тенденцию. Стержень с округлым рабочим краем использовался в равной степени для оформления поверхностей как банок (24/40 % от орнаментированного комплекса), так и профилированных емкостей (20/34 %). Следы же инструмента с раздвоенным рабочим краем отмечены в основном на горшечных сосудах (6/10 %) и на одной банке (2 %).

Анализ следов движения орнаментов позволил выделить три техники нанесения орнаментов: отступление с прочерчиванием (31/52 %), прочерчивание (22/37 %) и накол (24/41 %). При этом в комплексе присутствуют как сосуды, оформленные только в одной технике, так и емкости, орнаментация которых выполнена разными приемами. Доля посуды с «монотехническим» оформлением составляет 76 % (от орнаментированной группы). В данной группе количество сосудов, украшенных в отступающе-прочерченной технике, превышает показатели емкостей с накопчатой и прочерченным декором, сопоставимых между собой (рис. 7).

Комплекс с «политехническим» орнаментом значительно меньше — 24%. В него в основном включены изделия с изображениями в двух техниках, однако на одном сосуде встречено сочетание всех трех приемов нанесения декора (рис. 8).

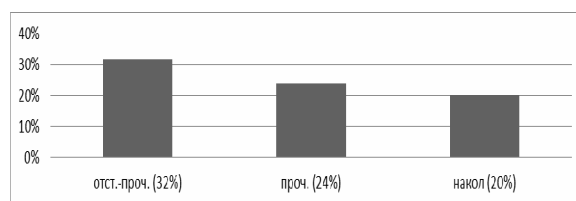

Рис. 7. Соотношение сосудов, орнаментированных в одной технике (группа I).

Fig. 7. The ratio of vessels ornamented in one technique (group I).

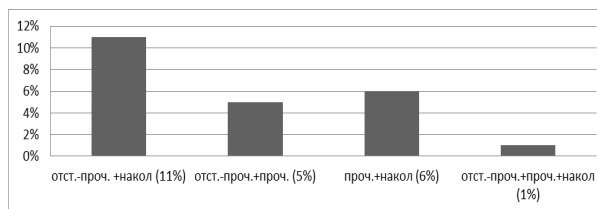

Рис. 8. Соотношение сосудов, орнаментированных в нескольких техниках (группа I).

Fig. 8. The ratio of vessels ornamented in several techniques (group I).

Что касается корреляции форм сосудов и приемов нанесения орнамента, то прослеживается следующая тенденция. В «монотехническом» комплексе отступающе-прочерченная техника доминирует на горшечных сосудах (80 % от группы с о/п), а на сосудах баночной формы — прочерченная и накольчатая (60–80 % от групп с п или н). Та же картина наблюдается в «политехническом» комплексе: в группах, где есть о/п техника, доминируют горшки, а где нет — банки.

Зональность нанесения орнамента наиболее достоверно определена у 43 сосудов (73 % от комплекса с орнаментом), при этом изделий с полностью декорированной поверхностью — 10/23 %, а емкостей с орнаментикой в верхней трети — 33/77 %. Кроме того, изображения отмечены также с внутренней стороны под краем венчика (24/40 % от орнаментированного комплекса), у части сосудов художественно оформлен его срез (37/63 %).

Доминирующим элементом декора внутренней зоны под краем горловины выступают вертикальные или наклонные короткие прямые линии, выполненные прочерчиванием, отступанием с прочерчиванием или оттисками профиля стержневого орнамента. Из них образовывались мотивы в виде поясов в бордюрной зоне. Подобный декор выявлен на 15 изделиях (62 % от комплекса с внутренней орнаментацией). Элемент в виде зигзага присутствует на 5 сосудах (21 %). При этом в двух случаях он составлен из отдельных «уголков», еще в двух встречен в сочетании с горизонтальной прямой линией из близко поставленных наколов. Такое же количество сосудов с горизонтальной волнистой линией (5/21 %), единичен сосуд с горизонтальным горизонтальным линейным декором.

Срез венчика оформлялся четырьмя элементами: насечки (21/57 %), V-образные оттиски орнамента (4/11 %), округлые наколы (3/8 %), вдавления пальцев гончара (9/24 %), придававшие срезу горловины волнистый характер.

Орнаментацию внешней поверхности сосудов этой группы можно разделить на две категории: простые (мотивы и композиции из простых элементов) и сложные (декор, содержащий усложненные геометрические фигуры и композиции).

Комплекс с простыми орнаментами насчитывает 38 емкостей (64 % от орнаментированного комплекса). Преобладают композиции, составленные из прямолинейных элементов, — 24/41 %. На 9 сосудах декор на уровне мотива представлен бордюрами в виде пояса из вертикальных или наклонных линий под краем венчика или по шейке. В остальном же данная группа демонстрирует мотивы из монотонных горизонтальных прямых линий или из разреженных сдвоенных, нанесенных в основном в верхней трети сосуда. Меньшую долю составляет декор, построенный на сочетании двух элементов — горизонтальных прямых и волнистых линий (3/5 %). Композиционно такой вариант группировки повторяет монотонность линейных мотивов, но в него в качестве горизонтального ограничителя орнаментального поля добавлена волнистая линия (одиночная или сдвоенная), нанесенная в бордюрной зоне под венчиком, по шейке или тулову. Столь же немногочисленна группа сосудов, украшенных зигзагом (3/5 %). В двух случаях разреженные вертикальные фигуры спускаются от венчика ко дну, в одном — сдвоенный горизонтальный зигзаг в накольчатой технике нанесен в бордюрной зоне под краем горловины емкости. Чуть большее количество сосудов украшены композициями из зигзагов и прямых линий (8/13 %). Первый в них выступает и в качестве ограничителя орнаментального поля, заполненного линейными мотивами, аналогично линейно-волнистым композициям (4 сосуда), и в качестве «равноправного» элемента, в композициях, построенных на чередовании зон, составленных мотивами из зигзагов и прямых линий (4 сосуда).

Группа с усложненным декором насчитывает 21 сосуд (36 % от орнаментированного комплекса; рис. 9). Основу его построений составляют геометрические фигуры — треугольники, ромбы, трапеции, многоугольники, ромбическая сетка. Треугольники как элемент этих компози-

ций наиболее распространены — 13/59 %. В основном это фигуры, направленные острием вниз (8 сосудов) или чередующиеся с ориентацией верх-низ (5 сосудов). Их внутреннее пространство во всех случаях заполнялось наклонной или прямой штриховкой, взаимопроникающими уголками, редкими вертикальными волнистыми линиями. В одном случае с внешней стороны по контуру треугольника нанесены короткие вертикальные отрезки, образующие своеобразную «бахрому» или «подвески», в другом — от ориентированных вниз вершин отходят сдвоенные наклонные короткие прямые линии, еще на трех сосудах — вертикальные зигзаги. Треугольные фигуры на уровне самостоятельных мотивов размещались в виде бордюров в основном под венчиком, а также бордюров по шейке в составе композиций с горизонтальными ограничителями/разделителями или мотивами из прямых либо волнистых линий.

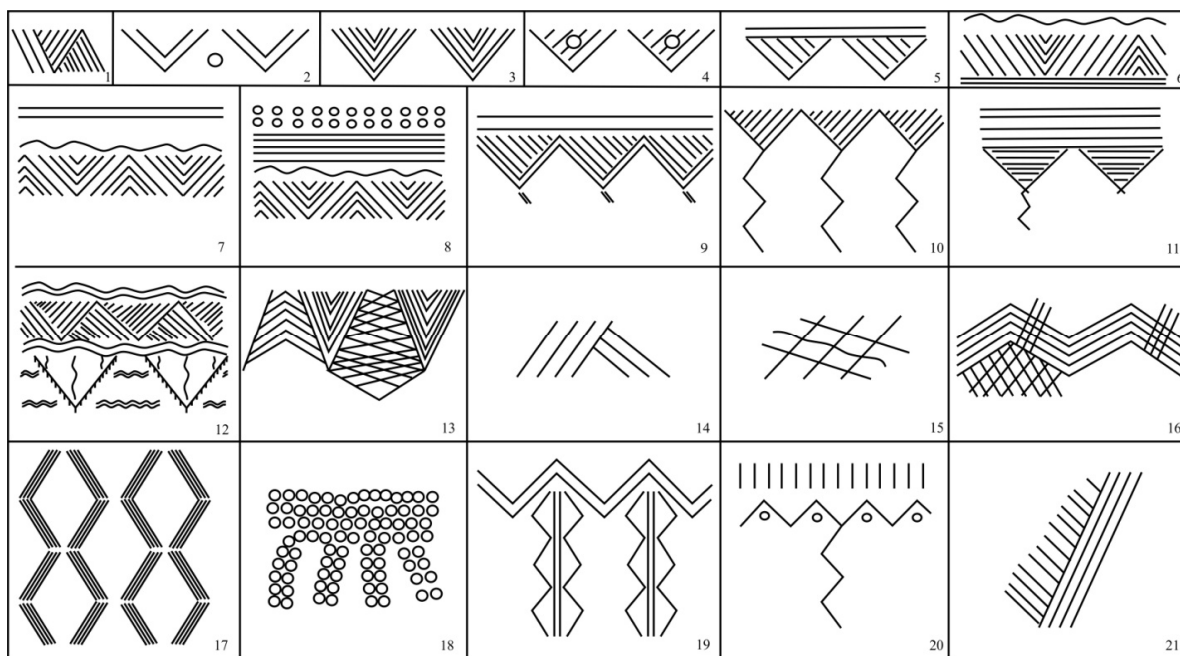

Рис. 9. Схемы усложненных орнаментальных элементов и композиций сосудов группы I.
Fig. 9. Schemes of complicated ornamental elements and compositions of vessels of group I.

Ромбовидные фигуры встречены на 3 сосудах. Образованы штриховкой, наколами, в одном случае — вертикальными сгруппированными по 4 зигзагами, опускающимися от края изделия ко дну. Ромбическая сетка использовалась для декорирования еще трех емкостей: в одном случае как самостоятельный элемент, в другом — в составе композиции, заполняя одну из областей мотива из горизонтальных зигзагов, в третьем — как заполнение многоугольной фигуры. Последний вариант встречен в интересной сложной композиции на сосуде из сооружения № 22 (рис. 2, 2). Она представляет собой пояс чередующихся треугольных и трапециевидных/многоугольных фигур. Треугольные фестоны заполнены взаимопроникающими углами, ориентированными вниз, трапециевидные фигуры — углами, направленными вверх, а многоугольные — ромбической сеткой. Определенный интерес вызывает композиция, составленная из нанесенных в бордюрной зоне под венчиком двух горизонтальных зигзагов, от направленных вверх углов которых вертикально спускаются две прямые линии, обрамленные симметричными зигзагами. Последние сгруппированные фигуры характерны для зауральского неолита, и в частности для боборыкинских комплексов. Также определенной чертой мергенской коллекции является наличие разреженных ямочных вдавлений на единичных сосудах в бордюрной зоне под венчиком или по шейке.

В целом представленная группа посуды в орнаментальном отношении отличается фактическим отсутствием повторяющихся изображений на уровне композиций, особенно в категории сложных орнаментов.

Группа II представлена 167 сосудами (32,5 % от всей коллекции). В морфологическом отношении это баночный комплекс (162/97 %) при единичном присутствии горшечных форм (5/3 %) (рис. 10).

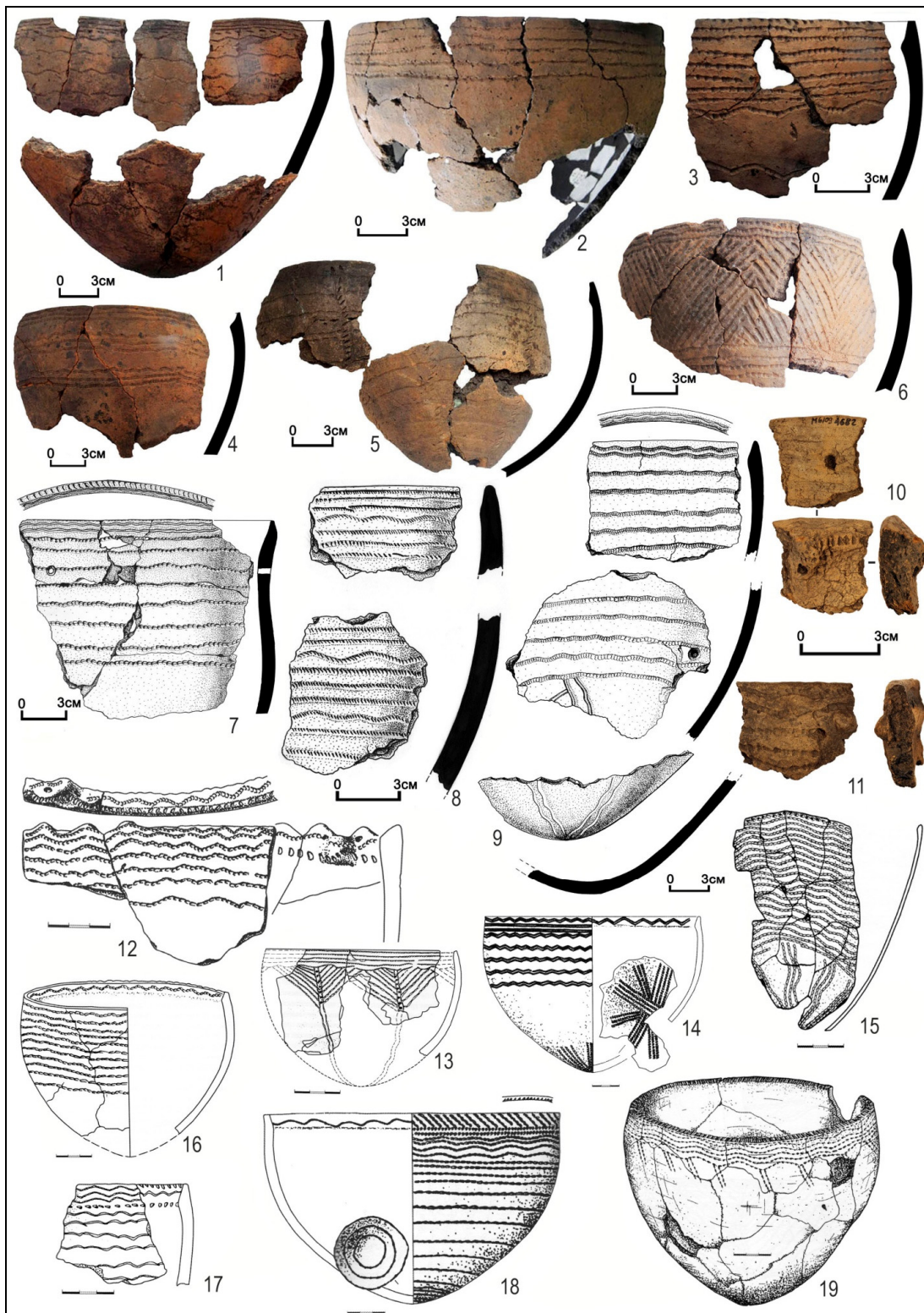

Рис. 10. Сосуды группы II поселения Мергень 6 (1–11); кошкинского типа: 12 — пос. ЮАО-VI, 13–14, 17–19 — пос. Ташково III, 15 — пос. Кокшарово VII, 16 — пос. Лисья Гора (по В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой [2008, с. 73–113]).

Fig. 10. Vessels of group II from the settlement of Mergen 6 (1–11) and vessels of the Koshkino type: 12 — set. YuAO-VI, 13–14, 17–19 — set. Tashkovo III, 15 — set. Koksharovo VII, 16 — set. Lis'ya Gora (according to V.T. Kovaleva and S.Yu. Zyryanova [2008, p. 73–113]).

Неолитический керамический комплекс поселения Мергенъ 6 в Нижнем Приишимье...

По оформлению среза венчика выделено три подгруппы: с округлым, плоским, приостренным (рис. 11). Преобладает округлый профиль.

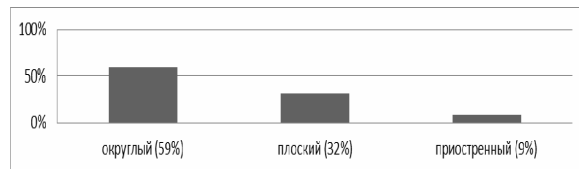

Рис. 11. Соотношение форм срезов венчиков сосудов группы II.

Fig. 11. The ratio of the cut shapes of the rims of the vessels of group II.

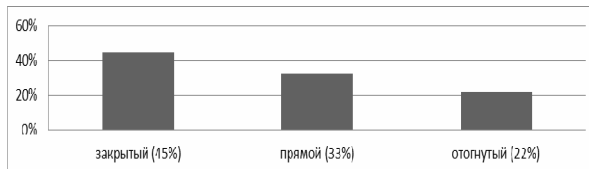

Рис. 12. Соотношение форм венчиков сосудов группы II.

Fig. 12. The ratio of the corolla shapes of the vessels of group II.

По форме самого венчика также выделено три подгруппы емкостей: с закрытым, прямым и отогнутым (рис. 12). Превалируют закрытые формы сосудов, но и остальные представлены значительным количеством.

Наплыв на внутренней стороне в зоне под венчиком присутствует на 120 сосудах (72 % от комплекса). Кроме того, на 3 изделиях профилированной подгруппы выделяется «воротничок». Еще на двух емкостях по краю среза венчика оформлен карниз. Также на около 15 % сосудов обозначен скос с одной или двух сторон края венчика. Донышки у изделий данной группы преимущественно округлой формы, единично приостренной и уплощенной. Необходимо отметить, что с двумя емкостями соотнесены плоские донышки (с наплывом и без). Археологически целыми зафиксировано 17 сосудов (10 % от комплекса). Диаметр устья наиболее достоверно удалось определить у 24, при этом доминируют емкости с размером горловины от 20 до 30 см (17 изделий), меньшего размера — 5 (8–20 см), крупных 2 (30–37 см).

Все емкости орнаментированы. В качестве инструмента нанесения декора использовались стержни с разным оформлением рабочего края: округлый, раздвоенный, острый, плоский (рис. 13). Также на нескольких сосудах зафиксированы следы предположительно естественного орнамента (челюсть животного?).

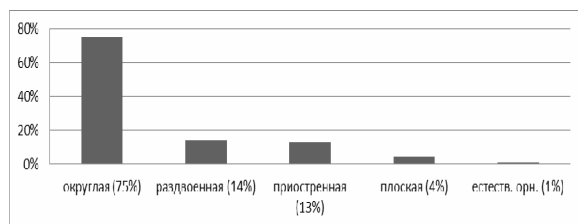

Рис. 13. Соотношение форм рабочих частей орнаментов сосудов группы II.

Fig. 13. The ratio of the shapes of the working parts of ornamentation rod of the vessels of group II.

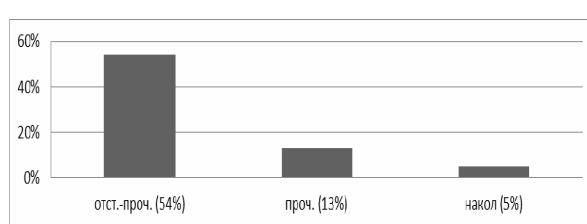

Рис. 14. Соотношение сосудов, орнаментированных в одной технике (группа II)

Fig. 14. The ratio of vessels ornamented in one technique (group II).

В комплексе присутствуют как емкости, оформленные одним орнаментом (157/94%), так и сосуды, орнаментация которых выполнена несколькими инструментами (10/6 %).

Анализ следов движения стержня по поверхности позволил выделить три техники нанесения изображений: отступающе-прочерченная, прочерченная и накольчатая. Подгруппа сосудов, декор которых выполнен в одной технике, насчитывает 120 изделий (72 % от комплекса). Доминирующей является отступающе-прочерченная (рис. 14).

Подгруппа, в которой отмечено сочетание нескольких техник на одном сосуде, представлена 47 емкостями (28 %). В ней наблюдается та же картина, что и в предыдущей, — доминирование сочетаний с о/п (рис. 15).

Зональность нанесения орнамента наиболее достоверно удалось определить у 140 сосудов (84 % от комплекса). На внешней поверхности 56 емкостей (40 % от определяемого комплекса) изображения присутствуют в верхней трети или в бордюрной зоне под венчиком. 84 изделия (60 %) декорированы полностью. При этом плотность нанесения декора в категории полной орнаментации варьировалась между собственно плотным, разреженным и сочетанием

плотного в верхней трети и разреженного по тулову и в придонной части. Кроме того, у 95 сосудов (57 % от всего комплекса) нанесен орнамент на внутренней поверхности в зоне под венчиком, из них на 75 с наплывом (по наплыву; 62 % от группы с наплывами) и 20 емкостях без наплыва (42 % от группы без наплывов). Срез венчика декорирован также у 95 изделий (57 % от всего комплекса).

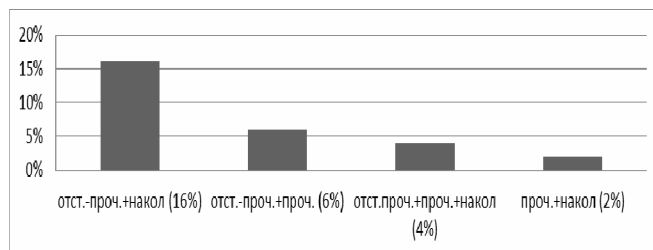

Рис. 15. Соотношение сосудов, орнаментированных в нескольких техниках (группа II).

Fig. 15. The ratio of vessels ornamented in several techniques (group II).

Срез горловины в художественном отношении оформлялся разными элементами. Преобладают насечки (75/79 %) и наколы (12/13 %). Единично присутствуют волнистые линии и зигзаг. Декор на внутренней части сосудов (по наплыву и без него) также представлен несколькими элементами, мотивами из них и простейшими композициями. Доминирует горизонтальная волна (41/43 %). Горизонтальные и наклонные прямые линии, зигзаг встречены в сопоставимых пропорциях (10–14 %), наносились как в одиночном варианте, так и в сгруппированном по два, три элемента. Среди простейших композиций часто встречается сочетание горизонтального зигзага с линией наколов (14/15 %). Меньшую долю составляет группировка волнистой линии и наколов (5/5 %).

Орнаментация внешней поверхности представлена главным образом теми же простыми элементами, образующими мотивы и композиции. Необходимо отметить, что в комплексе встречены сосуды, декор которых выполнен одним элементом (67/40 % от всего комплекса), и емкости, композиции на которых составлены из нескольких простых элементов (86/52 %).

Орнамент из волнистых линий присутствует на 37 сосудах. Наиболее распространенный вариант — мотивы в виде монотонных разреженных горизонтальных элементов по всей поверхности сосуда (12 ед.). Встречаются и такие варианты волнистой орнаментации, как горизонтальная одиночная или сдвоенная линия в бордюрной зоне под венчиком, монотонные плотно нанесенные волнистые линии по всей поверхности, разреженные одиночные волнистые линии по всей поверхности, сдвоенные волнистые линии, разреженно по всей поверхности.

Декор, составленный исключительно из прямых линий, присутствует на 27 сосудах. Наиболее часто встречаемым мотивом в данной группе являются заполняющие поверхность частые горизонтальные линии — 10 изделий. Прямые линии наносились и в виде разреженных горизонтальных пар на всей поверхности сосудов, и в виде групп из двух или трех линий в бордюрной зоне под венчиком и т.д. Наклонные прямые линии составляли пояса в бордюрной зоне или по тулову.

Изображения из зигзагов встречены единично (3 сосуда) и в целом повторяют структуру волнистого декора.

Композиции, построенные на сочетании двух элементов, присутствуют на 85 сосудах (51 % всего комплекса). Наиболее представительной в этом отношении является группа с линейно-волнистым орнаментом — 53 емкости. В таких комбинациях волнистые линии присутствуют в виде горизонтальных или вертикальных разделителей/ограничителей полей, заполненных прямыми линиями. Наиболее частым является нанесение одиночной горизонтальной волнистой линии в бордюрной зоне, а ниже плотного поля — горизонтальных прямых (7 сосудов). Еще одним вариантом построения композиций было плотное расположение прямых линий в верхней трети орнаментального поля, а по тулову и у дна — одиночных горизонтальных волнистых. В нескольких случаях композиции построены на чередовании прямых и волнистых линий или помещении нескольких прямых линий между двумя волнистыми.

Линейно-зигзаговый принцип построения декора зафиксирован на 31 сосуде. Композиции в данной группе составлены аналогичным образом, что и в линейно-волнистой группе (например, несколько прямых линий, заключенных между двумя зигзагами). Единично также встречаются сосуды, на которых орнаментация строится на комбинации трех элементов — несколько прямых линий, ограниченных с одной стороны волной, а с другой — зигзагом.

Отдельную немногочисленную подгруппу сосудов составили изделия с линейно-волнистыми композициями, содержащими геометрические фигуры — треугольные и трапециевидные (8/5 % от всего комплекса; рис. 16).

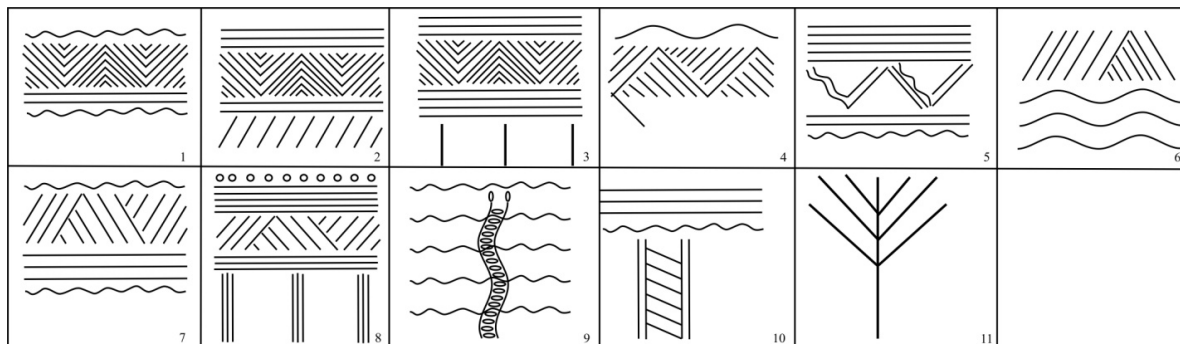

Рис. 16. Схемы усложненных орнаментальных элементов и композиций сосудов группы II.
Fig. 16. Schemes of complicated ornamental elements and compositions of vessels of group II.

Пояса из этих элементов располагались преимущественно в верхней трети емкостей, единично по тулову. Преобладает мотив из чередования разнонаправленных треугольников, заполненных либо взаимопроникающими углами, либо наклонной штриховкой. Трапециевидные фигуры составлялись из разнонаклонных прямых линий.

В комплексе присутствует сосуд с древовидным изображением. На двух емкостях в волнистую и линейно-волнистую схемы вписаны вертикальные «лесенки» (рис. 10, 5). На фрагментах еще двух изделий присутствуют элементы рельефного декора в виде напелов (в одном случае с внутренней стороны, в другом — с внешней). Один является частью сосуда с наплывом на внутренней поверхности (рис. 10, 11). С внешней стороны под краем венчика в линейно-волнистую композицию вписан «жемчужный напел». С трех сторон от него (с боков и снизу) нанесены глубокие ямочные вдавления, от которых вниз опускаются вертикальные прямые линии. Второй фрагмент является частью сосуда со скошенным внутри венчиком (рис. 10, 10). По скосу нанесен двойной горизонтальный зигзаг двузубой палочкой прочерчиванием с легким отступанием. По образованному скосом ребру нанесен горизонтальный ряд слегка вытянутых наколов. В зоне этого ребра помещен «жемчужный напел», внизу которого (если считать от края венчика) выполнено глубокое ямочное вдавление (возможно, сквозное отверстие). По самому напелу нанесены многочисленные мелкие наколы. В целом элемент помещен в треугольную фигуру-фестон и имеет зооморфные очертания.

Определенной особенностью комплекса является и то, что на некоторых сосудах встречается плавное «перетекание» одного элемента в другой (например, волна в прямую линию) или одной техники в другую на одном элементе (о/п-п-н). Кроме того, на трех сосудах зафиксировано включение в общую композицию элементов, вероятно имитирующих «сшивание». Они представлены вертикальными или наклонными линиями (в составе поясов), на концах которых нанесены глубокие ямочные вдавления. Разреженные ямки также отмечены на единичных сосудах по тулову или в бордюрной зоне под венчиком.

Обсуждение и результаты

Представленные выше группы керамики характеризуются следующими основными признаками. *Группа I* — плоскодонные (с наплывом и без), преимущественно толстостенные сосуды баночной и горшечной формы, с открытым или прямым венчиком, вогнутой или прямой шейкой, орнаментом преимущественно в верхней трети и придонной части, а также на внутренней поверхности. В качестве орнамента доминирует стержень с округлым рабочим краем. Декор наносился в технике отступления с прочерчиванием, прочерчивания и накола. На уровне элементов и мотивов преобладает прямая линия. Особенностью орнаментики является высокая доля усложненных композиций с геометрическими фигурами (36 % от орнаментированного комплекса, заштрихованные треугольники, треугольники с подвесками, ромбы, ромбическая сетка, абстрактные фигуры). Другой особенностью является наличие неорнаментированных емкостей (14 % коллекции).

Группа II — округлодонные баночные сосуды, с закрытыми, прямыми и открытыми формами, рельефными особенностями в виде наплывов на внутренней части, воротничков на внешней, а также скосов и карнизов по краям срезов венчиков. Декор присутствует на всех сосудах, преимущественно покрывает всю внешнюю поверхность (60 %). В качестве орнамента главным образом использовался стержень с округлым рабочим краем. Преобладает отступающе-прочерченная техника нанесения изображений. На уровне элементов и мотивов доминирует линейно-волнистый орнамент в виде монотонных горизонтальных прямых или волнистых линий в плотном или разреженном построении. Доля усложненных геометрическими фигурами композиций незначительна (5 %; заштрихованные или заполненные вложенными друг в друга углами треугольники, трапеции). Особенностью также является присутствие сосудов с древовидным изображением, вертикальными элементами — «лесенками», рельефными налечами.

Анализ керамических групп позволил провести их сопоставление с известными в Зауралье комплексами. Группа I демонстрирует основные черты боборыкинской культурной традиции (морфология, орнаментика), аналогичные как выделенным К.В. Сальниковым по материалам эпонимного поселения Боборыкино II, так и представленным в обобщающей монографии В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой «Неолит Среднего Зауралья: боборыкинская культура» [Сальников, 1961а, с. 3–8; с. 1961b, с. 13; Ковалева, Зырянова, 2010, с. 222–254]. Сходство (идентичность!) прослеживается даже на уровне сопоставления отдельных сложных геометрических фигур в составе композиций боборыкинских комплексов горно-лесного и лесостепного Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 238–242] и мергенской коллекции. По мнению исследователей, многие из выделенных сложных сюжетных композиций, в которых присутствуют данные фигуры, придают уникальность, неповторимость боборыкинскому декору. Необходимо добавить, что особенностями представленного комплекса является высокий процент сосудов со сложными геометрическими композициями (36 %), преобладание отступающе-прочерченной техники нанесения орнамента (около 50 % всего орнаментированного комплекса) над прочерченной (36 %) и напольчатой (39 %), а также присутствие в изломах венчиков единичных сосудов канальчиков от сгоревшего шнура.

Группа II по совокупности выделенных признаков идентифицирована как кошкинская. При этом сходство с комплексами основного ареала культурной традиции [Ковалева, Зырянова, 2008, с. 73–113] прослежено на уровне как форм изделий (включая наличие наплывов, скосов, карнизов, воротничков), так и орнамента (доминирование отступающе-прочерченной техники (80 % комплекса), преобладание линейных и волнистых элементов и мотивов (70 %), минимальный процент сложных геометрических фигур (5 %), способы построения композиций, зональность орнамента и т.д.). Наиболее близкие аналогии выделенной группе прослеживаются в материалах поселений бассейнов рек Тобола и Исети (памятники южного берега Андреевского озера (ЮАО V–XV), Кошкино V, Ташково III и др.). Необходимо отметить также присутствие на единичных сосудах комплекса некоторых черт, присущих ранним козловским емкостям Зауралья (слегка вытянутые пропорции, «массивный» характер орнамента, геометризм), что не противоречит тезису о сосуществовании носителей этих традиций на определенном этапе [Мосин, Епимахов, 2018, с. 113].

Изложенные выше факты позволяют констатировать следующее:

- на территории Нижнего Приишимья зафиксирован керамический комплекс раннего неолита (конец VII тыс. до н.э.), идентифицируемый как боборыкинский;

- данная группа посуды, несомненно, входит в круг ранних материалов «плоскодонного неолита», выделяемых исследователями на обширной территории от восточных склонов Урала и Кондинской низменности через бассейн р. Иртыша и до Барабы (сатыгинские, мулымьинские, амнинские, каюковские и комплексы Барабы) [Чаиркина и др., 2020], но в то же время отличается от них наиболее выразительными «боборыкинскими» чертами, что, в свою очередь, ставит вопрос о Нижнем Приишимье (Тоболо-Ишимье?) как территории существования носителей ранней боборыкинской традиции (этап) и ее последующего распространения и трансформации в Зауралье (западный вектор);

- совместное залегание боборыкинской и кошкинской групп посуды в жилищах надежно документирует не только их синхронность в раннем неолите, но и факт контактов и проживания в рамках одного социума носителей этих культурных традиций;

- выделенные группы сосудов на уровне морфологии и орнамента предстают в сформировавшемся, целостном состоянии, что свидетельствует именно о сосуществовании двух культурных групп на поселении, а не о трансформации одной традиции в другую.

Заключение

Анализ представленных комплексов мергенской коллекции позволил вновь поднять вопрос о культурно-хронологических позициях боборыкинских и кошкинских комплексов Зауралья и сопредельных территорий Западной Сибири, наметить, в свете появления новых данных (корпус ранних дат, факт сосуществования и т.д.), направления значительной корректировки предложенных ранее схем формирования и развития этих культурных традиций. Кроме того, выявление факта сосуществования носителей двух традиций в рамках одного социума позволяет наметить и пути возможного объяснения «многообразия» боборыкинской посуды именно через призму контактов носителей разных культурных традиций.

Исследователи уже отмечали присутствие кошкинских черт в боборыкинских комплексах. Е.Н. Волков, характеризуя боборыкинскую коллекцию поселения Двухозерное-1 (слияние Тобола и Исети) указывал, что «значительная часть посуды поселения декорирована по орнаментальным канонам, присущим в большей мере кошкинским, нежели боборыкинским древностям... В то же время основная часть керамической коллекции памятника орнаментирована в типично боборыкинском стиле... Некоторые «кошкинские» черты на керамике, по всей видимости, следует рассматривать сквозь призму генетической близости кошкинских и боборыкинских древностей, причину которой, однако, предстоит объяснить» [2001, с. 21]. А.Ф. Шорин и А.А. Шорина высказали предположение о важнейшей роли кошкинских и, вероятно, козловских древностей в формировании басьяновских как «лесного варианта боборыкинской культуры» (поздний неолит) [2020, с. 51]. Кроме того, на присутствие признаков связей боборыкинского населения со степным кругом культур в лице носителей маханджарской традиции в материалах поселений бассейна Тобола обращает внимание Е.С. Яковлева, а по мнению И.В. Шевниной, маханджарские сосуды поселения Бестамак «имеют прямые аналогии с басьяновско-боборыкинской традицией» [2019, с. 164–165; 2018, с. 72].

Таким образом, тезис о закрытости боборыкинских коллективов (как мигрантов) как для раннего, так и для позднего этапа неолита представляется несостоятельным. Контакты и связи с носителями различных традиций, различных территорий и ландшафтных зон имели, судя по всему, в том числе семейно-брачный характер, что закономерно находило отражение в появлении синкретичных керамических комплексов. Не являются исключением в этом отношении и материалы поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье, о чем речь пойдет в последующей статье, где будут представлены группы сосудов III и IV.

Финансирование. Исследование выполнено по госзаданию, проект № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В. Хроностратиграфия памятников «плоскодонного» неолита Западной Сибири // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 150–163. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-150-163>
- Волков Е.Н. Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное-1 // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 12–25.
- Еньшин Д.Н. К вопросу о хронологических позициях боборыкинских и кошкинских комплексов в Нижнем Приишимье (по материалам поселения Мергень-6) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 203–215. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-203-215>
- Зах В.А. Появление керамики в Западной Сибири: (К обсуждению проблемы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 20–31. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-020-031>
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАН. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 73–113.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. 308 с.
- Мосин В.С. Сравнительная хронология зауральского неолита: лес-степь // XXI Уральское археологическое совещание: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 57–59.
- Мосин В.С., Епимахов А.В. Радиоуглеродная хронология раннего неолита Зауралья: Пространственный аспект // УИВ. 2018. № 3 (60). С. 108–114. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-3\(60\)-108-114](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-3(60)-108-114)
- Сальников К.В. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // КСИА. 1961а. № 85. С. 3–10.
- Сальников К.В. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья // СА. 1961б. № 2. С. 37–48.
- Цетлин Ю.Б. Керамика: Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

Чацкина Н.М., Беспрозванный Е.М., Молодин В.И. Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите Зауралья и Западной Сибири: современное состояние проблем изучения // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 34–43. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-34-43>

Шевнина И.В. Керамический концерт маханджарской культуры в системе неолитических древностей Евразийских степей // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 4. С. 63–74.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии // Stratum plus. 2020. № 2. С. 31–56.

Яковлева Е.С. Следы маханджарской культуры в лесостепном Притоболье // Самар. науч. вестник. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 158–166. <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-13208>

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafflidason H., Hajdas I., Hatt'e C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., & van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. 2013. 55 (4). 1869–1887.

Enshin D.N.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

Neolithic ceramic complex of the settlement of Mergen 6 in the Lower Ishim (groups I and II): characteristics and interpretation

The article discusses a ceramic complex (groups I and II) of the early Neolithic settlement of Mergen 6 (Lower Ishim River region, Western Siberia, 7th millennium BC). The aim of the work is to analyze the materials from the perspective of the cultural and chronological correlation of the Boborykino and Koshkino antiquities of the Trans-Urals. The research is based on the elements of the historical-cultural and formal-classification approaches. The source base consists of 236 vessels. As a result of the analysis carried out in several stages (morphology of the vessels, tool and technique for applying ornamentation, structural components of the decor, nature of the system organization of the ornamental components, relationship of the image components with the structure of the vessels' shape), it was found that the products of group I correspond to the Boborykino cultural tradition, and group II — to the Koshkino. The simultaneous occurrence of these vessels made it possible to speak of the coexistence within the same society of representatives of the traditions of their manufacture. On this basis, there has been proposed a clarification of several positions regarding the pattern of the cultural and chronological development of the Boborykino antiquities in the Trans-Urals. The emergence of an early flat-bottomed ceramic complex in the River Ishim region allows it to be included in the range of materials of a similar appearance (Satyginsky, Mulyminsky, Amninsky, Kayukovsky, Barabinsky) identified in the mountain-forest Trans-Urals, Kondinsky lowlands, Irtysh River region and Baraba. Identification of the Mergen vessels of group I as belonging to the Boborykino Culture, dating from the Early Neolithic, makes it possible to pose the question of identifying the early phase of the antiquities of this cultural group. Location of the Koshkino and Boborykino groups of vessels in the same sites attests to the coexistence and contacts of the two traditions and their mutual influence.

Keywords: Early Neolithic, Western Siberia, Lower Ishim River Region, Mergen 6, ceramic complex, Boborykino culture, Koshkino Culture.

Funding. The research was carried out on the basis of the state assignment, the project No. 121041600045-8.

REFERENCES

Bobrov, V.V. (2020). The Issue of Western Siberia's "Flat-Bottomed" Neolithic Research (Chrono-Stratigraphic Aspect). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, 19(7), 150–163. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-150-163>

Chairkina, N.M., Besprozvannyi, E.M., Molodin, V.I. (2020). The Complexes with Flat-Bottomed Ceramics in the Neolithic of the Urals and Western Siberia: Current State of the Problems of Study. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, 19(7), 34–43. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-34-43>

Enshin, D.N. (2020). The Chronological Positions of the Boborykino and Koshkino Complexes in the Lower Ishim River Region (Based on Materials of the Mergen-6 Settlement). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, 19(7), 203–215. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-203-215>

Kovaleva, V.T., Zyryanova, S.Yu. (2008). Historiography and an overview of the main sites of the Koshkino culture in the Middle Urals. *Voprosy arkheologii Urala*, (25), 73–113. (Rus.).

Kovaleva, V.T., Zyryanova, S.Yu. (2010). *The Neolithic Period of the Middle Urals: Boborykino culture*. Ekaterinburg: Uchebnaia kniga. (Rus.).

Mosin, V.S. (2018). Comparative chronology of the Trans-Ural Neolithic: forest-steppe. In: A.A. Vybornov (Ed.). *XXI Ural'skoe arkhеologicheskoe soveshchanie: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Samara: Samarskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet, 57–59. (Rus.).

Mosin, V.S., Epimakhov, A.V. (2018). Radiocarbon chronology of the Trans-Urals neolithic: spatial aspect. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 60(3), 108–114. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-3\(60\)-108-114](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-3(60)-108-114)

Reimer, P.J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J.W., Blackwell, P.G., Bronk Ramsey, C., Grootes, P.M., Guilderson, T.P., Hafliðason, H., Hajdas, I., Hatt'e, C., Heaton, T.J., Hoffmann, D.L., Hogg, A.G., Hughen, K.A., Kaiser, K.F., Kromer, B., Manning, S.W., Niu, M., Reimer, R.W., Richards, D.A., Scott, E.M., Southon, J.R., Staff, R.A., Turney, C.S.M., & van der Plicht, J. (2013). IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. *Radiocarbon*, 55(4), 1869–1887.

Sal'nikov, K.V. (1961a). A New Variant of the Early Bronze Culture of the Trans-Urals. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhеologii*, (85), 3–10. (Rus.).

Sal'nikov, K.V. (1961b). Experience in the classification of ceramics of the forest-steppe Trans-Urals. *Sovetskaya arkhеologiya*, (2), 37–42. (Rus.).

Shorin, A.F., Shorina, A.A. (2020). Neolithic Trans-Ural Migrations in the Light of Radiocarbon Chronology. *Stratum plus*, (2), 31–56. (Rus.).

Tsetlin, Iu.B. (2017). *Ceramics: Concepts and Definitions of the Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: Institut Arkhеologii Rossiiskoi Akademii Nauk. (Rus.).

Volkov, E.N. (2001). Complex of Boborykino of the settlement of Dvuhozernoe-1. In: *Problemy izucheniia neolita Zapadnoi Sibiri*. Tiumen': Institut problem osvoeniia Severa SO RAN, 12–25. (Rus.).

Yakovleva, E.S. (2019). Traces of Mahanjar culture in the forest-steppe Tobol region. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 28(3), 158–166. (Rus.). <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-13208>

Zakh, V.A. (2009). *Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the forest Tobol-Ishim basin*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zakh, V.A. (2018). Origin of pottery in Western Siberia (to the discussion of the problem). *Vestnik arkhеologii, antropologii i etnografii*, 43(4), 20–31. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-020-031>

Еньшин Д.Н., <https://orcid.org/0000-0001-6970-2359>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Кирюшин К.Ю.^a, Кирюшин Ю.Ф.^a, Солодовников К.Н.^{b,*}, Фролов Я.В.^a,
Шапетько Е.В.^a, Шмидт А.В.^c

^a Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049

^b ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

^c Музей природы и человека, ул. Мира, 11, Ханты-Мансийск, 628011

E-mail: kirill-kirushin@mail.ru (Кирюшин К.Ю.); yf-kiryushin@mail.ru (Кирюшин Ю.Ф.);

solodk@list.ru (Солодовников К.Н.); frolov_jar@mail.ru (Фролов Я.В.);

shapetko69@mail.ru (Шапетько Е.В.); tison172@mail.ru (Шмидт А.В.)

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ РАННИХ ПОГРЕБЕНИЙ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ФИРСОВО-ХІ (БАРНАУЛЬСКОЕ ПРИОБЬЕ)

Рассматриваются вопросы абсолютной и относительной хронологии ранних погребений могильника Фирсово-ХІ на правом берегу Верхней Оби. Приводятся описание четырех погребений памятника и результаты их AMS-датирования, рассматриваются культурно-хронологические аналогии среди синхронных памятников Алтая. Сделан вывод, что ранние погребения могильника Фирсово-ХІ относятся к финальному мезолиту — неолиту, пересмотрено мнение об энеолитическом возрасте его ранних погребений.

Ключевые слова: *грунтовый могильник, финальный мезолит, погребение неолита, культурно-хронологические маркеры.*

Введение

Вопрос о хронологии и периодизации могильников неолита — энеолита Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая (Усть-Иша, Большой Мыс (Иткуль), Костенкова Избушка, Солонцы-5) дискутируется по мере появления новых материалов или результатов радиоуглеродного датирования [Зах., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015; Кунгурова, 2005; Молодин, 1977]. Сложившаяся ситуация имеет целый комплекс причин как объективного характера (слабая изученность огромных территорий и как следствие недостаточное количество фактического материала; небольшое количество радиоуглеродных дат и т.д.), так и субъективного (различные подходы к определениям терминов «неолит», «энеолит», «ранний металл», «археологическая культура» и т.д.). Можно согласиться с исследователями, что древнейшим захоронениям Верхнего Приобья свойственны традиционность и консервативность, что приводит к идентичности погребений неолита и энеолита [Марочкин, 2014, с. 8].

Существующие проблемы во многом связаны с тем, что в этих погребениях отсутствует такой важный этнокультурный и хронологический индикатор, как керамика. Проблема выделения культурно-хронологических маркеров для погребений неолита и энеолита, а также отдельных этапов неолита является крайне актуальной для рассматриваемой территории.

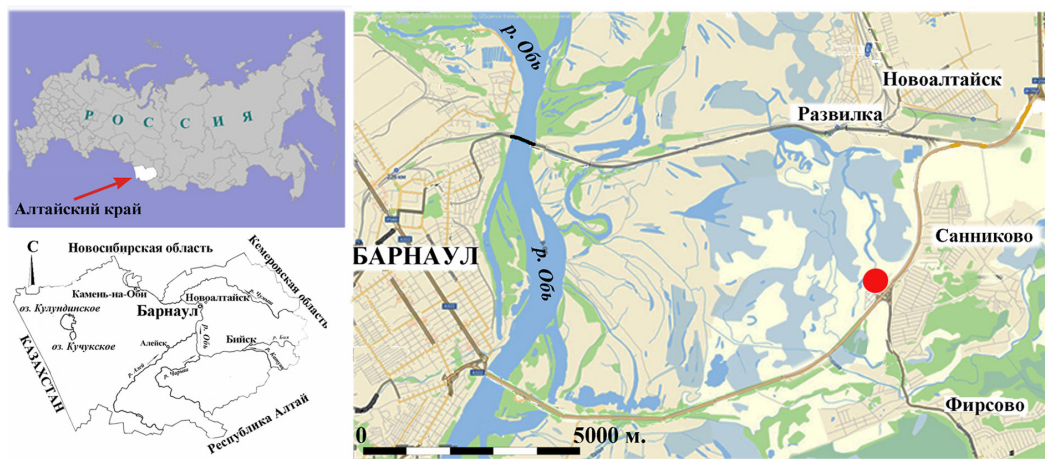
Новые результаты AMS-датирования ранних погребений грунтового могильника Фирсово-ХІ (далее — ГМ Фирсово-ХІ) позволяют продвинуться в решении обозначенных проблем.

Основная часть

ГМ Фирсово-ХІ находится на Обском правом берегу напротив г. Барнаула. Обское правобережье в данном месте представляет собой широкую (до 7 км) заболоченную пойму с множеством стариц и старичных озер, которые перемежаются с гривами и буграми — останцами коренного берега. Окружающая растительность луговая с зарослями кустарниковых ив, осин и берез. При паводках вода в р. Оби поднимается на 1,5–3,0 м, почти полностью затапливая пойму и вплотную подступая к коренному берегу, на котором находится памятник.

* Corresponding author.

К вопросу об относительной и абсолютной хронологии ранних погребений грунтового могильника...

● - грунтовый могильник Фирсово-ХІ

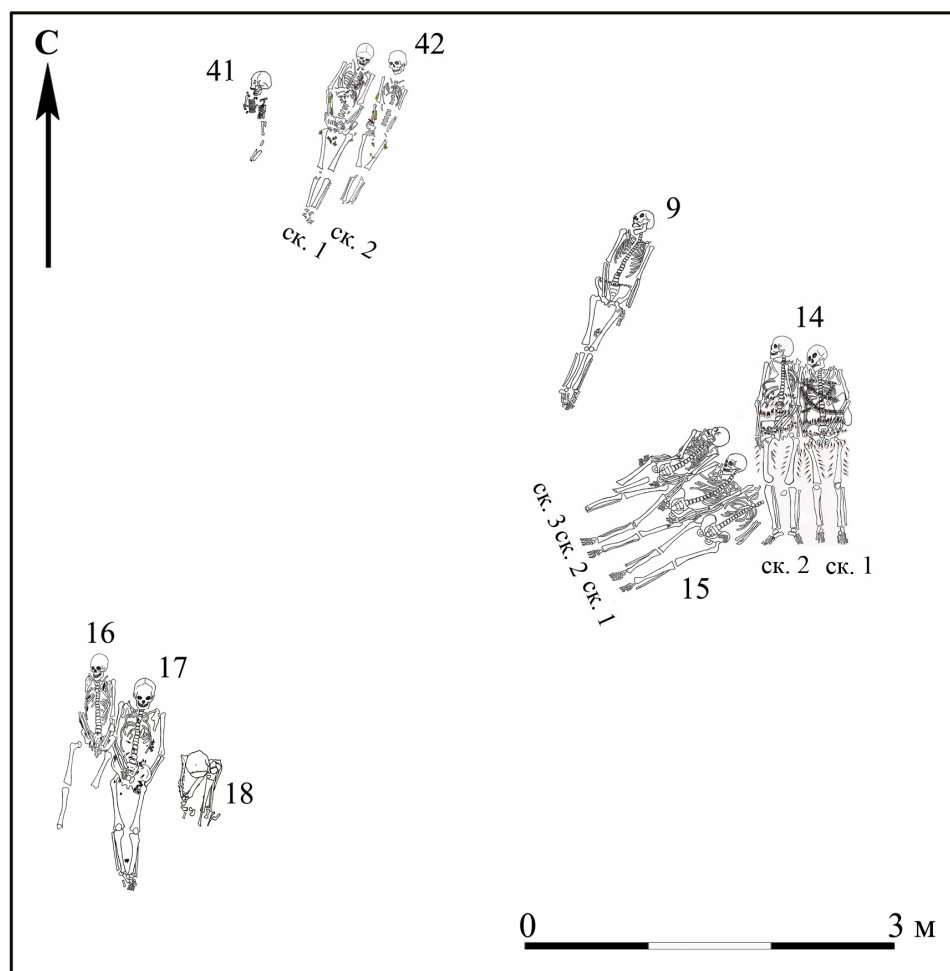

Рис. 1. Расположение грунтового могильника Фирсово-ХІ и план-схема его ранних погребений.

Fig. 1. Location of the Firsovo-XI burial ground and a scheme of its early burials.

На памятнике Фирсово-ХІ обнаружено восемь погребений, которые первоначально были отнесены к большемысской культуре эпохи энеолита [Кирюшин, 2002]. Они включали пять оди-

ночных могил, два парных и одно коллективное захоронение. Погребения сгруппированы в два ряда в направлении северо-запад — юго-восток. Погребенные ориентированы головой на север и северо-восток. Глубина могил составила от 0,4 до 1,7 м. В данной работе рассмотрены материалы четырех погребений, по которым получены радиоуглеродные даты.

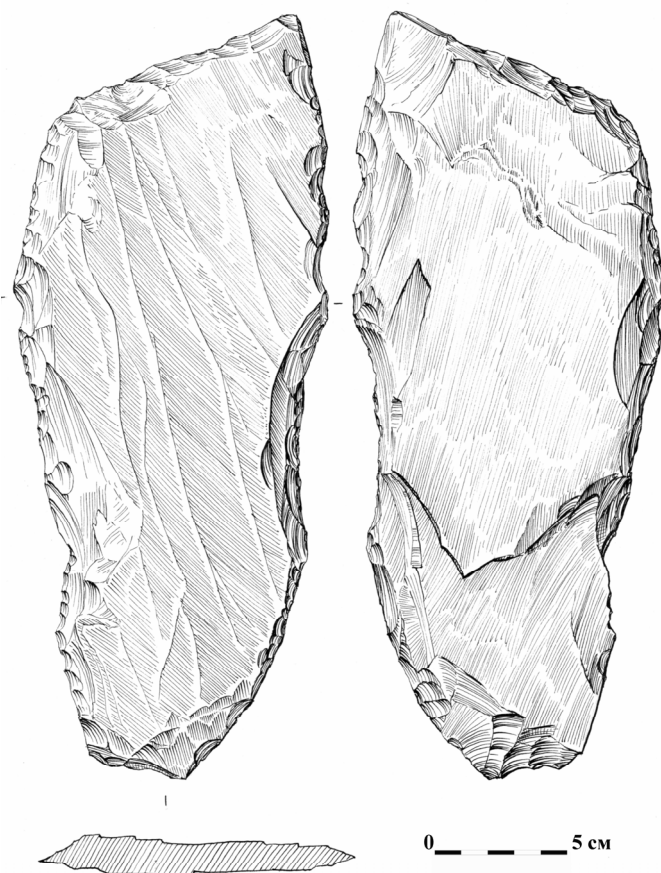

Рис. 2. Грунтовый могильник Фирсово-XI, могила № 14. Орудие на плитке кремнистого сланца.

Fig. 2. Burial ground Firsovo-XI, grave No. 14. A tool on a silicified shale.

Могила № 14 (рис. 1, 1). Самое богатое захоронение данного некрополя. Погребение частично нарушило захоронение № 15. Могильное пятно не читалось. На глубине 0,8 м от современной поверхности обнаружены останки двух человек, уложенных «плечом к плечу»: скелет 1 — мужчина (20–30 лет); скелет 2 — предположительно молодая женщина, в возрасте 18–20 лет.

Усопшие погребены в позе вытянуто на спине, головой на север. В обоих случаях правая рука лежала вдоль туловища ладонью вниз, левая уложена поверх тазовых костей ладонью вверх. Сопроводительный инвентарь представлен многочисленными костяными и каменными изделиями (рис. 3, 1–20).

Скелет 1. Каменные артефакты представлены крупным каменным изделием, выполненным на плитке черного сланца (рис. 2); шлифованным ножом из зеленого глинистого песчаника (рис. 3, 1); небольшим шлифованным топориком из зеленого глинистого песчаника (рис. 3, 2); медиальным фрагментом каменного шлифованного ножа из зеленого глинистого песчаника (рис. 3, 5); камнем со следами грубой оббивки; четырьмя отщепами с ретушью из зеленого глинистого песчаника (рис. 3, 3, 4). Костяные и роговые изделия представлены заготовками орудий (рис. 3, 8, 9), осколками трубчатых костей (рис. 3, 6, 7, 11) и тремя остриями (рис. 3, 10, 12, 13).

Скелет 2. Каменные артефакты представлены камнем со следами первичной оббивки (его нет — утерян); отщепом с ретушью из черно-зеленого сланца (рис. 3, 16); зубчато-выемчатым орудием из серого кварцитовидного сливного песчаника (рис. 3, 17); сегментовидным скребком из темно-зеленой яшмы (рис. 3, 15); овальным скребком на отщепе из серого кварцитовидного песчаника (рис. 3, 14). Костяные и роговые изделия — обломок орудия (рис. 3, 18) и два острия (рис. 3, 19, 20).

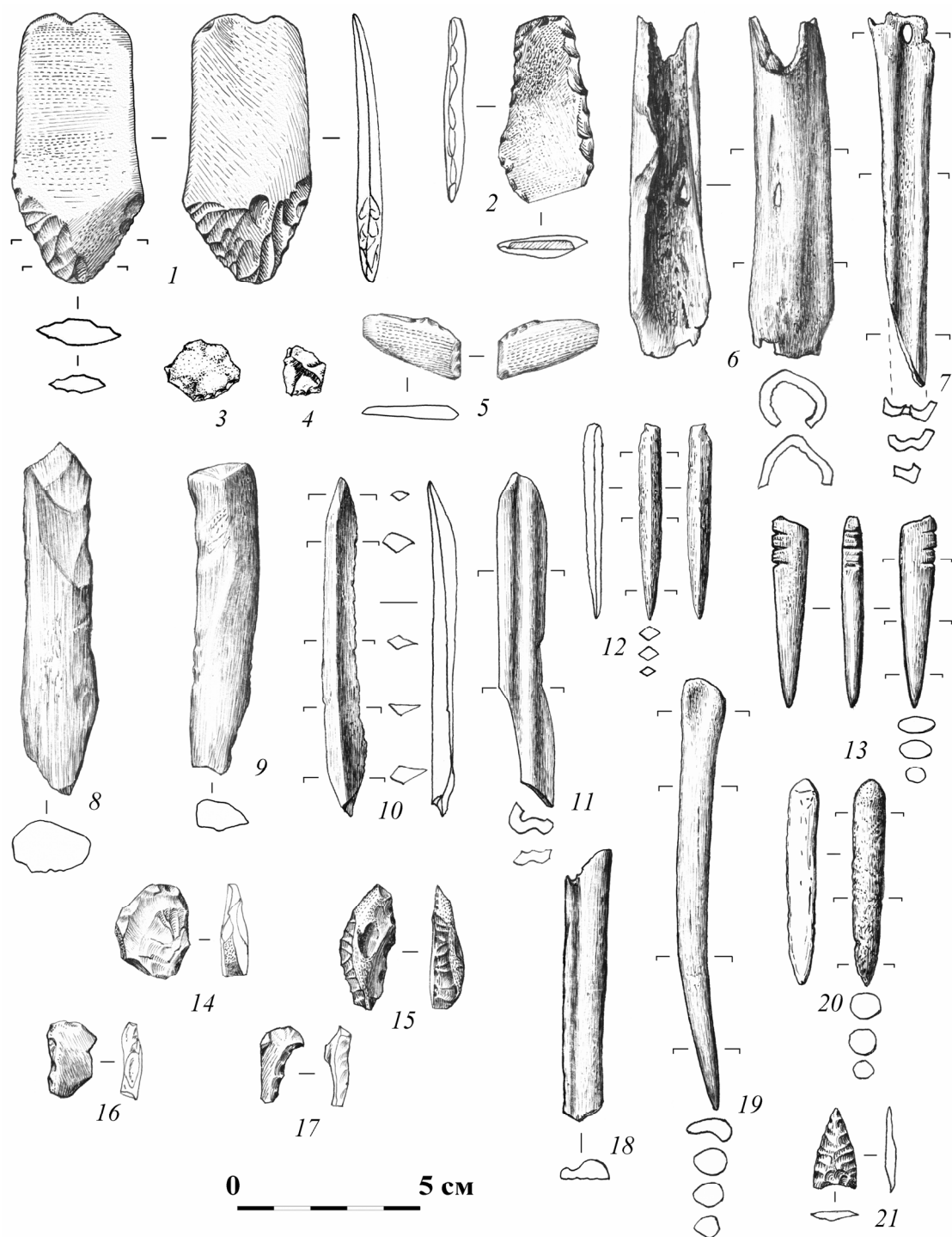

Рис. 3. Грунтовой могильник Фирсово-XI: 1–13 — могила № 14, скелет 1; 14–20 — могила № 14, скелет 2; 21 — могила № 15 (1–5, 14–17, 21 — камень; 6–7, 10–13, 18, 19 — кость; 8, 9 — рог);

1 — шлифованный нож; 2 — шлифованный топорик; 3, 4 — отщепы с ретушью; 5 — фрагмент шлифованного ножа; 6 — фрагмент трубчатой кости; 7–9, 11 — заготовка орудия; 10, 12, 13, 19–20 — острие; 14, 15 — скребок; 16 — отщеп с ретушью; 17 — зубчато-выемчатое орудие; 18 — обломок костяного орудия; 21 — наконечник стрелы.

Fig. 3. Firsovo-XI burial ground: 1–13 — grave No. 14, a skeleton 1; 14–20 — grave No. 14, a skeleton 2; 21 — grave No. 15 (1–5, 14–17, 21 — a stone; 6, 7, 10–13, 18, 19 — a bone; 8, 9 — a horn);

1 — a polished knife; 2 — a polished hatchet; 3, 4 — retouched flakes; 5 — a fragment of a ground knife; 6 — a fragment of a tubular bone; 7–9, 11 — a tool blank; 10, 12, 13, 19–20 — a spearhead; 14, 15 — a scraper; 16 — a retouched flake; 17 — a notched tool; 18 — a fragment of a bone tool; 21 — an arrowhead.

Нашивки, выполненные из просверленных в корне зубов животных и сгруппированные в ожерелья, покрывали большую часть скелетов [Шмидт, Шамшин, 2018]. На скелете 1 расчищено 12 ожерелий из 20 моляров и премоляров медведя (рис. 4, 1); 18 моляров и премоляров (рис. 4, 3, 4) и 36 резцов (рис. 4, 5, 6) волка, 97 резцов лося (рис. 4, 7–9), три — из коренных зубов бобра, четыре подвески изготовлены из зубов лошади (?) или кулана (?) (рис. 4, 10В). Исходные заготовки сильно модифицированы (рис. 4, 10В), и точное видовое определение животного невозможно. На скелете 2 обнаружено девять ожерелий из 21 резца волка, 50 резцов лося и 19 моляров и премоляров медведя (рис. 4, 2).

Рис. 4. Грунтовый могильник Фирсово-XI:

1, 3–9, 10А, 10В — могила № 14 скелет 1; 2 — могила № 14 скелет 2; 10Б, 11, 12 — могила № 17: 1, 2 — премоляры медведя; 3, 4 — премоляры волка; 5, 6 — резцы волка; 7–9, 10А — резцы лося; 10Б, 10В, 11, 12 — резцы лошадиных.

Fig. 4. Firsovo-XI burial ground, grave No. 14: 1–13 — animal teeth.

Могильное пятно погребения № 15 не читалось (рис. 1, 1). На глубине 0,8 м от современной поверхности исследовано коллективное погребение трех возрастных мужчин (от 45 до 65 лет), уложенных вытянуто на спине, головой на северо-восток-восток. Погребение частично разрушено захоронением № 14. Анатомический порядок костей скелетов 1 и 3 был нарушен, что может свидетельствовать о вторичном захоронении [Шмидт, Солодовников, 2019, с. 388–389]. Сопроводительный инвентарь погребения № 15 представлен всего одним каменным наконечником стрелы, обнаруженным на левой бедренной кости скелета 2. Изделие треугольных очертаний, с выемкой в основании (рис. 3, 21).

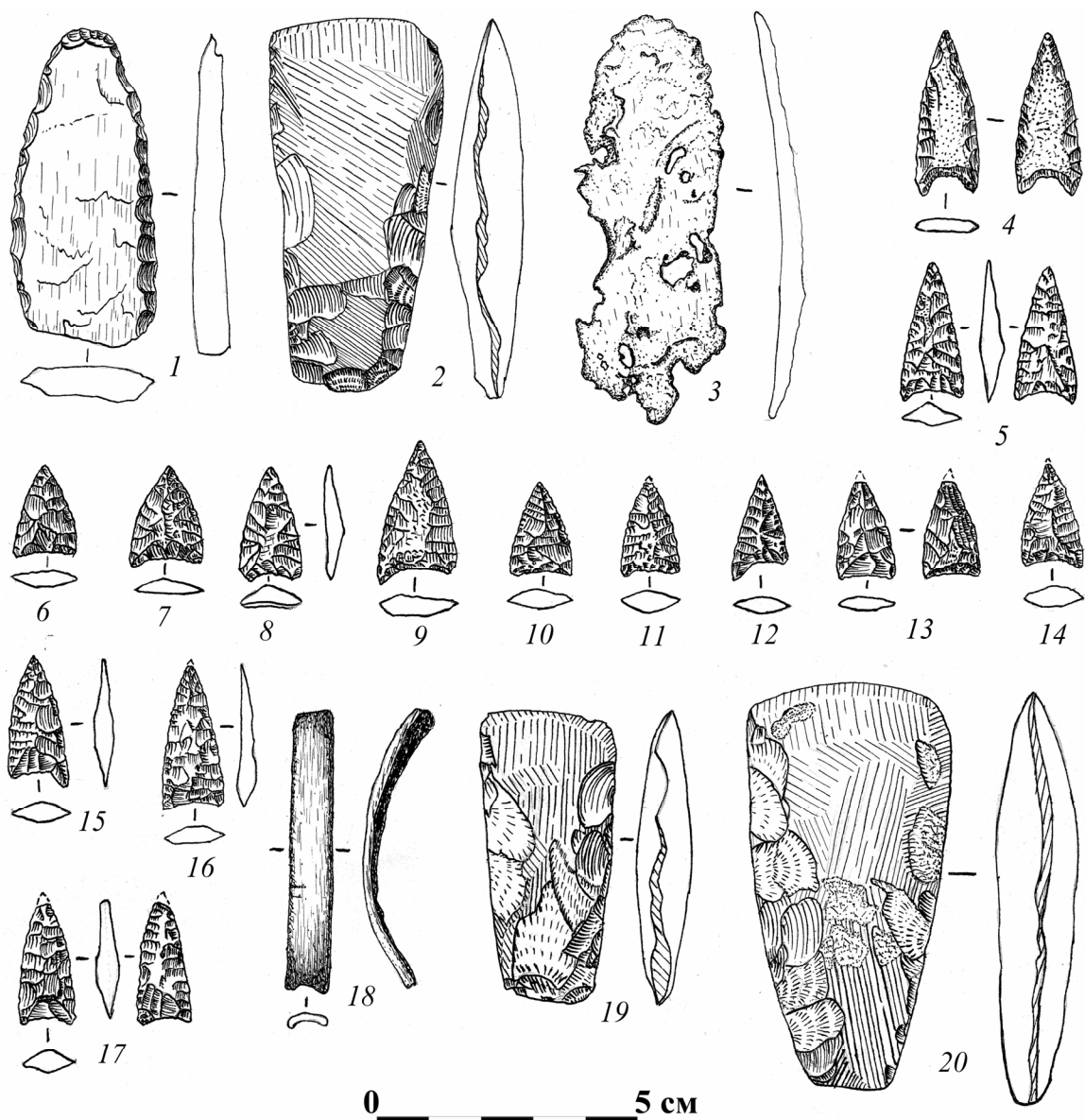

Рис. 5. Грунтовой могильник Фирсово-XI:

1–9 — могила № 42, скелет 1; 10–20 — могила № 42, скелет 2

(1, 2, 4–17, 19, 20 — камень; 3 — кость; 18 — резец бобра);

1 — нож на плитке кремнистого сланца; 2, 19, 20 — топорик; 3 — костяная пластина;

4–17 — наконечник стрелы; 18 — браслет из резца бобра.

Fig. 5. Firsovo-XI burial ground:

1–9 — grave No. 42, a skeleton 1; 10–20 — grave No. 42, a skeleton 2

(1, 2, 4–17, 19, 20 — a stone; 3 — a bone; 18 — a beaver incisor);

1 — a knife on a silicified shale; 2, 19, 20 — a hatchet; 3 — a bone slab; 4–17 — an arrowhead; 18 — a beaver incisors bracelet.

Могила 18 занимает крайнее юго-восточное положение во втором ряду (рис. 2). Умерший (мужчина 35–45 лет) был помещен в могиле в сидячем положении. Его череп находился на глубине 0,5 м от современной поверхности. Дно погребения расчищено на уровне -1,0 м. Спина умершего обращена на север. Ноги согнуты в коленях и завалены на левую сторону. Тело откинуто назад. Голова лежала затылочной костью вверх, таким образом, что было видно отверстие в основании черепа. Руки согнуты в локтях, при этом левое предплечье покоилось на животе, а правое было вытянуто вдоль стенки могилы кистью по направлению к стопам. Сопроводительный инвентарь представлен одной микролитической пластиной, найденной возле левой руки усопшего. Погребение обильно посыпано охрой.

В ходе расчистки могилы № 42 на глубине 0,7 м выявлены останки двух человек, ориентированных на северо-северо-восток (рис. 1, 1). Скелет 1 принадлежал мужчине зрелого возраста — 45–55 лет. Погребенный лежал вытянуто на спине. Руки вытянуты, предплечья уложены поверх тазовых костей. Колени сведены вместе. Сопроводительный инвентарь представлен каменными изделиями: ножом, выполненным на плитке черно-зеленого кремнистого сланца (рис. 5, 1), шлифованным топором (рис. 5, 2) и шестью наконечниками стрел (рис. 5, 4–9).

На нижних ребрах, возле дистального эпифиза левой плечевой кости, найдена костяная пластина. Сохранность изделия плохая. Локальные разрушения имеют сквозной характер. Видимо, изначально пластина была больше. Длина сохранившейся части составляет 78 мм, ширина достигает 26 мм, толщина — 4 мм.

В верхней части скелета расчищены нашивки на одежду (пять ожерелий из 59 резцов, одного премоляра и одного клыка волка).

Скелет 2 принадлежал, женщине (?) в возрасте 40–50 лет, которая была захоронена вытянуто на спине. Руки вытянуты, предплечья уложены поверх тазовых костей. Сопроводительный инвентарь представлен изделиями из камня (восемь наконечников стрел и два каменных топорика) (рис. 5, 10–17, 19, 20) и браслетом, выполненным из расщепленного резца крупного бобра (рис. 5, 18).

Результаты радиоуглеродного датирования ранних погребений ГМ Фирсово-XI

Следует признать, что из четырех рассматриваемых погребений два дают крайне ограниченный материал для сравнительно-типологического анализа. В погребении № 15 сопроводительный инвентарь представлен каменным наконечником стрелы, а в могиле № 18 — ножевидной пластиной. Аналоги этим изделиям имеют настолько широкое территориальное распространение и хронологические рамки, что использование метода датированных аналогий теряет смысл.

Сопроводительный инвентарь в могилах № 14 и 42 более представительен (рис. 2–5), хотя и в этом случае аналоги скребкам (рис. 3, 14, 15), отщепам (рис. 3, 3, 4, 16) и топорикам (рис. 5, 2, 19, 20) широко территориально и хронологически распространены. Заготовки изделий из кости (так же как и обломки костей) типологически не выражены. Традиция помещения в могилу фрагментов костей животных и птиц широко бытовала на территории Северной Евразии в неолите и энеолите. Приходится констатировать, что решение вопросов относительной и абсолютной хронологии исследуемых комплексов невозможно без использования радиоуглеродного датирования.

Радиоуглеродные даты образцов из погребений финального мезолита и раннего неолита грунтовых могильников Фирсово-XI и Большой Мыс (Иткуль)

Radiocarbon dates of samples from the final Mesolithic and Early Neolithic burials of the Firsovo-XI and Bolshoi Mys (Itkul) burial grounds

Объект	Метод датирования	Код образца	Радиоуглеродный возраст, л.н.	Календарная дата, гг. до н.э.		Лаборатория исследования
				1σ	2σ	
ГМ Фирсово-XI, мог. № 15, скелет 1	AMS	GV-02888	6723 ± 68	5712–5566	5734–5484	ЦКП УМС НГУ–ННЦ
ГМ Фирсово-XI, мог. № 15, скелет 3	AMS	UBA-22954	6684 ± 39	5641–5558	5702–5485	14Хроно Центр
ГМ Фирсово-XI, мог. № 42	AMS	GV-02890	6534 ± 72	5609–5390	5623–5363	ЦКП УМС НГУ–ННЦ
ГМ Фирсово-XI, мог. № 14, скелет 1	AMS	GV-02887	7222 ± 82	6218–6014	6330–5913	ЦКП УМС НГУ–ННЦ
ГМ Фирсово-XI, мог. № 18	AMS	GV-02889	9106 ± 80	8429–8246	8561–8016	ЦКП УМС НГУ–ННЦ
ГМ Большой Мыс (Иткуль), мог. № 1	AMS	UBA-22950	6470 ± 40	5477–5381	5513–5331	14Хроно Центр
ГМ Большой Мыс (Иткуль), мог. № 13	AMS	UBA-22951	6577 ± 35	5553–5480	5617–5477	14Хроно Центр
ГМ Большой Мыс (Иткуль), мог. № 2	LCD	COAH-5604	5890 ± 145	4939–4554	5208–4447	ИГМ СО РАН
ГМ Большой Мыс (Иткуль), мог. № 4	LCD	COAH-5603	5930 ± 135	4996–4617	5208–4498	ИГМ СО РАН

По ранним погребениям Фирсово-XI имеется серия из пяти радиоуглеродных дат, полученных в двух разных лабораториях. Для определения календарного возраста проведена калиб-

К вопросу об относительной и абсолютной хронологии ранних погребений грунтового могильника...

ровка всех ^{14}C -дат с помощью OxCal версии 4.4 с использованием калибровочной кривой INT-CAL20 [Reimer et al., 2020].

В Центре коллективного пользования научным оборудованием «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ–ННЦ» (ЦКП УМС НГУ–ННЦ) получена серия из четырех дат (табл.). Определение радиоуглеродного возраста образцов проводилось на установке «УМС ИЯФ СО РАН». Все определения выполнены по костям человека, во всех случаях образцом для датирования послужили фрагменты локтевой кости.

По фрагменту кости от скелета № 3 из могилы № 15 получена радиоуглеродная дата 6684 ± 39 л.н. (UBA-22954) (определение выполнено в 14Хроно Центре по изучению климата, окружающей среды и хронологии королевского университета в Белфасте (Великобритания); далее — 14Хроно Центр) [Matuzeviciute et al., 2016, Table 1].

По фрагменту локтевой кости от скелета человека из могилы № 18 ГМ Фирсово-ХІ в ЦКП УМС НГУ–ННЦ получена дата 9106 ± 80 л.н. (GV-02889) Определение календарного возраста дает следующие результаты: по 1σ 8440–8240 до н.э. и по 2σ 8600–8200 до н.э. (табл.). Таким образом, радиоуглеродный возраст погребения № 18 ГМ Фирсово-ХІ определяется концом VII тыс. до н.э., а календарный возраст — серединой — 2-й половиной IX тыс. до н.э. (табл.). Судя по полученным результатам это погребение относится к эпохе мезолита и является одним из наиболее ранних голоценовых погребений на территории нашей страны и ближнего зарубежья.

Три из четырех дат для могил № 14, 15 и 42 дали практически одинаковые результаты: 6723 ± 68 л.н. (GV-02888), 6684 ± 39 л.н. (UBA-22954), 6534 ± 72 л.н. (GV-02890). Четвертая дата — 7222 ± 82 л.н. (GV-02887) «выпадает» из общего ряда и входит в противоречие с планиграфическими и стратиграфическими наблюдениями, сделанными в процессе раскопок (могила № 14 перерезает часть могилы № 15 и, следовательно, должна датироваться более поздним временем). Представительный вещевой комплекс, обнаруженный в могиле № 14 [Шмидт, Шамшин, 2018, с. 60–62], не оставляет сомнений в культурном тождестве его с погребениями № 16, 17, 41 и 42. На данном этапе исследования представляется, что дата 7222 ± 82 л.н. (GV-02887) несколько «удревнена». Это может быть связано с особенностями рациона питания погребенного (следствие резервуарного эффекта). Можно сделать вывод, что рассматриваемые погребения относятся к неолиту и их радиоуглеродный возраст — середина V тыс. до н.э., а календарный — середина VI тыс. до н.э. (табл.). Таким образом, указанные погребения относятся к числу наиболее ранних среди неолитических могильников Алтая.

На данном этапе исследования можно предварительно заключить, что на одном сакральном пространстве локализованы существенно различные по культурно-хронологическим признакам погребения финального мезолита и неолита.

Обсуждение результатов исследования

В погребениях ГМ Фирсово-ХІ встречены изделия на плитках кремнистого сланца (рис. 5, 1). Особенно выразительно крупное каменное изделие, выполненное на плитке черного сланца (рис. 2) из могилы № 14 (скелет 1). Орудие по всему периметру обработано нерегулярной разнофасеточной ретушью. По морфологическим признакам это изделие идентично ножам-бифасам, обнаруженным в погребениях № 16 и 42 (рис. 5, 1). Трасологические исследования артефакта не выявили на нем следов использования (определения П.В. Волкова). Каменный нож, выполненный на плитке черно-зеленого кремнистого сланца, из могилы № 42 по своей форме напоминает асимметричный вытянутый овал, длинные кромки которого являются сходящимися режущими гранями (рис. 5, 1). Лезвия орудия оформлены по краю бифасиальной разнофасеточной ретушью.

Каменный нож, выполненный на плитке черно-зеленого кремнистого сланца, найденный в могиле № 42 (скелет 1), морфологически очень близок к каменному ножу на плитке кремнистого сланца из горизонта 4А поселения Тыткескень-II [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 50, рис. 58, 3]. Эти два изделия имеют схожие размеры (длина, ширина, толщина), близки по способам вторичной обработки, изготовлены из близких или даже идентичных по свойствам пород камня. Ножи на плитках кремнистого сланца из могилы № 14 (скелет 1) (рис. 5, 1) и могилы № 16 также находят аналогии в материалах шестого горизонта (ранний неолит) поселения Тыткескень-II. Для шестого культурного горизонта поселения Тыткескень-II имеются четыре радиоуглеродные даты, полученные по костям животных в разных лабораториях: 6860 ± 90 л.н. (СОАН-5149), 6620 ± 95 л.н. (СОАН-5150), 6585 ± 85 л.н. (СОАН-5151) и 6510 ± 130 л.н. (ГИН-8455). Можно констатировать, что указанные даты синхронны с неолитическими погребениями ГМ Фирсово-ХІ.

Очень интересен и информативен шлифованный нож из зеленого глинистого песчаника (рис. 3, 1), найденный в могиле № 14 (скелет 1). Орудие имеет три режущие кромки, расположенные относительно друг друга буквой «П». Рабочая поверхность тщательно зашлифована с обеих сторон. Боковые режущие грани прямые. Верхняя кромка в средней части имеет выемку, оформленную одним снятием. Грани выемки также заточены путем шлифовки. Черешковая часть с обеих сторон оформлена ретушью, поверх которой прослеживаются следы лощения и шлифовки (рис. 3, 1).

Полностью идентичные изделия на территории Алтая в погребальных и поселенческих комплексах отсутствуют. Однако не вызывает сомнений, что орудие, найденное в могиле № 14 (скелет 1), имеет черты морфологического сходства с двусторонними шлифованными ножами с вогнутым лезвием, достаточно широко распространенными на территории Барнаульско-Бийского Приобья. Черты морфологического сходства ножу из могилы № 14 (скелет 1) с двусторонними шлифованными ножами с вогнутым лезвием придает небольшой изгиб на одной из рабочих кромок (рис. 3, 1).

Находки двустороннего шлифованного ножа с вогнутым лезвием известны в погребении 1 грунтового могильника Большой Мыс (Иткуль) [Кирюшин и др., 2000, с. 39, рис. 45, 6], на поселениях Киприно [Молодин, 1977, с. 101, табл. XIV, 14, 15] и Комарово-1 [Абдулганеев и др., 2011, с. 51, рис. 53, 1–6]. По мнению исследователей, данные изделия являются орудиями по раскрою бересты [Абдулганеев и др., 2011, с. 51] и имеют широкое распространение в поселенческих и погребальных комплексах неолита и энеолита лесостепного Зауралья, лесной и лесостепной полосы Сибири [Кирюшин и др., 2000, с. 55].

Наиболее интересна и информативна находка двустороннего шлифованного ножа с вогнутым лезвием в погребении 1 могильника Большой Мыс (Иткуль) [Кирюшин и др., 2000, с. 39, рис. 45, 6]. Во-первых, эта находка происходит из закрытого комплекса, что уже имеет большую значимость, а во-вторых, по погребению 1 могильника Большой Мыс (Иткуль) получена радиоуглеродная AMS-дата — 6470 ± 40 л.н. (UBA-22950) [Matuzeviciute et al., 2016]. Полученные при калибровке интервалы по 2σ имеют области пересечения с результатами, полученными для погребений № 15 и 42 ГМ Фирсово-XI (табл.).

В могиле № 42 найдены двусторонне обработанные каменные наконечники стрел (рис. 5, 4–17). Выделяется группа изделий подтреугольной формы, с характерной асимметричной выемкой в основании (рис. 5, 6, 7, 9, 12, 14, 15).

На территории Алтая и сопредельных территориях Обь-Иртышского междуречья, Северного и Восточного Казахстана наконечники стрел с асимметрично вогнутым основанием, у которых одно жальце длиннее другого, довольно редкий тип. К востоку от Алтая подобный тип наконечников стрел широко распространен в поселенческих и погребальных комплексах неолита и энеолита Средней и Нижней Ангары [Окладников, 1975, 1976, 1978], Прибайкалья, Забайкалья [Лбова и др., 2008] и Восточной Монголии [Деревянко, Окладников, 1969, с. 155].

В погребениях ГМ Фирсово-XI встречены очень своеобразные наборы украшений из зубов животных. В погребении № 14 (скелеты 1 и 2) обнаружены ожерелья из зубов волка, лося, медведя и лошади (?) или кулана (?) (рис. 4). Украшения из зубов лошади (?) или кулана (?) найдены в могиле № 17 (рис. 4). В погребении № 42 при расчистке скелета 1 обнаружено пять ожерелий из зубов волка, а у скелета 2 — браслет, выполненный из расщепленного резца крупного бобра (рис. 5, 18).

Украшения из зубов лося и бобра широко распространены в погребениях VI–IV тыс. до н.э. на территории Северной Евразии от Карелии до Байкала. Украшения из зубов волка, медведя, лошади (?) или кулана (?) встречаются реже. В данной работе поиск аналогов украшениям из зубов животных будет ограничен территориальными рамками Алтая.

Украшения из зубов медведя встречены в погребениях № 1, 2, 6, 10 и 13 могильника Большой Мыс [Кирюшин и др., 2000, с. 33–36]. В публикации материалов этих погребений не указано, какие именно зубы медведя обнаружены в могилах, но судя по рисункам [Там же, рис. 29, 2; 47, 3] в погребениях № 1 и 13 присутствуют моляры медведя. Для погребения № 1 получена радиоуглеродная дата (AMS) 6470 ± 40 л.н. (UBA-22950), для погребения № 13 — 6577 ± 35 л.н. (UBA-22951) [Matuzeviciute et al., 2016]. Можно констатировать, что полученные интервалы имеют области пересечения с результатами, полученными для погребений № 15 и 42 ГМ Фирсово-XI (табл.).

Еще одна дата, 5890 ± 145 л.н. (COAN-5604), получена для погребения № 2 могильника Большой Мыс [Кунгурова, 2005, с. 57]. Имеющаяся радиоуглеродная дата не совпадает с результатами, полученными для погребений № 15 и 42 ГМ Фирсово-XI (табл.). В научной литературе уже отмечалось, что «при проведении анализов в лабораториях Санкт-Петербурга (Le) и Новосибирска (SOAN) не вносилась поправка на изотопное фракционирование [Поляков, Свят-

ко, Степанова, 2019, с. 185]. В современных AMS-лабораториях эта поправка делается обязательно, и она обычно приводит к удревнению даты, что и наблюдается на материалах афанасьевской культуры Алтая». Можно констатировать, что в результате калибровки получен хронологический интервал, нижняя граница которого по 2σ довольно близка к верхней границе по 2σ для могилы № 42 ГМ Фирсово-XI (табл.).

Украшение из зуба медведя встречено в погребении № 7 могильника Солонцы-5 [Кунгурова, 2005, с. 40]. Какой именно из зубов медведя встречен в погребении, в публикации не уточняется. По этому погребению имеется радиоуглеродная дата 5325 ± 45 л.н. (СОАН-4628) [Кунгурова, 2005, с. 54, 57]. Калибровочные интервалы не имеют области пересечения с результатами, полученными для погребений № 14 и 42 ГМ Фирсово-XI.

В могиле № 14 (скелет 1) (рис. 4, 10В) и в могиле № 17 (рис. 4, 10Б, 11, 12) ГМ Фирсово-XI встречены украшения из зубов лошади (?) или кулана (?). Изделия обработаны шлифованием по всему периметру. Исходная заготовка сильно модифицирована, и это не позволяет определить животное до вида. Можно уверенно констатировать только, что это резцы представителя семейства лошадиных — по характерной расширенной части верхнего края зуба, а также по эмалевым петлям, образующим кольцевой рисунок.

Украшения из зубов кулана встречены в погребениях № 4, 10 и 14 могильника Большой Мыс [Кирюшин и др., 2000, с. 34–36]. Для погребения № 4 получена радиоуглеродная дата 5930 ± 135 л.н. (СОАН-5604) [Кунгурова, 2005, с. 57]. Можно констатировать, что в результате калибровки получен хронологический интервал, нижняя граница которого по 2σ довольно близка к верхней границе по 2σ для могилы 42 ГМ Фирсово-XI (табл.).

Украшения из зубов волка являются очень специфичным видом сопроводительного инвентаря. Описания таких находок в литературе по погребениям неолита и энеолита Алтая авторскому коллективу неизвестны. На территории Присалаирья и Притомья украшения из зубов волка и медведя встречены в материалах могильников Кузнецкого [Чернышов, 1953, с. 337–339], Васьковского, Яйского, Лебеди 2 и Лебеди 3 [Зах, 2003]. По костям человека из погребения Кузнецкого могильника получена дата 5665 ± 140 л.н. (СОАН-5608) [Кунгурова, 2005, с. 54]. Калибровочные интервалы не имеют области пересечения с результатами, полученными для погребений № 15 и 42 ГМ Фирсово-XI.

Можно также сделать вывод, что неолитические захоронения ГМ Фирсово-XI составляют единую хронологическую (а скорее всего, культурно-хронологическую) группу с погребениями № 1 и 13 ГМ Большой Мыс. Есть основания предполагать, что со временем эта группа может увеличиться. Уже сейчас можно вынести на обсуждение вопрос о включении в эту группу части погребений № 2, 4, 6, 10, 14 могильника Большой Мыс.

Стоит специально отметить, что парное захоронение, исследованное В.И. Молодиным в 1976 г. [Молодин, 1999] (погребение № 17 по: [Кирюшин и др., 2000, с. 38]), отличается по составу погребального инвентаря, и прежде всего украшений, от рассматриваемых комплексов этого памятника и ГМ Фирсово-XI. Вопросы абсолютной и относительной хронологии погребения № 17 ГМ Большой Мыс являются темой отдельного исследования. Здесь отметим лишь, что, по мнению части авторов, оно относится к более позднему периоду в рамках эпохи неолита. Нужно также отметить, что часть погребений ГМ Большой Мыс может датироваться энеолитическим временем, но решение этих проблем невозможно без получения серии AMS-дат.

В последние годы по неолитическому комплексу грунтового могильника Чумыш-Перекаат получена серия из четырех дат, определенных в лабораториях ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) и ИМКЭС СО РАН (г. Томск), которые с учетом калибровки по 2σ укладываются в диапазон VI — 1-й половины V тыс. до н.э., что указывает на довольно раннюю хронологическую позицию неолитического комплекса Чумыш-Перекаат [Фрибус, Грушин, 2020, с. 103]. К сожалению, только небольшая часть материалов этого, без сомнения, уникального памятника введена в научный оборот [Фрибус, Грушин, 2017]. Сравнительный анализ материалов могильников Фирсово-XI и Чумыш-Перекаат является перспективным направлением будущих исследований. На данном этапе исследования можно констатировать, что по крайней мере часть захоронений могильника Чумыш-Перекаат синхронна погребениям ГМ Фирсово-XI.

Могила № 18 ГМ Фирсово-XI — одно из немногих захоронений раннего голоцена на территории нашей страны, в котором умерший похоронен сидя. «Сидячие» погребения в эпоху неолита обнаружены на территории Забайкалья, в Восточном и Южном Прибайкалье [Лбова и др., 2008, с. 105; с. 222], Восточной Монголии [Деревянко, Окладников, 1969, с. 151–152; Лбова и

др., 2008, с. 131–133]. Для могилы Тамцаг-Булак (Восточная Монголия) получена радиоуглеродная дата 5590 ± 120 л.н. (Gif-10949), калиброванный возраст 4753–4155 до н.э. [Лбова и др., 2008, с. 133–134, 222], для погребения Петропавловка (Южное Прибайкалье) — дата 6090 ± 100 л.н. (СО РАН-5701) [Там же, с. 222]. Погребения в сидячем положении, «густо» засыпанные охрой, были встречены при исследовании Караваевской стоянки (каргопольская археологическая культура) в лесной части Восточной Европы [Брюсов, 1952, с. 131–132].

В 1995 г. в Прибайкалье было исследовано погребение Локомотив R-8. Это уникальная сложноорганизованная могила, в которой зафиксированы полный скелет волка, человеческий череп, принадлежавшая другому индивиду нижняя челюсть и разрозненные кости посткраниального скелета человека, инвентарь и охра [Базалийский и др., 2013]. По костям человека и волка были получены четыре радиоуглеродные даты: 7230 ± 40 л.н., 7320 ± 70 л.н., 7840 ± 70 л.н., 7750 ± 70 л.н. [Базалийский и др., 2013, с. 99]. До недавнего времени человеческий череп из погребения Локомотив R-8 считался самой древней палеоантропологической находкой в Сибири [Базалийский и др., 2013, с. 97].

В качестве рабочей гипотезы выдвинуто предположение, что полученная дата для мог. № 18 ГМ Фирсово-XI не случайна, и это погребение действительно относится к финальному мезолиту. Хронологическая и обрядовая специфика данного захоронения подчеркивается также краниологической спецификой — очень большими тотальными размерами черепа захороненного мужчины, отличающими его от остальных погребенных на могильнике [Солодовников, Тур, 2017]. Планируется получение серии дат для данного погребения. Будущие исследования позволят подтвердить или опровергнуть мезолитический возраст погребения.

Заключение

В рамках исследования сделан вывод, что на одном сакральном пространстве некрополя Фирсово-XI локализованы погребения финального мезолита и неолита.

Погребения, составляющие культурное «ядро» могильника Фирсово-XI (№ 14–17, 41 и 42), относятся к неолиту и представляют единую хронологическую (а скорее всего, культурно-хронологическую) группу с погребениями № 1 и 13 ГМ Большой Мыс. Можно констатировать, что указанные погребения относятся к числу наиболее ранних среди неолитических могильников Алтая. Есть основания предполагать, что со временем эта группа может увеличиться по мере расширения работ по AMS-датированию ранних некрополей и одиночных погребений Барнаульско-Бийского Приобья.

Судя по имеющимся радиоуглеродным датам неолитические погребения ГМ Фирсово-XI синхронны материалам шестого культурного горизонта поселения Тыткескень-II.

Определение места указанных неолитических погребений в кругу синхронных памятников сопредельных с Алтаем территорий будет темой отдельного специального исследования. Для успешной реализации поставленной задачи необходимо продолжить работы по AMS-датированию органических материалов погребений с привлечением образцов из зубов и костей животных для проверки наличия или отсутствия так называемого резервуарного эффекта, связанного с различиями в палеодиете неолитического населения Алтая.

В качестве рабочей гипотезы выдвинуто предположение, что полученная для могилы № 18 ГМ Фирсово-XI дата 9106 ± 80 л.н. (GV-02889) не случайна и это погребение действительно относится к финальному мезолиту или раннему неолиту. Хронологическая и обрядовая специфика данного погребения подчеркивается также очень большими тотальными размерами черепа захороненного мужчины, отличающими его от остальных погребенных на могильнике.

Благодарности. Выражаем искреннюю признательность заведующей кабинетом антропологии АлтГУ (г. Барнаул, Россия) к.и.н. С.С. Тур за важные предоставленные сведения, а также В.В. Пархомчук и С.А. Растигееву за AMS-анализ образцов в УНУ УМС ИЯФ СО РАН.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках реализации Программы поддержки научно-педагогических работников ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», проект «Абсолютная и относительная хронология погребений финального мезолита — энеолита Барнаульского Приобья», и по госзаданию, проект № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Многослойное поселение Комарово-1 в ретроспективе истории заселения оз. Иткуль. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 142 с.

К вопросу об относительной и абсолютной хронологии ранних погребений грунтового могильника...

Базалийский В.И., Лозей Р.Д., Пежемский Д.В., Гарвье-Лок С., Жерномпре М., Леонард Д.А. Комплекс эпохи мезолита с погребением волка в Прибайкалье // РА. 2013. № 3. С. 92–104.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 264 с.

Деревянко А.П., Окладников А.П. Древние культуры восточных районов МНР // СА. 1969. № 4. С. 141–156.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 335 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 264 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Проблемы культурной принадлежности ранних погребений грунтового могильника Тузовские Бугры-I (одна из версий историко-культурной интерпретации) // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 2 (12). С. 52–68. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2015\)2\(12\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2015)2(12).-05)

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 116 с.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5: Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Изд-во Барнаул. юр. ин-та МВД, 2005. 128 с.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита — раннего бронзового века Забайкалья: (Формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 248 с.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита: (История изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 33 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 173 с.

Молодин В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита — энеолита юга Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. С. 36–58.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). Новосибирск: Наука, 1975. 320 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). Новосибирск: Наука, 1976. 328 с.

Окладников А.П. Верхоленинский могильник — памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. 298 с.

Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: Пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 181–187.

Солодовников К.Н., Тур С.С. К антропологии неолитического населения Барнаульского Приобья (по материалам могильника Фирсово-XI) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 60–70. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-38-3-060-072>

Фрибус А.В., Грушин С.П. Неолитический комплекс могильника Чумыш-Пережат // Труды V(XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле — Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 178–182.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Серия радиоуглеродных дат с разновременного могильника Чумыш-Пережат в Западном Присалаирье // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: Прошлое, настоящее, будущее. СПб.: ИИМК РАН: РГПУ; Самара: СГСПУ/ООО «Порто-принт», 2020. С. 103–104.

Чернышев Н.А. Кузнецкий неолитический могильник // МИА. 1953. № 39. С. 336–346.

Шмидт А.В., Солодовников К.Н. Некоторые результаты лабораторного изучения материалов могильника Фирсово-XI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. Вып. XXV. С. 385–390.

Шмидт А.В., Шамшин А.Б. К проблеме реконструкции неолитического костюма по материалам могильника Фирсово-XI // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 59–64.

Motuzaitė Matuzeviciute G., Kiryushin Y.F., Rakhimzhanova S.Z., Svyatko S., Tishkin A.A. Climatic or dietary change? Stable isotope analysis of Neolithic-Bronze Age populations from the Upper Ob and Tobol River basins // The Holocene. 2016. № 26 (10). P. 1711–1721.

Reimer P.J. et al. Te IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. 62. P. 725–757.

Kiryushin K.Yu.^a, Kiryushin Yu.F.^a, Solodovnikov K.N.^{b,*}, Frolov Ya.V.^a,
Shapetko Ye.V.^a, Schmidt A.V.^c

^a Altai State University, Lenin av., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

^b Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

^c Museum of Nature and Humanity, Mira st., 11, Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation

E-mail: kirill-kirushin@mail.ru (Kiryushin K.Yu.); yf-kiryushin@mail.ru (Kiryushin Yu.F.);
solodk@list.ru (Solodovnikov K.N.); frolov_jar@mail.ru (Frolov Ya.V.); shapetko69@mail.ru (Shapetko Ye.V.);
tison172@mail.ru (Schmidt A.V.)

On the relative and absolute chronology of early burials at the Firsovo-XI burial ground (Barnaul Ob River region)

The present work addresses the issues of the absolute and relative chronology of early burials at the Firsovo-XI burial ground on the right bank of the Upper Ob River. Description of four burials of the site and results of their AMS ¹⁴C dating are reported, alongside with the cultural and chronological analogies among the contemporaneous monuments of Altai. Eight burial places were discovered at Firsovo-XI, including five single graves, two double graves and one collective burial. The burials were arranged in two rows in the direction from northwest to southeast. The deceased were oriented with their heads to the north and northeast. The research concluded that the burials which form the cultural “core” of the Firsovo-XI burial place (burial grounds nos. 14, 15 and 42) belong to the Early Neolithic period, and their radiocarbon age is determined by the middle of the 5th millennium BC, while their calendar age fits into a very narrow interval of several decades or several centuries (a one-sigma interval of 5710–5460 cal BC and a two-sigma interval of 5740–5360 cal BC). The Neolithic burials of Firsovo-XI constitute a single chronological group with burials nos. 1 and 13 of the Bolshoi Mys burial ground. It stands to reason that this group may grow in size over time, as the work on AMS ¹⁴C dating of early necropolises and single burials of the Upper Ob region expands. At this stage of research, the problem of identifying cultural and chronological markers for the selected group of burials remains urgent. Within the framework of this study, it has been suggested that the ornaments made from the teeth of a bear and a horse (?), or an onager (?), take the role of such markers. It cannot be ruled out that with the appearance of new data such markers may include the ornaments made from wolf teeth and double-sided polished knives with a concave blade. As a working hypothesis, it has been suggested that the date obtained for the cemetery no. 18 of Firsovo-XI (GV-02889 9106±80 BP) was not accidental and that this burial actually belongs to the final Mesolithic or early Neolithic period. The chronological and ritual specifics of this burial are also emphasized by the craniological specificity of the buried male, and by the large total size of the skull, which distinguishes him from the rest of those buried at the burial ground.

Keywords: ground burial place, final Mesolithic period, Neolithic burial, cultural and chronological markers.

Acknowledgments. We express our sincere gratitude to the head of the anthropology office of Altai State University (Barnaul city, Russia), PhD in History S.S. Tur for important information provided, as well as V.V. Parkhomchuk and S.A. Rastigeyev for the AMS analysis of the samples at the “Accelerator mass spectrometer” unique scientific setup, Institute of Nuclear Physics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Funding. The present study was carried out as a part of the Program for the Support of Scientific and Pedagogical Workers of the Altai State University, namely the project: “The absolute and relative chronology of burials of the final Mesolithic — Eneolithic period of the Barnaul Ob region (Priobye)”, and according to the state assignment, namely the project “Western Siberia in the context of Eurasian relations: people, nature and society”.

REFERENCES

- Abdulganeev, M.T., Kungurova, N.I., Kiryushin, Iu.F. (2011). *The multilayer settlement Komarovo-1 in a retrospective of the history of inhabiting the Itkul lake*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Bazaliiskii, V.I., Lozei, R.D., Pezhemskii, D.V., Garv'e-Lok, S., Zhernompre, M., Leonard, D.A. (2013). A Mesolithic era complex with a wolf burial in the Baikal region. *Rossiiskaia arkheologiya*, (3), 92–104. (Rus.).
- Briusov, A.Ia. (1952). *Essays on the history of tribes of the European part of the USSR in the Neolithic era*. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Chernyshev, N.A. (1953). Kuznetsk neolithic burial ground. *MIA*, (39), 336–346. (Rus.).
- Derevianko, A.P., Okladnikov, A.P. (1969). Ancient cultures of the eastern regions of the Mongolian People's Republic. *SA*, (4), 141–156. (Rus.).
- Fribus, A.V., Grushin, S.P. (2017). Neolithic complex of the Chumysh-Perekat burial ground. *Trudy V(XXI) Vse-rossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule — Belokurikhe. T. 1*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 178–182. (Rus.).

* Corresponding author.

- Fribus, A.V., Grushin, S.P. (2020). A series of radiocarbon dates from the Chumysh-Perekat burial ground of different times in the Western Salair region. *Radiouglerod v arkheologii i paleoekologii: Proshloe, nastoiashchee, budushchee*. St. Petersburg: IIMK RAN: RGPU; Samara: SGSPU/OOO "Porto-print", 103–104. (Rus.).
- Kiriushin, Iu.F. (2002). *Eneolithic and Early Bronze Age in the south of Western Siberia*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Kiriushin, Iu.F., Kiriushin, K.Iu. (2015). The problems of cultural identity of the early burials of the Tuzovskiy Bugry-I burial ground (one of the versions of the historical and cultural interpretation). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 12(2), 52–68. (Rus.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2015\)2\(12\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2015)2(12).-05)
- Kiriushin, Iu.F., Kungurova, N.Iu., Kadikov, B.Kh. (2000). *The oldest burial grounds of the northern foothills of Altai*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Kiriushin, K.Iu., Kiriushin, Iu.F. (2008). *Cultural and chronological complexes of the Tytkesken-2 settlement (the results of work in 1988–1994)*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Kungurova, N.Iu. (2005). *Mogil'nik Solontsy-5: The burial ground Solontsy-5: The culture of the buried of Altai Neolithic period*. Barnaul: Izdatel'stvo Barnaul'skogo iuridicheskogo instituta MVD. (Rus.).
- Lbova, L.V., Zhambaltarova, E.D., Konev, V.P. (2008). *Burial complexes of the Neolithic and Early Bronze Age of Transbaikalia: (The formation of archetypes of the primitive culture)*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. (Rus.).
- Molodin, V.I. (1977). *The Neolithic and Bronze Age of the Ob-Irtysh forest-steppe*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Molodin, V.I. (1999). Neolithic period burial at the Itkul lake and some thoughts about the burial complexes of this era in the foothills and mountains of Altai. In: *Problemy neolita — eneolita iuga Zapadnoi Sibiri*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 36–58. (Rus.).
- Motuzait Matuzeviciute, G., Kiriushin, Y.F., Rakhimzhanova, S.Z., Svyatko, S., Tishkin, A.A. (2016). Climatic or dietary change? Stable isotope analysis of Neolithic-Bronze Age populations from the Upper Ob and Tobol River basins. *The Holocene*, 26(10), 1711–1721.
- Okladnikov, A.P. (1975). *Neolithic monuments of the Angara (from the mouth of the Belaya River to Ust-Uda)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Okladnikov, A.P. (1976). *Neolithic monuments of the Lower Angara (from Serovo to Bratsk)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Okladnikov, A.P. (1978). *The Verkholsk burial ground is a monument of the ancient culture of the Siberian peoples*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Poliakov, A.V., Sviatko, S.V., Stepanova, N.F. (2019). The problem of radiocarbon chronology of the Afanasyevo culture and the new data. In: *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoi i lesostepnoi polosy Evrazii: Puti kul'turnogo vzaimodeystviya v V–III tys. do n.e.* Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 181–187. (Rus.).
- Reimer, P.J. et al. (2020). The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, (62), 725–757.
- Shmidt, A.V., Shamshin, A.B. (2018). About the problem of reconstruction of a Neolithic costume based on materials from the Firsovo-XI burial ground. In: *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 59–64. (Rus.).
- Shmidt, A.V., Solodovnikov, K.N. (2019). Some results of the laboratory research of materials from the Firsovo-XI burial ground. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia. Vyp. 25*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 385–390. (Rus.).
- Solodovnikov, K.N., Tur, S.S. (2017). On the issue of anthropology of the Neolithic population of the Barnaul Ob region (Pribye) (based on materials from the Firsovo-XI burial ground). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 38(3), 60–70. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-38-3-060-072>.
- Zakh, V.A. (2003). *The Neolithic and Early Metal age in the forest-steppe Salair Region and Ob Region (Pribye)*. Tiumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN. (Rus.).

Киришин К.Ю., <https://orcid.org/0000-0003-3122-1423>
 Киришин Ю.Ф., <https://orcid.org/0000-0001-5474-3502>
 Солодовников К.Н., <https://orcid.org/0000-0003-0925-7219>
 Фролов Я.В., <https://orcid.org/0000-0001-7259-2840>
 Шапетько Е.В., <https://orcid.org/0000-0003-0017-4417>
 Шмидт А.В., <https://orcid.org/0000-0002-0321-9214>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Скочина С.Н.^{a, *}, Мосин В.С.^{b, c}

^a ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

^b Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН
ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620108

^c Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
просп. Ленина, 76, Челябинск, 454080

E-mail: Sveta_skochina@mail.ru (Скочина С.Н.); mvs54@mail.ru (Мосин В.С.)

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ПОЛУДЕНСКОГО КОМПЛЕКСА СТОЯНКИ КЕДРОВЫЙ МЫС-1

Статья посвящена комплексному анализу каменного инвентаря поздненеолитической полуденской традиции стоянки Кедровый Мыс-1. На основе типологического и функционального анализов определены особенности каменной индустрии полуденского комплекса, позволяющие осветить важные вопросы культурно-хронологической атрибуции. В результате исследований реконструированы основные виды хозяйственной деятельности обитателей памятника.

Ключевые слова: горно-лесное Зауралье, полуденская культура, поздний неолит, техникоморфологический и трасологический анализы, каменный инвентарь, особенности хозяйства.

Введение

Малочисленность однослойных памятников и чистых комплексов на многослойных неолитических поселениях не способствует выделению четкого облика каменной индустрии ряда археологических культур Зауралья. Каменная индустрия региона базировалась на пластинчатой технике, основанной на общих принципах расщепления, практически одинаковом составе сырья и типологическом наборе изделий и орудий и развивалась в рамках довольно устойчивого технологического комплекса со своими локальными особенностями [Шаманаев, 2002]. В связи с этим выделение из смешанных комплексов каких-либо культурно-хронологических маркеров, возможно, позволит более корректно расчленять каменный инвентарь, свойственный определенному археологическому образованию. Такая работа выполнена на материалах неолитической стоянки Кедровый Мыс-1.

Стоянка Кедровый Мыс-1 расположена в горно-лесной зоне Зауралья в Челябинской области в пределах Ильменского государственного заповедника (рис. 1). В ходе археологических раскопок была изучена площадка в основании мыса Кедровый на п-ве Сайма, разделяющем озера Большое и Малое Миассово.

В результате работ в слоях каменного века остатков сооружений не было обнаружено, что, возможно, связано с сезонным посещением данного места. В коллекции керамики неолитического слоя по технике декорирования выделены три традиции: прочерченно-накольчатая (козловская), гребенчато-прочерченная (полуденская) и накольчатая и прочерченно-накольчатая (боборыкинская) [Мосин, Яковлева, 2016]. Авторами раскопок в рамках козловско-полуденской традиции был проведен обобщенный типологический анализ каменного инвентаря. На основе разбора неолитической керамики высказано предположение, что хронологически козловская и полуденская группы керамики могут быть как разновременными, так и очень близкими на временной оси, попадая в период сосуществования прочерченно-накольчатых и прочерченно-гребенчатых традиций; говорить точнее, не имея закрытых датирующих комплексов, невозможно [Там же, с. 77], однако полученные даты показали их разновременность [Мосин, 2020] (табл. 1).

В нашей работе охарактеризована группа небольшого в количественном отношении каменного инвентаря, соотнесенного с полуденским комплексом. Основой для выборки из смешанного неолитического культурного слоя стоянки послужил тот факт, что остатки нескольких сосудов полуденской традиции вместе с каменным инвентарем были зафиксированы в непотревоженных неолитических слоях или же залегали прямо на скале [Мосин и др., 2017, с. 48].

* Corresponding author.

Каменный инвентарь полуденского комплекса стоянки Кедровый Мыс-1

В целом в задачи исследования входило: определение культуродиагностирующих признаков каменной индустрии стоянки Кедровый Мыс-1; выделение функциональных групп орудий и их характеристик для реконструкции хозяйственно-производственной деятельности населения, оставившего полуденский комплекс.

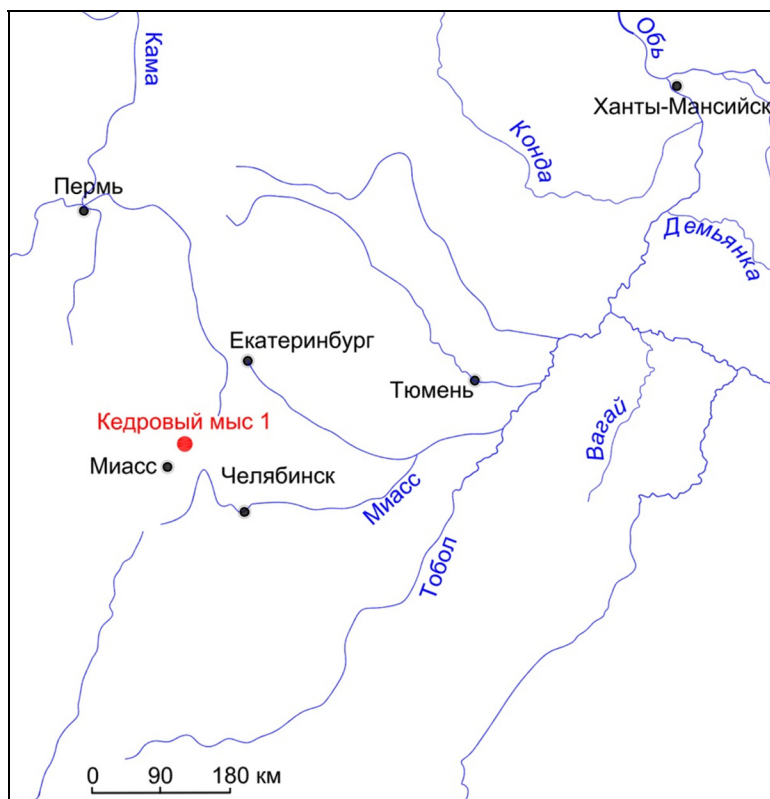

Рис. 1. Расположение стоянки Кедровый Мыс-1.

Fig. 1. Location of the Kedrovyy Mys-1 site.

Таблица 1

Датировка органики на керамике стоянки Кедровый Мыс-1

Table 1

Dating of organics on ceramics from the Kedrovyy Mys-1 site

Индекс	Материал	BP	1σ 68.3 % cal BC	Median Probability cal BC* [Reimer et al., 2020]	Культурная принадлежность
SPb_2790	Органика в керамике	6350 ± 100	5388–5216	5318	Козловская
SPb_2791	Органика в керамике	5680 ± 100	4615–4442	4527	Полуденская

* CALIB REV 8.2, <http://calib.org>.

Метод

Исследование базируется на методе трасологического анализа, разработанном С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [Семенов, 1957; Коробкова, 1987], и технико-морфологическом анализе пластинчатых индустрий [Коробкова, 1987, с. 11–17]. Трасологический анализ проводился при помощи исследовательского микроскопа Olympus BX-51 с увеличением в 50–200 раз в темнопольном освещении с использованием фотокамеры ProgRes C10, а также стереоскопического микроскопа «МСП-1» с увеличением от 15 до 30 раз с фотокамерой Canon EOS-1100. Следует отметить, что каменный инвентарь и отходы производства имеют окатанность, сглаженность краев и заполировку, полностью или частично покрывающую поверхность, которые возникли в результате естественного воздействия, скорее всего воды и выветривания, что затруднило определение функционального назначения орудий. В связи с этим в ходе работы было выделено 38 % функционально определимых орудий от всего комплекса.

Морфологическая характеристика каменного инвентаря

Изученная коллекция инвентаря насчитывает 371 предмет (табл. 2). Морфологически законченные орудия составляют чуть менее 15 % от изученного комплекса, исключая пластины и отщепы с ретушью; если учитывать эти категории предметов, то показатель увеличивается до 51 %.

Таблица 2

Типы изделий стоянки Кедровый Мыс-1

Table 2

Types of products from the Kedrov Mys-1 site

Типы изделий	Кол-во
Нуклеусы	8
Нуклевидные сколы	65
Пластины без ретуши	130
Пластины с ретушью	85
Концевые скребки	14
Наконечники стрел	5
Проколки	3
Сверла	4
Пластины с притупленной спинкой	4
Пластина с притупленным брюшком	1
Скошенные острия	3
«Треугольник»	1
Пластина с усеченным концом	1
Отщепы	18
Сколы со шлифованных орудий	4
Скребки на отщепах	2
Скребки на нуклевидных сколах	5
Отщепы с ретушью	9
Pièce esquillée	1
Тесло	1
Стамеска	1
Абразивы	5
Ретушер	1
<i>Итого</i>	371

Сырьевая база стоянки основывалась на применении фтанитоидов серого и зеленоватого оттенков, сургучно-зеленой яшмы, а также бежевого и различных серых расцветок халцедона. Расщепление нуклеусов и производство пластин происходило на стоянке, судя по наличию большого числа технологических сколов, в том числе первичных (нуклевидных, ныряющих сколов, сколов с площадок и т.д.), от выше обозначенного сырья (рис. 2, 7–11, 13–20). Все нуклеусы одноплощадочные, изготовлены из фтанитоидов (2), сургучно-зеленой яшмы (4) и серой яшмы (2). Преобладают призматические нуклеусы с ребром (2) высотой 5,3–4,4 см, они имеют площадку, оформленную несколькими сколами, скошенную в сторону контрфронта. Края площадки со стороны фронта подрабатывались крупной ретушью, карнизы оставлены. Фронт один, занимает $\frac{1}{2}$ периметра нуклеусов, часто с заломами, ширина негативов снятия пластин колеблется в пределах 0,7–0,8 см (рис. 2, 1–3, 5, 6, 12). У двух обломков плитчатых нуклеусов высотой 4–3,5 см сбиты площадки. На фронтах ширина негативов снятия составляет 1–1,5 см (рис. 2, 4).

Расщепление было направлено на получение пластин в качестве заготовок, составляющих 68 % от всего комплекса. Части пластин представлены следующими долями: проксимальные — 40 %, медиальные — 33 %, дистальные — 19 %, целые пластины малочисленны (8 %). По ширине пластины без ретуши распределяются следующим образом: мелкие до 0,7 см — 32 %, средние пластины 0,8–1 см — 33 %, 1,1–1,5 — 31 %, крупные пластины шириной более 1,6 см составляют 4 %.

Для вторичной обработки применялась преимущественно краевая притупляющая ретушь со стороны спинки, реже — приостряющая, отвесной ретушью придавалась форма лезвиям концевых скребков, плоской обрабатывались поверхности наконечников стрел. Часто на пластинах фиксируется ретушь утилизации (45 экз.). Резцовый скол в качестве приема формообразования орудий применялся эпизодически (1); остальные обнаруженные на пластинах (8) (рис. 4, 18) и нуклевидном сколе (1) (рис. 2, 20) макро- и микрорезцовые сколы являются результатом механического удара при технологических работах и утилизации.

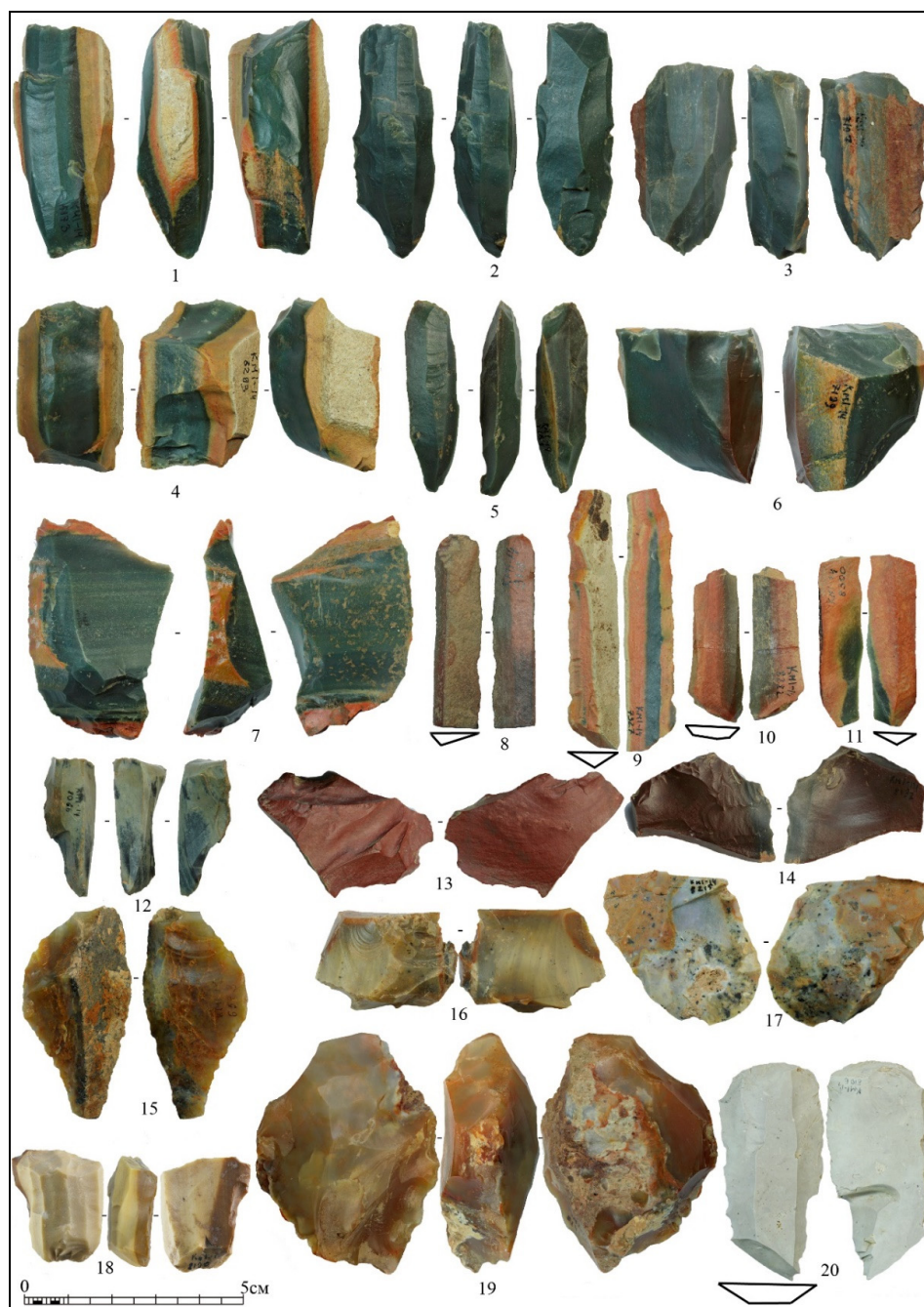

Рис. 2. Нуклеусы и нуклеидные сколы стоянки Кедровый Мыс-1:

1– 6, 12 — нуклеусы; 7, 13–20 — нуклеидные сколы; 8–11 — пластины с желвачной коркой. Функция: 18 — скребель по кости.

Fig. 2. Cores and core trimming flake of the Kedrovyy Mys-1 site:

1–6, 12 — cores; 7, 13–20 — core trimming flake; 8–11 — cortex blades. Function: 18 — bone scraper.

Морфологически законченные орудия из пластин представлены наконечниками стрел (5), пластинами с притупленной спинкой (4) и брюшком (1), скошенными остриями (3), «треугольником», концевыми скребками (14), проколками (3) сверлами (4).

Метательное вооружение представлено обломками двухстороннеобработанных наконечников листовидной формы шириной 1,4 и 1,1 см (рис. 5, 2, 4), треугольной формы с четким переходом к черешку трапецевидной формы (шир. 1,1 см) (рис. 5, 1). Отнесение наконечника ивоволистной формы (шир. 1 см) с вогнутым насадом из черной яшмы к неолитическому комплексу вызывает некоторые сомнения, не исключена его принадлежность к энеолитическому времени

(рис. 5, 3)¹. Единственный целый наконечник листовидно-черешковой формы с треугольным черешком выполнен на пластине из сургучно-зеленой яшмы высотой 2,8 см, шириной 1,1 см. Приостряющей краевой ретушью с двух сторон оформлено перо и черешок (рис. 5, 5).

В данную группу включены два скола, у которых одна поверхность покрыта плоской крупной ретушью, возможно являющихся фрагментами наконечников дротиков (?).

К специфическим формам отнесены треугольник, пластины с притупленной спинкой и скошенные острия. Вкладышу треугольника остроугольной формы (3×1,2×0,3 см) форма придана отвесной ретушью по одному краю со стороны спинки (рис. 4, 1). Для пластин с притупленной спинкой характерна отвесная краевая ретушь по одному краю со стороны спинки, реже — брюшка, сужающая первоначальную ширину пластины до 0,5–0,7 см (рис. 4, 2). В коллекции присутствует небольшая пластина (2,2×0,4×0,2 см), сочетающая в себе признаки пластины с притупленной спинкой и скошенного острия (рис. 4, 3). Еще одно скошенное острие оформлено ретушью со стороны брюшка на пластине шириной 1,2 см (рис. 5, 7). Оставшиеся группы орудий представляют собой стандартный набор, характерный для неолитических памятников Зауралья (проколки, сверла, концевые скребки), без ярко выраженных особенностей.

В отщеповом комплексе (11 %) выделяется долотовидное изделие (*pièce esquillée*) на нуклевидном сколе (2×2,2×1 см), имеющее вогнутое рабочее лезвие шириной 1,4 см с двухсторонней ретушью утилизации (рис. 7, 3). Оставшаяся часть представлена отщепами с ретушью и без нее, скребками на отщепах (2) и нуклевидных сколах (5).

В данной выборке единично представлены тесло и стамеска. Тесло (8,4×4,8×2,5 см) овальной формы, очень сильно деформировано сколами. Оставшиеся участки с пришлифовкой свидетельствуют, что первоначально оно было подтрапцевидной формы в сечении. На асимметричном лезвии с двух сторон фиксируются краевые сколы (рис. 7, 1). Стамеска подпрямоугольной формы в плане выполнена на крупном пластинчатом сколе (8,1×4,5×1,6 см). Угловое рабочее лезвие оформлено со стороны брюшка небольшими приостряющими сколами (рис. 7, 2).

Кроме того, в коллекции имеются ретушер на крупной кварцевой гальке с характерными забитыми краями и сколами с поверхности и абразивы (5 экз.) на плитках песчаника, сланца, хлорита² [Мосин, Яковлева, 2016].

Функциональное назначение каменного инвентаря

В процессе проведения трасологического анализа инвентарь был сгруппирован по функциональному назначению, показавшему специфику стоянки (рис. 3).

Рис. 3. Виды хозяйственно-производственной деятельности стоянки Кедровый Мыс-1.

Fig. 3. Types of economic and production activities at the Kedrovyy Mys-1 site.

На стоянке в большинстве своем представлены вкладыши лезвий ножей (60) для разделки мяса животных/рыбы? (42 %) (рис. 4, 1–19). Для этого использовались в основном неретушированные проксимальные и медиальные части пластин шириной до 1 см. В качестве ножей использовались пластины с притупленной спинкой (4) (рис. 4, 2) и брюшком (1 экз.), скошенные острия (3) (рис. 4, 3), пластина усеченным краем, пластина геометрической формы — треугольник (рис. 4, 1). В качестве лезвия использовалась неретушированная сторона. О сработанности лезвия говорят легкая скругленность кромки лезвия и нерегулярная микроретушь (рис. 4, 1А, 2А, 3А, 19А).

¹ Точка зрения С.Н. Скочины.

² Данная группа орудий не подвергалась трасологическому анализу.

Каменный инвентарь полуденского комплекса стоянки Кедровый Мыс-1

Рис. 4. Пластиначный комплекс стоянки Кедровый Мыс-1:

1 — «треугольник», 2 — пластина с притупленной спинкой; 3 — скошенное острие; 4, 5, 7–17 — пластины без ретуши; 6, 18, 19–22 — пластины с ретушью. Функция: 1–19 — ножи для разделки мяса животных/рыбы; 20–22 — ножи-стамески для разделки добычи или раскряя шкуры. А — микрофотографии следов сработанности на орудиях.

Fig. 4. A blade complex from the Kedrovyy Mys-1 site:

1 — "triangle", 2 — blade with blunted back; 3 — beveled point; 4, 5, 7–17 — not retouched blades; 6, 18, 19–22 — retouched blades. Function: 1–19 — knives for cutting animal/fish meat; 20–22 — chisel and knives for cutting prey or cutting skin.

A — microphoto of traces of use on tools.

Охотничье вооружение представлено двухстороннеобработанными наконечниками стрел из сургучно-зеленой и черной яшмы (4), одним наконечником на пластине, обработанным краевой ретушью (рис. 5, 1–5), и двумя обломками, возможно, дротиков (?). У трех наконечников стрел сломано острие (рис. 5, 1, 2, 3), у двух — основание (рис. 5, 2, 4), один целый (рис. 5, 5). Металельный износ зафиксирован на двух наконечниках у острия, у одного — это скол с язычковым

окончанием, у второго — скол «когтевидной» формы, заходящий на одну сторону наконечника (рис. 5, 1А, 2А). Остальные наконечники сломаны. Обломки дротиков (?) представлены сколами, у которых одна поверхность покрыта плоской крупной ретушью.

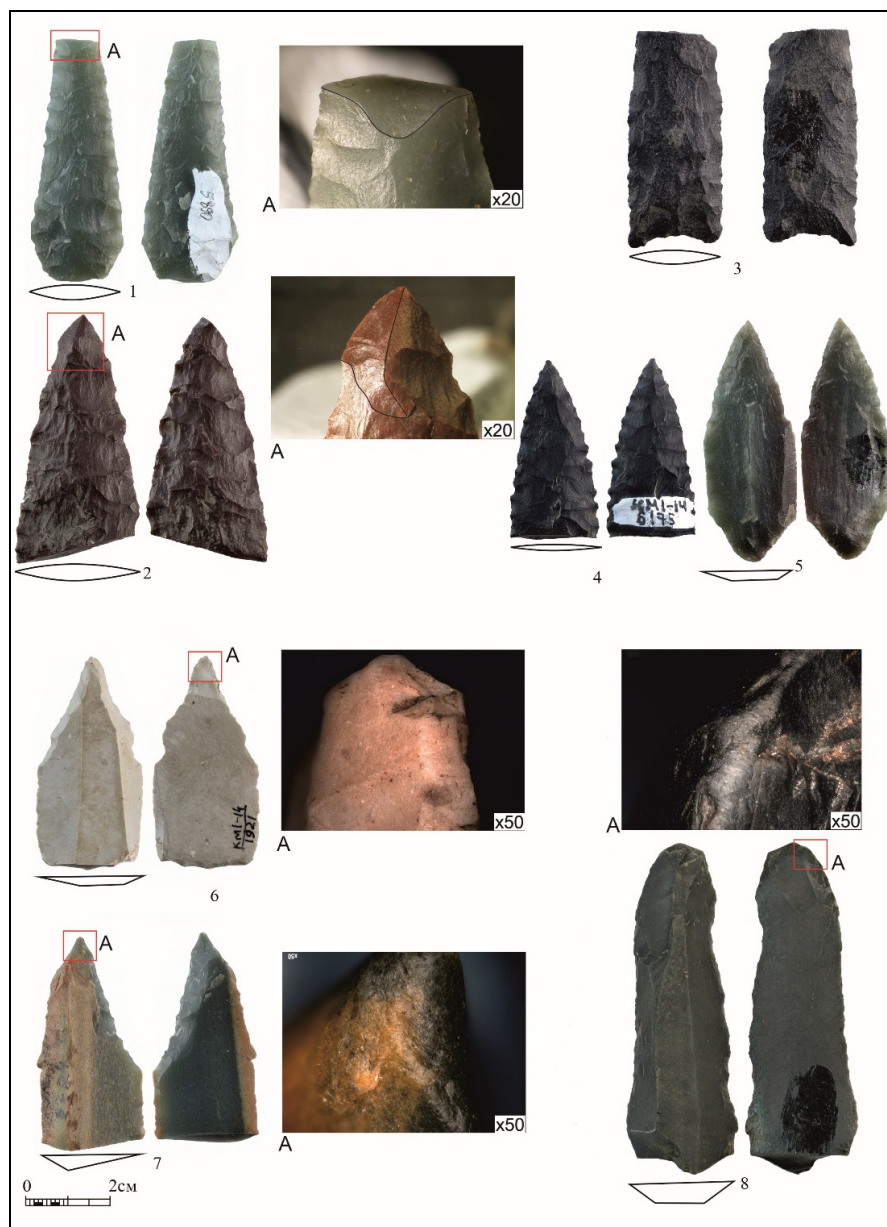

Рис. 5. Каменные орудия стоянки Кедровый Мыс-1:
1–5 — наконечники стрел; 6–8 — сверла; А — микрофотографии следов сработанности на орудиях.
Fig. 5. Stone tools of the site Kedrovyy Mys-1 site 1:
1–5 — arrowheads; 6–8 — drills; А — microphoto of traces of use on tools.

Комплекс орудий, отнесенный к обработке шкуры представлен ножами-стамесками (3) (рис. 4, 20–22), скребками (16) и проколками (6) (рис. 6, 1–8, 10–13). В обработке шкур применяли концевые скребки, у которых рабочие лезвия шириной 1–1,5 см, обработанные отвесной ретушью и скребки из крупных отщепов и нуклевидных сколов (рис. 6, 1–8, 14). У ножей на пластинах, помимо микровыкрошенности и общей скругленности рабочего лезвия по кромке, на углу пластины на поверхности, прилегающей к обрабатываемой шкуре, наблюдаются сгруппированные короткие мягкие линии, перпендикулярные и чуть наклонные к кромке следы и «жирная» заполировка (рис. 6, 1А, 2А). У ножей-стамесок характерной чертой являются сработанность на углу пластины в виде туск-

Каменный инвентарь полуденского комплекса стоянки Кедровый Мыс-1

лой заполировки и наличие линейных следов в виде тонких параллельных друг другу рисок, направленных наклонно или чуть перпендикулярно к длинной оси изделия (рис. 4, 20А, 21А, 22А). Проколки (4) изготовлены из пластин и отщепов (2). Пластины имеют обработку притупляющей ретушью со стороны спинки или брюшка по двум краям (рис. 6, 12). У одной из них, выполненной на дистальной части пластины, острие оформлено плоской ретушью со стороны спинки (рис. 6, 13). У отщепов использовались острые углы, чуть подработанные мелкой ретушью (рис. 6, 10, 11).

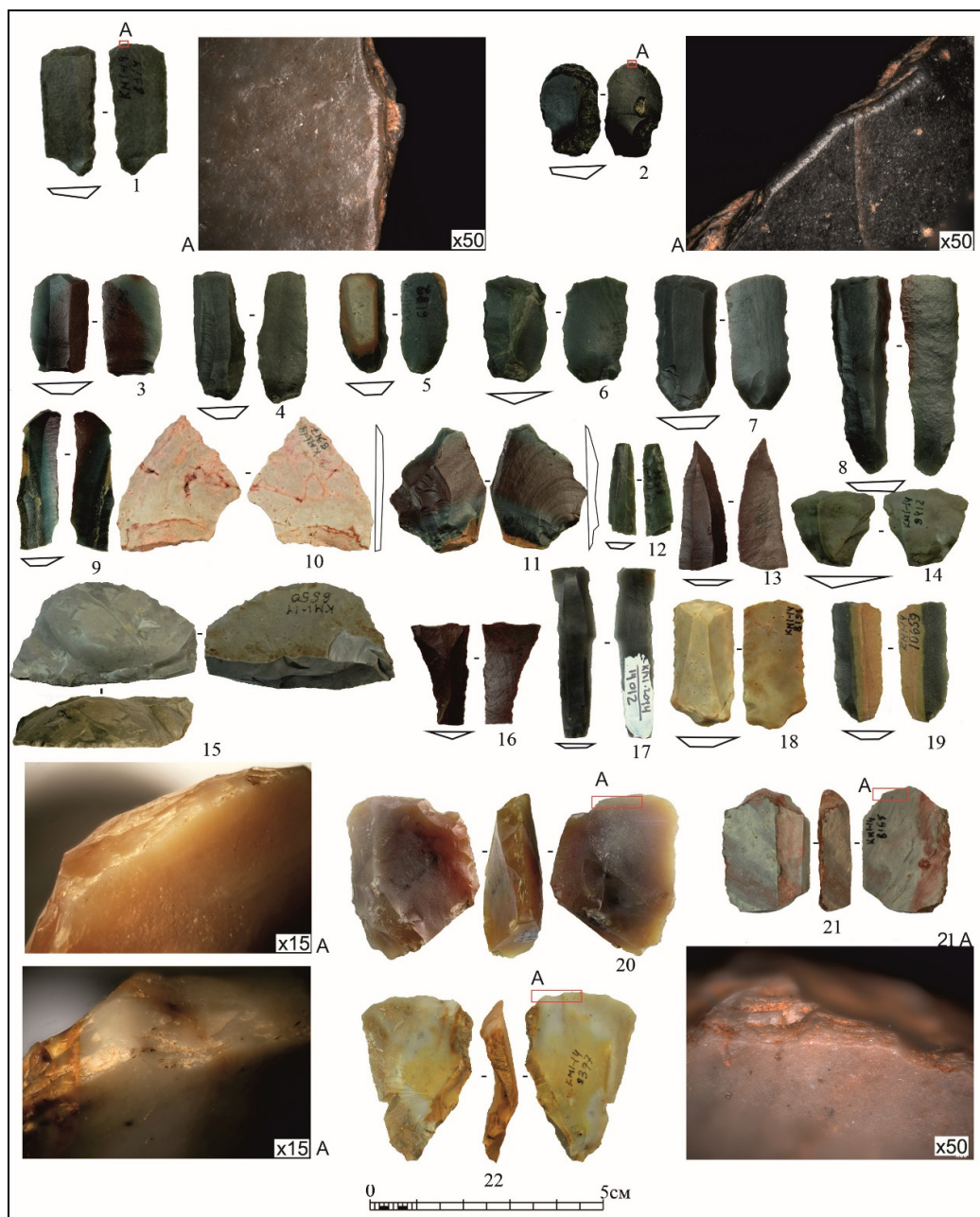

Рис. 6. Каменные орудия стоянки Кедровый Мыс-1:

1–9, 18, 19 — концевые скребки; 10, 11 — орудия на отщепах; 12, 13 — проколки; 15, 20–22 — скребки на нуклеидных сколах; 16, 17 — пластины с ретушью на конце. Функция: 1–8, 14 — скребки для обработки шкуры; 9 — резчик-скобель по дереву; 10–13 — проколки по шкуре; 15, 18, 19 — скобели по дереву; 20–22 — скобели по кости;

А — микрофотографии следов сработанности на орудиях.

Fig. 6. Stone tools of the Kedrovyy Mys-1 site:

1–9, 18, 19 — end-scrapers; 10, 11 — tools on flakes; 12, 13 — piercing; 15, 20–22 — core-shaped scraper; 16, 17 — blades with straight truncation. Function: 1–8, 14 — skin scrapers; 9 — cutting tool end wood scraper; 10–13 — borer on the skin; 15, 18, 19 — wood scrapers; 20–22 — bone scrapers; A — microphoto of traces of use on tools.

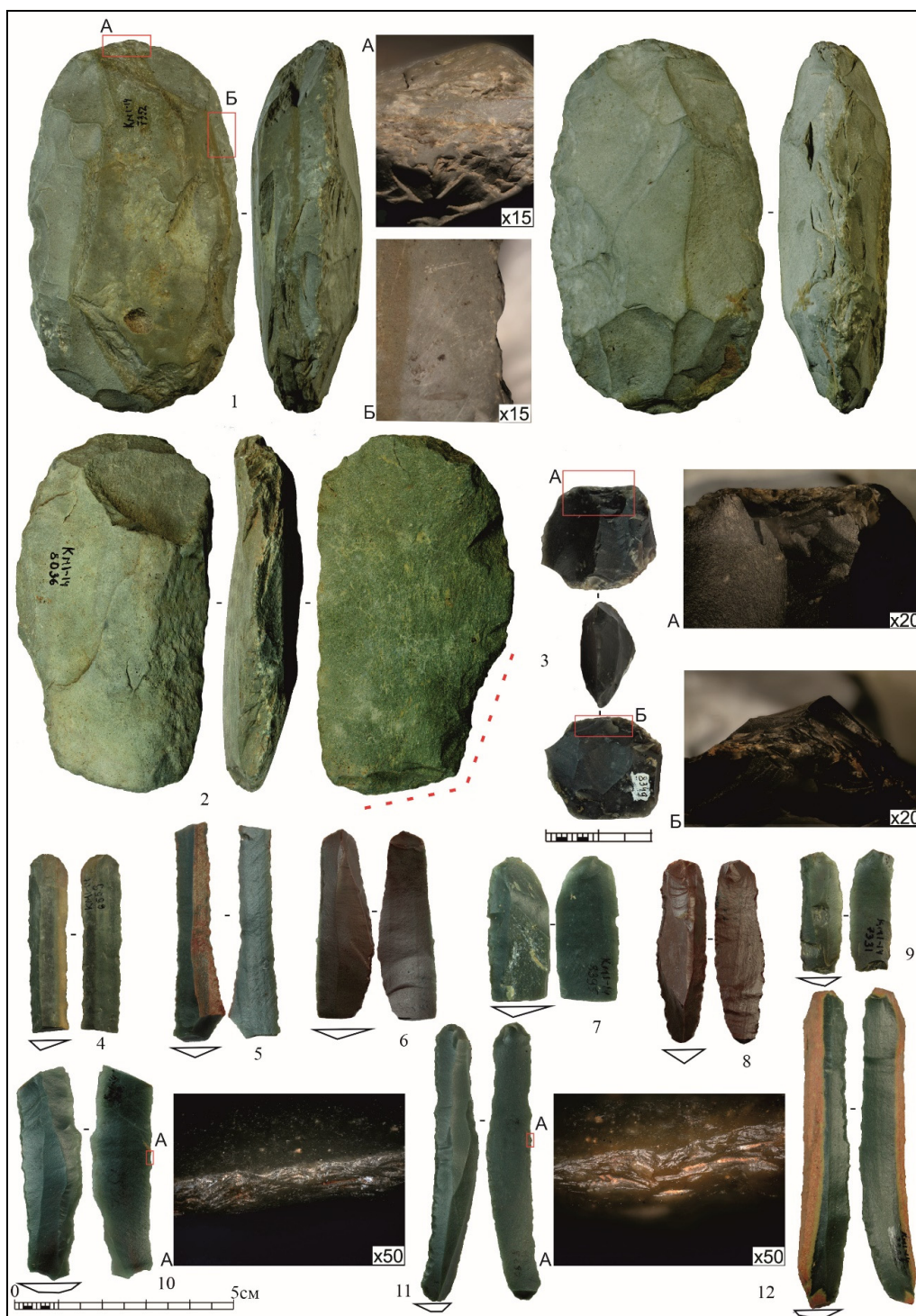

Рис. 7. Деревообрабатывающий комплекс стоянки Кедровый Мыс-1:

1 — тесло, 2 — стамеска; 3 — долотовидное изделие; 4–12 — пластины с ретушью. Функция: 4, 5, 7, 9–12 — скобели по дереву; 6, 8 — скобели-пилки по дереву. А, А, Б — микрофотографии следов сработанности на орудиях.

Fig. 7. Woodworking complex from the Kedrovyy Mys-1 site:

1 — adz, 2 — chisel; 3 — scaled piece; 4–12 — blades with retouch. Function: 4, 5, 7, 9–12 — wood scrapers; 6, 8 — scraping and sawing wood. А, А, Б — microphoto of traces of use on tools.

Деревообрабатывающие орудия представлены скобелями (14) (рис. 6, 11, 12, 15, 18, 19; 7, 4, 5, 7, 9, 10), строгальными ножами (2), пилами (8), сверлом, комбинированными орудиями, сочетающими несколько функций: скобель-пила (2) (рис. 7, 6, 8), пила — строгальный нож (3),

резчик-скобель (1) (рис. 6, 9). Все вышеперечисленные орудия изготовлены на пластинах. Для скобелей характерна односторонняя вторичная обработка края со стороны спинки в виде притупляющей ретуши, у пилкок лезвия деформированы чередующейся краевой ретушью (рис. 6, 21А). Для скобелей использовались длинные (от 2,5 до 7 см) изогнутые пластины из сургучно-зеленой яшмы с желвачной коркой, обработанные притупляющей ретушью со стороны спинки. К этой функциональной группе отнесены долотовидное изделие (*pièce esquillée*), тесло и стамеска. У долотовидного изделия (*pièce esquillée*), выполненного на нуклевидном сколе, лезвие выкрошено, сама кромка чуть скруглена в результате работы по дереву (рис. 7, 3, 3А). Противоположный край изделия выкрошен, но скорее всего в результате подготовки нуклеуса к расщеплению (рис. 7, 3Б). У тесла сработанность фиксируется на одной стороне в зоне пришлифовки сбоку от лезвия — это наклонные и чуть перпендикулярные относительно длинной оси изделия царапины (рис. 7, 1Б). Сработанность на самом лезвии выражена в виде скругленности кромки и сколов утилизации, расположенных с двух сторон (рис. 7, 1А). У стамески рабочим участком служил угол, на котором фиксируется сработанность в виде забитости и скругленности краев и эпизодической ретуши со стороны спинки (рис. 7, 2).

Кость обрабатывали с помощью массивных скребков размерами от 2,5 до 3,5 см. В их качестве использовался концевой скребок, скребки на отщепах и нуклевидных сколах (5) (рис. 6, 20–22). Сработанность рабочего лезвия, обработанного отвесной ретушью, выражена в выкрошенности рабочего края лезвия (рис. 6, 20А, 21А, 22А).

В обработке камня участвовали ретушер и абразивы, отнесенные к данной группе по форме.

Сверла использовались для просверливания отверстий на керамической посуде (рис. 5, 6–8). Примечательно, что одно сверло (2,4×1,2×0,2 см) выполнено на пластине с подтесанным основанием, которую типологически следовало бы отнести к наконечникам стрел/острий, однако сточенность и пришлифовка боковых краев опровергли данное наблюдение (рис. 5, 6, 6А). Еще на одном сверле на пластине со скошенным острием из сургучно-зеленой яшмы (2,4×1,2×0,4 см) также фиксируется подобная сработанность (рис. 5, 7, 7А). «Классическое» сверло (3,8×1×0,3 см) выполнено на крупной пластине из черной яшмы, где ее проксимальная часть является рабочим участком и несет следы изношенности в виде сточенности, в зоне которой фиксируются линейные следы — короткие поперечные хорошо очерченные риски (рис. 5, 8, 8А).

Обсуждение результатов

Таким образом, комплексному анализу подвергнут каменный инвентарь, отнесенный к середине V тыс. до н.э., что в целом не противоречит серии дат, полученных для полуденской традиции на территории Зауралья [Выборнов и др., 2014, с. 39; Чаиркина, 2015, с. 129].

Необходимо отметить отсутствие единства взглядов на круг памятников, объединяемых в рамках полуденской культуры. Это делает довольно расплывчатой характеристику ее материальной культуры, в том числе каменной индустрии, необходимую для сравнительного анализа. В разные годы исследователи пишут о полуденской культуре [Ковалева, 1989; Зах, 2009], о полуденском типе керамики [Чаиркина, 2015], о полуденско-гребенчатой традиции [Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014], о козловско-полуденских древностях [Еньшин, 2015], объединяя в данные группы памятники со смешанным неолитическим слоем. Это связано с тем, что полуденская керамика довольно часто встречается совместно с керамикой других неолитических культур, в частности с козловской. Зачастую разделение каменного инвентаря в смешанном культурном слое неолитических памятников вызывает определенные сложности, поэтому описание каменной индустрии или инвентаря приводится суммарно или отсутствует [Стефанов, 1991]. В ряде случаев авторы работ соотносили каменные орудия с конкретными керамическими комплексами на многослойных памятниках, однако впоследствии, при корректировке и расчленении керамики на различные хронологические группы, каменный инвентарь этому делению не подвергался. Это типично для полуденских комплексов. Таким образом, имеются лишь обобщенное описание каменной индустрии и эпизодическая информация о функциональном назначении орудий с некоторых памятников (Полуденка II, Козлов Мыс I, Карьер II, Исетское Правобережное 1 (жил. 2), Сосновый Остров (комплекс II), Кочегарово I, ЮАО-XV и др.) [Старков, Сериков, 1975; Алексашенко, Паутова, 1979, с. 54; Ковалева, 1989, с. 46; Мосин, Страхов, 2011, с. 163–167; Алексашенко, 1969; Алексашенко, Кернер, 1990, с. 14–24; Шаманаев, 2002, с. 89–90; Дрябина, 1991]. В полной мере это касается и материалов стоянки Кедровый Мыс-1.

Для производства орудий на стоянке Кедровый Мыс-1 использовалось сырье из долины р. Миасс, находящейся за Ильменским хребтом, примерно в 20–25 км от места расположения

стоянки. Преобладают фтанитоиды и сургучно-зеленая яшма, однако этого качественного сырья не хватало, использовались местные халцедоны.

На основании анализа каменного инвентаря полуденского комплекса можно утверждать, что каменная индустрия, основанная на призматическом расщеплении, была направлена на производство пластин в качестве заготовки для орудий. При изготовлении орудий предпочтение отдавалось средним по ширине пластинам (0,8–1 см — 33 %, 1,1–1,5 — 31 %), при небольшом использовании мелких пластин (32 %). Специфику комплексу придают орудия, свидетельствующие о существовании вкладышевой техники, это пластины с притупленной спинкой и брюшком, скошенные острия, «треугольник», пластины без ретуши, использовавшиеся в качестве ножей. Для обработки пластин применялась в основном притупляющая ретушь со стороны спинки, реже — приострающая. Резцовый скол в качестве приема формообразования орудий применялся редко. Резцов не обнаружено.

Типологически выделенные орудия представлены наконечниками стрел, концевыми скребками, проколками, сверлами, скребками на отщепах и нуклевидных сколах, рубящими орудиями, абразивами, ретушером, нуклеусами. Облик охотничьего вооружения демонстрирует небольшое разнообразие, выраженное в использовании наконечников стрел листовидной и треугольной форм и, возможно, дротиков (?).

Взаимосвязь устоявшихся форм орудий с их функциональным назначением показывает, что концевые скребки использовались в таких работах, как обработка шкуры, дерева и кости. При этом употребляли круговые скребки из отщепов и нуклевидных сколов, однако наиболее массивные из них чаще всего использовались для обработки кости. Пластинчатые заготовки с ретушью и без нее применялись в различных операциях, связанных как с обработкой твердых органических материалов, так и с обработкой шкуры и мяса. Специфические формы (треугольник, пластины с притупленной спинкой, скошенные острия и т.д.) единичны и являлись деталями составных лезвий ножей.

Особенности полуденского орудийного набора стоянки Кедровый Мыс-1 позволяют предполагать, что в этот период основная деятельность ее населения была связана с обработкой добычи — разделкой мяса и обработкой улова. Об этом свидетельствует преобладание ножей для обработки мяса животных/рыбы (42 %). Доля орудий, участвовавших в изготовлении инвентаря из дерева (24 %), невелика, что, видимо, обусловлено выборкой, однако морфологически четко выражена. В то же время наличие инструментов для обработки шкуры, камня, кости и ремонта керамики показывает, что на стоянке осуществлялся практически полный цикл производственной деятельности, обеспечивавшей полноценную адаптацию в условиях озерной системы.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8 (С.Н. Скочина).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексашенко Н.А. Каменный инвентарь стоянки Сосновый Остров // Вопросы археологии Приобья. Тюмень: ТюмГУ, 1979. С. 29–51.
- Алексашенко Н.А., Кернер В.Ф. Реконструкция хозяйственной деятельности неолитического населения Среднего Зауралья. Свердловск, 1990. 63 с.
- Алексашенко Н.А., Паутова Т.П. Неолитическое жилище на северном берегу Андреевского озера // Вопросы археологии Приобья. Тюмень: ТюмГУ, 1979. С. 51–59.
- Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология Уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. № (1) 57. Новосибирск, 2014. С. 33–48.
- Дрябина Л.А. Каменный инвентарь неолитического поселения на 15 участке Андреевского озера // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 13–25.
- Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергенъ 7 (Нижнее Приишимье): Характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 15–27.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.
- Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.: Наука, 1987. 320 с.
- Мосин В.С. Археологические исследования в Ильменском государственном заповеднике, Южный Урал // Минералогия. 6 (2). Миасс, 2020. С. 113–122. <https://doi.org/10.35597/2313-545X-2020-6-2-8>
- Мосин В.С., Страхов А.Н. Поселение Кочегарово I (материалы исследований 1992, 2007, 2008 гг.) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 161–175.

Каменный инвентарь полуденского комплекса стоянки Кедровый Мыс-1

Мосин В.С., Страхов А.Н., Яковлева Е.С., Никитин А.Ю. Неолитический и энеолитический комплексы стоянки Кедровый мыс I в Южном Зауралье // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 4. С. 46–56. <https://doi.org/10.14529/ssh170407>

Мосин В.С., Яковлева Е.С. Неолитический комплекс стоянки Кедровый мыс I // Самарский научный вестник. 2016. № 2(15). С. 74–79.

Семенов С.А. Первобытная техника: (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // МИА. 1957. № 54. 240 с.

Старков В.Ф., Сериков Ю.Б. Стоянка Полуденка II в Среднем Зауралье // СА. 1975. № 2. С. 170–172.

Стефанов В.И. Неолитическое поселение Дуванское 5 // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144–160.

Reimer P., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A., Kromer B., Manning S.W., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson C., van der Plicht J., Reim Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). Radiocarbon. 2020. 62. P. 725–757. <https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41>

ИСТОЧНИКИ

Чаиркина Н.М. Торфяниковые памятники Зауралья: анализ и интерпретация: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. Т. 1. 338 с.

Шаманов А.В. Каменные индустрии мезолита — раннего бронзового века Нижнего Притоболья: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 221 с.

Skochina S.N.^{a,*}, Mosin V.S.^{b,c}

^a Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

^b The South Ural Branch of Institute of History and Archaeology Urals Branch of RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Ekaterinburg, 620108, Russian Federation

^c South Ural State University
av. Lenin, 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
E-mail: Sveta_skochina@mail.ru (Skochina S.N.); mvs54@mail.ru (Mosin V.S.)

Stone equipment of the Poludensky complex of the Kedrov Mys-1 site

The paper deals with the complex analysis of the stone equipment of the Kedrov Mys-1 site associated with the Poludensky tradition, classical for the Trans-Urals, dated to the Late Neolithic period. On the basis of typological and functional analyses, aimed at the study of tool shapes and identification of their correlation with the functional purpose, specifics of the stone industry of the Poludensky complex have been determined. The tools manufactured at the site of Kedrov Mys-1 were produced from the materials from the valley of the river Miass, situated behind the Ilmensky ridge, approximately 20–25 km away from the site. Dominant materials are phthanitoids and sealing-wax green jade; these quality materials were scarce, so that local chalcedonies were used. The stone industry based on the prismatic flaking was aimed at the production of plates as the feedstock for the tools. For the production of tools, preference was given to the medium-width plates, with a little use of small plates. A feature of the complex is represented by the tools indicating the existence of the insert technique, such as plates with the rounded back and face, chamfered tips, “triangle”, and unretouched plates used as knives. Mainly blunting retouching, and sometimes sharpening, was used for the plate processing from the back side. A cutter spalling as the tool shaping technique was used occasionally. No cutters were found. Typologically identified tools are represented by arrow tips, end scrapers, piercers, borers, scrapers on the flakes and nucleus cleavage, chopping tools, abrasives, and a retoucher. Specifics of the Poludensky toolset of the Kedrov Mys-1 site allows suggestion that during this period of the site the main activity of the population was concerned with food processing — meat cutting and catch processing. This is evidenced by the predominance of the knives for meat/fish cutting. The proportion of tools used for the production of wooden equipment is quite small, which is probably due to the sampling, although morphologically it is very prominent. In the meantime, the presence of tools for processing of skin, stone, bone, and for repair of ceramics indicates a full cycle of the production activity ensuring efficient adaptation in the lake system environment.

Keywords: mountain-forest Trans-Urals, Poludenskaya Culture, Late Neolithic, technical-morphological analyzes, use wear analysis, stone inventory, features of the economy.

Funding. The article was carried out according to state order No. 121041600045-8 (S.N. Skochina).

* Corresponding author.

REFERENCES

- Aleksashenko, N.A. (1979). The stone inventor of the Sosnovy Ostrov. In: *Voprosy arkheologii Priob'ia*, 29–51. (Rus.).
- Aleksashenko, N.A., Kerner, V.F. (1990). *Reconstruction of the economic activity of the Neolithic population of the Middle Trans-Urals*. Sverdlovsk. (Rus.).
- Aleksashenko, N.A., Pautova, T.P. (1979). Neolithic dwelling on the northern shore of Andreevskoye lake. In: *Voprosy arkheologii Priob'ia*, 51–59. (Rus.).
- Driabina, L.A. (1991). Stone tools of the Neolithic settlement at the 15th section of Andreevskoye Lake. In: *Istochniki etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri*. Tiumen': TiumGU, 13–25. (Rus.).
- En'shin, D.N. (2015.) Ceramic complex of the settlement of Mergen 7: Characteristics and interpretation. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2), 15–27. (Rus.).
- Kovaleva, V.T. (1989). *Neolithic of the Middle Trans-Ural*. Sverdlovsk. (Rus.).
- Korobkova G.F. (1987). *Economic complexes of early agricultural and pastoralist societies in the south of the USSR*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Mosin, V.S. (2020). Archaeological research in the Ilmensky state reserve, South Ural. *Mineralogiia*, (2), 113–122. (Rus.). <https://doi.org/10.35597/2313-545X-2020-6-2-8>
- Mosin, V.S., Strakhov, A.N. (2011). Settlement Kochegarovo I (research materials 1992, 2007, 2008). *Voprosy arkheologii Urala*. Vyp. 26. Ekaterinburg; Surgut, 161–175. (Rus.).
- Mosin, V.S., Iakovleva, E.S. (2016). Neolithic complex of the Kedrovyy Mys site I. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 15(2), 74–79. (Rus.).
- Mosin, V.S., Strakhov, A.N., Iakovleva, E.S., Nikitin, A.Iu. (2017). Neolithic and Eneolithic complexes of the Kedrovyy Mys site in the South Trans-Urals. *Vestnik IuUrGU. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, (4), 46–56. (Rus.).
- Reimer, P., Austin, W.E.N., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P.G., Bronk Ramsey, C., Butzin, M., Edwards, R.L., Friedrich, M., Grootes, P.M., Guilderson, T.P., Hajdas, I., Heaton, T.J., Hogg, A., Kromer, B., Manning, S.W., Muscheler, R., Palmer, J.G., Pearson, C., van der Plicht, J., Reim Richards, D.A., Scott, E.M., Southon, J.R., Turney, C.S.M., Wacker, L., Adolphi, F., Büntgen, U., Fahrni, S., Fogtmann-Schulz, A., Friedrich, R., Köhler, P., Kudsk, S., Miyake, F., Olsen, J., Sakamoto, M., Sookdeo, A., Talamo, S. (2020). The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, (62), 725–757.
- Semenov, S.A. (1957). Primitive technology: (Experience in studying the most ancient tools and products on the trail of work). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (54). (Rus.).
- Starkov, V.F., Serikov, Iu.B. (1975). Poludenka II site in the Middle Trans-Urals. *Sovetskaya arkheologiia*, (2), 170–172. (Rus.).
- Stefanov, V.I. (1991). Neolithic settlement Duvanskoe 5. In: *Neoliticheskie pamiatniki Urala*. Sverdlovsk, 144–160. (Rus.).
- Vybornov, A.A., Mosin, V.S., Epimakhov, A.V. (2014). Chronology of the Ural Neolithic. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, (1), 33–48. (Rus.).
- Zakh, V.A. (2009). *Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the Tobol-Ishim forest region*. (Rus.).

Скочина С.Н., <http://orcid.org/0000-0001-8162-4779>

Мосин В.С., <https://orcid.org/0000-0002-5936-3266>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Чечушков И.В.^{a,*}, Епимахов А.В.^b

^a ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

^b Южно-Уральский государственный университет, просп. Ленина, 76, Челябинск, 454080
E-mail: chivpost@gmail.com (Чечушков И.В.); eav74@rambler.ru (Епимахов А.В.)

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР И МОГИЛЬНИКА КАМЕННЫЙ АМБАР-5 В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ: ВОЗМОЖНОСТИ БАЙЕСОВСКОЙ СТАТИСТИКИ

Методом байесовского анализа радиоуглеродных дат проведено сравнение хронологии поселения Каменный Амбар и могильника Каменный Амбар-5 синташтинско-петровского этапа позднего бронзового века. Оба памятника расположены в долине р. Карагайлы-Аят в Карталинском районе Челябинской области (Россия). Сравнение керамических коллекций поселения и могильника демонстрирует их сходство, что дает основания предполагать существование генетической связи между памятниками. Цель работы — построение обобщенной хронологической модели двух памятников. Это осуществляется путем сравнения некалиброванных интервалов радиоуглеродных дат и расчета хронологических границ существования городища и могильника методом байесовского моделирования калиброванных дат. Метод заключается в том, что сначала определяется стратиграфическая позиция каждой даты, а затем пригодные для анализа даты выстраиваются в хронологическом порядке, калибруются, при этом в алгоритм программы калибровки OxCal 4.4 вводятся запросы, рассчитывающие границы заданных периодов и их длительность. Кроме того, в статье приводятся полные сводки радиоуглеродных дат: из материалов поселения Каменный Амбар получена 61 радиоуглеродная дата, а из материалов могильника Каменный Амбар-5 происходит 19 радиоуглеродных измерений. Сопоставление радиоуглеродных дат и построение байесовских хронологических моделей продемонстрировали синхронность поселения Каменный Амбар и могильника Каменный Амбар-5 при чуть более позднем начале функционирования кладбища. Это наблюдение согласуется с концепцией генетической связи между памятниками и, вероятно, может быть принято для других пар городище-курганный могильник, относимых к синташтинско-петровскому времени. Также наше заключение не противоречит концепции формирования комплекса памятников пришлым населением, которое основало поселок, какое-то время проживало на новой территории, а первые смерти случились лишь спустя некоторое время. При этом городище Каменный Амбар существовало не дольше века в 1950-х — 1860-х гг. до н.э., а могильник Каменный Амбар-5, вероятно, функционировал около 70–80 лет в этом же хронологическом интервале.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, радиоуглеродное датирование, байесовский анализ, Южный Урал, синташта.

Введение

Укрепленное поселение Каменный Амбар и могильник Каменный Амбар-5 располагаются в долине р. Карагайлы-Аят, в 8–10 км к востоку от с. Варшавское Карталинского района Челябинской области в пределах степной зоны Зауральского пенепплена. Памятники находятся на расстоянии 0,8–1,2 км друг от друга, по разным берегам реки: поселение на левом, могильник — на правом. Близость в пространстве, а также очевидное сходство материальной культуры, относящейся к позднему бронзовому веку, позволили исследователям предполагать их хронологическую близость и даже прямую взаимосвязь: гипотеза о том, что какая-то часть жителей городища была погребена на принадлежащем ему кладбище, была сформулирована начиная с первых шагов исследования [Костюков и др., 1995; Епимахов, 2005; Krause, Koryakova, 2013]. К настоящему времени раскопками полностью изучено четыре кургана синташтинско-петровского¹ и четыре кургана срубно-алакульского времени. Радиоуглеродное датирование проведено для многомогильных синташтинских курганов № 2 и 4 и для срубно-алакульских курганов № 7 и 12.

* Corresponding author.

¹ В отличие от поселения [Пантелеева, 2020], в материалах могильника невозможно уверенно выделить петровскую керамику, хотя некоторые черты могут быть интерпретированы как петровские [Епимахов, 2005, с. 45, 54, 129]. По этой причине словосочетание «синташтинско-петровский» далее используется нами только для обозначения периода в истории поселения, соотносимого с временем осуществления подкурганных захоронений.

Серия радиоуглеродных дат, полученная по органическим материалам поселения и могильника, позволяет проверить гипотезу о синхронности памятников, а также уточнить радиоуглеродные хронологические интервалы путем сопоставления калиброванных интервалов ^{14}C -дат двух серий. Методика анализа и результаты байесовской статистики дат поселения были ранее опубликованы [Чечушков и др., 2020; Епимахов и др., 2020], однако материалы могильника нуждаются в изучении и встраивании в уточненную с их помощью байесовскую хронологическую модель археологического комплекса (городище и могильник). Этому и посвящена настоящая работа. Для построения обобщенной хронологической модели двух памятников решаются следующие исследовательские задачи:

1. Оценка выборок радиоуглеродных дат из погребальных контекстов для проверки их внутренней согласованности и определения выбросов.
2. Сравнение некалиброванных интервалов радиоуглеродных дат поселения и могильника.
3. Установление хронологических границ существования поселения в соответствии с радиоуглеродными образцами его культурного слоя методом байесовского моделирования.
4. Установление хронологических границ функционирования курганных комплексов.
5. Сравнение байесовских моделей объектов и выявление их относительных хронологических позиции.

Методы и материалы

Использованный нами байесовский подход к анализу радиоуглеродных дат был опубликован ранее и не нуждается в повторном представлении [Чечушков и др., 2020]. Вкратце методика заключается в том, что перед калибровкой интервалов, если возможно, производятся следующие процедуры: 1) определяется стратиграфическая позиция каждой даты; 2) отбраковываются заведомые статистические выбросы, не датирующие археологические события; 3) пригодные для анализа даты выстраиваются в хронологическом порядке; 4) даты калибруются; 5) в алгоритм программы калибровки OxCal вводятся запросы, рассчитывающие границы заданных периодов и их длительность.

Таблица 1

Радиоуглеродные даты могильника Каменный Амбар-5

Table 1

Radiocarbon dates from Kamennyi Ambar-5

Лаб. код	Курган	М.я.	Датированный материал	Дата	±	δ13C	δ15N	%C	%N	C:N
Beta-436294	2	16	Коллаген, кость человека, 12–18 лет, муж.	3640	30	-17.4	14.5	40.4	15.2	3.1
OxA-12532	2	12	Коллаген, кость человека, погр. 4, 20–24 лет, жен.	3604	31	-19.4	14.8	39.6	13.2	3.5
OxA-12530	2	6	Коллаген, кость человека, погр. 2, 15–18 лет, неопр.	3572	29	-18.5	11.5	40.7	13.8	3.4
OxA-12533	2	15	Коллаген, кость человека, 16–18 лет, муж.	3555	31	-17.8	13.6	39.5	13.3	3.5
Beta-436393	2	11	Коллаген, кость человека, погр. 2, 12–18 лет, муж.	3560	30	-18	12.6	40.1	13.6	3.4
PSUAMS-1954	2	6	Коллаген, кость черепа человека, погр. 8, взрослый, муж.	3550	25					
OxA-12531	2	8	Коллаген, кость человека, погр. 2, 7–11 лет, жен.	3549	29	-18.2	14.2	41	15.3	3.1
IGANAMS-7813	2	15	Коллаген, кость черепа КРС	3540	20	-19.55	7.69			3.21
PSUAMS-2102	2	8	Коллаген, кость человека, погр. 4, новорожд., муж.	3460	20	-17.8	13.3	27.5	9.7	3.3
PSUAMS-1953	4	2	Коллаген, кость человека, погр. 5, 3–9 мес., муж.	3540	25	-18	15.6	37.65	12.47	3.52
OxA-12534	4	3	Коллаген, кость человека, 22–25 лет, жен.	3529	31	-17.9	14.14	38.68	12.93	3.49
OxA-12650	4	1	Коллаген, кость человека, 12–18 лет, жен.	3521	28	-18.2	12.2	37.09	12.47	3.47
PSUAMS-2064	4	11	Коллаген, кость человека, погр. 2, <1 г., муж.	3520	25	-18.6	12.9	35.93	12.16	3.45
Beta-436363	4	2	Коллаген, кость человека, погр. 6, 2–6 лет, муж.	3500	30	-17.8	14.4	38.49	12.79	3.51
OxA-12535	4	15	Коллаген, кость человека, 2–4 лет, неопр.	3498	35					
PSUAMS-1952	4	11	Коллаген, кость человека, погр. 4, 2–4 лет, муж.	3495	25	-17.7	13.4	38.13	12.69	3.5
PSUAMS-2101	4	2	Коллаген, кость человека, погр. 4, 2–4 лет, муж.	3475	30	-17.9	13.9	37.82	12.65	3.49
IGANAMS-7814	7	12	Коллаген, кость конечности МРС, № 1	3490	20	-20.23	5.1			3.22
IGANAMS-7815	12	2	Коллаген, кость черепа человека, погр. 2, взрослый, муж.	3630	20	-18.25	10.21			3.16

К настоящему времени из материалов поселения Каменный Амбар получена 61 радиоуглеродная дата, а их сводка и подробный анализ опубликованы в упомянутых выше работах.

Из материалов могильника Каменный Амбар-5 происходит 19 радиоуглеродных измерений: девять образцов получено из синташтинского кургана № 2, восемь образцов происходят из синташтинского кургана № 4, по одному образцу — из курганов № 7 и 12 срубно-алакульского времени. В большинстве случаев материалом для измерений служил выделенный из человеческих костей коллаген ($n = 17$). Однако даты по человеческим костям могут испытывать влияние резервуарного эффекта. Так, наличие в индивидуальном рационе пресноводной рыбы может привести к удревнению радиоуглеродного возраста вплоть до 300–500 калиброванных лет [Cook et

Хронологическое соотношение укрепленного поселения Каменный Амбар и могильника...

al., 2001]. Наличие костей и чешуи рыб в культурном слое поселения, а также рыболовных снастей в материалах могильника² позволяют заключить, что рыба являлась частью рациона по крайней мере некоторых индивидов [Епимахов, 2005, с. 24, 71; Stobbe et al., 2013, р. 233–237], что подтверждает возможность присутствия рыбы в диете. Два образца были получены по костям КРС и МРС и, таким образом, не могут быть подвержены влиянию пресноводного резервуарного эффекта и являются контрольными.

Радиоуглеродные даты могильника Каменный Амбар-5 приведены в табл. 1. В табл. 2 приведены даты по поселению Каменный Амбар.

Таблица 2

Радиоуглеродные даты поселения Каменный Амбар

Table 2

Radiocarbon dates from the settlement of Kamennyi Ambar

Лаб. код	Дата	±	Локализация	Материал	Источник
Ki-15508	6020	100	Почва из-под вала	Почва	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-11649	3989	67	Постр. 4, колод. 4.1, верх. гор.	Уголь	[Ruhl et al., 2016]
MAMS-11654	3976	53	Постр. 2, кол. 2/8	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
Ki-15502	3900	70	Ров	Почва	[Krause, Koryakova, 2013]
Ki-15503	3820	70	Ров	Почва	[Krause, Koryakova, 2013]
UGAMS-16777	3760	25	Постр. 2, кол. 2/1, ниж. заполн.	Дерево	[Епимахов и др., 2020]
Hd-28408	3644	31	Постр. 2, кол. 2/1а	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-11657	3643	27	Постр. 5, столб. ямка	Дерево	[Корякова, 2012]
Hd-28458	3636	26	Постр. 2, кол. 2/4	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
HD-28431	3618	31	Постр. 2, кол. 2/1	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
Hd-28430	3617	31	Постр. 2, кол. 2/1а	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-22509	3608	24	Ров, Уф/46	Уголь	[Krause, Koryakova, 2021]
MAMS-11651	3601	38	Постр. 2, кол. 2/7	Уголь	[Krause, Koryakova, 2013]
HD-28432	3594	31	Постр. 2, кол. 2/1	Дерево, кольцо 5	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-15087	3592	30	Постр. 5, кол. 5/1	Plant	[Корякова, Кузьмина, 2017]
MAMS-11660	3577	21	Постр. 2, кол. 2/9	Дерево, внешнее кольцо	[Krause, Koryakova, 2013]
Hd-29289	3572	23	Постр. 4, кол. 4/1	Уголь	[Епимахов, 2010]
MAMS-19904	3570	30	Постр. 5, кол. 5/9	Plant	[Корякова, Кузьмина, 2017]
MAMS-15084	3564	23	Постр. 4, кол. 4.1 rubbish layer	Уголь	[Ruhl et al., 2016]
MAMS-19903	3561	27	Постр. 5, кол. 5/9	Дерево	[Корякова, Кузьмина, 2017]
Hd-28457	3559	26	Постр. 2, кол. 2/4	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-21412	3559	23	Постр. 5, кол. 5/4	Уголь	[Корякова, Кузьмина, 2017]
MAMS-15083	3558	28	Постр. 6, кол. 6.1	Семя	[Ruhl et al., 2016]
MAMS-11652	3550	24	Постр. 7, кол. 7/1	Уголь	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-11661	3548	25	Постр. 2, кол. 2/4	Сосновая шишка	[Krause, Koryakova, 2013]
Hd-29226	3547	25	Постр. 5	Уголь	[Епимахов, 2010]
MAMS-11656	3540	27	Постр. 2, кол. 2/9	Дерево	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-11659	3539	22	Постр. 2, кол. 2/9	Дерево, кольцо 1	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-19902	3537	22	Постр. 5b, кол. 5/9, ниж. заполн.	Семя	[Епимахов и др., 2020]
MAMS-15085	3537	22	Постр. 4, кол. 4.1	Уголь	[Ruhl et al., 2016]
MAMS-27513	3534	31	Постр. 6, кол. 6/1, верх	Семя	[Епимахов и др., 2020]
MAMS-11655	3531	24	Постр. 3, кол. 3/1	Уголь	[Krause, Koryakova, 2013]
Hd-29227	3530	20	Постр. 5, пол	Уголь	[Епимахов, 2010]
UGAMS-16778	3530	20	Постр. 5b, кол. 5/3, ниж. заполн.	Дерево	[Епимахов и др., 2020]
MAMS-19901	3530	27	Постр. 5b, кол. 5/9, ниж. заполн.	Семя	[Епимахов и др., 2020]
MAMS-11658	3526	24	Постр. 5b, кол. 5/2	Уголь	[Корякова, 2009]
Hd-29292	3520	24	Постр. 4, пол	Уголь	[Епимахов, 2010]
KCCAMS-804	3520	20	Постр. 2, кол. 2/2	Уголь	[Епимахов, 2010]
MAMS-19907	3518	26	Постр. 5, кол. 5/7	Plant	[Корякова, Кузьмина, 2017]
Hd-29249	3515	30	Постр. 5, filling	Уголь	[Епимахов, 2010]
KCCAMS-802	3515	20	Постр. 2, кол. 2/1	Уголь	[Епимахов, 2010]
KCCAMS-803	3515	20	Постр. 3	Дерево	[Епимахов, 2010]
MAMS-19403	3514	21	Постр. 5	Уголь	[Корякова, Кузьмина, 2017]
MAMS-21414	3511	24	Постр. 5	Уголь	[Корякова, Кузьмина, 2017]
KCCAMS-800	3510	20	Ров Е/3	Уголь	[Епимахов, 2010]
MAMS-19906	3508	22	Постр. 5b, кол. 5/7, сред. заполн.	Семя	[Епимахов и др., 2020]
MAMS-27516	3505	24	Постр. 4, кол. 4/1, ниж. заполн.	Семя	[Епимахов и др., 2020]
MAMS-27518	3505	29	Постр. 5, кол. 5/10	Plant	[Корякова, Кузьмина, 2017]
KCCAMS-801	3505	20	Постр. 2, пол	Уголь	[Епимахов, 2010]
MAMS-19908	3502	32	Постр. 5, кол. 5/7	Plant	[Корякова, Кузьмина, 2017]
Hd-29412	3482	45	Постр. 6, кол. 6/1	Уголь	[Епимахов, 2010]
MAMS-10885	3478	27	Постр. 4, кол. 4/1	Уголь	[Епимахов и др., 2020]
MAMS-27515	3474	26	Постр. 6, кол. 6/1, ниж. заполн.	Семя	[Епимахов и др., 2020]
MAMS-11653	3471	25	Постр. 2, кол. 2/5	Уголь	[Krause, Koryakova, 2013]
MAMS-15082	3462	22	Постр. 6, кол. 6.1	Семя	[Ruhl et al., 2016]
Hd-29225	3442	33	Постр. 6, кол. 6/1	Уголь	[Епимахов, 2010]
MAMS-11650	3433	25	Постр. 6, кол. 6/1, сред. заполн.	Дерево	[Корякова, 2009]
MAMS-27514	3433	25	Постр. 6, кол. 6/1, ниж. заполн.	Семя	[Епимахов и др., 2020]
Hd-29411	3417	23	Постр. 5, floor	Уголь	[Епимахов, 2010]
Hd-29410	3415	25	Постр. 4	Уголь	[Епимахов, 2010]
UBA-26188	3348	36	Постр. 6, кол. 6.1, верх. заполн.	Семя	[Ruhl et al., 2016]

² В материалах могильника есть единичная находка позвонка рыбы, использованного в качестве части украшения.

Результаты исследования

1. Сравнение материальной культуры поселения и могильника

Керамика является общепринятым культурным индикатором, используемым для сопоставления и объединения независимых археологических комплексов [Генинг, 1973]. В опубликованной части керамической коллекции синташтинской части³ могильника насчитывается 155 сосудов, а посуда сопоставима по основным показателям [Епимахов, 2005, с. 160–161; Ткачев, Хаванский, 2006]. Раскопки кургана 8 дополнили эту выборку еще 10 экземплярами, аналогичными по всем основным параметрам. Вся посуда плоскодонная, выполнена с использованием твердой основы, за вычетом миниатюрных форм, изготовленных методом скульптурной лепки. В коллекции преобладают горшечные остроробные формы с ребром в верхней трети тулова, с отогнутой наружу шейкой. Присутствуют и плавно-профилированные формы. Значительная доля горшечных форм имеет характерное оформление венчика — срез, образующий внутреннее ребро. Большинство сосудов орнаментировано. Орнаментация выполнена гладким или гребенчатым штампами, преобладают линии, образующие треугольные и «елочные» мотивы, наклонные линии и сплошные горизонтальные линии по шейке, пирамидальные сюжеты, меандры и волны. Некоторые снабжены рельефными элементами (одинарными и двойными «шишечками», вертикальными и горизонтальными валиками).

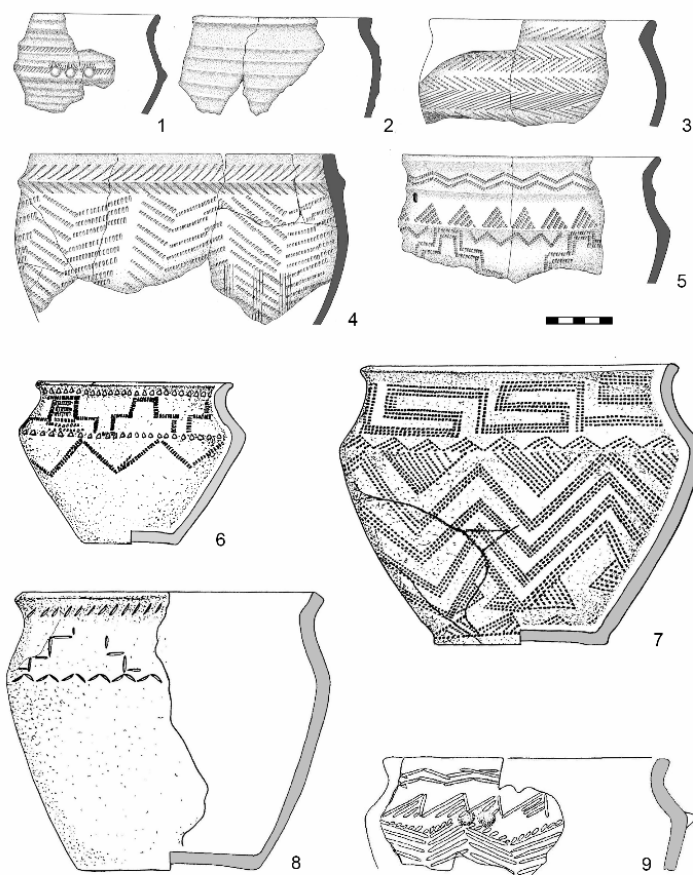

Рис. 1. Сравнительный анализ керамики поселения Каменный Амбар и могильника Каменный Амбар-5: 1–5 — поселение Каменный Амбар; 6 — могильник Каменный Амбар-5, к. 2, м.я. 12; 7 — могильник Каменный Амбар-5, к. 2, м.я. 15; 8 — могильник Каменный Амбар-5, к. 2, м.я. 8; 9 — могильник Каменный Амбар-5, к. 4, м.я. 8.

Fig. 1. Ceramic vessels from the Kamennyi Ambar settlement and the Kamennyi Ambar-5 cemetery: 1–5 — the settlement; 6 — Kamennyi Ambar-5, kurgan 2, grave 12; 7 — Kamennyi Ambar-5, kurgan 2, grave 15; 8 — Kamennyi Ambar-5, kurgan 2, grave 8; 9 — Kamennyi Ambar-5, kurgan 4, grave 8.

³ Срубно-алакульские курганы оставлены за пределами развернутого анализа по причине недостаточности радиоуглеродных дат и невозможности однозначного соотнесения эти материалов с поселением Каменный Амбар, так как в непосредственной близости от них располагается не исследованное раскопками поселение поздней бронзы Каменный Амбар-7.

Ключевым отличием поселенческой коллекции с точки зрения пригодности для сравнительного анализа является то, что она фрагментирована и в ней почти нет полных форм. Однако это обстоятельство не является существенным препятствием к сравнению, так как тщательный анализ морфологии и орнаменталистики коллекции был проведен на большой выборке [Пантелеева, 2013, 2014, 2020; Panteleyeva, 2013]. Поселенческая керамика более разнообразна по морфологии, в ней присутствует большое количество баночных форм, однако горшечные формы во многом сходны с погребальной посудой [Ткачев, Хаванский, 2006]. В них также наличествуют остросереберные горшки с ребром в верхней трети и отогнутой наружу шейкой. Явно сходны и орнаментальные схемы: отмечаются заштрихованные треугольники, нанесенные гладким штампом «елочные» орнаменты, «шишечки», горизонтальные линии по шейке.

В целом даже такое умозрительное сравнение керамических коллекций показывает их безусловное сходство (рис. 1). Это дает основания предполагать генетическую связь между поселением и могильником. Иных поселений и могильников с аналогичной керамикой в микрорайоне не обнаружено.

2. Анализ некалиброванных значений ^{14}C -дат

Поскольку результаты анализа дат поселения были опубликованы ранее [Чечушков и др., 2020; Епимахов и др., 2020], остановимся лишь на ключевых наблюдениях. Во-первых, отметим, что гистограмма радиоуглеродных значений позволяет выделить две группы (рис. 2). *Синташтинско-петровскому этапу 1* соответствует пик слева, сформированный достаточно большой выборкой дат ($n = 42$). Вторая группа сформирована меньшей серией дат ($n = 13$), стратиграфически принадлежащих к *срубно-алакульскому этапу 2*. Они образуют плато с небольшим пиком в правой части графика. Во-вторых, для выявления статистически значимой разницы между двумя группами определим средневзвешенный возраст каждой из них [Ward, Wilson, 1978]: для этапа 1 это значение составляет 3546 ± 6 радиоуглеродных лет, а для этапа 2 — 3435 ± 14 лет. Средние значения статистически различаются и их диапазоны ошибок не пересекаются ($\chi^2 = 106,2$, $p = 0,05$, $df = 1$).

В-третьих, калибровка средневзвешенных значений двух этапов с помощью OxCal 4.4 и калибровочной кривой IntCal20 показывает, что на средневзвешенный возраст этапа 1 влияет спрямление калибровочной кривой, относящееся к периоду 3850–3725 кал. л.н. Этот «артефакт кривой» производит широкий диапазон калиброванного значения в пределах 3880–3730 кал. л.н. (95,4 %) при среднем возрасте 3840 кал. л.н. Калиброванный интервал средневзвешенного возраста этапа 2 соответствует 3820–3635 кал. л.н. (95,4 %), а среднее интервала — 3680 кал. л.н.

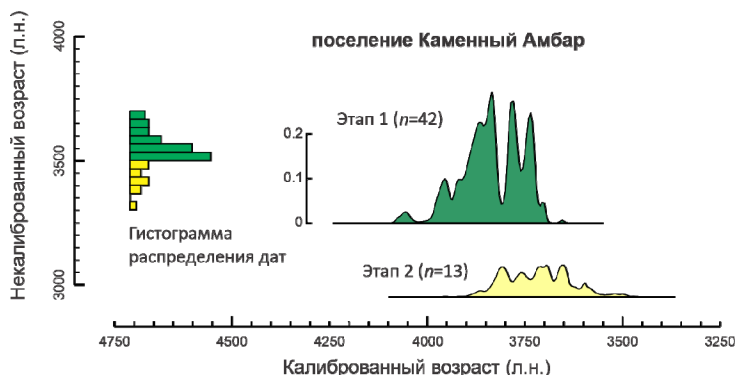

Рис. 2. Поселение Каменный Амбар, распределение дат.

Fig. 2. The Settlement of Kamennyi Ambar, distribution of radiocarbon dates.

С одной стороны, анализ калиброванных средневзвешенных значений подтверждает существование двух групп дат, что хорошо согласуется со стратиграфическими наблюдениями и культурными заключениями. С другой стороны, анализ показывает, что часть интервала распределения вероятностей сформирована артефактами калибровочной кривой в периоде 3820–3680 кал. л.н. Полученное пересечение является искусственным, так как оно противоречит стратиграфическим данным и, следовательно, должно быть лимитировано методом байесовской статистики.

Радиоуглеродные даты кургана 2 относятся к периоду 3670 по 3440 л.н., на что указывают границы интервала в 1σ самой ранней и самой поздней из дат. Возраст образцов кургана 4 соотносится с периодом 3565–3445 л.н., что, возможно, указывает на его несколько более позднее хронологическое положение по сравнению с курганом 2.

Среди дат кургана 2 самая древняя (3640 ± 30 (Beta-436294), м.я. 16) и самая молодая (3460 ± 20 (PSUAMS-2102), м.я. 8, индивид 4) определяются как статистические выбросы: метод взвешенного среднего показывает, что выборка, включающая эти даты, не проходит хи-квадрат тест ($\chi^2 = 33,04$, $p = 0,05$, $df = 8$) [Ward, Wilson, 1978]. Значения стабильных изотопов для образца из м.я. 16 определены как $\delta_{13}\text{C} = -17,4 \text{ ‰}$ и $\delta_{15}\text{N} = +14,5 \text{ ‰}$. В то же время средние значения для кургана составляют $\delta_{13}\text{C} = -18,2 \pm 0,17 \text{ ‰}$ и $\delta_{15}\text{N} = +13,0 \pm 0,4 \text{ ‰}$ (при 95 % ДИ), а значения по черепу КРС определены как $\delta_{13}\text{C} = -19,6 \text{ ‰}$ и $\delta_{15}\text{N} = +7,8 \text{ ‰}$. Сравнение с этими значениями показывает, что ранний возраст первого из выбросов может быть связан с употреблением 15–17-летним индивидом пресноводной рыбы и поступлением через нее «старого углерода», хотя значения $\delta_{15}\text{N}$ могут быть также связаны с употреблением в пищу дикорастущих C_4 -злаков [Stobbe et al., 2013; Hanks et al., 2018]. Возраст образца из м.я. 8 может объясняться по-разному: либо погребенный младенец был подзахоронен в могилу уже после сооружения основного погребения, датированного 3549 ± 29 (OxA-12531, м.я. 8, индивид 2), либо следствием загрязнения самого образца. Подтвердить или опровергнуть какую-либо из версий невозможно до появления новых данных. В силу цельности картины погребального обряда мы склоняемся к версии загрязнения, с которой, впрочем, не согласен аналитик радиоуглеродной лаборатории Penn State University, где была получена дата (Cullenton, 2020, устное сообщение).

Среди дат кургана 4 статистических выбросов не выявлено, так как выборка проходит хи-квадрат тест ($\chi^2 = 4,06$, $p = 0,05$, $df = 7$). Тем не менее следует оговорить следующее важное обстоятельство. В результате ручного разбора насыпи кургана с оставлением продольных и поперечных бровок было установлено, что центральные погребения предшествовали периферийным по времени сооружения [Епимахов, 2005, с. 78–89]. Поскольку все продатированные образцы были получены из периферийных ям, начало функционирования комплекса, вероятно, следует относить к более раннему времени, чем отражено радиоуглеродными датами.

Из двух срубно-алакульских курганов происходят две даты. В культурной хронологии Южного Зауралья срубно-алакульские памятники следуют за синташтинско-петровскими, что напрямую продемонстрировано стратиграфией поселения Каменный Амбар. Ранняя дата 3630 ± 30 (IGANAMS-7815) статистически не отличается от самой ранней даты кургана № 2, видимо, также являясь статистическим выбросом. Тем не менее значения стабильных изотопов данного образца лежат близко к основной группе погребенных в курганах № 2 и 4. Дата 3490 ± 20 (IGANAMS-7814) из кургана 7 соотносится с поздними датами кургана № 4, возможно, также являясь несколько удревненной, хотя она и соотносится с ранними датами срубно-алакульского этапа поселения.

Исследованные выборки радиоуглеродных дат синташтинских курганов № 2 и 4 хорошо пересекаются с интервалом дат синташтинско-петровского этапа поселения, указывая на их близкую хронологическую позицию (рис. 3). При этом возраст образцов могильника несколько моложе образцов поселения, что хорошо согласуется с выводом исследователей о генетической связи между памятниками: сначала люди заселили территорию, а затем жители поселения начали умирать, и сформировался могильник. Даты срубно-алакульских погребальных комплексов имеют высокие шансы быть статистическими выбросами, не датирующими реальные события. Поэтому они не будут учтены в дальнейшем анализе.

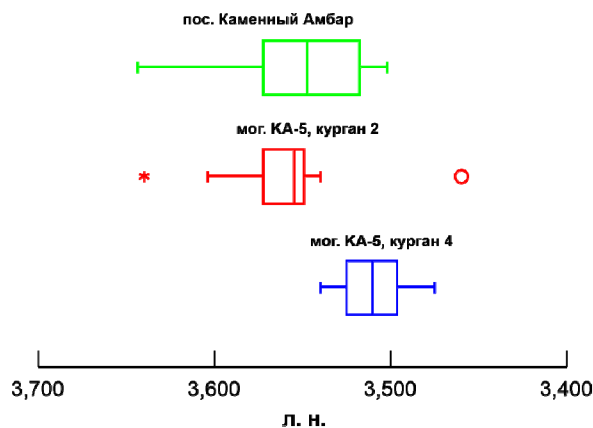

Рис. 3. Сравнительный анализ радиоуглеродных серий поселения и могильника.
Fig. 3. Comparative analysis of radiocarbon series from the settlements and the cemetery.

3. Байесовский анализ калиброванных значений

Калибровка радиоуглеродных дат и построение байесовских моделей осуществлялись в программе OxCal v.4.4 [Bronk Ramsey, 2009] с использованием атмосферной кривой IntCal20 для Северного полушария [Reimer et al., 2020]. Путем сравнения установлено, что на интересующем нас хронологическом отрезке версия IntCal20 обладает теми же характеристиками, что и IntCal13 [Reimer et al., 2013] и более ранние версии: на отрезке между 3850 и 3725 кал. л.н. кривая построена не по нисходящей, а близка к горизонтали со всплесками и с падениями. Как показано выше, эта неопределенность кривой неоправданно расширяет калиброванные интервалы этапа 1 и удревняет калиброванные интервалы этапа 2.

Суммированное распределение вероятностей дат поселения показывает, что диапазон вероятностей охватывает 1450 радиоуглеродных лет. Однако большинство событий образуют серию продолжительностью около 600 радиоуглеродных лет. Длинный «хвост» в левой части диаграммы обусловлен выбросами, датирующими естественные события до начала истории поселения (подробнее см.: [Чечушков и др., 2020]).

Для построения байесовской хронологической модели поселения радиоуглеродные даты были организованы в хронологическом порядке и разделены на пять фаз⁴. Такая конфигурация модели направлена на оценку длительности синташтинско-петровского этапа 1. Запросы «расчет границ» (т.е. событий, не продатированных напрямую, команда “Boundary”) были помещены между стратиграфически раздельными фазами (т.е. между периодом до заселения, синташтинско-петровским периодом и срубно-алакульским периодом). Кроме того, в модель был введен параметр учета выбросов, так как даты старше 3616 л.н. и младше 3415 л.н. не проходят хи-квадрат тест при моделировании (коэффициент согласия варьируется от 8,2 до 38,5 %, в то время как принятый порог составляет 60 %). Вероятно, наиболее ранние даты могли быть получены по образцам «старого дерева» [Schiffer, 1986]. Таким датам были присвоены идентификаторы выбросов с различными вероятностями. Измерения, противоречащие относительному стратиграфическому положению объектов, из которых они происходят, также были идентифицированы как выбросы⁵.

Байесовская хронологическая модель организована следующим образом:

- фаза 0 включает все даты до 3644 л.н. и датирует природные события, предшествующие культурной истории ($n = 6$);

- фаза 1 соотносится с началом этапа 1 и включает даты моложе, чем 3644 л.н. (Hd-28408), но старше, чем 3608 л.н. (MAMS-22509). Ее выделение обосновано двумя явлениями: возрастом древесины из столбовой ямки в жилище 5 и возрастом органики со дна внешнего рва ($n = 6$). Таким образом, фаза датирует начало строительства поселения;

- фаза 2 соотносится с этапом 1 и включает даты моложе 3601 л.н. (MAMS-11651), но старше 3515 л.н. (KCCAMS-802). Даты получены по образцам из наиболее ранних по стратиграфии синташтинско-петровских колодцев, датирующих начало обживания поселения ($n = 22$);

- фаза 3 соотносится с этапом 1 и включает даты моложе 3530 л.н. (UGAMS-16778), но старше 3502 л.н. (MAMS-19908). Образцы происходят из поздних по стратиграфии синташтинско-петровских колодцев ($n = 14$);

- фаза 4 соотносится со срубно-алакульским этапом 2 и включает даты моложе 3534 л.н. (MAMS-27513), но старше 3348 л.н. (UBA-26188). Все образцы связаны с культурным слоем срубно-алакульского времени ($n = 13$).

Таким образом, в настоящей модели начало синташтинско-петровского этапа ограничено датами природных явлений, а время его окончания сформировано датами из срубно-алакульского культурного слоя.

⁴ Следует различать термины «этап» и «фаза». Этап соотносится с археологической фактологией и отражает исторические события в жизни поселения. Как указано выше, для поселения Каменный Амбар мы выделяем два этапа: синташтинско-петровский и срубно-алакульский [Krause, Koryakova, 2013]. Фаза — это способ организации последовательностей радиоуглеродных дат в программе OxCal, указывающий, что истинный порядок радиоуглеродных дат, объединенных командой «фаза», неизвестен, но известна последовательность самих фаз. Даты могут быть организованы в фазы различными способами, в зависимости как от археологических фактов, так и от целей анализа и выявленных статистических закономерностей (например, установленная последовательность сооружения синташтинско-петровских колодцев на поселении).

⁵ В данном случае речь не идет об ошибках измерения, с большой долей вероятности сказались проблемы идентификации образцов, связанные со сложной историей формирования культурного слоя.

Модель позволяет сделать следующие выводы о хронологии поселения (рис. 4). Медианная дата открывающей границы этапа 1 определена как 3857 кал. л.н., а медиана его замыкающей границы имеет возраст 3824 кал. л.н. Разница в возрасте между медианами составляет 33 калиброванных радиоуглеродных года. Запрос программы OxCal "Difference"⁶ с достоверностью 95,4 % возвращает значение около 95 радиоуглеродных лет в интервале около 3910–3815 кал. л.н. Ограниченная выборка этапа 2 указывает, что он начался не ранее 3817 кал. л.н. (медиана границы), хотя эта ранняя дата частично обусловлена выбросами, находящимися в начале последовательности. Таким образом, смоделированная последовательность предполагает, что городище синташтинско-петровского времени существовало около 40–90 лет.

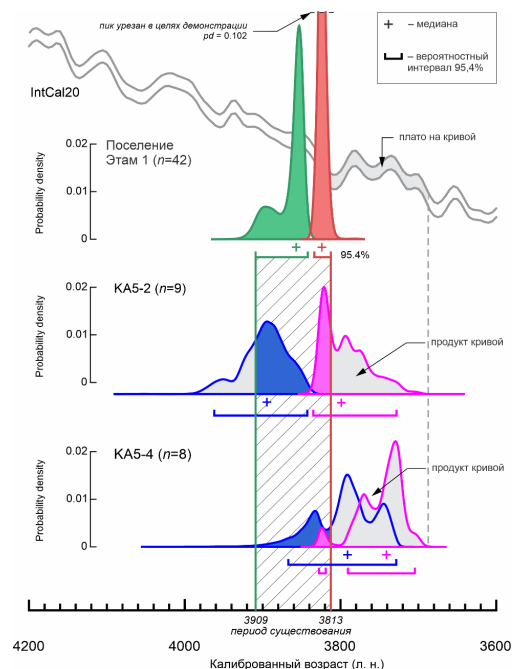

Рис. 4. Байесовская модель хронологии поселения и могильника.
Fig. 4. Bayesian model of settlement and cemetery chronology.

Суммированное распределение вероятностей дат из могильника показывает, что диапазон охватывает 740 лет калиброванных радиоуглеродных лет. Крайне маловероятно, что могильник мог функционировать настолько долго, так как его материальная культура хорошо согласуется с поселенческой. Ритуальная практика в пределах могильника также чрезвычайно однородна, что свидетельствует о живой памяти общества и малой темпоральной вариативности.

Сходство материальной культуры поселения и могильника позволяет использовать радиоуглеродный возраст поселенческих дат для ограничения вероятностных распределений калиброванных дат могильника. Так, в байесовской модели начало существования кургана № 2 ограничено поселенческой датой 3601 ± 38 (MAMS-11651), открывающей фазу 2, а также отмечены два выявленных выброса. Для серии кургана № 4 нет необходимости в ограничении начала последовательности, поскольку все даты моложе дат поселения. Конец каждой из последовательностей ограничен 3505 ± 20 (KCCAMS-801⁷), закрывающей датой с самым маленьким среднеквадратическим отклонением в синташтинско-петровской серии поселения.

Байесовская модель хронологии кургана № 2 свидетельствует о следующем (рис. 4). Медианная дата открывающей границы исчисляется около 3895 кал. л.н., а медиана закрывающей границы — около 3800 кал. л.н., что соответствует 96 радиоуглеродным годам. Байесовская модель хронологии кургана № 4 показывает, что хронологическая последовательность кургана № 4

⁶ Мы применяем команду Difference, так как мы рассчитываем разницу в возрасте между границами фаз, а не реальными радиоуглеродными измерениями.

⁷ Дата получена по углю с пола жилища 2.

начинается около 3790 кал. л.н. и заканчивается около 3740 кал. л.н. по медианам границ модели. Этот период соответствует 50 радиоуглеродным годам и, вероятно, существенно омоложен в силу воздействия плато на калибровочной кривой. Как упомянуто выше, в реальности курган мог начать функционировать несколько раньше, так как продатированы были заведомо поздние погребения.

В обоих случаях спрямление калибровочной кривой на моделируемом отрезке создает длинные шлейфы справа. Эти шлейфы выходят далеко за границы хронологической модели поселения и, таким образом, могут быть устранены. С другой стороны, медианные значения границ поселения дают очень короткий период, плохо согласующийся с медианными значениями моделей курганов. По этой причине медианы границ поселенческой модели также могут быть отброшены как заведомо узкие. Наиболее согласованный результат достигается при сравнении хронологических моделей могильника с 95,4 % интервалом границ хронологической байесовской модели синташтинско-петровского этапа поселения⁸. Этот интервал находится между 3910 и 3805 кал. л.н. и охватывает примерно 95 радиоуглеродных лет. Именно этот интервал хорошо пересекается с начальными границами обеих последовательностей могильника и позволяет отсечь их правые шлейфы (рис. 4).

Обсуждение результатов

Таким образом, сравнение серий радиоуглеродных дат поселения Каменный Амбар и могильника Каменный Амбар-5 демонстрирует их принципиальную синхронность при чуть более позднем начале функционирования кладбища. Это наблюдение согласуется с концепцией генетической связи между памятниками и, вероятно, может быть принято для других пар городище-курганного могильника, относимых к синташтинско-петровскому времени. Байесовская модель хронологии памятников позволила установить следующее:

1. «Плато» на графике калибровочной кривой на участке 3850–3725 кал. л.н. неоправданно расширяет вероятностные калиброванные интервалы радиоуглеродных дат. Сравнение моделей границ памятников показывает, что их хронологические интервалы могут быть взаимно уточнены.

2. Медианы границ в поселенческой хрономодели производят зауженный хронологический интервал, плохо согласующийся с моделями могильника. С другой стороны, хронология могильника подвержена чрезмерному влиянию артефакта калибровочной кривой («плато») и поэтому чрезмерно расширена в поздней части.

3. Наиболее согласованный результат достигается при сопоставлении медианных дат модельных границ могильника с границами 95,4 % доверительных интервалов поселения.

4. Согласованный интервал существования поселения и функционирования могильника датируется 3910–3805 кал. л.н. и охватывает примерно 95 радиоуглеродных лет.

Вызывает интерес и тот факт, что при синхронности памятников в исследованной части могильника отсутствует керамика петровского облика, найденная на поселении и датируемая этапом 1 [Пантелеева, 2020; Епимахов и др., 2020]. Это обстоятельство может иметь культурно-историческое объяснение. Так, несмотря на непосредственную преемственность между носителями двух керамических традиций, относительная консервативность погребальной обрядности могла предполагать помещение только синташтинских вариантов посуды⁹.

Выводы

Проведенный анализ демонстрирует синхронность укрепленного поселения Каменный Амбар и могильника Каменный Амбар-5 при несколько более поздней хронологической позиции последнего. Это наблюдение логично согласуется с концепцией формирования комплекса памятников пришлым населением, подразумевающей, что переселенцы основали поселок и какое-то время проживали на новой территории, прежде чем случились первые смерти. Городище при этом существовало не дольше века в 1950-х — 1860-х гг. до н.э., а могильник, вероятно, функционировал около 70–80 лет, так как его даты в целом несколько позднее поселенческих. Важно отметить, что данное сопоставление позволяет пересмотреть наш вывод о том, что поселение существовало около 50 лет [Чечушков и др., 2020, с. 16]: по всей видимости, сужение обусловлено историей формирования культурного слоя. При дальнейшем увеличении серии ра-

⁸ Сравнение корректно, так как соотносятся однотипные интервалы, даже при условии, что их формирование в моделях обусловлено датами с индивидуальной историей и используются различные меры.

⁹ Появление петровской керамики хорошо маркирует конкретный временной отрезок истории поселения (завершающий период плотной застройки), но не предполагает полного исчезновения синташтинской керамики в обиходе его обитателей.

диоуглеродных дат, а также уточнении значений стабильных изотопов травоядных животных и речной рыбы окажется возможным создание более точной модели, показывающей, насколько именно позже началось формирование кладбища, а также более точно фиксирующей время функционирования поселения и могильника. В свою очередь, это позволит выйти на новый уровень понимания образа жизни древнего коллектива и его социального устройства и ответить на вопросы, кто именно из членов коллектива был удостоен права быть похороненным на кладбище.

Финансирование. Работа выполнена частично по госзаданию № 121041600045-8 (Чечушков И.В.), частично — по гранту РНФ № 20-18-00402 «Миграции человеческих коллективов и индивидуальная мобильность в рамках мультидисциплинарного анализа археологической информации (бронзовый век Южного Урала)» (Епимахов А.В.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.
- Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильникам Каменный Амбар-5). Челябинск: Челябинский Дом Печати, 2005. Кн. 1. 192 с.
- Епимахов А.В., Пантелеева С.Е., Корякова Л.Н. Колодцы как источник культурно-хронологической информации (по материалам поселения Каменный Амбар в Южном Зауралье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 4 (48). С. 95–105. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2020.48.4.095-105>
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: Изд-во СамГУ, 1995. С. 156–207.
- Пантелеева С.Е. Комплекс керамики петровского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар: Анализ морфологии и орнамента // Поволжская Археология. 2020. № 3 (33). С. 129–143. <https://doi.org/10.24852/pa2020.3.33.129.143>
- Пантелеева С.Е. Комплекс синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар: Типологический анализ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 22–31.
- Пантелеева С.Е. Типология синташтинской керамики: проблемы и перспективы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2014. № 3 (13). С. 68–77.
- Ткачев В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры. Орс; Самара: Изд-во ОГТИ, 2006. 180 с.
- Чечушков И.В., Молчанова В.В., Епимахов А.В. Абсолютная хронология поселений позднего бронзового века Каменный Амбар и Устье I в Южном Зауралье: Возможности байесовской статистики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2 (49). С. 5–19. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-1>
- Bronk Ramsey C. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates // Radiocarbon. 2009. Vol. 51. № 1. P. 337–360.
- Cook G.T., Bonsall C., Hedges R., McSweeney K., Boronean, V., Pettitt P.B. A freshwater diet-derived reservoir effect at the Stone Age sites in the Iron Gates Gorge // Radiocarbon. 2001. 43 (2A). P. 453–460.
- Krause R., Koryakova L.N. (Eds.). Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. 361 p.
- Krause R., Koryakova L.N. (Eds.) Culture, Environment and Economy of the Bronze Age in the Karagaily-Ayat microregion (South Urals, Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2021. In press.
- Panteleyeva S.E. Ceramics of the Kamennyi Ambar settlement (distribution analysis). // Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 171–186.
- Reimer P.J., Austin W.E., Bard E., Bayliss A., Blackwell P.G., Ramsey C. B., Butzin M., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. № 4. P. 725–757. <https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41>
- Rühl L., Koryakova L.N., Krause R., Stobbe A. Wells of the Fortified Bronze Age Settlement Kamennyi Ambar (Chelyabinsk Oblast, Russia) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. С. 187–192.
- Schiffer M.B. Radiocarbon dating and the “old wood” problem: The case of the Hohokam chronology // Journal of Archaeological Science. 1986. 13 (1). С. 13–30.
- Stobbe A., Rühl L., Nekrasov A., Kosintsev P. Fish — an important dietary component in the settlement of Kamennyi Ambar // Krause R., Koryakova L.N. (Eds.). Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 233–237.
- Ward G.K., Wilson S.R. Procedures for comparing and combining radiocarbon age determinations: A critique // Archaeometry. 1978. № 20 (1). P. 19–31.

ИСТОЧНИКИ

Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты): Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010.

Корякова Л.Н. Отчет об археологических раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) в 2009 г. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2012 // Архив ИИИА УрО РАН.

Chechushkov I.V.^{a,*}, Epimakhov A.V.^b

^a Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

^b South Ural State University, Lenina prosp., 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
E-mail: chivpost@gmail.com (Chechushkov I.V.); eav74@rambler.ru (Epimakhov A.V.)

Chronological relationship between the fortified settlement of Kamenniy Ambar and the Kamenniy Ambar-5 cemetery in the Southern Trans-Urals: capabilities of the Bayesian statistics

By means of the Bayesian analysis of radiocarbon dates, a comparison of chronologies of the Kamenniy Ambar settlement and the cemetery of Kamenniy Ambar-5 of the Late Bronze Age Syntashta-Petrovka period has been carried out. Both sites are situated in the valley of the Karagaily-Ayat River in Kartalinsky district of Chelyabinsk Region (Russia). Comparison of the pottery assemblages of the settlement and the cemetery demonstrates their similarity, which suggests existence of a genetic link between the sites. The purpose of this work is development of a generalized chronological model of the two monuments. This is achieved by comparison of uncalibrated intervals of radiocarbon dates and calculation of chronological boundaries of the existence of the settlement and cemetery by means of Bayesian modeling of the calibrated dates. The method consists in that, in the beginning, the stratigraphic position of each date is determined, and then the dates suitable for the analysis are arranged in the chronological order and calibrated, while the algorithm of the OxCal 4.4 calibration program is queried for calculation of the boundaries of the given periods and their duration. Also, the paper reports complete sets of the radiocarbon dates: 61 dates have been obtained from the materials of the settlement of Kamenniy Ambar, while 19 measurements originate from the Kamenniy Ambar-5 cemetery. Correlation of the radiocarbon dates and development of the Bayesian chronological models have demonstrated contemporaneity of the settlement and the cemetery with slightly later beginning of the activity at the latter. This observation is in agreement with the concept of the genetic link between the sites and, arguably, can be extended onto other pairs of fortified settlement — kurgan cemetery attributed to the Syntashta-Petrovka period. Our conclusion is also consistent with the concept of building the complex of monuments by a newly-arrived population, who founded a settlement, occupied the new territory for some time, while the first deaths occurred some time afterwards. That said, the settlement of Kamenniy Ambar existed for no longer than a century in the 1950s — 1860s BC, while the cemetery of Kamenniy Ambar-5 was used for 70–80 years within the same chronological interval.

Keywords: Late Bronze Age, radiocarbon dating, Bayesian analysis, Southern Urals, Syntashta

Funding. The study is conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00402) "The multidisciplinary analysis of group migration and individual mobility in the light of archaeological data (the case study of the Bronze Age of the Southern Urals)" (Epimakhov A.V.).

REFERENCES

- Bronk Ramsey, C. (2009). Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates. *Radiocarbon*, 51(1), 337–360.
- Chechushkov, I.V., Molchanova, V.V., Epimakhov, A.V. (2020). The absolute chronology of the Late Bronze Age settlements Kamenniy Ambar and Ust'ye I in the Southern Trans-Urals and its Bayesian analysis. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 49(2), 5–19. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-1>
- Cook, G.T., Bonsall, C., Hedges, R., McSweeney, K., Boronean, V., Pettitt, P.B. (2001). A freshwater diet-derived reservoir effect at the Stone Age sites in the Iron Gates Gorge. *Radiocarbon*, 43(2A), 453–460.
- Epimakhov, A.V. (2005). *Early complex societies of Central Eurasia (based on the materials of Kamenniy Ambar-5). Book 1*. Chelyabinsk: Chelyabinskiy Dom Pechati. (Rus.).
- Epimakhov, A.V., Panteleyeva, S.E., Koryakova, L.N. (2020). Pits as a source of cultural and chronological information: The case of Kamenniy Ambar, Southern Trans-Urals. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 48(4), 95–105. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2020.48.4.095-105>
- Gening, V.F. (1973). The program of the statistical study of ceramics from archaeological excavations // *Sovetskaya arkheologiya*, (1), 114–136 (Rus.).

* Corresponding author.

Kostyukov, V.P., Epimakhov, A.V., Nelin, D.V. (1995). A new Bronze Age site in the southern Trans-Urals. In: I.B. Vasil'yev (Ed.). *Drevniye indo-iranskiye kul'tury Volgo-Ural'ya (II tys. do n.e.)*. Samara: Izd-vo SamGU, 156–207. (Rus.).

Koryakova, L.N., Kuz'mina, S.A. (2017). Certain specifics of Kamenny Ambar fortified settlement Architecture in the context of life style of the South Transuralian population of the early 2nd millennium BC. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, (1), 92–102. (Rus.).

Krause, R., Koryakova, L.N. (Eds.) (2013). *Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH.

Krause, R., Koryakova, L. (2021). *Culture, Environment and Economy of the Bronze Age in the Karagaily-Ayat microregion (South Urals, Russia)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. In press.

Panteleyeva, S.E. (2013). Ceramics of the Kamennyi Ambar settlement (distribution analysis). In: R. Krause, L. Koryakova (Eds.). *Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 171–186.

Panteleyeva, S.E. (2013). Complex of the Sintashta pottery from the fortified settlement of Kamenny Ambar: A typological analysis. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 4 (23), 22–31. (Rus.).

Panteleyeva, S.E. (2014). The typology of the Sintashta pottery: Problems and perspectives. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*, 13(3), 68–77. (Rus.).

Panteleyeva, S.E. (2020). Complex of the Petrovka Pottery from the Fortified Settlement of Kamenny Ambar: Analysis of Morphology and Ornamentation. *Povolzhskaya Arkheologiya*, 33 (3), 129–143. (Rus.). <https://doi.org/10.24852/pa2020.3.33.129.143>

Reimer, P.J., Austin, W.E., Bard, E., Bayliss, A., Blackwell, P.G., Ramsey, C.B., Butzin, M., Cheng, H., Edwards, R.L., Friedrich, M. and Grootes, P.M. (2020) The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, (4), 725–757. <https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41>

Rühl, L., Koryakova, L.N., Krause, R., Stobbe, A. (2016). Wells of the Fortified Bronze Age Settlement Kamennyi Ambar (Chelyabinsk Oblast, Russia). In: *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii g. Tiumen', 7–11 noiabria 2016 g.* Tyumen: Tumenskiy universitet, 187–192. (Rus.).

Schiffer, M.B. (1986). Radiocarbon dating and the “old wood” problem: The case of the Hohokam chronology. *Journal of Archaeological Science*, 13(1), 13–30.

Stobbe, A., Rühl, L., Nekrasov, A., Kosintsev, P. (2013). Fish — an important dietary component in the settlement of Kamennyi Ambar (2013). In: R. Krause, L.N. Koryakova (Eds.). *Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 233–237.

Tkachev, V.V., Khavansky, A.I. (2006). *Ceramics of the Sintashta culture*. Orsk; Samara: Izdatelstvo OGTI. (Rus.).

Ward, G.K., Wilson, S.R. (1978). Procedures for comparing and combining radiocarbon age determinations: a critique. *Archaeometry*, 20(1), 19–31.

Чечушков И.В., <https://orcid.org/0000-0001-5096-2978>

Епимахов А.В., <https://orcid.org/0000-0002-0141-1026>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Чикунова И.Ю. *, Илюшина В.В.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: chikki@mail.ru (Чикунова И.Ю.); vika_tika@mail.ru (Илюшина В.В.)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДИЩА УСТЬ-ВАСЬЕГАН 1

Публикуются результаты анализа уникального керамического комплекса городища Усть-Васьеган 1, расположенного на узком мысу при впадении р. Васьеган в р. Обь у г. Салехарда (Северное Приобье). Городище состоит из 7 построек наземного типа с обваловкой и производственной площадки. Керамический комплекс включает фрагменты посуды эпох энеолита и раннего средневековья. Приведены характеристики форм сосудов и орнаментальных композиций, выполнен технико-технологический анализ средневековой посуды. Установлена связь орнаментальных традиций средневекового керамического комплекса городища Усть-Васьеган 1 с традициями усть-полуйской, карымской, юдинской культур из Среднего и Нижнего Приобья и типа «бичевник» из Северного Приуралья.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Северное Приобье, городище Усть-Васьеган 1, эпоха энеолита, эпоха средневековья, керамический комплекс.

Введение

Сложность изучения процессов освоения циркумполярных территорий древним и средневековым населением сопряжена с относительной труднодоступностью территории, небольшим количеством информативных археологических памятников — поселений и городищ и еще меньшим количеством объектов, исследованных раскопками. Полученные материалы закономерно поднимают проблемы определения этнокультурной и хронологической принадлежности древних/средневековых групп населения, осваивавших север Западной Сибири, в связи с чем важна и ценна своевременная и по возможности полная публикация материалов, полученных в ходе исследований.

Городище Усть-Васьеган 1 открыто А.Г. Брусницыной в 1997 г. в ходе археологической разведки [1999]. На основании археологического материала из шурфа городище датировано ею заключительным этапом раннего железного века — I–III вв. н.э.

Памятник расположен в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области, в 9 км к северо-востоку от г. Салехарда, на правом берегу р. Оби, в устье р. Васьеган. Состоит из 7 наземных сооружений с обваловкой, приподнятой площадки и небольшого ровика, отделяющего первые 4 жилища от остальных объектов (рис. 1, А–С). С напольной стороны городище ограничено ровом глубиной до 2 м. Вал не прослеживается.

В 2013–2015 гг. на городище раскопом площадью 267 м² изучены остатки рва, отделяющего городище от напольной стороны, трех разнофункциональных помещений (№ 6 — производственное, №№ 7 и 8 — жилые), производственной площадки (объект № 5) и частично внежилищное пространство¹ (рис. 1, D); получен информативный вещевой материал, включающий кроме керамического комплекса каменные орудия, костяные и металлические предметы (наконечники стрел, ножи, кинжал, антропо- и зооморфные отливки, перстень, бронзовый лом и т.д.); очень малочисленная палеозоологическая коллекция; отобраны образцы для радиоуглеродного датирования [Чикунова, 2015].

В результате исследований получена керамическая коллекция, насчитывающая 3418 фрагментов (с однозначно определимой хронологической принадлежностью — 467 ед.). Она включает два комплекса — эпох энеолита и средневековья².

На исследованной раскопками площади энеолитическое время оставило следы только в виде немногочисленных фрагментов керамики. Культурного слоя эпохи энеолита на исследованном участке не выявлено. Практически все фрагменты находились в переотложенном состоянии, в засыпке обваловки или верхних слоях заполнения средневековых построек. Несколько фрагментов получены с уровня материка на внежилищном пространстве. По всей видимости, это связано с кратковременным использованием этой территории в качестве места жительства энеолитической группы населения.

* Corresponding author.

¹ Результаты исследований городища планируется представить в отдельной публикации.

² Коллекция хранится в МВК им. И.С. Шемановского (Салехард, ЯНАО).

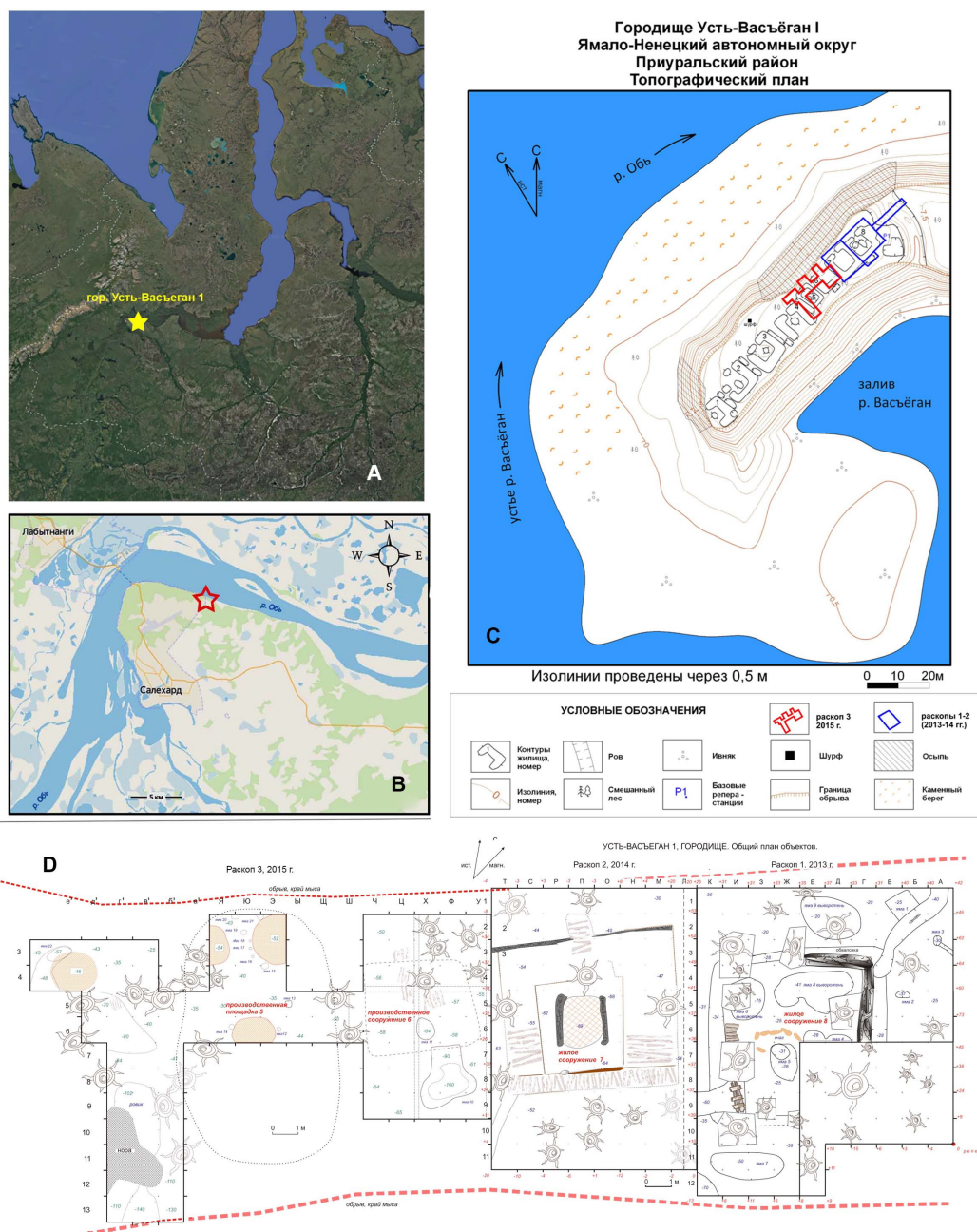

Рис. 1. Городище Усть-Васьеган 1:

A, B — расположение городища; C — план городища и схема расположения раскопов 2013–2015 гг.;
D — исследованные объекты на площадке городища.

Fig. 1. The settlement Ust-Vasyegan 1:

A, B — the location of the settlement; C — the plan of the settlement and the organization of excavations
in 2013–2015; D — the objects already studied at the site of the settlement.

Керамический комплекс эпохи средневековья имеет ярко выраженную неоднородность в орнаментальных композициях, совмещающих многие черты южных и западных средневековых культурных образований, что, на наш взгляд, подразумевает этнокультурные различия обитателей городища в средние века.

Таким образом, всесторонний анализ полученной керамической коллекции, представленный в настоящем исследовании, дополнит информацию и, возможно, внесет коррективы в

представление о древней истории и процессах освоения территорий Северного Приобья в эпохи энеолита и средневековья.

Методы исследования

Анализ керамического комплекса эпохи средневековья, полученного на городище Усть-Васьеган 1, проводился с привлечением традиционных методов исследования: стратиграфического, статистического, типологического. Кроме того, с целью получения более детальной информации о способах изготовления керамики средневекового периода был выполнен технико-технологический анализ небольшой части коллекции. Исследование осуществлено в рамках историко-культурного подхода, базировалось на методике, основанной на бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании [Бобринский, 1978; 1999, с. 9–11]. Идентификация технологических следов осуществлялась путем сравнительного анализа изучаемой керамики с базой эталонов, изготовленных посредством физического моделирования в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства под руководством Н.П. Салугиной и И.Н. Васильевой, хранящейся в секторе археологических и природных реконструкций ТюмНЦ СО РАН. Полученные аналитические данные приведены в соответствии с естественной структурой гончарного производства [Бобринский, 1999, с. 9–11]. Для более строгого определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья и характера искусственных и естественных примесей небольшие фрагменты каждого изученного сосуда были нагреты в муфельной печи до 850 °С в окислительной атмосфере.

К сожалению, ввиду незначительной выборки фрагментов сосудов энеолитического времени не удалось произвести полные и достоверные статистические исчисления. Фрагменты венчиков и стенок с сохранившимися элементами орнаментальных композиций позволили лишь выявить аналогии и определить хронологический диапазон комплекса.

Результаты исследования керамического комплекса эпохи энеолита

Комплекс эпохи энеолита состоит из 126 фрагментов различной сохранности (рис. 2, 1, 3–13) и 1 развала (45 фр.) (рис. 2, 2), по венчикам и оригинальным фрагментам орнаментированных стенок определяется ~30 сосудов. По сохранившимся фрагментам можно определить, что сосуды в основном открытой баночной формы, без выраженной горловины, с округлым дном. Стенки вертикальные, слабопрофилированные. Фрагментированность венчиков не позволяет выявить размеры/диаметр устья сосудов. Срезы венчиков уплощенные или закругленные. В двух случаях горловины оформлены невысокими подтреугольными выступами (рис. 2, 1, 12).

В коллекции присутствуют фрагменты двух сосудов, отличающихся по форме от большинства. Это миниатюрная мисочка, неглубокая, с толстыми стенками (рис. 2, 11) и ладьевидный, с высотой стенок около 3 см, сосуд. Узкий край ладьи отмечен подтреугольным выступом на венчике. Стенки ладьи снаружи украшены сетчатым орнаментом из теснопоставленных отпечатков ромбического рельефного штампа, дно и наружный край венчика — неглубокими отпечатками уголкового штампа с острым рабочим краем (рис. 2, 1).

Орнаментальные композиции большинства сосудов достаточно плотные, насыщенные, сочетают сразу несколько элементов, выполненных в различной технике. Широкие полосы, заполненные отпечатками рельефного ромбического штампа (6 сосудов³), сотовым орнаментом (6), сомкнутыми ломаными линиями (2), ногтевыми отпечатками (4), гребенчатой или гладкой качалкой (6), отпечатками уголкового штампа с острым рабочим краем (13 сосудов), разделены горизонтальными прочерченными линиями или двойным зигзагом (рис. 2, 3–10, 12, 13). Иногда разделители образуются отпечатками уголка или ногтевыми отпечатками, выстроенными в прямую линию.

Сотовый орнамент (смежные шестиугольники), полосы зигзага, волнистые линии наносились путем протаскивания тонкой палочки с округлым рабочим краем либо неглубокими отпечатками гладкого штампа.

Отпечатки уголкового штампа с острым рабочим краем и ногтевые отпечатки имитируют, скорее всего, чешую рыб.

Также в коллекции присутствуют два фрагмента стенок сосудов с ручками (рис. 2, 7, 9). Ручки выполнены из толстого, уплощенного в сечении жгута (?), концы которого примазаны к тулову. «Спинки» ручек украшены ногтевыми отпечатками, декор имитирует чешую.

³ Здесь и далее в скобках указано количество сосудов.

На выступе одного из сосудов имеется сквозная ямка, вероятно для прикрепления ручки или для подвешивания (рис. 2, 12).

Рис. 2. Керамика эпохи энеолита городища Усть-Васьеган 1:

1 — ладьевидный сосуд; 2 — развал сосуда; 3–6, 8, 10, 13 — фрагменты сосудов; 12 — фрагмент с выступами; 7, 9 — фрагменты с ручками; 11 — мисочка.

Fig. 2. Settlement's Ust-Vasyegan 1 eneolithic pottery:

1 — navicular vessel; 2 — collapse of the vessel; 3–6, 8, 10, 13 — fragments of vessels; 12 — fragment with protrusions; 7, 9 — fragments with handles; 11 — bowl.

Результаты исследования керамического комплекса эпохи средневековья

Керамическая коллекция эпохи средневековья составляет ~3247 фрагментов, из них лишь 296 определимых венчиков и стенок от 123 сосудов. В основной массе это широкогорлые горшки с диаметром по горловине 21–27 см, с в меру раздутым туловом, выпуклыми плечиками и округлым дном, в коллекции присутствует лишь один фрагмент предположительно поддона сосуда (рис. 5, 1). Стенки профилированные, практически всегда обозначен плавный переход от шейки к плечу. Срез венчика большей частью уплощен, изредка имеет желобок по средней линии (табл. 1). Треть

Керамический комплекс городища Усть-Васъеган 1

сосудов имеет округлый или скошенный срез. Встречаются сосуды с карнизом или наплывом с внешней стороны венчика. Толщина стенок сосудов варьируется от 3 до 7 мм. Пригар от готовившейся в сосуде еды встречен не более чем на 10 % комплекса и только на внешней поверхности. Все сосуды украшены в верхней трети, включая шейку, переход к плечико и само плечико. Единичные фрагменты орнаментированы только по срезу венчика оттисками гребенчатого штампа или вдавлениями, образующими рельефный волнистый край.

Таблица 1

Городище Усть-Васъеган 1. Характеристика форм венчика и шейки сосудов

Table 1

The settlement of Ust-Vasyegan 1. Characteristics of the shapes of the corolla and the neck of the vessels

	Признак	Всего (100 сосудов ⁴)	
		Кол-во	%
Форма венчика	Округлый	23	23
	Уплощенный	66	66
	Скошенный	11	11
	С карнизом	24	24
	Наплыв	23	23
Форма шейки	Прямая	74	74
	Отогнутая	19	19
	Наклоненная внутрь	7	7
	Пригар снаружи	8	8

Таблица 2

Городище Усть-Васъеган 1. Характеристика орнамента

Table 2

The settlement Ust-Vasyegan 1. Characteristics of the ornament

	Признак	Всего (100 сосудов)	
		Кол-во	%
Зона орнаментации	Изнутри	9	9
	Срез венчика	83	83
	Шейка	95	95
	Переход	66	66
	Плечико	28	28
	Не орнаментирован	2	2
Техника орнамента	Гребенчатый штамп	84	84
	Шнур	8	8
	Протасенный/отступающий ГШ	14	14
	Гладкий штамп	13	13
	Фигурный штамп	15	15
	Ямка (с «жемчужиной» на внутренней стороне	91	91
Элемент орнаментации	Горизонтальные оттиски/линии/ряды	92	92
	Вертикальные оттиски	14	14
	Наклонный оттиск	85	85
	Крест	6	6
	Сегмент зигзага	8	8
	Треугольник перевернутый	6	6
	Уточка	3	3
	Волна	2	2
	Горизонтальный зигзаг	13	13
Схема орнамента	1	8	8
	2	14	14
	3	15	15
	4	33	33
	5	10	10
	6	9	9
	7	4	4
	8+	7	7

⁴ Из 123 сосудов, выделенных в средневековом комплексе: 6 неорнаментированных; 7 фрагментов оригинальных венчиков с неполной схемой орнаментации; 10 фрагментов стенок с оригинальной орнаментацией; 100 сосудов с полной схемой орнаментации, использованы для статистического анализа.

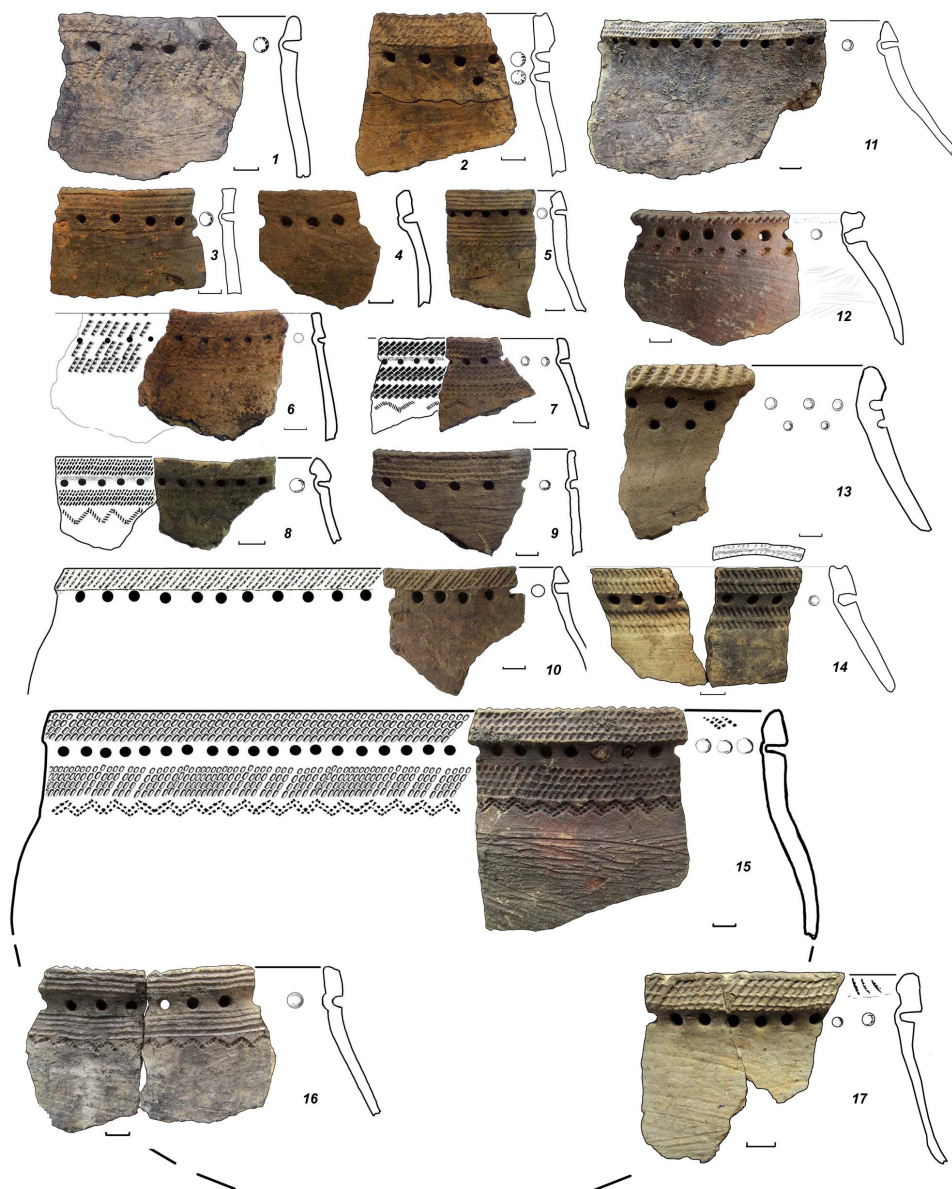

Рис. 3. Керамика эпохи средневековья. Сосуды 1 группы:

1 — № 1 (здесь и далее — номер образца, подвергнутого технико-технологическому анализу); 2 — № 2; 3 — № 3; 4 — № 4; 5 — № 8; 6 — № 7; 7 — № 10; 8 — № 9; 9 — № 6; 10 — № 5.

Fig. 3. Ceramics of the Middle Ages. The vessels of group 1:

1 — № 1 (hereinafter — sample number subjected to technical and technological analysis); 2 — № 2; 3 — № 3; 4 — № 4; 5 — № 8; 6 — № 7; 7 — № 10; 8 — № 9; 9 — № 6; 10 — № 5.

Почти 90 % сосудов средневекового комплекса имеют пояс круглых ямок под краем венчика, которые на внутренней стороне образуют «жемчужины» (табл. 2). На 20 сосудах поверхность «жемчужин» сохранила отпечатки пальцев мастера, предохранявшего внутреннюю стенку сосуда от протыкания насквозь при нанесении ямок на горлышко. Часто употребляемым элементом орнамента являются наклонные отпечатки гребенчатого штампа. Ленты тесно поставленных наклонных отпечатков гребенчатого штампа украшали верхнюю кромку шейки, окаймляя ряд ямок (рис. 3, 1, 6). Нередко гребенчатый штамп протаскивали, при этом образовывалась сплошная лента параллельных горизонтальных или волнистых линий (рис. 3, 3, 5, 9, 16; 4, 9, 13), либо использовалась «отступающая» техника (рис. 3, 2, 7–8, 10–11, 17). Гребенчатым штампом наносили одиночный или двойной горизонтальный зигзаг, обычно завершающий орнаментальную композицию

(рис. 3, 8, 15, 16). В коллекции присутствует серия сосудов с вариациями орнамента с использованием треугольного штампа, которым наносились одна, две или три двойные линии отпечатков вершинами друг к другу, окаймленные шнуровыми линиями, гребенчатыми отпечатками. В целом треугольные штампы имеют форму равнобедренного тупоугольного (рис. 4, 11–12, 14) и равностороннего (рис. 4, 2, 4–6) треугольников. На трех сосудах присутствует орнамент, нанесенный равносторонним треугольным штампом, стороны которого имеют ризки, образующие на отпечатке рельефный край (рис. 3, 2, 4–6). В одном случае треугольники образованы штампом в виде вложенных друг в друга (сдвоенных) углов (рис. 3, 1). В орнаментальных композициях также использовался фигурный штамп в виде довольно крупного креста, оттиски которого выявлены на нескольких сосудах. Отпечатки креста выстроены в 1–2 линии, разделенные или окаймленные лентами наклонных отпечатков гребенчатого штампа или горизонтальными линиями шнура (рис. 3, 7–8; 4, 15–17).

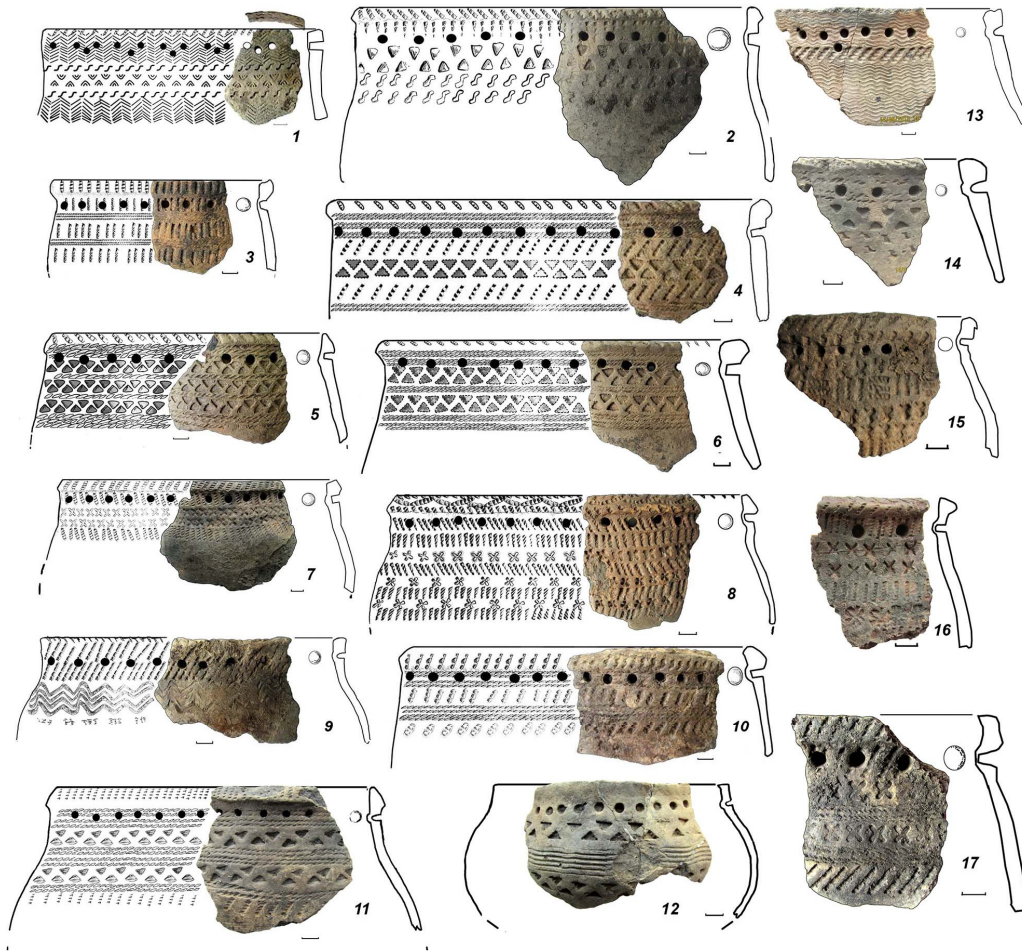

Рис. 4. Керамика эпохи средневековья. Сосуды 2 группы:

1 — № 15 (здесь и далее — номер образца, подвергнутого технико-технологическому анализу); 2 — № 12; 3 — № 19; 4 — № 16; 5 — № 14; 6 — № 17; 7 — № 11; 8 — № 18; 9 — № 13; 10 — № 20.

Fig. 4. Ceramics of the Middle Ages. The vessels of group 2:

1 — № 15 (hereinafter — sample number subjected to technical and technological analysis); 2 — № 12; 3 — № 19; 4 — № 16; 5 — № 14; 6 — № 17; 7 — № 11; 8 — № 18; 9 — № 13; 10 — № 20.

В декоре одного сосуда использован штамп с выпуклым крестом и декоративно оформленным пространством между его лучами (рис. 4, 16). Оттиски выпуклого креста в круглом штампе, скомпонованные в небольшие фестоны, завершают орнаментальную композицию на единичном фрагменте стенки другого сосуда (рис. 5, 7). На трех сосудах в качестве составляющей орнаментальной композиции использован штамп «уточка» (рис. 4, 1, 2, 14). Также поверхность единичных фрагментов покрыта «волнами» протасенного зубчатого штампа (рис. 4, 1, 13). В

качестве разделителей орнаментальных элементов на 8 сосудах использовался шнур, которым наносились от одной до восьми горизонтальных линий (рис. 4, 3–6, 10, 11, 14, 17; 5, 8; табл. 2). На отпечатках шнура хорошо видна его неоднородность. Шнур или жгут состоял из 5–7 нитей или волокон. Нити, по всей вероятности, изготавливались из грубой шерсти или растительного волокна (крапива или конопля). Шнуры различаются толщиной, плотностью и способом (S или Z) кручения. В качестве самостоятельного элемента орнамента шнур в данном комплексе не использовался. Два фрагмента стенок сосудов украшены желобчато-валиковым орнаментом (рис. 5, 4, 5). На этих фрагментах очень хорошо прослеживается процесс создания такого декора: на внешние стенки сосуда в определенном, образующем узор, порядке накладывались тонкие круглые или уплощенные глиняные жгуты, затем шпателем с округлым рабочим краем эти жгуты плотно примазывались к стенке сосуда, образуя треугольные или трапециевидные в сечении валики.

Таблица 3

**Орнаментальные схемы средневекового керамического комплекса
городища Усть-Васъеган 1**

Table 3

Ornamental schemes of the medieval ceramic complex of the settlement Ust-Vasyegán 1

	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н	о	п	р	с	т
1																		
2																		
3																		
4																		
5																		
6																		
7																		
8																		

Наиболее характерные, полностью читаемые орнаментальные композиции средневекового керамического комплекса городища Усть-Васъеган 1 (100 сосудов) уложены в 8 схем, подразделяющихся по количеству «строк» (от 1 до 8+) в композиции (табл. 2, 3). Для каждой схемы существуют от 2 до 17 вариантов. Так, к первой схеме отнесены сосуды с одной «строкой», т.е. с одним пояском ямок по горлышку или одной полосой из наклонных, отступающих или протасенных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 3, 4).

Вторая и третья схемы демонстрируют создание основы практически всех орнаментов на посуде средневекового комплекса: ряд круглых ямок, окаймленный наклонными отпечатками гребенчатого штампа или полосами протасенного гребенчатого штампа. На четвертой схеме к основе снизу добавляется «строка» других элементов — горизонтальный зигзаг и его сегменты, округлые вдавления, двоянные наклонные отпечатки гребенчатого штампа, уголки и т.п. Эта схема включает наибольшее число различных вариантов.

Для пятой — восьмой схем характерно не только использование основы и увеличение количества «строк», но и использование шнура в качестве орнамента-разделителя, а также различных фигурных штампов — треугольник, крест, «уточка».

Анализ орнаментальных композиций керамического комплекса позволил выделить две группы сосудов. Группа 1 включает 70 сосудов 1–4 орнаментальных схем. Для них характерны обедненные композиции, нанесение ряда ямок на чистое поле между строками отпечатков гребенчатого штампа. В группу 2 вошли 30 сосудов, в орнаментальных композициях которых использованы фигурный

Керамический комплекс городища Усть-Васьеган 1

штамп и шнуровые отпечатки, ямки нанесены как на чистое поле, так и поверх гребенчатых или шнуровых лент, количество строк варьируется от 5 до 8+. Важно отметить, что в культурном слое городища фрагменты сосудов обеих групп залегают совместно. В керамическом комплексе городища имеются также единичные фрагменты стенок и венчиков сосудов, в орнаментации которых использованы фигурные штампы в виде «змейки» (рис. 5, 2, 8), квадратного штампа с девятью «глазками» (рис. 5, 10), трехчленный штамп («уточка» в рамке) (рис. 5, 6, 9), который на одном из фрагментов поставлен вертикально, рамчатый трехчленный штамп (рис. 5, 3).

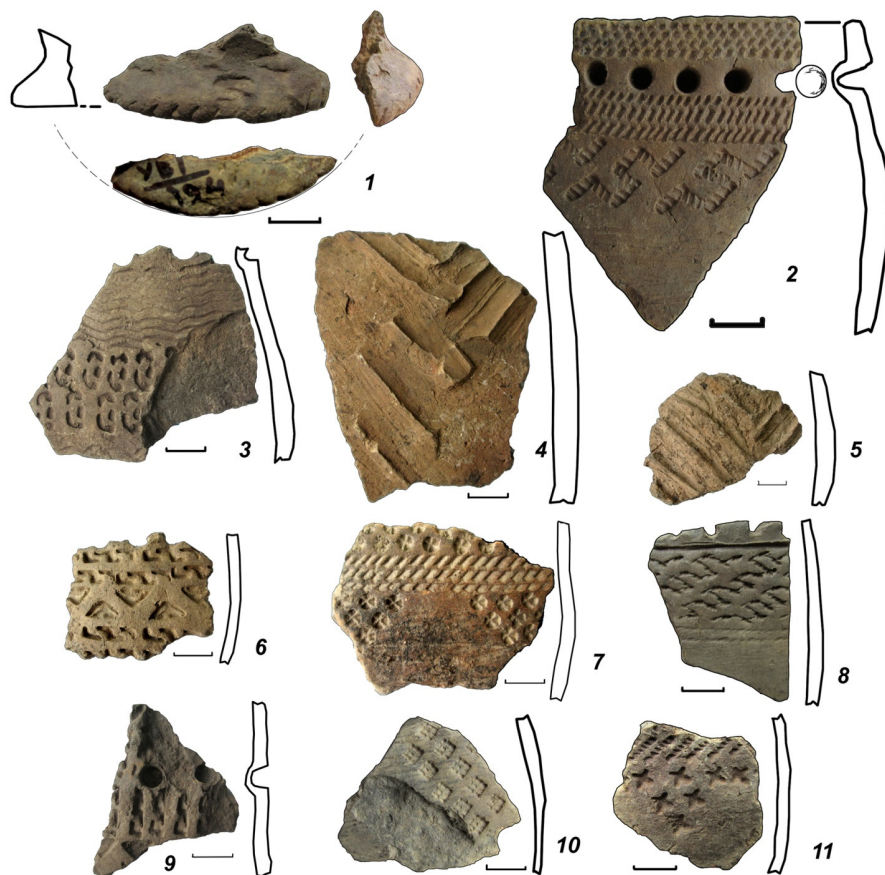

Рис. 5. Единичные фрагменты керамики эпохи раннего железного века и раннего средневековья:

1 — фрагмент поддона; 2–11 — фрагменты с вариантами орнаментальных композиций:

4, 5 — фрагменты с желобчато-валиковым орнаментом.

Fig. 5. Individual fragments of pottery from the early Iron Age and the early Middle Ages:

1 — the fragment of a pallet; 2–11 — fragments with variants of ornamental compositions:

4, 5 — fragments with a grooved-roller ornament.

С целью определения степени схожести/различия выделенных по морфологическим признакам групп сосудов 20 изделий были подвергнуты технико-технологическому анализу: 10 сосудов — группа 1 (рис. 2); 10 сосудов — группа 2 (рис. 3). В связи с тем что данные, полученные при изучении навыков работы гончаров, изготовлявших разные по морфологии изделия, на разных стадиях и ступенях гончарного производства в основном сходны, их характеристика дана далее в обобщенном виде. Особенности гончарной технологии каждой группы сосудов представлены в соответствующих таблицах и графиках.

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья (ступени 1–3). По всему изученному материалу выявлено применение одного вида исходного пластичного сырья (далее — ИПС) — природной ожелезненной глины, которая представлена тремя подвидами, различающимися по количеству песка, содержащемуся в качестве естественной примеси.

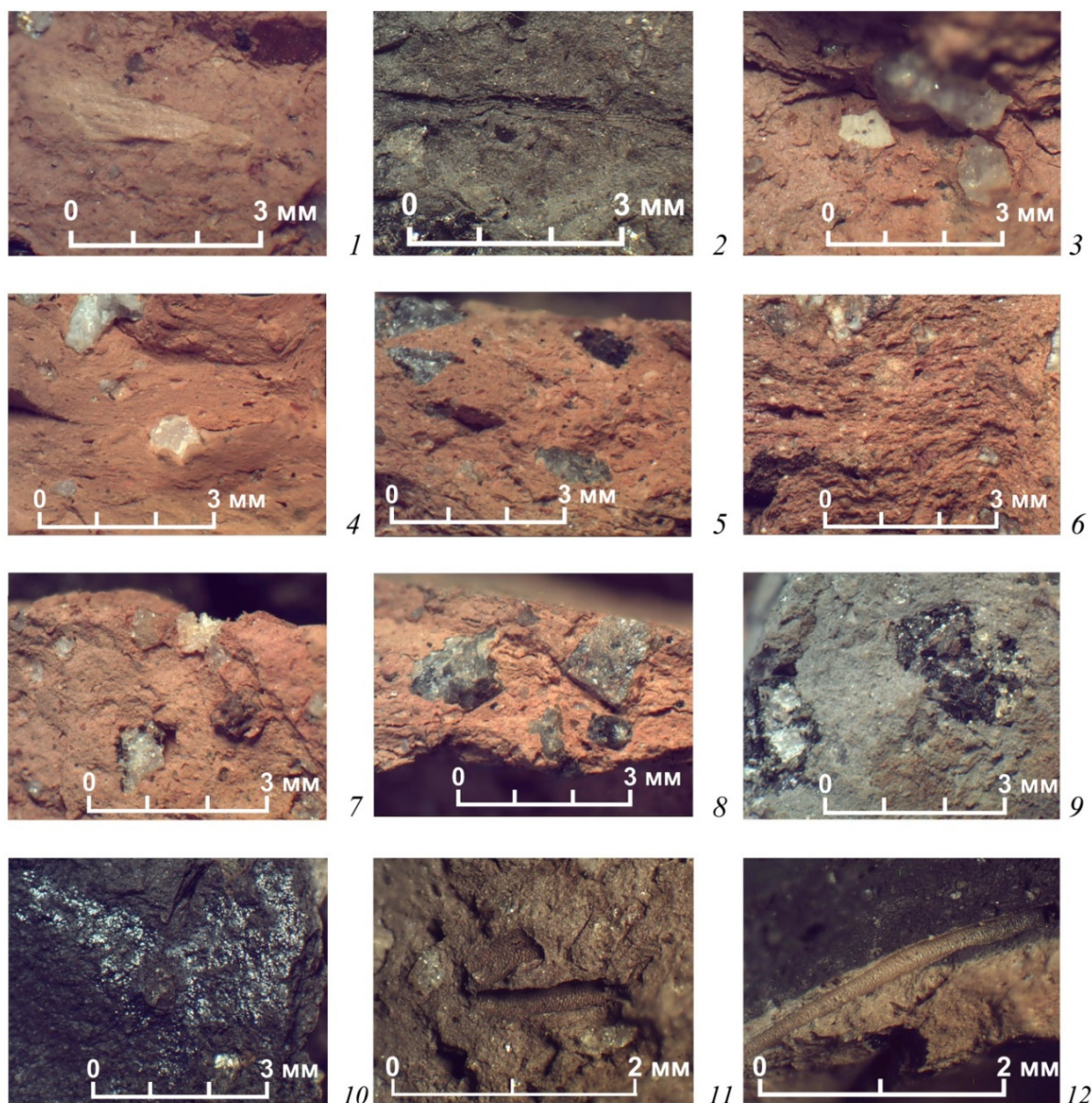

Рис. 6. Микроснимки естественных примесей в сырье (1–6) и искусственных добавок в формовочных массах (7–12) сосудов городища Усть-Васъеган-1:

1, 2 — отпечатки растений; 3 — фрагмент раковины пресноводных моллюсков; 4 — слабо запесоченная глина 1; 5 — средне запесоченная глина 2; 6 — сильно запесоченная глина 3; 7–9 — фрагменты дресвы; 10 — следы органического раствора; 11–12 — отпечатки шерсти животных.

Fig. 6. Microphotographs of natural admixtures in raw materials (1–6) and artificial components in the molding masses (7–12) of vessels of the settlement Ust-Vasyegan 1:

1, 2 — prints of the fragments vegetation; 3 — the fragment of shells; 4 — slightly sandy clay 1; 5 — middle sandy clay 2; 6 — highly sandy clay 3; 7–9 — fragments of crushed stone; 10 — traces of an organic solution; 11, 12 — prints of animal wool.

Глина 1 слабой степени запесоченности (рис. 6, 4), характеризуется наличием следующих естественных примесей: 1) песок кварцевый окатанный и полукатанный, полупрозрачный, размер песчинок составляет 0,1–0,3 мм, единично — 0,4–1,0 мм (от единичных до не более 30 включений на 1 см²); 2) железистые включения, в виде рыхлых легко разрушающихся игольчатых частиц округлой формы, размер включений в основном составляет 0,2–0,7 мм, единично — до 1,0–2,0 мм; 3) единичные отпечатки от стеблей и листьев растений длиной 1,0–4,0 мм, единич-

Керамический комплекс городища Усть-Васъеган 1

но — до 6,0–11,0 мм (рис. 6, 1–2); 4) фрагмент раковины пресноводных моллюсков размером 0,5 мм встречен в изломе одного сосуда⁵ (рис. 6, 3).

Глина 2 средней степени запесоченности (рис. 6, 5), в целом по качественному составу естественных примесей аналогична глине 1, отличается лишь количеством песка — до 60 включений на 1 см².

Глина 3 сильной степени запесоченности (рис. 6, 6), содержит аналогичные естественные примеси, зафиксированные в глинах 1 и 2, отличается наличием в том числе пылевидного песка (менее 0,1 мм) и в целом количеством фракций на 1 см² — от 80 до более 100 включений.

Сопоставление выделенных подвидов глин и сосудов, включенных в разные морфологические группы, выявило, что гончары, изготавливавшие сосуды, отнесенные к группе 1, массово использовали глину 1. Мастера, изготавливавшие сосуды группы 2, также часто использовали глину 1, но в то же время — и другие выделенные подвиды сырья, причем только эта группа гончаров применяла глину 3. Отсутствие признаков предварительного высушивания и дробления ИПС позволяет говорить, что гончары городища сырье применяли в состоянии естественной влажности.

Составление формовочных масс (ступень 4). В качестве искусственных примесей к ИПС добавляли дресву и органику: органические растворы и, предположительно, шерсть животных.

Таблица 4

Соотношение подвидов глин и сосудов групп 1 и 2 городища Усть-Васъеган 1

Table 4

The ratio of subspecies of clays and groups of vessels 1 and 2 of the settlement Ust-Vasyegan 1

	Глина 1	Глина 2	Глина 3	Всего сосудов
Группа 1	9/90,0*	1/10,0	—	10/100,0
Группа 2	5/50,0	2/20,0	3/30,0	10/100,0
Всего сосудов	14/70,0	3/15,0	3/15,0	20/100,0

* Здесь и далее в числителе — количество сосудов в группе, в знаменателе — % от общего количества сосудов в группе.

В каждом из исследованных образцов зафиксирована дресва, предположительно гнейсовая или гранитно-гнейсовая, представленная конгломератными включениями полупрозрачного бесцветного и серого минерала, а также слюды черного цвета (рис. 6, 7–9). Размер частиц дресвы составляет в основном от менее 0,5 до 2,0–3,0 мм, часто фиксируются обломки, размер которых достигает 4,0–6,0 мм. Таким образом, использовавшаяся мастерами минеральная примесь не подвергалась калибровке, а допускался лишь верхний предел размерности включений. Концентрация дресвы в формовочной массе изделий варьируется от 1:4 до 1:7, но чаще всего данный компонент добавлялся в пропорции 1:5 (14 сосудов, или 70,0 %).

Корреляция размерности, концентрации дресвы и выделенных групп сосудов не обнаружила определенных закономерностей (табл. 4 и 5). Можно отметить лишь, что размер включений, превышающий 4,0 мм, зафиксирован только по изломам сосудов группы 2.

Таблица 5

Соотношение размерности дресвы и сосудов групп 1 и 2 городища Усть-Васъеган 1

Table 5

The ratio of dimension of crushed rock and groups of vessels I and II of the settlement Ust-Vasyegan 1

	В основном 0,3–1,5 мм, единично до 2,0 мм	В основном 0,3–1,5 мм, встречаются до 2,0–3,0 мм	В основном 0,3–1,5 мм, встречаются до 3,0–4,0 мм	В основном 0,3–2,0 мм, встречаются до 5,0–6,0 мм	Всего сосудов
Группа 1	1/10,0	5/50,0	4/40,0	—	10/100,0
Группа 2	—	3/30,0	3/30,0	4/40,0	10/100,0
Всего сосудов	1/5,0	8/40,0	7/35,0	4/20,0	20/100,0

Следы применения жидких органических компонентов при составлении формовочных масс зафиксированы в изломах половины изученных сосудов. На их наличие указывают следующие признаки: 1) единичные бесформенные или узкие вытянутые пустоты размером до 2,0 мм; 2) маслянистые или углистые черные, реже — бесцветные пленки внутри пустот, на участках изломов и спаях между «строительными элементами» (рис. 6, 10). Данные признаки указывают на использование гончарами органических растворов растительного или животного происхождения.

⁵ Отпечатки обрывков растений, зафиксированные в изломах керамики, а также единичный фрагмент раковины речных моллюсков выступают признаками глиноподобного сырья, в частности илестых глин. Однако признаков для выделения данного вида ИПС по изученной коллекции пока недостаточно. Можно лишь предположить, что населением, оставившим городище, использовались источники сырья, приуроченные к водоему.

Таблица 6

Соотношение концентрации дресвы и сосудов групп 1 и 2 городища Усть-Васъеган 1

Table 6

The ratio of the concentration of crushed rock and groups of vessels 1 and 2 of the settlement Ust-Vasyegan 1

	Концентрация дресвы				Всего сосудов
	1:4	1:5	1:6	1:7	
Группа 1	1/10,0	8/80,0	—	1/10,0	10/100,0
Группа 2	2/20,0	6/60,0	2/20,0	—	10/100,0
Всего сосудов	3/15,0	14/70,0	2/10,0	1/5,0	20/100,0

В составе формовочных масс достаточно представительной части изученной коллекции выявлен еще один органический компонент — предположительно шерсть животных: в изломах сосудов отмечены отпечатки включений с чешуйчатой структурой поверхности, присущей шерсти (рис. 6, 11–12). Длина отпечатков составляет от 1,0 до 3,0–5,0 мм, ширина — 0,2–0,4 мм. Как компонент формовочной массы шерсть, по всей вероятности, вводилась в минимальной пропорции: включения единичны, редко — до трех волосков на 1 см².

Таким образом, исходя из сочетания различных искусственных компонентов с исходным пластичным сырьем по исследованному материалу выделено четыре рецепта составления формовочных масс: «глина + дресва», «глина + дресва + органический раствор», «глина + дресва + шерсть (?)», «глина + дресва + шерсть (?) + органический раствор». Корреляция выделенных групп сосудов и рецептов составления формовочных масс выявила следующее (табл. 7). В среде гончаров, изготавливавших сосуды, включенные в группу 1, массово применялись два рецепта составления формовочных масс: «глина + дресва» и «глина + дресва + шерсть». Для мастеров, изготавливавших сосуды группы 2, более характерным было составление масс по рецепту «глина + дресва + органический раствор».

Таблица 7

Соотношение рецептов составления формовочных масс и сосудов групп 1 и 2 городища Усть-Васъеган 1

Table 7

The ratio of the recipes of the molding masses and groups of vessels 1 and 2 of the settlement Ust-Vasyegan 1

	Гл. + Д	Гл. + Д + ОР	Гл. + Д + Шерсть (?)	Гл. + Д + Шерсть (?) + ОР	Всего сосудов
Группа 1	4/40,0	1/10,0	4/40,0	1/10,0	10/100,0
Группа 2	1/10,0	6/60,0	1/10,0	2/20,0	10/100,0
Всего сосудов	5/25,0	7/35,0	5/25,0	3/15,0	20/100,0

Способы механической обработки поверхностей (ступень 8). А.А. Бобринским в истории восточно-европейского гончарства выделены три направления в развитии навыков обработки поверхностей: безгрунтовочное, грунтовочное и химико-термическое [1978, с. 213]. Исследование показало, что обработка поверхностей посуды производилась в рамках первого, безгрунтовочного направления. По изученному материалу выделен один способ — простое заглаживание. Заглаживание внешних поверхностей сосудов осуществлялось преимущественно деревянным ножом или шпателем и щепой. Применение мягких материалов зафиксировано единично. На значительной части изделий отмечено уплотнение поверхностей, вероятно, твердым инструментом с гладкой рабочей поверхностью, производившееся после первоначального заглаживания. Внутренние поверхности изделий заглаживались аналогичными инструментами. На некоторых сосудах мы предположили использование мягких материалов, а также сочетание заглаживания шпателем и пальцами, следы которых имеются в верхней части шейки.

Корреляция основных способов обработки поверхностей изделий и выделенных групп керамики выявила следующее (табл. 8). Гончары, изготавливавшие сосуды группы 1, чаще всего применяли щепу для заглаживания как внешних, так и внутренних поверхностей, реже — деревянный нож или шпатель. Тот факт, что следы щепы чаще фиксируются на внешних поверхностях, чем на внутренних стенках, на наш взгляд, может указывать, что такое бороздчатое заглаживание сочетало две функции — и обработку поверхностей, и декорирования [Цетлин, 2012, с. 186–188]. Гончарами, изготавливавшими сосуды, включенные в группу 2, поверхности

Керамический комплекс городища Усть-Васьеган 1

изделий обрабатывались более тщательно с использованием деревянных шпателей и мягких материалов. Преимущественно на сосудах этой группы отмечено уплотнение.

Таблица 8

Соотношение способов обработки поверхностей на сосудах групп 1 и 2 городища Усть-Васьеган 1

Table 8

The ratio of the methods of surface treatment on the vessels groups 1 and 2 of the settlement Ust-Vasyegán 1

Способы обработки поверхностей		Группа 1	Группа 2
Внешняя поверхность	Мягкий предмет	—	10,0
	Щепа	80,0	—
	Шпатель	10,0	30,0
	Уплотнение (?)	10,0	70,0
	Не ясно	10,0	—
Внутренняя поверхность	Мягкий предмет	—	40,0
	Щепа	50,0	—
	Деревянный нож или шпатель	50,0	—
	Шпатель + пальцы	—	60,0

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов (ступени 9–10) осуществлялось путем их обжига. Анализ цветовой характеристики изломов изученных фрагментов сосудов показывает, что они чаще всего обжигались в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды, т.е. при ограниченном доступе кислорода, чаще всего с непродолжительной выдержкой изделий при температурах каления глины (не ниже 650 °С). Основная часть изученных сосудов имеет двух- или трехслойную окрашенность изломов, ширина осветленных слоев, как правило, составляет 0,2–0,5 мм, реже — 1,0–3,0 мм (9 сосудов группы 1; 7 сосудов группы 2). После достижения температур каления сосуды быстро извлекались из обжигевого устройства, что фиксируется по четкой границе между осветленными слоями и темно-серой или серой сердцевиной. Незначительная группа сосудов в изломе имеет сплошную темно-серую окрашенность и серую окраску внешних и внутренних поверхностей, что указывает на обжиг данных изделий в условиях восстановительной среды, т.е. без доступа кислорода (1 сосуд группы 1; 2 сосуда группы 2). Фрагмент одного сосуда группы 2 имеет сплошной осветленный излом, что свидетельствует о достаточно длительном нахождении изделия в зоне высоких температур, возможно, связанном с попаданием данных фрагментов в огонь повторно уже после фрагментации изделия. Отмеченные цветовые особенности поверхностей и изломов сосудов позволяют говорить, что их обжиг проводился в простых кострищах или очагах.

Обсуждение результатов

Керамический комплекс эпохи энеолита, полученный из культурного слоя городища Усть-Васьеган 1, по своим морфологическим и орнаментальным характеристикам имеет большое сходство с керамикой стоянок Салехард 1 [Кардаш, 2005] и Вары-Хадыта [Васильев, 2011, с. 213, рис. 1], поселения эпохи энеолита Горный Сомотнел-1 [Тупахина, Тупахин, 2018]. Идентичные принципы компоновки и сочетания орнаментальных блоков, использование/чередование определенного набора элементов орнамента и способа их нанесения, присутствие в комплексе фрагментов сосудов с ручками свидетельствуют в пользу близкой (родственной?) связи с обитателями поселения Горный Сомотнел-1. Еще более весомым аргументом в пользу культурной идентичности является наличие в коллекции городища Усть-Васьеган 1 большого количества фрагментов сосудов, орнаментированных оттисками уголкового штампа с острым рабочим краем, что, по мнению исследователей поселения Горный Сомотнел-1, является визитной карточкой его керамического комплекса и интерпретируется как местная традиция [Там же, с. 27]. Учитывая, что оба памятника находятся на правом берегу Оби в 110 км (по воде) друг от друга, версия о тесной связи их населения вполне уместна. Можно также предположить, что территория мыса, где впоследствии расположилось средневековое городище Усть-Васьеган 1, была одним из пунктов на пути освоения арктической территории при продвижении на восток к устью Оби группы, основавшей поселение Горный Сомотнел-1.

По установленным аналогиям датировать энеолитический комплекс из устья Васъегана можно концом IV — III тыс. до н.э. [Там же, с. 23]. Композиционные решения, сочетание элемен-

тов, техника нанесения орнамента на сосудах энеолитического комплекса Усть-Васьеган 1 позволяют соотнести его с культурным типом вары-хадыта, чей культуругенез связывается с сартыньинской и йоркутинской культурами [Васильев, 2011, с. 214].

Эпоха средневековья. Анализ орнаментальных композиций керамической коллекции эпохи средневековья выявил его неоднородность, обусловленную, скорее всего, принадлежностью населения к различным культурным образованиям. Однако выделенные по орнаментальным признакам две группы сосудов практически идентичны по формам. Первая группа имеет лаконичный обедненный орнамент, выраженный в 1–4 линиях какого-либо элемента или их сочетании (рис. 3). В основе — обязательный ряд ямок, окаймленный с одной или двух сторон лентами наклонных отпечатков гребенчатого штампа (проташенной или отступающей гребенки). Аналогии по некоторым морфологическим и орнаментальным характеристикам находятся в материалах средневековых памятников бичевницкого типа Европейского Северо-Востока, датируемых первой половиной I тыс. н.э. [Васкул, 2014; Канивец, 1965; Мурыгин, 1992; Туркина, 2015]. Главное отличие от приуральских материалов — полное отсутствие каннелюр на шейке сосудов. Кроме этого, подобная керамика встречена в материалах местонахождения Яхадыха и поселения Перегребное 4 [Морозов, 2003].

Вторая группа керамической коллекции эпохи средневековья — посуда, украшенная чередующимися рядами фигурных штампов, лентами гребенчатых или шнуровых оттисков, находит отдаленные аналогии в материалах городища Усть-Полуй — группы II и III [Мошинская, 1953; Мошинская, 1965], карымской культуры Среднего Приобья [Чемякин, Борзунов, 2013] и на памятниках юдинской культуры Нижнего Притоболья [Чикунова, Якимов, 2012].

Использование сдвоенных шнуровых отпечатков часто встречается на посуде юдинской культуры (Притоболье): например, орнаментальная композиция, сочетающая сдвоенные-строенные шнуровые линии с чередующимися лентами наклонных или вертикально поставленных отпечатков гребенчатого штампа на некоторых сосудах (рис. 4, 3, 10) имеет полные аналогии в материалах городища юдинской культуры Черепаниха 2 (Нижняя Тавда) [Чикунова, Якимов, 2012, с. 32, рис. 2, 7, 14]. Сочетание композиций, составленных из отпечатков шнура, гребенчатого штампа, фигурного штампа и ряда ямок по шейке, встречается в материалах лесного Припечорья [Мурыгин, 1992, с. 112, рис. 57, 7], представляя один из «типоморфных вариантов бичевницкого культурного типа». Таким образом, пока однозначно определить культурную принадлежность средневековых сосудов группы 2 затруднительно.

Повторим, что фрагменты сосудов обеих групп залежали в культурном слое городища совместно. Кроме того, фрагменты некоторых сосудов выделенных групп находились в заполнении разных сооружений, что может указывать на одновременность существования в пределах городища культурно различных групп населения. Данному заключению не противоречат и результаты технико-технологического анализа, по результатам которого в целом выявлено сходство навыков труда гончаров, изготавливавших различные по орнаментации изделия. Но все же отмечены и некоторые различия, на наш взгляд, позволяющие говорить, что в пределах городища проживали две группы гончаров, владевших собственными навыками на некоторых ступенях гончарного производства. Так, гончары, изготавливавшие сосуды группы 1, применяли в абсолютном большинстве слабо запесоченное сырье (глина 1) (рис. 7, 1). При составлении формовочных масс чаще всего использовали компонентные составы «дресва» и «дресва + шерсть» (рис. 7, 2). Крайне редко использовались органические растворы. Заглаживание внешних поверхностей сосудов данной группой гончаров осуществлялось в основном щепой, а внутренних — ножом или шпателем (рис. 7, 3–4). Мастера, изготавливавшие сосуды, включенные в группу 2, владели менее устойчивыми навыками отбора ИПС относительно степени его запесоченности — наряду со слабо запесоченным сырьем (глина 1) использовали средне и сильно запесоченные глины 2 и 3 (рис. 7, 1). Составление формовочных масс преимущественно осуществлялось с применением компонентного состава «дресва + органический раствор» (рис. 7, 2). Случаи использования в качестве добавки шерсти редки. Обработка поверхностей изделий производилась с помощью мягких материалов и ножа или шпателя, кроме того, внешние поверхности сосудов после заглаживания подвергались уплотнению (рис. 7, 3–4).

Проблема датировки. Присутствие в коллекции городища единичных фрагментов с трехчленным штампом, «уточкой», «змейкой», скорее всего, предполагает не контакты обитателей городища с населением южных территорий Средней Оби в первой половине I тыс. н.э., но кратковременные посещения усть-васьеганского мыса инокультурными представителями без соз-

Керамический комплекс городища Усть-Васьеган 1

дания значимых культурных отложений. Трехчленные штампы характерны для посуды яраслинского этапа нижнеобской культуры [Чемякин, 2013; Гордиенко, 2013], датирующей также первой половиной I тыс. н.э. Единичные фрагменты сосудов с протасненным зубчатым штампом, образующим волну (рис. 4, 1, 13), соотносятся с материалами пос. Айгинское VIII (Нижнее Притоболье) [Гордиенко, 2013, с. 50, рис. 4] и Ахтымья I на р. Конде [Чемякин, 2015, с. 149, ил. 7], датированные III в. н.э. Фрагменты сосудов с желобчато-валиковой орнаментацией соответствуют III группе керамики карымской культуры [Чемякин, Карачаров, 1999; Зыков, 2012; Чемякин, Борзунов, 2013; Борзунов, Чемякин, 2015], датируются концом III/IV — VI в. н.э.

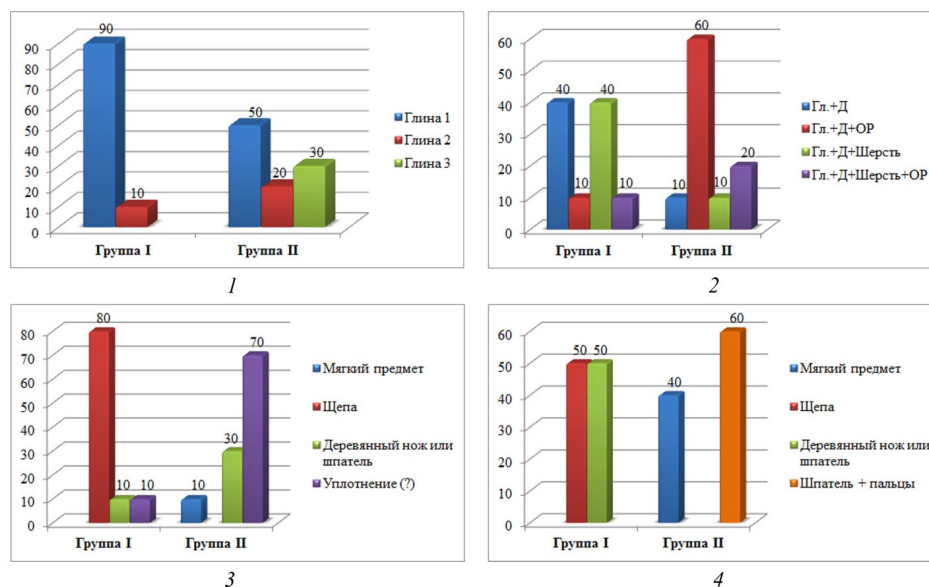

Рис. 7. Соотношение подвидов природных глин (1), рецептов формовочных масс (2) и особенностей обработки внешних (3) и внутренних (4) поверхностей сосудов групп I и II городища Усть-Васьеган-1.

Fig. 7. The ratio of subspecies of clays (1), recipes of the molding masses (2) and features of methods treatment of external (3) and internal (4) surfaces of vessels of groups I and II of the settlement Ust-Vasyegan-1.

Радиоуглеродные датировки по остаткам сгоревшей стены постройки 8 и лиственницы со дна рва (1165 ± 50 лет (СОАН-9279) и 860 ± 50 лет (СОАН-9278)), а также некоторые предметы из вещевой коллекции, в частности бронзовый перстень из постройки 7 [Чикунова, 2017], железный кинжал из сооружения 6, находящий аналог в Среднем Зауралье [Шорин и др., 2013], очерчивают границы функционирования городища Усть-Васьеган 1 в пределах VII–XII вв. Не исключено получение и более ранних дат из материалов еще не исследованных первых четырех построек городища, представляющих, очевидно, первый этап заселения мыса, что косвенно подтверждается более разреженной, свободной планировкой и наличием небольшого ровика, отделяющего их от исследованных построек (рис. 1, С). Датирование выполнено в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя ИГИМ СО РАН:

Шифр лаборатории	Материал, контекст	¹⁴ C-дата, л. н.	Калиброванные значения, гг. н.э.	
			σ (68,2 %)	2σ (95,4 %)
СОАН-9278	Стена жил. 8, дерево, уголь	860 ± 50	1060–1090 (7,9 %) 1120–1140 (6,4 %) 1150–1260 (53,9 %)	1090–1270
СОАН-9279	Дно рва, лиственница	1165 ± 50	780–900 (51,0 %) 920–960 (17,2 %)	720–750 (3,0 %) 770–990 (92,4 %)

Заключение

Очевидно, что средневековый керамический комплекс городища Усть-Васьеган 1 более чем своеобразен. Мы наблюдаем смешанный комплекс, полученный в результате взаимодействия населения Нижней и Средней Оби (группа 2) и мигрантов из-за Урала с территории лесного Припечорья (группа 1). Корреляция полученных данных об особенностях сырья и составов формовочных масс изученной керамики позволяет говорить о процессе взаимовлияния двух групп гончаров, проживавших в рамках одного поселения, возможно обусловленного семейно-брачными отношениями, при этом внешний облик сосудов не претерпел заметных изменений.

Полученные результаты имеют определенную ценность в изучении процессов освоения северных территорий Западной Сибири в эпоху средневековья ввиду хронического недостатка своевременных публикаций, посвященных керамическим коллекциям исследованных средневековых поселенческих памятников циркумполярных территорий. Вероятное дальнейшее изучение городища Усть-Васъеган внесет коррективы не только в представления об его обитателях, но и, не исключено, в видение проблематики освоения арктических территорий в период между первыми инфильтрациями населения с территорий Северного Приуралья и Среднего Приобья начиная с раннего железного века до возникновения первых городков в XIV–XV вв.

Благодарности. Выражаем искреннюю признательность за помощь и консультации С.Ф. Кокшарову (Институт истории и археологии УрО РАН), О.С. Тупахиной (ГКУ ЯНАО Научный центр изучения Арктики), О.Е. Пошехоновой и С.Н. Скочиной (ТюмНЦ СО РАН).

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымская керамика таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1 (28). С. 56–66.
- Васильев Е.А. Культура вары-хадыта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири в раннем бронзовом веке // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 212–214.
- Васкул И.О. Памятники бичевницкого культурного типа на территории Европейского Северо-Востока // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. II. С. 291–293.
- Гордиенко А.В. Нижнее Приобье в первой половине I тыс. н.э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2013. № 1 (20). С. 47–57.
- Зыков А.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.
- Канивец В.И. Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 3–100. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. III).
- Кардаш О.В. Раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) в 1946 и 2000 годы // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археол.-этногр. конф. Томск: Изд-во ТГУ. 2005. С. 17–20.
- Морозов В.М. О двух керамических комплексах Нижнего Приобья. 2003. <https://www.yamal-archaeology.ru/index.php/texts/archeol/98-morozov-v-m-2003>
- Мошинская В.И. Керамика усть-полуйской культуры // МИА. 1953. № 35. С. 107–120.
- Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири. М.: Наука. 1965. 88 с.
- Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: Эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.
- Стародумов Д.О., Комова Н.Г. Городище Няксимволь: история исследования // Няксимволь. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2014. С. 19–32.
- Туркина Т.Ю. Поселение Бичевник I на Средней Печоре (по материалам раскопок 2013 г.) // Первобытные и средневековые древности Европейского Северо-Востока. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. С. 80–88. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 19).
- Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Поселение эпохи энеолита Горный Самотнел-1: Материалы и исследования. Омск: Омскбланкиздат, 2018. 149 с.
- Хантемиров Р.М., Шиятов С.Г. Дендрохронологические датировки древесины из археологического памятника Усть-Полуй // «Научный центр изучения Арктики» Археология Арктики: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй»: Доклады. Салехард, 27–30 ноября 2012 г. Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 62–64.
- Цетлин Ю.Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
- Чемякин Ю.П. О ярсалинском этапе в древней истории таежного Приобья // Вестник ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 314–318.
- Чемякин Ю.П. Поселение Ахтымья I: (Комплексы эпохи раннего железа) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во ТГУ, 2015. Вып. 13. С. 139–166.
- Чемякин Ю.П., Борзунов В.А. Итоги исследования средневековых поселений на протоке Сартым-урий в зоне хозяйственного освоения Угутского месторождения нефти // Древнее население Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз». Нефтеюганск: Ин-т археологии Севера; Екатеринбург: Магеллан, 2013. С. 60–93.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

Керамический комплекс городища Усть-Васьеган 1

Чемакин Ю.П. О ярсалинском этапе в древней истории таежного Приобья // Вестник ТГУ. История. 2013. № 1 (20). С. 34–16.

Чикунова И.Ю. Усть-Васьеган 1 — средневековое городище в Северном Приобье // Материалы IV Северного археол. конгр. Екатеринбург; Ханты-Мансийск. 2015. С. 215–216.

Чикунова И.Ю. Металлический перстень из Северного Приобья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная. Пермь, 2017. С. 174–178.

Чикунова И.Ю., Якимов А.С. Городище Черепаниха 2: К вопросу об определении статуса // УИВ. 2012. № 4 (37). С. 31–41.

Шорин А.Ф., Зыков А.П., Вилисов Е.В. Средневековый комплекс Кокшаровского холма (Среднее Зауралье) // РА. 2013. № 1. С. 119–129.

ИСТОЧНИКИ

Брусницына А.Г. Разведки в Ямальском и Приуральском районах Ямало-Ненецкого автономного округа в 1997 году. Салехард, 1999 // НА ЯНОКМ.

Chikunova I.Yu. *, Ilyushina V.V.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: chikki@mail.ru (Chikunova I.Yu.); vika_tika@mail.ru (Ilyushina V.V.)

The ceramic complex of the ancient settlement of Ust-Vasyegan 1

This paper presents the results of the study of the ceramics collection from two periods — Eneolithic and Medieval, assembled during the fieldwork at the ancient settlement of Ust-Vasyegan 1 in the Northern Priobye (Western Siberia). The Eneolithic ware is represented by fragments of 30 vessels decorated with alveolate, rhombic, nail-imprints, and corner patterns. There are fragments of a boat-shaped vessel and vessels with handles. The complex has analogies in the materials of the settlement of Gorny Samotnel-1 and is dated to the end of the 4th–3rd centuries BC. The Medieval ceramics are represented by 296 vessels. On the basis of typological analysis, two groups of vessels have been identified: group 1 ware with sparing ornamentation comprising 1–4 lines of the ornament; and group 2 ware with an ornament comprising 5–8 and more lines. A characteristic feature of the group 2 vessels is the use of a cord and various shaped stamps. In the cultural layer of the settlement, ceramics of both groups was deposited side by side, which suggests their contemporaneity. In order to determine the degree of similarity/difference of the derived groups of vessels, a technical-technological analysis was carried out on 20 items. It appeared that potters who manufactured the group 1 vessels routinely used blend compositions of grus and grus with wool. Organic mortars were rarely used. The smoothing of the vessels was performed mainly with a wood splinter, knife, or spatula. The craftsmen who manufactured the vessels of group 2 used medium to heavily oversanded clays along with slightly oversanded material. While making the molding compositions, a blend of grus and organic mortar was used more often. Wool was rarely utilised. The vessels were smoothed with soft materials and a knife or spatula, the outer surfaces were subjected to hand tamping. The noted differences suggest, that in the Middle Ages two groups of potters, who had distinctive pottery-making skills, were living at the settlement. Vessels of the group 1 have similarities with materials of the “Bichevnik” type from the Pechersky Trans-Urals, whereas vessels of the group 2 in the materials of the Yarsalinsky, Ust'-Poluisky, and Yudinsky Cultures of the Iron Age and Early Middle Ages of the Middle and Lower Priobye and Lower Tobol River region. Obtained radiocarbon dates and some artefacts (a bronze signet ring and an iron dagger), which have analogies in the Middle Trans-Urals, define the time span of the activity for the ancient settlement of Ust-Vasyegan 1 within the 7th–13th centuries.

Keywords: Northern Ob region, Eneolithic epoch, Medieval epoch, ceramic complex, technical and technological analysis.

Acknowledgements. We express our sincere appreciation for the assistance and advice to S.F. Koksharov (Institute of history and archaeology, Ural branch, Russian Academy of Sciences), O.S. Tupakhina (Scientific centre for the study of the Arctic), O.E. Poshekhonova and S.N. Skochina (Tyumen scientific centre SB RAS).

Funding. The work was carried out under the state task, the project “Western Siberia in the context of Eurasian relations: man, nature, society”.

REFERENCES

Bobrinskii, A.A. (1978). *The Pottery of Eastern Europe: Sources and methods of study*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Bobrinskii, A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural studies. In: A.A. Bobrinskii (Ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 5–109. (Rus.).

* Corresponding author.

- Borzunov, V.A., Chemiakin, Iu.P. (2015). Karym ceramics of the taiga Ob region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 56–66. (Rus.). http://www.ipdn.ru/_private/a28/56-66.pdf
- Chemiakin, Iu.P. (2013). About Yarsalinsky stage in the ancient history of taiga Ob region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, (3), 314–318. (Rus.). <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/his/23/image/23-314.pdf>
- Chemiakin, Iu.P. (2015). The settlement Akhtymya I (Early Iron Age complexes). In: Ia.A. Iakovlev (Ed.): *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo. Vyp. 13*. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 139–166. (Rus.).
- Chemiakin, Iu.P., Borzunov, V.A. (2013). Results of the study of medieval settlements on the Sartym-uriy channel in the economic development zone of the Ugutskoye oil field. In: *Drevnee naselenie Srednei Obi na territorii khoziaistvennogo osvoeniia OOO «RN-Iuganskneftegaz»*. Nefteyugansk: Institut arheologii Severa; Ekaterinburg: Magellan, 60–93. (Rus.).
- Chemiyakin, Yu.P., Karacharov, K.G. (1999). Ancient history of the Surgut Ob region. In: *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov*. Ekaterinburg: Tezis, 9–66. (Rus.).
- Chikunova, I.Iu. (2015). Ust-Vasjegan 1 — medieval fortress in the North Ob river basin. In: N.M. Chairkina (Ed.). *Materialy IV Severnogo arkheologicheskogo kongressa*. Ekaterinburg, 215–216. (Rus.).
- Chikunova, I.Iu. (2017). The metal ring of the Northern Ob region. In: A.M. Belavin (Ed.): *Trudy Kamskoi arheologo-etnograficheskoi ekspeditsii. Srednevekovaiia arkheologiiia Vostochnoi Evropy: ot Kamy do Dunaia*, (12). Perm', 174–178. (Rus.).
- Chikunova, I.Iu., Iakimov, A.S. (2012). Settlement Cherepanikha 2: Attribution of status. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 31–41. (Rus.). https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18239986_46591012.pdf
- Gordienko, A.V. (2013). Lower Tobol region in the first half of the 1st millennium AD (based on materials from the excavations of the settlement Aiginskoye VIII). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 47–57. (Rus.). http://www.ipdn.ru/_private/a20/47-57.pdf
- Kanivets, V.I. (1965). Ancient settlements of the South Pechora Plain. In: *Drevnie poseleniia na Pechore i Vychegde: Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka*, (3). Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo. 3–100. (Rus.).
- Khantemirov, R.M., Shiatov, S.G. (2012). Dendrochronological dating of wood from the archaeological site Ust-Poluy. In N.V. Fedorova (Ed.). «Nauchnyi tsentr izucheniia Arktiki» *Arkheologiiia Arktiki. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 80-letiiu otkrytiia pamiatnika arkheologii «Drevnee sviatilishche Ust'-Polui»*: *Doklady. Salekhard*, 27–30 noiabria 2012 g. Ekaterinburg: Delovaia pressa, 62–64. (Rus.).
- Moshinskaia, V.I. (1953). Ceramics of the Ust-Poluy culture. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (35), 107–120. (Rus.).
- Murygin, A.M. (1992). *Pechora Urals: The Middle Ages*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Shorin, A.F., Zikov, A.P., Vilisov, E.V. (2013). Medieval assemblage from Koksharovsky Kholm (Middle Trans-Urals). *Rossiiskaja arheologija*, (1), 119–129. (Rus.).
- Starodumov, D.O., Komova, N.G. (2014). Nyaksimvol settlement: history of research. In: Ia.A. Iakovlev (Ed.). *Niaksimvol'*. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 19–32. (Rus.).
- Tsetlin, Iu.B. (2012). *Ancient Ceramics: Theory and Methods of Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: Institut arheologii RAN. (Rus.).
- Tupakhina, O.S., Tupakhin, D.S. (2018). *Settlement Gorny Samotnel-1 of the Eneolithic epoch: Materials and investigations*. Omsk: Omskblankizdat. (Rus.).
- Turkina, T.Iu. (2015). Bichevnik I settlement on the Middle Pechora (on materials of excavations of 2013). In: A.V. Volokitin (Ed.). *Pervobytnye i srednevekovye drevnosti Evropeiskogo Severo-Vostoka: Materialy po arkheologii evropeiskogo Severo-Vostoka*, (19). Syktyvkar: Institut iazyka, literatury i istorii Komi Nauchnyi Tsentr UrO RAN, 80–88. (Rus.).
- Vasiliev, E.A. (2011). The culture of Vary-hadyt and problems of culture genesis North-Western Siberia in the early Bronze Age. In: N.A. Makarov, E.N. Nosov (Eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. T. 1*. St. Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod, 212–214. (Rus.).
- Vaskul, I.O. (2014). Sites of the Bichevnik cultural type on the territory of the European North-East. In: A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevianko (Eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani. T. 2*. Kazan: Otechestvo, 291–293. (Rus.).
- Zikov, A.P. (2012). *Barsova Gora: Essays on the archeology of the Surgut Ob region. Middle Ages and Modern Times*. Ekaterinburg: Ural'skii rabochii. (Rus.).

Чикунова И.Ю. <https://orcid.org/0000-0001-9208-7198>

Илюшина В.В. <https://orcid.org/0000-0003-1517-0101>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Сенотрусова П.О., Эккердт А.А., Мандрыка П.В. *

Сибирский федеральный университет, просп. Свободный, 79, Красноярск, 660041
E-mail: Pollina1987@rambler.ru (Сенотрусова П.О.); ekkerdta@mail.ru (Эккердт А.А.)
pmandryka@yandex.ru (Мандрыка П.В.)

НАХОДКИ ОРНИТОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ФИНАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА НИЖНЕЙ АНГАРЕ

На могильнике Пинчуга VI (Нижнее Приангарье) найдены первые в таежной зоне Средней Сибири орнитоморфные изображения, относящиеся к одному из типов западно-сибирского культового литья. Выделены характерные признаки изображений, позволяющие отнести их к холмогорской стилистической группе западно-сибирского культового литья. Определено время бытования изделий в рамках второй четверти I тыс. н.э. Сделаны выводы об особом месте птицевидных изделий в мировоззрении населения Нижнего Приангарья.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, финал раннего железного века, западно-сибирское культовое литье, орнитоморфные изображения, хронология, импорт.

Введение

Одним из знаковых явлений раннего железного века в лесной зоне Западной Сибири стало формирование западно-сибирского культового литья с художественным или абстрактным оформлением предметов. Яркие и самобытные бронзовые изображения людей, птиц и животных широко известны от Урала до Енисея. Этот феномен неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, и ему посвящена обширная литература [Троицкая, 1979, 2009; Труфанова, 2003; Чиндина, 2006; Чемякин, 2013, 2015; Ширин, 2015; Федорова, Гусев, 2019; и др.]. При этом восточная граница распространения подобных изделий ограничивалась Обь-Енисейским водоразделом. Единичные случайные находки западно-сибирского культового бронзового литья из Средней Сибири не были привязаны к конкретным комплексам, что затрудняло интерпретацию их места и значения в культуре местного населения.

Находка трех орнитоморфных изображений на могильнике Пинчуга VI, расположенного в нижнем течении Ангары, позволяет впервые привязать предметы художественного литья к археологически изучаемому комплексу в южной тайге Средней Сибири. Сегодня этот район является восточной окраиной присутствия западно-сибирских художественных бронз, которые важны для разработки хронологии культур Нижнего Приангарья финала периода раннего железного века и уточнения возраста стилистических групп западно-сибирского литья. Присутствие таких изделий на берегах Ангары маркирует направления культурных связей населения региона.

Объекты исследования

Могильник Пинчуга VI расположен на правом берегу Ангары, в 180 км выше ее устья, напротив п. Пинчуга (рис. 1).

Некрополь приурочен к поверхности невысокой песчаной гряды золотого генезиса, образованной на краю 22-метровой террасы. Памятник открыт в 2018 г. археологической экспедицией СФУ под руководством П.В. Мандрыки. При осмотре поверхности гряды выявлены хаотичные «закопущики черных копателей», в которых находились брошенные железные изделия, каменные и стеклянные бусы, фрагменты керамики и обожженных костей [Мандрыка и др., 2020]. За два года полевых исследований сплошным раскопом вскрыто около 700 м² и выявлено 16 погребений, пять из которых оказались частично повреждены из-за деятельности любителей приборного поиска.

Все изученные захоронения совершены по обряду трупосожжения на стороне, они располагались рядами вдоль гряды, параллельно течению реки. Зафиксирована значительная вариативность в способах размещения праха и предметов сопроводительного инвентаря. Большая часть погребений совершена в грунтовых ямах овальной или округлой формы разных размеров, также отмечены случаи размещения фрагментов костей человека вместе с предметами на уровне древней поверхности.

* Corresponding author.

Реже прослеживается наложение выше указанных способов размещения праха в одном комплексе. На верхнем уровне фрагменты обожженных костей рассыпаны по древней поверхности, здесь же лежат предметы сопроводительного инвентаря, отмечаются пятна прокаленной почвы и небольшие древесные угли. Разброс предметов составляет от 1 до 3 м. Ниже, под скоплениями вещей, фиксируется от одной до трех грунтовых ям (могил), в которых помещались обломки обожженных костей человека, предметы, кусочки угля и фрагменты органических материалов. Находки из верхнего и нижнего уровней таких комплексов типологически единообразны, части некоторых сломанных предметов склеиваются между собой. Каждое погребение содержит разнообразный и выразительный сопроводительный инвентарь. Скопления предметов отмечены и в межмогильном пространстве некрополя. По обломкам определимых костей отмечены как индивидуальные, так и коллективные погребения [Дедик, 2021].

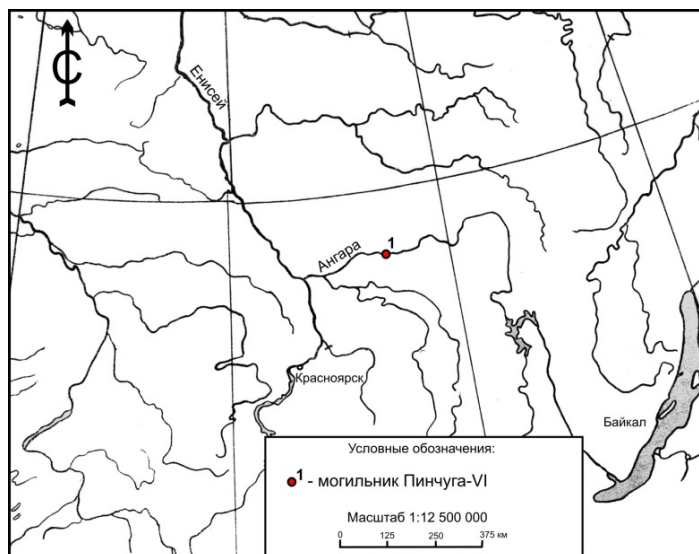

Рис. 1. Карта-схема расположения могильника Пинчуга VI.

Fig. 1. The map of the Pinchuga VI burial ground location.

В разных комплексах могильника найдено пока три орнитоморфных изображения, отлитых из бронзы. Все фигурки выпуклые в сечении, схожи по стилю исполнения, на обратной стороне целых экземпляров сохранились следы какой-то органической основы (мех, войлок, кожа?), к которой они прикреплялись.

Первое орнитоморфное изображение зафиксировано в заполнении ямы погребения № 9. Оно располагалось над скоплением фрагментов обожженных костей человека, на одном уровне с другими изделиями из бронзы. Предмет был обернут в какой-то органический материал, от которого сохранился только черный тлен. Изображена хищная дневная птица, скорее всего сокол, которая показана в фас (рис. 2, 1). Общие размеры фигурки 6,0×3,9×0,3 см. Лицевая сторона изделия передает птицу со стороны груди, хорошо видны прижатые к туловищу лапы длиной 1,2 см с тремя когтями. Голова изображения горельефная. Крылья длиной 3,4 см с приостренными окончаниями опущены вниз, полностью не соприкасаются с туловищем, хвост прямоугольный длиной 2,2 см. По внешней кромке на крыльях расположены две параллельные полосы, маховые перья переданы наклонными непрерывающимися полосами, чередующимися с пунктиром. Хвост выделен двумя горизонтальными полосами, поделен на три части, заполненные орнаментом, имитирующим оперение: боковые — скобками, а центральная — вертикальным зигзагом. Птица крепилась к основе с помощью массивной петли, расположенной в центре груди с тыльной стороны.

Второе орнитоморфное изображение найдено в скоплении предметов на уровне древней поверхности некрополя. Вместе с ним залежали подвески из зубов лося, железные круглые нашивки, ножи с петельчатым окончанием рукояти. Фигурка размерами 6,0×4,3×0,4 см, как и первая, показывает в фас хищную дневную птицу, скорее всего орла (рис. 2, 2), хорошо видны прижатые к туловищу лапы длиной 1,1 см с когтями. На груди птицы присутствует схематически изображенная личина: глаза и рот отмечены горизонтально изогнутыми бороздками, нос отсутствует. На

Находки орнитоморфных изображений финала раннего железного века на Нижней Ангаре

шее расположено двойное ожерелье, голова горельефная. Широкие и опущенные вниз крылья длиной 4 см с прямыми окончаниями, веерный хвост длиной 1,5 см. По внешней кромке крыльев прочерчены парные желобки, между которыми нанесена полоска перлов. Первоначально для крепления фигурки к основе использовалась петля на обратной стороне, но еще в древности она сломалась. На месте петли просверлили отверстие, в котором сохранился кожаный шнурок с завязанным на конце узелком.

Рис. 2. Орнитоморфные изображения из могильника Пинчуга VI.

Fig. 2. Ornithomorphic images from the Pinchuga VI burial ground.

От третьего изображения уцелело только три небольших фрагмента (рис. 2, 3), найденных в заполнении современной грабительской ямы. Фигурка была повреждена грабителем, на это указывают свежие сломы на найденных обломках. Центральная часть изображения, по всей ви-

димости, была унесена. От фигурки до нас дошло два фрагмента разных приостренных крыльев и прямоугольный хвост птицы (ястреба или сокола?), изображенные, как и в выше представленных случаях, в фас. Хорошо видны прижатые к туловищу лапы с двумя когтями. Оперение крыльев передано наклонными полосами. Возможно, кисти каждого крыла птицы были выгнуты в разные стороны, так как обломанные фрагменты имеют такое направление. Видовую принадлежность птицы, дополнительный орнамент и способ крепления установить невозможно.

Найденные на могильнике Пинчуга VI орнитоморфные изображения стилистически близки. Это реалистичные изображения дневных хищных птиц, «застывших» в пикирующем полете, образы показаны в фас, с высокой горельефной головой, с опущенными крыльями и прижатыми к туловищу выразительными лапами с когтями. Геометрический декор передает их оперение, на груди одной птицы присутствует стилизованная личина. Изображения слабовыпуклые, их лицевая сторона подшлифована. На отливках нет следов пирогенного воздействия, их клали в могилу и/или в межмогильное пространство вместе с органической основой, на которую они крепились и/или в которую они заворачивались. Иконографические черты ангарских изображений позволяют связывать их с одним из типов западно-сибирского культового литья.

Обсуждение

Найденные на могильнике Пинчуга VI орнитоморфные изображения сходны с фигурками, найденными в культовых комплексах различных культур Западной Сибири, в том числе территориально наиболее близкой к Приангарью — кулайской. При этом необходимо отметить, что эти орнитоморфные изображения отличаются друг от друга значительным разнообразием. Каждая фигурка обладает уникальным набором признаков, придающим ей индивидуальный характер. По этой причине сходство между разными бронзовыми изображениями носит либо общий стилистический характер, либо прослеживается в отдельных деталях.

Каждая ангарская фигурка индивидуальна, но по общему стилю изображения опущенных крыльев, хвоста, лап, оперенья, выпуклой груди не выбиваются из общего канона западно-сибирского культового литья позднекулайского времени.

Первая ангарская фигурка птицы по форме крыльев, расположению лап, трехполосному разделению оперения хвоста близка к трехголовому птицевидному изображению из Холмогорской коллекции [Зыков, Федорова, 2001, с. 104, рис. 19]. Когтистые лапы поджаты к животу, на каждой лапе изображено по три когтя. Памятник, где обнаружена холмогорская коллекция, первоначально был атрибутирован как клад. Позже А.П. Зыков и Н.В. Федорова высказали предположение, что Холмогорский комплекс представляет собой остатки ритуального захоронения нескольких посмертных изображений умерших. Формирование коллекции исследователи относят к III в. н.э., наиболее вероятной датой захоронения вещей считаются конец III — первая половина IV в. н.э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 104–105].

Вторая ангарская фигурка выделяется широкими крыльями и изображением личины на груди. Размещение личин в области груди на орнитоморфных изображениях достаточно широкая практика в западно-сибирском искусстве, включая кулайское. Упрощенная личина (с двумя черточками-глазами и одной черточкой-ртом) на ангарской фигурке близка к личине на орнитоморфном изображении из могилы 44 Томского могильника [Ширин, Хаврин, 2012, рис. 5]. Схожи и лапы с тремя когтями, которые отделены кантами. Изображение из Томского могильника датируется Ю.В. Шириным и С.В. Хавриным второй четвертью I тыс. н.э. [Ширин, Хаврин, 2012, с. 255].

Фрагменты третьего, сломанного, ангарского изображения птицы находят аналогии среди предметов Ишимской коллекции. У одной фигурки с подогнутыми крыльями оперенье передано такими же выпуклыми полосками. Другая ишимская фигурка птицы имеет аналогичные небольшие лапы полукруглой формы с двумя когтями [Ермолаев, 1914, табл. VI, 3, 6]. Вопрос хронологии материалов Ишимского клада остается не решенным до конца, но вероятно, верхняя граница комплекса не моложе V в. н.э. [Ширин, 1993, с. 154].

Изображения птиц, близкие ангарским находкам, известны среди материалов Парабельского культового места. Наиболее стилистически близкой является фигурка дневной хищной птицы с личиной на груди и подквадратной формой крыльев (ТОКМ 298/9) [Чиндина, 1984, рис. 37, 1]. Другая хищная птица с горельефной головой и распахнутыми крыльями и лапами с тремя когтями (ТОКМ 298/12) близка к изображению из погребения № 9 могильника Пинчуга VI. Л.А. Чиндина определяет датировку комплекса широко, от начала саровского этапа кулайской культуры до раннего средневековья включительно [1991, с. 54]. Однако Ю.В. Ширин датирует эти материалы III–V вв. н.э. [1993], с чем мы можем согласиться.

Орнитоморфные изображения, найденные на могильнике Пинчуга VI, входят в круг позднекулайских материалов, которые следует датировать второй четвертью I тыс. н.э. Стилистические особенности ангарских отливок позволяют отнести их к холмогорской стилистической группе западно-сибирского культового литья, выделенной Ю.В. Шириным. Художественная пластика этого типа отличается высоким рельефом деталей, общей вогнутостью оборотной стороны, декоративной дополнительной обработкой внешней поверхности и шлифовкой [Ширин, 2017, с. 99]. По мнению исследователя, вероятным регионом массового производства вещей холмогорской стилистической группы может быть южная часть Среднего Зауралья, где в первой половине I тыс. н.э. проходили основные торговые маршруты, связывающие регион со Средней Азией [Ширин, 2018b, с. 184]. Холмогорская стилистическая группа распространена по всей Западной Сибири и проникает до Енисея и восточнее. Этот вывод Ю.В. Ширина нашел подтверждение в представленных новых материалах из Нижнего Приангарья.

Проблема присутствия вещей, схожих с кулайскими по облику, в бассейне нижнего течения Ангары неоднократно привлекала внимание исследователей. В обзорной статье В.П. Леонтьева и Н.И. Дроздова приведены сведения о случайных находках в регионе предметов, внешне напоминающих изделия кулайской культуры. Среди них упоминаются бронзовые фигурные бляхи, найденные возле д. Дворец и в устье р. Чадобец, и трехперый наконечник стрелы со скрытой втулкой со стоянки Чадобец. Время и механизмы проникновения вещей кулайского облика авторами не рассматриваются. К кулайским же комплексам отнесены материалы одного погребения по обряду трупопожжения на стороне с бронзовой фигуркой «змеи или ящерицы», изученного в 1993 г. на могильнике Усть-Кова [Леонтьев, Дроздов, 1996, с. 158, рис. 3]. Последнее мнение ошибочно, так как Усть-Ковинский некрополь следует датировать VI–VIII вв. н.э. [Сенотрусова, 2016, с. 96].

Вывод о некотором кулайском влиянии на культуру ангарского населения раннего железного века был сделан А.Л. Заикой после изучения ряда петроглифов. Автор подчеркивает сходство ромбовидных личин в «рогатых» головных уборах, известных на кулайской керамике Западной Сибири и на посуде таежной зоны Среднего Енисея и Нижнего Приангарья. Встречаются аналогичные образы и в наскальном искусстве южной тайги Средней Сибири (Заика, 2013, с. 143).

Говоря о влиянии кулайской культуры на население лесных районов Средней Сибири, необходимо выделить работу новосибирских исследователей, посвященную анализу бронзовых фигурных блях в виде контуров голов двух стилизованных грифонов и с антропоморфными личинами на щитке. Авторы отмечают, что ареал изделий этого типа занимает не только Западную Сибирь, но охватывает и территорию Ангаро-Енисейского бассейна [Марченко и др., 2014]. Хронология таких блях продолжает оставаться неразработанной, хотя и выдвинуто предположение, что они изготавливались до середины I тыс. н.э. [Ширин, 2018a, с. 260]. Достаточно осторожно ареал птицеголовых накладок также можно связывать с кулайским миром.

Наиболее радикальная точка зрения высказана Л.А. Чиндиной. Автор делает вывод, что кулайские объекты на данной территории не ограничиваются только случайными предметами, кроме отдельных вещей есть погребения, поселения и культовые места, что связано с освоением кулайцами новых территорий. По ее мнению, миграции в Приангарье носили эпизодический характер с экспедиционными целями. Кулайцы, оказавшись в изолированном положении, сохраняли основные традиции своей культуры, однако новые условия жизни принуждали их усваивать какие-то местные черты [Чиндина, 2008].

Появление на Ангаре закрытых комплексов, содержащих вещи западно-сибирских типов финала раннего железного века, позволяет вновь обратиться к этой проблеме. На сегодняшний день предметы западно-сибирских типов, в том числе характерных для позднекулайских комплексов, известны на двух могильниках Нижнего Приангарья: Усть-Зелинда-2 и Пинчуга VI. Помимо вышеописанных орнитоморфных изображений, на памятнике Пинчуга VI присутствуют бронзовые диски с циркульным орнаментом, объемное изображение головы рыбы (?), птицеголовая поясная накладка [Сенотрусова, 2021].

На хронологическую, а возможно, и культурную близость ангарских и позднекулайских комплексов указывает распространение одних и тех же типов наконечников стрел из рога и железа. Это длинные узкие проникающие с бронебойными головками, трехлопастные наконечники треугольной или ромбической формы и небольшие плоские треугольные наконечники стрел [Ермолаев, табл. II; Ширин, Хаврин, 2012, с. 10; Зыков, Федорова, 2001, с. 122, 124]. Среди ангарских материалов встречаются изделия из рога, полностью имитирующие аналогичные западно-сибирские железные наконечники стрел.

Найденные на Ангаре изделия бронзовой металлопластики западно-сибирских типов, несомненно, относятся к предметам импорта. Именно западно-сибирская тайга была районом, откуда в Приангарье в финале раннего железного века и поступала большая часть таких бронзовых изделий, маркирующих определенный социальный статус своих владельцев. Находка подобных изделий в погребениях говорит о том, что орнитоморфные изображения органично использовались в культовой практике и являлись значимыми символами в системе мировоззрения ангарского населения, занимая в ней особое место.

Вместе с тем даже эти материалы не позволяют согласиться с концепцией непосредственного проникновения значительного числа кулайцев в Нижнее Приангарье, высказанной Л.А. Чиндиной. До настоящего времени в регионе исследования не найдено фрагментов кулайской посуды, напротив, здесь в это время существовала местная традиция изготовления посуды с тонковаликовым декором. Находки кулайской керамики пока вообще не известны не только на Ангаре, но и на более западных территориях бассейна Енисея. Большая часть железного инвентаря и изделий из рога и кости из погребений нижнего течения Ангары не имеет аналогий в кулайских материалах. Они указывают на вещевой набор местной культуры.

Заключение

Представленные орнитоморфные изображения финала раннего железного века, найденные на могильнике Пинчуга VI, расширяют ареал холмогорской стилистической группы западно-сибирского культового литья. Они свидетельствуют о существовании схожих культов и общих элементов в мировоззрении у групп лесного населения в Нижнем Приангарье и таежной зоне Западной Сибири. Говорить о передвижении кулайского населения на берега Ангары пока преждевременно, но новые материалы указывают на проникновение отдельных предметов бронзовой металлопластики западно-сибирского облика в Нижнее Приангарье во второй четверти I тыс. н.э. Они вошли в обиход и использовались носителями местной культуры.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Ю.В. Ширину за консультации при обсуждении материала и А.В. Рудакову за прорисовку бронзовых изображений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дедик А.В. Антропологические останки из захоронений по обряду кремации с территории могильника Пинчуга-6: (Предварительные итоги) // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: От появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 168–170.

Ермолаев А.П. Ишимская коллекция: Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Красноярск: Тип. М.И. Абалкова, 1914. Вып. 1. 19 с.

Заика А.Л. Личины Нижней Ангары. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т. им. В.П. Астафьева, 2013. 178 с.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 175 с.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Неизвестные находки бронзовых изделий кулайского облика в таежной зоне Средней Сибири // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 157–160.

Мандрыка П.В., Максимович Л.А., Бирюлева К.В., Гурулев Д.А., Виноградов Д.А. Археологические исследования Сибирского федерального университета в Красноярском крае // АО 2018 г. М.: ИА РАН, 2020. С. 452–455.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Дудко А.А., Гаркуша Ю.Н. Редкий вид бронзовых фигурных блях эпохи железа Восточной и Западной Сибири: К проблеме трактовки орнамента, использования и датировки предметов // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. № 5. С. 228–239.

Сенотрсова П.О. Культурные связи населения Нижнего Приангарья в финале раннего железного века // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий. Красноярск: СФУ, 2021. С. 55–59.

Сенотрсова П.О. Могильник Усть-Кова и его место в средневековой истории Нижнего Приангарья (по опубликованным данным) // Известия ИГУ. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 16. С. 88–102.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 126 с.

Троицкая Т. Н. Некоторые коррективы к характеристике кулайской художественной металлопластики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 45–48.

Труфанов Ж.Н. Плоское ажурное литье кулайской культуры (статистико-иконографический анализ): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 25 с.

Федорова Н.В., Гусев А.В. Кулайская проблема: История и современное состояние // Universum Humanitarium. 2019. № 1. С. 20–37.

Находки орнитоморфных изображений финала раннего железного века на Нижней Ангаре

Чемякин Ю.П. Культовая металлопластика сургутского варианта кулайской культуры // Вестник ТГУ. История. 2013. № 2 (22). С. 137–141.

Чемякин Ю.П. Об одной гипотезе происхождения кулайской металлопластики // Вестник КемГУ. 2015. № 2–6 (62). С. 177–181.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху Раннего Средневековья. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 186 с.

Чиндина Л. А. Проблемы кулайской культуры: вчера и сегодня // Второй сев. археол. конгресс. Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 404–420.

Чиндина Л.А. Юго-Восточный фронт в кулайское время // Труды II Всерос. археол. съезда. М.: ИА РАН, 2008. Т. 2. С. 182–186.

Ширин Ю.В. К истории «культовых мест» Западной Сибири. // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 152–171.

Ширин Ю.В. Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 145–148.

Ширин Ю.В. Транскультурный феномен холмогорской стилистической группы урало-западносибирского литья из белой бронзы // Культуры и народы Северной Евразии: Взгляд сквозь время. Томск: Д'Принт, 2017. С. 93–99.

Ширин Ю.В. Птицеголовые поясные накладки начала I тыс. н.э. в культурном пространстве от Урала до Ангары // XIX Урал. археол. совещание. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018а. С. 258–260.

Ширин Ю.В. Хронология выявляемых культурных связей Приуралья и Западной Сибири в конце эпохи раннего железа // Археология евразийских степей. Казань: Казанская недвижимость, 2018b. С. 178–191.

Ширин Ю.В., Хаврин С.В. Комплексы второй четверти I тыс. н.э. из Томского могильника // STRATUM PLUS. Археология и культурная антропология. 2012. Вып 4. С. 239–255.

Senotrusova P.O., Ekkerdt A.A., Mandryka P.V. *

Siberian Federal University, Svobodny prosp., 79, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

E-mail: Pollina1987@rambler.ru (Senotrusova P.O.); ekkerdt@mail.ru (Ekkerdt A.A.);

pmandryka@yandex.ru (Mandryka P.V.)

Finds of ornithomorphic images of the End of the Early Iron Age in the Lower Angara region

The paper concerns the ornithomorphic images found at the Pinchuga VI burial ground. The site is located in the lower course of the river Angara (Middle Siberia). The chronological boundaries of the study span the second quarter of the 1st millennium AD (end of the Early Iron Age). All burials at the burial ground were performed according to the rite of cremation outside the cemetery. Two intact objects and fragments of the third image of a bird were found at the necropolis. Figures were found in different contexts. One of them was found in the filling of a grave pit, the second item within an assemblage of various articles in the inter-grave space. The third item was broken and lost as the result of illegal excavations. All articles share similar characteristics. These are realistic images of diurnal birds of prey “frozen” in a diving flight; the images are shown en face, with a high-relief head, with the tucked wings and feet pulled up with talons. A geometric decor conveys their feather, and a stylized mask is present on the chest of one item. The images are slightly convex, their front side is polished. The closest analogies to the Angara images of birds are known in Western Siberia, including the Tomsk burial ground, the Kholmogory treasure, the Ishim collection, and materials from the Parabel cult place. All this makes it possible to attribute the analyzed items to the Kholmogory stylistic group of the Kulai cult casting. Products of this group became widespread in Western Siberia in the second quarter of the 1st millennium AD. The ornithomorphic images found at the Pinchuga VI cemetery extend the geographical range of the items of this style to the territory of Middle Siberia. Apart from the figurines of birds, the necropolis also yields other items of the Western Siberian cult casting, including disks with concentric ornaments, a hollow image of a fish head, and a bird-head belt applique. Bronze items were imported, and in the course of exchange they were spreading over considerable distances. This proves the existence of established cultural ties between the populations of the Lower Angara region and Western Siberia at the End of the Early Iron Age.

Keywords: Lower Angara region, the end of the Early Iron Age, West Siberian cult casting, ornithomorphic images, chronology, importation.

REFERENCES

Chemiakin, Iu.P. (2013). Cult decorative metal of the Surgut variant of the Kulai culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 22(2), 137–141. (Rus.).

Chemiakin, Iu.P. (2015). A hypothesis for the origin of Kulai culture decorative metal. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 62(2-6), 177–181. (Rus.).

* Corresponding author.

- Chindina, L.A. (1984). *Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).
- Chindina, L.A. (1991). *History of the Middle Ob region in the Early Middle Ages*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).
- Chindina, L.A. (2006). Problems of the Kulaika culture: Yesterday and today. In: L. Koryakova (Ed.). *Vtoroi severnyi arkhеologicheskii kongress*. Ekaterinburg: Charoid, 404–420. (Rus.).
- Chindina, L.A. (2008). Southeastern frontier in the Kulaika time. In: A. Derevyanko (Ed.). *Trudy II Vserossiiskogo arkhеologicheskogo s"ezda. T. 2*. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 182–186. (Rus.).
- Dedik, A.V. (2021). Anthropologic remains from cremation burials in the area of the burial ground of Pinchuga-6: (Preliminary results). In: A. Polykov (Ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki luzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: Ot poiavleniia pervykh skotovodov do epokhi slozheniia gosudarstvennykh obrazovaniy*. St. Petersburg: IHMC RAS, 168–170. (Rus.).
- Ermolaev, A.P. (1914). *Ishim collection: Description of the collections of the Krasnoyarsk Museum. Archaeological department*. Krasnoyarsk: Tipografiya M.I. Abalkova. (Rus.).
- Fedorova, N.V., Gusev, A.V. (2019). Kulaika problem: The history and modern condition. *Universum Humanitarium*, (1), 20–37. (Rus.).
- Leont'ev, V.P., Drozdov, N.I. (1996) Unknown finds of bronze items of the Kulai culture in the taiga zone of Central Siberia. In A. Derevyanko (Ed.) *Noveishie arkhеologicheskie i etnograficheskie otkrytiia v Sibiri*. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 157–160. (Rus.).
- Mandryka, P.V., Maksimovich, L.A., Biriuleva, K.V., Gurulev, D.A., Vinogradov, D.A. (2020). Archaeological research of the Siberian Federal University in the Krasnoyarsk Territory. In: N. Lopatin (Ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia. 2018 god*. Moscow: Publishing House of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 452–455. (Rus.).
- Marchenko, Zh.V., Grishin, A.E., Dudko, A.A., Garkusha, Iu.N. (2014). Unusual bronze figure pendant from Eastern and Western Siberia (Iron Age): To problem of interpretation the ornament, the using and the dating. *Vestnik NGU. Seriya Istoriia, filologiya*, 5, 228–239. (Rus.).
- Senotrusova, P.O. (2021). Cultural contacts of the population of the Lower Angara region in the Final of the Iron Age. In: P. Mandryka (Ed.) *Mezhdistsiplinarnye arkhеologicheskie issledovaniia drevnikh kul'tur Eniseiskoi Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Krasnoyarsk: SFU, 55–59. (Rus.).
- Senotrusova, P.O. (2016). The burial ground Ust-Kova and his place in the medieval history of Lower Angara region (according to the published data). *Izvestiia IGU. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 16, 88–102. (Rus.).
- Troitskaia, T.N. (1979). *Kulaika culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Troitskaia, T. N. (2009) Some adjustments to the characteristics of the Kulaika cult decorative metal. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (10), 45–48. (Rus.).
- Trufanova, Zh. N. (2003). *Flat openwork casting of the Kulaika culture: (Statistical and iconographic analysis): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. (Rus.).
- Shirin, Iu.V. (1993). On the history of “places of worship” in: Western Siberia. In: L. Chindina (Ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Srednem Priob'e*. Tomsk: Tomsk State University Press, 152–171. (Rus.).
- Shirin, Iu.V. (2015). Placement and cultural specificity of the southern groups of objects of the Kulaika cultural continuity. In: N. Tomilov (Ed.). *Integratsiia arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Barnaul; Omsk: Nauka, 145–148. (Rus.).
- Shirin, Iu.V. (2017). Transcultural phenomenon of the Kholmogory stylistic group of the Ural-West Siberian white bronze casting. In: M. Chernaya (Ed.). *Kul'tury i narody Severnoi Evrazii: Vzgliad skvoz' vremia*. Tomsk: D'Print, 93–99. (Rus.).
- Shirin, Iu.V. (2018a). Bird-headed belt pads of the early 1st millennium AD in the cultural space from the Urals to the Angara. In: A. Vybornov (Ed.). *XXIX Ural'skoe arkhеologicheskoe soveshchanie*. Samara: Samara State Social Pedagogical University Publishing House, 258–260. (Rus.).
- Shirin, Iu.V. (2018b). The chronology of the cultural relations between the Cisurals and the Western Siberia in the End of the Early Iron Age. *Arkheologiya evraziiskikh stepei*, 178–191. (Rus.).
- Shirin, Iu.V., Khavrin, S.V. (2012). Complexes of the Second Quarter of the 1st Millennium AD from the Tomsky Burial. *STRATUM PLUS. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya*, (4), 239–255. (Rus.).
- Zaika, A.L. (2013) *Guises of the Lower Angara*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Publishing House. (Rus.).
- Zykov, A.P., Fedorova, N.V. (2001). *Kholmogorsk treasure: collection of antiquities of the III–IV centuries from the collection of the Surgut Art Museum*. Ekaterinburg: Sokrat. (Rus.).

Сенотрусова П.О., <https://orcid.org/0000-0003-3969-9907>

Эккердт А.А., <https://orcid.org/0000-0001-9647-4996>

Мандрыка П.В., <https://orcid.org/0000-0002-8647-3823>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Берлина С.В. *, Цембалюк С.И., Якимов А.С.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: svb82@mail.ru (Берлина С.В.); svetac80@mail.ru (Цембалюк С.И.);
yakimov_artem@mail.ru (Якимов А.С.)

КОНСТРУКТИВНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРТИФИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ГОРОДИЩА ДИКАЯ ЯМА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

Публикуются результаты исследования фортификационной системы городища Дикая яма. Изучены валы первой и второй укрепленных площадок и ров между ними. Вал первой площадки, вероятно, был сооружен из дерновых блоков. Вал второй площадки насыпан грунтом из рва, почвенно-археологический анализ установил его одноактное возведение. Реконструирован каркас, удерживавший грунт от оплыwania, поверх вала был установлен плетень. Данная конструкция находит аналогии в материалах саргатской, гороховской и баитовской культур раннего железного века.

Ключевые слова: Среднее Притоболье, ранний железный век, городище, фортификационная система, саргатская культура, стратиграфия, реконструкция.

Введение

Городища раннего железного века Среднего Притоболья характеризуются развитыми фортификационными системами, основными элементами которых являются валы, рвы, усиленные деревянными конструкциями. Разнообразное сочетание последних свидетельствует о сложной политической, экономической и социальной обстановке в этот исторический период [Борзунов, 2002; Матвеева, 2000]. Археологические исследования городищ раннего железного века Санаторий “Лесные горки” 1 и Усть-Терсюк 8 [Зими́на, Илюшина, 2016], Большой Имбиряй-3 [Матвеева, Цембалюк, 2010], Бочанецкое [Цембалюк, Берлина, 2016], Лихачевское [Цембалюк, Берлина, 2014], Боровушка 2 [Цембалюк и др., 2011], Старо-Лыбаевское-1 [Матвеева, Алиева, 2016; Матвеева, 2017], Рафайловское [Матвеева, 2005], Ак-Тау [Хабдулина, 1993], Коловское [Матвеева и др., 2008], Павлиново [Корякова, 2009], Чудаки [Сальников, 1947], Мало-Казахбаевское [Козеко, Кузнецова, 1998], Марино ущелье IV [Берлина, 2014], Инберень 4 [Корякова, Стефанова, 1981], Розаново [Генинг, Зданович, 1965], позволили получить общие представления об оборонном зодчестве в раннем железном веке, включая реконструкцию фортификационных систем и их отдельных элементов. Установлено, что наряду с такими распространенными системами укреплений, как вал-ров, усиленные плетнем, стеной в технике заплота, частоколом, существовали и более сложные конструкции — устройство тарасов, клеток в теле вала с целью увеличения их высоты, привратные и угловые башни (Лихачевское, Старо-Лыбаевское 1, Коловское и др.), сложно устроенные проезды (Рафайловское, Павлиново), укрепление стен рва деревом (Рафайловское, Ак-Тау, Коловское).

Исследование оборонительных систем методами естественных наук, в частности археологического почвоведения [Демкин, 1997], дает возможность получить новые данные об их конструктивных особенностях, технологии сооружения и общем влиянии на архитектуру городищ. Подобные научные работы в Среднем Притоболье проводились только для отдельных средневековых городищ: Усть-Утяк-1 [Якимов и др., 2012] и Черепаниха 2 [Чикунова, Якимов, 2012]. На территории Тоболо-Ишимского междуречья известно [Берлина и др., 2013] несколько десятков городищ раннего железного века с хорошо выраженными фортификационными системами, которые являются перспективными для почвенно-археологических исследований, и одно из них — городище Дикая яма. Целью работы является установление конструктивных решений при возведении оборонительных линий, изначальных параметров валов и рвов, реконструкция внешнего вида оборонительных линий.

Объект исследования

Городище Дикая яма расположено в 11 км к юго-западу от г. Заводоуковска Тюменской области, на левом берегу р. Тобол (рис. 1, 1, 2).

* Corresponding author.

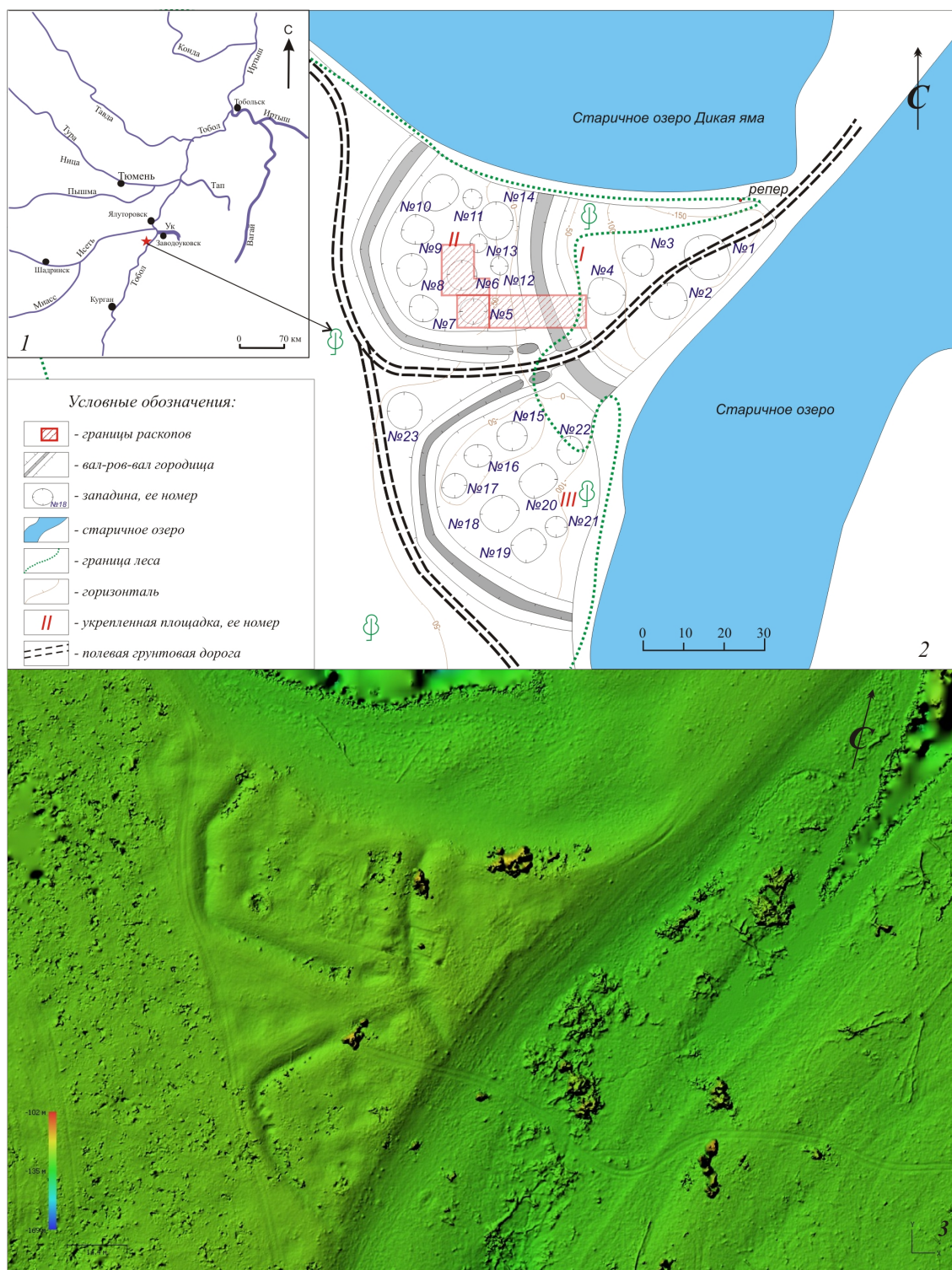

Рис. 1. Дикая яма, городище:

1 — расположение на карте-схеме региона; 2 — план памятника с указанием раскопов; 3 — фотограмметрическая модель территории городища, созданная при помощи беспилотного летательного аппарата (разрешение составляет 2,37 см на 1 пиксель) (выражаем благодарность В.М. Костомарову за предоставленный снимок городища).

Fig. 1. The Dikaya Yama, hillfort:

1 — the location on the map-diagram of the region; 2 — the plan of the hillfort indicating the excavations; 3 — photogrammetric model of the territory of the hillfort, created using a unmanned aerial vehicle (resolution is 2.37 cm per 1 pixel).

Мыс, на котором находится памятник, вдается в пойму с запада на восток, с северной и юго-восточной стороны окружен старичными озерами, в половодье не затопляется. Однослойное городище оставлено населением саргатской культуры и датируется III в. до н.э. — I в. н.э. [Берлина и др., 2018]. Укрепления вписаны в мыс, при этом они имеют оригинальную, не имеющую прямых аналогов конфигурацию. Первая площадка городища расположена на стрелке мыса, отделена от остальных линией вал-ров в виде сегмента круга. Въезд представлял собой перемышку во рву и понижение в валу шириной 3 м. За первой площадкой зафиксированы еще две, при этом они располагались не одна за другой, а были вписаны в мыс рядом. Вторая и третья площадки расположены по краям мыса и по строению оборонительных систем являются зеркальными: укрепления в виде линии вал-ров-вал идут от входа на первую площадку, имеют перемышки во рву и понижения в валах — входы на вторую и третью площадки (вдоль рва первой площадки на второй и третьей фиксировался вал). Далее фортификационные элементы немного расходятся в стороны, затем выдаются небольшим треугольным выступом в напольную сторону и примыкают к склонам мыса. Общая площадь укрепленных площадок составляет около 6000 м². На площадках зафиксированы жилищные западины: на первой — 4 ед., на второй — 10 ед., на третьей — 8 ед. Раскопками в 2016 и 2017 гг. на второй площадке на площади 170 м² изучена двухкамерная постройка каркасно-столбовой конструкции. В результате раскопок получена коллекция керамики саргатской культуры, по радиоуглеродным датам определено время функционирования городища — III в. до н.э. — I в. н.э. [Берлина и др., 2018].

В 2019 г. раскопом 24×8 м (178 м²) исследованы межжилищное пространство на второй площадке и оборонительная система на стыке первой и второй площадок: вал второй площадки, ров между площадками и вал первой площадки (рис. 1, 2). При раскопках фортификационных линий зафиксирована керамика саргатской культуры, насыщенность слоя слабая, находки локализовались в основном в насыпной части вала второй площадки и в заполнении рва между площадками.

Методика

Методика исследования основана на анализе стратиграфии и планиграфии, отражающих следы существовавших в древности конструкций. Выполнен расчет исходных параметров вала с применением математических формул и сохранившихся данных фортификационных элементов. Реконструкция исходной высоты вала выполнена по расчету объема грунта, расположенного во рву, перемещенного с вала в результате его постепенного разрушения. Сохранившаяся часть вала и ров представляют собой призму, в основании которой находится равнобедренная трапеция. На первом этапе необходимо рассчитать площадь основания призмы по формуле

площади равнобедренной трапеции: $S = \frac{a+b}{2} \times h$, где a, b — основания трапеции, h — высота.

Следующим важным этапом является расчет объема материала заполнения рва по формуле объема призмы, в основании которой находится равнобедренная трапеция: $V = S \times h'$, где S — площадь трапеции, h' — толщина трапеции. Далее необходимо рассчитать высоту, которую составлял полученный объем материала заполнения рва, если он располагался на верхней части сохранившегося вала. За основу этого расчета взяли формулу объема прямоугольного параллелепипеда: $V = a \times b \times c$, где a, b, c — длины граней.

Материалы

Вал первой площадки. Фиксировался по линии кв. Б1–Б, ширина его достигала 3 м, высота вала над уровнем жилой застройки достигала 20 см, перепад между гребнем вала и дном рва — 130 см. Предположительно в древности высота вала была больше, в стратиграфии рва зафиксирована мощная линза черной супеси, оплывшей в ров. При этом на границе черной супеси и подстилающего слоя во рву фиксировались линзы черной супеси с включениями угля — возможно, обрушившиеся с вершины вала сгоревшие конструкции.

Под валом на уровне материка отмечен ряд ям от столбов, ориентированных по оси вала. Вал состоял из черной гумусированной супеси, почва имела однородную структуру по всей глубине разреза. В хвойно-мелколиственных лесах формируются благоприятные почвенно-климатические условия, которые предопределили формирование зональных темно-серых лесных почв [Егоров и др., 1977]. В северо-восточном углу раскопа, где начинается жилая застройка первой площадки, отмечены изменения цветности культурного слоя, хотя почва находится в

тех же условиях. Поэтому было высказано предположение, что вал первой площадки был возведен из дерновых пластов, что, вместе с развившимися позднее почвенными процессами, способствовало равномерной окраске и структуре культурного слоя.

Ров между первой и второй площадками имел ширину по верхней границе 3,2–4,0 м. Форма рва — трапецевидная, дно ровное, плоское либо немного линзовидное, углубленное по центру. Ширина рва у основания — 1,2–1,6 м. В придонном слое рва, на уровне около 30–50 см выше его дна, фиксировались пятна черного углистого слоя и песка, имеющих отложение, характерное для формирования в стоячей воде (лужи после дождя, таяния снега, подтопления). Также в этих слоях, маркирующих углубления, фиксировались фрагменты сосудов, кости — предметы, попавшие в ров в качестве мусора и осевшие в небольших углублениях. Полагаем, что ров, после того как был выкопан, частично оплыл, заполнился грунтом, и данный уровень отражает уровень его функционирования в древности. Кроме того, подобные «замывные» пятна могут свидетельствовать об уровне стояния вод в период весеннего половодья и летне-осенних паводков.

Вал второй площадки имел более сложное строение. Перепад высот между гребнем вала второй площадки и тальвегом рва составлял 130–135 см — так же как и на первой площадке. Однако если вал первой площадки имел пологие, плавные склоны, то вал второй площадки был более широким — до 4 м и склон со стороны вала был более крутым, обрывистым, перепад с уровнем жилой площадки составлял до 70 см. За счет этого вал второй площадки выглядит более четким, сформированным, с крутыми стенками со стороны рва и пологими со стороны жилой площадки (рис. 2).

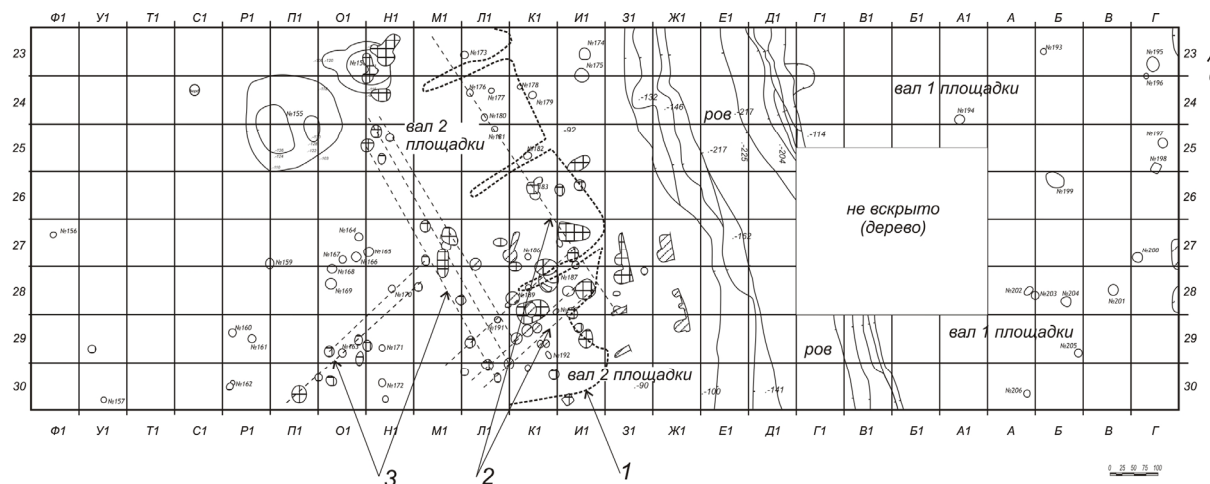

Рис. 2. План раскопа участка оборонительных линий. Сводный план следов конструкции:

- 1 — следы конструкции плетня на уровне второго горизонта; 2 — первая линия фиксации ряда ям по оси вала; 3 — вторая линия фиксации ряда ям по оси вала.

Fig. 2. Plan for the excavation of a section of defensive lines. Summary plan of the construction tracks:

- 1 — traces of the construction of the fence at the level of the second horizon; 2 — the first line of fixing a row of pits on the axis of the shaft; 3 — the second line of fixing a row of pits on the axis of the shaft.

Стратиграфическое строение вала и рва второй площадки было прослежено на трех стенках, ориентированных по линии 3–В, они схожи, поэтому приводится описание одной, северной стенки (по линии 23).

1. Дерново-гумусный слой — зафиксирован по всей длине стратиграфического разреза, мощность его составляет от 3–4 до 16 см.

2. Серый поддерновый слой — зафиксирован под дерново-гумусным слоем на межжилищном пространстве второй жилой площадки, на валу, а также во рву в виде сползшей линзы, мощность его от 8 до 46 см.

3. Коричнево-желтый слой выброса — залегал под серым поддерновым слоем, фиксировался в виде мощной линзы на валу, частично сползшей в ров, в кв. Н1–31/23. При этом в верхней части, где почвенные процессы шли более активно, данный слой был более однородным, а ниже содержал более крупные фракции. В связи с этим он, хотя и имеющий единое происхождение, был условно разделен, и на photographиях эти отличия видны. Полагаем, уровень фикса-

ции слоя с более крупными фракциями глины позволяет уловить размеры вала, на который совершался выброс грунта при его возведении. В данном слое фиксировались многочисленные линзы черной углистой и темно-серой супеси округлой формы, интерпретированные нами как следы деревянных конструкций.

4. Черно-серый слой — фиксировался под серым поддерновым на межжилищном пространстве второй площадки, мощность его составляет до 50 см; также данный слой зафиксирован в заполнении рва, в кв. Ж1–Е1, на данном участке мощность его составляет до 70 см.

5. Черный углистый / черный слой — зафиксирован в виде линз в слое коричнево-желтого выброса (полагаем, следы сгоревшего дерева) в теле вала в кв. Н1–М1. Также данный слой с меньшим количеством угля или без такового зафиксирован под насыпью вала, в кв. О1–И1, — погребенная почва; этот же слой наблюдался на валу первой площадки городища под дерново-гумусным слоем и в верхнем заполнении рва — в виде оползшей с вала первой площадки линзы, мощность его составляет до 84 см. Данный слой на валу первой площадки объясняется активным дерновым почвообразовательным процессом, который преобразовал его в гумусовый горизонт темно-серой лесной почвы, а границы стратиграфических напластований стерлись.

6. Желто-коричневый предматериковый слой — переходный к материковому слою, фиксировался повсеместно над материком, мощность его составляет в среднем около 10 см.

7. Материк — плотный желтый суглинок.

Исследован почвенно-археологический профиль вала второй площадки, который дифференцируется на три уровня: современная почва (0–15 см), вал (15–79 см) и подвальная почва (79–150 см) (рис. 3).

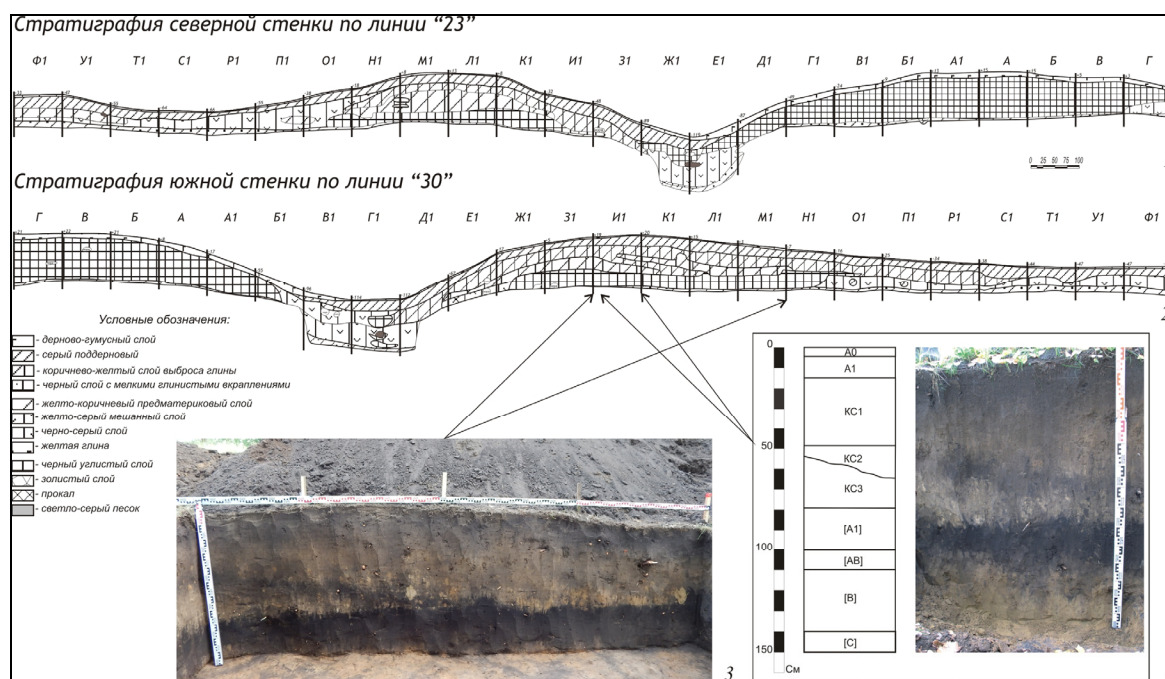

Рис. 3. Стратиграфия участка фортификаций:

1 — по северной стенке раскопа; 2 — по южной стенке раскопа; 3 — по южной стенке раскопа, кв. И1–М1 (фото); 4 — почвенный разрез кв. И1 южной стенки раскопа.

Fig. 3. Stratigraphy of the excavation site fortifications:

1 — stratigraphy of the northern wall of the excavation; 2 — stratigraphy of the southern wall of the excavation; 3 — photo stratigraphy of the southern wall of the excavation, sq. I1–M1; 4 — soil section of the sq. I1 of the southern wall of the excavation.

Насыпанный вал имеет мощность более 60 см и подразделяется на три культурных слоя (КС): КС1 (15–49 см), КС2 (49–54(65) см) и КС3 (54(65)–79 см).

КС1 — очень темно-серовато-коричневый (10YR 3/2) [Munsell, 2009], легкий суглинок, комковато-плитчатой структуры, рыхлый, свежий, с включениями отдельных корней трав (до глубины 30 см); в нижней части усиление желтого оттенка; нижняя граница ровная, переход ясный по цвету.

КС2 — темно-серовато-коричневый (10YR 4/2), легкий суглинок, опесчаненный, комковато-плитчатой структуры, уплотненный, свежий, с включениями отдельных корней трав, остатков корней; нижняя граница ровная, переход ясный по цвету.

КС3 — очень темно-серый (2,5Y 3/1), супесь / легкий суглинок, структура мелко-комковатая, уплотненный, свежий, с включениями корней деревьев, отдельных ходов корней; нижняя граница ровная, переход ясный по цвету.

Морфологическое строение вала характеризуется согласным залеганием культурных слоев. Зафиксировано облегчение гранулометрического состава, нарастание плотности и упрощение структуры по профилю с глубиной. В его основании использован материал почвообразующей породы, который был поочередно перекрыт материалом иллювиального и гумусового горизонтов. Подобная стратиграфия вала, а также отсутствие вторичных нарушений, вызванных поздними досыпками материала, позволяет предположить, что он был сооружен одноактно и впоследствии не претерпел серьезных изменений. Следует отметить, что вал в результате природных процессов утратил первоначальную высоту.

Обсуждение результатов

Относительно вала первой площадки можно с уверенностью сказать, что он был сложен без участия выкида из рва. Вал первой площадки, состоявший из черной гумусированной супеси, предположительно был сооружен из дерновых блоков. Наличие ямок от столбов под насыпью вала позволяет предполагать каркасную конструкцию типа плетня, в пользу этого предположения свидетельствуют следы сгоревшего дерева, зафиксированные в заполнении рва в черном углистом слое, оползшем с вала первой площадки.

Ширина вала второй площадки у основания достигала 4,0–4,5 м. Тело вала было увеличено в высоту путем складирования грунта из рва (глинистый выкид) и с жилой площадки (черный слой с глинистыми вкраплениями, находками). Мощность выкида на сегодняшний день составляет 60–70 см, в древности он был выше. Установлено, что в период функционирования городища материал заполнения рва составлял верхнюю часть вала. Расчет математическими методами ориентировочной высоты вала путем подсчета грунта, перемещенного при строительстве рва, показал высоту вала 1,6–1,7 м от уровня древней дневной поверхности и около 2,0 м от материка.

Конструктивные особенности вала второй площадки отмечены уже на уровне второго горизонта. На фоне выброса (коричнево-желтый грунт) зафиксированы три полосы серого поддержного слоя, ориентированные перпендикулярно осевой линии вала. Ширина их составляла 20–30 см, длина — около 2,0 м, расстояние между ними — 2,2 м. Полагаем, это следы упавшего каркаса деревянных конструкций, которые отпечатались в слое выброса. Сходные следы в виде аналогично направленных полос отмечены и на склоне вала в кв. 31/27–29 на уровне 3 горизонта, и в кв. Ж1/27–29 на уровне 5 горизонта. Полагаем, это остатки каркасной конструкции, сползшие на склон рва и отпечатавшиеся в грунте.

На уровне материка также прослежены следы ям, при этом ряд — по оси вала, параллельно выявленной выше линии от следов каркасной конструкции на расстоянии 0,8–1,0 м от нее в сторону жилой площадки. В южной части раскопа имеется поворот линии каркасной конструкции и ряда ямок параллельно ей, в юго-западном направлении. В этом же направлении поворачивает и вал второй площадки. Второй ряд ям, расположенных аналогично вышеописанным, находится на расстоянии около 3,0–3,5 м от первоначально зафиксированной линии каркасной конструкции. Данный ряд ям, состоящий из 2–3 скоплений на отдельных участках, выделяется еще и по расположению на границе погребенной почвы. Именно в этих квадратах за ямками от столбов погребенная почва на территории жилой площадки не прослеживается либо фиксируется на расстоянии не более 1–2 м. Полагаем, этот ряд столбовых ям маркирует внутреннюю границу вала (рис. 2).

Большое количество пятен черной углистой супеси или серого слоя округлых, овальных форм были зафиксированы в теле вала второй площадки на фоне глинистого выброса на уровне 3–6 горизонтов, до погребенной почвы. Возможно, не все стойки достигали материка и были углублены в него — часть бревен, видимо, заглублялась в погребенную почву или в тело вала при строительстве, от них были зафиксированы округлые пятна черного или серого цветов. Полагаем, между вертикальными стойками (столбами) существовали горизонтальные элементы, скрепляющие конструкцию (жерди, небольшие бревна).

Таким образом, следы столбовых ям и каркасных стоек остались от конструкции, скреплявшей тело вала от оплывания, на валу был установлен плетень. С внутренней стороны вдоль деревянных укреплений (плетня) существовал проход-парапет шириной около 1 м (рис. 4).

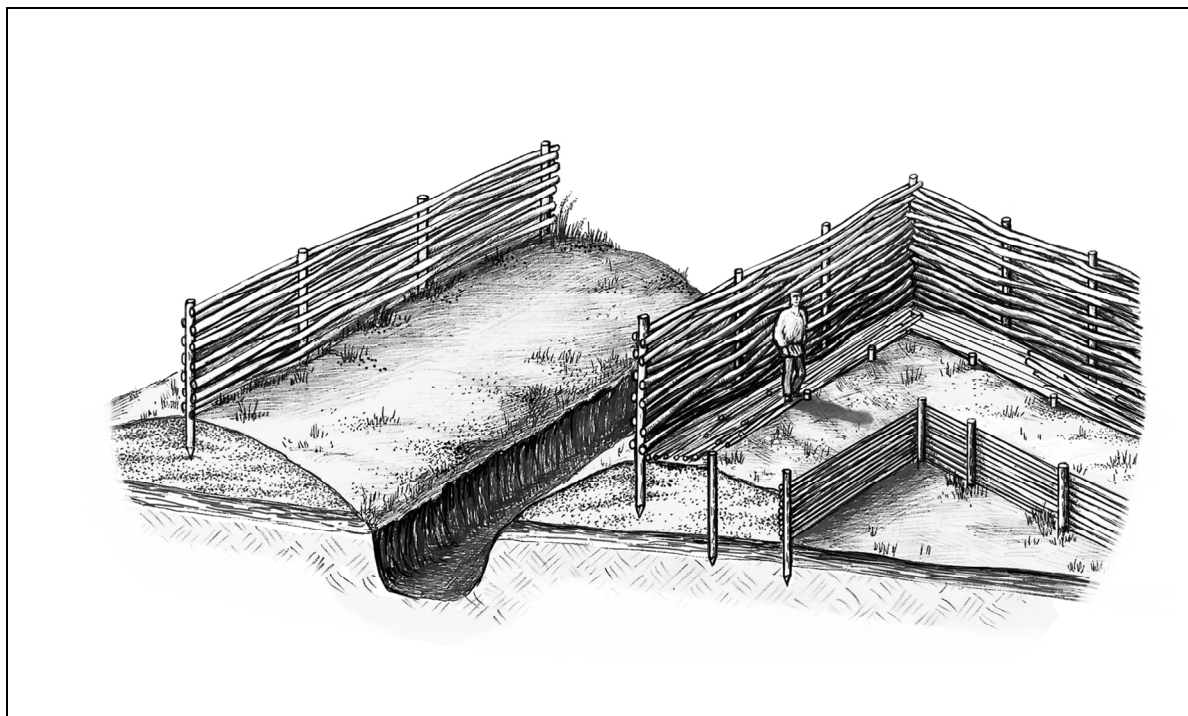

Рис. 4. Графическая реконструкция внешнего вида исследованного участка оборонительных линий.
Вид с севера-запада (рисунок Е.А. Алексеевой).

Fig. 4. Graphic reconstruction of the appearance of the studied section of the defensive lines.
View from the north (drawing by E.A. Alekseeva).

Заключение

В фортификационном зодчестве раннего железного века встречаются разные варианты оборонительных конструкций. Укрепление вала с помощью клетей, тарасов зафиксировано раскопками на первой площадке Коловского городища саргатской культуры [Матвеева и др., 2008], предполагается исследователями в структуре вала на городище Павлиново [Корякова, 2009].

Каркасные укрепления типа плетня, стены в технике заплота, установленной на валу, реконструируются на второй и третьей линиях обороны Коловского городища [Матвеева и др., 2008], на одной из площадок Рафайловского городища [Матвеева, 2005], в системе укреплений городища Ак-Тау в Приишимье [Хабдулина, 1993], усиливали вал на городище Павлиново [Корякова, 2009]. Имелась и традиция установки частокола в ров-канаву — подобные конструкции зафиксированы на городищах баитовской культуры Боровушка, Лихачевское, Бочанецкое, саргатских крепостях Инберень 4 и Розаново, второй линии фортификационной системы городищ гороховской культуры Марьино ущелье 4 и Мало-Казакбаевское [Берлина, 2014; Козеко, Кузнецова, 1998].

Таким образом, фортификационная система городища Дикая яма, конструктивно представлявшая собой насыпные валы, поверх которых были установлены деревянные стены в технике плетня, вписывается в традиционные схемы укреплений раннего железного века. На материалах городища установлено наличие конструктивных остатков парапета вдоль плетня на валу второй площадки; отдельным техническим решением, зафиксированным пока только на материалах данного памятника, являлось использование каркасно-столбовой конструкции, призванной удерживать тело вала от преждевременного оплывания (вал второй площадки). Неясным остается вопрос об одновременном или поэтапном строительстве площадок городища, дальнейшие работы позволят решить эту дилемму. Однако единое планировочное решение в организации форм оборонительных конструкций предполагает, на наш взгляд, предварительное проектирование всего поселка и одновременное его возведение.

Ранее нами на основании изучения материалов раскопок с городища Дикая яма уже ставился вопрос о заимствовании саргатским населением инокультурных традиций [Берлина и др., 2018]. Раскопки фортификаций подтверждают сделанный ранее вывод о синтезе саргатских и

гороховских традиций, воплощенный в том числе в смешении планировочных решений и конструктивного строения оборонительных линий.

Благодарности. Авторы статьи выражают благодарность Е.А. Алексеевой за графическое оформление реконструкции фортификационной системы городища, В.М. Костомарову за предоставленную фотограмметрическую модель городища.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданиям №№ 121041600045-8, 121041600042-7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берлина С.В. Городище гороховской культуры Марьино ущелье IV // Вопросы истории Сибири. Омск: ОмГПУ, 2014. Вып. 9. С. 96–101.

Берлина С.В., Костомаров В.М., Попов Н.А. Городища лесного Тоболо-Ишимья в эпоху бронзы — средневековья: (Опыт классификации и анализа в среде ГИС) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 79–86. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a22/79-86.pdf

Берлина С.В., Цембалюк С.И., Новиков И.К. Городище Дикая яма на Среднем Тоболе // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 2 (22). С. 7–20. URL: [https://0.14258/tpai\(2018\)2\(22\).-01](https://0.14258/tpai(2018)2(22).-01)

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.

Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. 213 с.

Егоров В.В., Иванова Е.Н., Фридланд В.М. Классификация и диагностика почв СССР. М.: Колос, 1977. 224 с.

Зимица О.Ю., Илюшина В.В. Укрепленные поселения с круговой планировкой иткульской культуры в лесостепном Зауралье // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: Материалы межрегион. круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 дек. 2016 г.). Курган: Кург. гос. ун-т, 2016. С. 29–39.

Козеко О.Е., Кузнецова А.Э. Мало-Казакбаевское городище гороховской культуры // Поселения: среда, культура, социум: Материалы тематич. науч. конф. СПб., 1998. С. 117–119.

Корякова Л.Н. (отв. ред.). Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И. Городище Инберень IV на Иртыше // СА. 1981. № 2. С. 178–196.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке: (Лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.

Матвеева Н.П. Фортификации саргатской культуры (по материалам Рафайловского городища) // РА. 2005. № 3. С. 25–35.

Матвеева Н.П. Фортификации городища Старо-Лыбаевское-1 в лесостепном Зауралье // Вестник Перм. ун-та. История. 2017. № 1 (36). С. 53–62. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-1-53-62>

Матвеева Н.П., Алиева Т.А. Башни в фортификационном строительстве раннего железного века (саргатская культура) // Вестник ТГУ. История. 2016. № 4 (42). С. 140–143. <https://doi.org/10.17223/19988613/42/25>

Матвеева Н.П., Цембалюк С.И. Городище Большой Имбиряй-3 и хронология байтовских древностей // Вестник ТюмГУ. История. 2010. № 1. С. 4–11.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.

Сальников К.В. Городище Чудаки в Челябинской области по раскопкам 1937 г. // СА. 1947. Вып. 9. С. 221–238.

Хабдулина М.К. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 112–143.

Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55–65. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a26/55-65.pdf

Цембалюк С.И., Берлина С.В. Бочанецкое городище — памятник байтовской культуры в Среднем Притоболье // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: Материалы межрегион. круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 дек. 2016 г.). Курган: Кург. гос. ун-т, 2016. С. 39–49.

Цембалюк С.И., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Комплексное исследование байтовского городища Боровушка 2 (лесостепное Притоболье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 98–107. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a15/98-107.pdf

Чукунова И.Ю., Якимов А.С. Городище Черепаниха 2: К вопросу об определении статуса // УИВ. 2012. № 4 (37). С. 31–41.

Якимов А.С., Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Пустовойтов К.Е., Кузяков Я.В. Почвы раннесредневекового (IV–VI вв. н.э.) городища Среднего Притоболья и их палеогеографическое значение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4 (52). С. 134–143.

Munsell Soil Color Charts. Grand Rapids: Munsell Color, 2009.

ИСТОЧНИКИ

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б. Отчет о раскопках Розановского городища на р. Иртыш, произведенных Уральской археологической экспедицией в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3152.

Berlina S.V. *, Tsembalyuk S.I., Yakimov A.S.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: svb82@mail.ru (Berlina S.V.); svetac80@mail.ru (Tsembalyuk S.I.);
yakimov_artem@mail.ru (Yakimov A.S.)

Structural and technical characteristics of the fortification system of the Dikaya Yama hillfort of the Early Iron Age in the Middle Tobol River area

The paper reports the results of the studies of the fortification system of the Early Iron Age Dikaya Yama hillfort situated in the Middle Tobol River region of the Western Siberian forest-steppe zone. The hillfort was built by the population of the Sargatka Culture, and it is dated to the 3rd c. BC — 1st c. AD. The defence lines at the junction of two adjacent fortified platforms have been studied. It has been determined that the earthwork of the first platform was built up from turfen blocks; the presence of traces of postholes suggests that the earthwork was reinforced with a wooden-frame wall — a wattle fence. The ditch between the platforms had a trapezoidal shape with the size of 3.2–4 m of the upper part and 1.2–1.6 m of the lower part. The soil from the ditch was placed into the mound of the rampart of the second platform. The mathematical analysis of the volume of earth making the mound of the rampart allowed establishing its height of 2.0 m. Analysis of the stratigraphy and planigraphy revealed the remains of a frame structure set on the rampart. The wattle fence on top of the rampart and the parapet along it have been reconstructed. Moreover, there have been identified the remains of a frame-and-pillar structure installed into the body of the rampart, which was aimed to strengthen the mound and prevent untimely slipping. A graphic reconstruction of the appearance of the fortifications existed on the studied site has been created. Carcass fortifications of the wattle fence type, a wall constructed in “zaplot” technique, set on the rampart, have analogies in the Early Iron Age hillforts of the Tobol-Irtysh interfluvium: Kolovskoe, Rafailovskoe, Ak-Tau, and Pavlinovo. There existed a tradition of mounting a palisade into a ditch-trench — such structures have been recorded at the hillforts of Borovushka, Likhachevskoe, Bochanetskoe, Inberen 4 and Rozanovo, Mar'ino Ushchel'ye 4 and Malo-Kazakbaevskoe. The fortification system of the hillfort of Dikaya Yama, which, structurally, is represented by the earthwork ramparts on top of which there were mounted wooden walls in the technique of the wattle fence, is consistent with the traditional scheme of the fortifications of the Early Iron Age population. The question of simultaneous or sequential building of the platforms of the hillfort will be addressed in future work. However, the unified planning solution in organizing forms of the fortification structures implies, in our opinion, preliminary design of the whole settlement and its construction at one time.

Keywords: Middle Tobol area, Early Iron Age, hillfort, fortification system, Sargatka Culture, stratigraphy, reconstruction.

Acknowledgements. The authors of the article express their gratitude to E.A. Alekseeva for the graphic design of the reconstruction of the fortification system of the hillfort and to V.M. Kostomarov for the photogrammetric model of the hillfort.

Funding. The work was performed according to state tasks No. 121041600045-8, 121041600042-7.

REFERENCES

- Berlina, S.V. (2014). Gorokhovo culture of the hillfort Maryino gorge IV. In: *Voprosy istorii Sibiri*, (9). Omsk: Omsk State Pedagogical University, 96–101. (Rus.).
- Berlina, S.V., Kostomarov, V.M., Popov, N.A. (2013). Hillforts of the forest Tobolo-Ishim area in the Bronze Age-Middle Ages (experience of classification and analysis in the GIS environment). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 79–86. (Rus.). URL: http://www.ipdn.ru/_private/a22/79-86.pdf
- Berlina, S.V., Tsembalyuk, S.I., Novikov, I.K. (2018). The hillfort of the Dikaya Yama on the Middle Tobol. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, (2), 7–20. (Rus.). URL: [https://0.14258/tpai\(2018\)2\(22\).-01](https://0.14258/tpai(2018)2(22).-01)
- Borzunov, V.A. (2002). Hillforts with bastion-tower fortifications of the Early Iron Age in the forest Trans-Urals. *Rossiiskaia arkheologiya*, (3), 79–97. (Rus.).
- Chikunova, I.Yr., Yakimov, A.S. (2012). The hillfort of Cherepanikha 2: on the question of determining the status. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 31–41. (Rus.).

* Corresponding author.

- Demkin, V.A. (1997). *Paleo-soil science and archaeology: integration in the study of the history of nature and society*. Pushchino: Pushchinsky Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (Rus.).
- Egorov, V.V., Ivanova, E.N., Fridland, V.M. (1977). *Classification and diagnostics of soils of the USSR*. Moscow: Kolos. (Rus.).
- Habdulina, M.K. (1993). The hillfort Ak-Tau as an architectural complex. In: *Znaniia i navyki ural'skogo naseleeniia v drevnosti i srednevekov'e*. Ekaterinburg: Nauka, 112–143. (Rus.).
- Koryakova, L.N. (Ed.) (2009). *Environment, culture and society of the forest-steppe Trans-Urals in the second half of the first millennium BC (based on the materials of the Pavlinovsky archaeological complex)*. Yekaterinburg; Surgut: Magellan. (Rus.).
- Koryakova, L.N., Stefanov, V.I. (1981). The hillfort Inberen IV on the Irtysh. *Sovetskaia arkheologiya*, (2), 178–196. (Rus.).
- Kozeko, O.E., Kuznetsova, A.E. (1998). Malo-Kazakbayevskoye hillfort of Gorokhovo culture. In: *Poseleniia: sreda, kul'tura, sotsium: Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii*. St. Petersburg, 117–119. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2000). *Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the Early Iron Age: (Forest-steppe and subtaiga zones)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2005). Fortifications of the Sargat culture (based on the materials of the hillfort Rafaylovo). *Rossiiskaia arkheologiya*, (3), 25–35. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2017). Fortifications of the ancient hillfort of Staro-Lybaevskoe-1 in the forest-steppe Trans-Urals. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*, (1), 53–62. (Rus.). <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-1-53-62>
- Matveeva, N.P., Alieva, T.A. (2016). Towers in the fortification construction of the Early Iron Age (Sargat culture). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, (4), 140–143. (Rus.). <https://doi.org/10.17223/19988613/42/25>
- Matveeva, N.P., Berlina, S.V., Rafikova, T.N. (2008). *Kolovskoye hillfort*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P., Tsembalyuk, S.I. (2010). The hillfort of Bolshoy Imbiryai-3 and the chronology of the Baitovo antiquities. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, (1), 4–11. (Rus.).
- Sal'nikov, K.V. (1947). The ancient hillfort of Chudaki in the Chelyabinsk region according to the excavations of 1937. *Sovetskaia arkheologiya*, (9), 221–238. (Rus.).
- Tsembalyuk, S.I., Berlina, S.V. (2014). The complex of the Early Iron Age hillfort of Likhachevskoye in Priishimye. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 55–65. (Rus.). URL: http://www.ipdn.ru/_private/a26/55-65.pdf
- Tsembalyuk, S.I., Berlina, S.V. Bochanetsky hillfort — a monument of the Baitovo culture in the Middle Pritobolye area. In: *Arkheologiya Srednego Pritobol'ia i sopredel'nykh territorii: materialy mezhhregional'nogo kruglogo stola, posviashchennogo 50-letiiu Kurganskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (8 dekabria 2016 g.)*. Kurgan: Kurganskii gosudarstvennyi universitet, 39–49. (Rus.).
- Tsembalyuk, S.I., Ilyshina, V.V., Ryabogina, N.E., Ivanov, S.N. (2011). Comprehensive study of the Bayitovskiy hillfort Borovushka 2 (forest-steppe Pritobolye region). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 98–107. (Rus.). URL: http://www.ipdn.ru/_private/a15/98-107.pdf
- Yakimov, A.S., Kaidalov, A.I., Sechko, E.A., Pustovoitov, K.E., Kuzyakov, Ya.V. (2021). Soils of the Early medieval (IV–VI centuries AD) hillfort of the Middle Pritobolye region and their paleogeographic significance. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (4), 134–143. (Rus.).
- Zimina, O.Yu., Ilyshina, V.V. (2016). Hillforts with a circular layout of the Itkul culture in the forest-steppe Trans-Urals. In: *Arkheologiya Srednego Pritobol'ia i sopredel'nykh territorii: Materialy mezhhregional'nogo kruglogo stola, posviashchennogo 50-letiiu Kurganskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (8 dekabria 2016 g.)*. Kurgan: Kurganskii gosudarstvennyi universitet, 29–39. (Rus.).

Берлина С.В., <https://orcid.org/0000-0003-0080-2620>
 Цембалюк С.И., <https://orcid.org/0000-0002-9817-5823>
 Якимов А.С., <https://orcid.org/0000-0002-1303-8492>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Бравина Р.И.^{a,*}, Соловьева Е.Н.^b, Петров Д.М.^a, Сыроватский В.В.^a

^a Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677008

^b Арктический научно-исследовательский центр АН РС(Я)
ул. Курашова, 22, Якутск, 677000

E-mail: bravinari@bk.ru (Бравина Р.И.); lenasolo05@mail.ru (Соловьева Е.Н.);
dmpetrov-92@mail.ru (Петров Д.М.); syrovatskiy123@gmail.com (Сыроватский В.В.)

БЕРЕСТА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ЯКУТОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЯ УЧУГЕЙ ЮРЯХ (XV–XVII ВВ.)

Рассматривается традиция использования бересты в погребальном обряде якутов. В качестве источников использованы археологические, этнографические, фольклорные материалы, в том числе материалы полевых исследований авторов. Приводятся описание и типология погребальных камер из бересты, предпринята попытка проследить их генезис и выявить семантику исходя из сакрального значения бересты в ритуально-мировоззренческой практике якутов.

Ключевые слова: Якутия, позднее средневековье, погребение, береста, берестяные покрывала и подстилки, берестяные чехлы, Предбайкалье, Обь-Иртышье.

Введение

В 2018 г. на левом берегу р. Лены в южной части долины Туймаада был обнаружен костяк человека, погребенного в бересте. Памятник располагался на 10 км Покровского тракта в местности Учугей Юрях и был приурочен к I надпойменной террасе р. Лены (рис.1) [Бравина и др., 2018, с. 461–462]. Место обнаружения погребения относится к землям Хатасского наслега Городского округа «Город Якутск». Согласно историческим преданиям, территория наслега в древности принадлежала хоринским родам, считавшимся у якутов в старину «иноплеменниками». Хоролоры в течение длительного времени вполне уживались со своими соседями, кангаласскими якутами, пока во времена междоусобных войн во второй половине XVI в. воинственный предводитель кангалассцев Тыгын Дархан полностью не истребил их и не завладел хоринскими землями [Ксенофонов, 1977, с. 58–60, 68, 81, 85], которые с тех пор стали именоваться не иначе как Хангалас Хорото (букв. Кангаласский Хор).

Именно хоролоры, по легендам, в отличие от якутских родов хоронили своих умерших в берестяных чехлах без гроба. О случайных находках подобных захоронений существует информация разной степени полноты и достоверности, в основном фольклорного и этнографического характера. Вместе с тем, по данным археологических раскопок якутских погребений позднего средневековья, береста использовалась в погребальном обряде якутов достаточно широко и разнообразно, как в практической, так и в ритуальной его сфере [Бравина, Попов, 2008, с. 68–70, рис. 36, 37]. Целью настоящей работы являются введение в научный оборот результатов исследования погребения в бересте Учугей Юрях и анализ традиции погребений в бересте у якутов XV–XIX вв. по археологическим, этнографическим и фольклорным данным. Для этого необходимо провести системный анализ таких памятников, проследить их генезис и выявить семантику. В работе применялись сравнительно-исторический метод, способствующий выявлению общих черт в погребальном обряде археологических и этнических культур сопредельных территорий, метод культурно-исторической реконструкции, а также естественнонаучные методы для датировки памятника и анализа материалов.

Материалы

Береста довольно широко встречается в якутских погребениях XV–XIX вв. Можно выделить два основных варианта ее использования. Первый — могильные ямы и внутримогильные конструкции, оформленные прошитыми берестяными полотнищами. Второй — самостоятельные погребальные конструкции из берестяных полотнищ. В первом варианте наиболее распространена драпировка полотнищем бересты внешней (видовой) стороны крышки погребальной камеры

* Corresponding author.

(домовины *тэбизх* и деревянного гроба), при этом нередко дно гроба выстилается также берестой. Иногда встречается перекрытие берестяными полотнищами наружной (верхней) стороны земляной насыпи могильной ямы. В редких случаях отмечается перекрытие ямы по всей площади на различных уровнях ее заполнения. В погребении Леглю Беге (Бетюнский наслег Амгинского улуса) в земляном заполнении могильной ямы на разных уровнях от дневной поверхности зафиксировано три берестяных покрытия: на уровне 20–25; 40 и 115 см [Гоголев, 1958, с. 73]. Берестяные покрытия встречаются и в погребениях с конем [Бравина, Попов, 2008, с. 150, рис. 76].

Рис. 1. Карта территории г. Якутск с местом расположения погребения Учугей Юрях.
Fig. 1. Map of the territory of Yakutsk with the location of the burial of Uchupei Yuryakh.

В качестве подстилок и покрывал в погребениях использовались берестяные покрывки летнего жилища *урасы*. Обработкой бересты, шитьем и украшением берестяных покрывок занимались женщины-мастерицы *туосчут* (от якут. *туос* — береста). Сначала, для прочности, бересту вываривали в воде, затем соскабливали ножом верхний слой, после этого поверхность слегка смазывали сливками или топленным маслом и сшивали тонким волосяным шнуром в полосы, которые «свертывают в рулоны по 4 сажены длины и $\frac{1}{2}$ сажены ширины» [Линденау, 1983, с. 25]. Остов юрты покрывали изнутри первым слоем бересты, затем накладывали второй, наружный слой. Береста внутреннего покрова окрашивалась в красновато-коричневатый цвет отваром ольховой коры. Окрашенная таким образом покрывка *урасы* украшалась нашивкой из узких, выкрашенных в черный цвет полосок тонкой расщепленной бересты с прорезными узорами. Черную краску приготавливали из березовых наростов. Наросты эти предварительно прожигали, затем, превратив в мелкий порошок, смешивали с маслом или со сливками. Для шитья пользовались нитками, ссученными из конских волос. Швы выполнялись с особой тщательностью и служили дополнительным украшением, окаймляя с боков черные полосы [Попов, 1949, с. 103–105]. Снаружи береста оставалась белого цвета, что напоминало «сахарные головки» [Линденау, 1983, с. 24]. Берестяные покрывки не снимались, а в тех случаях, когда они рвались и образовывались дыры, накладывались заплатки из бересты, что часто фиксируется в

материалах погребений. Для погребений использовали как светлые — наружные, так и красноватого оттенка — внутренние покрывки урасы [Попов, 1949, рис. 8]. При смерти хозяев весь покров урасы снимался, частично им обертывали домовину и гроб, остальную часть укладывали в могильную яму или же внутрь надмогильного сооружения [Носов, 1954, с. 25].

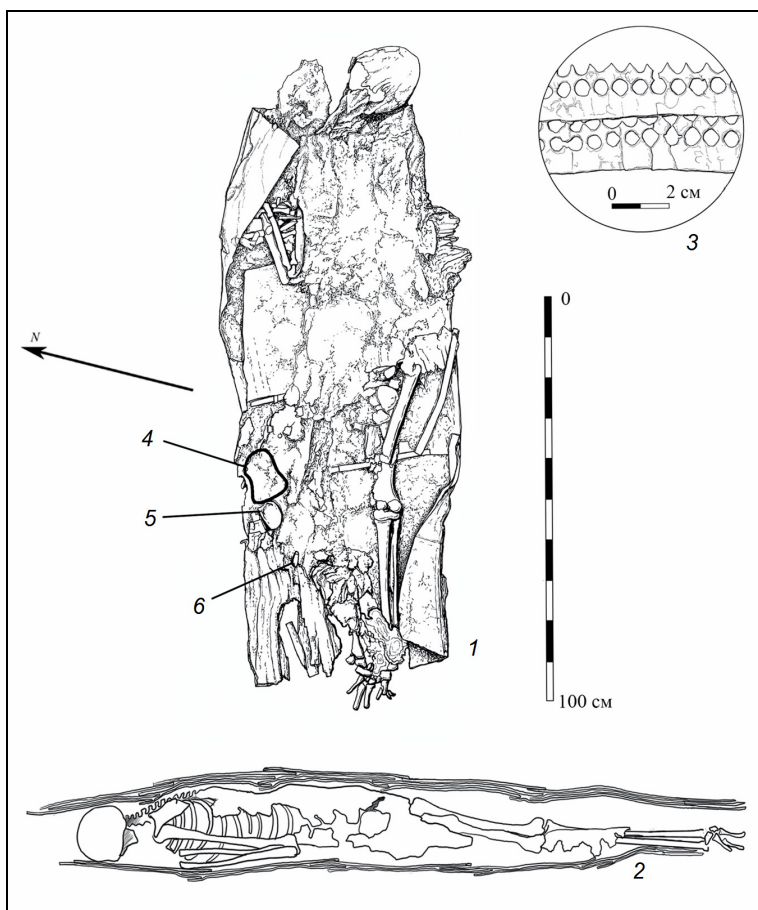

Рис. 2. Погребение Учугей Юрях:

1 — общий вид погребения; 2 — продольный разрез; 3 — декор на бересте; 4 — место расположения поясной сумки; 5 — деревянная ложка; 6 — железная обойма.

Fig. 2. Burial Uchugei Yuryakh:

1 — general view of the burial; 2 — longitudinal section; 3 — decor on birch bark; 4 — location of the waist bag; 5 — wooden spoon; 6 — iron clip.

Ко второму варианту использования бересты в погребениях относятся самостоятельные погребальные конструкции, которые можно условно разделить на 4 типа. Первый из них представляет собой комбинацию из берестяной подстилки и покрывала прямоугольной формы одинаковых размеров. Второй тип можно обозначить как берестяной пакет, боковые стенки которого укреплены деревянными плахами, поставленными на ребро. Третий — прямоугольное берестяное полотнище, в которое заворачивали тело умершего таким образом, что получался футляр или чехол, похожий на цилиндр. Четвертый тип — берестяной чехол, прошитый в виде лодки. Последние два типа известны по рассказам очевидцев, записанным известным краеведом, научным сотрудником Республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского И.Г. Березкиным [1987].

Внутримогильная конструкция рассматриваемого нами погребения Учугей Юрях относится к первому типу и представлена двумя берестяными полотнами (сверху три слоя, снизу два) (рис. 2, 2). Размеры полотнищ: длина — 162 см, ширина — 55 см. Одно полотнище состоит из 10 листов. Размеры листов от 28×32 см до 32×46 см. Листы уложены волокнами продольно. Зафиксировано использование игл диаметром 0,1 см. Для сшивания полотнищ применяли волосяную нить толщиной 0,1 см. При сшивании листов использовались два типа швов: косой и прямая строчка. Шаг стежка — от 0,3–0,6 до 0,7–1,4 см. Декор берестяного полотна представлен полосками

бересты с орнаментом из сквозных отверстий (рис. 2, 3), характерных для большинства погребений якутов. На верхнем слое берестяного полотна, на уровне груди справа, обнаружена крупная бусина-одекуй голубого цвета. Покойный лежал на нижнем берестяном полотне ничком, головой ориентирован на северо-восток (рис. 2, 1). Правая рука была слегка согнута и находилась полностью под туловищем, левая согнута в локте под углом 45°, кисть покоилась на уровне головы. Ноги слегка согнуты в коленях. Костяк сохранился плохо, лицевые, тазовые кости истлели. Согласно предварительным антропологическим исследованиям, костяк принадлежит мужчине лет 40, ростом около 170 см. Весь костяк покрыт истлевшими остатками кожаной и меховой одежды. Из-за очень плохой сохранности реконструкция одежды не представляется возможной. На черепе сохранилась часть меховой шапки плохой сохранности с опускающимся вниз и прикрывающим шею сзади назатыльником. В районе шеи сохранилось несколько небольших кусочков ткани крупного плетения, возможно, изнутри шапка была подбита тканью. Под остатками меховой шапки, на шее, были обнаружены два фрагмента тальниковых прутьев.

С внешней стороны правой лопатки обнаружены фрагменты деревянной миски (рис. 3, 5) очень плохой сохранности и расколота пополам стеклянная бусина черного цвета (рис. 3, 7). Бусина раскололась давно, о чем свидетельствует радужная патина на изломе.

Основная же часть сопроводительного погребального инвентаря располагалась компактно, с внешней стороны левой бедренной кости, ближе к сочленению с большой берцовой костью, что наводит на мысль о наличии в комплекте погребальной одежды покойного поясной сумки, притороченной к поясу и свисающей до уровня чуть выше колена. Наличие поясной сумки подтверждают и расположенные здесь же монолитом бусины голубого и черного цветов и бисер бирюзового цвета, сохранившие свое первоначальное положение и являвшиеся, скорее всего, элементом внешнего декора поясной сумки (рис. 3, 1). К содержимому поясной сумки, вероятно, относятся фрагмент деревянной ложки, две пуговицы и очень мелкие фрагменты растительного материала.

Чуть выше поясной сумки, на уровне середины берцовой кости, был обнаружен неопределимый предмет из железа. Предмет представляет собой железную обойму — сильно окислившийся короткий, высотой 2,4 см полый цилиндр диаметром 2,5 см (рис. 3, 6). В результате длительного воздействия влаги, которая скапливалась на нижнем слое берестяного полотна, произошла почти полная минерализация артефакта, что сделало его атрибуцию невозможной.

Погребальная посуда является традиционным элементом сопроводительного инвентаря якутских погребений. Деревянная ложка в сочетании с деревянной миской в якутских погребениях на землях бывшего Хоринского наслега, в окрестностях г. Якутска, были зафиксированы еще в начале XX в. работами Е.Д. Стрелова [Бравина, Попов, 2008, с. 217]. От деревянной ложки, обнаруженной в погребении Учугей Юрях, сохранился только неглубокий черпак округло-овальной формы (рис. 3, 2). Обе пуговицы правильной круглой формы с плоским основанием, диаметром 2,1 см и 2,5 см соответственно и полукруглым поперечным сечением высотой 0,6 и 0,9 см (рис. 3, 3, 4). Первая пуговица выполнена из дерева, вторая — из бивня мамонта. В центре обеих пуговиц имеется сквозное круглое отверстие диаметром 0,3 и 0,4 см, предназначенное для крепления пуговицы к одежде. В отверстии деревянной пуговицы сохранились остатки вставной металлической проушины, изготовленной из медной расплюсненной проволоки.

Особый интерес представляют обнаруженные при разборе содержимого поясной сумки две группы растительных остатков, видовое определение растений выполнено в Институте биологических проблем криолитозоны СО РАН. Первая группа представляет собой два фрагмента побегов с корой темно-бурого цвета, наложившихся друг на друга, и отслоившиеся от них мелкие кусочки, принадлежавшие с вероятностью 95 % иве грушанколистной (*Salix pyrolifolia*). Вторая группа растительных фрагментов представляет собой два потемневших, очень мелких кусочка грубо расщепленной древесины без коры, связанных тонкими стружками той же древесины, покрытых желтым порошкообразным налетом, а также отломившиеся от них мелкие кусочки. Налет желтого порошка на кусках — по всей вероятности, разложившийся луб. Вторая группа растительных фрагментов также с большой вероятностью является древесным материалом видов из рода Ивы (*Salix* L., сем. Ивовые — *Salicaceae*). Как известно, в коре ив содержится гликозид салицин, отщепляющий в организме салициловую кислоту, благодаря которой кора обладает хиннопонижающим действием. Кроме того, в коре содержатся салигенин (салициловый спирт), хинная кислота, витамин С, дубильные вещества и многое другое.

Известно лекарственное значение ивы, в простонародье называемой тальником. Отвар коры ивы используют как противомаларийное, жаропонижающее, ранозаживляющее,

антисептическое и противовоспалительное средство. Также отвар помогает при воспалении в кишечнике, неврозе, головной боли, болезни печени и селезенки, кровотечении внутренних органов, простуде [Конюхова и др., 2016, с. 130]. В связи с этим вероятна версия, что захороненный человек держал в сумке иву как лечебное сырье.

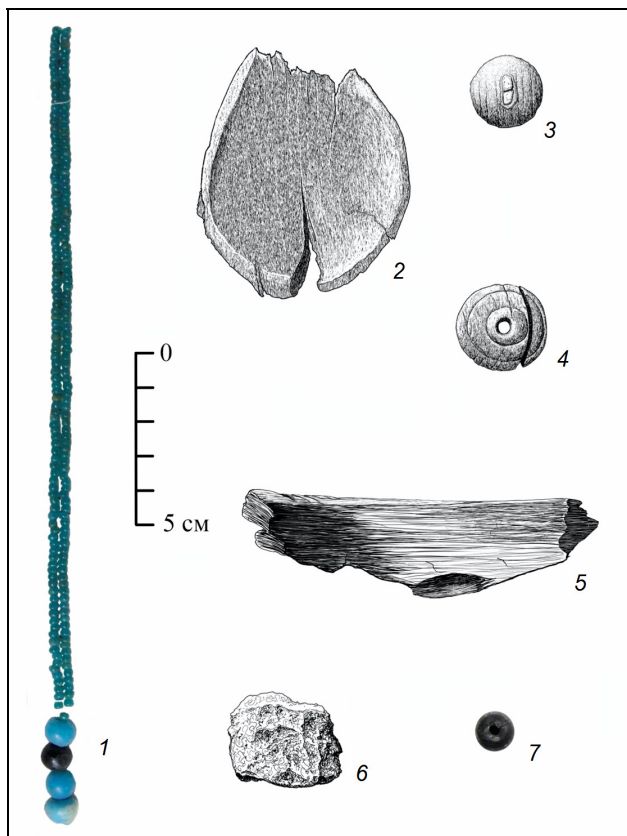

Рис. 3. Сопроводительный инвентарь погребения Учугей Юрях:

1 — элемент бусинного декора; 2 — фрагмент деревянной ложки; 3 — пуговица деревянная; 4 — пуговица из бивня мамонта; 5 — фрагмент деревянной миски; 6 — железная обойма; 7 — бусина.

Fig. 3. Accompanying inventory of the burial Uchugei Yuryakh:

1 — element of bead decoration; 2 — fragment of a wooden spoon; 3 — wooden button; 4 — mammoth tusk button; 5 — fragment of a wooden bowl; 6 — iron clip; 7 — bead.

Отдельно следует сказать о бусинном материале погребения. За исключением крупной голубой бусины-одекуй, обнаруженной на верхнем полотне погребения, и расколотой пополам черной бусины, найденной в области правого плеча погребенного, весь остальной бусинный материал, представленный бирюзовым бисером и крупными бусинами голубого и черного цветов, располагался компактно, слева от бедренной кости и являлся частью внешнего декора поясной сумки. Часть бусин и бисера сохранили изначальное положение: вслед за двумя голубыми бусинами следовала черная, за ней вновь голубая, от которой отходили две двойные низки бирюзового бисера. Установлено, что черный цвет непрозрачной бусины правильной круглой формы получен добавлением в стеклянную массу сульфида железа. Голубые непрозрачные бусины-одекуй окрашены оксидом меди, элементами же красителя для бирюзового бисера выступают соединения меди с концентрацией 1,81 %. Голубые и черные бусины выполнены из калиевого золотистого стекла, для приготовления которого характерно использование золы растений умеренного климата. Стекло для бирюзового бисера сварено на золе растений галофитов аридного климата, что свидетельствует о происхождении бусинного материала погребения из разных производственных центров и отражает их привозной характер¹.

¹ Анализ бусинного материала выполнен в ФГАОУ «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по теме «Средневековые стеклянные украшения из археологических памятников Якутии».

В Институте акселераторных анализов в Японии (Institute of Accelerator Analysis Ltd.) методом ускорительной масс-спектрометрии по костям погребенного получена AMS-радиоуглеродная дата 330 ± 20 (IAAA-162744), календарный возраст определяется в рамках 1480–1640 гг. н.э. (с вероятностью 95,4 %), т.е. погребение относится к XV–XVII вв.²

Берестяные камеры из подстилки и покрывала встречаются и в раннеякутских погребениях XIV–XVI вв. со скорченным труположением на боку [Бравина, Дьяконов, 2015, с. 29]. В отличие от рассмотренного выше погребения полотнища из бересты в них произвольной (прямоугольной, квадратной и круглой) формы.

Второй тип берестяных камер, в виде пакета с деревянными боковыми продольными вставками из плах — элементами остова урасы, исследован нами летом 2016 г. в долине Эркээни на территории Жерского наслега Хангаласского улуса. Оба погребения являются групповыми. В первом находились костяки мужчины и шести детей в возрасте от 1 года до 15–17 лет, уложенные «валетом». В сопроводительный инвентарь входили глиняный сосуд, характерный для раннеякутской кулун-атахской культуры XIV–XVI вв., сосуды из дерева и бересты, обломки лука, железные и костяные наконечники стрел и пальма *батыйа*. Второе погребение парное, в нем костяки женщины и ребенка 6–7 лет были уложены лицом к лицу на боку с согнутыми ногами. Берестяные полотнища представляют собой соединенные конским волосом и сухожильными нитками прямоугольные пластины. В первом погребении верхнее и нижнее полотнища сложены в 5 слоев. Вероятно, было использовано целое покрытие летнего жилища *ураса*. В рассматриваемых погребениях нижнее полотнище из бересты положено на настил из плах, верхнее полотнище перекрыто продольно уложенными плахами.

Третий тип берестяных камер зафиксирован по свидетельству очевидцев в непосредственной близости от рассмотренных выше погребений, в долине Эркээни. Во время земляных работ при строительстве дамбы на речке Быйангый возле с. Тэхтюр Хангаласского улуса были найдены два мужских костяка, завернутых в берестяные полотна. Примечательно, что, по рассказу одного из рабочих, обнаруживших захоронения, он сначала принял берестяной чехол цилиндрической формы за трубу, покрашенную в красный цвет [Березкин, 1987, с. 37]. Возле первого погребения находились 5 костяных наконечников стрел и длинный железный предмет, напоминающий однолезвийный длинный меч *кылыс*. Около второго костяка находился железный наконечник копья. Третий случай нахождения подобного погребения зафиксирован в сентябре 1954 г. на пригорке Арангастаах, в 3 км от с. Табага Мегино-Кангаласского улуса. Студенты Якутского пединститута при копке ямы под овощехранилище на глубине 0,5 м нашли костяк мужчины, завернутый в бересту. При костяке имелись пальма *батыйа*, железные и костяные наконечники стрел, обрывки колчана из ровдуги [Там же, с. 38–39].

Погребения, относимые нами к четвертому типу погребений в бересте, были отмечены на местах обрыва берега речки Шестаковки — протоки р. Лены, в местности Багарах возле с. Хатассы, т.е. в непосредственной близости от рассматриваемого нами погребения. На глубине 0,5 м и около 1 м выявились берестяные прошитые чехлы в виде лодки, в которых находились костяки женщин в одежде из ровдуги [Березкин, 1987, с. 38]. Сопроводительный инвентарь рассмотренных выше погребений коррелируется с материальной культурой якутов XVII–XVIII вв.

Таким образом, население Средней Лены активно использовало бересту в погребальной практике, используя разные типы погребальных конструкций, от простых (подстилок и покрытий) до сложных — берестяных чехлов из цельного полотнища (по принципу заворачивания и прошивки). В конструкциях камер двух первых типов использовались готовые пластины с покрытия *урасы*, а отсутствие следов от шва и орнаментов и красноватый цвет полотнищ камер третьего типа, вероятно, свидетельствуют, что они были изготовлены и использованы в период весенне-летних заготовок берестяного сырья. Известно, что якуты бересту заготавливали весной и летом: весной — по окончании ледохода в течение 4 дней и летом, когда листья березы развернутся полностью, — в течение одной недели. При этом изнанка бересты в первом случае бывает красноватого оттенка, а во втором — желтого цвета [Николаев, 2009, с. 265].

Обсуждение

Применение бересты в погребальном обряде имело широкое распространение у средневековых кочевников Юго-Восточной и Западной Сибири. Относительно культурной принадлежности погребений в бересте в Байкальском регионе сложилось несколько мнений: 1) погребения в

² Даты получены по гранту проф. Высшей школы гуманитарных наук Университета Хоккайдо (г. Саппоро, Япония) Кацунори Такаса JSPS KAKENHI (15H01899).

берестяных чехлах относятся к курумчинской культуре [Свинин, 1971]; 2) они являются курумчинскими, но с чертами раннемонгольского влияния [Зайцев, 1989]; 3) захоронения в бересте принадлежат хори — носителям курумчинской культуры и связаны с самодийскими этническими группами [Дашибалов, 2009]; 4) захоронения в берестяных мешках принадлежат первым монгольским переселенцам [Асеев, 1980, с. 142; 2009, с. 196; Павлуцкая, 1990]; 5) погребения в берестяных погребальных конструкциях выделяются в харанцинскую археологическую культуру (конец VIII — XIV в.), носители которой представляются «предками тунгусских племен, обитавших в Восточной Сибири во второй половине II тыс. н.э.» [Харинский, 2001b, с. 85]; 6) захоронения в берестяных чехлах второй четверти II тыс. на территории Предбайкалья принадлежат западносибирским мигрантам [Харинский, 2001a, с. 94–97].

Из рассматриваемых в рамках изложенных выше гипотез наше внимание привлекают захоронения в бересте, исследованные в Предбайкалье (погребения унгинского и сарминского типов). Материалы археологических памятников Ангаро-Ленской области этого времени часто привлекаются в качестве источников по этнокультурогенезу якутов (захоронение вместе с умершим человеком одной или нескольких лошадей; керамические сосуды, орнаментированные пальцевыми защипами; схожие погребальные конструкции и предметный набор инвентаря) [Константинов, 1975; Харинский, 2001a; Николаев, 2004; Бравина, Дьяконов, 2015].

В захоронениях унгинского типа (XIII в.) погребенные ориентированы головой на северо-запад. Исследователи связывают происхождение этой традиции с Томским Приобьем [Матющенко, Старцева, 1970; Росляков, 2005]. Носители сарминского погребального обряда (вторая половина XIV — начало XV в.) сочетали в погребальной практике самодийские и тюркские черты. Захоронения, схожие по погребальному обряду с сарминскими, исследованы на Еловском могильнике (Среднее Приобье) и, согласно В.А. Могильникову, оставлены смешанным тюркско-самодийским населением XI–XII вв. К самодийским чертам погребального обряда исследователь относит берестяные подстилки и круглодонные чашевидные сосуды, а к тюркским — погребение в одной с человеком яме коня [Могильников, 1981]. Захоронения с подобным погребальным обрядом фиксируются в Нарымском Приобье вплоть до XVII в., соотносятся исследователями с предками селькупов [Боброва и др., 2016].

Практика захоронения в бересте встречается и на других памятниках Обь-Иртышья и Приобья, особенно полно она представлена в археологическом комплексе Зеленый Яр, что находится в северной части Западно-Сибирской равнины, в бассейне р. Полуй, правого притока р. Обь. Среди внутримогильных конструкций могильника XIII в. встречаются берестяное покрытие и выстилка из бересты по дну погребальной камеры; берестяной чехол, сшитый в виде лодки и берестяной короб, поверх которых сооружалось устройство перекрытий из деревянных плах по длинной оси могилы [Алексашенко и др., 2005, с. 79, 84, 143, 147 и др.]. Большинство погребений совершены по обряду трупоположения вытянуто на спине и ориентированы по линии СВВ–ЮЗЗ. На лицо умерших накладывалось меховое покрывало [Алексашенко и др., 2005, с. 143, 209–201], что также фиксируется в якутских погребениях позднего средневековья [Бравина, Попов, 2008, с. 97].

Обитатели Зеленого Яра входили в круг предков угро-самодийского населения современного Нижнего Приобья [Алексашенко и др., 2005, с. 180], погребальный обряд которых во многих элементах проявляет сходство с ритуально-погребальной практикой якутов: «очищение» предметов сопроводительного инвентаря (обводили прутьями-ветками), их «порча» (пробивали, прокалывали, надрезали), в одежде покойного делали дырки, лицо закрывали меховым покрывалом, устраивали «проводы» шаманом души покойного, возле могилы забивали оленей/лошадей, их шкуры оставляли у могилы, на шести нанизывали черепа животных, развернув их на север/запад, оставляли там же сломанные нарты/сани и т.д. [Алексашенко и др., 2005, с. 273–286; Бравина, 2005, с. 190–202].

Исследователи отмечают наличие в якутской культуре традиций самодийско-енисейского происхождения [Павлинская, 1992, 1997; Сомоготто, 1995; Бравина, Петров, 2018]. Примечательно, что особенно наглядно эти культурные параллели прослеживаются в универсальных представлениях народов Сибири, связанных с деревом. Погребение усопшего внутри дупла растущего дерева являлось одной из наиболее древних форм захоронения. В этом отношении весьма символичны оберегательные названия погребальных камер якутов: гроб — *ийэ мас* («мать-дерево») или *ис мас* («внутреннее дерево»), а внутримогильный сруб-домовина — *ага мас* («отец-дерево») или *мас мас* («наружное дерево») [Бравина, 2005, с. 181]. У обских угров гроб называли — «дерево», «злое дерево» [Семейная обрядность..., 1980, с. 126].

Детей ханты и манси, селькупы и кеты часто хоронили в дуплах деревьев, завертывая в бересту, либо в берестяных коробках, люльках [Семейная обрядность..., 1980, с. 130, 157, 160]. Подобный обычай был зафиксирован участниками Вилуйского отряда Якутской экспедиции АН СССР в 1920-х гг. на р. Вилуй. В 15 км от с. Шея в Сунтарском районе был обнаружен не совсем типичный для Якутии вид воздушного захоронения — труположение в дупле растущего дерева. В стволе дерева, верхушка которого спилена на высоте около 4 м от земли, была выдолблена ниша длиной около метра. «Место спила закрыто толстой доской с двумя отверстиями, при помощи которых она плотно насаживалась на два зубовидных шипа, оставленных на поперечном разрезе ствола, таким образом, крышка прочно держалась,— говорится в протоколе вскрытия. — Ближайшие деревья были вырублены. Древесный ствол описанной лиственницы потерял кору и при небольшом усилии, отделившись от корней, свалился. Из открывшегося дупла мы достали полный скелет ребенка около 5 лет от роду. Здесь же мы нашли кусочки уцелевшего меха, синие бусы от платья и деревянную чашку, каковую якуты обычно кладут покойнику в гроб» [Шрейбер, 1931, с. 178].

Согласно этнографическим материалам, у якутов существовал обычай подвешивать на деревьях послед в берестяном туесе, а также хоронить труп младенца, завернутый в бересту, в ветвях лиственницы. Очевидно, в этом была сокрыта древняя и универсальная идея о порождающих, плодоносных стихиях, в том числе с древними представлениями о дереве — предке. В эпосе якутов дух-хозяин страны героя Аан Алахчын хотун живет внутри Мирового дерева в виде величавой березы. Она в эпических сюжетах об одиноких героях воспринимается и как мать ребенка, чудесным образом появившегося из Верхнего мира на ветвях священного дерева. Аан Алахчын хотун в некоторых олонхо изображается как шаманка, имевшая вместо бубна узорчатый берестяной сосуд *чабычах*. В погребении Уорай на р. Амга, принадлежащем к раннеякутской кулун-атахской культуре, женщина лежала на круглом берестяном полотне, возможно, представляющем собой дно большого сосуда [Гоголев, 2018, табл. XIV, рис. 7]. Вероятно, здесь берестяной сосуд выступал как символ колыбели из бересты. Известно, что якуты впервые укладывали младенца в колыбель, когда отпадала пуповина. Отпавшую пуповину заворачивали в бересту и хранили. Якуты колыбель называли *бисик* или *ого уйата* («гнездо ребенка»), изготавливали ее как из дерева, так и бересты [Слепцов, 1989, с. 97, 162–163].

В этих материалах прослеживается универсальная идея рождения человека от дерева и возвращения после смерти в породившее его лоно. Яркие примеры родства человека с деревом дают и шаманские материалы [Ксенофонтов, 1992, с. 52, 71, 73]. Ритуальный смысл возвращения человека в дерево, которое каждой осенью, теряя листву, умирает, а весной, покрываясь новой листвой, вновь оживает, вероятно, следует понимать как стремление к возрождению души умершего. Это в погребально-поминальном обряде якутов нагляднее всего проявляется в отношении к берестяному коробу *туктуйэ*, в него запирали души *юер* тех людей, которых особенно любили и жалели [Бравина, 2005, 176, 177]. Часто на его внешней стороне острым предметом наносили своеобразный «портрет» умершего. *Туктуйэ* хранили в почетном углу юрты на матице, и время от времени духа, находившегося внутри, «кормили», окуривая дымом масла и жира. Со временем, когда боль от утраты притуплялась и жизнь входила в обычную колею, особенно с рождением нового члена семьи, *туктуйэ* относили в лес и прятали в дупло дерева.

Якутам издавна известны антисептические свойства бересты. Так, в погребении Атласовское I (XIV–XVI вв.) череп погребенного был полностью обмотан берестяной повязкой. После ее снятия на левой стороне черепа и нижней челюсти обнаружили множественные преднамеренные повреждения, нанесенные рубящим орудием, без следов заживления. Берестяная повязка состояла из сшитых между собой нешироких полосок очень тонкой бересты и покрывала всю голову [Багашев и др., 2016, с. 82, рис. 2]. О подобных перевязках в якутской лечебной практике в случаях повреждения черепа писал в XVIII в. Я.И. Линденау: «...в этом месте вскрывают кожу, кости соединяют и рану перевязывают, а если она начинает гноиться, то на нее кладут бересту и меняют ее до тех пор, пока рана не заживет» [1983, с. 34].

В традиционном мировоззрении якутов с изначальной «чистотой» бересты связана и ее семантическая роль как материала, защищающего от вредного влияния. Подтверждение тому находим в исторической предании, повествующем о предке Мальжегарских якутов Хангаласского улуса Сабыйа-Боотуре (Кэлтээки-Сабыйа), который не носил свое боевое оружие ниже пояса, так как считал нижнюю часть человека нечистой, а клинок оружия завертывал чистой берестой в девять слоев, во избежание проникновения духа неистовства и кровожадности [Ксенофонтов, 1977, с. 111]. Поэтому береста в системе традиционного мировоззрения, связанного с погребальным обрядом,

может нести функцию предохранения живых родственников от покойного и используется, чтобы максимально оградить их от его влияния, сохраняющегося после похорон.

Положение костяка из погребения Учугей Юрях «ничком» и ориентировка головой в обратную от традиционной (западной) сторону, т.е. на восток, указывают на то, что здесь был похоронен «опасный умерший». К разряду таковых относились самоубийцы, умершие неестественной, т.е. «нехорошей», смертью, «черные» шаманы, «нелюди» — отверженные из-за каких-либо проступков в социуме, а также психически и физически неполноценные. В погребения таких умерших не клали предметов сопроводительного инвентаря, особенно предметов вооружения и промысла, что подтверждается скромным набором сопроводительного инвентаря погребения Учугей Юрях [Бравина, 2005, с. 166]. Берестяные полотнища, уложенные снизу и сверху умершего в рассматриваемом нами погребении, по всей видимости, имитируют форму берестяного короба *туктуйэ*. В этом случае мы, вероятно, имеем дело с весьма наглядной иллюстрацией чрезвычайно важной и актуальной для средневековых кочевников Сибири идеи о посмертном очищении души от смертных грехов с целью возрождения для новой достойной жизни.

Заключение

Таким образом, применение бересты в качестве самостоятельной внутримогильной конструкции имело достаточно широкое распространение среди средневековых культур Байкальского региона и Обь-Иртышья и сохраняется вплоть до этнографической современности. Рассматриваемое в статье внутримогильное сооружение из погребения Учугей Юрях представляет собой конструкцию из составных берестяных полотнищ прямоугольной формы одинаковых размеров, уложенных снизу и сверху. Положение костяка «ничком» и нетипичная ориентировка головой на северо-восток, а также отсутствие характерных для сопроводительного инвентаря мужских погребений предметов вооружения и промысла указывают на то, что здесь был похоронен «опасный умерший». Берестяные полотнища, уложенные снизу и сверху умершего, напоминают форму берестяного короба *туктуйэ*, в который запирали душу «опасного» покойника, превратившегося в злого духа *юер*, с надеждой на посмертное очищение.

Берестяные погребальные конструкции якутов, наряду с мировоззренческими представлениями об очищающих и возрождающих свойствах бересты и дерева, в целом могут быть связаны с древним самодийско-енисейским компонентом в их культуре. При этом комплекс общих элементов мог сложиться во время проживания предков якутов в Предбайкалье (захоронения в берестяных чехлах унгинского и сарминского типов) или же благодаря прямым контактам населения Ленского края с тунгусо-самодийскими племенами верхнего течения Нижней Тунгуски, в территорию расселения которых входило и верховье р. Виллой, откуда традиция погребений в бересте могла попасть на Среднюю Лену.

Благодарности. Авторы считают необходимым выразить благодарность судмедэксперту, к.м.н. Е.Ю. Колбиной за проведенные антропологические исследования, к.б.н., с.н.с. Института биологических проблем криолитозоны СО РАН А.П. Ефимовой за ботанический анализ растительного материала погребения, сотрудникам Казанского федерального университета к.и.н. С.И. Валиулиной и А.А. Трифонову за анализ бусинного материала погребения. Кроме того, мы бесконечно признательны адъюнкт-профессору Высшей школы гуманитарных наук Университета Хоккайдо (г. Саппоро, Япония) Кацунори Такаса за проведение радиоуглеродного датирования погребения Учугей Юрях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексашенко Н.А., Брусницина Г.А., Литвиненко М.Н., Косинцев П.А., Перевалова В.Е., Ражев Д.И., Федорова Н.В. Зеленый Яр: Археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. 368 с.

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск: Наука, 1980. 152 с.

Асеев И.В. Некоторые аспекты исторических и археологических материалов как свидетельства расселения монголоязычных племен в Байкальском регионе и Монголии в средние века // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 5: Археология и этнография. С. 189–198.

Багашев А.Н., Ражев Д.И., Зубова А.В., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (2). С. 137–147. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2016.44.2.137-147>

Березкин И.Г. По следам наших предков и современников. Якутск: Кн. изд-во, 1987. 109 с.

Боброва А.И., Рыкун М.П., Тучков А.Г., Чернова И.В. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск: Изд-во Том. пед. ун-та, 2016. 278 с.

Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: Совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3 (12). С. 27–32.

Бравина Р.И., Петров Д.М. Племена, «ставшие ветром»: К вопросу об автохтонном субстрате в этнокультурогенезе якутов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 119–127. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127>

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Обутов И.П., Петров Д.М., Соловьева Е.Н., Строгова Е.А., Сыроватский В.В. Работы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера в Якутии и на севере Хабаровского края // АО. 2016. М.: ИА РАН, 2018. С. 460–467.

Гоголев А.И. Происхождение народа саха и его традиционной культуры. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. 256 с.

Гоголев З.В. Раскопки якутских могил XVIII века // Труды ЯФ СО АН СССР. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1958. Вып. 1. С. 65–75.

Дашибалов Б.Б. О самодийском субстрате в средневековых культурах Юго-Восточной Сибири // Сибирский сборник — 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. I. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 187–193.

Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности: (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск: Изд. ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 106–173.

Конюхова О.М., Бахтин М.А., Канарский А.В. Биологические ресурсы салицина в иве (*Salicaceae*) // Вестник технологического университета. 2016. Т. 19. № 16. С. 130–132.

Ксенофонтов Г.В. Шаманизм: Избранные труды: (Публикации 1928–1929 гг.). Якутск: Север — Юг, 1992.

Ксенофонтов Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 348 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.

Матющенко В.И., Старцева Л.М. Еловский курганный могильник-I эпохи железа // Труды ТГУ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. Т. 206. С. 152–174.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М. Наука, 1981. С. 190–193.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: Усть-талинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2004. 306 с.

Николаев-Сомоготто С.И. Народ саха. Якутск: Якутский край, 2009. 300 с.

Носов М.М. Якутская берестяная ураса. Якутск: Бичик, 1954. 31 с.

Павлинская Л.Р. Технологическая традиция и вопросы культурогенеза народов Сибири // Сибирские чтения. К 90-летию А.А. Попова. СПб.: МАЭ РАН, 1992. С. 20–22.

Попов А.А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // СМАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 255–323.

Росляков С.Г. Курганный могильник Санаторный-1 и вопросы этнокультурной интерпретации памятников развитого средневековья верхнего Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (24). 2005. С. 115–125.

Свинин В. В. Тырганский могильник // Учен. записки Иркут. обл. музея краеведения. Иркутск, 1971. Вып. 4. Ч. 1. С. 140–144.

Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения / Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1980. 240 с.

Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX — нач. XX в.). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1989. 158 с.

Соловьев А.И. Некоторые аспекты использования бересты в погребальной практике населения Предтаежного Обь-Иртышья // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2006. № 3. Т. 5. С. 177–187.

Сомоготто С. Происхождение народа Саха. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. 112 с.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. — сер. II тыс. н.э.: Генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2001а. 199 с.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: Погребальные комплексы. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2001б. 238 с.

Шрейбер С.Е. Медико-санитарное обследование населения Вилюйского и Олекминского округов // Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. Вып. 9. 272 с.

ИСТОЧНИКИ

Зайцев М.А. Ритуальные и погребальные памятники курумчинской культуры в Приольхонье (оз. Байкал): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1989. 16 с.

Павлуцкая В.В. Байкальское Приольхонье в эпоху поздних кочевников (по материалам могильников XI–XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 16 с.

Bravina R.I.^{a,*}, Solovyova E.N.^b, Petrov D.M.^a, Syrovatskiy V.V.^a

^a Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
Petrovsky st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation

^b Arctic Research Center of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)
Kurashova st., 22, Yakutsk, 677000, Russian Federation

E-mail: bravinari@bk.ru (Bravina R.I.); lenasolo05@mail.ru (Solovyova E.N.);
dmpetrov-92@mail.ru (Petrov D.M.); syrovatskiy123@gmail.com (Syrovatskiy V.V.)

Birch bark in the funeral rite of the Yakuts: a case-study of the Uchugei-Yuryakh burial (15th–17th cc.)

The Uchugei-Yuryakh birch-bark burial, radiocarbon dated to 1480–1640 cal AD, was discovered in the southern part of the Tuymaada valley, located in the basin of the Middle Lena River, one of the largest rivers in North-Eastern Siberia. This region is traditionally regarded as the area where the most important events of the Yakut history were taking place over many centuries, and as the area associated with the formation of the Yakut ethnic culture. The purpose of this article is to introduce into scientific discourse the results of the study of the Uchugei-Yuryakh birch-bark burial and to analyze traditions of the burials using birch bark among the Yakuts in the 15th–19th centuries, according to archaeological, ethnographic, and folklore data. The research objectives are as follows: to determine the level of knowledge of the problem; to identify peculiarities of the grave goods and morphological features of the Uchugei-Yuryakh burial; to identify types of birch-bark burial chambers of the Yakuts on the basis of available data; to trace back their genesis and to determine their semantics, according to the sacral nature of birch bark in the ritual-worldview practice; and to correlate the features of the Yakut burials with archaeological materials from the regions adjacent to Yakutia. Descriptive and historical-comparative methods, as well as scientific methods such as radiocarbon dating of the bones of the deceased, chemical analysis of bead material, botanical analysis of plant material from the burial site were employed in the course of research. A characteristic feature of this burial is the absence of a coffin and the use of birch-bark sheets to form the interior of the grave, which correlates with the legends about the Khoro tribe, who practiced burial in birch-bark sheaths. There are four types of burials identified on the basis of a detailed analysis of the combination of elements of the currently known birch-bark burial structures: 1) in a birch bark sheath consisting of birch-bark sheets placed above and below the buried body; 2) in a birch bark pouch, the sides of which were reinforced by wooden planks set on edge; 3) in a rectangular birch bark sheet, in which the body of the deceased was wrapped to form a case or a cylinder; 4) in a birch-bark sheath sewn in the form of a boat. Analysis of the features of the burial (atypical “face-down” position of the deceased, scanty set of items of the accompanying goods) revealed a special social status of the buried man. The birch-bark sheets laid above and below the deceased in the considered burial, apparently, imitate the shape of the birch-bark basket *tyuktyuye*. This suggests the ideas of purification of the soul of the deceased after their death and its rebirth. Birch bark was used in the funeral rites of the nomadic societies of South-Eastern and Western Siberia in the Middle Ages. It is suggested that the tradition of using birch bark in Yakut burials either corresponds with the Samoyed-Yenisei component, indirectly adopted from the medieval population of the Lake Baikal area, or emerged due to direct contacts with the Tungus-Samoyed tribes of the Lower Tunguska.

Keywords: Yakutia, the late Middle Ages, burial, birch bark, birch bark covers and bedding, birch bark coffins, Cisbaikalia, Ob-Irtysh.

REFERENCES

- Aleksashenko, N.A., Brusnitsina, G.A., Litvinenko, M.N., Kosintsev, P.A., Perevalova, V.E., Razhev, D.I., Fedorova, N.V. (2005). *Zeleniy Yar archaeological complex of the Middle Ages in the Northern Ob*. Ekaterinburg; Salekhard: UrO RAN. (Rus.).
- Aseev, I.V. (1980). *Baikal region in the Middle Ages (according to archaeological data)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Aseev, I.V. (2009). Some aspects of historical and archaeological materials as evidence of the resettlement of Mongol-speaking tribes in the Baikal region and Mongolia in the Middle Ages. *Vestnik NGU: Arkheologiya i etnografiya*, 8 (5), 189–198. (Rus.).
- Bagashev, A.N., Razhev, D.I., Zubova, A.V., Bravina, R.I., D'iaconov, V.M., Stepanov, A.D., Kuz'min, Ia.V., Khodzins, G.V.L. (2016). A medieval yakut burial near lake Atlasovskoye of the 14th–15th centuries: An anthropological study. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, (44), 137–147. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2016.44.2.137-147>
- Berezkin, I.G. (1987). *Following ancestors and contemporaries*. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Bobrova, A.I., Rykun, M.P., Tuchkov, A.G., Chernova, I.V. (2016). *Narym Ob in the II millennium A.D. (X–XX centuries)*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo pedagogicheskogo universiteta. (Rus.).
- Bravina, R.I. (2005). *The concept of life and death in the culture of an ethnic group: On the basis of the traditions of the Sakha*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bravina, R.I., D'iaconov, V.M. (2015). Early yakut medieval burials of the XIV–XVII centuries: total distinctive signs. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, (3), 27–32. (Rus.).

* Corresponding author.

- Bravina, R.I., Petrov, D.M. (2018). Tribes «which became wind»: autochthonous substrate in ethnocultural genesis of the Yakuts revisited. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 119–127. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127>
- Bravina, R.I., Popov, V.V. (2008). *Funeral and memorial rituals of the Yakuts: monuments and traditions (XV–XIX centuries)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Dashibalov, B.B. (2009). About the Samoyed substrate in the medieval cultures of Southeast Siberia. *Sibirskii sbornik — 1. Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, (1). St. Petersburg: Muzei arheologii i etnografii RAN, 187–193. (Rus.).
- Gogolev, A.I. (2018). *The origin of the Sakha people and their traditional culture*. Iakutsk: Izdatel'skii dom SVFU. (Rus.).
- Gogolev, Z.V. (1958). Excavations of the 18th century Yakut graves. *Trudy Iakutskogo filiala SO AN SSSR*, (1). Iakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 65–75. (Rus.).
- Gurvich, I.S. (Ed.) (1980). *Family rituals of the peoples of Siberia: an experience of comparative study*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kharinskii, A.V. (2001a). *The Pre-Baikal region at the end of the 1st millennium BC — the middle of the 2nd millennium AD: The genesis of cultures and their periodization*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. (Rus.).
- Kharinskii, A.V. (2001b). *Olkhon region in the Middle Ages: funerary complexes*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. (Rus.).
- Koniukhova, O.M., Bakhtin M.A., Kanarskii A.V. (2016). The biological resources of salicin in willow (*Salicaceae*). *Vestnik tekhnologicheskogo universiteta*, 19(16), 130–132. (Rus.).
- Konstantinov, I.V. (1975). The origin of the Yakut people and their culture. In: *Iakutiia i ee sosedi v drevnosti: (Trudy Prienskoi arheologicheskoi ekspeditsii)*. Iakutsk: Izdatel'stvo Iakutskogo filiala SO AN SSSR, 106–173. (Rus.).
- Ksenofontov, G.V. (1977). *Elliada: Materials on the mythology and legendary history of the Yakuts*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Ksenofontov, G.V. (1992). *Shamanism: Selected Works: (Publications 1928–1929)*. Iakutsk: Sever — Iug. (Rus.).
- Lindenau, Ia.I. (1983). *Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East*. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Matiushchenko, V.I., Startseva L.M. (1970). Elovsky burial mound-I of the Iron Age. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 206(5), 152–174. (Rus.).
- Mogil'nikov, V.A. (1981). Monuments of nomads of Siberia and Central Asia X–XII centuries. In: *Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia*. Moscow: Nauka, 190–193. (Rus.).
- Nikolaev-Somogotto, S.I. (2009). *Sakha people*. Iakutsk: Iakutskii krai. (Rus.).
- Nikolaev, V.S. (2004). *Nomads' burial complexes of the middle siberia south in the XII–XIV centuries: Ust-talinskaya culture*. Vladivostok; Irkutsk: Izdatel'stvo Instituta geografii SO RAN. (Rus.).
- Nosov, M.M. (1954). *Yakut birchbark urasa*. Iakutsk: Bichik. (Rus.).
- Pavlinkaia, L.R. (1992). Technological tradition and issues of cultural genesis of the peoples of Siberia. *Sibirskie chteniia*. St. Petersburg: Izdatel'stvo MAE RAN, 20–22. (Rus.).
- Popov, A.A. (1949). Materials on the history of the religion of the former Vilyui district Yakuts. *Sbornik MAE*, 11. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 255–323. (Rus.).
- Rosliakov, S.G. (2005). Mound burial ground Sanatorium-1 and issues of ethnocultural interpretation of the monuments of the developed Middle Ages of Upper Ob. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (4), 115–125. (Rus.).
- Shreiber, S.E. (1931). Health examination of the population of Vilyuisky and Olekminsky districts. In: *Materialy Komissii po izucheniiu Iakutskoi ASSR. Vyp. 9*. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Sleptsov, P.A. (1989). *Traditional family and rituals among the Yakuts (XIX — early XX centuries)*. Iakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Solov'ev, A.I. (2006). Some aspects of the use of birch bark in the funeral practice of the population of Ob-Irtysh. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia, filologiya*, 5(3), 177–187. (Rus.).
- Somogotto, S. (1995). *The origin of the Sakha people*. Iakutsk: Sakhapoligrafizdat. (Rus.).
- Svinin, V.V. (1971). Burial ground Tyrgansky. In: *Uchenye zapiski Irkutskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia. Vyp. 4*. Irkutsk, 140–144. (Rus.).

Бравина Р.И., <https://orcid.org/0000-0002-4902-8288>
 Соловьева Е.Н., <https://orcid.org/0000-0001-8920-3696>
 Петров Д.М., <https://orcid.org/0000-0001-5166-5166>
 Сыроватский В.В., <https://orcid.org/0000-0002-3026-0546>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Ткачев А.А.^{а,*}, Ткачев Ал.Ал.^б

^а ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

^б Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003

E-mail: sever626@mail.ru (Ткачев А.А.); al.al.tkachev@mail.ru (Ткачев Ал.Ал.)

ТЮРКСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В СОПРОВОЖДЕНИИ КОНЕЙ ИЗ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Вторая половина I тыс. н.э. связана с развитием и формированием культуры древних тюрков, последовательно создавших в степной зоне Центральной Азии несколько крупных этнополитических объединений. Политическое и культурное влияние тюркских государственных образований ощущало не только оседлое население государств, существовавших на территории Восточной и Средней Азии, но и более северные народы, обитавшие в степной и таежной зонах. Под тюркским воздействием или при их непосредственном участии на территории Верхнего Прииртышья в VII–VIII вв. начинает складываться кимако-кипчакское протогосударственное объединение. Начальная стадия этого процесса, особенности погребального обряда и характерные элементы материальной культуры населения, обитавшего в регионе, почти неизвестны в связи со слабой изученностью памятников этапа становления данного полиэтнического формирования. Материалы могильника Меновное XII в некоторой степени позволяют расширить представления о ранней стадии сложения кимакского государства.

Ключевые слова: Верхнее Прииртышье, эпоха средневековья, тюрки, кимаки, курган, погребальный обряд, вещевой инвентарь, реконструкция конской упряжи.

Введение

Середина I тыс. н.э. связана, с одной стороны, с гибелью Хуннской империи, господствовавшей длительное время в степях Центральной Азии, с другой — с выходом на политическую арену тюркских племен, создавших на стадии раннего средневековья серию последовательно сменявших друг друга государственных объединений. В условиях этнолингвистического и культурного господства тюркоязычного этноса начинается процесс тюркизации окраинных этнических групп, попавших под их влияние. Под воздействием или в результате непосредственного продвижения отдельных тюркских групп на территорию Верхнего Прииртышья складывается новое государственное объединение — Кимако-кипчакский каганат. Возникшее на периферии тюркских кочевых государств новое полиэтническое образование с течением времени распространило свое влияние на огромные территории степной Евразии.

Необходимо отметить, что период раннего средневековья в Казахском Прииртышье является одним из слабоизученных. В результате до сих пор практически неизвестна этнокультурная принадлежность населения, обитавшего в Верхнем Прииртышье до появления здесь тюркоязычного населения. Материалы, полученные при изучении могильника Меновное XII, позволяют воссоздать не только некоторые черты погребальной обрядности, но и отдельные элементы материальной культуры эпохи становления кимакского объединения.

Общая характеристика памятника

Могильник Меновное XII находится на левом берегу Иртыша в 2,1 км к юго-востоку от пос. Меновное Таврического района Восточно-Казахстанской области (рис. 1, 1–3). Погребальная площадка, расположенная в северной части урочища, занимает восточный сектор невысокой сопки. В северной части через узкий водораздел она плавно переходит в прибрежную сопку, скальная вершина которой возвышается над погребальной площадкой на 2–3 м. Данное возвышение заканчивается в северной части обрывистым склоном коренной левобережной террасы Иртыша, максимальная высота которой над уровнем высокой поймы реки достигает 22 м.

Основная часть курганов расположена плотной компактной группой в восточной части сопки на площадке размером 65×30 м. Наиболее крупный курган размещался обособленно в 9 м севернее основной группы на узком перешейке между сопками. Другой курган, находившийся в 12 м южнее основной группы на склоне сопки, сильно разрушен противопожарной полосой. Че-

* Corresponding author.

тыре кургана образуют неровную «цепочку» насыпей, идущую по гребню склона сопки в ЮВ направлении. Началом «цепочки» является один из курганов основной группы могильника. Все пять насыпей равноудалены друг от друга в пределах 15–20 м.

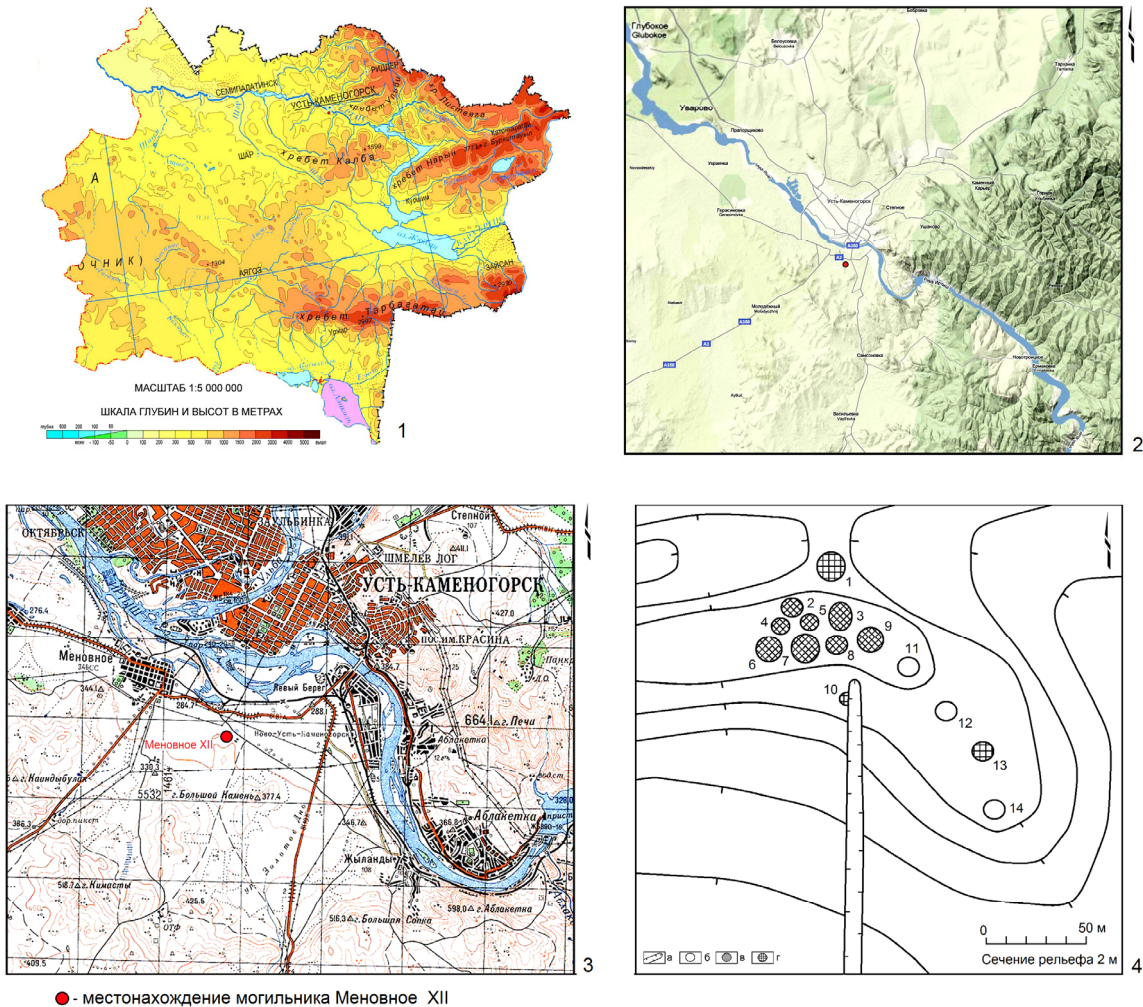

Рис. 1. Могильник Меновное XII. Местоположение (1–3) и план памятника (4):

а — противопожарная траншея; б — неисследованный курган; в — курган, исследованный в 1997 г.;
г — курган, исследованный в 1998 г.

Fig. 1. Burial ground Menovnoye XII. Location (1–3) and plan of the monument (4):

а — fire-fighting trench; б — unexplored barrow; в — barrow, explored in 1997; г — barrow, explored in 1998.

Курганы имеют хорошо задернованную поверхность, поросшую мелким степным кустарником, среди которого просматриваются отдельные камни, возвышающиеся над современной дневной поверхностью на 5–10 см. Насыпи сложены плотным белесым суглинком с небольшой примесью щебня. Камни внутренних конструкций укладывались на погребенную почву, состоящую из коричневой гумусированной супеси толщиной 7–9 см, перекрывавшей белесую материковую глину, под которой залегало скальное основание сопки, сложенное из хорошо колющегося камня белесого цвета¹. За два полевых сезона (1997–1998 гг.) археологической экспедицией Восточно-Казахстанского государственного университета исследовано 11 погребальных конструкций (рис. 1, 4). Несмотря на незначительное количество насыпей, объединенных в пределах памятника, наблюдается существенная вариабельность погребальных конструкций, включающих не менее семи разновидностей внутреннего устройства. Одному из исследованных объектов и посвящена данная статья.

¹ Толщина глинистых отложений различна и зависит от расстояния по склону от вершины сопки в пределах от 0 до 30 см.

Тюркское погребение в сопровождении коней из Верхнего Прииртышья

Курган 3 расположен в восточном секторе основной части погребальной площадки близ кромки восточного склона сопки (рис. 1, 4). Погребальная конструкция имела овальную форму, размер $9,0 \times 7,5 \times 0,3$ м, вытянута в меридиональном направлении. В центральном и южном секторах насыпи прослеживались овальные провалы. Насыпь мощностью 0,4 м перекрывала ограду с дополнительной пристройкой (рис. 2).

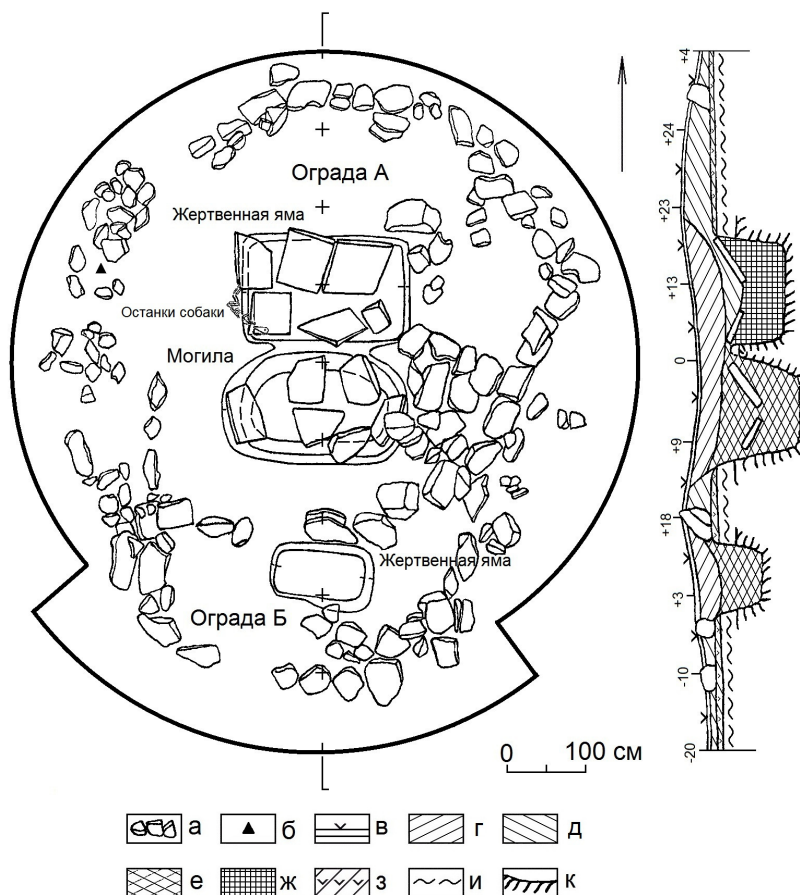

Рис. 2. Могилище Меновное XII. Курган 3. План ограды:

а — камни погребальной конструкции; б — фрагмент керамики; в — дерн; г — белесый суглинок с примесью щебня; д — черная гумусированная супесь; е — серо-коричневая супесь; ж — темно-серая супесь; з — погребенная почва (коричневая гумусированная супесь); и — белесая глина; к — скальное основание сопки.

Fig. 2. Burial ground Menovnoe XII. Barrow 3. Plan fence:

а — stones of the burial structure; б — a fragment of ceramics; в — turf; г — whitish clay loam with an admixture of rubble; д — black humus sandy loam; е — gray-brown sandy loam; ж — dark gray sandy loam; з — buried soil (brown humus sandy loam); и — whitish clay; к — rocky base of the hill.

Ограда А неправильно-овальной формы, размером $6,5 \times 5,5$ м, ориентирована по линии север — юг с незначительным отклонением к востоку. В центре насыпи располагалась овальная западина размером $3,1 \times 2,7 \times 0,2$ м, вытянутая в меридиональном направлении и заполненная черной гумусированной супесью мощностью до 0,4 м.

Для сооружения ограды использовали уплотненные камни размером $0,2-0,4 \times 0,4-0,8 \times 0,1-0,3$ м, уложенные горизонтально кладкой в 2–3 слоя общей высотой 0,5–0,6 м. Между камнями ограды в северо-западном секторе насыпи встречен фрагмент керамики (рис. 4, 6). В стенках ограды просматриваются разрывы, два из них можно рассматривать как преднамеренно оставленные проходы: первый, шириной 0,7 м, располагался в северо-западной части ограждения; второй, шириной 0,8 м, находился в южной стенке и соединял основную ограду с дополнительной пристройкой. В центре огражденного пространства располагались могила и жертвенная яма (рис. 2).

Могила, расположенная в южной половине ограды, представляла собой яму подовальной формы размером 2,3×1,4×1,0 м (придонная часть на глубину 0,75 м вырублена в скальном основании), ориентирована по линии 3–В (рис. 3, 1). В заполнении встречены отдельные обломки гранитных плит перекрытия, но их основная часть сдвинута в процессе ограбления в восточный сектор ограждения. На дне ямы найдены сильно разложившиеся разрозненные останки человеческого скелета (обломок черепа, трубчатые кости, ребра), 3 астрагала мелкого рогатого скота, обломок черешка железного наконечника стрелы (рис. 4, 2) и бронзовый перстень с серым камнем (рис. 6, 2).

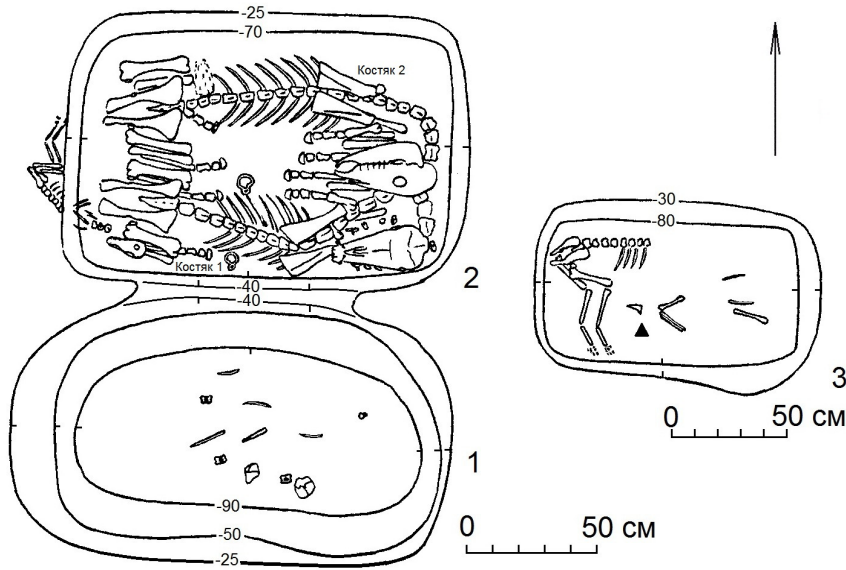

Рис. 3. Могильник Меновное XII. Курган 3:

1 — ограда А, план могилы; 2 — ограда А, план жертвенной ямы; 3 — ограда Б, план жертвенной ямы.

Fig. 3. Burial ground Menovnoe XII. Barrow 3:

1 — fence A, plan of the grave; 2 — fence A, plan of the sacrificial pit; 3 — fence B, plan of the sacrificial pit.

Жертвенная яма располагалась параллельно могиле в северной половине ограды (рис. 2). Толщина скальной перемычки между поминальными конструкциями составляла в верхней части 0,1 м, в нижней — 0,4 м. Углубление прямоугольной формы размером 2,1×1,45×0,8 м (придонная часть на глубину 0,55 м вырублена в скальном основании), ориентировано по линии 3–В. Яма перекрыта тремя крупными гранитными плитами, треснувшими и запавшими вовнутрь.

Над юго-западным углом ямы, поверх перекрытия, располагались останки собаки: задняя часть костяка, залегавшая на уровне древней дневной поверхности за пределами углубления, сохранилась непо потревоженной; передняя, после западания плит, слегка опустилась вовнутрь углубления. Судя по сохранившимся костям, животное было уложено поперек осевой линии могилы, перекрывая юго-западный угол. Животное располагалось на правом боку со слегка подогнутыми задними ногами, головой ориентировано на юго-восток (рис. 3, 2).

На дне жертвенной ямы находились полные останки двух лошадей:

— костяк 1 фиксировался вдоль южной стенки, на животе с подогнутыми ногами, общая ориентация костяка — на восток. Шея, изогнутая в правую сторону, сломана в области первого шейного позвонка. Голова, уложенная на основание черепа, развернута и ориентирована на запад. На голове лошади фиксировались следы тлена от украшенной кожаной узды. В пасти между зубов размещались сильно коррозированные железные удила и псалии (рис. 4, 11). Вдоль правой (рис. 4, 16–19) и левой (рис. 4, 21–24) сторон черепа располагалось по четыре бронзовые накладки, вытянутые вдоль головы. Близ ушных отверстий с правой (рис. 4, 12) и левой (рис. 4, 15) сторон черепа находились соединительные бляхи-тройчатки. Рядом с накладками с обеих сторон черепа залегало по два ременных наконечника (рис. 4, 7–10). В области холки (рис. 4, 14) и под черепом (рис. 4, 13) залегали бронзовые пряжки с железными язычками, рядом с которыми располагались бронзовые фиксаторы (рис. 4, 3, 4). Под основанием черепа близ пряжки найден бронзовый бубенчик (рис. 4, 20). На дне ямы, с обеих сторон центральной части туловища, лежали железные стремена (рис. 4, 25, 26).

Тюркское погребение в сопровождении коней из Верхнего Прииртышья

— костяк 2 располагался вдоль северной стенки параллельно первому костяку, частично перекрывая его. Лошадь была уложена на живот с подогнутыми под себя ногами, с общей ориентацией туши на восток. Шея, изогнутая вправо, сломана в области первого шейного позвонка. Голова, уложенная на левую сторону, развернута и ориентирована на запад. На крупе близ левой стороны таза найдены следы деревянного предмета размером 14×20 см, перекрытого со всех сторон тленом черного цвета, вероятно, от разложившейся кожи. Можно предположить, что поверх лошади разместили переметную суму с личными вещами и каким-то деревянным изделием (рис. 3, 2).

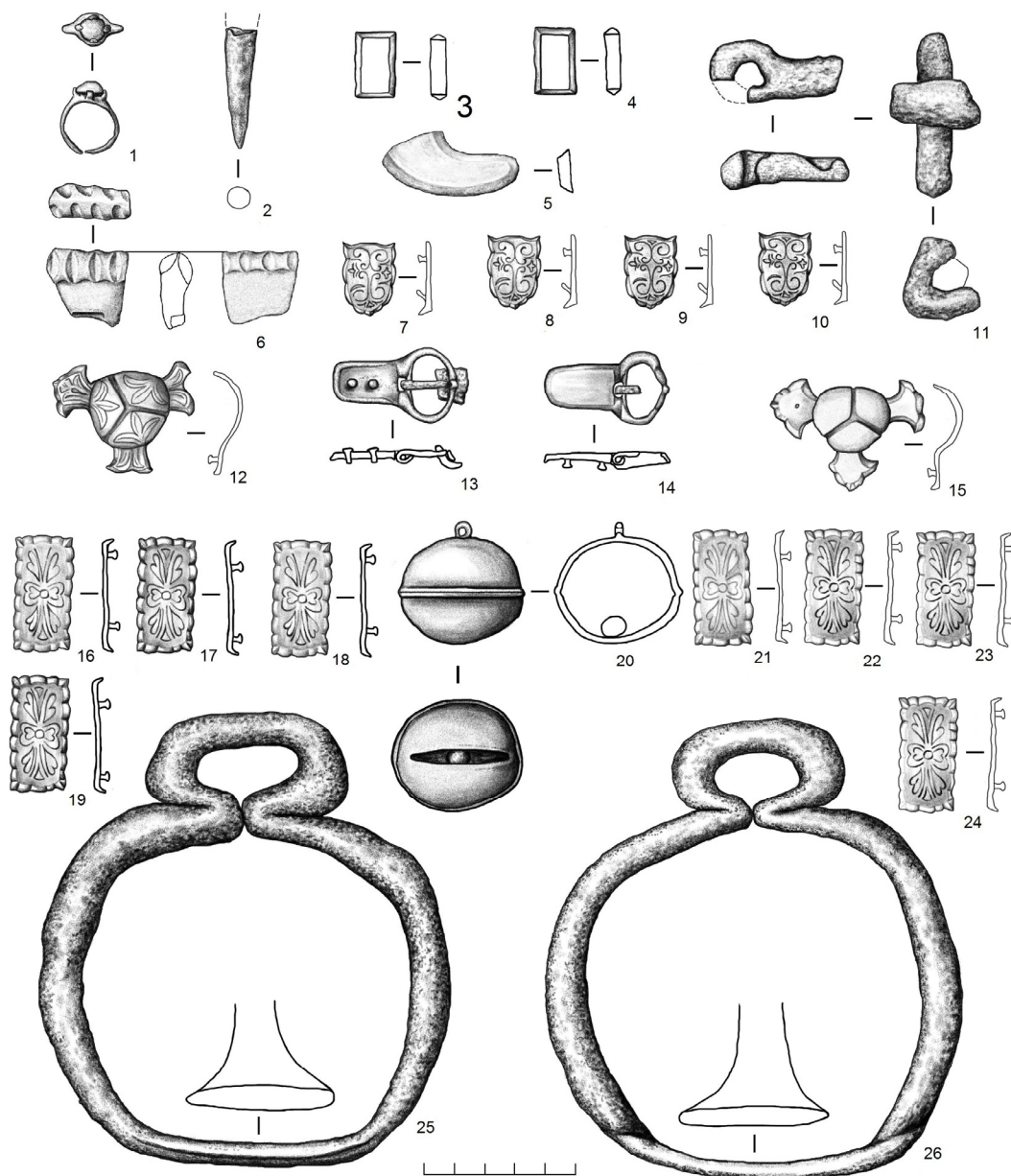

Рис. 4. Могильник Меновное XII. Курган 3. Вещевой инвентарь:

1, 2 — ограда А, могила; 3, 4, 7–26 — ограда А, жертвенная яма; 5 — ограда Б, жертвенная яма; 6 — насыпь; 1 — бронза-камень; 2, 11, 25, 26 — железо; 3–5, 20 — бронза; 6 — глина; 7–10, 12, 14–19, 21–24 — бронза-железо; 13 — бронза-железо-кожа.

Fig. 4. Burial ground Menovnoe XII. Barrow 3. Detected artifacts:

1, 2 — fence A, grave; 3, 4, 7–26 — fence A, sacrificial pit; 5 — fence B, sacrificial pit; 6 — embankment; 1 — bronze-stone; 2, 11, 25, 26 — iron; 3–5, 20 — bronze; 6 — clay; 7–10, 12, 14–19, 21–24 — bronze-iron; 13 — bronze-iron-leather.

Ограда Б на современной дневной поверхности не прослеживалась и выявлена в процессе исследования. Основная ограда и пристройка соединялись проходом шириной 0,6 м, распола-

гавшимся в южной стенке ограждения центральной конструкции. Дополнительное сооружение, пристроенное к южному сектору ограды А, имело овальные очертания, размер 4,1×2,1 м и было вытянуто в широтном направлении. Ограда сооружена из крупных уплощенных камней, уложенных на погребенную почву в один слой, с разрывом шириной 0,7 м в южной стенке. Высота камней над уровнем древней погребенной почвы 0,2–0,25 м (рис. 2).

Жертвенная яма располагалась в центре огражденной площадки. На уровне современной дневной поверхности просматривалась едва заметная западина размером 1,4×1,1×0,05 м, вытянутая в широтном направлении и заполненная черной гумусированной супесью мощностью 0,3 м. Яма имела неправильно-прямоугольные очертания, размер 1,25×0,8×0,5 м (придонная часть на глубину 0,3 м вырублена в скальном основании), ориентирована по линии 3–В. Часть южной и восточной стенок разрушена в результате ограбления. На дне, в восточной половине ямы, находился частично сохранившейся костяк собаки, уложенной на правый бок со слегка подогнутыми задними ногами, с общей ориентацией на восток (рис. 3, 3). В западной части углубления, между разрозненными костями животного, найдены неорнаментированный фрагмент керамики и обломок бронзового предмета (рис. 4, 5).

Особенности погребального обряда

Стратиграфические наблюдения позволяют констатировать, что ограда и пристройка возведены одновременно, с последующим сооружением в них поминальных конструкций, перекрытых на завершающей стадии белесым суглинком с примесью щебня. Появление последнего компонента в составе насыпи связано, скорее всего, не с преднамеренным смешением привнесенного грунта с камнем, а с особенностями сооружения углублений, вырубленных в скальной основе сопки. Можно предположить, что вынутый при сооружении могильной и жертвенных ям щебень не удалялся с погребальной площадки, а преднамеренно смешивался с привнесенным со стороны белесым суглинком. В результате выбросы из ям не фиксировались. О одновременности сооружения всех ям кургана свидетельствует и идентичная ориентировка.

Углублений, карьерных ям или ровиков для получения грунта, использовавшегося для отсыпки насыпей, не прослежено. Это связано со спецификой скального основания сопки, перекрытого тонкой прослойкой белесой глины, мощность которой варьируется на разных участках пологих склонов от полного отсутствия до 0,3 м. Можно предположить, что члены коллектива, оставившие данные погребальные объекты, понимали, что невозможно использовать для отсыпки насыпей грунт вокруг оград, так как, во-первых, суглинка, перекрывавшего конкретную сопку, не хватило бы даже для сооружения насыпей двух-трех курганов, расположенных достаточно плотно друг к другу; во-вторых, насыпи погребальных сооружений, расположенные на вершине сопки, могут быть быстро разрушены в результате водно-ветровой эрозии. В результате грунт для насыпей привносился откуда-то со стороны.

Центральная ограда сооружена последовательной горизонтально-вертикальной кладкой, пристройка — методом однорядной кладки. Характерной особенностью данных устройств является широкое использование разнообразных пород камня: белого кварца, серого порфирита, пепельного сланца, серого и красного гранита. Сочетание пород камня хаотично, проследить тенденции к предпочтению конкретной породы не удалось. Единственным исключением является более широкое использование для сооружения верхнего ряда небольших плиток пепельного сланца. Скорее всего, это связано с тем, что сланец хорошо колется на тонкие пластины, которые использовались для выведения верхнего среза ограды на один уровень.

Исследованный курган отличался размерами и особенностями внутреннего устройства. Погребенного сопровождали две собаки и пара лошадей. Особенности вещевого инвентаря, обнаруженного с лошадьми, принципы его размещения в погребальном пространстве жертвенной ямы позволяют предполагать, что одна из них являлась запряжной, вторая — заводной. В качестве своеобразного набора мужских аксессуаров можно рассматривать и встреченные в могиле астргалы мелкого рогатого скота. Для всех углубленных конструкций характерно одинарное перекрытие из гранитных плит, уложенных поперек ям по материку. При ограблении плиты перекрытия были разбиты, выворочены или частично запали вовнутрь ям. В результате в насыпи возникали округлые или овальные западины, заполнявшиеся с течением времени черной гумусированной супесью. В силу каких-то причин яма, содержащая лошадей, не была повреждена грабителями.

Характерной деталью погребального обряда на всем протяжении тюркского периода является захоронение собак с людьми, принадлежавшими к социальной элите. В исследованном кургане одну из собак разместили на каменном перекрытии могилы, вторую — в отдельной пристройке

в сопровождении глиняного сосуда и обломка бронзового изделия. Захоронения с собаками встречаются на Алтае [Евтюкова, Киселев, 1941, с. 97], в Хакасии [Евтюкова, 1948], Восточном Казахстане [Арсланова, 2013, с. 30, 64; Ткачев, 2020, с. 43]. Порода собак, обнаруженных в тюркских курганах Зевакинского могильника, была соотнесена со среднеазиатской борзой «тазы» [Арсланова, 1969, с. 48–49, прим. 6]. Частично не потревоженный скелет собаки, обнаруженный в пристройке, позволяет представить довольно крупное длинноногое животное, рост которого в холке достигал 50–55 см, что соответствует и современным требованиям к данной породе [Костюнина, 2001, с. 45].

Половозрастная принадлежность погребенного не определена ввиду сильного разложения костных останков. В то же время наличие в захоронении обломка железного наконечника, астрагалов и лошадей позволяет соотнести погребенного с мужской частью коллектива, оставившего памятник. Таким образом, человека, погребенного в данном кургане, можно рассматривать как лицо, принадлежавшее к элите общества — родовой знати. Лошади сопровождения были размещены севернее в отдельной яме, расположенной параллельно могиле, причем лошадь, размещенную ближе к покойному и являвшуюся основной, погребли взнузданной. Социальную значимость погребенного человека подчеркивает и сопровождение собак: для одной из них сделали отдельную дополнительную пристройку, вторую поместили поверх перекрытия могилы.

Характеристика предметного комплекса

Изделия из глины представлены двумя глиняными черепками, изготовленными из плотного глиняного теста с примесью песка и шамота. Поверхность серого цвета, на внутренней стороне прослеживались следы от заглаживания, обжиг неровный костровой, черепки в изломе черные. Один неорнаментированный фрагмент размером 4,3×3,8×0,7 см, второй — размером 2,5×2,5×0,8 см принадлежал сосуду, имевшему округлый слегка утолщенный, отогнутый наружу венчик толщиной 1,1 см. Срез венчика волнистый за счет симметричных вертикально-овальных вдавлений, нанесенных с внешней и внутренней сторон вдоль среза венчика. При нанесении вдавлений формировалась и волнистая структура по основанию с внутренней и внешней сторон. Венчик слегка отогнут наружу, и на перегибе шейки прослеживаются следы дополнительного узора — вдавление в виде горизонтального оттиска гладким штампом длиной около 1,0 см и глубиной 0,4 см (рис. 4, 6).

Предметный комплекс, сопровождавший в потусторонний мир погребенного мужчину, в результате сильного ограбления минимален:

— с воинским снаряжением связан обломок округлого черешка от железного наконечника стрелы (?), длина сохранившейся части 4,1 см, максимальный диаметр 0,9 см (рис. 4, 2);

— украшения тела представлены перстнем, изготовленным из бронзы. Кольцо диаметром 2,1 см, толщина ободка 1,5 мм, внутренний диаметр 1,7 см. В верхней части расположен овальный щиток размером 1,3×1,1 мм. По краям щитка симметрично припаяны четыре крепежных каста, в которых зажат уплощенно-округлый камень серого цвета диаметром 0,9 см и высотой 0,4 см. По внешнему виду это, скорее всего, половина распиленной на две части жемчужины. В нижней части ободок кольца имел разрез для регулирования внутреннего диаметра (рис. 4, 1).

В яме, содержащей захоронение собаки, обнаружен обломок предмета, функциональное назначение которого не определено: бронзовая изогнутая пластинка трапецевидного сечения, отлитая в односторонней литейной форме, длина сохранившейся части 4,6 см, ширина овального конца около 1 см, ширина обломанной нижней части 2,2 см, верхней — 1,5 см, толщина изделия 2–4 мм (рис. 4, 5).

Основная часть находок происходит из жертвенной ямы и обнаружена на костяке запряженной лошади. Все изделия связаны с конской амуницией, использовавшейся для управления лошадью: стремена, удила и детали оголовья.

Стремена при общей типологической близости имеют индивидуальные отличия:

— одно — подовальной формы, высотой 10,9 см и шириной 13,3 см, имеет плоскую подножку длиной около 8 см, шириной 4,8 см; в центре ушка округло-трапецевидной формы (6,7×3,4 см) расположено отверстие размером 3,2×1,7 см (рис. 4, 25);

— второе — подовальной формы, высотой 11,8 см, шириной 13,9 см; плоская подножка длиной около 9,1 см, шириной 4,9 см; в центре ушка овальной формы (5,7×3,1 см) расположено отверстие размером 2,7×1,6 см (рис. 4, 26).

Стремена с петлеобразным ушком и плоской подножкой являются естественным продолжением развития стремей I–III типа, рассматривавшихся А.А. Гавриловой как модификации од-

ной линии развития данного вида изделий со следующими характерными признаками: округлая форма стремени, округлое сечение боковин, плоская подножка, иногда усиленная валиком или ребром. Данный тип изделий, появившихся на кудыргинском этапе, датированном VI–VII вв. [Гаврилова, 1965, с. 34–35, табл. XV, 14–16], используется на протяжении всего тюркского времени [Савинов, 1982, с. 110, 112, рис. 4, 9, 10; 1996, с. 20, рис. 1, 1–4], но наиболее широко он использовался до середины IX в. [Неверов, 1998, с. 145].

Особо необходимо остановиться на находках, связанных с управлением лошадью, которые включают железные удила и серию изделий, использовавшихся для украшения и закрепления оголовья.

Железные удила и псалии сильно корродированы, по обнаруженным остаткам можно предположить, что они относились к типу кольчатых со стержневидными округлыми в сечении псалиями, возможно с боковыми петлями. Откованы из железных прутков диаметром до 1 см, внешний диаметр колец — 2,2–2,5 см (рис. 4, 11).

Для соединения и подгонки ремней оголовья использовались щитковые пряжки с железными подвижными язычками, отлитые из бронзы и жестко соединенные с ремнями железными шпеньками или гвоздиками:

— одна имела трапециевидный удлиненно-овальный двушпенокый щиток и овально-фигурную рамку. Длина щитка 2,4 см, ширина 1,5–1,2 см, высота бортика 2,5 мм; размер рамки 2,4×1,6 см, высота 4 мм, передняя часть дополнительно украшена выемками и приостренным носиком (рис. 4, 14);

— вторая — с трапециевидным удлиненно-овальным щитком, соединенным с овальной рамкой. Длина щитка 2,2 см, ширина 1,5–1,2 см, высота бортика 3 мм; размер рамки 2,5×1,7 см, высота 4 мм. Для закрепления пряжки на ремне использовались гвоздики — два железных стерженька, имевшие закладную и замыкающую головки, проходящие через специально пробитые в щитке отверстия диаметром около 2,5 мм. В рамке изделия частично сохранился кусочек кожного ремня шириной 1,3 см, толщиной около 2 мм (рис. 4, 13).

В качестве украшения конской сбруи использованы разнообразие изделия: бубенчик, накладки-распределители, наконечники и фиксаторы ремней:

— бронзовый бубенчик округло-уплощенной формы диаметром 3,6–3,9 см, с толщиной стенок около 2 мм. Изготовлен из двух половинок — верхней и нижней, соединенных пайкой, фиксируемой в виде пояса подтреугольного сечения высотой 1,2–1,5 мм по окружности центральной части. К верхней половинке припаяна овальная петелька для подвешивания к ремню размером 6×4 мм, диаметр отверстия 2–2,5 мм; в нижней прорезано удлиненно-овальное отверстие размером 3,2×0,4 см. Внутри помещен бронзовый шарик диаметром 6–8 мм (рис. 4, 20);

— тройники или неподвижные распределительные бляхи-тройчатки, являвшиеся конструктивно-декоративным компонентом узды, представлены двумя изделиями: первое с округло-выпуклой центральной частью диаметром 2,8 см, высотой 0,9 см. Внешняя поверхность орнаментирована трехлучевой звездой, пространство между лучами покрыто растительным узором. Окончание лопастей имеют разное оформление: два (нижнее и боковое) отличается разрез типа «ласточник хвост», одно боковое — типа «трилистника». Внутреннее пространство лопастей орнаментировано растительным узором, более сложный рисунок нанесен на боковую лопасть, заканчивающуюся «трилистником» (рис. 4, 12). Второе изделие имеет центральную округлую выпуклую часть, украшенную трехлучевой звездой, диаметр 2,4 см, высота 0,9 см; три плоские лопасти имеют разное окончание — один простой «трилистник», два — более сложное оформление (рис. 4, 15). К ремням сбруи данные изделия крепились при помощи трех железных шпенок, размещавшихся на боковых лопастях;

— наконечники ремней представлены бронзовыми изделиями, имевшими геральдическую форму щитка с фигурным основанием без бортика и боковые фигурные бортики, заканчивающиеся приостренным носиком. Они крепились к ремням двумя железными припаянными шпеньками. Внешняя поверхность украшена сложным растительным узором. Длина изделий 2,4–2,5 см, ширина 1,6–1,7 см, высота бортика 0,3–0,4 см (рис. 4, 7–10);

— бляхи-накладки представлены бронзовыми изделиями, крепившимися к ремням двумя железными припаянными шпеньками прямоугольной формы размером 3,7–3,8 см, ширина 1,7–1,8 см, высота фигурно-волнистых бортиков, заканчивающихся угловыми носиками, 2,2–2,3 мм, внешняя поверхность украшена сложным растительным узором (рис. 4, 16–19, 21–24);

— фиксаторы ремней прямоугольной формы, размером 1,7×1,3 см, изготовлены из бронзовой проволоки треугольного сечения размером 4×2 мм (рис. 4, 3, 4).

Основная часть изделий, использовавшаяся в качестве украшения ремней оголовья, характерна для всей тюркской эпохи. В то же время особый интерес для определения хронологической позиции данного кургана представляют выпуклые бляхи-тройчатки, применявшиеся как распределители ремней оголовья. Наиболее ранние изделия данного типа происходят из могильника Узунтал IV (Горный Алтай), датированного VIII–IX вв. [Савинов, 1982, с. 117–118, рис. 13, 4], хотя нельзя исключать появление подобного типа украшений и несколько ранее [Григорьев, 1998, с. 152–153].

Расположение вещевого инвентаря вокруг головы лошади позволяет реконструировать особенности узды, использовавшейся для управления, включающей удила с псалиями и оголовье. Основой последнего являлись кожаные ремни шириной 1,4–1,5 см: наносной, подгубный, два нащечных, налобный, подбородочный и затылочный (рис. 5, 1). Нащечные ремни с каждой стороны были украшены четырьмя прямоугольными накладными бляхами, две из которых прикрывали соединение с вертикальными ремешками длиной 10–12 см, заканчивающиеся ремennыми наконечниками. Места соединения нащечных, налобного, подбородочного и затылочного ремней перекрывались бляхами-тройчатками. К центру подбородочного ремня крепился бубенчик. Оголовье закреплялось и регулировалось с помощью бронзовых пряжек: одна соединяла две части затылочного ремня; вторая — подбородочного. Концы ремней закреплялись в бронзовых фиксаторах. Для управления лошастью использовался повод, соединенный с уздой (рис. 5, 2). По своим основным параметрам реконструируемое оголовье имеет сходство с аналогичными изделиями, известными в кимакских древностях [Могильников, 2002, с. 82–83], а также в памятниках тюркской и сроткинской культур [Тишкин, Горбунов, 2004, с. 32, рис. 13].

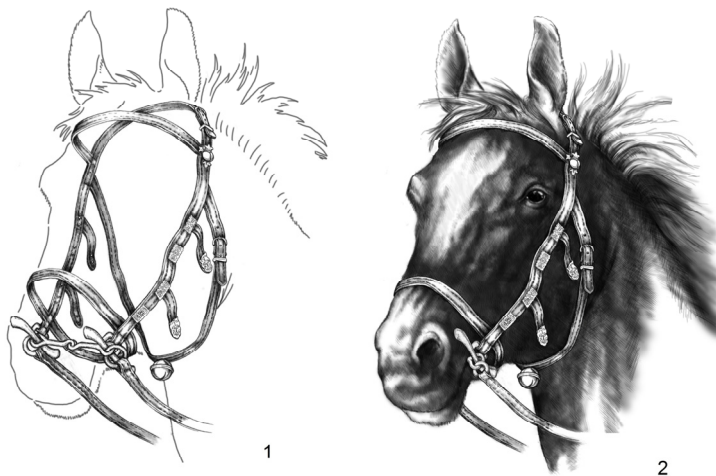

Рис. 5. Могильник Меновное XII. Курган 3. Ограда А. Жертвенная яма.
Реконструкция узды для управления лошастью.

Fig. 5. Burial ground Menovnoe XII. Barrow 3. Fence A. Sacrificial pit.
Reconstruction of the bridle for horse-riding.

Обсуждение результатов

Незначительное количество погребальных комплексов, объединенных в пределах могильника Меновное XII, свидетельствует или о непродолжительном проживании в данной местности кочевого коллектива или об их периодическом появлении на данной территории. Ограбленность курганов не позволяет воссоздать многие стороны погребальной обрядности и компоненты материальной культуры. В то же время разнообразие в оформлении подкурганного пространства и внутреннего устройства исследованных погребальных конструкций допускает существование сложной социальной структуры коллектива, оставившего памятник.

Два наиболее крупных и сложных по устройству кургана принадлежат социально значимой группе общества. В одном из них, расположенном обособленно и являющемся более ранним по отношению к другим погребальным объектам, умершего сопровождали две пары коней, собака и ребенок (кург. 1)². Во другом кургане, имеющем близкую по устройству погребальную конструк-

² Ограниченный объем статьи и своеобразие материала из кургана 1 требует его отдельной публикации.

цию, умершего сопровождали пара коней и две собаки (кург. 3). Значимость власти человека, погребенного в последнем сооружении, подчеркивается найденным в могиле перстнем. С древнейших времен массивные перстни с камнем являлись традиционно мужским ювелирным украшением, подчеркивающим статус владельца. Разрез в нижней части — «на вырост» — свидетельствует об определенной преемственности власти его носителя от своего предшественника, но в силу каких-либо причин не переданный преемнику, а погребенный с умершим человеком.

Большинство исследователей раннесредневековых древностей степной зоны Казахстанского Прииртышья и Алтая связывают развитие древностей степной зоны Восточного Казахстана с формированием кимакской культурной традиции. По мнению Д.Г. Савинова, выделившего в развитии кимакского государственного объединения три этапа, появление на Иртыше кимаков (йемеков) соотносится с серединой VII в. н.э. [1994, с. 68–70]. Однако основная масса исследованных погребальных объектов, сопоставимых с кимакскими древностями, датируется средней фазой в пределах IX–X вв. [Арсланова, 2013, с. 63; Могильников, 2002, с. 125; Трифонов, Ахинжанов, 1987, с. 243].

Памятники стадии становления кимакской традиции на территории Восточного Казахстана представлены слабо. С периодом становления раннекимакских традиций, в пределах VII–VIII вв., соотносится разрушенное погребение из с. Подстепное [Арсланова, 1968, с. 100, рис. 189, 191, 192, 194, 195], а также несколько ограбленных захоронений могильника Трофимовское I и Трофимовское II [Там же, с. 100, рис. 38–42, 80, 81, 133]. Этим же временем датировано и впускное захоронение с конем из кургана 2 могильника Чиликты [Савинов, 1994, с. 78]. Захоронения одного из курганов Орловского могильника были датированы VIII–IX вв. [Арсланова, 1969, с. 45–46]. По мнению Д.Г. Савинова, истоки сложения кимаков лежат в среде западно-телеских племен, часть из которых после распада каганата Сеяньто «могла откочевать на запад в долину Иртыша» [Савинов, 1994, с. 67–68].

Материалы могильника Меновное XII значительно дополняют наши представления о ранней стадии сложения кимакских традиций. Появившись на новой территории, они согласно традициям прародины для захоронения своих умерших выбрали невысокую сопку, дополнительно прикрытую с севера более значительной возвышенностью. На более поздних этапах развития для размещения погребальных объектов в основном использовались равнинные участки высоких береговых террас близ склонов поймы рек. Освоение новой территории способствовало и широкому использованию строительного материала для поминальных сооружений, тогда как в дальнейшем в основном применялся серый ломаный камень (порфирит) и белый кварц. Для перекрытия продолжали использовать дерево и гранитные плиты. Прослеживаются определенные тенденции и в развитии форм погребальных конструкций. Для ранней стадии характерны округлые ограды (Орловский, Меновное XII), для поздней — при некотором сохранении округлых конструкций постепенно начинают возводить квадратные сооружения. Позднее преобладают ограды, ориентированные углами по сторонам света, на завершающей стадии — широко распространяются ограды, ориентированные сторонами по сторонам света. Данная тенденция характерна не только для кимакских древностей Восточного Казахстана, но и сопредельного региона [Ткачев, Ткачева, 1999, с. 142; Могильников, 2002, с. 74]. По мнению В.А. Могильникова, с тюркской традицией связан обычай захоронения умерших с конем, что сближает раннекимакские захоронения с тюркскими погребениями Алтая, датированными VI–VIII вв. [Могильников, 1981, с. 44]. Особенности погребальной обрядности и анализ полученного при исследовании материала позволяют рассматривать захоронения кургана 3 могильника Меновное XII в рамках раннетюркской эпохи и датировать в пределах второй половины VII — VIII в. н.э.

Благодарности. Приносим искреннюю признательность Д.А. Белоногову за прорисовку вещевого инвентаря и художественную реконструкцию оголовья и упряжи коня.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 98–111.
- Арсланова Ф.Х. Погребение тюркского времени В Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 43–57.
- Арсланова Ф.Х. Воинские захоронения кимаков в Зевакинском могильнике // Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: МОН РК, Филиал ИА им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 28–92.

Тюркское погребение в сопровождении коней из Верхнего Прииртышья

- Гаерилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Григорьев Е.В. Распределители ремней Южной Сибири VII–X вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 152–158.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Хакаский НИИ ИЯЛИ, 1948. 109 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // ТГИМ. 1941. Вып. XVI. С. 75–117.
- Костюнина Л.Л. Среднеазиатские борзые (тазы) // Зооиндустрия. 2001. № 3. С. 44–45.
- Могильников В.А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 43–45.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–X веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (Классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 129–151.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.
- Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху ранних кочевников. Кемерово: КемГУ, 1994. 215 с.
- Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 16–20.
- Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с.
- Ткачев А.А. «Длинный» курган могильника Меновное VI // Вестник археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2020. Вып. 4 (51). С. 40–52. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-4>
- Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 136–145.
- Трифонов Ю.И., Ахинжанов С.М. Этнокультурная принадлежность памятников средневековых кочевников Прииртышья // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 243–246.

Tkachev A.A.^{a,*}, Tkachev Al.Al.^b

^a Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

^b University of Tyumen, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: sever626@mail.ru (Tkachev A.A.); al.al.tkachev@mail.ru (Tkachev Al.Al.)

Turkic burial accompanied by horses from the Upper Irtysh River region

The second half of the 1st millennium AD is associated with the development and formation of the culture of ancient Turkic peoples, who repeatedly developed several large ethnopolitical associations in the steppe zone of Central Asia. Political and cultural influences of the Turkic state formations were perceived not only by the sedentary population of the states that existed in the territory of East and Central Asia, but also by further north peoples who lived in the steppe and taiga zones. Under the Turkic influence, or with their direct participation, the Kimako-Kipchak proto-state association began taking shape in the Upper Irtysh River region in the 7th century AD. The initial stage of this process, features of the funeral rite, and characteristic elements of the material culture of the population living in the region are almost unknown due to insufficient exploration of the monuments of the developmental stage of this polyethnic formation. The paper describes the materials of the barrow cemetery of Menovnoye XII, located in the territory of the Upper Irtysh River, 2.1 km southeast of the village of Menovnoye, Tavrishesky district, East Kazakhstan Province. Under the barrow mound, there was a fence with outbuildings containing burials of a man, two horses, and two dogs. The central burial was robbed. The sacrificial pit, located north of the main grave, contained the burial of two horses, laid on their stomachs with their legs tucked under their bodies and with their heads oriented to the east. The buried person was accompanied by two dogs: one was laid across the ceiling of the grave, while the other was buried in a separate pit in an additional annex. The grave goods found with the deceased represented by astragali, a bronze ring, and a fragment of an iron arrowhead. The horse harness included stirrups and iron bits. The bridle belts were adorned with bronze items: bells, triplet plaques, bronze onlays, and belt tip ends. Bronze buckles with iron tongues, which were tucked into clips, were used to adjust the tension of the headband straps. The funeral rite features and analysis of the materials collected during the study of the memorial complex make it possible to associate the burials of the 3rd barrow of the Menovnoye XII with the Early Kimak antiquities within the framework of the Turkic era and to date them to the second half of the 7th — 8th century AD.

Keywords: the Upper Irtysh region, Middle Ages, Turks, Kimaks, mound, funeral rites, inventory, reconstruction of horse harness.

* Corresponding author.

Funding. The work was carried out according to state order No. 121041600045-8.

REFERENCES

- Arslanova, F.Kh. (1968). Monuments of Pavlodarskogo Priirtysh'ya (VII–XIII vv.). *Novoe v arkheologii Kazakhstana*. Alma-Ata: Nauka, 98–111. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (1969). A burial of tyurkskogo time is In East Kazakhstan Kul'tura drevnikh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstana. Alma-Ata: Nauka, 43–57. (Rus.).
- Arslanova, F.Kh. (2013). Military burial places of kimakov in Zevakinskom burial ground. In: *Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ia*. Astana: MON RK, Filial IA im. A.Kh. Margulana. (Rus.).
- Gavrilova, A.A. (1965). *Burial ground of Kudyrge as source on history of the Altaian tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Grigor'ev, E.V. (1998). Distributors of straps of Sonth Siberia VII–X vv. Raspredeliteli remnei luzhnoi Sibiri VII–X vv. In: *Snariazhenie verkhovogo konia na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e*. Barnaul, 152–158. (Rus.).
- Evtiukhova, L.A. (1948). Archaeological monuments of Yeniseisk kyrgyzov (khakasov). In: *Arkheologicheskie pamiatniki eniseiskikh kyrgyzov (khakasov)*. Abakan. (Rus.).
- Evtiukhova, L.A., Kiselev S.V. (1941). Report on works of the Sayano-Altaian archaeological expedition in 1935. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*. Vyp. 16. 75–117. (Rus.).
- Kostiunina, L.L. (2001). Central Asiatic greyhounds (pelves). *Zooindustriia*, (3), 44–45. (Rus.).
- Mogil'nikov, V.A. (1981). *Kimaki. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia*. Moscow: Nauka, 43–45. (Rus.).
- Mogil'nikov, V.A. (2002). *Nomads north-western predgoriy Altai in IX–X ages*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Neverov, S.V. (1998). Stirrups of Overhead Priob'ya are in VII–XII vv.: (Classification and tipologiya). *Snariazhenie verkhovogo konia na Altae a v rannem zheleznom veke i srednevekov'e*. Barnaul, 129–151. (Rus.).
- Savinov, D.G. (1982). Drevnetyurskie burial mounds of Uzuntala. *Arkheologiya Severnoi Azii*. Novosibirsk: Nauka, 102–122. (Rus.).
- Savinov, D.G. (1994). *States and kul'turogenez on territory of Sonth Siberia in the epoch of early nomads*. Kemerovo. (Rus.).
- Savinov, D.G. (1996). To the problem of origin of metallic stremyan in Central Asia and Sonth Siberia. *Aktual'nye problemy sibirskoi arkheologii*. Barnaul, 16–20. (Rus.).
- Tishkin, A.A., Gorbunova, T.G. (2004). Method of study of equipment of saddle-horse of epoch of Early Iron and Dark Ages. Barnaul. (Rus.).
- Tkachev, A.A. (2020). "Long" barrow in the Menovnoe VI burial ground. *Vestnik arheologii antropologii i etnografii*, 51(4), 40–52. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-4>
- Tkachev, A.A., Tkacheva, N.A. (1999). Results of research of archaeological monuments of Ust'-Kamenogorskogo of microregion (1994–1998). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 136–145. (Rus.).
- Trifomov, Iu.I., Akhinzhanov, S.M. (1987). Etnokul'turnaya belonging of monuments of medieval nomads of Priirtysh'ya. *Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopeniia Shul'binskoi gidro-elektrostantsiia*. Alma-Ata: Nauka, 243–246. (Rus.).

Ткачев А.А., <https://orcid.org/0000-0002-4072-2724>

Ткачев Ал.Ал., <https://orcid.org/0000-0001-8797-0648>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Зах В.А.^{*}, Цембалюк С.И., Сидорова Е.В., Юдакова В.С.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: viczakh@mail.ru (Зах В.А.);
svetac80@mail.ru (Цембалюк С.И.);
se.vladimirovna@yandex.ru (Сидорова Е.В.);
slava.yudakova@gmail.com (Юдакова В.С.)

ТАРХАНСКИЙ ОСТРОГ XVII–XVIII вв.: НАПРАВЛЕНИЯ ПОИСКА И НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматриваются направления поиска, открытие и результаты первичной идентификация местоположения Тарханского острога — одного из первых, наряду с Тюменским, Тобольским и Туринским, пунктов освоения и обороны сибирских территорий Русским государством в конце XVI — начале XVII в. Русские укрепления строились первоначально на местах татарских городков, а позднее — на границе с миром кочевников, некоторые из них впоследствии стали городами. Тарханский острог, сооруженный на месте Тарханского городка — Тархан-кала, с XVII до середины XVIII в. играл важную стратегическую роль в защите южных подходов к Тобольску. В итоге длительных, в течение ряда лет, поисков в 2020 г. предполагаемое местоположение остатков объекта было определено у д. Тарханы, на останце высокой надпойменной террасы при слиянии Тобола и Туры.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Нижнее Притоболье, слияние Тобола и Туры, Тарханский острог, письменные источники, картографические материалы, полевые исследования.

Введение

Появление Тарханского острога в 1628 г. [Резун, Васильевский, 1989] было обусловлено активизацией кочевников и потребностью в обороне южных подходов к Тобольску в связи с возросшей опасностью вторжений со стороны Степи. Действия Кучумовичей, осознавших потерю земель Сибирского ханства, и вместе с тем усиление миграционного потока крестьян в XVII в. из европейской части России в Сибирь приводили к военным конфликтам. Особенно показательна «барабинская смута» 1628–1631 гг., охватившая юг Западной Сибири от Притоболья до Приобья, с участием Аблайгерима, князя Абака, мурзы Тарлава со своими людьми [Уманский, 1972]. Кроме Тарханского острога администрация для защиты ясачного и городского населения в начале 1630-х гг. ставит недалеко от Тобольска на Вагае в 1631 г. (в 1633 г. переносится к калмыцкой дороге) Вагайский острожек. Примерно в это же время возникли Тебендинский и Ишимский остроги в Тарском уезде [Резун, Васильевский, 1989]. Судя по отписке атамана Юрия Воеводского с Ишимской заставы тобольскому воеводе Федору Андреевичу Телятевскому, датированной 1631 г., в которой фигурирует Каурдацкий острожек, он также уже существовал к этому времени [Миллер, 1937, с. 381].

В Тоболо-Ишимье наряду с Туринском, Тюменью и Тобольском обозначенные выше остроги являются одними из первых форпостов в освоении региона. В силу разных обстоятельств археологические исследования, в основном охранные, на ограниченных площадях проводились лишь в Тюмени и Тобольске (см., напр.: [Матвеев, Аношко, 2019]). Естественные природные процессы разрушения берегов рек, на которых преимущественно строились укрепления, интенсивное хозяйственное освоение, благоустройство городов ставят под угрозу сохранность культурных слоев, что требует локализации и изучения материальных остатков ранних укреплений конца XVII — начала XVIII в., свидетельствующих о начальной истории освоения Сибири, и в частности первоначального центра освоения ее территории — Нижнего Притоболья.

Цель настоящей статьи — представить процесс и итоги поиска локализации Тарханского острога на основе использования данных письменных источников и картографических материалов, имеющих непосредственное отношение к местоположению одного из первых русских острогов, расположенных у слияния Тобола и Туры (рис. 1, 1), а также с учетом информации, полученной в

^{*} Corresponding author.

наши дни от жителей д. Тарханы Ярковского района Тюменской области¹. Задачи исследования состояли в первичной идентификации предполагаемых остатков объекта по результатам рекогносцировочных (20 м²) археологических раскопок и применения геофизических методов.

Материалы, поиск и определение местоположения острога

Русские, пришедшие на рассматриваемую территорию после разгрома войск Кучума, начали интенсивно заселять земли, отошедшие под контроль Русского государства [Тюменское и Сибирское ханства, 2018]. Сразу заметим, что тема русской колонизации Сибири, и в частности Притоболья, имеет обширную историографию, но первичных сведений, касающихся собственно Тарханского острога, немного. В основном это упоминания в летописях, работах Г.Ф. Миллера [1937], в расспросных речах и челобитных на имя царя и представителей администрации, своеобразном «справочнике» XVII в. — Окладной книге Сибири 1697 года [2015]. Особо выделим данные картографических источников конца XVII — начала XVIII в. [Ремезов, 2003]. Полезную информацию мы почерпнули также из работ С.В. Бахрушина [1955, 1959], В.Д. Пузанова [2010] и других исследователей. Исходя из цели работы мы ограничились обращением лишь к тем исследованиям, которые непосредственно связаны с Тарханским острогом и несут конкретную значимую для нас информацию о его местонахождении. Кроме данных, полученных из письменных источников и картографии С.У. Ремезова, определяющую роль в поиске острога сыграли разведочные археологические обследования берегов Тобола в районе слияния с Турой, устьев рек и достаточно крупного притока Тобола р. Тап.

Первое упоминание о Тарханском, пока татарском, городке таково: «Весне же близу приспе время Кучюму ясак с подданных своих сбирати, соболи и лисицы и прочих зверей и рыб, посла в Тарханской городок к Тархану мурзе дворецкого своего Кутугая. Он же пришед для сбора, в то время казацы плениша его в Тарханах. Тарханской — же бе заставной таможенной Кучюмов городок, а не Чигинзов; и привезоша его к Ермаку и с есаком» [Краткая сибирская летопись, 1880, с. 8]. Г.Ф. Миллер, комментируя этот текст, пишет: когда Ермак «зимовал в Тюмени, он посылал в окрестности казаков, которые должны были собирать у татар не только продовольствие, но и подарки, своего рода дань, мехами. Один из казацких отрядов пришел тогда в Тарханский городок или, как он теперь называется, Тарханский острог, по-татарски Тархан-калла, место, расположенное недалеко от устья Туры, на юго-восточной стороне (на правом берегу. — В. З.) Тобола. До этого места распространялась власть хана Кучума, который имел свое пребывание на Иртыше, в городе Сибири. Слово тархан является почетным званием у татар и в переводе значит вольный господин. Обладатель его не обязан платить дань господину своей страны, но, в случае нужды, должен принимать участие в его походах. Что же касается его людей, то они наравне с прочими должны были платить государю этой страны известную дань, хотя и более легкую. В Тарханском городке жил такой тархан. В это время у него находился знатный татарин по имени Кутугай, посланный ханом Кучумом для сбора дани. Казаки захватили его и привели в Тюмень» [1937, т. 1, с. 222]. Как отмечает автор, городок, по мнению С.У. Ремезова, являлся западным форпостом Кучумова царства [Там же, с. 477].

Проникновение русского населения и освоение пахотных земель в XVII в. достаточно узким коридором по долине Тобола на юг, в степь, возможно, объясняется предположением Г.Х. Самигулова, что расположение кочевий на юго-западе, в верховьях Тобола, соответствует традиционному распределению территории региона между степными и лесостепными группами населения и существованию в этой местности условной границы между Сибирским ханством и Ногайской Ордой [2012, с. 126–130].

Из расспросов возвратившихся из Казачьей Орды тобольского казака Федора Скибина с товарищами о путях в Среднюю Азию в 1697 г. становится ясно, что в лесостепной части долины и террасы Тобола имели значительные ресурсы и довольно развитую инфраструктуру, что подтверждается значительным числом населенных пунктов и, видимо, наличием торгового пути, идущего через них: «Да от Тобольска же де по допросам слободских жителей многих ведомцев и бывальцев пристойная де дорога вешнего пути в Казачью Орду слободами вверх по Тоболу реке, через многия

¹ Мы осознаем, что могут возникнуть сомнения в достоверности информации, полученной от жителей д. Тарханы, тем не менее у нас есть основания ей доверять. Уверены, что местные жители в определенной степени владеют знаниями об исторических событиях, происходивших на рассматриваемой территории. Подтверждающим примером может служить точное указание жителями соседней д. Юртобор на местонахождение средневекового грунтового могильника Вак-Кур, не имеющего ярко выраженных топографических признаков и следов современного ограбления [Зах, Кочегов, 1998; Алишина, 1999, с. 69].

речки, Тобольским уездом до Торханского острогу 100 верст, от Торханского острога до Ялтуровской слободы 30 верст, от Ялтуровской до Суерской слободы 30 верст, от Суерской до Усть-Суерской 20 верст, от Усть-Суерской до Белозерской 25 верст, от Белозерской до Иковской 15 верст, от Иковской до Царева-Городища 20 верст, с Городища до Утяцкой 20 верст, от Утяцкой до Камыцкой 40 верст. И от тех верхних тобольских слобод с Царева Городища и из Утяцкой и Камыцкой через степь до Ишима приходною ордынскою дорогою 5 дней и степь ровная, гор нет, людям и скоту кормно» [Сыское дело..., 1867, с. 401]. В Окладной книге Сибири 1697 года также указывается путь, но по реке: «От Тоболска ж вверх Тоболу ж реке до Тарханского ж острожку 120 верст. А от усть Тарханки речки вверх по Тоболу ж до Ялтуровской слободы 60 верст» [2015, с. 82].

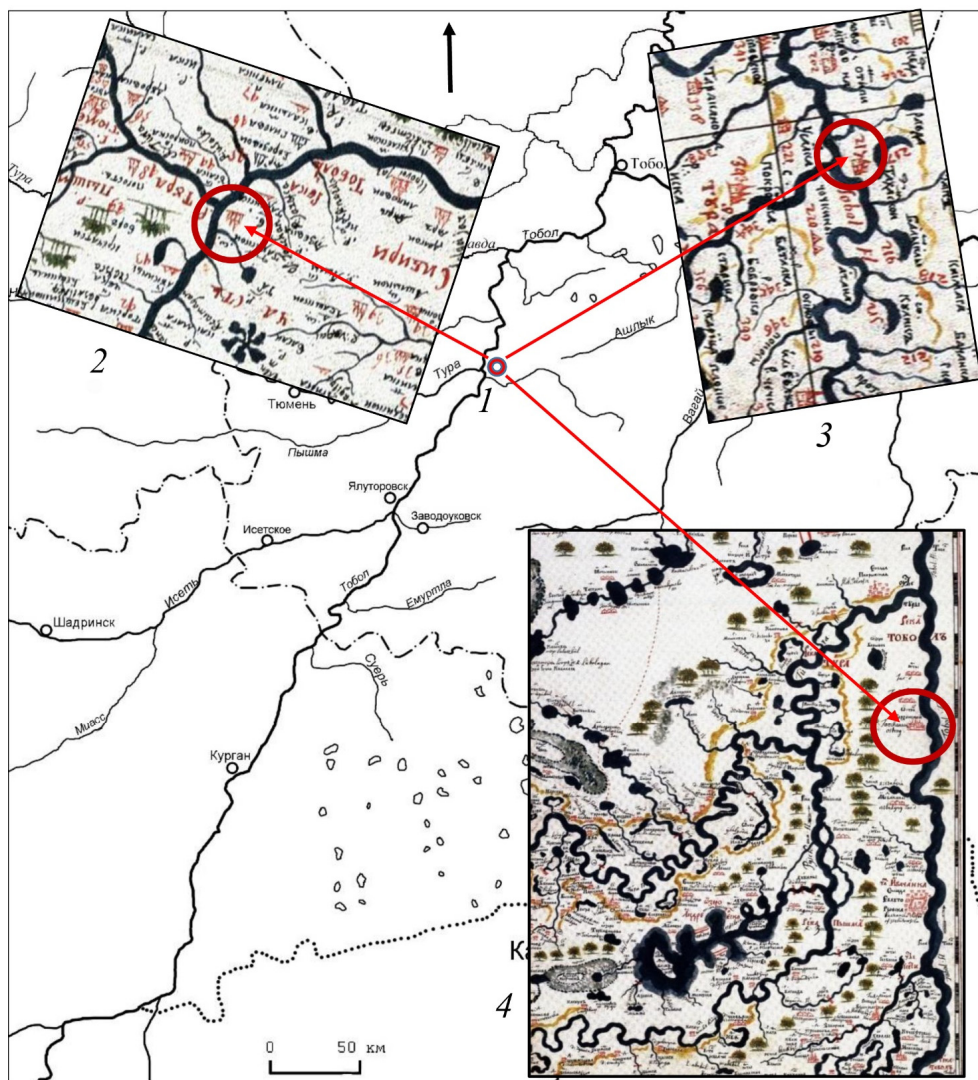

Рис. 1. Расположение Тарханского острога (1) у слияния рек Тобола и Туры; 2–4 — по: [Ремезов, 2003].
Fig. 1. Location of the Tarkhansky Ostrog (1) at the confluence of the Tobol and Tura rivers; 2–4 — after: [Remezov, 2003].

Вероятно, можно согласиться с С.В. Бахрушиным в том, что указанный путь из Тюмени в Бухарские земли сформировался еще до «Ермакова взятия Сибири», соединялся в районе татарского городка Явлу-Тура (Ялтуровская слобода) «с дорогой, которая вела из Кашлыка через Тарханский городок, бывший, по словам Ремезова, “заставным” городом царя Кучума» [Бахрушин, 1959, с. 197]. Судя по всему, этот путь играл для Нижнего Притоболья огромную роль в торговле, «возможно, он повторял так называемый торговый ордынский или калмыцкий путь от Чинги-Туры до Бухары» [Слобода ..., 2015, с. 15], а в XVII в. был важен для организации набегов на занимаемые русским населением территории.

С одной стороны, из ранее приведенных комментариев Г.Ф. Миллера следует, что Тарханский острог находился недалеко от устья Туры, на юго-восточной стороне Тобола, с другой — из опроса Тобольского приказа, приведенного выше, вытекает, что Тарханский острог расположен в 100 верстах вверх от Тобольска и в 30 верстах вниз по Тоболу от Ялуторовской слободы. В окрестностях заставного татарского городка Г.Ф. Миллер указывал еще на два татарских городища: «Выше Варваринских юрт до сих пор видно татарское городище Акцибар-кале; у устья Туры около Карабанских юрт — укрепление на холме Цытырлы; несколько выше устья Туры стоял «заставный Кучумов городок», на месте которого на холме Ятман видны следы поселения» [1937, т. 1, с. 477]. Наряду с татарским городищем у слияния Тобола и Туры исследователи помещают русский Тарханский острог, причем, по Г.Ф. Миллеру, он находится на месте татарского городка, а Д.Я. Резун и Р.С. Васильевский уточняют, что острог назван по речке Тарханке, впадающей в Тобол, и был основан в 1628 г. [1989, с. 246]. О местоположении Тарханского острога «при устье Туры» и его основании, правда на три года позже, в 1631 г., пишет П.А. Словцов [2006, с. 64].

Таким образом, по письменным источникам мы имели возможность определить вероятные точки локализации и ареал поиска острога, а картографические материалы С.У. Ремезова, относящиеся к концу XVII — началу XVIII в., с указанием объекта, позволяли уточнить его местонахождение. В последнее время исследователи, занимающиеся поиском и изучением мест, связанных с определенными событиями, положения на картах русских памятников конца XVI — начала XVII в. или ареалов этнических групп, все чаще прибегают к использованию упомянутых материалов (см., напр.: [Добжанский, 2007; Тихонов, 2013, 2018; Матвеев, Аношко, 2012]), что в совокупности со штудированием письменных источников способствует более глубокому и полноценному освещению истории Сибири, а нам, в частности, может дать информацию по интересующему нас вопросу о локализации ранних острогов.

Описания Г.Ф. Миллера и данные Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского сформировали первое направление наших поисков. На одной из карт С.У. Ремезова, отображающей окрестности г. Тюмени и территорию междуречья Туры и Тобола [Чертежная книга..., 2003, 12], Тарханский острог был помещен южнее их слияния на левом берегу Тобола с расположенными рядом двумя татарскими поселениями (рис. 1, 4). На двух картах более крупного масштаба [Там же, 4, 8, 46] Тарханский острог показан С.У. Ремезовым уже на правом берегу Тобола, в одном случае между реками Тап и Язевкой, в другом — между Тапом и Равдой (Язевкой?) и следующей за ней р. Варварой, в обоих случаях рядом со слиянием Тобола и Туры (рис. 1, 2, 3). Первое объяснение, которое приходит в голову по поводу двух разных местоположений острога, — это ошибка или определенный умысел автора. Действительно, карты изобилуют неточностями, но достоверным можно считать то, что существовали татарский Тарханский городок и русский острог, который, по мнению исследователей, был поставлен на месте татарского поселения. Версия о том, что Тарханский острог переносился с одного берега реки на другой, отпадает, поскольку об этом отсутствуют записи, в отличие, например, от Вагайского острожка, который с Вагай через три года был перенесен к «калмацкой дороге», а еще через три — в урочище Атбаш [Резун, Васильевский, 1989, с. 118]. Подтверждением существования Тарханского острога на одном месте, у слияния Тобола и Туры, является и его отсутствие на крупномасштабных картах в междуречье, т.е. на левом берегу Тобола. Отображение местоположения острога на левом берегу Тобола (рис. 1, 4) можно считать намеренно допущенной ошибкой — желанием автора все-таки поместить значимое укрепление, хоть и на краю карты, или же досадным недоразумением.

Тем не менее упомянутые карты С.У. Ремезова заслуживают внимания как ценный источник данных по топонимике и гидрологическому режиму водоемов Нижнего Притоболья в конце XVII — XVIII в. Так, на правобережной стороне Тобола изображены подковообразные озера (старицы) Кулик, Балыклы и Неизвестное, соединенные протоками с рекой, заполненные водой. Из перечисленных названий в настоящее время сохранилось лишь одно, имеющее отношение к сильно заболоченному озеру Куликовскому. Остальные объекты представляли собой, вероятно, остатки русла Тобола плейстоценового времени — ныне сильно заболоченные, заросшие, расположенные по обе стороны р. Тап. Карты составлялись в конце XVII в., и обводненность тогда, что важно подчеркнуть, была высокой: эти древние старицы показаны полноводными. В плане определения местонахождения Тарханского острога интерес представляет оз. Балыклы (по С.У. Ремезову) (болото Большое Боровое на современных картах), недалеко от которого стоит знак, помечающий положение укрепления. Поиск острога на соответствующих территориях, с учетом вышеизложенных соображений, в

Тарханский острог XVII–XVIII вв.: направления поиска и начало исследований

середине 1980-х гг., когда проводилось археологическое обследование трассы проектировавшегося канала по переброске воды из Иртыша в Аральское море, результатов не дал.

Рис. 2. Предполагаемое местоположение Тарханского острога на останце, образованном реками Тарп и Тобол: 1 — весной в период половодья; 2 — в летние месяцы.

Fig. 2. Estimated location of the Tarkhansky Ostrog on the outlier formed by the Tap and Tobol rivers: 1 — in spring during the flood period; 2 — during the summer months.

Следует отметить, что гидронимы на ремезовских и современных картах разнятся: некоторые, например оз. Куликовское, существуют и в настоящее время, а оз. Балаклы по Ремезову — в наше время Большое Боровое. На наш взгляд, за почти столетний период освоения русскими Нижнего Притобья произошла частичная замена прежних, дорусских названий рек, озер, уро-

чищ на новые. Мы наблюдаем конфликт в ситуации с наименованиями не только дорусскими и современными. Есть названия, которые фигурируют в письменных источниках, но отсутствуют на картах С.У. Ремезова: так, в источниках говорится, что Тарханский острог находится на р. Тарханке, на картах же Ремезова знак острога помещен у р. Тапа, а р. Тарханки нет.

Рис. 3. Местонахождение Тарханского острога (1) по Хорографической книге С.У. Ремезова.
Fig. 3. Location of the Tarkhansky Ostrog (1) according to the Chorographic book of S.U. Remezov.

Наш интерес к острогу возобновился в начале 1990-х гг., тогда чрезвычайно значимой оказалась подсказка Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского: «Острог назван по речке Тарханке» [1989, с. 247], однако найти водоем с таким названием на правом берегу Тобола от р. Варваринской до р. Бочанки по картам С.У. Ремезова и современным картографическим материалам не удалось. Правда, на одной из карт С.У. Ремезова между рр. Тапом и Равдой (Язевкой?) у старицы с протокой стоит слово «Тарханской», а в списке названий — гидроним «Тарханский, р.» (река) [Чертежная книга..., 2003, с. 54]. На наш взгляд, название могло быть связано в большей степени с острогом, чем с рекой. Относительно крупными притоками Тобола на этом участке являются реки Каймаган, или Киймаган (современная Юрга), Тап и Равда, или Язевка, много речек и ручьев без названий [Там же, с. 50, 52, 54]. Среди перечисленных нас заинтересовала речка длиной всего около 5–7 км, однако имеющая собственное название, вытекающая из болота Большое Боровое (Балыклы), расположенного между реками Тапом и Юргой (Каймаган), и впадающая в р. Юргу в районе д. Куртюганы. Это Атранка, имеющая название, созвучное «Тарханке» (Атранка — Таранка — Тарханка) — наименованию речки, на берегу которой, по известным данным, стоял Тарханский острог.

Кроме того, в начале 1990-х гг. появилась еще одна версия, касающаяся Тарханского острога. С.Г. Пархимович и И.А. Буслов предположили, что он находился в нескольких сотнях метров северо-западнее д. Юртобор, на правом берегу Тобола и левом берегу Тапа, и к настоящему времени полностью смыт. Действительно, у д. Юртобор в 1990 г. исследовалось укрепленное поселение Карагай-Аул 1 и участники раскопок нередко бывали в месте слияния Тобола и Тапа, где чуть выше по руслу Тобола от современного впадения Тапа наблюдали единично торчащие из берега бревна. Именно их и можно было принять за остатки острога. Однако нахо-

ждение укреплений острога в тобольской пойме, в ее пониженной, затапливаемой части с замытыми в разной степени участками древних русел Тобола и, вероятно, Тапа, вызывало у нас сомнения² (рис. 2, 1, 2). Вместе с тем в верхней части обрывистого берега отмечался гумусированный суглинок комковатой рассыпчатой структуры, сформировавшийся явно в условиях большой обводненности. Бревна залегали в низу этого слоя и на его границе с серым суглинком. Кроме того, это место находилось достаточно далеко от р. Атранки, что противоречило нашим представлениям о возможном местоположении острога.

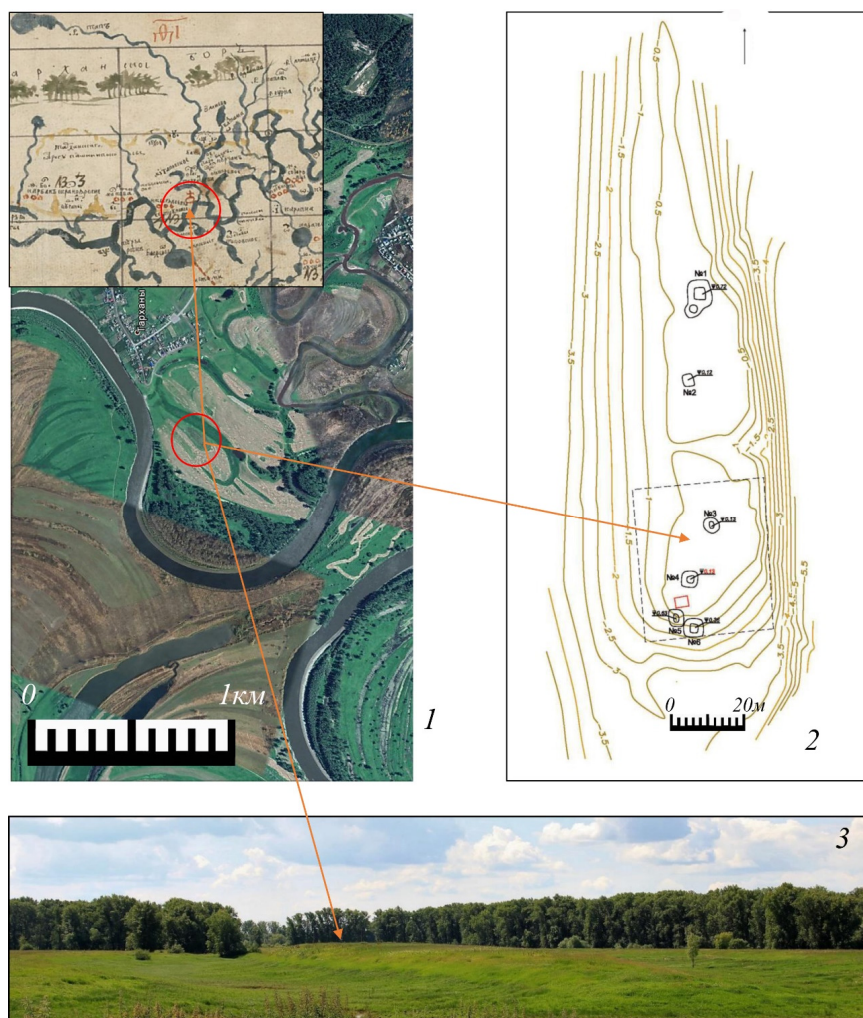

Рис. 4. Предполагаемое местоположение Тарханского острога (1); инструментальный план останца (2); вид останца с северо-востока (3).

Fig. 4. Estimated location of the Tarkhansky Ostrog (1); instrumental plan of the outlier (2); view of the outlier from the north-east (3).

В дальнейшем поиске укрепления мы ориентировались на речку Атранку и близко расположенные к ней останцы террас, среди которых наиболее значимо возвышение, расположенное между д. Куртюганы и д. Юртобор. Останец подпрямоугольной формы, размерами более 600×300 м, находится на правом берегу р. Атранки приблизительно в 250 м от ее русла и на таком же расстоянии от Тобола.

Возвышенность длинной осью ориентирована по линии север — юг, ее западный край крутой, восточный пологий. Поверхность останца неровная, представлена несколькими чередующимися возвышенностями (древние береговые валы?) и низинами. Останец порос смешанным

² Исследования поселения Карагай-Аул 1 проводились под руководством В.А. Заха. Появление и развитие версии, высказанной С.Г. Пархимовичем и И.А. Бусловым, происходило при его непосредственном участии.

лесом. На обследованном останце и других прилегающих к руслу Атранки незатопляемых в весенние половодья возвышениях остатки русского острога отсутствовали. Таким образом, наши изыскания в современной левобережной части р. Тап не были успешными.

Рис. 5. Вид раскопа с Ю (1) и разрез северной стенки раскопа (2) на предполагаемом месте расположения Тарханского острога. Керамика коптыковской (3) и сузгунской (4, 5) культуры; 6, 7 — русская керамика.

Fig. 5. View of the excavation site from south (1) and section of the northern wall of the excavation site (2) at the proposed location of the Tarkhansky Ostrog. Ceramics of the Koptiyaki (3) and Suzgun (4, 5) cultures; 6, 7 — Russian ceramics.

В конце 2019 г. мы обратились более тщательно к анализу материалов из Хорографического альбома Сибири С.У. Ремезова, где Тарханский острог отмечен на двух картах на правом берегу р. Тап у Таповского озера (рис. 3, 1) [Remezov, 1642-са. 1720, с. 15, 47]. В результате, казалось, должны были отпасть все сомнения в том, что острог надо искать в правобережной части Тобола, на правом берегу Тапа в системе старичных таповских озер (рис. 2, 2). Однако, судя по половодьям, которые наблюдались в 1987 и 2002 гг. во время исследований у д. Юртобор, пойма у впадения р. Тап в Тобол между д. Юртобор и д. Тарханы почти полностью затопливалась (рис. 2, 1). Поэтому мы все же не были уверены, что острог находился в этом районе. Не исключалась также версия, что острог мог быть «погребен», как подобное часто бывает, в пределах застройки д. Тарханы и обнаружить его остатки будет достаточно трудно или совсем невозможно.

Мы ошиблись. На снимках со спутников, в 0,2 км к юго-западу от д. Тарханы, там, где С.У. Ремезов пометил расположение острога, в заливаемой в половодье пойме, находится древний останец (длина 250 м, средняя ширина площадки около 40 м) надпойменной террасы, образованный в

древности при слияния рек Тобола и Тапа (рис. 4, 1). Обследование этой части поймы подтвердило существование останца, слабо выделяющегося в рельефе. При осмотре и топографической съемке выявились шесть объектов, выраженных на поверхности; все они представляют собой западины, пять из которых имеют обваловку (рис. 4, 2). Если наше предположение о локализации Тарханского острога верно, то речка, в устье которой стоял острог, упоминаемая как р. Тарханка [Окладная книга..., 2015, с. 82], — это скорее всего р. Тап. Неясно, как и когда произошла «замена» названия, но уже на картах С.У. Ремезова, как отмечалось, река, у которой находится знак острога, подписана «Тап». Название «Тарханка», значимое для татарского населения, впоследствии могло трансформироваться в созвучное «Атранка» — имя ныне небольшой речки, расположенной в 1,5–2,0 км западнее р. Тап. Разумеется, это лишь предположение, требующее серьезного обоснования.

Итак, судя по всему, все встало на свои места. Обнаруженный останец соответствует описанию Г.Ф. Миллером холма Ятман со следами «заставного Кучумова городка», расположенного несколько выше устья р. Туры. Вероятно, именно здесь и должен был находиться татарский городок Тархан-кала, а впоследствии Тарханский острог.

Для проверки наших предположений в южной части останца рядом с краем склона был заложен рекогносцировочный раскоп размерами 4×5 м (рис. 5, 1). В результате на уровне материка зафиксированы немногочисленные столбовые и хозяйственные ямы, а в культурном слое мощностью 0,35–0,4 м, сложенном серым и черным суглинком (рис. 5, 2), обнаружены единичные фрагменты коптяковской, позднебронзовой и средневековой керамики (рис. 5, 3–5), но в основном находки представлены обломками посуды, изготовленной на гончарном круге, фаянсовых изделий с узорами, выполненными в красном, черном и голубом цветах (рис. 5, 6, 7; 6, 1–3, 5). Среди находок железных изделий — складной нож (рис. 6, 9), кованые с квадратным сечением гвозди с округлой и квадратной шляпками (рис. 6, 8, 10–12). Бронзовые изделия включают наперсток с отверстиями в нижней части (рис. 6, 7), бляшку от конской сбруи или аксессуара одежды (рис. 6, 14), а также пластинки, одна из которых с отверстиями (рис. 6, 4). Об использовании огнестрельного оружия свидетельствуют свинцовая пуля и ружейный кремль (рис. 6, 6, 16). Из свинца изготовлена плomba, с одной стороны которой просматриваются буквы «...ОДЗЬ» (рис. 6, 13). Эти материалы датируются XVII–XIX вв. [Сидорова, 2021]. К XVII в. относится латунный наперсток с двумя отверстиями у края основания, без защитного бордюра, происходящий, скорее всего, из Голландии или Англии [Клещинов, 2013]. Все перечисленные находки, а также серебряная копейка-чешуйка (рис. 6, 15) царя Федора Алексеевича (1676–1682 гг.) [<http://silver-coreck.ru/213.html>], кроме свинцовой пломбы, по времени не выходят за пределы XVII — начала XVIII в. Свинцовая плomba датируется XIX в. и, скорее всего, связана с текстильными товарами, происходящими с мануфактур г. Лодзи в Польше.

Идентификация местоположения острога

Наличие описанного выше культурного слоя с соответствующим предметным комплексом свидетельствует о существовании на останце объекта XVII–XIX вв., вид и статус которого еще предстоит определить в ходе широкомасштабных археологических исследований и архивных изысканий (см., напр.: [Горохов, 2011; Бородавский, Горохов, 2008; Черная, 2002; Визгалов, Пархимович, 2008]). Важно учитывать всю совокупность данных, но, на наш взгляд, уже выявленные топографические признаки и результаты геофизических исследований с небольшой долей вероятности могут указывать на расположение на останце Тарханского укрепления.

Рассмотрим имеющиеся данные. Слабо выделяющийся на поверхности останец, тем не менее, занимает выгодное стратегическое положение на территории у устья р. Тап. С южной, западной и северной стороны он возвышается более чем на 3,5 м, а с восточной — более чем на 5,0 м над поверхностью ложбин древних русел, причем с западной и северной сторон они замыты сильнее, чем с восточной (рис. 4, 2, 3). Имея в виду следующее описание: «В 1689 г. (Тарханский острог. — В. 3.) был взят штурмом калмыками и сожжен. В 1696 г. был заново отстроен тобольским сыном боярским Иваном Григорьевым Панютиным над Тоболом на перевозе на чистом яру в 8 сажнях от старого разоренного острога» [Резун, Васильевский, 1989, с. 246], полагаем, что на компактном по площади (10 000 м²) останце вполне могло расположиться два укрепления, причем без сооружения рвов. На плане останца в южной его части и посередине отмечаются два возвышения (рис. 4, 2), разделенные небольшим понижением. По нашему мнению, они могли сформироваться в процессе функционирования площадок острога в течение XVII–XVIII вв., т.е. ситуация соответствует вышеизложенному описанию. В середине XVIII в. с возникновением укрепленной линии Звериноголовское — Петропавловск — Омск [Муратова, 2007] Тар-

ханский острог теряет стратегическое значение и становится обыкновенной земледельческой слободой [Резун, Васильевский, 1989, с. 246]. Скорее всего, он был заброшен, а на коренной террасе к северу от укрепления появилась д. Тарханы. Около 130 лет острог был единственным местом русского присутствия в правобережной округе, в настоящее время в близлежащих д. Тарханы, Карбаны, Юртобор (Карагай Аул) и Куртюганы проживает лишь татарское население.

Рис. 6. Материалы из раскопа на предполагаемом месте расположения Тарханского острога:
1, 2, 3, 5 — обломки фаянсовой посуды; 4 — бронзовая пластинка; 6 — ружейный кремль; 7 — наперсток из латуни;
8, 10–12 — кованые железные гвозди; 9 — складной нож; 13 — свинцовая пломба; 14 — бронзовая пряжка;
15 — копейка Федора Алексеевича; 16 — свинцовая пуля.

Fig. 6. Materials from the excavation at the proposed location of the Tarkhansky Ostrog:
1, 2, 3, 5 — fragment of earthenware; 4 — bronze plate; 6 — rifle flint; 7 — brass head-drain; 8, 10–12 — forged iron nails;
9 — folding knife; 13 — lead seal; 14 — bronze buckle; 15 — kopeck of Fedor Alekseevich; 16 — lead bullet.

Чтобы обнаружить возможные следы фортификационных сооружений (например, тыновые канавки), не фиксируемые визуально, на останце была проведена съемка магнитометром Gem Systems GSM-19WG, предназначенным в том числе для изучения слабо намагниченных археологических объектов³. Отснято около 8500 м² площади предполагаемого памятника (рис. 7, 1).

Выделяется три типа магнитных аномалий: локальные, интенсивные и линейные, образующие два скопления, соответствующие выделенным ранее возвышениям (рис. 7, 2). Скорее всего, локальные аномалии маркируют небольшие предметы из железа (гвозди?), а их интенсивность обусловлена размерами и глубиной залегания предметов. Размеры скоплений интенсивных аномалий колеблются в пределах от 3,7×3,8 м до 6,5×10,7 м и могут маркировать остатки сооружений. Линейные аномалии выявлены условно, на основе визуального осмотра, их интерпретация затруднена.

³ Приносим искреннюю благодарность А.А. Пушкарёву, проводившему исследования.

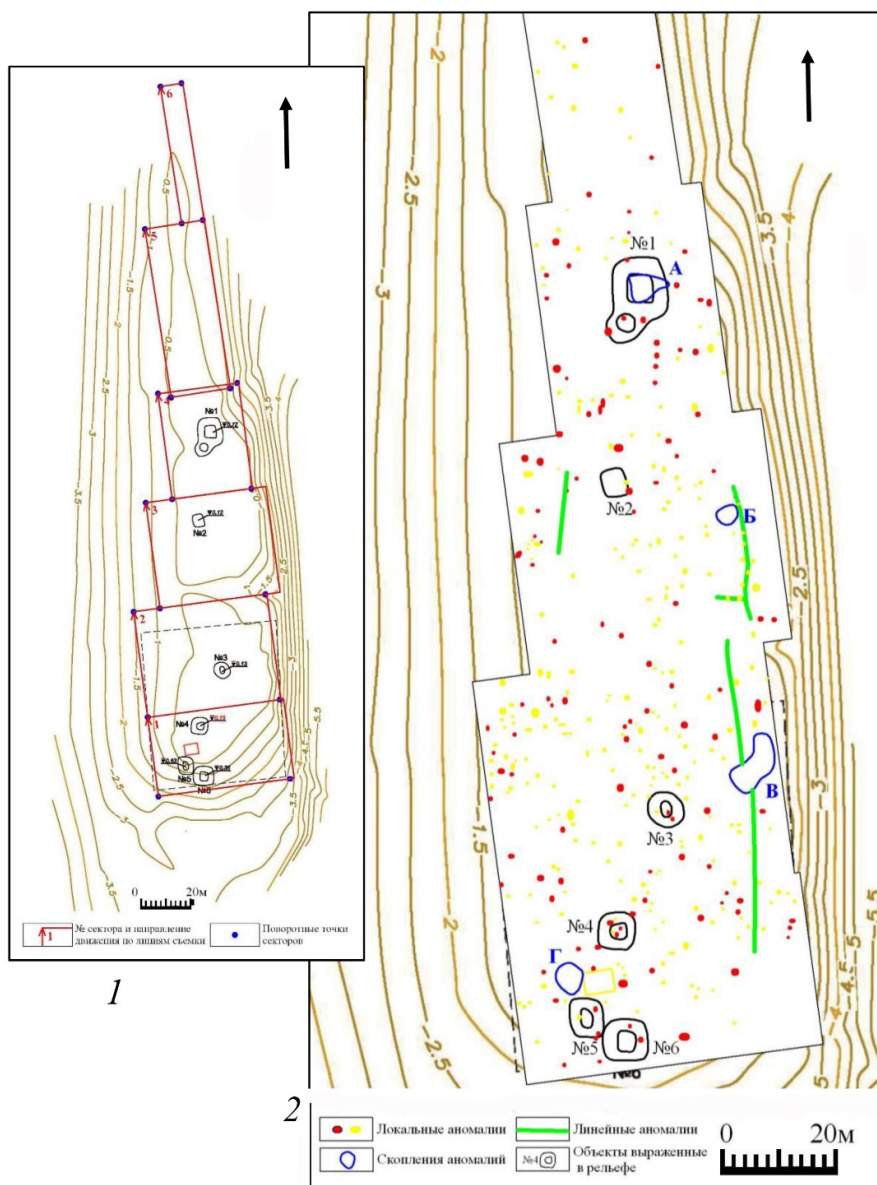

Рис. 7. Схема расположения секторов магнитной съемки (1) и интерпретационная карта магнитных аномалий (2).
Fig. 7. Layout of magnetic survey sectors (1) and interpretation map of magnetic anomalies (2).

По описанию Тарханский острог «представлял собой крепость с деревянным частоколом и двумя башнями» [Там же, с. 246]. Население его, как и других русских острогов, вначале состояло из годовальщиков, посылавшихся ежегодно из Тюмени. «В марте 1668 г. (воевода. — В. З.) Годунов разрешил тюменскому пешему казаку Ив. Севрюгину прибрать в Тюмени 40 беломестных казаков, чтоб им быть в Тарханском острожке «по вся годы без перемен», без хлебного жалования, только лишь... им дать хлебного жалования (единовременно) годы на 2, да на подмог» [Бахрушин, 1955, с. 279]. «Однако позднее по данным списка 1679 г. было принято решение убрать из острога этих переселенцев и для защиты послать 45 годовальщиков из Тюмени» [Пузанов, 2010, с. 223]. По городovým спискам «в 1677–1684 гг. в Тарханский острог посылались по 45 служилых людей. В 1686–1687 гг. их количество было уменьшено до 40 человек» [Там же, с. 223]. В последующие годы количество служилых людей в остроге уменьшалось: в списках 1688, 1689 гг. гарнизон уменьшился до 10 человек, что привело к его разорению [Там же, с. 223]. Уже во вновь отстроенном остроге, расположенном рядом с прежним укреплением, по спискам 1696–1707 гг. находилось в эти годы 20 служилых людей [Там же, с. 223]. Таким обра-

зом, их количество, в разные годы составлявшее от 10–20 до 45 чел., вполне соответствует размерам предполагаемых площадок острогов в пределах рассматриваемой территории.

Еще одним, косвенным свидетельством о том, что на останце мог находиться Тарханский острог, может быть следующее предание. «В 1631 г. русские казаки, несшие службу в этом остроге, построили часовню. В нее местные татары, жившие поблизости в юртах, передали икону Спаса, найденную ими якобы у ограды острога. Татары вначале нашли ее в траве и использовали как доску для чистки рыбы. Но через несколько дней эта икона-доска у них исчезла и опять появилась в траве у острога на том же месте. Это и побудило татар отдать эту икону русским казакам в часовню» [Резун, Васильевский, 1989, с. 247]. Жители д. Тарханы в ответ на наши расспросы об останце сообщили, что до середины 60-х гг. прошлого века верующие из окрестных русских деревень 29 августа (на так называемый ореховый Спас) собирались и молились на месте часовни, а до революции, по рассказам стариков, в этот день здесь проходила ярмарка.

Заключение

Полагаем, что в результате наших поисков местоположение русского Тарханского острога (и, вероятно, татарского городка) предварительно может быть установлено: это останец террасы у слияния Тапа и Тобола возле татарской д. Тарханы. Только масштабные археологические исследования наряду с привлечением новых архивных материалов позволят окончательно идентифицировать острог — объект, безусловно перспективный для изучения как фортификаций, материальной культуры русских острогов XVII–XVIII вв. (возможно, и татарских городков), так и исторической роли форпостов в защите южных рубежей земель Сибирского ханства, а впоследствии Тобольского дистрикта.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. Ч. 1. 240 с.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: АН СССР, 1955. 299 с.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. М.: АН СССР, 1959. 259 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (36). 2008. С. 70–82.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазей: Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Горохов С.В. Русский острог в Сибири конца XVI — XVIII века как археологический памятник // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 284–291.

Добжанский В.Н. Городки енисейских киргизов в XVII веке: Историографический миф или историческая реальность // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (32). 2007. С. 81–90.

Зах В.А., Кочегов Е.Н. О некоторых южных элементах в средневековой культуре Нижнего Притоболья // Сибирские татары: Материалы 1-го Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 20–21.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Ермакова перекоп на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // Вестник ОмГУ. 2012. № 2. С. 275–281.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Октябрьский раскоп в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 68–80.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 693 с.

Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири // Национальные культуры региона: Научно-методический и репертуарно-информационный альманах. Изд. Комитета по делам национальностей Тюменской области и Дворца национальных культур «Строитель». Тюмень, 2007. Вып. XVI. С. 32–46.

Окладная книга Сибири 1697 года. М.: Исторический музей, 2015. 296 с.

Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVII — XVIII в.). СПб.: Алетей, 2010. 432 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 304 с.

Самигулов Г.Х. К вопросу о границе Ногайской орды и Сибирского Зауралья // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ин-т истории им Ш. Марджани АН РТ, 2012. Вып. 4. С. 126–130.

Сидорова Е.В. Тарханский острог XVII века у слияния Тобола и Туры // LIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Оренбург, 1–3 февр. 2021 г.): Материалы Всерос. (с междунар. участием) конф. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. С. 276–278.

Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.) / Под ред. Д.Н. Маслюженко, В.В. Менщикова. Курган: Изд-во Кург. ун-та, 2015. 254 с.

Словцов П.А. История Сибири: От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.

Тихонов С.С. «Битва Шульгина» на картах С.У. Ремезова и ее источник: Исторические и природно-географические сюжеты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 86–96.

Тихонов С.С. Карты С.У. Ремезова в археолого-этнографических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 52–56.

Тюменское и Сибирское ханства / Под ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдикова, Р.Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.

Уманский А.П. Телеуты и сибирские татары в XVII веке: (Очерк внешнеполитических отношений) // Вопросы истории СССР и методики преподавания истории в средней и высшей школе. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1972. Т. 18. С. 103–143.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII — XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.

ИСТОЧНИКИ

Remezov S.U. Khorograficheskaya kniga [cartographical sketch-book of Siberia]. 1642-ca. 1720. Cambridge, Mass.: Harvard University. URL: [https://iif.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155\\$30i](https://iif.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$30i) (дата обращения: 13.02.2020).

Клещинов В.Н. Рассказы о русских и других наперстках. М.: Группа Искатели, 2013. 200 с. URL: <http://thimbles.ru/page.php?87> (дата обращения: 03.02.2021).

Краткая сибирская летопись (Кунгурская). СПб., 1880. 54 с.

Сыскное дело о походе в Хиву // Русский архив. Кн. 3. М., 1867. С. 395–402.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. I. Факсимильное изд. М.: Картография, 2003. 50 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. 2. Факсимильное изд. М.: Картография, 2003. 176 с.

Электронный каталог-определитель монет-чешуек. URL: <http://silver-copec.ru> (дата обращения: 03.02.2021).

Zakh V.A. *, Tsembalyuk S.I., Sidorova E.V., Yudakova V.S.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS

Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

E-mail: viczakh@mail.ru (Zakh V.A.); svetac80@mail.ru (Tsembalyuk S.I.); se.vladimirovna@yandex.ru (Sidorova E.V.); slava.yudakova@gmail.com (Yudakova V.S.)

Tarkhansky Ostrog of the 17th–18th centuries: directions of search and the beginning of research

The purpose of this paper is to report on the process and results of locating the Russian fortress of Tarkhansky Ostrog of the 17th–18th centuries on the basis of information from written sources and cartographic materials directly related to the location of the site. The objectives of the research included preliminary identification of the presumable remains of the object by means of reconnaissance (20 sq. m) archaeological excavations and the use of geophysical methods (magnetometer mapping with Gem Systems GSM-19WG). This paper considers the information from chronicles, cartographic and written sources of the end of the 17th–19th centuries about Tarkhansky Ostrog, situated at the confluence of the Tura and Tobol Rivers in Western Siberia; the key milestones of its search, undertaken by our research team, and its prospective location and identification are reported. The basis of the investigation was formed by scanty written information about Tarkhansky Ostrog and by the cartographic materials of S.U. Remezov, as well as archaeological reconnaissance works carried out in modern times in the area of confluence of the rivers in the Yarkovsky district of Tyumen Oblast. G.F. Miller was mapping the Russian fortress to the place of the Tatar settlement of Tarkhan-kala, not far from the mouth of the river Tura, on the southeast side of Tobol. According to his description, the fortress was founded in 1628 and represented a citadel with a wooden fence and two turrets. P. A. Slovtsov wrote that Trakhansky Ostrog “at the mouth of the river Tura” was founded in 1631. Following the extensive analysis of the descriptions and cartographic materials, and as the result of the terrain analysis, an ancient butte (250 m × 40 m) of a supra-floodplain terrace was discovered in 2020 on a floodplain inundable during seasonal floods to the southwest of the village of Tarkhany. It corresponds with the description of Yatman hill given by G.F. Miller; even today some traces of, seemingly, “Kuchum’s outpost” can be seen on this height. In the southern part of the butte, we carried down a 4 m × 5 m reconnaissance dig. The cultural deposit yielded scanty fragments of the Koptiyaki Culture, Late Bronze Age, and Medieval ceramics, although mainly represented by shards of crockery manufactured on a potter’s wheel. Of the artefacts, a clasp knife, a brass thimble, a lead bullet, a gun flint, a lead strap seal, and a silver kopeck of Tsar Fyodor III Alekseyevich have been found. All the articles are dated to the 17th c., with the exception of the lead seal which belongs

* Corresponding author.

to the 19th c. With a high probability, we assume that the butte is associated with Tarkhansky Ostrog, although one can only talk about its decisive identification after large-scale archaeological investigations.

Keywords: Western Siberia, Lower Tobol River region, confluence of Tobol and Tura, Tarkhansky Ostrog, written sources, cartographic materials, field research.

Funding. The work was carried out according to state order No. 121041600045-8.

REFERENCES

- Alishina, Kh.Ch. (1999). *Onomasticon of Siberian Tatars (based on the material of the Tyumen region). Part 1.* Tiumen': Izd-vo TiumGU. (Rus.).
- Bakhrushin, S.V. (1955). *Scientific works. Vol. 3: Selected works on the history of Siberia in the 16th–17th centuries. Part 2: History of the peoples of Siberia in the 16th–17th centuries.* Moscow: AN SSSR. (Rus.).
- Bakhrushin, S.V. (1959). *Scientific works. Vol. 4: Essays on the history of the Krasnoyarsk district in the 17th century. Siberia and Central Asia in the 16th–17th centuries.* Moscow: AN SSSR. (Rus.).
- Borodovskii, A.P., Gorokhov, S.V. (2008). Defensive structures of the Umrevinsky prison. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 36(4), 70–82. (Rus.).
- Chernaia, M.P. (2002). *Tomsk Kremlin mid-17th — 18th centuries: Problems of reconstruction and historical interpretation.* Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).
- Dobzhanskii, V.N. (2007). The towns of the Yenisei Kirghiz in the 17th century: A historiographic myth or historical reality. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 32(4), 81–90. (Rus.).
- Gorokhov, S.V. (2011). Russian stockade in Siberia at the end of the 16th — 18th centuries as an archaeological site. *Vestnik NGU. Seriya Istoriia, filologiya*, 10(7), 284–291. (Rus.).
- Masliuzhenko, D.N., Menshchikova, V.V. (Eds.). (2015). *Sloboda Tsarevo Settlement on Tobol (1679–1782).* Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta. (Rus.).
- Masliuzhenko, D.N., Sitdikova, A.G., Khairutdinova, R.R. (Eds.). (2018). *Tyumen and Siberian Khanates.* Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta. (Rus.).
- Matveev, A.V., Anoshko, O.M. (2012). Ermakova digging on old maps and in the materials of the field historical and archaeological survey. *Vestnik OmGU*, (2), 275–281. (Rus.).
- Matveev, A.V., Anoshko, O.M. (2019). Otyabrskii excavation site in Tobolsk. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 47(4), 68–80. (Rus.).
- Miller, G.F. (1937). *History of Siberia.* Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (Rus.).
- Muratova, S.R. (2007). Guarding the borders of Siberia. In: *Natsional'nye kul'tury regiona. Nauchno-metodicheskii i reperturno-informatsionnyi al'manakh*, (16). Tiumen', 32–46. (Rus.).
- Puzanov, V.D. (2010). *Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (late 17th — 18th centuries).* St. Petersburg: Aleteia. (Rus.).
- Rezun, D.Ia., Vasil'evskii, R.S. (1989). *Chronicle of Siberian cities.* Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Samigulov, G.Kh. (2012). On the issue of the border between the Nogai Horde and the Siberian Trans-Urals. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva*, (4). Kazan': Institut istorii im Sh. Mardzhani AN RT, 126–130. (Rus.).
- Sidorova, E.V. (2021). Tarkhansky prison of the 17th century at the confluence of Tobol and Tura. In: *LIII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh.* Orenburg: Izd-vo OGPU, 276–278. (Rus.).
- Slovtsov, P.A. (2006). *History of Siberia. From Ermak to Catherine II.* Moscow: Veche. 512. (Rus.).
- Tikhonov, S.S. (2013). S.U. Remezov in archaeological and ethnographic research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 23(3), 52–56. (Rus.).
- Tikhonov, S.S. (2018). "Battle of Shulgin" on the maps of S.U. Remezova and her source: Historical and natural-geographical subjects. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 41(2), 86–96. (Rus.).
- Umanskii, A.P. (1972). Teleuts and Siberian Tatars in the 17th century. (Outline of foreign non-political relations). In: *Voprosy istorii SSSR i metodiki prepodavaniia istorii v srednei i vysshei shkole*, (18). Barnaul, 103–143. (Rus.).
- Vizgalov, G.P., Parkhimovich, S.G. (2008). *Mangazeya: New archaeological research (materials 2001–2004).* Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan. (Rus.).
- Zakh, V.A., Kochegov, E.N. (1998). On some southern elements in the medieval culture of the Lower Tobol river region. In: *Sibirskie tatars: Materialy 1-go Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri"*. Omsk: Izd-vo OmGPU, 20–21. (Rus.).

Зах В.А. <https://orcid.org/0000-0002-3635-5933>

Цембалюк С.И., <https://orcid.org/0000-0002-9817-5823>

Сидорова Е.В., <https://orcid.org/0000-0003-3823-3398>

Юдакова В.С., <https://orcid.org/0000-0002-2568-2891>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Бердникова Н.Е.^{a,*}, Воробьева Г.А.^a, Бердников И.М.^a, Щетников А.А.^{a, b, c},
Филинов И.А.^{a, b}, Липнина Е.А.^a, Золотарев Д.П.^a

^a Иркутский государственный университет, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003

^b Институт земной коры СО РАН, ул. Лермонтова, 128, Иркутск, 664033

^c Институт геохимии им. А.П. Виноградова СО РАН, ул. Фаворского, 1а, Иркутск, 664033

E-mail: nberd@yandex.ru (Бердникова Н.Е.); galvorob@yandex.ru (Воробьева Г.А.);

yan-maiski@yandex.ru (Бердников И.М.); shch@crust.irk.ru (Щетников А.А.);

filinov@crust.irk.ru (Филинов И.А.); ekaterinalipnina@mail.ru (Липнина Е.А.);

dmitryzolotarev2012@yandex.ru (Золотарев Д.П.)

ГЕОАРХЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

На примере Байкальской Сибири обсуждается роль геоархеологии как определенного интерфейса между археологией и науками о Земле с самостоятельным набором подходов и методов. В результате многолетних исследований создана и апробирована авторская концепция, в рамках которой геоархеология рассматривается как источниковедческая дисциплина, имеющая трансдисциплинарный характер. Предложено ее обсуждение с некоторыми примерами ее использования в системе археологических исследований на территории Байкальской Сибири.

Ключевые слова: геоархеология, Байкальская Сибирь, исследовательская концепция, актуализм, стратиграфия, педолитологический подход, событийный подход, трансдисциплинарность.

Введение

В современной мировой практике геоархеология является своеобразным «мостом», интерфейсом между археологией и комплексом наук о Земле. Становление и развитие археологии, прежде всего каменного века, происходило в рамках геологических изысканий, поэтому геология и археология сосуществовали в едином симбиозе (см. обзоры: [Медведев, 2008; Кузьмин, 2017, с. 13–28]). Очерки по истории длительного сотрудничества археологии с комплексом наук о Земле представлены и в ряде базовых работ по геоархеологии [Butzer, 1982; Geoarchaeology..., 1976; Goldberg, Macphail, 2006; Rapp, Hill, 2006; Waters, 1992].

Геоархеология как отдельное научное направление сформировалась в конце 1960-х — начале 1970-х гг. [Butzer, 1964, 1971, 1973]. В научной литературе термин «геоархеология» впервые был использован в 1973 г. К. Бутцером [Butzer, 1973]. Датой официального провозглашения этой дисциплины можно считать 1976 г., когда в заголовок сборника под редакцией Д. Дэвидсона и М. Шекли впервые был введен термин «геоархеология» [Geoarchaeology..., 1976]. В этом же издании К. Ренфрю озвучил базовый слоган «каждая археологическая проблема начинается как проблема в геоархеологии» [Renfrew, 1976, p. 2]. В концептуальном отношении геоархеология изначально рассматривалась как система междисциплинарных исследований, и за прошедшие 50 лет для нее сформирован широкий набор методов и методик [French, 2003; Canti, Huisman, 2015; Karkanis, Goldberg, 2019]. К настоящему времени геоархеология обеспечена значительным количеством разнообразных публикаций (см. напр.: [Butzer, 1982; Waters, 1992; Leach, 1992; Goldberg, Macphail, 2006; Rapp, Hill, 2006; French, 2015; Gilbert, 2017; Siart et al., 2018; Karkanis, Goldberg, 2019]), а также тематическим журналом «Geoarchaeology: An International Journal» [Woodward, Huckleberry, 2010].

Для геоархеологии как самостоятельного направления, в целях конкретизации и решения проблем, связанных с изучением системы «природа — человек» во всех ее аспектах, общими усилиями, начиная с К. Бутцера [Butzer, 1982] и М. Уотерса [Waters, 1992], определены основные принципы, предметные области, исследовательские поля и процедуры исследований. Эти идеи получили развитие в ряде более поздних работ [Butzer, 2008; Goldberg, Macphail, 2006; Rapp, Hill, 2006; Kokinou, 2015; Kelley, Sanger, 2017]. Кратко формулируя их, можно сказать, что исследовательские задачи геоархеологии связаны с тремя генерализированными областями: выявление хронологического контекста объектов (стратиграфия и геохронология); определение

* Corresponding author.

пространственного контекста и сохранности данных на археологическом объекте и за его пределами (изучение природных процессов и формирование археологического объекта); изучение древних ландшафтов. Цель геоархеологии — выявление взаимосвязей человека и окружающей среды в виде геоархеологического (палеоэкологического, палеогеографического) синтеза во времени и пространстве. Археологический объект рассматривается как часть древних экосистем, природных и культурных обстановок, которые вместе образуют целостную экосистему человеческих сообществ. Реконструкция этих экосистем с использованием геоархеологических данных, их пространственного и хронологического распределения направлена на интерпретацию человеческого поведения и развития его во времени и пространстве. Система геоархеологических исследований обязательно включает в себя разноуровневые исследования и возможности оперативного перехода от макро- к мезо- и микромасштабам. Макромасштабные исследования связаны с окружающей средой; мезомасштабные — помогают определить позиции местонахождения (геоархеологического объекта) в системе окружающей среды; микромасштабные — направлены на исследования самого местонахождения.

В определении сущности и роли геоархеологии в археологических исследованиях существуют методологические разногласия. Одними она воспринимается как самостоятельная фундаментальная дисциплина [Goldberg, Macphail, 2006; Bebermeier, Schütt, 2011; Сорокин, 2018; Barrera, Pardo, 2020], другими — как междисциплинарный подход или набор методов и методик для изучения археологических объектов [Butzer, 1982, 2008; Waters, 1992; Rapp, Hill, 2006; Panin, Bronnikova, 2014; Кузьмин, 2017]. В рамках последнего подхода положение геоархеологии определяется как вспомогательное, а использование естественно-научных методов становится самоцелью [Barrera, Pardo, 2020]. Кроме того, существуют проблемы, касающиеся междисциплинарного сотрудничества, степени его интегрированности и длительности, разных взглядов на масштабы исследований, отсутствия общего понятийно-терминологического аппарата [Butzer, 2008; Chazan, 2017; Meignen et al., 2017], произвольного выбора методов геоархеологических исследований, а также теоретико-методологической нечеткости.

В российской (советской) археологии развитие геоархеологии как научного направления происходило также в системе тесного взаимодействия с комплексом естественных наук [Медведев, 2008; Кузьмин, 2017]. Но исследовательская традиция российской археологии не предполагает оформление междисциплинарных исследовательских систем (субдисциплин) в отдельные направления с собственными названиями, хотя фактически геоархеологические процедуры четко прослеживаются уже с 1920-х гг. в работах А.П. Павлова, В.И. Громова и их последователей (подробнее см.: [Медведев, 2008]). Позднее они получили развитие в работах таких известных ученых-естественников, как С.М. Цейтлин и А.А. Величко [Цейтлин, 1979; Васильев, 2016]. Сам термин «геоархеология» начал употребляться с 1980-х гг., прежде всего в Сибири, в публикациях исследователей палеолита [Воробьева и др., 1985], но широкого распространения тогда он не получил. В XXI в. геоархеологический тренд приобрел более выраженный характер (см. напр.: [Питулько, Павлова, 2010; Зайков, 2010; Панин, 2012; Зайков и др., 2012; Кузьмин, 2017; Сорокин, 2018]). С 2014 г. соратниками и учениками известного минералога и геоархеолога В.В. Зайкова проводится регулярная школа-конференция «Геоархеология и археологическая минералогия» и издается одноименный ежегодник. Тем не менее пока нет оснований утверждать, что отечественная школа геоархеологии сформирована, так как, независимо от мнений, в определении ее понятия в российской науке просматривается определенный аксиологический аспект, в рамках которого геоархеология воспринимается либо как вспомогательная, например как тафономическая, дисциплина, либо как тупиковое направление, поскольку ее концепции не вписываются в господствующие парадигмы, а методики и модели не похожи на все ранее описанные в научной литературе. Такая ситуация и неоднозначность восприятия геоархеологии обуславливает актуальность определения ее сущности, значимости и возможностей для российской археологической практики.

В Иркутске зарождение и становление геоархеологического направления связано с именем лидера иркутской школы археологии Г.И. Медведева (1936–2015 гг.). Наши многолетние исследования, основанные в том числе на его предложениях, позволили создать оригинальную геоархеологическую концепцию (исследовательскую систему) с собственными методами и процедурами, в которой центральное место отводится геоархеологическому объекту. Цель настоящей статьи — сформулировать основные ее положения и вынести их на дискуссию для широкого круга как археологов, так и представителей естественных наук.

Подходы и методы

Любое естественно-научное исследование сопровождается определенными протоколами, методиками, собственным понятийно-терминологическим аппаратом. Геоархеология, как особое направление в археологических исследованиях, помимо использования методологического и методического набора естественных наук, должна, по нашему мнению, иметь и собственный аппарат.

Наша система геоархеологических исследований, сформированная в результате длительного сотрудничества с представителями естественных наук, развивалась некоторое время независимо от зарубежных разработок (вследствие ограниченного доступа в советское и частично в постсоветское время к широкому кругу аналогичных публикаций). Наши методы и подходы апробировались на протяжении почти 40 лет на нескольких сотнях стратифицированных и экспонированных геоархеологических объектов Байкальской Сибири¹ широкого возрастного диапазона [Стратиграфия..., 1990; Воробьева, 2010; Бердникова, Воробьева, 2011], в том числе на таких известных местонахождениях, как Мальта, Усть-Белая, Игетейский геоархеологический комплекс, Сосновый Бор, Галашиха, Казачка 1, Стрижовая Гора, Горелый Лес, Усть-Хайта, Улан-Хада, Саган-Заба 2, Посольская, Иркутский острог. Сегодня мы чувствуем острую необходимость в конкретизации совокупности подходов, методов и процедур, используемых нами в геоархеологических исследованиях.

Мы рассматриваем геоархеологию как *источниковедческую дисциплину* со своими понятийно-терминологическим аппаратом, подходами и методами анализа, синтеза и оценки достоверности данных. В российской археологии теоретическую и методологическую разработку археологического источниковедения предложил Л.С. Клейн [1978], в которой он рассматривал особенности формирования археологических источников. Близкой к его разработкам является поведенческая теория М. Шиффера [Schiffer, 1987].

В структуре наших разработок основное исследовательское внимание сконцентрировано на археологическом объекте. Для уточнения этого понятия был предложен термин «*геоархеологический объект*» [Медведев и др., 1996; Медведев, 2008], которым мы пользуемся по сей день. Похожий термин «*geoarchaeosite*», для использования в англоязычных публикациях, предложили в свое время французские исследователи [Fouache, Rasse, 2009], но он пока не нашел широкого применения. Если исходить из положений К. Бутцера о масштабах геоархеологических исследований [Butzer, 1982, 2008], то базовыми являются микромасштабные процедуры, непосредственно связанные с геоархеологическим объектом, который выступает в качестве одного из важнейших источников информации о древних культурах и окружающей среде. Геоархеологический объект, который является сложно структурированной системой природно-культурного генезиса, можно в двух словах определить как участок местности с археологизированными остатками, следами бывшей человеческой деятельности и природных процессов в экспонированном или стратифицированном залежании [Медведев, 2008]. Для извлечения и адекватного прочтения полученной информации необходимы определенные процедуры со своими возможностями и ограничениями.

Вопрос выбора интегрированных исследований и их организация стоит сегодня довольно остро. В классификационном плане они сводятся к трем интегрированным научным подходам: междисциплинарному (англ. *interdisciplinary*), когда допускается использование методов исследований одной научной дисциплины в другой; мультидисциплинарному (англ. *multidisciplinary*), когда проблемы изучаются разными дисциплинами, и каждая из них приходит к собственным результатам; трансдисциплинарному (англ. *transdisciplinary*), когда осуществляется полная интеграция дисциплинарных подходов, методов, мотиваций и знаний. Наиболее эффективной формой сотрудничества для геоархеологии является *трансдисциплинарность*, которая определяет новые формы взаимодействия в решении научных проблем и создании новой методологической основы для получения знаний [Clark, 2009; Möbjörk, 2009, 2010; Hirsch et al., 2013].

Наши геоархеологические исследования базируются в первую очередь на методах *актуализма* и *стратиграфии*, которые имеют широкое применение в естественных науках. Для фор-

¹ Термин «Байкальская Сибирь», предложенный еще в XIX в. К.Ф. Ледебуром [Пешкова, 1972], наполнен в разных областях современной науки неодинаковым содержанием. В биологии под ним понимается «условно принятая территория, прилегающая к оз. Байкал и охватывающая Прибайкалье, Западное Забайкалье, восточную часть Восточного Саяна и Витимское плоскогорье. Некоторые специалисты включают сюда Приангарье и верховья Лены» [Тулохонов, 2009]. В археологической науке сложилось иное мнение. В предложенном коллективом иркутских археологов проекте геоархеологического районирования Байкальской Сибири [Медведев и др., 1996, с. 27–29] ее территория включает в себя также верхнее и частично среднее течение Енисея. В настоящем исследовании под Байкальской Сибирью понимается регион, находящийся в границах юга Средней Сибири, Прибайкальской горной области и Западного Забайкалья. Целесообразность использования данного термина вполне обоснована с точки зрения культурно-географических исследований, и это подтверждается по археологическим данным.

мирования более адекватных представлений о геоархеологическом объекте и различных природных и антропогенных процессах указанные методы сопровождаются преодолением ошибок идентификации следов и остатков объектов или явлений, фиксирующихся в отложениях. Е.Б. Волосова предложила термин «*порог узнаваемости*» фрагментов «палеожизни» (деятельности) древнего человека, который зависит от хронологического разрыва между современностью и исследуемым прошлым [1994, 1995]. Он формирует различные ошибки узнавания (идентификации), среди которых: ошибка модернизации, когда в качестве объектов-дифференциаторов используются более поздние аналоги; ошибка архаизации, когда «молодой» источник толкуется как более ранний; ошибка социализации, когда природное образование трактуется как культурогенное; ошибка натурализации, когда артефактуальные объекты и следы рассматриваются как результаты природных процессов; ошибка замещения или замены, когда образование одного рода принимается за другое. Степень порога узнаваемости всегда находится в прямой зависимости от квалификации и опыта исследователя.

В геоархеологическом объекте зашифрована совокупность следов и остатков природных и антропогенных событий, «запечатанных» в отложениях. Событие определяется как изменение состояния [Мейен, 1989], а любой процесс состоит из ряда событий, явных или латентных². Процесс выявления и идентификации в отложениях геоархеологического объекта различных следов и остатков, как природного, так и культурного характера, и соотнесения их с разными событиями определяются *принципом событийности*. На его основе сформированы педолитологический и событийный (событийно-контекстуальный) подходы. *Педолитологический подход* представляет собой совокупность методов почвоведения и литологии в комплексе с другими инструментами, применяемыми для расшифровки генезиса рыхлых толщ отложений, стратиграфической последовательности событий и палеогеографических реконструкций [Воробьева, 2010]. *Событийный подход* направлен на распознавание совокупностей явлений, находящихся в тесной связи (различных природно-климатических сигналов в строении отложений), расшифровку и определение их последовательности [Бердникова, Воробьева, 2002].

Широко используется в геоархеологии и понятие «контекст», при этом выделяются разные его уровни и формы [Butzer, 1982; Rapp, Hill, 2006]. В отечественной литературе термин «*геоархеологический контекст*» предложен М.В. Александровой [1998]. Основной задачей событийного подхода является идентификация археологических следов и остатков, приуроченных к отложениям, в геоархеологическом контексте с преодолением ошибок узнавания, что, в свою очередь, дает возможность достоверно и полно организовать процесс интерпретации геоархеологических контекстов и адекватно реконструировать образ жизни древних сообществ [Бердникова, Воробьева, 2009].

Геоархеологические исследования на территории Байкальской Сибири: теория и практика

Следы природных событий и типичность отложений. Наземные отложения геоархеологических объектов Байкальской Сибири в соответствии с их генезисом можно разделить на субаэральные и субаквально-субаэральные³. Педолитологический подход позволил установить, что характер их седиментации обусловлен преимущественно региональными и локальными факторами. В отложениях геоархеологических объектов Байкальской Сибири зафиксировано множество разнообразных сигналов глобально-региональных климатических и других природных событий, представленных в виде палеопочв и лессов, следов криогенеза, золовых, делювиальных и солифлюкционных процессов, катастрофических событий, колебаний уровня Байкала и спусков древних озер. Это позволило разработать климатостратиграфическую схему для верхнего плейстоцена и голоцена Байкальской Сибири, реконструировать палеогеографическую обстановку на протяжении от МИС 3 до МИС 1 и проследить динамику природных и культурных процессов для этого периода [Стратиграфия..., 1990; Воробьева, 2010].

В результате изучения отложений геоархеологических объектов Байкальской Сибири выявлены общие и особенные черты строения, определена позиция для их корреляции, выделены типичные системы расположения и стратиграфии объектов для разных хроносрезов плейстоцена и голоцена, которые при проведении полевых исследований хорошо идентифицируются [Бердников и др.,

² Следы и остатки явных событий идентифицируются визуально, а латентных — только в результате аналитических работ.

³ Под субаквально-субаэральными мы понимаем отложения, которые на первом этапе накапливались при участии преимущественно водных процессов, а на последующих этапах под воздействием других факторов, главным образом золовых и делювиальных. Они характерны, в частности, для высоких пойм и речных террас.

2014, 2017]. Следы глобальных, региональных и локальных событий (климатогенных, сейсмогенных, различных экзогенных, антропогенных и др.), которые фиксируются в отложениях, имеют определенные закономерности проявлений и сочетаний. Сигналы повторяющихся природных изменений (климатические флуктуации, колебания уровней водоемов) можно назвать ординарными событиями. К неординарным событиям мы относим те, которые спровоцированы какими-то редкими и, как правило, стремительными процессами (землетрясения, размывы, наводнения, сели, оползни). Наборы сочетаний следов ординарных и неординарных событий могут отмечаться в отдельных разрезах и иметь уникальный характер, а могут иметь определенную устойчивость проявления и фиксироваться во множестве разрезов. Тем самым формируются типичность отложений для разных хроносрезов и их визуальная узнаваемость, что позволяет даже на предварительном этапе в процессе полевых наблюдений уверенно проводить культурно-хронологическую идентификацию археологических комплексов, связанных с определенной стратиграфической ситуацией. Все это в совокупности дает возможность организовывать целенаправленный поиск объектов того или иного периода и формировать их своеобразные «информационные образы»⁴.

Классификация геоархеологических объектов. Геоархеологические объекты Байкальской Сибири мы делим на две большие группы: стратифицированные, в которых материал приурочен к отложениям, и экспонированные, где археологические материалы находятся вне отложений на современной поверхности⁵. Объекты с экспонированными комплексами различаются прежде всего по факторам деструкции вмещающих отложений. Методика работы с ними существует [Алаев и др., 1982; Бердников, Федоренко, 1986], но наибольший интерес для геоархеологических исследований представляют стратифицированные местонахождения. Их классификация основана, прежде всего, на характере вмещения культурных остатков в отложения.

Стратифицированные геоархеологические объекты различаются по полноте геологической летописи, степени сохранности культурных остатков, выраженности ритмики осадконакопления и динамике почвообразования [Медведев, Воробьева, 1998; Бердников и др., 2017]. Их можно разделить на два типа: пещерные объекты и местонахождения открытого типа (англ. *open-air sites*). В Байкальской Сибири наилучшим образом представлены последние, в числе которых по особенностям отложений и включения в них археологического материала выделяется две основные разновидности местонахождений: макрослоистые и мультислойчатые. Встречаются также их сочетания, которые могут сопровождаться переотложением.

Макрослоистость формируется в профиле полноразвитой почвы, главным образом современной. Как правило, возраст таких почв в Байкальской Сибири варьируется в пределах голоцена, а интервал формирования почвенных горизонтов при их относительно небольшой мощности (0,1–0,5 м) составляет несколько тысяч лет. В этих почвенных горизонтах археологические находки содержатся в «компрессионном» состоянии, создавая «культурный палимпсест», который крайне сложно расчленишь в хронологическом плане. В качестве наглядной иллюстрации макрослоистости можно привести ситуацию, зафиксированную нами на стоянке им. А.Г. Генералова [Бердникова и др., 2014]. В таких случаях основным исследовательским инструментом становится планиграфический анализ [Абрашина, 2018].

Мультислойчатость характерна для таких объектов, где культурные остатки включены в многочисленные отдельные погребенные палеопочвы, которые по степени развитости профиля делятся на эмбриональные и слаборазвитые с интервалом формирования обычно в пределах ~10–100 лет (для финала плейстоцена и голоцена). В них археологические комплексы, как правило, находятся *in situ*, что позволяет проводить корректное их датирование и разрабатывать адекватные хронологические модели (см. напр.: [Горюнова, Новиков, 2018; Бердников и др., 2020]). Такие местонахождения, при наличии валидных радиоуглеродных данных, часто выступают в качестве опорных для отдельных районов и/или региона в целом. Наиболее значимыми из них в Байкальской Сибири являются Усть-Белая, Усть-Хайта, Горелый Лес, Игетейский геоархеологический комплекс (Южное Приангарье), Казачка 1, Стрижовая Гора (Канско-Енисейский регион) и Саган-Заба 2 (побережье оз. Байкал).

Отсутствие признаков палеопочвы или наличие только ее фрагментов и дериватов, как литологической основы для включения культурных остатков, может свидетельствовать о процессах пере-

⁴ Информационный образ понимается как упорядоченная система характеристик объекта исследования, которая дает целостное представление о нем.

⁵ В рамках настоящего исследования не рассматриваются долговременные поселения с остатками стационарных жилищ, так как этот вид объектов не характерен для Байкальской Сибири, а также погребальные комплексы, изучение которых имеет свою специфику.

отложения. Такая ситуация особенно присуща объектам МИС 3 — начала МИС 2, где археологический материал приурочен к солифлюцированным и склоновым отложениям (в частности, Туяна, им. Арембовского, Щапова 2) [Стратиграфия..., 1990; Shchetnikov et al., 2019; Маликов и др., 2020].

В древних мощных педокомплексах артефакты не только находятся в состоянии компрессии, но и перемещены неоднократными процессами криогенеза, усыхания и набухания. В качестве примера можно привести почвы МИС 5е на геоархеологическом объекте Георгиевское [Воробьева и др., 1997]. Подобное явление отмечалось исследователями и на других территориях, в частности в Средней Азии [Ранов, Шефер, 2000].

Культуросодержащие отложения и культурный слой. Литологические слои с археологическим материалом, где основной заполнитель имеет природный генезис, называются «культуросодержащими» или «культуровмещающими» [Медведев, Несмеянов, 1988]. Такой тип отложений характерен для большинства многослойных (как макрослоистых, так и мультислойчатых) объектов Байкальской Сибири широкого хронологического диапазона — от самых ранних периодов до средневековья. На местах длительного обитания человека (телли, тепе, долговременные поселения и города, например культурные исторические толщи Новгорода, Москвы, Тобольска и др.) формируются отложения преимущественно антропогенного характера или культурогенные отложения с включенными в них вещественными остатками. Их можно определить как «культурные» слои. На территории Байкальской Сибири, например, хорошо изучены культурные слои Иркутска [Бердникова, Воробьева, 2011]. Культуросодержащие отложения формируют типичные ситуации вмещения археологического материала, а культурные отражают конкретные виды деятельности человека на отдельных участках. Последние накапливаются с высокой скоростью, и каждый отдельный слой формируется в интервале от нескольких дней до нескольких десятков (реже сотен) лет. Выделение культуросодержащих и культурных слоев позволяет оценить характер включения в них археологических остатков, тафономические особенности и сохранность материалов, специфику геоархеологических контекстов, событийность их формирования и последовательность человеческой деятельности на территории проживания.

Геоархеологические контексты. Разноуровневые геоархеологические контексты, по определению К. Бутцера, это фактически четырехмерные пространственно-временные матрицы, где связывается культурная и природная среда, которые можно использовать при исследованиях и единичного артефакта, и комплекса объектов [Butzer, 1982, p. 4]. Довольно сложными для понимания являются геоархеологические контексты культуровмещающих отложений, которые состоят из наборов и вариаций культурных и природных остатков и следов [Александрова, 1998; Бердникова, Воробьева, 2009]. Прежде чем решить, какие естественно-научные методы необходимо использовать для их изучения, следует организовать процесс их разбора (событийно-контекстуальный анализ), который заключается в преодолении ошибок узнавания, дифференцировании следов природных и культурогенных событий и выявлении последовательности их формирования и преобразования. Использование такого анализа дает возможность проследить этапы, характер заселения и разнообразной деятельности, в том числе символической. Например, при раскопках геоархеологического объекта Мальта-Мост 1 в Южном Приангарье в слое с комплексами среднего сартана вокруг скопления находок мы зафиксировали участки, где отложения отличались по плотности и цвету, что было нами интерпретировано как следы вытапывания людьми дневной поверхности. Здесь же отмечен еще один интересный феномен, который связан с ритуальными действиями, осуществлявшимися людьми перед тем, как покинуть место обитания. Поверхность стоянки была засыпана растертым в порошок гематитом (красноватой охрой), а сверху уложены разноразмерные доломитовые плиты, в том числе на кострище [Бердникова, Воробьева, 1995]. Ритуальные или утилитарные действия с охрой и очагами на местах обитания палеолитического населения отмечены и в Забайкалье [Ташак, 2011; Тетенькин и др., 2020].

Перспективы использования многокомпонентных записей. Одним из современных исследовательских трендов в изучении четвертичных отложений и в геоархеологии являются многокомпонентные записи (англ. *multi-proxy records* — *MPR*) [Canti, Huisman, 2015; Karkanis, Goldberg, 2019]. Система таких записей основана на наборах результатов множества физических, химических и биологических анализов. Она широко используется в естественных науках и направлена прежде всего на реконструкцию палеоклимата, выявление различных закономерностей и определение потенциала для формирования прогнозных сценариев. Когда в перечень многокомпонентных записей входит археологический блок, они демонстрируют новые возможности и перспективы. Нами, в частности, получены первые результаты их использования в изу-

чении отложений геоархеологических объектов Южного Приангарья и Тункинской долины. Они основаны на анализе стратиграфии, гранулометрического состава отложений, палеомагнитных, палеонтологических, геохимических и радиоуглеродных данных [Khenzykhenova et al., 2018; Matasova et al., 2019; Shchetnikov et al., 2019]. По сути, подобные работы, несмотря на то что каждый специалист отвечает за свою область исследований, преследуют общую цель, которая заключается в реконструкции не только палеоклимата, но и среды обитания человека на определенном хроносрезе. Это соответствует нашему пониманию геоархеологических исследований, для которых важнейшей формой интеграции является трансдисциплинарность.

Геоархеологическая оценка как метод верификации результатов. Для верификации результатов аналитической деятельности при проведении геоархеологических исследований следует, по нашему мнению, использовать геоархеологическую оценку. Основной ее целью является определение соответствия полученных данных с отложениями и характером вмещения в них культурных остатков. Оценка проводится на основе сопряженного анализа определения степени инситажности археологических материалов, синхронности комплексов, особенностей отложений с выявлением степени соответствия естественно-научных и археологических данных. Отсутствие геоархеологической оценки нередко приводит к чрезмерной увлеченности аналитическими методами и данными, которые, невзирая на другие факторы, возводятся в степень главенствующих. Это прослеживается, в частности, в абсолютизации некоторыми исследователями данных радиоуглеродного датирования, на основе которых предлагаются неоднозначные интерпретационные модели (см., напр.: [Jordan et al., 2016; Keates et al., 2019]). Существует даже мнение, что «единственным и окончательным мерилем достоверности получаемых ^{14}C -дат является здравый смысл» [Кузьмин, 2017, с. 177]. Это, с нашей точки зрения, недопустимо, ибо, перефразируя Г.В.Ф. Гегеля, всякая археология (а тем более геоархеология) идет дальше здравого смысла и стремится, как и любая естественная наука, к максимальной точности совокупности получаемых данных, которые, в свою очередь, пройдут любую верификацию. Мы апробировали данный подход, проведя геоархеологическую оценку результатов ^{14}C -датирования комплексов с древнейшей керамикой с местонахождений Дальнего Востока и Забайкалья. Она показала наличие серьезных проблем, связанных с несоответствием радиоуглеродных и геоархеологических данных [Бердникова и др., 2018].

Основные положения

Принципы «классической» геоархеологии, как отмечено выше, сформулированы прежде всего в работах К. Бутцера [Butzer, 1982] и М.Р. Уотерса [Waters, 1992]. Наши предложения, несмотря на то что они формировались на первом этапе параллельно мировым разработкам, фактически являются расширением и уточнением базовых представлений о геоархеологии (только как самостоятельной дисциплины) в первую очередь на уровне главного элемента системы — геоархеологического объекта. Знакомство с достижениями зарубежной науки помогло нам окончательно структурировать наше собственное видение, которым мы руководствуемся при проведении геоархеологических исследований в Байкальской Сибири. Его можно сформулировать в нескольких базовых положениях:

1. Геоархеология должна включать позицию источниковедческого плана, основой которой является система работы с источником со своими методами сбора данных, анализа (выборки и обработки), синтеза, интерпретации и критики, как самих источников, так и процедуры исследований. Одним из важнейших методов верификации при проведении исследований является геоархеологическая оценка, задача которой заключается в определении степени соответствия результатов археологических и естественно-научных данных.

2. Основным объектом исследований в геоархеологии и источником информации о древних культурах и окружающей среде является геоархеологический объект, который представляет собой сложно структурированную интегральную систему, где зашифрована совокупность следов природных и антропогенных событий. Геоархеологические объекты отличаются по характеру включения культурных остатков в отложения, который оказывает большое влияние на уровень дискретности информации, степени ее полноты и сохранности. В геоархеологическом объекте могут сочетаться литологические слои с культурными остатками и без них. Слой с культурными остатками, где преобладает природная составляющая, определяется нами как культуросодержащий. Слой с преимущественной антропогенной составляющей следует называть культурным или культурогенным.

3. Геоархеология должна быть трансдисциплинарным направлением, характер которого определен комплексной природой геоархеологического объекта. Такая форма интеграции по-

зволяет преодолевать дисциплинарные разногласия и противоречия, обеспечивает постоянно действующие диалоги и практики между представителями различных наук, которые направлены на расширение видения предмета исследования и формирование новых уровней знания.

4. В методологическом плане геоархеологические исследования должны базироваться прежде всего на методах актуализма и стратиграфии в совокупности с преодолением ошибок идентификации объектов и явлений. Для создания палеоэкологических и палеогеографических реконструкций мы предлагаем использовать педолитологический и событийный подходы. При помощи последнего возможно разделять события глобального, регионального и локального характера, выделять различные уровни действительности геоархеологического объекта и формировать адекватные археологические представления, т.е. видеть прошлое в модели множества состояний и событий.

Заключение

Обозначенные положения отражают наше особое видение геоархеологии как самостоятельной источниковедческой дисциплины, для развития которой нами предложены собственные разработки и методологические инструменты, основанные на многолетних исследованиях в Байкальской Сибири. Они в том числе позволяют решать проблемы стандартизации и верификации исследовательского процесса, адекватной подготовки информации к формализации для хранения и обработки ее в системах больших данных. В дальнейшем наши предложения могут (и должны) дополняться и уточняться. Мы отдаем себе отчет, что они будут приняты неоднозначно и, вероятно, спровоцируют определенную дискуссию, так как существуют разные представления о геоархеологии, ее роли и значимости для гуманитарных и естественных наук, но при этом считаем, что и в настоящем виде их можно использовать при проведении геоархеологических исследований на любой территории, где встречаются похожие геоморфологические и стратиграфические ситуации, с обязательной поправкой на региональную специфику.

Предложенная нами концепция геоархеологических исследований находится в постоянном процессе уточнений и проверки, что значительно расширяет ее возможности и перспективы, но уже сейчас ее можно определить как новую традицию исследований. На протяжении многих лет она успешно используется в геоархеологических исследованиях на территории Байкальской Сибири, и мы надеемся, что развитие этой концепции внесет свой вклад в формирование российской школы геоархеологии, которая в методологическом отношении не уступит зарубежным и при этом будет обладать достаточной оригинальностью, чтобы выдерживать строгую научную конкуренцию.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-1950208 «Экспансия» и по государственному заданию Минобрнауки России, проект № FZZE-2020-0021.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрашина М.Е. Анализ планиграфии керамических комплексов стоянки Генералова (Северное Приангарье) // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего востока: Проблемы, гипотезы, факты. Омск: Полиграфист, 2018. С. 66–68.

Алаев С.Н., Бердников М.А., Федоренко А.Б. Палеолитическое местонахождение Игетейский пляж // Палеолит и мезолит юга Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 45–58.

Александрова М.В. «Идеология» раскопок и приоритеты археологического исследования (у истоков советской методики раскопок палеолитических поселений) // Восточный гравит. М.: Науч. мир, 1998. С. 142–150.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Мультислойчатые местонахождения как основа для разработки относительной и абсолютной хронологии неолитических комплексов (на примере Байкало-Енисейской Сибири) // Известия Иркут. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 21. С. 5–32.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Роговской Е.О., Клементьев А.М., Уланов И.В., Лохов Д.Н., Дударек С.П., Новосельцева В.М., Соколова Н.Б. Геоархеологические комплексы раннего голоцена на юге Средней Сибири. Оценка данных и перспективы исследований // Известия Иркут. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 46–76.

Бердников И.М., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Бердникова Н.Е., Уланов И.В., Соколова Н.Б., Абрашина М.Е., Крутикова К.А., Роговской Е.О., Лохов Д.Н., Когай А.С. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: Основные идеи и новые данные // Известия Иркут. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 23–53. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.33.23>

Бердников М.А., Федоренко А.Б. Методика полевого исследования местонахождений с поверхностным залеганием артефактов // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири: (Итоги и перспективы). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. С. 36–38.

Бердникова Н.Е., Бердников И.М., Воробьева Г.А. Геоархеологическая оценка радиоуглеродного датирования древнейшей керамики российской части Северной Азии // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 15–21.

- Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А.* Новое местонахождение Мальта-Мост 1 (Прибайкалье, р. Белая) // Природные ресурсы и социальная среда Прибайкалья. Иркутск: Иркут. ун-т, 1995. Т. 3. С. 89–93.
- Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А.* События и геоархеологические объекты // Археологическое наследие Байкальской Сибири: Изучение, охрана и использование. Иркутск: ИГ СО РАН, 2002. Вып. 2. С. 4–12.
- Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А.* Возможности интерпретации геоархеологических контекстов // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. Иркутск: Амтера, 2009. С. 202–219.
- Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А.* Геоархеологические аспекты в исследованиях культурных отложений // Методика междисциплинарных археологических исследований. Омск: Наука, 2011. С. 18–37.
- Бердникова Н.Е., Роговской Е.О., Бердников И.М., Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Дударек С.П., Соколова Н.Б., Тимошенко А.А., Попов А.А., Харламова Н.В.* Стоянка им. Генералова (р. Чуна): Результаты охранно-спасательных работ 2013 года // Известия Иркут. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 150–191.
- Васильев С.А.* Эволюционная география палеолита: Памяти Андрея Алексеевича Величко // Археологические вести. 2016. № 22. С. 246–252.
- Волосова Е.Б.* О проблемах познавательной специфики археологии // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1994. С. 4–10.
- Волосова Е.Б.* Проблемы археологического познания: (Гносеолого-теоретический анализ): Дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 1995. 163 с.
- Воробьева Г.А.* Почва как летопись природных событий Прибайкалья: Проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. 205 с.
- Воробьева Г.А., Медведев Г.И., Роговской Е.О., Липнина Е.А., Ребриков П.Н., Куделя М.В.* Изучение казанцевских отложений и принадлежащих им артефактов на местонахождении Георгиевское-1 в Южном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. Т. 3. С. 29–35.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г.* Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // Вестник ТГУ. Сер. История. 2018. № 51. С. 98–107. <https://doi.org/10.17223/19988613/51/14>
- Зайков В.В.* Юность геоархеологии. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 175 с.
- Зайков В.В., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Таиров А.Д.* Основы геоархеологии. Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 2012. 263 с.
- Клейн Л.С.* Археологические источники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 120 с.
- Кузьмин Я.В.* Геоархеология: Естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск: Издат. Дом ТГУ, 2017. 396 с.
- Маликов Д.Г., Сизова В.В., Бердникова Н.Е., Бердников И.М., Лохов Д.Н.* Археозоологическая характеристика палеолитической стоянки Щапова 2 в Иркутске // Известия Иркут. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 3–22. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.33.3>
- Медведев Г.И.* Геоархеология // Антропоген, палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 133–155.
- Медведев Г.И., Воробьева Г.А.* К проблеме группировки геоархеологических объектов Байкало-Енисейской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 148–159.
- Медведев Г.И., Генералов А.Г., Дроздов Н.И., Лбова Л.В., Акимова Е.Б., Бердникова Н.Е., Ветров В.М., Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Заика А.Л., Ласточкин С.В., Липнина Е.А., Макулов В.И., Осадчий С.С., Ощепкова Е.Б., Савельев Н.А., Ташак Е.В.* Проблемы научной экспертизы и практики изучения геоархеологических объектов Байкальской Сибири: (Методология, методы, рекомендации). Красноярск; Иркутск; Улан-Удэ: Арком, 1996. 53 с.
- Медведев Г.И., Несмеянов С.А.* Типизация «культурных отложений» и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии. Новосибирск: Наука, 1988. С. 113–142.
- Мейен С.В.* Введение в теорию стратиграфии. М.: Наука, 1989. 216 с.
- Панин А.В.* (ред.). Геоморфологические процессы и геоархеология: От ландшафтной археологии к археотуризму. М.; Смоленск: Универсум, 2012. 317 с.
- Пешкова Г.А.* Степная флора Байкальской Сибири. М.: Наука, 1972. 207 с.
- Питулько В.В., Павлова Е.Ю.* Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб.: Наука, 2010. 264 с.
- Ранов В.А., Шеффер Й.* Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 20–32.
- Сорокин А.Н.* «Слоны» и «черепашки» геоархеологии // Известия Иркут. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 25. С. 3–18. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.25.3>
- Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА (КНР, 1991).* Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. 165 с.
- Ташак В.И.* Очаг как объект культовой деятельности в позднем палеолите Забайкалья // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2011. № 1. С. 303–318.
- Тетенькин А.В., Демонтерова Е.И., Канева Е.В., Анри О., Говри Ру Э.* Охра в позднелпалеолитических контекстах стоянки Коврижка IV на Байкало-Патомском нагорье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 3. С. 33–42. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.3.033-042>

- Цейтлин С.М.* Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979. 285 с.
- Barrera F.B., Pardo J.F.J.* Geoarchaeology as Geoarchaeology // *Journal of anthropological and archaeological sciences*. 2020. Vol. 2. Iss. 5. P. 319–321. MS.ID.000150. <https://doi.org/10.32474/JAAS.2020.02.000150>
- Bebermeier W., Schütt B.* Geoarchaeology — A New Discipline? // *Die Erde*. 2011. Vol. 142. Iss. 3. P. 209–212.
- Butzer K.W.* Environment and Archaeology: an introduction to Pleistocene geography. Chicago: Aldine Publishing Company, 1964. 524 p.
- Butzer K.W.* Environment and Archaeology: An Ecological Approach to Prehistory. Chicago: Aldine Publishing Company, 1971. 704 p.
- Butzer K.W.* Spring sediments from the Acheulian Site of Amanzi (Uitenhage District, South Africa). *Quaternaria*. 1973. Vol. 17. P. 299–319.
- Butzer K.W.* Archaeology as Human Ecology. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 377 p.
- Butzer K.W.* Challenges for a cross-disciplinary geoarchaeology: The intersection between environmental history and geomorphology // *Geomorphology*. 2008. Vol. 101. P. 402–411. <https://doi.org/10.1016/j.geomorph.2008.07.007>
- Canti M., Huisman D.J.* Scientific advances in geoarchaeology during the last twenty years // *Journal of Archaeological Science*. 2015. Vol. 56. P. 96–108. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.02.024>
- Chazan M.* Geology/archaeology in action: A personal perspective // *Archaeological and anthropological sciences*. 2017. Iss. 9. P. 1671–1676. <https://doi.org/10.1007/s12520-016-0412-2>
- Clark G.A.* Accidents of History: Conceptual Frameworks in Paleoarchaeology // *Sourcebook of Paleolithic Transitions. Methods, Theories and Interpretations* / M. Camps, P. Chauhan (eds.). Springer, 2009. 19–41. https://doi.org/10.1007/978-0-387-76487-0_2
- French C.* Geoarchaeology in Action: Studies in Soil Micromorphology and Landscape Evolution. L., Routledge, 2003. 291 p.
- French C.A.* Handbook of Geoarchaeological Approaches to Settlement Sites and Landscapes. Oxford: Oxbow Books, 2015. 144 p.
- Fouache E., Rasse M.* Archaeology, geoarchaeology and geomorphosite management: towards a typology of geoarchaeosites / E. Reynard et al. (eds.) // *Geomorphosites*, München, Verlag Dr. Friedrich Pfeil, 2009. P. 213–224.
- Geoarchaeology: Earth Science and the Past* / D.A. Davidson, M.L. Shackley (eds.). L.: Duckworth, 1976. 408 p.
- Gilbert A.S.* (ed.). Encyclopedia of Geoarchaeology. Dordrecht: Springer, 2017. 1065 p.
- Goldberg P., Macphail R.I.* Practical and Theoretical Geoarchaeology. Oxford: Wiley-Blackwell Science, 2006. 479 p.
- Hirsch H.G., Hoffmann-Riem H., Biber-Klemm S., Grossenbacher-Mansuy W., Joye D., Pohl C., Wiesmann U., Zemp E.* (eds.). Transdisciplinary theory and practice. Texas: TheATLAS, 2013. 210 p.
- Jordan P., Gibbs K., Hommel P., Piezonka H., Silva F., Steele J.* Modelling the diffusion of pottery technologies across Afro-Eurasia: Emerging insights and future research questions // *Antiquity*. 2016. Vol. 90. Iss. 351. P. 590–603. <https://doi.org/10.15184/aqy.2016.68>
- Karkanis P., Goldberg P.* Reconstructing Archaeological Sites. Understanding the Geoarchaeological Matrix. Oxford: Wiley Blackwell, 2019. 289 p.
- Keates S.G., Postnov A.V., Kuzmin Y.V.* Towards the Origin of Microblade Technology in Northeastern Asia // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2019. T. 64. Вып. 2. С. 390–414. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.203>
- Kelley A.R., Sanger D.* Holistic geoarchaeology in the Penobscot Valley, Maine, USA: Context, scale, and interpretation // *Archaeological and anthropological sciences*. 2017. Vol. 9. P. 1627–1644. <https://doi.org/10.1007/s12520-014-0187-2>
- Khenzykhenova F., Lipnina E., Danukalova G., Shchetnikov A., Osipova E., Semenei E., Tumurov E., Lokhov D.* The area surrounding the world-famous geoarchaeological site Mal'ta (Baikal Siberia): New data on the chronology, archaeology, and fauna // *Quaternary International*. 2018. Vol. 509. P. 17–29. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.02.026>
- Kokinou E.* Geoarchaeology: A Review in Techniques // *Best Practices of GeoInformatic Technologies for the Mapping of Archaeolandscapes* / A. Sarris (ed.). Oxford: Archaeopress, 2015. P. 209–217.
- Leach E.K.* On the definition of geoarchaeology // *Geoarchaeology: An International Journal*. 1992. Vol. 7. № 5. P. 405–417. <https://doi.org/10.1002/gea.3340070501>
- Matasova G.G., Shchetnikov A.A., Filinov I.A., Kazansky A.Yu., Vorobyeva G.A., Berdnikova N.E., Rogovskoy E.O., Lipnina E.A., Berdnikov I.M., Lbova L.V.* Rock-Magnetism and Granulometry of Late Palaeolithic Sites in the Tunka Rift Valley (Pribaikalie) as a Tool for Reconstruction of Sedimentary Environment // *Recent Advances in Rock Magnetism, Environmental Magnetism and Paleomagnetism*. Springer Geophysics, 2019. P. 245–264. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90437-5_19P
- Meignen L., Goldberg P., Bar-Yosef O.* Together in the field: interdisciplinary work in Kebara and Hayonim caves (Israel) // *Archaeological and anthropological sciences*. 2017. Vol. 9. P. 1603–1612. <https://doi.org/10.1007/s12520-014-0185-4>
- Mobjörk M.* Crossing boundaries the framing of transdisciplinarity. Örebro University, Mälardalen University, 2009. Centre for Housing and Urban Research Series. Report № 64. 94 p.
- Mobjörk M.* Consulting versus participatory transdisciplinarity: A refined classification of transdisciplinary research // *Futures*. 2010. Vol. 42. Iss. 8. P. 866–873. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2010.03.003>

- Panin A.V., Bronnikova M.A. Human dimensions of palaeoenvironmental change: Geomorphic processes and geoarchaeology // *Quaternary International*. 2014. Vol. 324. P. 1–5. [https://doi.org/10.1016/S1040-6182\(14\)00125-6](https://doi.org/10.1016/S1040-6182(14)00125-6)
- Rapp G.Jr., Hill C.L. *Geoarchaeology. The Earth — Science Approach to Archaeological Interpretation*. New Haven; L.: University Press, 2006. 368 p.
- Renfrew C. *Archaeology and the earth sciences* // D.A. Davidson, M.L. Shackley (eds.) *Geoarchaeology: Earth Science and the Past*. L.: Duckworth, 1976. P. 1–5.
- Shchetnikov A.A., Bezrukova E.V., Kazansky A.Yu., Matasova G.G., Ivanova V.V., Danukalova G.A., Filinov I.A., Khenzykhenova F.I., Osipova E.M., Berdnikova N.E., Berdnikov I.M., Rogovskoi E.O., Lipnina E.A., Vorobyeva G.A. Upper Paleolithic site Tuyana — a multi-proxy record of sedimentation and environmental history during the Late Pleistocene and Holocene in the Tunka rift valley, Baikal region // *Quaternary International*. 2019. Vol. 534. P. 138–157. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2019.02.043>
- Schiffer M.B. *Formation Processes of the Archaeological Record*. Albuquerque: University of New Mexico Press. 1987. 428 p.
- Siart C., Forbriger M., Bubenzer O. (eds.). *Digital Geoarchaeology New Techniques for Interdisciplinary Human-Environmental Research*. Springer, 2018. 296 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-25316-9>
- Waters M.R. *Principles of Geoarchaeology: A North American Perspective*. Tuscon: University of Arizona Press, 1992. 399 p.
- Woodward J., Huckleberry G. Editorial Introduction: 25 Years of Geoarchaeology // *Geoarchaeology: An International Journal*. 2010. Vol. 25. No. 1. P. 1–5. <https://doi.org/10.1002/gea.20301>

**Berdnikova N.E.^{a,*}, Vorobieva G.A.^a, Berdnikov I.M.^a, Shchetnikov A.A.^{a,b,c},
Filinov I.A.^{a,b}, Lipnina E.A.^a, Zolotarev D.P.^a**

^a Irkutsk State University, K. Marx st., 1, Irkutsk, 664003, Russian Federation

^b Institute of the Earth's Crust SB RAS, Lermontova st., 128, Irkutsk, 664033, Russian Federation

^c Vinogradov Institute of Geochemistry SB RAS, Favorsky st., 1a, Irkutsk, 664033

E-mail: nberd@yandex.ru (Berdnikova N.E.); galvorob@yandex.ru (Vorobieva G.A.);

yan-maiski@yandex.ru (Berdnikov I.M.); shch@crust.irk.ru (Shchetnikov A.A.);

filinov@crust.irk.ru (Filinov I.A.); ekaterinalipnina@mail.ru (Lipnina E.A.);

dmitryzolotarev2012@yandex.ru (Zolotarev D.P.)

Geoarchaeology within the system of archaeological research in the territory of Baikal Siberia

The value of geoarchaeology in archaeological research is discussed with an example of Baikal Siberia. Geoarchaeology is considered as an interface between archaeology and Earth sciences comprising a specific set of approaches, methods, and procedures. Nowadays, geoarchaeology constitutes a full-fledged research branch within the world archaeological practice. However, there are some problems in the determination of the essence and the role of geoarchaeology in archaeological studies, especially in Russia. In particular, the question whether geoarchaeology represents an independent discipline or an interdisciplinary approach has not been resolved yet. Moreover, archaeologists often focus on increasing the number of analytical methods to the detriment of their conceptual basis. In the Russian archaeological practice, the uncertain role of geoarchaeology is manifested by its perception as an auxiliary discipline with limited capabilities for the archaeological interpretations. As a result of many years of research on archaeological sites of Baikal Siberia, we have developed our own concept of geoarchaeology as a source study with a transdisciplinary character. It is based on four principles. Firstly, in our opinion, geoarchaeology constitutes a source study discipline with its own research methods. Geoarchaeological assessment represents one of the most important verification methods aimed at the determination of the degree of correspondence between the results of archaeological and natural science data. Secondly, the main object of research is a geoarchaeological object, which is a composite integral system with a mixture of traces of natural and anthropogenic events encrypted in it. We define the layer with cultural remains, where the natural component predominates, as 'culture-bearing'. The layer with the predominantly anthropogenic component can be called 'cultural'. Thirdly, geoarchaeology should be a transdisciplinary branch, the nature of which is determined by the complex origins of the geoarchaeological site. Such an amalgamation allows overcoming disciplinary differences and contradictions which leads to the formation of new knowledge levels. At fourth, geoarchaeological research should be based principally on the methods of actualism and stratigraphy in conjunction with overcoming misidentification of objects and phenomena, as well as on the pedolithological and event-driven approaches.

Keywords: geoarchaeology, Baikal Siberia, research concept, actualism, stratigraphy, pedolithological approach, event approach, transdisciplinarity.

Funding. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-1950208 "Expansion" and by the state order of the Ministry of Education and Science of Russia, project No. FZZE-2020-0021.

* Corresponding author.

REFERENCES

- Abrashina, M.E. (2018). Analysis of the planigraphy of ceramic complexes at Generalova site (Northern Priangarye) In: *Drevnie i traditsionnye kul'tury Sibiri i Dal'nego vostoka: Problemy, gipotezy, fakty*. Omsk: Polygraphist, 66–68. (Rus.).
- Alaev, S.N., Berdnikov, M.A., Fedorenko, A.B. (1982). Paleolithic locality of the Igeteysky beach. In: *Paleolit i mezolit iuga Sibiri*. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 45–58. (Rus.).
- Aleksandrova, M.V. (1998). "Ideology" of excavation and priorities of archaeological research (at the origins of the Soviet methodology of excavation of Paleolithic settlements). In: *Vostochnyi gravett*. Moscow: Nauchnyi mir, 142–150. (Rus.).
- Barrera, F.B., Pardo, J.F.J. (2020). Geoarchaeology as Geoarchaeology. *Journal of anthropological and archaeological sciences*, 5(2), 319–321. MS.ID.000150. <https://doi.org/10.32474/JAAS.2020.02.000150>
- Bebermeier, W., Schütt, B. (2011). Geoarchaeology — A New Discipline? *Die Erde*. 142(3), 209–212
- Berdnikov, I.M., Berdnikova, N.E., Vorobieva, G.A. (2017). Multilayer sites as the basis for the development of the relative and absolute chronology of Neolithic complexes (on the example of Baikal-Yenisei Siberia). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 21, 5–32. (Rus.).
- Berdnikov, I.M., Berdnikova, N.E., Vorobieva, G.A., Rogovskoy, E.O., Klementyev, A.M., Ulanov, I.V., Lokhov, D.N., Dudarek, S.P., Novoseltseva, V.M., Sokolova, N.B. (2014). Geoarchaeological complexes of the Early Holocene in the south of Central Siberia. Data Assessment and Research Prospects. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, (9), 46–76. (Rus.).
- Berdnikov, M.A., Fedorenko, A.B. (1986). Methods for field research of sites with surface occurrence of artifacts. In: *Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniia Vostochnoi Sibiri: (Itogi i perspektivy)*. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 36–38. (Rus.).
- Berdnikova, N.E., Berdnikov, I.M., Vorobieva, G.A. (2018). Geoarchaeological assessment of radiocarbon dating of the most ancient ceramics of the Russian part of North Asia. In: *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaia*. Ulan-Ude: Publishing House of Buryat Scientific Center of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 15–21. (Rus.).
- Berdnikov, I.M., Goriunova, O.I., Novikov, A.G., Berdnikova, N.E., Ulanov, I.V., Sokolova, N.B., Abrashina, M.E., Krutikova, K.A., Rogovskoy, E.O., Lokhov, D.N., Kogai, A.S. (2020). Chronology of Neolithic ceramics of Baikal-Yenisei Siberia: Main ideas and new data. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 33, 23–53. (Rus.). <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.33.23>
- Berdnikova, N.E., Rogovskoy, E.O., Berdnikov, I.M., Lipnina, E.A., Lokhov, D.N., Dudarek, S.P., Sokolova, N.B., Timoshchenko, A.A., Popov, A.A., Kharlamova, N.V. (2014). Generalova (r. Chuna). Results of security and rescue operations in 2013. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 7, 150–191. (Rus.).
- Berdnikova, N.E., Vorobieva, G.A. (1995). New site Malta-Most 1 (Baikal region, Belaya river). In: *Prirodnye resursy i sotsial'naya sreda Pribaikalia*. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State University, 89–93. (Rus.).
- Berdnikova, N.E., Vorobieva, G.A. (2002). Events and geoarchaeological sites. In: *Arkheologicheskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri: Izuchenie, okhrana i ispol'zovanie*. Irkutsk: Publishing House of the Institute of Geography SB RAS, 4–12. (Rus.).
- Berdnikova, N.E., Vorobieva, G.A. (2009). Possibilities of interpretation of geoarchaeological contexts. In: *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg*. Irkutsk: Amtera, 202–219. (Rus.).
- Berdnikova, N.E., Vorobieva, G.A. (2011). Geoarchaeological aspects in the study of cultural deposits. In: *Metodika mezhdistsiplinarnykh arkheologicheskikh issledovaniy*. Omsk: Nauka, 18–37. (Rus.).
- Butzer, K.W. (1964). *Environment and Archaeology: An introduction to Pleistocene geography*. Chicago: Aldine Publishing Company.
- Butzer, K.W. (1971). *Environment and Archaeology: An Ecological Approach to Prehistory*. Chicago: Aldine Publishing Company.
- Butzer, K.W. (1973). Spring sediments from the Acheulian Site of Amanzi (Uitenhage District, South Africa). *Quaternaria*, 17, 299–319.
- Butzer, K.W. (1982). *Archaeology as Human Ecology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Butzer, K.W. (2008). Challenges for a cross-disciplinary geoarchaeology: The intersection between environmental history and geomorphology. *Geomorphology*, (101), 402–411. <https://doi.org/10.1016/j.geomorph.2008.07.007>
- Canti, M., Huisman, D.J. (2015). Scientific advances in geoarchaeology during the last twenty years. *Journal of Archaeological Science*, 56, 96–108. <https://doi.org/10.1016/JAS.2015.02.024>
- Chazan, M. (2017). Geology/archaeology in action: A personal perspective. *Archaeological and anthropological sciences*, 9, 1671–1676. <https://doi.org/10.1007/s12520-016-0412-2>.
- Clark, G.A. (2009). Accidents of History: Conceptual Frameworks in Paleoarchaeology. In: M. Camps, P. Chauhan (Eds.). *Sourcebook of Paleolithic Transitions. Methods, Theories and Interpretations*. Springer. 19–41. https://doi.org/10.1007/978-0-387-76487-0_2
- Davidson, D.A., Shackley, M.L. (Eds.). (1976). *Geoarchaeology: Earth Science and the Past*. London: Duckworth.

- French, C. (2003). *Geoarchaeology in Action: Studies in Soil Micromorphology and Landscape Evolution*. London: Routledge.
- French, C.A. (2015). *Handbook of Geoarchaeological Approaches to Settlement Sites and Landscapes*. Oxford: Oxbow Books.
- Fouache, E., Rasse, M. (2009). Archaeology geoarchaeology and geomorphosite management: Towards a typology of geoarchaeosites. In: *Geomorphosites*. München, Verlag Dr. Friedrich Pfeil, 213–224.
- Gilbert, A.S. (Ed.) (2017). *Encyclopedia of Geoarchaeology*. Dordrecht: Springer.
- Goldberg, P., Macphail, R.I. (2006). *Practical and Theoretical Geoarchaeology*. Oxford: Wiley-Blackwell Science.
- Goriunova, O.I., Novikov, A.G. (2018). Radiocarbon dating of ceramic assemblages from Neolithic settlements on the coast of Lake Baikal. *Bulletin of Tomsk State University. Series History*, 51, 98–107. (Rus.). <https://doi.org/10.17223/19988613/51/14>
- Hirsch, H. G., Hoffmann-Riem, H., Biber-Klemm, S., Grossenbacher-Mansuy, W., Joye, D., Pohl, C., Wiesmann, U., Zemp, E. (Eds.). (2008). *Handbook of Transdisciplinary Research*. Bern: Springer.
- Jordan, P., Gibbs, K., Hommel, P., Piezonka, H., Silva, F., Steele, J. (2016). Modelling the diffusion of pottery technologies across Afro-Eurasia: Emerging insights and future research questions. *Antiquity*, 351(90), 590–603. <https://doi.org/10.15184/aqy.2016.68>
- Karkanias, P., Goldberg, P. (2019). *Reconstructing Archaeological Sites. Understanding the Geoarchaeological Matrix*. Oxford: Wiley Blackwell.
- Keates, S.G., Postnov, A.V., Kuzmin, Y.V. (2019). Towards the Origin of Microblade Technology in Northeastern Asia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 64(2), 390–414. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.203>
- Kelley, A.R., Sanger, D. (2017). Holistic geoarchaeology in the Penobscot Valley, Maine, USA: Context, scale, and interpretation. *Archaeological and anthropological sciences*, 9, 1627–1644. <https://doi.org/10.1007/s12520-014-0187-2>
- Khenzykhenova, F., Lipnina, E., Danukalova, G., Shchetnikov, A., Osipova, E., Semenei, E., Tumurov, E., Lokhov, D. (2018). The area surrounding the world-famous geoarchaeological site Mal'ta (Baikal Siberia): New data on the chronology, archaeology, and fauna. *Quaternary International*, 509, 17–29. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.02.026>
- Klein, L.S. (1978). *Archaeological sources*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta (Rus.).
- Kokinou, E. (2015). Geoarchaeology: A Review in Techniques. In: *Best Practices of GeoInformatic Technologies for the Mapping of Archaeolandscape*. Oxford: Archaeopress, 209–217.
- Kuzmin, Y.V. (2017). *Geoarchaeology: Natural science methods in archaeological research*. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Leach, E.K. (1992). On the definition of geoarchaeology. *Geoarchaeology: An International Journal*, 7(5), 405–417. <https://doi.org/10.1002/gea.3340070501>
- Malikov, D.G., Sizova, V.V., Berdnikova, N.E., Berdnikov, I.M., Lokhov, D.N. (2020). Archaeozoological characteristics of the Paleolithic site Shchapova 2 in Irkutsk. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 33, 3–22. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.33.3/>. (Rus.).
- Matasova, G.G., Shchetnikov, A.A., Filinov, I.A., Kazansky, A.Yu., Vorobyeva, G.A., Berdnikova, N.E., Rogovskoy, E.O., Lipnina, E.A., Berdnikov, I.M., Lbova, L.V. (2019). Rock-Magnetism and Granulometry of Late Palaeolithic Sites in the Tunka Rift Valley (Pribaikalie) as a Tool for Reconstruction of Sedimentary Environment. In: *Recent Advances in Rock Magnetism, Environmental Magnetism and Paleomagnetism*. Springer Geophysics, 245–264. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90437-5_19P.
- Medvedev, G.I. (2008). Geoarchaeology. In: *Antropogen, paleoantropologiya, geoarkheologiya, etnologiya Azii*. Irkutsk: Otkritie, 133–155. (Rus.).
- Medvedev, G.I., Vorobieva, G.A. (1998). On the problem of grouping geoarchaeological objects of Baikal-Yenisei Siberia. In: *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i soprodel'nykh territorii*, 2. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Medvedev, G.I., Nesmeyanov, S.A. (1988). Typification of “cultural deposits” and Stone Age sites. In: *Metodicheskie problemy arkheologii*. Novosibirsk: Nauka, 113–142. (Rus.).
- Medvedev, G.I., Generalov, A.G., Drozdov, N.I., Lbova, L.V., Akimova, E.B., Berdnikova, N.E., Vetrov, V.M., Vorobieva, G.A., Goriunova, O.I., Zaika, A.L., Lastochkin, S.V., Lipnina E.A., Makulov V.I., Osadchii S.S., Oshchepkova E.B., Saveliyev N.A., Tashak E.V. (1996). *Problems of scientific expertise and the study of geoarchaeological objects of Baikal Siberia: (Methodology, methods, recommendations)*. Krasnoyarsk; Irkutsk; Ulan-Ude: Arkom. (Rus.).
- Meignen, L., Goldberg, P., Bar-Yosef, O. (2017). Together in the field: interdisciplinary work in Kebara and Hayonim caves (Israel). *Archaeological and anthropological sciences*, 9, 1603–1612. <https://doi.org/10.1007/s12520-014-0185-4>
- Meyen, S.V. (1977). *Introduction to the theory of stratigraphy*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Mobjörk, M. (2009). *Crossing boundaries the framing of transdisciplinarity*. Örebro University, Mälardalen University, Centre for Housing and Urban Research Series.
- Mobjörk, M. (2010). Consulting versus participatory transdisciplinarity: A refined classification of transdisciplinary research. *Futures*, 42(8), 866–873. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2010.03.003>
- Panin, A.V. (Ed.) (2012). *Geomorphological processes and geoarchaeology: From landscape archaeology to archaeotourism*. Moscow; Smolensk: Universum. (Rus.).
- Panin, A.V., Bronnikova, M.A. (2014). Human dimensions of palaeoenvironmental change: Geomorphic processes and Geoarchaeology. *Quaternary International*, 324, 1–5. [https://doi.org/10.1016/S1040-6182\(14\)00125-6](https://doi.org/10.1016/S1040-6182(14)00125-6)

- Peshkova, G.A. (1972). *Steppe flora of Baikal Siberia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Pitulko, V.V., Pavlova, E.Yu. (2010). *Geoarchaeology and radiocarbon chronology of the Stone Age of Northeast Asia*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).
- Ranov, V.A., Shefer, J. (2000). Loess Paleolithic. *Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 2, 20–32. (Rus.).
- Rapp, G.Jr., Hill, C.L. (2006). *Geoarchaeology. The Earth — Science Approach to Archaeological Interpretation*. New Haven; London: University Press.
- Renfrew, C. (1976). Archaeology and the earth sciences. In: D.A. Davidson, M.L. Shackley (Eds.). *Geoarchaeology: Earth Science and the Past*. London: Duckworth.
- Schiffer, M.B. (1987). *Formation Processes of the Archaeological Record*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Shchetnikov, A.A., Bezrukova, E.V., Kazansky, A.Yu., Matasova, G.G., Ivanova, V.V., Danukalova, G.A., Filinov, I.A., Khenzykhenova, F.I., Osipova, E.M., Berdnikova, N.E., Berdnikov, I.M., Rogovskoy, E.O., Lipnina, E.A., Vorobyeva, G.A. (2019). Upper Paleolithic site Tuyana — a multi-proxy record of sedimentation and environmental history during the Late Pleistocene and Holocene in the Tunka rift valley, Baikal region. *Quaternary International*, 534, 138–157. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2019.02.043>
- Siart, C., Forbriger, M., Bubenzer, O. (Eds.) (2018). *Digital Geoarchaeology New Techniques for Interdisciplinary Human-Environmental Research*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-25316-9>
- Sorokin, A.N. (2018). “Elephants” and “turtles” of Geoarchaeology. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 25, 3–18. (Rus.). <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.25.3>
- Tashak, V.I. (2011). Hearth as an Object of Cult Activities in the Late Paleolithic of Transbaikalia. *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*, 1, 303–318. (Rus.).
- Tetenkin, A.V., Demonterova, E.I., Kaneva, E.V., Anri, O., Govri Ru, E. (2020). Ocher in Late Paleolithic Contexts at the Kovrizhka IV Site, the Baikal-Patom Highlands (Eastern Siberia, Russia). *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 48(3), 33–42. (Rus.). <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.3.033-042>
- Tulokhonov, A.K. (Ed.) (2009). *Baikal: nature and people. Encyclopedic handbook*. Ulan-Ude: ECOS. (Rus.).
- Tzeitlin, S.M. (1979). *Geology of the Paleolithic of North Asia*. Moscow: Science Publishing House. (Rus.).
- Vasiliev, S.A. (2016) Evolutionary geography of the Paleolithic: in memory of Andrei Alekseevich Velichko. *Archaeological news*, (22), 246–252. (Rus.).
- Vorobieva, G.A. (2010). *Soil as a chronicle of natural events in the Baikal region: Problems of soil evolution and classification*. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State University. (Rus.).
- Vorobieva, G.A., Berdnikova, N.E. (2001). Archaeotaphonomy: Stages, processes, cycles: (In discussion order). In: *Sovremennyye problemy Evraziiskogo paleolitovedeniia*. Novosibirsk: Publishing House of Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 53–70. (Rus.).
- Vorobieva, G.A., Medvedev, G.I., Rogovskoy, E.O., Lipnina, E.A., Rebrikov, P.N., Kudelya, M.V. (1997). Study of Kazantsevo deposits and artifacts belonging to them at the Georgievskoe-1 site in the South Angara region. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk: Publishing House of Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 29–35. (Rus.).
- Waters, M.R. (1992). *Principles of Geoarchaeology: A North American Perspective*. Tuscon: University of Arizona Press.
- Woodward, J., Huckleberry, G. (2010). Editorial Introduction: 25 Years of Geoarchaeology. *Geoarchaeology: An International Journal*, 25(1), 1–5. <https://doi.org/10.1002/gea.20301>
- Zaykov, V.V. (2010). *Youth of geoarchaeology*. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Zaikov, V.V., Yuminov, A.M., Zaikova, E.V., Tairov, A.D. (2012). *Fundamentals of geoarchaeology*. Miass: Institut mineralogii Ural'skogo Otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).

Бердникова Н.Е., <https://orcid.org/0000-0002-2470-6230>

Воробьева Г.А., <https://orcid.org/0000-0003-2249-6193>

Бердников И.М., <https://orcid.org/0000-0002-1943-7507>

Щетников А.А., <https://orcid.org/0000-0002-4591-6421>

Филинов И.А., <https://orcid.org/0000-0002-7390-8373>

Липнина Е.А., <https://orcid.org/0000-0002-0222-3553>

Золотарев Д.П., <https://orcid.org/0000-0002-3085-0239>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

АНТРОПОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-12>

Слепченко С.М.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: s_slepchenko@list.ru

АРХЕОПАЗИТОЛОГИЯ — НОВЫЙ ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ МИГРАЦИЙ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В обзоре предпринята попытка показать существующие в настоящее время в археопаразитологии подходы и теоретические обоснования для реконструкции миграций и контактов древнего населения. Собраны все доступные результаты исследований, в которых верифицированы археопаразитологические факты в контексте данных генетики, археологии, антропологии. На примере жизненных циклов ряда групп паразитических организмов продемонстрированы результаты, возможности и перспективы археопаразитологии как нового источника для реконструкции миграций людей в древности.

Ключевые слова: археопаразитология, миграции, реконструкции, паразитозы, заселение Америки, вши, геогельминты, цестоды.

Введение

Способность к миграции является одной из ключевых характеристик человечества, а направления перемещения людей по планете как в древности, так и в настоящее время максимально разнообразны. Многочисленны и методы реконструкции этих контактов и миграций. Анализ древней материальной культуры, классические остеологические методы (краниология, одонтология и т.д.), анализ древней ДНК человека и современных патогенных бактерий и вирусов, определение соотношения различных химических элементов и их изотопов в костной ткани человека и окружающей его среде — это лишь неполный список методов и подходов, позволяющих реконструировать перемещения людей в древности [Meiggs and Freiwald, 2018].

В то же время следует отметить, что достоверность проводимых реконструкций напрямую зависит от правильного подбора и сочетания используемых методов, так как применение каждого из них по отдельности далеко не всегда позволяет получить однозначный результат [Meiggs and Freiwald, 2018].

Расширение арсенала взаимодополняющих методов увеличивается с каждым годом, при этом возрастает интерес к данным по распространенности тех или иных паразитозов человека и животных. Тем более, что в последние полвека накопился значительный объем паразитологической и археопаразитологической информации, который послужил основой для ряда обобщающих работ, заложивших теоретическую и фактологическую основу возможности реконструкции миграций человека в различные хронологические периоды. Но следует отметить, что обзорные статьи, касающиеся данной проблемы, как правило, посвящены вопросу заселения человеком Американского континента [Araújo et al., 1988; Araújo et al., 2008].

Также в последние годы опубликованы работы, суммировавшие значительный пласт информации о распространении различных типов паразитозов по континентам и занятии ими новых экологических ниш посредством интенсификации перемещений человека и антропогенной перестройки окружающей среды за последние 2–3 столетия [Steverding, 2020]. Авторы этих обзоров, не ставя перед собой задачу максимально отразить распространение паразитозов человека в древности посредством контактов и миграций, в основном используют архео/палеопаразитологические данные в качестве иллюстрации древности подобного процесса.

Цель настоящего обзора — обозначить основные теоретические основы для возможности реконструкции миграций древнего населения по данным археопаразитологии, продемонстрировать результаты, возможности и перспективы подобного подхода.

Краткое теоретическое обоснование возможности использования археопаразитологических данных для реконструкции миграций и контактов людей в древности

Происхождение гоминин связывается с территорией Восточной Африки, где осуществлялись основные этапы эволюции предков человека в раннем плейстоцене [Bons et al., 2019]. За время обитания и эволюции на территории Африки вид *Homo sapiens* унаследовал от своих предков сформировавшуюся у них паразитофауну. Часть паразитов, которая не требовала смены хозяев и жизненный цикл которой осуществлялся на/в человеке (вши, острицы и т.д.), вместе с ним распространилась по всей планете и генетически дифференцировалась параллельно со своими хозяевами [Hugot et al., 1999; Sorci et al., 2003; Reed et al., 2007].

Использование таких видов паразитов, которые эволюционировали вместе с человеком, в качестве материала для реконструкции миграций ограничивается сравнением генетической изменчивости составных частей системы «паразит — хозяин» и сопоставлением результатов генетических исследований с антропологическими и историческими данными.

В качестве маркера контактов и/или миграций людей в древности могут быть использованы и кишечные паразиты таких групп, как геогельминты, лентецы и трематоды.

Наиболее часто встречающейся в ходе археопаразитологических исследований группой кишечных паразитов являются геогельминты, характерная черта которых — наличие в жизненном цикле стадии созревания яиц во влажной и хорошо прогретой почве. Например, для таких геогельминтов, как власоглав (*Trichuris trichiura*), человеческая аскарида (*Ascaris lumbricoides*) и угрица кишечная (*Strongyloides stercoralis*), условия для созревания яиц имеются на значительной части земной поверхности от экваториального до умеренного пояса включительно [Возианова, 2001]. Жизненный цикл других геогельминтов, таких как анкилостомы (*Ancylostoma duodenale* и *Necator americanus*), ограничен экваториальным, тропическим и субтропическим поясами. Условия развития геогельминтов отсутствуют в арктической и субарктической зонах, в высокогорье, пустынях и полупустынях [Возианова, 2001]. Таким образом, обнаружение яиц геогельминтов в древних образцах, полученных на данных территориях (вне эндемичных очагов) при археологических раскопках, может являться прямым указанием на наличие контактов и/или миграций населения в древности.

Исходя из подобных теоретических посылок обнаружения яиц паразитов, не характерных для территорий археологического памятника или погребений, кроме геогельминтов в ряде случаев в качестве такого показателя можно использовать других кишечных паразитов, например цестод и трематод.

В процессе заселения и освоения новых территорий человек проникал на участки с уже давно эволюционно сформированными и функционирующими без его участия природными очагами некоторых гельминтозов [Павловский, 1964; Slepchenko and Reinhard, 2018]. При наличии определенных культурно-бытовых особенностей человек мог встроиться в существующий жизненный цикл паразита в качестве, как правило, окончательного хозяина. Однако следует отметить, что природные очаги гельминтозов, в которых возможно инвазироваться определенными паразитами, чередуются с участками, на которых заразиться ими нельзя [Павловский, 1964; Slepchenko, 2020]. Таким образом, обнаружение яиц паразитов в культурном слое или пробах почв из погребений на территориях, где ими заразиться нельзя, может четко указать на миграции и/или контакты в направлении эндемичных по данным паразитам территорий.

Реконструкция контактов и миграций по результатам генетического исследования эктопаразитов человека (на примере вшей)

Хорошим примером для иллюстрации коэволюционных процессов между человеком и его паразитами являются результаты исследования генетической изменчивости человеческих вшей [Reed et al., 2004, 2007]. Как известно, вши являются облигатными кровососущими эктопаразитами (обитающие вне полостей человека) и занимают строго определенные экологические ниши на теле человека — волосистую часть головы (головная вошь), его одежду (платяная вошь) либо лобковые волосы в случае с лобковой вошью [Reed et al., 2004, 2007; Weiss, 2009].

С точки зрения филогении и генетики головная (*Pediculus humanus capitis*) и платяная (*Pediculus humanus humanus*) вши составляют один род *Pediculus*, к которому также принадлежит вошь шимпанзе (*Pediculus schaeffi*). Человеческая лобковая вошь (*Phthirus pubis*) вместе с вошью горилл (*Phthirus gorilla*) относятся к роду *Phthirus* [Reed et al., 2007; Boutellis et al., 2014]. По результатам анализа митохондриальной ДНК вши человека разделяются на шесть клад,

имеющих буквенное обозначение A, B, C, D, E и F, внутрикладовое разнообразие выражается множеством гаплотипов. При этом головные вши охватывают все известные клады, в то время как платяные — только четыре (A, D, E, F) [Reed et al., 2004, 2007; Boutellis et al., 2014].

На эволюционном древе происхождения человеческих вшей можно выделить несколько этапов. Начальный этап связан с происхождением рода *Homo*. Первичное разделение гоминин — древних хозяев вшей — на две линии, одна из которых вела к гориллам, а другая к общему предку человека и шимпанзе. Данный этап ориентировочно датируется временем порядка 13 млн л.н. На каждой из этих линий после дивергенции обитали оба рода вшей — *Pediculus* и *Pthirus*. Но в процессе дальнейшей эволюции у линии, ведущей к горилле, произошла утрата вшей рода *Pediculus*, они отсутствуют у данного примата и сейчас. Линия общего предка человека и шимпанзе лишилась вшей рода *Pthirus*. По данным исследования ядерной и митохондриальной ДНК современных вшей, на следующем этапе, при дивергенции семейства гоминин на линии, ведущие к современному человеку и шимпанзе, произошло разделение и линий вшей на два вида — *Pediculus humanus* и *Pediculus schaeffi*. Датировка обоих событий очень близка и определяется временем около 6,3 млн л.н. [Reed et al., 2007; Boutellis et al., 2014]. В то же время генетический анализ лобковой вши человека показал, что время ее расхождения с вошью рода *Pthirus*, паразитирующей на горилле, составляет всего около 3,32 млн лет. Это заметно меньше, чем время расхождения между двумя видами вшей рода *Pediculus*, обитающих на человеке [Reed et al., 2007]. Данный факт указывает, что в это время произошел повторный перенос эктопаразита рода *Pthirus* с линии гориллы на представителей рода *Homo* [Reed et al., 2007; Boutellis et al., 2014].

В своей генетической истории вши не только показывают эволюционные изменения своего хозяина, но и отражают его миграции и контакты. Интересным моментом изучения генетической изменчивости вшей является обнаружение эффекта «бутылочного горлышка» — резкого падения генетического разнообразия у данного паразита человека. Датировка этого явления (около 100 000 л.н.), обнаруженного у вшей, четко коррелируется с временем такого же сокращения генетического разнообразия у современных людей и, вероятно, отражает время выхода человека современного типа за пределы Африки и распространение его по миру [Reed et al., 2007; Asuncion et al., 2013].

В некоторых случаях на основании генетической изменчивости вшей возможно отследить и более локальные, хронологически более близкие к нам миграции древнего человека. Таким примером могут служить результаты генетического анализа гнид головных вшей, обнаруженных при исследовании волос человека из Пещеры Сокровищ (Cave of the Treasure), расположенной в Иудейской пустыне в Нахаль Мишмар (период энеолита, 4000 лет до н.э.), и на волосах, найденных при раскопках погребений археологического памятника Нахаль Омер, расположенного на пути между Петрой и Газой в местности Арава, между Красным и Мертвым морями (ранний исламский период, 650–810 гг. н.э.) [Drali et al., 2015].

На основании филогенетического анализа, проведенного для митохондриального гена цитохрома b [cytb], было показано, что ДНК гнид древних вшей как эпохи энеолита, так и раннеисламского периода являются частью клады C. В то же время несмотря на наличие уникальных последовательностей ДНК, отличающих исследованные образцы от современных групп, в них наблюдается наибольшее сходство по ДНК с вшами из Сенегала. Также было показано, что подобный митохондриальный генотип клады C в основном характерен для территории Западной Африки, а его присутствие на Ближнем Востоке с большой вероятностью связывается с миграционными потоками на протяжении длительного времени, например в результате работорговли [Drali et al., 2015].

Кишечные паразиты как маркеры контактов и миграций древнего человека

Одна из наиболее частых находок в археопаразитологических пробах, как с поверхности крестца погребенных людей, так и из культурных слоев археологических памятников мира, — яйца человеческой аскариды (*Ascaris lumbricoides*) и власоглава (*Trichuris trichiura*) [Leles et al., 2010]. В большинстве случаев обнаружение яиц этих геогельминтов является свидетельством плохой личной гигиены населения, санитарного неблагополучия поселений либо признаком использования человеческих фекалий в качестве удобрения почвы [Shin et al., 2011]. В то же время ввиду особенностей жизненного цикла и географии распространения данный паразит может быть использован и как маркер миграций.

Так, яйца человеческой аскариды и власоглава были обнаружены при исследовании копролитов, проб фекалий из туалетов и проб культурного слоя Мангазеи — русского города приполярной зоны [Slepchenko et al., 2021]. Как известно, путь заражения этими гельминтозами фекально-оральный: яйца геогельминтов попадают в организм хозяина при употреблении в пищу

загрязненных пищевых продуктов и реже — некипяченой воды [Возианова, 2001]. Контингентом из группы риска при этом являются люди, связанные с земледелием, садоводством и огородничеством [Возианова, 2001; Shin et al., 2011]. Для территорий, близких к Полярному кругу, это не актуально, так как земледелие здесь практически невозможно, а природные условия (короткое лето, холодная почва, вечная мерзлота) препятствуют созреванию геогельминтов в земле [Истомин и др., 2003]. Поэтому первоначально все случаи аскаридоза и трихуриаз в Мангазее были завозными, что указывает на перемещение людей и/или товаров с территорий, расположенных значительно южнее [Slepchenko et al., 2021]. Относительное богатство письменных источников об образовании и заселении Мангазеи четко коррелируется с данными археопаразитологии. Даже если бы мы не обладали письменными свидетельствами о Мангазее в целом, пути заселения города вполне надежно могли бы быть реконструированы по данным археопаразитологии.

Более древним примером реконструкции миграций по данным археопаразитологии является случай обнаружения яиц власоглава (*Trichuris trichiura*) в пробах мумифицированных тканей с поверхности крестца одного из погребенных в могильнике Догээ-Баары 2 уюкско-саглынской культуры ранних кочевников Центральной Азии V–IV вв. до н.э. [Чугунов, 2007]. Памятник находится у подножия горы Догээ, расположенной у г. Кызыла. В Тувинской котловине, к которой физико-географически относится эта местность, отсутствуют условия для развития многолетней очаговости *Trichuris trichiura* и риск заражения трихуриазом исчезающе низок, так как данная местность имеет резко континентальный сухой климат, с большой амплитудой среднегодовых температур и экстремально низкими зимними значениями [Гвоздецкий, Михайлов, 1978]. Если учесть тот факт, что природными очагами трихуриаза являются географические зоны с влажным и теплым тропическим/субтропическим и умеренным климатом, а для созревания яиц власоглава оптимальна температура +30 °C при влажности, близкой к 100 %, то становится очевидным, что заражение этим паразитозом могло произойти при непосредственном посещении эндемичных очагов гельминта *Trichuris trichiura* либо в результате употребления импортных продуктов питания, доставляемых, возможно, из оазисов Средней Азии или Древнего Китая. Таким образом, данными археопаразитологии подтверждаются прямые контакты кочевников Южной Сибири с отдаленными земледельческими областями [Slavinsky et al., 2018].

Ярким примером свидетельства такого движения не только людей и товаров, но и паразитов являются результаты исследования «гигиенических палочек» из туалета, обнаруженного при раскопках стоянки торговых караванов Шанкюанжи (Xuanquanzhi) на территории пустыни Такла-Макан в северо-западной части современного Китая у г. Дуньхуан провинции Ганьсу [Yeh et al., 2016]. Данный памятник датируется рубежом эр (111 г. до н.э. — 109 г. н.э.). При археопаразитологическом исследовании губок и фрагментов гигиенических палочек с рядом других гельминтов были обнаружены яйца *Ascaris lumbricoides* и *Trichuris trichiura*, хотя в сухом пустынном климате Такла-Макана, на наш взгляд, не мог образоваться очаг трихуриаза и аскаридоза. Как и в случае обнаружения яиц власоглава в мумифицированных тканях с поверхности крестца кочевника, погребенного в могильнике Догээ-Баары 2, выявление яиц вышеобозначенных кишечных паразитов указывает на происхождение этих гельминтов из районов Средней Азии и/или Китая в результате миграций людей по Великому Шелковому пути.

В ряде случаев маркером миграций могут выступить цестоиды рода *Diphyllbothrium*, природные очаги которых зарегистрированы по большей части в циркумполярной и умеренной зонах земного шара [Сердюков, 1979; Scholz et al., 2019].

География распространения биогельминтов этого рода ограничена распространением первых промежуточных хозяев — веслоногих рачков (*Acanthodiaptomus*, *Arctodiaptomus*, *Diaptomus*, *Eudiaptomus*, *Eurytemora* и *Boeckella*, *Mesocyclops*) [Scholz et al., 2009]. Таким образом, обнаружение яиц лентецов рода *Diphyllbothrium* в пробах с археологических памятников, расположенных вне эндемичной зоны, четко указывает на наличие перемещения людей.

Примером подобной реконструкции миграций может служить обнаружение яйца *Diphyllbothrium latum* в пробах ряда археологических памятников на территории Ближнего Востока. Этот паразит был выявлен в образцах грунта, отобранных из выгребной ямы жилого квартала средневекового города Акко (Acre), расположенного на территории современного Израиля и датированного XIII в. Именно в этот период город входил в Иерусалимское королевство франков [Mitchell et al., 2011].

Исследование копролитов, извлеченных из выгребных ям, раскопанных в 1996 г. в христианском квартале Иерусалима, недалеко от Храма Гроба Господня, и датированных периодом

мамлюков (1250–1516 гг. н.э.), также показало наличие в образцах яиц цестоды *Diphyllbothrium latum* [Yeh et al., 2015]. Авторы исследований, ввиду отсутствия биологических предпосылок в водоемах на территории Ближнего Востока для интродукции *Diphyllbothrium latum*, обоснованно связывают появление яиц широкого лентеца в пробах из обеих локаций с периодами крестовых походов и тем, что среди крестоносцев и паломников были зараженные люди с территории Северной Европы [Mitchell et al., 2011].

В другой статье, посвященной археопаразитологическому исследованию, сообщается, что в более поздних слоях из туалета Османского периода в г. Акко (Израиль), датируемых началом 1800-х гг. н.э., также были обнаружены яйца широкого лентеца [Eskew et al., 2019]. В данной работе авторы допускают интродукцию этого паразита на территории Ближнего Востока. Однако данные биологии и эпидемиологии биогельминта не позволяют согласиться с этим, так как с периода средневековья не могло возникнуть биологических условий для интродукции широкого лентеца и этот паразитоз не встречается на Ближнем Востоке и сейчас (исключая завозные случаи) [Scholz et al., 2019]. В то же время мы поддерживаем авторов в предположении, что яйца широкого лентеца могли попасть в туалет со стулом людей как местных, побывавших в Европе, так и наоборот — купцов и паломников, которые прибыли в Акку из эндемичных районов, например Северной Европы [Eskew et al., 2019].

Трематоды семейства Opisthorchiidae — еще одна группа паразитов человека, перспективная для проведения реконструкций миграций древних людей по данным археопаразитологии. Основными представителями этого семейства, которыми может заражаться человек, являются виды *Opisthorchis felinus*, *Clonorchis sinensis* и *Opisthorchis viverrini* [Беэр, 2005].

Использование трематод семейства Opisthorchiidae в качестве источника информации о миграциях древнего населения может быть проиллюстрировано на примере кошачьей двуустки (*Opisthorchis felinus*) — паразита наиболее актуального для территории Западной Сибири. Подобный выбор в данном случае обусловлен, с одной стороны, хорошей исследованностью как ареала распространения самого паразита, его промежуточных хозяев, изученностью природно-климатических условий, с другой — обилием антропологических, археологических и этнографических данных, способных выступить в качестве материала для проверки археопаразитологических гипотез о миграциях и контактах древнего населения Западной Сибири [Slepchenko, 2020].

Как известно, некоторые культурные факторы определяют зараженность человека описторхозом, например традиция употребления сырой, вяленой рыбы в пищу. В ряде работ показано, что для реконструкции миграций людей в древности применительно к территории всей Сибири можно с определенной уверенностью использовать только природно-климатические и биологические факторы, определяющие условия функционирования очага описторхоза в сочетании с определенными культурными традициями [Беэр, 2005; Slepchenko, 2020].

Функционирование очага описторхоза обусловлено наличием промежуточных хозяев — моллюсков, существование которых на конкретной территории зависит, в свою очередь, от ряда природно-климатических факторов. Лимитирующим фактором для моллюсков рода *Codiella inflata* и *Bithynia tentaculata* — промежуточных хозяев *Opisthorchis felinus* на территории Западной Сибири являются низкая температура воды в водоемах — ниже +15 °C в течение трех летних месяцев подряд и территории с «вечной мерзлотой». В связи с этими природными факторами территорию Западной Сибири можно разделить на зоны благоприятные и неблагоприятные для реализации жизненного цикла *Opisthorchis felinus* [Беэр, 2005]. Например, описторхозом нельзя заразиться, употребляя в пищу сырую рыбу, выловленную в реках тундровой и лесотундровой зон Западной Сибири (бассейны Таза, Пура, Надыма), сток которых расположен в зоне вечной мерзлоты, по этим же причинам условия для развития жизненного цикла кошачьей двуустки отсутствуют в подавляющем большинстве рек Восточной Сибири [Беэр, 2005].

Действительно, исследование могильников Вэсакояха II–IV, Нямбойто I, оставленных коренным населением Крайнего Севера (ненцы-рыболовы и ненцы-охотники), расположенных в бассейне р. Таз, вне эндемического очага описторхоза, показало отсутствие яиц *Opisthorchis felinus* при достаточно высоком распространении *Diphyllbothrium* sp. [Slepchenko et al., 2016]. При высокой частоте заболеваемости дифиллоботриозом у северных селькупов XVIII–XIX вв. из Кикки-Акки — могильника, расположенного в верхнем течении Таза, не отмечено случаев заболевания описторхозом, хотя питание сырой рыбой — основной фактор заражения — зафиксировано как на этнографическом, так и на археологическом материале [Slepchenko and

Ivanov, 2015; Poshekhonova et al., 2020]. Все вышесказанное согласуется с биологическими данными об отсутствии на р. Таз природных очагов *Opisthorchis felinus*.

В то же время наличие яиц кошачьей двуустки было зафиксировано в пробах культурного слоя и копролитов собак, полученных при раскопках г. Мангазеи, также расположенного на р. Таз. Данный факт однозначно свидетельствует о перемещении людей в город через территорию Обь-Иртышского бассейна, эндемичного по описторхозу [Slepchenko, 2020; Slepchenko et al., 2021].

Отсутствуют яйца *Opisthorchis felinus* при наличии яиц *Diphyllbothrium* sp. в пробах грунта с поверхности крестца и у погребенных в могильнике Бухта Находка II, датированного периодом средневековья. Памятник расположен вне очага описторхоза на территории п-ва Ямал. При этом яйца кошачьей двуустки были обнаружены при исследовании собачьего копролита, полученного при раскопках поселения Ярте VI, которое расположено несколько севернее, чем могильник Бухта Находка II. В связи с этим можно предположить, что население, оставившее могильник Бухта Находка II, в отличие от обитателей поселения Ярте VI, не посещало территории Обь-Иртышского бассейна, эндемичные по описторхозу. Этот факт согласуется с археологическими данными [Slepchenko, 2020].

Интересные результаты получены при археопаразитологическом анализе 34 проб культурного слоя, отобранных в ходе комплексного изучения «Надымского городка» (Ямало-Ненецкий автономный округ) и датированных XIII — первой третью XVIII в. В культурном слое поселения были обнаружены яйца лентеца *Diphyllbothrium* sp., трематод *Alaria alata* и *Opisthorchis felinus* [Сивкова и др., 2018; Slepchenko et al., 2019]. Территориально городище расположено на р. Надым, где отсутствуют условия для функционирования очага описторхоза, из чего можно сделать вывод о перемещениях населения и заражении описторхозом при употреблении в пищу сырой рыбы, выловленной в реках Обь-Иртышского бассейна. Примечательно, что находки яиц *Opisthorchis felinus* относятся к начальному (время основания городка) и заключительному этапам существования городка. По данным археологии, именно в это время отмечается интенсификация контактов жителей Надымского городка с населением, обитавшим на территории Обь-Иртышского бассейна [Slepchenko et al., 2019b].

Также интересны результаты исследования могильника Зеленый Яр, расположенного в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Данный могильник находится на протоке р. Горный Полуй, которая, в свою очередь, является притоком Оби. При археопаразитологическом исследовании в пробах грунта с поверхности крестца четырех индивидуумов и кишечном содержимом мумии ребенка из погребения № 53 были обнаружены яйца *Opisthorchis felinus* и *Diphyllbothrium* sp., что сближает археопаразитологический спектр могильника, расположенного в эндемичной зоне, с теми археологическими памятниками, которые находятся вне ее, но на которых реконструируются миграции [Slepchenko et al., 2019a]. Можно сделать вывод, что для паразитарного спектра населения Западной Сибири характерно заражение описторхозом и/или дифиллоботриозом, что связано с повсеместным употреблением в пищу сырой рыбы. При этом фиксация такого сочетания, как это было обнаружено на могильнике Зеленый Яр, на не эндемичной для *Opisthorchis felinus* территории четко указывает на наличие миграций и/или контактов с населением, обитавшим в Обь-Иртышском бассейне. При этом нахождение в пробах только яиц *Diphyllbothrium* sp. говорит об отсутствии связей либо о минимальных контактах с населением этих территорий [Слепченко, 2018].

Также в качестве маркера миграций может быть использован еще один представитель трематод семейства Opisthorchidae — китайская двуустка (*Clonorchis sinensis*). Подавляющее большинство фактов обнаружения яиц трематод *Clonorchis sinensis* связано с территорией Китая и Южной Кореи, эндемичной по данному гельминтозу [Возианова, 2001]. Исключением, подтверждающим гипотезу о возможности использования трематод семейства Opisthorchidae в качестве маркеров миграций, является обнаружение яиц *Clonorchis sinensis* вне эндемичных очагов. Яйца китайской двуустки были выявлены при исследовании гигиенических палочек, обнаруженных в туалете стоянки торговых караванов Шанкюанжи (Хуанкуанзhi), о которой писалось выше [Yeh et al., 2016]. Однако находка яиц *Clonorchis sinensis* вне эндемичного очага, который расположен в 1500 км от этих мест, в более увлажненной и болотистой местности на территории Южного Китая, показывает, чем обнаружение яиц аскарид либо власоглава, так как может более четко локализовать эндемичную территорию происхождения гельминта (Южный Китай), а соответственно и направления перемещений древних людей [Yeh et al., 2016].

Заселение Американского континента по археопаразитологическим данным как пример реконструкции межконтинентальных миграций

Приуроченность геогельминтов к территориям с благоприятными для них природно-климатическими условиями и рассмотрение археопаразитологических данных в археологическом и антропологическом контекстах дает возможность использовать ряд геогельминтов для реконструкции более отдаленных, межконтинентальных миграций. Паразитологические данные о географическом распространении некоторых геогельминтов позволили еще в первой половине прошлого века по-новому взглянуть на проблему заселения Американского континента, предварив современные археологические и палеогенетические открытия.

На современном этапе исследований, касающихся появления первых людей на Американском континенте, нет сомнений, что заселение Нового Света в основном происходило через территорию Берингии в позднем плейстоцене, около 13 тыс. л.н., о чем свидетельствуют разнообразные археологические, антропологические и генетические изыскания [Potter et al., 2018]. Однако в археопаразитологии накопилось определенное количество фактов, которые не полностью согласуются с общепринятой моделью и указывают, что путь заселения людьми территории Северной и Южной Америки через Берингию являлся основным, но, вероятно, не единственным.

Паразитологические и археопаразитологические данные показывают, что ряд геогельминтов, в том числе и те, которые упоминались выше, а именно *Trichuris trichiura*, *Strongyloides stercoralis*, не говоря уже о более требовательных к условиям окружающей среды *Ancylostoma duodenale* и *Necator americanus*, не могли проникнуть на Американский континент через территорию Берингии. Данная проблема была поставлена палео/археопаразитологами еще в первой половине прошлого века и первоначально базировалась на эпидемиологических и климатогеографических данных, касающихся двух геогельминтов, широко распространенных в Латинской Америке и Азиатско-Тихоокеанском регионе [Araújo et al., 2008].

С. Дарлинг и Ф. Сопер, изучавшие географическое и этническое распространения кишечных паразитов *Ancylostoma duodenale* и *Necator americanus* в Южной Америке, Полинезии и Юго-Восточной Азии, обнаружили высокую частоту анкилостомидоза и некатороза в некоторых изолированных и, как указывали авторы, не имевших контактов с европеоидным и негроидным населением групп южноамериканских индейцев. Данный факт навел на мысль о присутствии этих гельминтов на территории Южной Америки в доколумбовый период [Araújo et al., 2008]. Однако работы ученых не получили широкой известности и признания, так как давно устоялось мнение о том, что эти гельминты, как и некоторые другие, появились на территории Америки в послеколумбовый период с европейскими колонистами и/или рабами из Африки, которых завозили в огромном количестве. Именно с работорговлей и рабами связывают появление в Латинской Америке таких паразитов, как *Schistosoma mansoni* и *Schistosoma haematobium*, «родиной» которых считается территория Великих Африканских озер, филярий *Onchocerca volvulus*, *Wuchereria bancrofti*, *Mansonella perstans* и др., основным очагом которых является Африка [Steverding, 2020].

Прямые доказательства того, что анкилостомы (*Ancylostoma duodenale* и *Necator americanus*) существовали в Латинской Америке до Колумба, были получены во второй половине прошлого века. Например, в результате археопаразитологического исследования доисторической мумии из Тиуанако (Tiwanaco), датированной около 900 г. до н.э., в кишечном содержимом были обнаружены яйца *Ancylostoma duodenale* [Allison et al., 1974]. Изучение человеческих копролитов, полученных при археологических раскопках в пещере Педра Фурад (Pedra Furad) (Бразилия), показало наличие в них яиц *Ancylostoma duodenale*, что подтвердило присутствие данного паразита на Южноамериканском материке уже около 7230 ± 80 л.н. [Ferreira et al., 1987]. Яйца *Ancylostoma duodenale* были найдены в кишечном содержимом, извлеченном из мумифицированных тел, обнаруженных и на других археологических памятниках с территории Чили и Бразилии [Araújo et al., 1988]. Яйца *Ancylostoma duodenale* были выявлены и в копролитах с территории Северной Америки [Faulkner and Patton, 2001; Reinhard, 1990]. Однако оставался вопрос, каким образом и с каким населением данные паразиты попали на территорию Американского континента.

Исходя из биологических особенностей цикла развития паразита *Ancylostoma duodenale* и ряда других гельминтов (*Necator americanus*, *Trichuris trichiura*, *Strongyloides stercoralis*), также обнаруженных в Новом Свете в доколумбов период, было выдвинуто предположение о невозможности их занесения человеком в древности в Новый Свет с территории Севера Евразии через Берингию. Основываясь на данных паразитологии, предложили дополнительный, транстихоокеанский путь миграции людей, объясняющий проникновение вышеприведенных кишечных паразитов на Американ-

ский континент из Евразии [Araújo et al., 1988; Araújo et al., 2008]. Это предположение нашло поддержку при построении моделей, основанных на палеоклиматических данных и палеопаразитологических материалах. Было показано, что маловероятной является модель интродукции *Ancylostoma duodenale* на территорию Америки путем единственной миграции населения культуры Кловес через территорию Берингии [Montenegro et al., 2006].

Ряд авторов подвергли критике такое предположение, указывая, что вышеуказанные паразиты могли в состоянии гипобиоза (состояние сниженной функциональной активности организма) преодолеть в кишечнике человека огромное расстояние через Берингию и достигнуть тех широт, в которых оказалось возможным возобновить полный цикл развития [Kliks, 1990; Hawdon and Johnston, 1996]. Данные утверждения, на наш взгляд, не выдерживают критики, так как миграции человека при заселении Америки не были столь стремительными. По некоторым данным, популяции, впоследствии заселившие всю Америку в течение нескольких тысячелетий, обитали на территории Берингии, включая Аляску [Perego et al., 2010; Klein, 2016]. Кроме того, заселение человеком Берингии и последующее заселение Северной Америки, как предполагается, шло с территории северо-восточной оконечности Евразии (п-ов Чукотка и прилегающие, ныне затопленные территории), где отсутствуют и, вероятно, отсутствовали на протяжении многих десятков тысяч лет природные условия для реализации цикла развития вышеуказанных паразитов.

Со временем стали появляться данные, подтверждающие неоднократно миграции населения Евразии на Американский континент, и из других источников. Так, при метагеномном исследовании малярийного плазмодия было обнаружено значительное генетическое разнообразие штаммов *Plasmodium vivax* в Северной и Южной Америке по сравнению со штаммом *Plasmodium falciparum* [Rodrigues et al., 2018]. Этот факт позволил исследователям предположить, что появление последнего произошло относительно недавно, во время массового перемещения африканских рабов в Латинскую Америку. В то время как меланезийские штаммы *Plasmodium vivax* присутствуют на территории Американского континента очень давно, со времен явно до открытия Америки Христофором Колумбом [Rodrigues et al., 2018]. Подобное предположение высказывалось и ранее Р. Картером, который проследил эволюцию малярийных плазмодиев от их происхождения (около 2 млн л.н.) до современности. Он показал, что первоначально *Plasmodium vivax* произошел от штаммов, ареал которых располагался в Средиземноморском регионе и на Африканском континенте южнее Сахары во время последнего ледникового периода. В доказательство автор привел сведения о высокой частоте эритроцитарного антигена системы Даффи, обуславливающего устойчивость к малярии у населения Африки к югу от Сахары [Carter, 2003]. Интересной является гипотеза автора, что афро/азиатская форма *Plasmodium vivax* была занесена людьми в Южную Америку в доколумбов период, однако не смогла закрепиться в человеческих популяциях, но адаптировалась к передаче обезьянам в лесах Южной Америки в качестве паразита под названием *Plasmodium simium*, что объясняет отсутствие морфологических и слабые генетические отличия двух видов плазмодия [Carter, 2003].

Вместе с тем имеются данные, что задолго до открытия Америки *Plasmodium vivax* поражал и людей. Так, исследование геномов малярийного плазмодия подтверждает это и на палеоантропологическом материале. Как показал иммуноферментный анализ 155 образцов мумий из Южной Америки, датированных от 3000 до 800 лет от современности, в 60 % образцов были обнаружены антитела к *Plasmodium vivax*, в то время как результаты анализа на наличие антител к *Plasmodium falciparum* по всем образцам оказались отрицательными [Gerszten et al., 2012]. Это еще раз свидетельствует об очень древнем появлении *Plasmodium vivax* на территории Нового Света, а исходя из цикла развития малярийного плазмодия объяснить его проникновение в доколумбов период на территорию Америки через Берингию не представляется возможным.

В археологической литературе также имеются указания на возможность альтернативных путей заселения Америки как по сухопутным маршрутам, так и по морю (трансокеанские) [Meggers, 1975; Bradley and Stanford, 2004]. Есть ряд публикаций, в которых и допускается, и отрицается возможность связей населения обеих Америк с Полинезией, Юго-Восточной Азией и т.д. [Green, 2000; Storey et al., 2007; Klein, 2016].

Не отрицая, что основная волна заселения Американского континента шла через Берингию, на дополнительную волну миграции указывают и по результатам палеогенетических исследований человека. Были изучены костные останки близких к современности представителей племени ботокудов, в генотипе двух из них была обнаружена митохондриальная гаплогруппа B4a1a1a. Эта гаплогруппа с большой частотой встречается у населения Полинезии, Микроне-

зии, части населения Меланезии, островов Бисмарка, Соломоновых островов и острова Пасхи, но не у южноамериканских индейцев [Gonçalves et al., 2013]. Авторы статьи рассматривают три возможных варианта появления полинезийского генетического компонента у ботокудов. Первый сценарий связан с возможностью генетической преемственности между ботокудами и палеоамериканцами, имевшими некий полинезийский след в генофонде [Gonçalves et al., 2013]. Вторая версия предполагала более поздний прямой контакт между полинезийцами и индейцами Южной Америки [Gonçalves et al., 2013]. Третья версия сводилась к генетическому полинезийскому компоненту, переданному ботокудам через рабов-полинезийцев в XVIII в. Авторы отмечают, что не могут отвергнуть ни один из приведенных сценариев, но отдают предпочтение последнему [Gonçalves et al., 2013].

Другое исследование современных амазонских индейцев (суруи, каритиана и ксаванте) показало наличие некоего «австралазийского следа» в их генофонде, который сближает их с населением Андаманских островов (племя онге), меланезийцами, папуасами и австралийскими аборигенами [Skoglund et al., 2015]. Авторы еще одной статьи также отмечают наличие австралазийского генетического «Y-компонента» компонента, который был обнаружен у индивида из Lagoa Santa (Lagoa Santa) в Бразилии, датированного 10 400 лет от современности, при этом не указывают даже предположительный маршрут проникновения обнаруженного австралазийского компонента в Южную Америку [Moreno-Mayar et al., 2018].

Долгое время исследователи не могли прийти к однозначному решению о происхождении так называемого Y-компонента, предполагая, что он мог быть результатом как ранних либо поздних миграций, так и генетического дрейфа. Последнее исследование по данной тематике показало, что австралазийский компонент присутствует у индейского населения тихоокеанского побережья Южной Америки и является предковым для такого же компонента у индейцев Амазонии. Авторы статьи указывают, что, вероятно, заселение Южной Америки с территории Евразии шло двумя путями — материковым и более южным прибрежным [Silva et al., 2021].

Можно заключить, что все еще недостаточно археологических и палеогенетических данных, позволяющих с полной уверенностью подтвердить или опровергнуть транстихоокеанские миграции человека на Американский континент в древности. Следует отметить, что археопаразитологические материалы, основанные на биологии паразитов (*Ancylostoma duodenale*, *Necator americanus*, *Trichuris trichiura*, *Strongyloides stercoralis*, *Strongyloides stercoralis*, *Plasmodium vivax*), позволяют с большой убедительностью утверждать, что путь заселения человеком Северную и Южную Америки через Берингию не был единственным.

Перспективы археопаразитологии как источника для реконструкции миграций древнего населения

Археопаразитология — направление на стыке паразитологии и ряда исторических дисциплин (археологии, этнографии и др.), основной целью которого является идентификация паразитов, обнаруженных в ходе анализа археологических материалов и напрямую связанных с человеком или той или иной человеческой деятельностью, с последующей реконструкцией различных сторон жизни древнего населения, начиная от питания, состояния здоровья и заканчивая миграциями и контактами. Археопаразитология давно уже не ограничивается только констатацией фактов, а нацелена на решение более широкого круга вопросов как сугубо биологических, так и исторических [Слепченко, 2018]. Хотелось бы отметить ряд наиболее актуальных направлений современной археопаразитологии. Современные палеогенетические исследования с успехом применяются при реконструкции миграций древнего человека, в том числе с использованием ДНК современного человека. В то же время имеются лишь единичные работы по исследованию ДНК современных и «древних» паразитов человека, преследующие цели исторической реконструкции. Древность эволюционного сложения системы «паразит — хозяин» и совместная коэволюция *Ното* и его паразитов (гельминты, вши, простейшие) делает ДНК паразитов интересным объектом для реконструкции не только эволюции человека, но его перемещения по планете, что с успехом было продемонстрировано на примере вшей. Кроме того, данные по ДНК как современных, так и древних паразитов, наряду с данными археологии и физической антропологии, могут стать одним из элементов контроля выводов по реконструкциям миграций древнего человека, выполненным на основании анализа его ДНК.

Большой интерес представляют использование паразитологических и климатогеографических данных в археопаразитологии и дальнейшая работа по обнаружению в пробах культурного

слоя и грунте из погребений яиц гельминтов, имеющих природную очаговость. Особенно это касается паразитов не эндемичных для тех или иных территорий. Не исчерпан потенциал трематоды *Opisthorchis felineus*, которая имеет широкий ареал распространения на территории Евразии, от Пиренейского п-ва на западе до р. Бирюсы на востоке. При этом ареал не является сплошным, из чего следует, что подробное картирование мест обитания первых промежуточных хозяев кошачьей двуустки, а в ряде случаев природно-климатических условий среды в современности и древности с дальнейшим сопоставлением с археопаразитологическими данными позволит реконструировать контакты и миграции. Перспективность такого подхода была показана на примере археопаразитологических исследований на территории Западной Сибири. Подобное картирование ареала *Opisthorchis felineus* имеется и для бассейна таких крупных рек, как Днепр, Десна, Волга и т.д., но отсутствие археопаразитологических материалов с этих территорий не дает возможности проверить данную гипотезу и попытаться реконструировать миграции в бассейнах этих рек. Все вышесказанное применимо не только к *Opisthorchis felineus*, но и к другим трематодам, таким как *Clonorchis sinensis* и *Opisthorchis viverrine*.

Принцип чередования зон, на которых возможна реализация жизненного цикла геогельминтов, с территориями, на которых для этого нет природных предпосылок, но при этом находящимися в одной природно-климатической зоне (например, чередование тропиков с пустынями, наличие высокогорных участков в зоне того же тропического климата и т.д.), позволяет расширить возможности интерпретации археопаразитологических результатов и попытаться не только определить перемещения людей «по плоскости», но и, возможно, выявить миграции «по высоте», как это было показано на примере исследования экскрементов овец (радиоуглеродная дата 122 ± 56 л. н.) из скального навеса в Цейском ущелье в Северной Осетии. Было выявлено, что заражение фасциолезом овец связано с перегоном стад с высокогорных пастбищ на низменности, где животные заражались этим гельминтом. Прекращение же в советское время подобных перемещений стад овец повлекло и археопаразитологически засвидетельствованное исчезновение заболевания фасциолезом овец, выпасаемых на высокогорных пастбищах [Савинецкий, Хрусталева, 1990].

Заключение

Человек древний и современный неразрывно связан с окружающей его средой, составной частью которой являются паразитические организмы. Вся свою историю люди находятся в тесном взаимодействии с паразитами, для многих из которых они, в свою очередь, являются «окружающей средой». А паразиты, таким образом, зачастую отражают перемещения человека по планете. История же таких взаимодействий записана в ДНК человека и паразитов. Она содержится в виде яиц гельминтов в пробах почвы, мумиях, культурном слое, зафиксирована в культурных традициях и т.д., остается только правильно ее извлечь и прочесть.

Применение археопаразитологических данных для реконструкции питания, адаптации к различным условиям окружающей среды, санитарного благополучия поселений, состояния здоровья человека и т.д. давно нашло место в мировой археологии и антропологии. Как показано в данном обзоре, археопаразитологические исследования также имеют хорошие результаты, для того чтобы закрепиться в списке перспективных направлений и методов реконструкции как глобальных, так и локальных миграций.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-19-50118.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безр С.А. Биология возбудителя описторхоза. М.: Тов-во науч. изд., 2005. 336 с.
 Возианова Ж.И. Инфекционные и паразитарные болезни. Киев, 2001. 656 с.
 Гвоздецкий Н.А., Михайлов Н.И. Физическая география СССР: Азиатская часть. М.: Мысль, 1978. С. 188–234.
 Истомин А.В., Шушкова Т.С., Раенгулов Б.М. Гигиенические проблемы экологии и здоровья человека в условиях Крайнего Севера. М.: Экси; 2003. 388 с.
 Павловский Е.Н. Природная очаговость трансмиссивных болезней в связи с ландшафтной эпидемиологией зооантропонозов. М.; Д., 1964. 211 с.
 Савинецкий А.Б., Хрусталева А.В. Использование гельминтологического анализа ископаемых экскрементов животных для палеоэкологических исследований // Экология. 1990. № 4 С. 46–57.
 Сердюков А.М. Дифиллоботрииды Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.

Сивкова Т.Н., Косинцев П.А., Кардаш О.В. Палеопаразитологическое исследование копролитов собак (*Canis familiaris* L., 1758) из раскопок «Надымского городка» XVII–XVIII веков // Известия Самар. НЦ РАН. 2018. № 5-4 (85). С. 621–625.

Слепченко С.М. Возможности археопаразитологии в антропологической реконструкции: (Методические аспекты): Дис. ... канд. биол. наук. М., 2018.

Чугунов К.В. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала Уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 123–144.

Allison M.J., Pezzia A., Hasegawa I., Gerszten E. A case of hookworm infestation in Precolumbian America // American Journal of Physical Anthropology. 1974. № 41. P. 103–106. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330410113>

Araújo A., Ferreira L.F., Confalonieri U., Chame M. Hookworms and the peopling of America // Cadernos de Saúde Pública. 1988. № 4 (2). P. 226–233. <https://doi.org/10.1590/S0102-311X1988000200006>

Araujo A., Reinhard K.J., Ferreira L.F., Gardner S.L. Parasites as probes for prehistoric human migrations? // Trends in Parasitology. 2008. № 24 (3). P. 112–115. <https://doi.org/10.1016/j.pt.2007.11.007>

Ascunze M.S., Touns M.A., Kassu G., Fane J., Scholl K., Reed D.L. Nuclear genetic diversity in human lice (*Pediculus humanus*) reveals continental differences and high inbreeding among worldwide populations // PLoS. ONE. 2013. 8(2):e57619. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0057619>

Bons P.D., Bauer C.C., Bocherens H., De Riese T., Drucker D.G., Francken M. Out of Africa by spontaneous migration waves // PLoS ONE. 2019. № 14(4). e0201998. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0201998>

Boutellis A., Abi-Rached L., Raoult D. The origin and distribution of human lice in the world // Infection, Genetics and Evolution. 2014. № 23. P. 209–217. <https://doi.org/10.1016/j.meegid.2014.01.017>

Bradley B., Stanford D. The North Atlantic ice-edge corridor: A possible Palaeolithic route to the New World // World Archaeology. 2004. № 36. P. 459–478. <https://doi.org/10.1080/0043824042000303656>

Carter R. Speculations on the origins of *Plasmodium vivax* malaria // Trends Parasitol. 2003. № 19. P. 214–219. [https://doi.org/10.1016/S1471-4922\(03\)00070-9](https://doi.org/10.1016/S1471-4922(03)00070-9)

Drali R., Mumcuoglu K.Y., Yesilyurt G., Raoult D. Studies of ancient lice reveal unsuspected past migrations of vectors // American Journal of Tropical Medicine and Hygiene. 2015. № 93 (3). P. 623–625. <https://doi.org/10.4269/ajtmh.14-0552>

Eskew W.H., Ledger M.L., Lloyd A., Pyles G., Gosker J., Mitchell P.D. Intestinal parasites in an Ottoman period latrine from Acre (Israel) dating to the early 1800s CE // Korean Journal of Parasitology. 2019. № 57 (6). P. 575–580. <https://doi.org/10.3347/kjp.2019.57.6.575>

Faulkner C.T., Patton S. Pre-Columbian hookworm evidence from Tennessee: A response to fuller (1997) // Medical Anthropology. 2001. № 20. P. 92–96.

Ferreira L.F., Araújo A., Confalonieri U., Chame M., Ribeiro F.B. Encontro de Ovos de Ancilostomídeos em Coprólitos Humanos Datados de 7230±80 Anos // Paleoparasitologia no Brasil. 1987. № 59. P. 280–281.

Gerszten E., Allison M.J., Maguire B. Paleopathology in South American mummies: a review and new findings // Pathobiology. 2012. № 79. P. 247–256.

Gonçalves V.F., Stenderup J., Rodrigues-Carvalho C., Silva H.P., Gonçalves-Domelas H., Liryo A., Pena S. D.J. Identification of polynesian mtDNA haplogroups in remains of botocudo amerindians from Brazil // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. № 110 (16). P. 6465–6469. <https://doi.org/10.1073/pnas.1217905110>

Green R.C. A range of disciplines support a dual origin for the bottle gourd in the Pacific // The Journal of the Polynesian Society. 2000. № 109 (2). P.191–197.

Hawdon J.M., Johnston S.A. Hookworms in the Americas: An alternative to trans-Pacific contact // Parasitology Today. 1996. № 12. P. 72–74. [https://doi.org/10.1016/0169-4758\(96\)80658-2](https://doi.org/10.1016/0169-4758(96)80658-2)

Hugot J.P., Reinhard K.J., Gardner S.L., Morand, S. Human enterobiasis in evolution: Origin, specificity and transmission // Parasite. 1999. № 6. P. 201–208. <https://doi.org/10.1051/parasite/1999063201>

Klein H.S. The first Americans: The current debate // Journal of Interdisciplinary History. 2016. № 46 (4). P. 543–561. [https://doi.org/10.1162/JINH_a_00904\(2016\)](https://doi.org/10.1162/JINH_a_00904(2016))

Kliks M.M. Helminths as heirlooms and souvenirs: A review of New World paleoparasitology // Parasitol. Today. 1990. № 6 (4). P. 93–100. [https://doi.org/10.1016/0169-4758\(90\)90223-Q](https://doi.org/10.1016/0169-4758(90)90223-Q)

Leles D., Reinhard K.J., Fugassa M., Ferreira L. F., Iñiguez A.M., Araújo A. A parasitological paradox: Why is ascariid infection so rare in the prehistoric americas? // Journal of Archaeological Science. 2010. № 37 (7). P. 1510–1520. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2010.01.011>

Meggors B.J. The transpacific origin of Mesoamerican civilization: A preliminary review of the evidence and its theoretical implications // American Anthropologist. 1975. № 11. P. 1–27. <https://doi.org/10.1525/aa.1975.77.1.02a00020>

Meiggs D.C., Freiwald C. Human Migration: Bioarchaeological Approaches. // Encyclopedia of Global Archaeology. Springer, Cham. 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-51726-1_1814-2

Mitchell P.D., Anastasiou E., Syon D. Human intestinal parasites in crusader acre: Evidence for migration with disease in the medieval period // International Journal of Paleopathology. 2011. № 1 (3–4). P. 132–137. <https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2011.10.005>

- Montenegro A., Araujo A., Eby M., Ferreira L.F., Hetherington R., Weaver A.J. Parasites, paleoclimate, and the peopling of the Americas: Using the hookworm to time the Clovis migration // *Current Anthropology*. 2006. № 47 (1). P. 193–200. <https://doi.org/10.1086/499553>
- Moreno-Mayar V., Vinner L., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Chan J., Spence J.P., Allentoft M.E., Vilma T., Racimo F., Pinotti T., Rasmussen S., Margaryan A., Iraeta Orbegozo M. ... Meltzer D.J., Willerslev E. Early human dispersals within the Americas // *Science*. 2018. 362 (6419). <https://doi.org/10.1126/science.aav2621>
- Perego U.A., Angerhofer N., Pala M., Olivieri A., Lancioni H., Kashani B.H., Carossa V., Ekins J.E., Gómez-Carballa A., Huber G., Zimmermann B., Corach D., Babudri N., Panara F., Myres N.M., Parson W., Semino O., Salas A., Woodward S.R., Achilli A., Torroni A. The initial peopling of the Americas: A growing number of founding mitochondrial genomes from Beringia // *Genome Res*. 2010. № 20 (9). P. 1174–1179. <https://doi.org/10.1101/gr.109231.110>
- Poshekhonova O.E., Razhev D.I., Slepchenko S.M., Marchenko Z.V., Adaev V.N. Reconstruction of dietary habits of a local upper taz selkup group in the 18th and 19th centuries based on archaeoparasitology, osteology, stable isotope analysis, and archival documents // *Arctic Anthropology*. 2020. № 57 (1). P. 35–52. <https://doi.org/10.3368/aa.57.1.35>
- Potter B.A., Baichtal J.F., Beaudoin A.B., Fehren-Schmitz L., Haynes C.V., Holliday V.T., Surovell T.A. Current evidence allows multiple models for the peopling of the Americas // *Science Advances*. 2018. № 4 (8). [https://doi.org/10.1126/sciadv.aat5473\(2018\)](https://doi.org/10.1126/sciadv.aat5473(2018))
- Reed D.L., Light J.E., Allen J.M., Kirchman J.J. Pair of lice lost or parasites regained: The evolutionary history of anthropoid primate lice // *BMC Biology*. 2007. № 5 (7). <https://doi.org/10.1186/1741-7007-5-7>
- Reed D.L., Smith V.S., Hammond S.L., Rogers A.R., Clayton D.H. Genetic analysis of lice supports direct contact between modern and archaic humans // *PLoS Biol*. 2004. № 2 (11). <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.0020340>
- Reinhard K.J. Archaeoparasitology in North America // *American Journal of Physical Anthropology*. 1990. № 82. P. 145–162. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330820204>
- Rodrigues P.T., Valdivia H.O., De Oliveira T.C., Alves J.M.P., Duarte A.C., Cerutti-Junior C., Ferreira M.U. Human migration and the spread of malaria parasites to the new world // *Scientific Reports*. 2018. № 8 (1). <https://doi.org/10.1038/s41598-018-19554-0>
- Scholz T., Garcia H.H., Kuchta R., Wicht B. Update on the human broad tapeworm (genus *Diphyllobothrium*), including clinical relevance // *Clinical Microbiology Reviews*. 2009. № 22 (1). P. 146–160. <https://doi.org/10.1128/CMR.00033-08>
- Scholz T., Kuchta R., Brabec J. Broad tapeworms (diphyllobothriidae), parasites of wildlife and humans: Recent progress and future challenges // *International Journal for Parasitology: Parasites and Wildlife*. 2019. № 9. P. 359–369. <https://doi.org/10.1016/j.ijppaw.2019.02.001>
- Shin D.H., Oh C.S., Lee S.J., Chai J.Y., Kim J., Lee S.D., Park J.B., Choi I.-H., Lee H.J., Seo M. Paleoparasitological study on the soils collected from archaeological sites in old district of Seoul City // *Journal of Archaeological Science*. 2011. № 38. P. 3555–3559. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2011.08.024>
- Silva M.A., Ferraz T., Bortolini M.C., Comas D., & Hünemeier T. Deep genetic affinity between coastal pacific and amazonian natives evidenced by australasian ancestry // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2021. № 118 (14). <https://doi.org/10.1073/pnas.2025739118>
- Skoglund P., Mallick S., Bortolini M.C., Chennagiri N., Huenemeier T., Petzl-Erler M.L., Francisco M.S., Patterson N., Reich D. Genetic evidence for two founding populations of the Americas // *Nature*. 2015. № 525 (7567), P. 104–108. <https://doi.org/10.1038/nature14895>
- Slavinsky V.S., Chugunov K.V., Tsybankov A.A., Ivanov S.N., Zubova A.V., Slepchenko S.M. Trichuris trichiura in the mummified remains of southern Siberian nomads // *Antiquity*. 2018. № 92 (362). P. 410–420. <https://doi.org/10.15184/aqy.2018.12>
- Slepchenko S. Opisthorchis felinus as the basis for the reconstruction of migrations using archaeoparasitological materials // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2020. № 33. 102548. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102548>
- Slepchenko S.M., Ivanov S.N. Paleoparasitological analysis of soil samples from the Kikki-Akki burial ground of the 17th–19th centuries in West Siberia, Russia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2015. № 2. P. 467–472. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2015.04.007>
- Slepchenko S.M., Ivanov S.N., Bagashev A.N., Tsybankov A.A., Slavinsky V.S. Traditional living habits of the Taz tundra population: A paleoparasitological study // *Korean Journal of Parasitology*. 2016. № 54 (5). P. 617–623. <https://doi.org/10.3347/kjp.2016.54.5.617>
- Slepchenko S.M., Ivanov S.N., Gusev A.V., Svyatova E.O., Fedorova N.V. Archaeoparasitological and palynological analysis of samples from the intestinal contents of a child mummy from the Zeleniy Yar burial ground (12–13th centuries AD) // *Archaeological Research in Asia*. 2019a. № 17. P. 133–136. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2018.10.005>
- Slepchenko S.M., Kardash O.V., Slavinsky V.S., Ivanov S.N., Rakultseva D.S., Tsybankov A.A., Shin D.H. Archaeoparasitological analysis of samples from the cultural layer of Nadym gorodok dated back to the 14th — late 18th centuries // *Korean Journal of Parasitology*. 2019b. 57 (6). P. 567–573. <https://doi.org/10.3347/kjp.2019.57.6.567>
- Slepchenko S.M., Lobanova T.V., Vizgalov G.P., Ivanov S.N., Rakultseva D.S. Archaeoparasitological data and pathocology of the town of Mangazeya in Western Siberia in the 17th century // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2021. № 35. 102770. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102770>

- Slepchenko S., Reinhard K.* Paleoparasitology and pathoecology in Russia: Investigations and perspectives // *International Journal of Paleopathology*. 2018. № 22. P. 39–44. <https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2018.03.005>
- Sorci G., Skarstein F., Morand S., Hugot J.-P.* Correlated evolution between host immunity and parasite life histories in primates and oxyurid parasites // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2003. № 270. P. 2481–2484. <https://doi.org/10.1098/rspb.2003.2536>
- Steverding D.* The spreading of parasites by human migratory activities // *Virulence*. 2020. № 11 (1). P. 1177–1191. <https://doi.org/10.1080/21505594.2020.1809963>
- Storey A.A., Ramírez J.M., Quiroz D., Burley D.V., Addison D.J., Walter R., Anderson A.J., Hunt T.L., Athens J.S., Huynen L., Matisoo-Smith E.A.* Radiocarbon and DNA evidence for a pre-Columbian introduction of Polynesian chickens to Chile // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2007. № 104 (25). P. 10335–10339. <https://doi.org/10.1073/pnas.0703993104>
- Weiss R.A.* Apes, lice and prehistory // *Journal of Biology*. 2009. № 8 (2). 20. <https://doi.org/10.1186/jbiol114>
- Yeh H.Y., Mao R., Wang H., Qi W., Mitchell P.D.* Early evidence for travel with infectious diseases along the Silk Road: Intestinal parasites from 2000 year-old personal hygiene sticks in a latrine at Xuanquanzhi Relay Station in China // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2016. № 9. P. 758–764. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.05.010>
- Yeh H.Y., Prag K., Clamer C., Humbert J., Mitchell P.D.* Human intestinal parasites from a Mamluk period cesspool in the Christian quarter of Jerusalem: Potential indicators of long distance travel in the 15th century AD // *International Journal of Paleopathology*. 2015. № 9. P. 69–75. <https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2015.02.003>

Slepchenko S.M.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: s_slepchenko@list.ru

Archaeoparasitology — a new source of reconstruction of migrations of ancient populations: opportunities, results, and prospects

The resilience of intestinal parasite ova to harsh environmental conditions and possibility of identification of many of them down to genus/species with the aid of conventional visual light microscopy make parasites an important source of information on different aspects of life of ancient populations. Of special interest is the study of the phenomenon of parasitoidism aimed at reconstruction of ancient human migrations. Ectoparasites (the head louse) and a range of intestinal parasites of such groups as the helminths, tapeworms, and trematodes can be used as a marker of contacts and/or migration of people. Finding helminth ova in ancient samples collected in territories outside the endemic pockets can be direct evidence of contacts and/or migrations of the ancient population. An example of reconstruction of such migrations is given by, for instance, finding ova of the ascarids and whipworm on the territories of the Far North, mountainous Altai, deserts of the Central Asia etc. A remarkable example of migrations, according to the archaeoparasitology data, is the use of the helminths as a marker of ancient human migrations, with the example of population of the American continent. It is noteworthy that almost a century old archaeoparasitology data find confirmation in the results of modern paleogenetic studies. In the recent decades, there have been review publications concerned with the finds of ova of various parasitic organisms in archaeological sites, many of which consolidated archaeoparasitology materials dealing with specific intestinal parasites, the impact of the parasites on the human evolution and their (viz., parasites and human) coevolution, and spread of the parasitic diseases as a result of climate changes both in ancient and modern times. All the works, without exception, emphasize the importance of archaeoparasitology data for the deeper understanding of these processes. However, although the first works on the reconstruction of migrations from parasitological data were published back in the beginning of the last century, the research works substantiating this approach and demonstrating its viability appeared only early in this century and elucidated biological pre-requisites for the reconstruction of migrations. Therefore, new broad consolidation of the materials on the reconstruction of migrations from the data of archaeoparasitology is motivated not only by the need of reconsideration of already existing and new data, but also by the need of examination and verification of the archaeoparasitology facts in the context of the genetic data, archaeology, anthropology etc.

Keywords: archeoparasitology, migrations, reconstructions, parasitosis, colonization of America, lice, geohelminths, cestodes.

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 20-19-50118.

REFERENCES

- Allison, M.J., Pezzia, A., Hasegawa, I., Gerszten, E. (1974). A case of hookworm infestation in Precolumbian America. *American Journal of Physical Anthropology*, (41), 103–106. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330410113>
- Araújo, A., Ferreira, L.F., Confalonieri, U., Chame, M. (1988). Hookworms and the peopling of America. *Cadernos de Saúde Pública*, 4(2), 226–233. <https://doi.org/10.1590/S0102-311X1988000200006>

- Araujo, A., Reinhard, K.J., Ferreira, L.F., Gardner, S.L. (2008). Parasites as probes for prehistoric human migrations? *Trends in Parasitology*, 24(3), 112–115. <https://doi:10.1016/j.pt.2007.11.007>
- Ascunce, M.S., Toups, M.A., Kassu, G., Fane, J., Scholl, K., Reed, D.L. (2013). Nuclear genetic diversity in human lice (*Pediculus humanus*) reveals continental differences and high inbreeding among worldwide populations. *PLoS ONE*, 8(2). e57619. <https://doi:10.1371/journal.pone.0057619>
- Beer, S.A. (2005). *Biology opisthorchiasis pathogen*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnich izdatelstv. (Rus.).
- Bons, P.D., Bauer, C.C., Bocherens, H., De Riese T., Drucker, D.G., Francken, M. (2019). Out of Africa by spontaneous migration waves. *PLoS ONE*, 14(4). e0201998. <https://doi:10.1371/journal.pone.0201998>
- Boutellis, A., Abi-Rached, L., Raoult, D. (2014). The origin and distribution of human lice in the world. *Infection, Genetics and Evolution*, (23), 209–217. <https://doi:10.1016/j.meegid.2014.01.017>.
- Bradley, B., Stanford, D. (2004). The North Atlantic iceedge corridor: A possible Palaeolithic route to the New World. *World Archaeology*, (36), 459–478. <https://doi.org/10.1080/0043824042000303656>
- Carter, R. (2003). Speculations on the origins of Plasmodium vivax malaria. *Trends Parasitology*, (19), 214–219. [https://doi.org/10.1016/S1471-4922\(03\)00070-9](https://doi.org/10.1016/S1471-4922(03)00070-9)
- Chugunov, K.V. (2007). Burial ground of Doge-Baary 2 as a monument of the beginning of the Uyk-Saglin culture of Tuva (based on materials from excavations in 1990–1998). *Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letia A.V. Vinogradova*. St. Petersburg: Kul't-Inform-Press, 123–144. (Rus.).
- Drali, R., Mumcuoglu, K.Y., Yesilyurt, G., Raoult, D. (2015). Studies of ancient lice reveal unsuspected past migrations of vectors. *American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*, 93(3), 623–625. <https://doi:10.4269/ajtmh.14-0552>
- Eskew, W.H., Ledger, M.L., Lloyd, A., Pyles, G., Gosker, J., Mitchell, P. (2019). Intestinal parasites in an Ottoman period latrine from Acre (Israel) dating to the early 1800s CE. *Korean Journal of Parasitology*, 57(6), 575–580. <https://doi:10.3347/kjp.2019.57.6.575>
- Faulkner, C.T., Patton, S. (2001). Pre-Columbian hookworm evidence from Tennessee: A response to fuller (1997). *Medical Anthropology*, (20), 92–96.
- Ferreira, L.F., Araújo, A., Confalonieri, U., Chame, M., Ribeiro, F.B. (1987) Encontro de Ovos de Ancilostomídeos em Coprólitos Humanos Datados de 7230±80 Anos. *Paleoparasitologia no Brasil*, (59), 280–281.
- Gerszten, E., Allison, M.J., Maguire, B. (2012). Paleopathology in South American mummies: A review and new findings. *Pathobiology*, (79), 247–256.
- Gonçalves, V.F., Stenderup, J., Rodrigues-Carvalho, C., Silva, H.P., Gonçalves-Dornelas H., Líryo, A., Pena, S.D.J. (2013). Identification of polynesian mtDNA haplogroups in remains of botocudo amerindians from Brazil. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 110(16), 6465–6469. <https://doi:10.1073/pnas.1217905110>
- Green, R.C. (2000). A range of disciplines support a dual origin for the bottle gourd in the Pacific. *The Journal of the Polynesian Society*, 109(2), 191–197.
- Gvozdetkii, N.A., Mikhailov, N.I. (1979). *Physical geography of the USSR: Asian part*. Moscow: Mysl', 188–234. (Rus.).
- Hawdon, J.M., Johnston, S.A. (1996). Hookworms in the Americas: An alternative to trans-Pacific contact. *Parasitology Today*, (12), 72–74. [https://doi.org/10.1016/0169-4758\(96\)80658-2](https://doi.org/10.1016/0169-4758(96)80658-2)
- Hugot, J.P., Reinhard, K.J., Gardner, S.L., Morand, S. (1999). Human enterobiasis in evolution: Origin, specificity and transmission. *Parasite*, (6), 201–208. <https://doi.org/10.1051/parasite/1999063201>
- Istomin, A.V., Shushkova, T.S., Raengulov, B.M. (2003). *Hygienic problems of ecology and human health in the Far North*. Moscow: Eksi. (Rus.).
- Klein, H.S. (2016). The first Americans: The current debate. *Journal of Interdisciplinary History*, 46(4), 543–561. [https://doi:10.1162/JINH_a_00904\(2016\)](https://doi:10.1162/JINH_a_00904(2016))
- Kliks, M.M. (1990). Helminths as heirlooms and souvenirs: a review of New World Paleoparasitology. *Parasitology Today*, 6(4), 93–100. [https://doi.org/10.1016/0169-4758\(90\)90223-Q](https://doi.org/10.1016/0169-4758(90)90223-Q)
- Leles, D., Reinhard, K.J., Fugassa, M., Ferreira, L. F., Iñiguez, A.M., Araújo, A. (2010). A parasitological paradox: Why is ascarid infection so rare in the prehistoric americas? *Journal of Archaeological Science*, 37(7), 1510–1520. <https://doi:10.1016/j.jas.2010.01.011>
- Meggess, B.J. (1975). The transpacific origin of Mesoamerican civilization: A preliminary review of the evidence and its theoretical implications. *American Anthropologist*, (11), 1–27. <https://doi.org/10.1525/aa.1975.77.1.02a00020>
- Meiggs, D.C., Freiwald, C. (2018). Human Migration: Bioarchaeological Approaches. In: C. Smith. *Encyclopedia of Global Archaeology*. Springer, Cham. 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-51726-1_1814-2
- Mitchell, P.D., Anastasiou, E., Syon, D. (2011). Human intestinal parasites in crusader acre: Evidence for migration with disease in the medieval period. *International Journal of Paleopathology*, 1(3–4), 132–137. <https://doi:10.1016/j.ijpp.2011.10.005>
- Montenegro, A., Araujo, A., Eby, M., Ferreira, L.F., Hetherington, R., Weaver, A.J. (2006). Parasites, paleoclimate, and the peopling of the Americas: Using the hookworm to time the Clovis migration. *Current Anthropology*, 47(1), 193–200. <https://doi:10.1086/499553>

- Moreno-Mayar, V., Vinner, L., de Barros Damgaard, P., de la Fuente, C., Chan, J., Spence, J.P., Allentoft, M.E., Vimala, T., Racimo, F., Pinotti, T., Rasmussen, S., Margaryan, A., Iraeta Orbegozo, M. Meltzer, D.J., Willerslev, E. (2018). Early human dispersals within the Americas. *Science*, 362(6419). [https://doi:10.1126/science.aav2621](https://doi.org/10.1126/science.aav2621)
- Pavlovskii, E.N. (1964). *Natural focus of vector-borne diseases in connection with the landscape epidemiology of zoonanthroposes*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Perego, U.A., Angerhofer, N., Pala, M., Olivieri, A., Lancioni, H., Kashani, B.H., Carossa, V., Ekins, J.E., Gómez-Carballa, A., Huber, G., Zimmermann, B., Corach, D., Babudri, N., Panara, F., Myres, N.M., Parson, W., Semino, O., Salas, A., Woodward, S.R., Achilli, A., Torroni, A. (2010). The initial peopling of the Americas: A growing number of founding mitochondrial genomes from Beringia. *Genome Res*, 20(9), 1174–1179. [https://doi:10.1101/gr.109231.110](https://doi.org/10.1101/gr.109231.110)
- Poshekhonova, O.E., Razhev, D.I., Slepchenko, S.M., Marchenko, Z.V., Adaev, V.N. (2020). Reconstruction of dietary habits of a local Upper Taz Selkup group in the 18th and 19th centuries based on archaeoparasitology, osteology, stable isotope analysis, and archival documents. *Arctic Anthropology*, 57(1), 35–52. [https://doi:10.3368/aa.57.1.35](https://doi.org/10.3368/aa.57.1.35)
- Potter, B.A., Baichtal, J.F., Beaudoin, A.B., Fehren-Schmitz, L., Haynes, C.V., Holliday, V.T., Surovell, T.A. (2018). Current evidence allows multiple models for the peopling of the Americas. *Science Advances*, 8(4). [https://doi:10.1126/sciadv.aat5473](https://doi.org/10.1126/sciadv.aat5473)
- Reed, D.L., Smith, V.S., Hammond, S.L., Rogers, A.R., Clayton, D.H. (2004). Genetic analysis of lice supports direct contact between modern and archaic humans. *PLoS Biol*, 11(2), [https://doi:10.1371/journal.pbio.0020340](https://doi.org/10.1371/journal.pbio.0020340)
- Reed, D.L., Light, J.E., Allen, J.M., Kirchman, J.J. (2007). Pair of lice lost or parasites regained: The evolutionary history of anthropoid primate lice. *BMC Biology*, 7(5), [https://doi:10.1186/1741-7007-5-7](https://doi.org/10.1186/1741-7007-5-7)
- Reinhard, K.J. (1990). Archaeoparasitology in North America. *American Journal of Physical Anthropology*, (82), 145–162. [https://doi:10.1002/ajpa.1330820204](https://doi.org/10.1002/ajpa.1330820204)
- Rodrigues, P.T., Valdivia, H.O., De Oliveira, T.C., Alves, J.M.P., Duarte, A.C., Cerutti-Junior, C., Ferreira, M.U. (2018). Human migration and the spread of malaria parasites to the new world. *Scientific Reports*, 8(1), [https://doi:10.1038/s41598-018-19554-0](https://doi.org/10.1038/s41598-018-19554-0)
- Savinetskii, A.B., Khrustalev, A.V. (1990). The use of helminthological analysis of fossil animal excrement for paleoecological research. *Ekologiya*, (4), 46–57. (Rus.).
- Serdiukov, A.M. (1979). *Diphyllbothriids of Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Scholz, T., Garcia, H.H., Kuchta, R., Wicht, B. (2009). Update on the human broad tapeworm (genus *Diphyllbothrium*), including clinical relevance. *Clinical Microbiology Reviews*, 22(1), 146–160. [https://doi:10.1128/CMR.00033-08](https://doi.org/10.1128/CMR.00033-08)
- Scholz, T., Kuchta, R., Brabec, J. (2019). Broad tapeworms (Diphyllbothriidae), parasites of wildlife and humans: Recent progress and future challenges. *International Journal for Parasitology: Parasites and Wildlife*, (9), 359–369. [https://doi:10.1016/j.ijppaw.2019.02.001](https://doi.org/10.1016/j.ijppaw.2019.02.001)
- Shin, D.H., Oh, C.S., Lee, S.J., Chai, J.Y., Kim, J., Lee, S.D., Park, J.B., Choi, I.-H., Lee, H.J., Seo, M. (2011). Paleoparasitological study on the soils collected from archaeological sites in old district of Seoul City. *Journal of Archaeological Science*, (38), 3555–3559. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2011.08.024>
- Silva, M.A., Ferraz, T., Bortolini, M.C., Comas, D., & Hünemeier, T. (2021). Deep genetic affinity between coastal pacific and amazonian natives evidenced by australasian ancestry. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 118(14). [https://doi:10.1073/pnas.2025739118](https://doi.org/10.1073/pnas.2025739118)
- Sivkova, T.N., Kosintsev, P.A., Kardash, O.V. (2018). Paleoparasitological study of coprolites of dogs (*Sanis familiaris* L., 1758) from the excavations of the “Nadym town” XVII–XVIII centuries. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 85(5–4), 621–625. (Rus.).
- Skoglund, P., Mallick, S., Bortolini, M.C., Chennagiri, N., Huenemeier, T., Petzl-Erler, M.L., Francisco, M.S., Patterson, N., Reich, D. (2015). Genetic evidence for two founding populations of the Americas. *Nature*, 525(7567), 104–108. [https://doi:10.1038/nature14895](https://doi.org/10.1038/nature14895)
- Slavinsky, V.S., Chugunov, K.V., Tsybankov, A.A., Ivanov, S.N., Zubova, A.V., Slepchenko, S.M. (2018). Trichuris trichiura in the mummified remains of southern Siberian nomads. *Antiquity*, 362(92), 410–420. <https://doi.org/10.15184/aqy.2018.12>
- Slepchenko, S.M., Ivanov, S.N. (2015). Paleoparasitological analysis of soil samples from the Kikki-akki burial ground of the 17th–19th centuries in West Siberia, Russia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, (2), 467–472. [https://doi:10.1016/j.jasrep.2015.04.007](https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2015.04.007)
- Slepchenko, S.M., Ivanov, S.N., Bagashev, A.N., Tsybankov, A.A., Slavinsky, V.S. (2016). Traditional living habits of the Taz tundra population: A paleoparasitological study. *Korean Journal of Parasitology*, 54(5), 617–623. [https://doi:10.3347/kjp.2016.54.5.617](https://doi.org/10.3347/kjp.2016.54.5.617)
- Slepchenko, S.M., Ivanov, S.N., Gusev, A.V., Svyatova, E.O., Fedorova, N.V. (2019). Archaeoparasitological and palynological analysis of samples from the intestinal contents of a child mummy from the Zeleniy Yar burial ground (12–13th centuries AD). *Archaeological Research in Asia*, (17), 133–136. [https://doi:10.1016/j.ara.2018.10.005](https://doi.org/10.1016/j.ara.2018.10.005)

Slepchenko, S.M., Kardash, O.V., Slavinsky, V.S., Ivanov, S.N., Rakultseva, D.S., Tsybankov, A.A., Shin, D.H. (2019). Archaeoparasitological analysis of samples from the cultural layer of Nadym gorodok dated back to the 14th — late 18th centuries. *Korean Journal of Parasitology*, 57(6), 567–573. <https://doi.org/10.3347/kjp.2019.57.6.567>

Slepchenko, S.M., Lobanova, T.V., Vizgalov, G.P., Ivanov, S.N., Rakultseva D.S. (2021). Archaeoparasitological data and pathoecology of the town of Mangazeya in Western Siberia in the 17th century. *Journal of Archaeological Science: Reports*, (35), 102770. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102770>

Slepchenko, S., Reinhard, K. (2018). Paleoparasitology and pathoecology in Russia: Investigations and perspectives. *International Journal of Paleopathology*, (22), 39–44. <https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2018.03.005>

Slepchenko, S. (2020). Opisthorchis felinus as the basis for the reconstruction of migrations using archaeoparasitological materials. *Journal of Archaeological Science: Reports*, (33), 102548. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102548>

Sorci, G., Skarstein, F., Morand, S., Hugot, J.-P. (2003). Correlated evolution between host immunity and parasite life histories in primates and oxyurid parasites. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, (270), 2481–2484. <https://doi.org/10.1098/rspb.2003.2536>

Steverding, D. (2020). The spreading of parasites by human migratory activities. *Virulence*, 11(1), 1177–1191. <https://doi.org/10.1080/21505594.2020.1809963>

Storey, A.A., Ramírez, J.M., Quiroz, D., Burley, D.V., Addison, D.J., Walter, R., Anderson, A.J., Hunt, T.L., Athens, J.S., Huynen, L., Matisoo-Smith, E.A. (2007). Radiocarbon and DNA evidence for a pre-Columbian introduction of Polynesian chickens to Chile. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 104(25), 10335–10339. <https://doi.org/10.1073/pnas.0703993104>

Vozianova, Zh.I. (2002). *Infectious and parasitic diseases*. Kiev: Zdorove. (Rus.).

Weiss, R.A. (2009). Apes, lice and prehistory. *Journal of Biology*, 8(2). <https://doi.org/10.1186/jbiol114>

Yeh, H.Y., Mao, R., Wang, H., Qi, W., Mitchell, P.D. (2016). Early evidence for travel with infectious diseases along the Silk Road: Intestinal parasites from 2000 year-old personal hygiene sticks in a latrine at Xuanquanzhi Relay Station in China. *Journal of Archaeological Science: Reports*, (9), 758–764. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.05.010>

Yeh, H.Y., Prag, K., Clamer, C., Humbert, J., Mitchell, P.D. (2015). Human intestinal parasites from a Mamluk period cesspool in the Christian quarter of Jerusalem: Potential indicators of long distance travel in the 15th century AD. *International Journal of Paleopathology*, (9), 69–75. <https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2015.02.003>

Слепченко С.М., <https://orcid.org/0000-0002-9365-3849>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Слепцова А.В.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: sleptsova_1993@mail.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПО ДАННЫМ ОДОНТОЛОГИИ

Представлены результаты исследования одонтологических комплексов носителей саргатской, гороховской и кашинской культур. Основой формирования антропологического состава населения саргатской и гороховской культур раннего железного века являлся компонент, привнесенный потомками андроновских групп. Однако в отдельных регионах в формировании исследуемых групп участвовали потомки носителей различных андроновских традиций. Наиболее специфичным является антропологический состав кашинского населения.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, ранний железный век, одонтология, саргатская культура, гороховская культура, кашинская культура.*

Введение

На территории лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке проживали носители нескольких культур. В результате масштабных археологических исследований, предпринятых В.А. Могильниковым, Л.Н. Коряковой, Н.П. Матвеевой, Н.В. Полосьмак и др., саргатская, гороховская и кашинская культуры изучены всесторонне.

По многочисленным археологическим данным предлагается несколько вариантов формирования саргатской культуры. Часть исследователей основную роль в ее сложении отводят предшествующим раннесакским древностям Северного Казахстана [Таиров, 2005, с. 26–27], сузгунской культуре эпохи поздней бронзы в Прииртышье [Труфанов, 1990; Полеводов, 2003; Берсенева, 2016, с. 35]. Отмечено сходство красноозерских и саргатских керамических традиций [Косарев, 1981, с. 181–205]. Большинство исследователей видят основной вклад в формирование саргатской культуры носителей ирменской культуры, что особенно четко прослеживается по материалам Барабы [Молодин, Колонцов, 1984; Полосьмак, 1987]. По результатам анализа представительных краниологических данных отчетливо фиксируются связи между популяциями Западной Сибири раннего железного века и населением предшествующего времени этого же региона. Ведущая роль в формировании антропологического облика саргатских популяций принадлежит андроновскому (федоровскому) населению, а также популяциям таежных областей Западной Сибири [Багашев, 2000, с. 163–185].

По археологическим данным установлено, что гороховская культура складывается на основе межовской культуры эпохи бронзы [Матвеева, 1987; Корякова, 1991], палеоантропологические материалы которой отсутствуют. Сходство материальной культуры гороховского и саргатского населения позволило ученым выделить саргатско-гороховский этап бытования древнего населения Западной Сибири — V–III вв. до н.э. [Корякова, 1988] и даже рассматривать гороховские памятники как локальный вариант саргатской культуры, существовавший в Притоболье [Полосьмак, 1987; Савельев, 2002]. Результаты краниометрического исследования 12 черепов показывают, что в составе населения гороховской и саргатской культур основным является аналогичный европеоидный расовый вариант [Багашев, 2000, с. 246]. Ближайшие генетические связи зафиксированы с сарматскими и савроматскими популяциями. Данный вывод совпадает с данными археологии, согласно которым прослежено несколько волн миграций из сакской и сарматской среды [Матвеева, 2000].

При изучении погребальной обрядности и керамических традиций кашинской культуры отмечено взаимодействие кашинских и саргатских племен, а также северные контакты кашинцев с представителями кулайской культуры [Матвеева, 1994; Чикунова, 2007]. По результатам краниометрического анализа между кашинским и саргатским населением не отмечено принципиальных различий [Багашев, 2000, с. 53, 181]. Благодаря изучению ряда памятников раннего железного века в Притоболье и Барабе в последние два десятилетия появилось значительное количество новых материалов, которые необходимо ввести в научный оборот. В связи с этим требуется дальнейшее исследование антропологического состава населения Западной Сибири раннего железного века, в том числе на основании одонтологических данных. Изучение популяционной истории по нескольким

системам антропологических признаков с привлечением данных одонтологии позволит уточнить вопросы происхождения населения Западной Сибири раннего железного века.

Цель работы — реконструировать происхождение и процессы формирования антропологического состава населения саргатской, гороховской и кашинской культур на основании новых одонтологических данных. Для этого все известные саргатские, гороховские и кашинские серии были изучены по расширенной одонтологической программе и сопоставлены с данными по населению раннего железного века и эпохи бронзы Западной Сибири и сопредельных территорий методами многомерной статистики.

Материалы и методы

Суммарная серия саргатской культуры включает в себя зубы 480 индивидов из краниологических коллекций ТГУ, ТюмНЦ СО РАН, НИИМА МГУ, ИАЭТ СО РАН, ИЭРиЖ УрО РАН (рис. 1, табл. 1). Материалы по саргатской культуре составляют 424 черепа, по гороховской — 40, кашинской — 16. Численное преобладание находок саргатской культуры обусловлено широким распространением и продолжительным периодом бытования культуры на территории Западной Сибири. Саргатские серии при наличии соответствующих материалов были разделены по трем хронологическим периодам согласно периодизации В.А. Могильникова: V–III вв. до н.э. — период формирования культуры; II в. до н.э. — II в. н.э. — максимальное единообразие культуры, ее расцвет; III–IV вв. н.э. — дезинтеграция культуры, ее распад [Могильников, 1970]. Несмотря на то что позже были предложены более подробные датировки [Корякова, 1988; Могильников, 1992; Матвеева, 1993] и пересмотрена верхняя граница существования культуры [Шарапова, 2020], исследователи единодушны в выделении основных этапов бытования культуры, более подходящих для целей антропологического исследования.

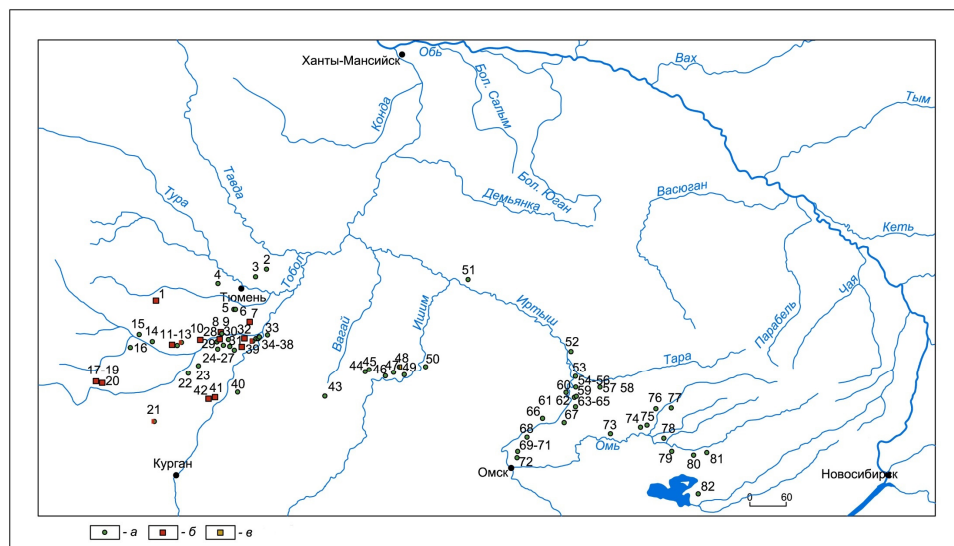

Рис. 1. Расположение могильников, из которых происходит проанализированный антропологический материал:
а — памятники саргатской культуры; б — памятники гороховской культуры;
е — памятник кашинской культуры (нумерацию см. в табл. 1).

Fig. 1. Location of the sources of the research:

а — Sargatka Culture sites; б — Gorokhovo Culture sites; е — Kashino Culture site (see table 1).

Обследование серии проводилось по принятой в отечественной антропологии стандартной методике [Зубов, 1968, 2006] с учетом архаичных особенностей зубной системы [Зубова, 2013]. Для подсчета частот признаков использовался индивидуальный метод, без учета стороны их локализации. Сравнительный межгрупповой анализ выполнялся в программе STATISTICA for Windows, v. 10, методом анализа главных компонент на основе тригонометрически преобразованных частот лопатообразности верхних медиальных резцов (баллы 2 и 3 суммарно), бугорка Карабелли на верхних первых молярах (баллы 2–5 суммарно), частот редуцированных вариантов строения гипоконуса на верхних вторых молярах (баллы 3, 3+ суммарно), 6-бугорковых нижних первых моляров, 4-бугорковых нижних первых и вторых моляров, дистального гребня тригонида на нижних первых молярах и коленчатой складки метаконида на нижних первых молярах.

Происхождение населения Западной Сибири раннего железного века по данным одонтологии

Таблица 1

Сводные данные о палеоантропологических находках, используемых в работе

Table 1

Summary data on the paleoanthropological finds used in the paper

№	Могильник	Автор и год раскопок	Количество
Лесостепное Зауралье и Приоболье			
1	Куртугуз-1	В.И. Стефанов, 1988; А.А. Ковригин, 2005	9
2	Ипкульский	Л.Н. Корякова, 1984, И.Ю. Чикунова, 2010, 2011	12
3	Мысовский	А.В. Матвеев, 1981, 1994	5
4	Чепкуль 9	В.А. Зах, 2006	6
5	Рафайлово	Н.П. Матвеева, 1985	2
6	Рафайловское селище	Н.П. Матвеева, 1985	1
7	Магометкуль	А.А. Ткачев, 1999	2
8	Гаево-1	В.А. Булдашев, 1994	9
9	Гаево 2	А.В. Матвеев, 1994	1
10	Онуфриевский	Н.П. Матвеева, 1991	1
11	Турушевский	А.В. Матвеев, 1994	1
12	Исетский 4	Н.П. Матвеева, 2003	3
13	Шадринский	В.Ф. Генинг, 1961	1
14	Воробьевский	В.Е. Стоянов, С.В. Хохлов, 1961	3
15	Сопининский	С.В. Шарапова, 2002	7
16	Усть-Терсюк-2	Н.П. Матвеева, 2007	1
17	Березки-5б	Л.А. Дрябина, А.Ф. Шорин, 1975	2
18	Березки-9	В.Т. Петрин, 1975	1
19	Березки-8а	В.Т. Петрин, 1975	1
20	Малый Вишневы	Г.В. Бельтикова, 1980	1
21	Дачный 2	С.Н. Шилов, 1998	3
22	Нечунаево-1	Л.Н. Корякова, 1982	9
23	Ташково-3	В.Т. Ковалева, 1988	3
24	Ольховский	А.В. Матвеев, 1987	1
25	Красногорский I	Н.П. Матвеева, 1983	2
26	Тютринский	А.В. Матвеев, 1982–1982	17
27	Карасье 9	С.В. Шарапова, 2000	2
28	Хрипуновское 1	Ю.В. Костомарова, 2009	1
29	Красногорский Борок	Н.П. Матвеева, 1984	1
30	Савиновский	А.В. Матвеев, 1982	9
31	Мурзинский I	В.А. Булдашев, 1991, 1993	5
32	Марьино Ущелье-5	Н.П. Матвеева, 2004	2
33	Криволукское	Н.П. Матвеева, 2003	1
34	Устюг-1	Н.П. Матвеева, 2009, 2011, 2019	4
35	Нижне-Ингалский 1	Н.П. Матвеева, 1995	1
36	Старо-Лыбаевский IV	Н.П. Матвеева, 1999	12
37	Старо-Лыбаевский VI	Н.П. Матвеева, 2016	2
38	Шучье 1	С.В. Шарапова, 2000	5
39	Гилевский-2	Н.П. Матвеева, 2017	3
40	Гладунино	С.Н. Шилов, 1998	1
41	Памятное 1	В.А. Зах, 2009	3
42	Скаты 1	Л.Н. Корякова, 1996	5
Приишимье			
43	Фоминцевский	В.Ф. Генинг, 1963	7
44	Равнец	Е.А. Устинова, 1982	1
45	Вавилон	Н.П. Матвеева, 1988	4
46	Кош-Карагай-2	В.Ф. Генинг, Е.М. Шилина, 1962	1
47	Абатский-1	В.Ф. Генинг, 1963, 1966; Н.П. Матвеева, 1989	18
48	Абатский-3	Н.П. Матвеева, 1988	42
49	Кокуй-3	Н.П. Матвеева, 1989	8
50	Лихачевский	В.Ф. Генинг, 1962–1964	1
Прииртышье			
51	Красноярка	Н.В. Федорова, 1974; Л.Н. Корякова, 1975	4
52	Окунево-2	В.А. Могильников, 1972	2
53	Карташово-2	В.А. Могильников, 1980	22
54	Бешаул-2	Л.И. Погодин, 1988	10
55	Бешаул-3	Л.И. Погодин, 1988	2
56	Бешаул-4	Л.И. Погодин, 1988	4
57	Исаковка-1	В.А. Могильников, 1976; Л.И. Погодин, 1989	43
58	Исаковка-3	В.И. Матюшенко, 1985	7
59	Сидоровка-1	В.И. Матюшенко, 1986	7
60	Старый Карасук-2	В.И. Стефанов, 1976	1
61	Стрижево 1	Л.И. Погодин, 1991	9
62	Стрижево 2	Л.И. Погодин, 1987	10
63	Богданово-1	В.А. Могильников, 1966, 1973, 1974, 1976	20
64	Богданово-2	В.А. Могильников, 1977	5
65	Богданово-3	В.А. Могильников, 1976	2
66	Калачевка I	А.В. Могильников, 1966	1
67	Новооболонь	В.И. Матюшенко, 1977	1
68	Горная Бития	А.В. Могильников, 1968	12
69	Коконовка-1	А.В. Могильников, 1967; А.Я. Труфанов, 1990	2
70	Коконовка-2	А.Я. Труфанов, 1990	13
71	Коконовка-3	А.Я. Труфанов, 1993	1
72	Битые Горы	А.В. Могильников, 1967	1
Барабинская лесостепь			
73	Гришкина Займка	В.И. Молодин, 2002, 2003	13
74	Старый Сад-1	А.В. Нескоров, 1986	1
75	Государево Озеро-1	В.И. Молодин, 2017	8
76	Яшкино-1	А.В. Нескоров, 1982	1
77	Венгерово-7	Д.Г. Савинов, 1981	1
78	Усть-Тартас	С.М. Чугунов, 1895; Н.В. Полосьмак, 1976–1978	5
79	Старые Карачи-3	Г.И. Галямина, 1991, 1992, 1994	7
80	Марково-1	В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, 1983	13
81	Абрамово-4	Н.В. Полосьмак, 1976–1978	7
82	Здвинск-4	В.И. Молодин, 1999	2
Итого			480

Одонтологические характеристики серий

Можно выделить несколько комплексов признаков, характеризующих серии Западной Сибири раннего железного века (табл. 2). Выборки саргатской культуры определяются преобладанием черт западного одонтологического ствола (подробную характеристику саргатских серий см.: [Слепцова, 2020]). В их характеристике отмечены пониженные частоты лопатообразности верхних центральных резцов, средние частоты бугорка Карабелли. Низкие частоты 6-бугорковых форм сочетаются с присутствием 4-бугорковых вариантов их строения, повышенными частотами коленчатой складки метаконида и *tami*. Выборки Барабы раннего и среднего периодов саргатской культуры занимают обособленное положение среди всех саргатских серий Западной Сибири. От серий Притоболья, Прииртышья и Приишимья их отличают ряд признаков. В группах из Барабы частота лопатообразности достигает средних значений, серии отличает самый низкий процент коленчатой складки метаконида и самый высокий — *tami*.

Таблица 2

Одонтологические характеристики населения раннего железного века Западной Сибири

Table 2

Dental traits of the Early Iron Age samples of Western Siberia

		Лопатообразность I ¹ (2+3)		Лопатообразность I ² (2+3)		Редукция гипоконуса (3, 3+) M ²		Бугорок Карабелли (2-5) M ¹		6M ₁		4M ₁		4M ₂		Дистальный гребень тригониды M ₁		Коленчатая складка метаконида M ₁		Tami M ₁		2 med (II) M ₁	
		n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%
Притоболье	Саргатская АК, ранний период	0 (4)	0,0	0 (4)	0,0	1 (7)	14,3	1 (7)	14,3	1 (8)	12,5	0 (8)	0,0	5 (6)	83,3	0 (7)	0,0	2 (4)	50,0	1 (8)	12,5	0 (4)	0,0
	Саргатская АК, средний период	5 (21)	23,8	6 (21)	28,6	15 (59)	25,4	11 (43)	25,6	0 (36)	0,0	4 (36)	11,1	23 (33)	70,6	0 (34)	0,0	5 (22)	22,7	4 (36)	11,1	5 (12)	41,7
	Гороховская АК	0 (9)	0,0	5 (11)	45,5	10 (18)	55,6	5 (24)	20,8	0 (19)	0,0	2 (19)	10,5	15 (19)	78,9	0 (16)	0,0	3 (10)	30,0	3 (18)	16,7	1 (9)	11,1
Прииртышье	Саргатская АК, средний период	1 (16)	6,3	8 (31)	25,8	9 (58)	15,5	12 (43)	27,9	2 (45)	4,4	2 (45)	4,4	27 (43)	62,8	3 (41)	7,3	7 (21)	33,3	8 (41)	19,5	3 (19)	15,8
	Саргатская АК, поздний период	0 (14)	0,0	2 (18)	11,1	8 (29)	27,6	6 (32)	18,8	0 (29)	0,0	1 (29)	3,4	21 (24)	87,5	1 (22)	4,5	2 (7)	28,6	1 (26)	3,8	2 (6)	33,3
	Саргатская АК, средний период	1 (8)	12,5	3 (10)	30,0	3 (24)	12,5	1 (16)	6,3	0 (14)	0,0	0 (14)	0,0	9 (15)	60,0	0 (14)	0,0	0 (4)	0,0	1 (14)	7,1	0 (3)	0,0
Приишимье	Саргатская АК, средний период	1 (6)	16,7	1 (7)	14,3	3 (19)	15,8	4 (15)	26,7	0 (11)	0,0	1 (11)	9,1	9 (11)	81,8	0 (9)	0,0	1 (3)	33,3	2 (12)	16,7	0 (3)	0,0
	Саргатская АК, поздний период	3 (5)	60,0	3 (8)	37,5	2 (13)	15,4	4 (9)	44,4	4 (12)	33,3	0 (12)	0,0	2 (8)	25,0	3 (10)	30,0	2 (6)	33,3	0 (8)	0,0	2 (6)	33,3
	Кашинская АК	1 (7)	14,3	6 (9)	66,7	6 (20)	30,0	4 (17)	23,5	1 (12)	8,3	1 (12)	8,3	10 (14)	71,4	1 (10)	10,0	1 (5)	20,0	2 (11)	18,2	0 (5)	0,0
Бараба	Саргатская АК, ранний период	4 (7)	57,1	3 (9)	33,3	7 (17)	41,2	5 (18)	27,8	0 (18)	0,0	2 (18)	11,1	18 (18)	100,0	1 (17)	5,9	0 (7)	0,0	4 (17)	23,5	2 (7)	28,6
	Саргатская АК, средний период																						

Серия гороховской выборки из Притоболья отличается западным комплексом признаков, характеризуется наличием 4-бугорковых форм первых моляров, отсутствием лопатообразных форм центральных резцов и 6-бугорковых нижних моляров. Саргатские и гороховские серии Притоболья мало различаются между собой, поэтому можно сделать вывод о тесных популяционных связях гороховского и саргатского населения.

Специфика серии кашинской культуры из Приишимья заключается в резком преобладании восточных признаков. Часто или очень часто в серии отмечены лопатообразность медиальных и латеральных резцов, 6-бугорковые формы первых нижних моляров, дистальный гребень тригониды и коленчатая складка метаконида. Данные характеристики значительно отличают кашинскую серию от саргатских и гороховских.

Некоторые закономерности прослеживаются при исследовании архаической составляющей комплексов (табл. 3). В саргатских выборках зафиксированы единичные случаи маркеров архаики на центральных верхних резцах, таких как лингвальная ямка, сильно развитый лингвальный бугорок, лингвальный наклон коронки и двойная лопатообразность. Выборка Барабы отличается прогрессивным строением зубной системы, маркеры архаики на верхних центральных резцах в этой группе отсутствуют. Эту серию также отличает отсутствие косого гребня на первых верхних молярах, данный признак фиксировался в остальных сериях Западной Сибири раннего железного века. Кроме того, во всех исследуемых сериях встречаются единичные случаи передних и задних ямок на первых молярах. В гороховской выборке на верхнечелюстных зубах наблюдается один случай лингвальной ямки на центральных резцах. На первых верхних молярах косой гребень и задняя ямка отмечены один раз. На нижних первых молярах присутствует передняя ямка. В выборке кашинской культуры Приишимья из могильника Абатский 3 встречен один случай косого гребня на первом верхнем моляре, остальные маркеры архаики отсутствуют.

Происхождение населения Западной Сибири раннего железного века по данным одонтологии

В целом нужно подчеркнуть, что исследованные серии Западной Сибири раннего железного века отмечаются прогрессивным строением зубной системы, маркеры архаики в этих выборках встречаются редко. Отсутствует большинство архаичных признаков, маркирующих южно-сибирский верхнепалеолитический комплекс [Зубова, Чижишева, 2015].

Таблица 3

Частоты некоторых маркеров архаики у населения раннего железного века Западной Сибири

Table 3

Several archaic features of the Early Iron Age samples of Western Siberia

		Вестибулярная лопатообразность I ¹		Лингвальная ямка I ¹		Лингвальный наклон коронки I ¹		Косой гребень (2,3) M ¹		Fa M ¹		Fr M ¹		Средний гребень тригониды M ₁		Цингулом M ₁		Fa M ₁		Fr M ₁	
		n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%
Приоболье	Саргатская АК, ранний период	0 (4)	0,0	0 (4)	0,0	0 (4)	0,0	0 (10)	0,0	0 (10)	0,0	0 (10)	0,0	0 (7)	0,0	0 (8)	0,0	0 (7)	0,0	1 (7)	14,3
	Саргатская АК, средний период	0 (21)	0,0	1 (21)	4,8	1 (14)	7,1	11 (31)	35,5	0 (21)	0,0	0 (21)	0,0	0 (34)	0,0	0 (50)	0,0	4 (20)	20,0	0 (20)	0,0
	Гороховская АК	0 (4)	0,0	0 (4)	0,0	0 (4)	0,0	0 (10)	0,0	0 (10)	0,0	0 (10)	0,0	0 (7)	0,0	0 (8)	0,0	0 (7)	0,0	1 (7)	14,3
Прииртыше	Саргатская АК, средний период	0 (15)	0,0	0 (19)	0,0	1 (10)	10,0	4 (22)	18,2	1 (22)	4,5	1 (22)	4,5	0 (41)	0,0	0 (60)	0,0	1 (23)	4,3	0 (23)	0,0
	Саргатская АК, поздний период	0 (14)	0,0	0 (14)	0,0	2 (10)	20,0	9 (24)	37,5	0 (16)	0,0	0 (16)	0,0	1 (22)	4,5	0 (31)	0,0	2 (11)	18,2	1 (11)	9,1
Приишимье	Саргатская АК, средний период	1 (6)	16,7	0 (8)	0,0	0 (3)	0,0	1 (14)	7,1	0 (13)	0,0	0 (13)	0,0	0 (14)	0,0	0 (24)	0,0	0 (5)	0,0	0 (5)	0,0
	Саргатская АК, поздний период	0 (6)	0,0	0 (6)	0,0	0 (5)	0,0	3 (8)	37,5	0 (8)	0,0	0 (8)	0,0	0 (9)	0,0	0 (15)	0,0	0 (6)	0,0	0 (6)	0,0
	Кашинская АК	0 (6)	0,0	0 (5)	0,0	0 (3)	0,0	1 (9)	11,1	0 (9)	0,0	0 (9)	0,0	0 (10)	0,0	0 (11)	0,0	0 (8)	0,0	0 (8)	0,0
Бараба	Саргатская АК, ранний период	0 (7)	0,0	0 (7)	0,0	0 (4)	0,0	0 (15)	0,0	0 (8)	0,0	0 (8)	0,0	0 (10)	0,0	0 (13)	0,0	2 (7)	28,6	0 (7)	0,0
	Саргатская АК, средний период	0 (7)	0,0	0 (7)	0,0	0 (4)	0,0	0 (10)	0,0	0 (10)	0,0	0 (10)	0,0	0 (17)	0,0	0 (19)	0,0	1 (10)	10,0	0 (10)	0,0

Результаты сравнительного анализа

Для того чтобы определить степень влияния групп эпохи бронзы и раннего железного века Западной Сибири и сопредельных территорий на антропологический состав носителей саргатской, гороховской и кашинской культур, выборки были сопоставлены при помощи анализа главных компонент. Для статического анализа были привлечены опубликованные материалы по 17 сериям эпохи бронзы и 27 выборкам раннего железного века с территории Северной Евразии (табл. 4).

При сопоставлении саргатских, гороховских и кашинских серий с выборками эпохи бронзы (табл. 5) ГК 1 и ГК 2 описывают 55,79 % общей изменчивости. ГК 1 противопоставляет серии по степени грацилизации и матуризации нижних моляров. В его положительном поле располагаются серии, в составе которых отмечены повышенные частоты 6-бугорковых первых нижних моляров и коленчатой складки метаконида, в отрицательном поле — группы с повышенными частотами 4-бугорковых первых и вторых нижних моляров. Вторая главная компонента делит серии по наличию лопатообразности верхних центральных резцов и дистального гребня тригониды.

На графике (рис. 2) ГК 1 дифференцирует автохтонные серии эпохи бронзы Западной Сибири и выборки андроновской общности. Серия окуневской культуры Минусинской котловины противопоставляется алакульской выборке Омского Прииртышья. В отрицательном поле локализуются федоровские серии Западной Сибири и их потомки, носители ирменской и корчажкинской культур. В этом же поле находится синташтинское (приуральский вариант), петровское, срубно-алакульское и алакульское население Южного Урала и группа пахомовской культуры Притоболья и Барабы. В положительном поле, кроме группы окуневской культуры, локализуются серии карасукской, кротовской и позднекротовской культур Западной Сибири.

Что касается серий раннего железного века, наиболее специфичным выглядит положение выборки кашинской культуры. Она формирует положительный полюс первой главной компоненты, отдаваясь даже от окуневцев, не демонстрируя сходство ни с сериями раннего железного века, ни с выборками эпохи бронзы. Саргатские серии делятся на две совокупности. Выборки раннего (Притоболье, Бараба) и среднего (Прииртышье) периодов локализовались в положительном поле, сближаясь с выборками с минимальной представленностью андроновского компонента. Серия из Прииртышья демонстрирует сходство с выборкой синташтинской культуры Южного Урала. Саргатская серия раннего периода из Барабы сближается с выборкой кротовской культуры классического этапа. Данную закономерность нельзя проследить для серии гороховской культуры и саргатской выборки из Притоболья, так как автохтонные группы этого региона в анализе не представлены.

**Серии эпохи бронзы и раннего железного века,
привлеченные для межгруппового сопоставления**

Table 4

Dental samples of the Bronze Age and the Early Iron Age used in this analysis

№	Серия	Автор, год
1	Притоболье, саргатская культура, Воробьевский, Гаевский-1, Дачный 2, Красногорский I, Сопининский, Турушевский, Щучье-1, Усть-Терюкский 2, Устюг-1, Криволукское городище (V в. до н.э. — III в. до н.э.)	Слепцова, 2020
2	Притоболье, саргатская культура, Гаевский-1, Гладунино, Гилевский-2, Дачный 2, Карасье 9, Красногорский бокор, Мысовской, Нечунаево-1, Нижне-Ингалский 1, Ольховский, Рафайловский могильник и городище, Савиновский, Сопининский, Старо-Лыбаевский IV и VI, Ташково III, Тютринский, Устюг-1, Чепкуль 9 (III в. до н.э. — II в. н.э.)	»
3	Прииртышье, саргатская культура, Бещаул II, III, IV, Карташово-2, Богданово-1, 2, Красноярка, Новооболонь, Горная Бития, Калачевка, Стрижево 2, Исаковка 3 (III в. до н.э. — II в. н.э.)	»
4	Прииртышье, саргатская культура, Исаковка 1, Сидоровка-1, Стрижево 1, Коконовка 2, 3 (II в. до н.э. — начало IV в. н.э.)	»
5	Приишимье, саргатская культура, Абатский-1, Фоминцевский, Лихачевский, Кокуй-3, Вавилон, Равнец, Кош-Карагай-2 (III в. до н.э. — II в. н.э.)	»
6	Приишимье, саргатская культура, Абатский 3 (II в. до н.э. — начало IV в. н.э.)	»
7	Барабинская лесостепь, саргатская культура, Абрамово-4, Государево Озеро-1, Старые Карачи-3, Усть-Тартас, Яшкино-1 (VI в. до н.э. — III в. до н.э.)	Зубова, 2009; Слепцова, 2020
8	Барабинская лесостепь, саргатская культура, Гришкина Заимка, Марково-1, Старый Сад-1, Венгерovo-7 (III в. до н.э. — I в. н.э.)	Слепцова, 2020
9	Притоболье и Приисетье, гороховская культура, Березки-56, -V/IIIa, -9, Гаево-2, Гилево-2, Дачный 2, Исетский 4, Куртугуз-1, Магометкуль, Малый Вишневый, Марьино Ущелье-5, Мурзинский, Онуфриевский, Памятное 1, Скаты 1, Хрипуновское 1, Шадринский (V в. до н.э. — II в. до н.э.)	Данные автора
10	Приишимье, кашинская культура, Абатский 3 (IV–V вв. н.э.)	»
Эпоха бронзы		
11	Томское Приобье, андроновское время, Еловский-1, 2 (II тыс. до н.э.)	Зубова, 2014, табл. 11
12	Федоровская культура, сборная серия (II тыс. до н.э.)	Зубова, 2014
	Кузнецкая котловина, Танай-12, Титово-2, Чудиновка-1	», табл. 2, 4, 6
	Барабинская лесостепь, Преображенка-3, Сопка-2, Гришкина заимка, Абрамово-4, Вахрушево-5, Венгерovo-1	», табл. 18, 20
	Новосибирское Приобье, Ордынское, Крохалевка-13, Катково-2	», табл. 13
	Лесостепной Алтай, Фирсово-14, Чекановский Лог-2, 10, Маринка, Березовский, Прудской, Барсучиха, Малаховский, Подтурино, Рублево-8	», табл. 16; Тур, 2009, табл. 1
13	Омское Прииртышье, черноозерский вариант андроновской культурно-исторической общности, Черноозерье-1, Боровянка-17 (II тыс. до н.э.)	Зубова, 2014, табл. 24, 25
14	Омское Прииртышье, алакульская культура, Ермак-4 (II тыс. до н.э.)	», табл. 27
15	Ирменская культура, сборная серия (II тыс. до н.э.)	Зубова, 2014
	Кузнецкая котловина, Журавлево-1, -3, -4, Заречное-1, Танай-2, -7, Ваганово-2	», табл. 41, 43, 45, 47
	Новосибирское Приобье, Милованово-1, Ордынское, Катково-3, Бурмистрово, Крохалевка-13, Спирино-1, Соколово-Кольвань	», табл., 53
	Барабинская лесостепь, Преображенка-3, Абрамово-4, Сопка-2	», табл. 57
	Лесостепной Алтай, Новотроицкое-1, Пильно, Ближние Елбаны-4, Плотинная-1	», табл. 55
	Томское Приобье, Еловский-2, Камень-1	», табл. 51
16	Томское Приобье, еловская культура, Еловский-1, 2 (II тыс. до н.э.)	», табл. 67
17	Пахомовская культура, сборная серия (II тыс. до н.э.)	Зубова, 2014
	Тюменское Притоболье, Ново-Шадрино-7	», табл. 61
	Барабинская лесостепь, Старый Сад, Преображенка-3, Гришкина Заимка, Сопка-2, Протока	», табл. 63, 64
18	Кузнецкая котловина, корчакинская культура, Танай-12 (II тыс. до н.э.)	», табл. 69
19	Барабинская лесостепь, кротовская культура (классический этап), Сопка-2 (конец III — начало II тыс. до н.э.)	Чикишева, 2012, табл. 25
20	Барабинская лесостепь, позднечиртовская (черноозерская) культура, Сопка-2 (начало II тыс. до н.э.)	»
21	Минусинская котловина, окуневская культура, Уйбат-5, Верх-Аскиз-1, Черновая VIII, Итколь-1 (II тыс. до н.э.)	Зубов, 1980; Зубова, 2013, табл. 5
22	Хакасско-Минусинская котловина, карасукская культура, сборная серия (конец II тыс. — начало I тыс. до н.э.)	Рыкушина, 2007, табл. 26, 27, 29–31
23	Южный Урал, синташтинская культура (III — начало II тыс. до н.э.)	Китов, 2011, табл. 4
24	Южный Урал, приуральский вариант синташтинской культуры (конец III — первая четверть II тыс. до н.э.)	»
25	Южный Урал, петровская культура (XX–XVII вв. до н.э.)	»
26	Южный Урал, памятники срубно-алакульского культурного типа (XVIII–XVI вв. до н.э.)	»
27	Южный Урал, алакульская культура (степной полосы) (XVIII–XVI вв. до н.э.)	»
Ранний железный век		
11	Новосибирское Приобье, кулайская культура, Каменный Мыс (III–II вв. до н.э.)	Зубова, 2009; Кишкурно, Слепцова, 2019
12	Верхнее Приобье, большебереченская культура, Верх-Сузун-5 (VI–II вв. до н.э.)	Кишкурно, 2018a, табл. 3
13	Верхнее Приобье, большебереченская культура, Быстровка-1 (вторая половина I тыс. до н.э.)	Кишкурно М.С., неопубликованные данные
14	Верхнее Приобье, большебереченская культура, Быстровка-2 (вторая половина I тыс. до н.э.)	»
15	Верхнее Приобье, большебереченская культура, Быстровка-3 (III–I вв. до н.э.)	Кишкурно, 2018b, табл. 3
16	Верхнее Приобье, большебереченская культура, сборная серия (вторая половина I тыс. до н.э.)	Кишкурно М.С., неопубликованные данные
17	Лесостепной Алтай, каменная культура, Рогозиха-1, Объездное-1 (VI–IV вв. до н.э.)	Лейбова, Тур, 2020, табл. 2
18	Лесостепной Алтай, каменная культура, Камень-2, Кирилловка-3, Новотроицкое-1, 2 (V–III вв. до н.э.)	»
19	Лесостепной Алтай, каменная культура, Масляха-1 (III–II вв. до н.э.)	»
20	Лесостепной Алтай, староалейская культура, Фирсово-14, Обские плесы-2, Малый Гоньбинский Кордон-1/1 (VI–V вв. до н.э.)	»
21	Горный Алтай, пазырыкская культура, сборная серия (V–III вв. до н.э.)	Чикишева, 2012, прил., табл. 57
22	Горный Алтай, каракибинская культура, сборная серия (V–III вв. до н.э.)	», прил., табл. 58
23	Горный Алтай, алды-бельская культура, Аржан II (VII в. до н.э.)	», прил., табл. 60
24	Тува, алды-бельская культура (финальный этап) Копто (V–IV вв. до н.э.)	»
25	Тува, уюкско-саглынская культура, Догээ-Баары II (VI–IV вв. до н.э.)	»
26	Минусинская котловина, тагарская культура, Черногорка (VIII–III вв. до н.э.)	Гулевская В.А., неопубликованные данные
27	Приаралье, джетысарская культура, Косасар-2 (V в. до н.э.)	Рыкушина, 1993b, табл. 1
28	Приаралье, джетысарская культура, Косасар-3, Томпаксар, Бедаикасар (не позднее IV в. н.э.)	Рыкушина, 1993a, табл. 1
29	Центральный Казахстан, тасмолинская культура (VIII–V вв. до н.э.), сборная серия	Бейсенов и др., 2015, табл. 27
30	Центральный Казахстан, памятники юргантаевского периода (IV–II вв. до н.э.), сборная серия	»
31	Южное Приуралье, ранние сарматы, Покровка X (IV–II вв. до н.э.)	Суворова, 2008, табл. 1
32	Южное Приуралье, поздние сарматы, Покровка X (II–IV вв. н.э.)	»
33	Южное Приуралье, «савроматы», Новый Кумак (VI–IV вв. до н.э.)	Сегеда, 2006, табл. 2
34	Юго-западное Приаралье, «савроматы», Казы-Баба (V–IV вв. до н.э.)	Багдасарова, 2000
35	Южное Приуралье, ранние сарматы, Лебедевка (V–III вв. до н.э.)	Сегеда, 2006, табл. 2
36	Прикамье, ананьинская культура, Луговской (VIII–III вв. до н.э.)	Аксянова, 2017
37	Средняя Азия, саки Притяньшанья, сборная серия, (V–II вв. до н.э.)	Китов и др., 2019, табл. 1

**Нагрузки на признаки в составе первых двух главных компонент.
Одонтологический анализ серий эпохи бронзы**

Table 5

Trait loadings on the first two principal components. Dental anthropology analysis of the Bronze Age samples

Признак	ГК 1	ГК 2
Лопатообразность (2+3) I ¹	0,00	0,76
Бугорок Карабелли (2-5) M ¹	0,27	0,59
Редукция гипоконуса (3, 3+) M ²	-0,54	0,40
6M ₁	0,70	0,38
4M ₁	-0,72	0,20
4M ₂	-0,81	0,06
Дистальный гребень тригониды M ₁	0,23	0,77
Коленчатая складка метакониды M ₁	0,63	-0,32
Доля изменчивости, %	31,16	24,63

Большинство саргатских серий среднего и позднего периодов располагается в отрицательном поле графика по ГК 1. Наиболее специфичным остается расположение выборки саргатской культуры из Барабы, которая сближается с позднебронзовым населением региона и с алакульцами Омского Прииртышья. Остальные саргатские группы и гороховская выборка сближаются с населением Южного Урала.

Основная дифференцирующая сила второй главной компоненты направлена на отделение выборок эпохи бронзы из Западной Сибири от большинства серий раннего железного века. Одновременно она делит западносибирское и южноуральское население эпохи бронзы. По координатам данной ГК подчеркивается специфичность серии кашинской культуры, приближенной к окуневской группе, и населения саргатской культуры среднего этапа из Барабы, которое, как уже отмечалось, демонстрирует сходство с местными сериями эпохи бронзы. Большинство серий раннего железного века входят в совокупность в поле отрицательных значений второй ГК, располагаясь в одном поле с сериями эпохи бронзы Южного Урала, сходство с которыми отмечается также по первой ГК.

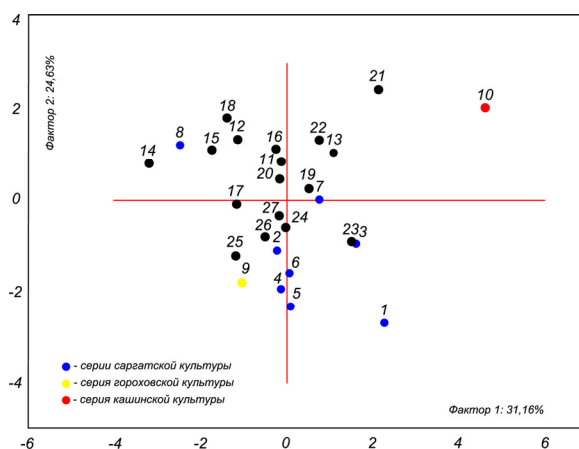

Рис. 2. Результаты сопоставления одонтологических характеристик выборок раннего железного века Западной Сибири с сериями эпохи бронзы (названия групп см. в табл. 3).

Fig. 2. Results of the dental comparison of Western Siberian groups with samples of the Bronze Age (see table 3).

При сравнении саргатских, гороховских и кашинских серий с выборками раннего железного века Западной Сибири и сопредельных территорий нагрузка на первые две главные компоненты описывает 53,15 % изменчивости (табл. 6). Первая главная компонента (33,46 % изменчивости) противопоставляет серии по степени грацилизации и матуризации нижних моляров, а также редукции верхних моляров. В положительном поле первой ГК локализуются серии, в составе которых отмечены повышенные частоты 6-бугорковых нижних моляров (рис. 3). В это поле попадают все серии большереченской и кулайской культур Верхнего Приобья. Максимальные положительные значения координат по данной ГК имеет серия кашинской культуры из Приишимья

(Абатский-3) и выборка савроматов юго-западного Приаралья (Казы-Баба). В отрицательное поле попадают выборки, в составе которых преобладают редуцированные формы гипоконуса вторых верхних моляров и грацильные формы нижних моляров,— большинство выборок с территории Алтая, Тувы и Минусинской котловины, серии джетыасарской культуры Приаралья.

Вторая ГК (19,69 % изменчивости) делит серии по наличию лопатообразности верхних центральных резцов и дистального гребня тригонида. В положительном поле локализуются серии с пониженными частотами этих признаков — выборки Западной Сибири, Горного Алтая, Тувы и Минусинской котловины. В отрицательном поле локализовались несколько выборок из Западной Сибири, Горного Алтая, Центрального Казахстана и Приуралья — серии, в составе которых отмечены признаки восточного одонтологического ствола.

Таблица 6

**Нагрузки на признаки в составе первых двух главных компонент.
Одонтологический анализ серий раннего железного века**

Table 6

Trait loadings on the first two principal components. Dental anthropology analysis of the Early Iron Age samples

Признак	ГК 1	ГК 2
Лопатообразность (2+3) I ¹	0,26	-0,70
Бугорок Карабелли (2-5) M ¹	0,57	-0,40
Редукция гипоконуса (3, 3+) M ²	-0,63	-0,26
6M ₁	0,83	-0,01
4M ₁	-0,69	-0,26
4M ₂	-0,74	-0,05
Дистальный гребень тригонида M ₁	0,09	-0,83
Коленчатая складка метаконида M ₁	0,41	0,29
Доля изменчивости, %	33,46	19,69

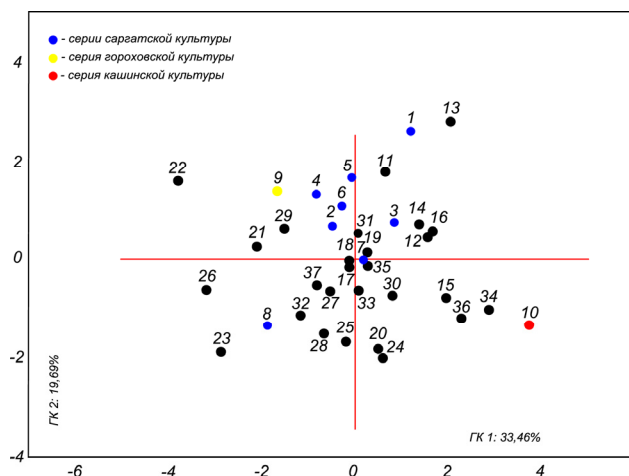

Рис. 3. Результаты сопоставления одонтологических характеристик выборок Западной Сибири с сериями раннего железного века (названия групп см. в табл. 3).

Fig. 3. Results of the dental comparison of Western Siberian groups with samples of the Early Iron Age (see table 3).

Расположение саргатских серий на графике демонстрирует несколько хронологических и территориальных закономерностей. Группы раннего периода из Притоболья и Барабы находятся на значительном расстоянии друг от друга. Ранняя саргатская серия из Притоболья сближается с населением Новосибирского Приобья — кулайской выборкой (Каменный Мыс) и серией большереченской культуры (Быстровка-1). Выборка раннего периода из Барабы располагается с сериями каменской культуры лесостепного Алтая и ранних сарматов (Лебедевка) Южного Приуралья.

Выборки среднего периода на графике сгруппировались компактным скоплением в положительном поле второй ГК вокруг серии ранних сарматов (Покровка X), за исключением серии из Барабы, которая локализовалась на границе отрицательных значений второй ГК и сблизилась с выборкой поздних сарматов (Покровка X). В том же скоплении расположены группы позднего периода, демонстрируя преемственность одонтологических комплексов с саргатским населением предшествующего, среднего этапа.

Сборная серия гороховской культуры расположилась в отрицательно-положительном поле графика, максимально сближаясь с выборками саргатской культуры из Притоболья, Прииртышья, Приишимья и группой тасмолинской культуры Центрального Казахстана. Кашинская выборка из могильника Абатский-3 значительно отделилась от большинства серий, привлеченных для сопоставления, не только из-за малочисленности выборки, но и из-за резкого преобладания в составе серии частот восточного одонтологического ствола. Единственная серия, приближенная к кашинской, — выборка савроматов из Приаралья (Казы-Баба).

Обсуждение результатов и выводы

Результаты многомерного статистического анализа позволили уточнить и дополнить существующие данные по проблеме происхождения населения Западной Сибири раннего железного века.

По одонтологическим данным основой формирования антропологического состава населения саргатской и гороховской культур раннего железного века являлся компонент, привнесенный потомками андроновских групп. Однако в отдельных регионах в формировании населения раннего железного века участвовали потомки носителей различных традиций, сосуществовавшие в рамках андроновской культурно-исторической общности. Саргатское население из Притоболья, Прииртышья и Приишимья и гороховское население не демонстрируют связи с группами Западной Сибири эпохи бронзы, привлеченными для сопоставления. Для групп этих территорий основным стал компонент, привнесенный потомками носителей петровской, срубно-алакульской и синташтинской культур Южного Урала, а также савроматами и сарматами Южного Приуралья. Сходство с последними проявляется особенно сильно у саргатского населения среднего этапа.

Ранее отмечалось, что большая роль в формировании саргатского населения принадлежала предшествующему андроновскому населению Западной Сибири, меньшая — ирменскому населению [Полосьмак, 1987; Матвеева, 1993, с. 150; Багашев, 2000, с. 160–163]. По одонтологическим данным эти выводы справедливы для населения раннего железного века Барабинской лесостепи, результаты статистического анализа демонстрируют сходство саргатских, федоровских и ирменских серий.

Постоянные проникновения сарматских групп Южного Приуралья в лесостепь Западной Сибири значительно повлияли на антропологический состав саргатского населения (в особенности среднего этапа), что привело к усилению в составе саргатских серий южноуральского андроновского компонента. По археологическим данным отмечено, что начиная с V в. до н.э. идет процесс постепенной «сарматизации» лесостепного населения Западной Сибири [Полосьмак, 1987, с. 96].

Аналогично саргатским популяциям основой антропологического состава гороховского населения являлся андроновский компонент южноуральского происхождения. Население саргатской культуры и гороховские группы, одновременно проживающие на территории Притоболья в V–III вв. до н.э., различаются между собой значительно. Однако последующие тесные популяционные связи саргатцев и гороховцев и их контакты с сарматами способствовали сближению их антропологического состава. По археологическим данным, гороховское население последовательными группами отступило на Южный Урал и вошло в политический союз сарматов [Смирнов, 1964, с. 287]. По данным краниометрического анализа особенности оренбургской группы сарматов состоят именно во включении расового компонента, наиболее четко представленного в гороховской культуре [Багашев, 2000]. Данные одонтологии в данном случае органично дополняют сложившуюся картину.

Наиболее специфичным является антропологический состав кашинского населения. Результаты статистического сопоставления одонтологических характеристик позволяют предположить различное происхождение носителей кашинской и саргатской культур. Кашинская серия не находит аналогий с выборками эпохи бронзы и раннего железного века, привлеченными для сопоставления. Это расходится с данными краниологии, согласно которым краниологический тип кашинских черепов обладает европеоидным строением [Багашев, 2020, с. 47], и не имеет принципиальных различий с саргатскими сериями [Там же, с. 53]. Археологические данные свидетельствуют о связях кашинцев с носителями кулайских культурных традиций [Матвеева, 1994; Чикунова, 2007]; возможно, формирование кашинского населения связано с автохтонными таежными группами эпохи бронзы.

Стоит отметить, что сложившаяся по данным одонтологии картина не в полной мере отражает популяционные процессы, происходившие на территории лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке. По археологическим данным отмечена значительная роль сузгунских и красноозерских древностей в сложении саргатской культуры [Труфанов, 1990; Полеводов, 2003;

Берсенева, 2016, с. 35; Косарев, 1981, с. 181–205]. Однако степень влияния сузгунских и краснозерских групп эпохи бронзы на антропологический состав саргатского населения не может быть исследована в данной работе из-за отсутствия сравнительных данных по населению этих культур. По той же причине, из-за отсутствия антропологических материалов, на данном этапе не представляется возможным исследовать связь между межовским населением эпохи бронзы и гороховскими группами.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного можно сделать несколько выводов:

— на антропологический состав гороховского населения и саргатских групп из Притоболья, Приишимья и Прииртышья значительное влияние оказали диахронные контакты с потомками андроновской общности Южного Урала и синхронные связи с савроматами и сарматами Южного Приуралья;

— в формировании антропологического состава саргатского населения Барабы ключевая роль принадлежала местным позднебронзовым группам — федоровскому населению Западной Сибири эпохи бронзы и их потомкам, носителям ирменской культуры;

— специфика немногочисленной группы кашинской культуры из Приишимья заключается в резком преобладании признаков восточного одонтологического ствола, что значительно отличает это население от групп эпохи бронзы и раннего железного века Западной Сибири и сопредельных территорий.

Благодарности. Автор выражает благодарность М.К. Карапетян (Научно-исследовательский институт и музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова), Т.А. Чикишевой (отдел археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН), М.П. Рыкун (кабинет антропологии Томского государственного университета) и Н.Г. Ерохину (Институт экологии растений и животных УрО РАН) за предоставленную возможность работы с антропологическими коллекциями.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-49-720010. Частично работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксянова Г.А. Луговой могильник раннего железного века // Человек и среда: Актуальные проблемы антропологии и археологии. Казань, 2017. С. 10.

Багашеев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.

Багдасарова Н.А. Одонтологическая характеристика кочевников Устюрта савромато-сарматского времени (по материалам могильника Казыбаба) // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., 2000. Вып. 2. С. 113–124.

Бейсенов А.З., Исмагулов А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Ин-т истории им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.

Берсенева Н.А. Некоторые проблемы и перспективы изучения саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье: (Проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2016. С. 31–44.

Зубов А.А. Одонтология: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.

Зубов А.А. Характеристика зубной системы в черепной серии из Окуневского могильника // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 9–18.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-Онлайн, 2006. 72 с.

Зубова А.В. Одонтологические особенности населения Западной Сибири эпохи раннего железного века: (Саргатская и кулайская культуры) // Вестник ТГУ. История. 2009. № 1. С. 79–85.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестник антропологии. 2013. № 4 (26). С. 107–127.

Зубова А.В. Население Западной Сибири во II тысячелетии до нашей эры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 228 с.

Зубова А.В., Чикишева Т.А. Антропологический состав неолитического населения юга Западной Сибири по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43 (3). С. 116–127.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII — первая половина II в. до н.э.). Алматы, 2019. 300 с.

Кишкурно М.С. Одонтологическая характеристика антропологической серии из могильника Верх-Сузун-5 раннего железного века с территории Новосибирского Приобья // Вестник НГУ. Сер. История. Филология. 2018а. Т. 17. № 5. С. 137–149.

Кишкурно М.С. Происхождение носителей каменной культуры Новосибирского Приобья по одонтологическим данным из могильника Быстровка-3 (III–I вв. до н. э.) // Camera praehistorica. 2018b. № 1. С. 134–147.

Происхождение населения Западной Сибири раннего железного века по данным одонтологии

- Кишкурно М.С., Слепцова А.В.* Новые данные по одонтологии населения кулайской культуры Новосибирского Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 140–151. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2018-17-5-137-149>
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 241 с.
- Корякова Л.Н.* Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири: (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург, 1991. 53 с.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.
- Лейбова Н.А., Тур С.С.* Одонтологические особенности населения лесостепного Алтая скифского времени // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 171–186. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-15>
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 172 с.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Могильников В.А.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 166–189.
- Могильников В.А.* Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 274–311.
- Молодин В.И., Колонцов С.В.* Туруновка-4 — памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С. 74–79.
- Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Рыкушина Г.В.* Материалы по одонтологии джетыясарской культуры: Грунтовые погребения могильников Косасар 2, Косасар 3, Томпакасар и Бедаикасар // Низовья Сырдарьи в древности: Джетыясарская культура. М., 1993а. Вып. III. Ч. 2. С. 194–205.
- Рыкушина Г.В.* Одонтологическая характеристика черепов из склепов джетыясарской культуры (Алтынасар 4, Томпакасар, Косасар 3) // Низовья Сырдарьи в древности: Джетыясарская культура. М., 1993б. Вып. II. Ч. 1. С. 243–252.
- Рыкушина Г.В.* Палеоантропология карасукской культуры. М.: Старый Сад, 2007. 198 с.
- Сегеда С.П.* Ранние сарматы Южного Приуралья по данным одонтологии (на материалах могильника Лебедевка) // Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М., 2006. С. 155–159.
- Слепцова А.В.* Происхождение и хронологическая динамика состава населения саргатской культуры эпохи раннего железного века Западной Сибири по одонтологическим данным // *Camera praehistorica*. 2020. № 1 (4). С. 139–155. <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2020-1-139-155>
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964. 397 с.
- Суворова Н.А.* Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка-10: (Предварительное сообщение) // Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 87–95.
- Тур С.С.* Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Вестн. АлтГУ. 2009. № 4–2. С. 228–236.
- Чикишева Т.А.* Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Чикунова И.Ю.* Керамические комплексы кашинской культуры на памятниках раннего железного века Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 9. С. 72–80.
- Шарапова С.В.* Верхняя хронологическая граница саргатской культуры // Нижневолж. археол. вестник. 2020. Т. 19. № 2. С. 218–246. <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.12>

ИСТОЧНИКИ

- Китов Е.П.* Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. 21 с.
- Полеводов А.В.* Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.
- Савельев Н.С.* Население Месягутовской лесостепи в V–III веках до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002. 26 с.
- Таиров А.Д.* Ранние кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 54 с.
- Труфанов А.Я.* Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 15 с.

The origins of the population of Western Siberia in the Early Iron Age according to odontological data

The results of the study of the dental anthropology complexes of the population of the Sargatka, Gorokhovo and Kashino cultures of the Early Iron Age in Western Siberia are presented. The source base of the study is 490 individuals from burials located in the Tobol, Ishim, Irtysh River regions, as well as on the territory of the Baraba forest-steppe zone. The aim of this study is to reconstruct the origin and processes of the formation of the anthropological composition of the population of the Sargatka, Gorokhovo and Kashino cultures on the basis of new dental anthropological data. Trigonometrically transformed dental trait frequencies were subjected to the principal component analysis. Besides Sargatka, Gorokhovo and Kashino cultures samples, 17 Bronze Age and 27 Early Iron Age dental samples from different region of Eurasia were used for statistical comparison. The results of the statistical comparison may possible to make a several conclusions. The anthropological composition of the Gorokhov population and Sargat groups from the Tobol, Ishim and Irtysh River regions was significantly influenced by diachronic contacts with the descendants of the Andronovo tribes of the Southern Urals, and synchronous relation with the Savromats and Sarmatians of the Southern Urals. The population of the Sargatka culture and the Gorokhovo groups, simultaneously living on the territory of the Tobol River region in the 5th–3rd centuries BC significantly different from each other. However, the subsequent close population relation between the Sargatka and Gorokhovo groups and their contacts with the Sarmatians contributed to the convergence of their anthropological composition. In the formation of the anthropological composition of the Sargatka population of Baraba forest-steppe zone the main role belongs to the local Late Bronze groups — the Fedorovo Bronze Age population of Western Siberia and their descendants, people of the Irmen culture. The most specific is the anthropological composition of the Kashino population. The specificity of the small group of the Abatsky 3 burial of Kashino culture from the Ishim River region lies in the sharp predominance of the features of the “eastern” dental non-metric complex, which distinguishes this population from the groups of the Bronze Age and the Early Iron Age of Western Siberia and adjacent territories.

Keywords: Western Siberia, Early Iron Age, dental anthropology, Sargatka Culture, Gorokhovo Culture, Kashino Culture.

Acknowledgments. The author is grateful to M.K. Karapetyan (Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University), T.A. Chikisheva (Department of Metal Ages Archaeology of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), M.P. Rykun (anthropology department of Tomsk State University) and N.G. Erokhin (Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences) for the opportunity to work with anthropological collections.

Funding. The research was funded by RFBR and Tyumen Region, project number 20-49-720010. The article was supported by Basic Research Program RAS No. 121041600045-8.

REFERENCES

- Aksianova G.A. (2017). Lugovskoy burial ground of the Early Iron Age. In: *Chelovek i sreda: Aktual'nye problemy antropologii i arkheologii*. Kazan. (Rus.).
- Bagashev, A.N. (2000). *Paleoanthropology of Western Siberia: Forest-steppe in the Early Iron Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bagdasarova N.A. (2000). Odontological characteristics of the Ustyurt nomads of the Sauromat-Sarmatian time (based on materials from the Kazybaba burial ground). In: *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniya o naselenii Srednei Azii*, (2), Moscow, 113–124. (Rus.).
- Beisenov, A.Z., Ismagulov, A.O., Kitov, E.P., Kitova A.O. (2015). *Population of Central Kazakhstan in the 1st mil-lennium BC*. Almaty: Institut istorii imeny A.Kh. Margulana. (Rus.).
- Berseneva, N.A. (2016). Some problems and prospects of studying the Sargat culture of the Trans-Urals and Western Siberia. In: *Arkheologiya luzhnogo Urala. Les, lesostep'. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e: (Problemy kul'turogeneza)*. Cheliabinsk: Rifei, 31–44. (Rus.).
- Chikisheva, T.A. (2012). *The dynamics of anthropological differentiation of the population of the south of Western Siberia of the Neolithic — Early Iron Age*. Novosibirsk: IAET SB RAS Press. (Rus.).
- Chikunova, I.Iu. (2007). Ceramic complexes of the Kashino culture on the sites of the Early Iron Age in the Tobol River region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (9), 72–80. (Rus.).
- Kishkurno, M.S. (2018a). Odontological characteristics of the anthropological series from the Verkh-Suzun-5 burial ground of the early Iron Age from the territory of the Novosibirsk Ob region. *Vestnik NGU. Seriya Istoriya. Filologiya*, 17(5), 137–149. (Rus.).
- Kishkurno, M.S. (2018b). The origin of the Kamensk culture carriers of the Novosibirsk Ob region according to odontological data from the Bystrovka-3 burial ground (III–I centuries BC). *Camera praehistorica*, (1), 134–147. (Rus.).
- Kishkurno, M.S., Sleptsova, A.V. (2019). New data on the odontology of the population of the Kulay culture

- of the Novosibirsk Ob region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 47(4), 140–151. (Rus.).
- Kitov, E.P., Tur, S.S., Ivanov, S.S. (2019). Paleoanthropology of the Saka cultures of the Tien Shan (8th — first half of the 2nd century BC). Almaty. (Rus.).
- Koriakova, L.N. (1988). *Early Iron Age of Trans-Urals and Western Siberia*. Sverdlovsk: Ural University Press. (Rus.).
- Koriakova, L.N. (1991). *Cultural and historical communities of the Urals and Western Siberia (Tobol-Irtysh province at the beginning of the Iron Age)*. Ekaterinburg. (Rus.).
- Kosarev, M.F. (1981). *Bronze Age of Western Siberia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Leibova, N.A., Tur, S.S. (2020). Odontological features of the population of the forest-steppe Altai of the Scythian time. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 51(4), 171–186. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (1993). *Sargat culture in the middle Tobol River Region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (1994). *Early Iron Age Ishim River Region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva, N.P. (2000). *Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the early Iron Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Mogil'nikov, V.A. (1970). To the question of ethnocultural areas of the Middle Irtysh and Ob regions of the Early Iron Age. In: *Problemy khronologii i kul'turnoi prinalozhnosti arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk, 166–189. (Rus.).
- Mogil'nikov, V.A. (1992). Forest-steppe of the Trans-Urals and Western Siberia. In: *Stepnaia polosa aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Molodin, V.I., Kolontsov, S.V. (1984). Turunovka-4 — a monument of the transitional time from armor to iron. In: *Arkheologiya iuga Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, 74–79. (Rus.).
- Polos'mak, N.V. (1987). *Baraba in the Early Iron Age period*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Rykushina, G.V. (1993a). Materials on the odontology of the Dzhetysay culture. Ground burials of the cemeteries of Kosasar 2, Kosasar 3, Tompakasar and Bedaikasar. In: *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti: Dzhetysayskaia kul'tura*. Vyp. 3. Ch. 2. Moscow, 194–205. (Rus.).
- Rykushina, G.V. (1993b). Odontological characteristics of skulls from the crypts of the Jety-Asar culture (Altynasar 4, Tompakasar, Kosasar 3). In: *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti: Dzhetysayskaia kul'tura*. Vyp. 2. Ch. 2. Moscow, 243–252. (Rus.).
- Rykushina, G.V. (2007). *Paleoanthropology of the Karasuk culture*. Moscow: Staryi Sad. (Rus.).
- Segeda, S.P. (2006). Early Sarmatians of the Southern Urals according to odontology (based on materials from the Lebedevka burial ground). In: *Drevnosti Lebedevki (6th–2nd cc BC)*. Moscow, 155–159. (Rus.).
- Sharapova, S.V. (2020). The upper chronological boundary of the Sargat culture. In: *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, 19(2), 218–246. (Rus.).
- Sleptsova, A.V. (2020). The origin and chronological dynamics of the population composition of the Sargat culture of the Early Iron Age of Western Siberia according to dental anthropology data. *Camera praehistorica*, 4(1), 139–155. (Rus.). <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2020-1-139-155>
- Smirnov, K.F. (1964). *Sauromats*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Suvorova, N.A. (2008). Odontological characteristics of the early nomads of the Southern Urals based on materials from the Pokrovka-10 burial ground (preliminary report). In: *Stepnoe naselenie Iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia*. Moscow, 87–95. (Rus.).
- Tur, S.S. (2009). Odontological characteristics of the population of the Andronovo culture of Altai. In: *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, (4–2), 228–236. (Rus.).
- Zubov, A.A. (1968). *Odontology: A methodology for anthropological research*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zubov, A.A. (1980). Characteristics of the dental system in the cranial series from the Okunevo burial ground. In: *Paleoantropologiya Sibiri*. Moscow: Nauka, 9–18. (Rus.).
- Zubov, A.A. (2006). *Methodological manual for the anthropological analysis of odontological materials*. Moscow: Etno-Online. (Rus.).
- Zubova, A.V. (2009). Odontological features of the population of Western Siberia in the early Iron Age (Sargat and Kulay cultures). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (1), 79–85. (Rus.).
- Zubova, A.V. (2013). Preliminary results of the study of the archaic component of the odontological complexes of the population of Eurasia in the Neolithic era. *Vestnik antropologii*, 4(26), 107–127. (Rus.).
- Zubova, A.V. (2014). *Population of Western Siberia in the 2nd millennium BC*. Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN. (Rus.).
- Zubova, A.V., Chikisheva, T.A. (2015). Anthropological composition of the Neolithic population of the south of Western Siberia according to odontological materials. In: *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 43(3), 116–127. (Rus.).

Слепцова А.В., <https://orcid.org/0000-0001-5791-248X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-14>

Адаев В.Н.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: whitebird4@yandex.ru

ЮГАНСКИЕ ХАНТЫ НА ДЕМЬЯНКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Детально представлен механизм формирования локальной идентичности у хантов-переселенцев из Сургутского района ХМАО на р. Демьянка в XX в. Выявлены превращавшиеся направления контактов с исторической родиной и новые узы, закреплявшие людей на территории. Установлена роль в этом административных преобразований, социально-экономических отношений, брачных контактов и религиозных представлений. Главными маркерами сформировавшейся к 1990-м гг. локальной идентичности определены территориальное укоренение, чувство причастности к региону, новый правовой статус и консолидация общности.

Ключевые слова: этнография Сибири, коренные народы Севера, оленеводство, миграции, этнолокальные сообщества, социальные контакты и изолированность.

Проблемы социальной идентичности — популярная тема современных гуманитарных исследований. При этом аспекты территориальной и этнической идентификации обычно рассматриваются отдельно, нередко через методологическую призму разных дисциплин (см.: [Замятина, 2012; Миронов, 2012; Перевалова, 2019; Самошкина, 2008]). В данной работе представлен частный пример актуализации локальной идентичности¹ у небольшой общности таежных переселенцев, принадлежащих к коренным народам Севера. Помимо становления у указанной общности чувства сопричастности к новой территории здесь будет рассмотрена проблема формирования самостоятельной этнолокальной группы². В этом контексте локальная идентичность проявляется, с одной стороны, в восприятии нового места жительства в качестве родины, с другой — в наметившемся противопоставлении себя сородичам, живущим за пределами означенной территории.

Цель исследования — на частном примере детально рассмотреть механизм формирования локальной идентичности (предпосылки, факторы воздействия, хронология процесса, его ключевые маркеры). Второй важный момент — проследить, как новая территориальная идентичность определяет формирование этнолокального сообщества.

Территория исследования и рассматриваемая общность

В центре внимания находится глубинная таежная территория, расположенная в верховьях и среднем течении р. Демьянки (Уватский р-н Тюменской обл.). Этот крупный иртышский приток значительную часть XX в. оставался существенно изолированным местом, где в напряженные периоды советского времени находили убежище от социального прессинга небольшие этнические сообщества разного происхождения. Среди них были кочевые звенки — выходцы с Подкаменной Тунгуски, русские промысловики из Уватского и Омского Прииртышья, чувашские крестьяне из Усть-Ишимского района Омской области и ханты-олeneводы с р. Большой Юган Сургутского района ХМАО. О последней общности и пойдет речь в настоящей статье.

Историко-этнографические сведения о демьянских юганцах довольно ограничены. До 1990-х гг. о них встречались лишь краткие упоминания [Дунин-Горкавич, 1996, с. 147; Патканов, 1999, с. 136–137; Пирожников, 2002, с. 125], причем некоторые авторы даже не отличали вы-

¹ Под локальной идентичностью понимается один из видов территориальной идентичности, ассоциация себя с территорией непосредственного проживания, с местным сообществом [Морозова, Улько, 2008; Kolossov, O'Loughlin, 1998].

² Вслед за К.К. Логиновым, мы понимаем под этнолокальным коллективом низшую таксономическую единицу в иерархии этнических общностей. В общем определении это гомогенная группа населения с высокой степенью групповой самоидентификации [2006, с. 3–5].

ходцев с Б. Югана от местного хантыйского населения Демьянки [Балкашин, 1911, с. 7; Мануйлов, 1955; Шухов, 1927, с. 201–207]. Первые серьезные исследования демьянских юганцев состоялись в 1984 г. (экспедиция А.В. Головнева и Е.В. Переваловой) и 1999 г. (экспедиция Н.А. Лискевич (Повод) и А.А. Богордаевой). Отдельные результаты работы были потом представлены либо в публикациях узкой тематики [Богордаева, 2000; Богордаева, Повод, 2005], либо в виде частных примеров в монографии, посвященной обширным этнографическим вопросам [Головнев, 1995]. Некоторые аспекты адаптации юганцев к демьянской территории рассмотрены автором настоящей статьи [Адаев, 2013]. Статья в значительной степени основана на полевых этнографических материалах 2000–2020 гг., а также сведениях из архивных документов. Исследование построено на системном анализе, где формирование нового локального сообщества рассматривается через призму его изменяющихся внешних контактов и социально-культурных границ. Специфической особенностью хантов — этнической общности, широко расселенной в таежном пространстве Западной Сибири, является существенная этнокультурная дробность. Практически по каждому крупному притоку Обь-Иртышья проживает более-менее обособленная хантыйская группа, для которой характерны заметное культурное своеобразие и собственный языковой диалект (говор). Часть подобных территориальных сообществ образовалась в исторически обозримом прошлом, в результате миграции хантов из сопредельных речных бассейнов. Именно поэтому в рассматриваемом нами примере в фокусе исследования оказывается не просто локальная, а этнолокальная идентичность недавних переселенцев.

Демьянская территория, кроме своей труднодоступности, привлекала окружающее население богатыми промысловыми ресурсами — соболем, белкой, северным оленем, лосем, речной и озерной рыбой. Именно поэтому юганские оленеводы с XVIII в. регулярно посещали зимой бассейн Демьянки, в особенности ее среднее и верхнее течение. Постепенно они стали воспринимать себя полноправными хозяевами этих угодий (рис. 1). Схема устоявшегося промыслового освоения реки с северных территорий долгое время отражалась и в очертаниях административных границ региона. Так, значительная часть Демьянки до 1950-х гг. числилась в административном подчинении Ханты-Мансийского национального округа (ХМНО).

На Демьянке имелось и свое хантыйское население. Местные демьянские ханты существенно отличались от юганских по языку, образу жизни и культуре; кроме того, соседствующие коллективы разделяла давняя вражда. К концу XIX в. исконные демьянцы сильно сократились в численности из-за болезней и переместились в низовья реки, отдалившись тем самым от юганских оленеводов еще и пространственно.

Уже в 1920–1930-е гг. юганцы периодически стали задерживаться на демьянских угодьях по несколько лет. Этому способствовали беспокойные события Гражданской войны, эпидемии на Б. Югане, перебои в торгово-обменных отношениях, первые социально-политические и экономические преобразования советской власти (коллективизация, раскулачивание, гонения на шаманов и др.). Еще более многочисленные группы находили укрытие на Демьянке в военные 1940-е гг. и в период государственных кампаний 1950-х гг. (по переводу оленеводов на оседлость, селение их в крупные поселки и пр.).

В 1950-е гг. численность юганских поселенцев на Демьянке достигла исторически зафиксированного максимума — 150–180 чел., пребывавших там одновременно. При этом состав и количество жителей постоянно колебались. Высокая пространственная мобильность хантов Б. Югана обеспечивалась наличием оленного транспорта и была для этой группы привычным явлением. Нестабильность коллектива, начавшего тяготеть к Демьянке, усиливали и разновекторные факторы. С одной стороны, к уходу со своей реки способствовали преимущества жизни в удаленных местах с богатыми промысловыми ресурсами, с другой — на Демьянке были довольно сложные условия содержания оленей; кроме того, на исторической родине оставались родные селения и привычная сеть социальных связей. Тем не менее именно с 1950-х гг. можно говорить о начале оформления демьянской общности юганских хантов.

Выбор юганских хантов-переселенцев в качестве объекта исследования обусловлен двумя соображениями. Во-первых, это одна из самых многочисленных этнических групп, нашедших убежище на Демьянке: по этому показателю она сопоставима лишь с русскими. Во-вторых, демьянские юганцы, в отличие от тех же русских, представляли цельную общность, характеризовавшуюся единым и устойчивым комплексом традиций. Длительному сохранению их культурной самобытности способствовало и регулярное сообщение с Б. Юганом. С 1960–1970-х гг. эти контакты существенно затруднились и в последующие десятилетия минимизировались. Ситуа-

ция, когда довольно многочисленный коллектив оказался в условиях нарастающей изолированности от сородичей, свидетельствует, что имелись серьезные предпосылки для обособления демьянских юганцев в качестве новой локальной (а возможно, и самостоятельной этнолокальной) общности восточных хантов. Попробуем проанализировать перипетии данного процесса и его реальные результаты.

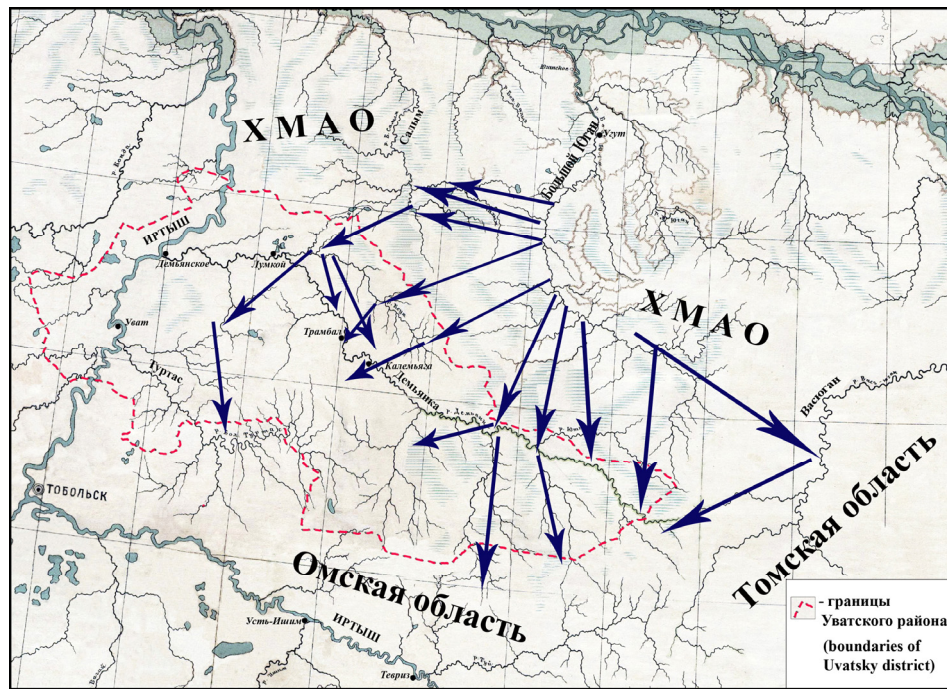

Рис. Схема проникновения юганских хантов на Демьянку, XIX–XX вв.

Fig. Scheme of the penetration of the Khanty from Bolshoy Yugan river to Demyanka river, 19–20 centuries.

В 1960–1970-х гг. произошли важные исторические события, обеспечившие стабилизацию общности демьянских юганцев. Определяющую роль сыграли три фактора: кампания по укрупнению поселений на Б. Югане, окончательный перевод всех жителей р. Демьянка в ведомство Уватского района и угасание оленеводства в бассейнах обеих рек. Первые два фактора подталкивали хантов к принятию окончательного решения о месте жительства (Сургутский или Уватский район) и закрепляли этот факт официальными документами. Третий фактор существенно затруднял сообщение между двумя регионами, происходившее прежде интенсивно, причем у юганцев среднего течения Демьянки прямые контакты с исторической родиной в 1970-е гг. практически сошли на нет.

После оттока около половины хантов в Сургутский район на Демьянке осталась группа юганцев, которая была скреплена с территорией наиболее прочными узами. Определяющее значение здесь уже имело не уклонение от нежелательных социальных контактов, а появившаяся привязанность к обжитым местам и стремление быть рядом с богатыми угодьями. Иными словами, ярко обозначился один из главных параметров формирующейся локальной идентичности — новый регион стал восприниматься как постоянное место жительства, родина. В известном смысле это было закономерно, так как значительный процент среди неухавших составляли ханты, родившиеся на Демьянке либо привезенные туда в детстве.

Более детальный анализ ситуации с невыехавшими хантами открывает любопытные нюансы. Прежде всего имеет смысл подробнее остановиться на изолированности переселенцев от исторической родины: какие конкретно устоявшиеся варианты контактов прервались и почему это случилось (одновременно в поле зрения неизбежно попадают новые узы, закрепляющие людей на территории). Начнем с тех обстоятельств, которые были скорректированы административными мерами.

Административные и социально-экономические трансформации

Знаковым событием 1959 г. стало полное включение бассейна Демьянки в ведомство Уватского района. Причем передача территорий произошла из состава ХМНО, к которому относился Б. Юган. В результате у оставшихся на Демьянке хантов прервались последние формальные,

а чуть позднее и неофициальные взаимоотношения с административными и хозяйственными структурами юганской территории. В частности, прекратились приемка пушнины и снабжение продуктами, охотничьим снаряжением, бытовыми и прочими товарами.

Разрыв социально-экономических связей произошел относительно безболезненно. Во-первых, большинство хантов верхней Демьянки были давно переориентированы на южный вектор производственно-экономических связей — Тевризский и Усть-Ишимский районы Омской области. Там были более выгодные торгово-обменные условия: *«Отец и дядя Миша до Тевриза катались, и дед ездил. В Тайлаково [на Югане] ни тряпок, ничего не было, а там можно было чем-то обменяться»* [ПМА, 2005]. С конца 1940-х по 1960-е гг. юганцы сотрудничали с Тевризской райзаготконторой, с 1971-го по 1983-й — с Усть-Ишимской. Причем в последней они пользовались особенно комфортным вариантом отправления и доставки грузов — прямо к их зимним поселениям совершали посадку самолеты «Ан-2».

Во-вторых, функции хозяйственного управления постепенно брала на себя Уватская администрация. Обеспечиваемое ею транспортное сообщение до 1980-х гг. ограничивалось торгово-заготовительным пунктом в п. Калемьяга в среднем течении реки. Третья причина, по которой административно-территориальные пертурбации не отразились отрицательно на уровне благосостояния юганцев, состояла в том, что в 1960–1970-е гг. у них были и местные каналы выгодных экономических связей с работавшими в среднем и верхнем течении реки геофизическими партиями и бригадами лесорубов. С этими работниками можно было договориться о поездке на вертолете, приобрести у них некоторые продукты и товары, а также реализовать промысловую продукцию. Большую прибыль приносил незаконный оборот пушнины, для чего часть ценных мехов ханты утаивали от государственных заготовителей³. Как итог, в 1970-е гг. экономическое положение юганцев на Демьянке оставалось вполне благополучным и не подталкивало их к возобновлению сообщения с исторической родиной.

Школьное обучение

Борьба с неграмотностью среди юганских хантов активизировалась дважды, в 1930-е и 1950-е гг., и всякий раз в рамках кампании по переводу северных народов на оседлость [Wiget, Balalaeva, 2011, p. 34; ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. П-23, оп. 1, д. 21, л. 17–20]. Соответственно на Демьянке в своем большинстве оказались как раз те ханты, которые уклонялись от этих государственных инициатив. В таежных селениях демьянской территории со временем тоже открылись начальные школы: в конце 1930-х гг. — в п. Лумкой (низовья реки), в середине 1950-х гг. — в п. Калемьяга. Для юганцев школьное обучение детей здесь было уже не обязанностью, а открывшейся возможностью, которой некоторые воспользовались. В 1950–1960-е гг. в школе п. Лумкой обучалось 3–4 ребенка юганцев (Каюковы, Кончины и Ярсини, жившие близ р. Кеум), а в Калемьяге до 5–6 детей (Кыколевы, Лянтины, Сапоркины, Тайлаковы и Ярсини — со средней и верхней Демьянки) [ПМА, 2004, 2007, 2009; Мануйлов, 1955, с. 48]. Главным результатом обучения с точки зрения хантов было то, что их подростки осваивали разговорный русский язык, получали основы письменной грамотности и арифметики. При этом количество хантских учеников в обоих селениях оставалось стабильно небольшим, а часть из них бросала начальную школу, не закончив полный курс обучения.

Если в Лумкоевской школе хантские дети составляли малую часть учеников, то школа-интернат в Калемьяге была ориентирована именно на семьи таежных кочевников, но количество учащихся там не удавалось довести до требуемых нормативов. В частности, в 1962 г. на заседании местного исполкома отмечалось, что этот интернат *«из года в год ассигнуемые средства полностью не осваивает»* и целесообразнее вместо него открыть отдельный школьный филиал для хантов в п. Лумкой, направив туда учителя *«из школы хантэйской подготовки»* [УРГА. Ф. 20, оп. 1, д. 3, л. 59 об.]. Интернат в Калемьяге, несмотря на низкую результативность, был закрыт лишь в начале 1970-х гг. вместе с Лумкоевской школой, когда сворачивалась поддержка неперспективных малых селений. Таежных учеников стали переводить на обучение в далекое с. Демьянское, расположенное близ устья Демьянки. Перспектива отправлять детей в дальние русские поселки большинство юганцев испугала, и, насколько удалось установить по полевым данным, никто из них не переехал на Б. Юган, руководствуясь «образовательными мотивами». Иными словами, до начала 1970-х гг. данное направление возможных контактов с прежней родиной не являлось для них актуальным.

³ Так называемое «оседание пушнины» у охотников [Архив УИЗ. Проект..., л. 40, 49].

Брачные связи

Из-за консервативности традиций и ограниченности экзогамных браков у юганских переселенцев их культурное сближение с иноэтничными демьянскими соседями было одновременно и самым медленным, и самым ограниченным по итоговым результатам. Тем не менее в 1910–1930-е гг. как будто наметился процесс постепенного вливания малочисленных эвенкийских переселенцев в состав демьянских юганцев. Указанные этнические общности имели заметное сходство в структуре хозяйства, образе жизни, бытовой и мировоззренческой сферах, нередко соседствовали на угодьях. Все это облегчало установление близких отношений. Причем, в отличие от юганцев, эвенки не поддерживали тесных контактов и брачных связей со своими соплеменниками за пределами демьянского региона. Большинство молодых эвенкийских мужчин из первого поколения переселенцев взяли в жены юганских хантыек, и те довольно быстро принесли в быт смешанных семей характерные элементы хантыйской культуры, прослеживавшиеся в конструкции и декоре берестяной утвари, покрое одежды, оленеводческом инвентаре [ПМА, 2005, 2020].

Если бы обозначившаяся интеграционная тенденция сохранилась, то локальная общность юганцев на Демьянке еще в первой половине XX в. вполне могла не только вырасти численно, но и прочнее закрепиться на новой территории, стать более открытой к брачным связям с другими демьянскими соседями, вследствие чего вскоре приобрести яркие культурные черты, отличающие их от собратьев на Б. Югане. Ничего этого не случилось, так как эвенки, от которых исходила инициатива сближения, полностью переключились на более престижные с их точки зрения контакты с иными демьянскими и прииртышскими жителями. Как поясняют нынешние потомки эвенков, ханты были для них не самыми удобными брачными партнерами: имели слишком много традиционных ограничений и запретов, а в широких социальных контактах обычно оказывались ведомой стороной. Показательно, что не было ни одного случая, когда бы эвенкистка вышла замуж за ханта: *«Своего мнения у них нет... Вот в советское время за ханта выйти — это всю жизнь быть зависимой от кого-то. Ханты — они своего “я” не имели. У меня сестры — за хантов ни одна не вышла»* [ПМА, 2020].

Брачные связи юганских хантов на Демьянке, 1930–1970-е гг.

Marriage ties of the Yugan Khanty on Demyanka river, 1930–1970s

	Каймысовы	Каюковы	Кельмины	Ко(го)нчины	Колсомовы	Купландеевы	Курломкины	Кыколевы	Ларломкины	Лянтины	Немчиновы	Покачевы	Сапоркины	Тайлаковы	Усановы	Ярсины
Каюковы																
Ко(го)нчины																
Купландеевы			?									?				
Курломкины																
Кыколевы																
Ларломкины																
Лянтины																
Немчиновы																
Сапоркины																
Тайлаковы																
Усановы																
Ярсины																

 - 1 брак

 - 2 брака

 - 3 брака

Примечание: в вертикальных столбцах добавлены семьи брачных партнеров с Б. Югана.

В итоге в 1940–1960-е гг. круг брачных партнеров юганцев вновь сузился, при этом доля союзов, заключавшихся в пределах демьянского региона, была высокой. По подсчетам, основанным на полевых материалах, у юганцев верховьев Демьянки она составляла около половины браков, на средней Демьянке приближалась к 70–80 % и лишь у коллектива, жившего по Кеуму, достигала не более 30 %, что объяснялось его обособленным территориальным положением и малочисленностью. К началу 1970-х обособленность кеумцев усилилась, в то время как сообщество жителей верхней и средней Демьянки полностью исчерпало доступный резерв

внутренних брачных связей: данный резерв быстро истощался с сокращением сообщения с Б. Юганом на оленем транспорте и оттоком мигрантов на историческую родину.

К этому надо добавить еще одну важную деталь. В составе юганских хантов выделяются несколько родовых групп (*сир*), основные из которых носят названия Медведя (*Пупи*), Лося (*Нее*) и Бобра (*Мах*). Члены каждой группы традиционно считаются близкими родственниками и не должны сочетаться браком [Лукина, Кулемзин, 1976, с. 236]. Среди демьянских юганцев оказались главным образом представители *сир* Медведя (Каюковы, Кыколевы, Купландеевы, Тайлаковы, Усановы) и Лося (Лянтины, Немчиновы, Ярсинь) [Научный архив ТГИАМЗ, ед. 1440, л. 18–19]. Как показало исследование Э. Вигета и О. Балалаевой на Б. Югане, даже там ханты с 1960-х гг. все чаще вынужденно отступали от правил родовой экзогамии в силу возникшей половой диспропорции: в *Пупи-сир* женщинам не доставало брачных партнеров-мужчин [Wiget, Balalaeva, 2011, p. 73–78]. Скорее всего, данный кризис обострился из-за упомянутого резкого снижения оленего транспортного сообщения, когда ханты Б. Югана уже не могли поддерживать прежние свободные контакты с соплеменниками, ушедшими на Васюган, Демьянку и Салым. Таблица демонстрирует, что демьянские юганцы тоже игнорировали правила экзогамии родовых групп, а в некоторых случаях число их внутриродовых союзов превышало внешние. Назревшая необходимость расширения контактов с Б. Юганом по этой сфере отношений к началу 1970-х гг. не вызывает сомнений.

Религиозные представления

Последнее направление контактов демьянских юганцев с исторической родиной касалось религиозных верований. Существовавшая на Б. Югане традиция поклонения родовым (поселковым) духам-покровителям, хранящимся в священных амбарчиках-лабазах, своего продолжения на Демьянке не нашла. Лишь Тайлаковы, проживавшие ближе всех к своему изначальному родовому поселению, продолжали периодически посещать местный лабаз, а их мужчины даже периодически становились хранителями этого лабаза [ПМА, 2007]. Своеобразной заменой культу поселковых духов-покровителей для демьянских юганцев стали жертвоприношения в честь мифологических персонажей высокого ранга, совершавшиеся в близких к селениям березовых рощах. Для нас наиболее важно присутствие в круге сверхъестественных существ, которым адресовались эти подношения, духов-хозяев обеих рек — Б. Югана (Яун-ики) и Демьянки (Саргат-ики).

Чествование Яун-ики свидетельствует о сохранявшейся у юганцев устойчивой эмоциональной связи с бывшей родиной, об утверждении родства с живущими там сородичами. Эти узы предстают особенно отчетливо в высказывании одного из современных хантов: *«Для Яун-ики надо обязательно жертвоприношение делать, а если жена с Югана — тем более. Он требует — сны снятся, болейшь»* [ПМА, 2005]. В приведенной фразе обращает на себя внимание указание на жену: супруга, привезенная с Б. Югана, как будто усиливает ослабевающую связь с землей предков, выводит ее на прежний интенсивный уровень. Знаковым является и устойчивое почитание Хозяина Демьянки, особенно учитывая, что он был главным покровителем бывших врагов юганцев — демьянских хантов. В 1980-е гг. юганцы настойчиво пытались найти утраченное металлическое изваяние Саргат-ики, откуда не пришли к выводу, что последний от них «ушел» — они не сумели разыскать его священный лабаз на предполагаемом месте, а окружающая территория вскоре оказалась плотно завалена буреломом. В символическом смысле чужой дух-хозяин как будто отказался стать своим, близким и осязаемым для юганских переселенцев.

Драматизма ситуации добавляет версия событий, по которой последний хранитель Саргат-ики из числа демьянских хантов якобы успел передать священный лабаз под опеку семье юганцев Немчиновых. Однако те погибли из-за случайного пожара, так и не рассказав соплеменникам о переданной святыне. Смерть Немчиновых видится юганцам в любом случае обусловленной мистическими обстоятельствами, ведь семья проживала в границах участка между селениями Трамбал и Калемьяга, который согласно легенде некогда прокляли юганские богатыри, чтобы там *«никто не жил, не родился»*. Таким образом, в источнике мистической угрозы для территории причудливо слились воедино и воля чужого духа-хозяина, и проклятие своих богатырей. В связи с этим примечательно то необычное самоощущение, которое испытывают современные демьянские юганцы, пересказывая легенду о богатырском проклятии: жители Б. Югана в этом контексте иногда предстают как «они», а место, на которое они пришли, передается выражением «к нам» [ПМА, 2005, 2007].

Существовали и другие религиозные традиции, которые теоретически могли способствовать поддержанию контактов хантов-переселенцев с Б. Юганом. Например, некоторые пред-

ставители *сир* Медведя согласно традиции держали в качестве оберега деревянное изображение этого зверя, которое можно было изготовить только на Югане. Без такой фигурки медведь как будто начинает везде преследовать человека: *«Она вот если не возьмет, всегда медведя видит. Вот я поеду, ее муж тоже едет — тоже ничего не видит. А она постоянно, едет — видит»* [ПМА, 2005]. Со временем оберег перестает действовать и его нужно вернуть обратно, получив взамен новый. На Демьянке известно, что с изображениями медведя ходили некоторые представители родов Кыколевых, Усановых и Тайлаковых. При этом доставка и обмен фигурок всегда происходили при посредничестве Тайлаковых, периодически посещавших своих родственников на Б. Югане. Остальные демьянские юганцы лишь пользовались этой услугой со стороны соседей, иногда терпеливо ожидая результата по несколько лет, но сами на Юган не ездили [ПМА, 2005, 2007]. Еще одним поводом для сообщения между двумя бассейнами до 1970–1980-х гг. иногда становился медвежий праздник. Но в совместном ритуале с сородичами с Б. Югана из демьянских жителей участвовали опять-таки лишь представители семей Тайлаковых.

Очевидно, что до конца 1970-х гг. религиозные традиции не стали тем стимулом, который диктовал бы интенсивное сообщение хантов-переселенцев с Б. Юганом. Реальные контакты здесь были ограничены довольно узкой сферой, и непосредственно участвовали в них лишь отдельные люди. В то же время благодаря данным традициям все демьянские юганцы сохраняли устойчивую эмоциональную связь с былой родиной.

Переломный период с 1980-х гг.

В первой половине 1980-х гг. обозначившаяся изолированность от Б. Югана заметно снизилась. Первоочередную роль здесь сыграли два фактора. Одним из них стал перевод хантыйских детей на обучение в Сургутский район. Уватские муниципальные работники признали неудачным опыт прикрепления местных юганских школьников к школе-интернату в с. Демьянском. Те немногие таежные дети, которых отдали в интернат родители-ханты, чувствовали себя в крупном селе некомфортно и обособленно. Из-за недостаточного знания русского языка они отставали в учебе, их нередко дразнили и обижали одноклассники [ПМА, 2000, 2005]. Ситуацию удалось в корне изменить после того, как по согласованию с администрацией Сургутского района детей начали отправлять авиацией в начальную хантыйскую школу в с. Таурово на Б. Югане. Теперь уже за редким исключением почти все демьянские юганцы перестали противиться школьному образованию. Их дети получили возможность общаться с сородичами, передавали новости и посылки — то есть, становились на несколько лет активными участниками контактов между двумя бассейнами. Часть подростков продолжала потом обучение в Угута — центральном поселении на Б. Югане. Такой формат получения образования сохраняется у хантов Уватского района и в настоящее время.

Вторым фактором, способствовавшим оживлению социальных связей Демьянки с Б. Юганом, стало частичное восстановление брачных контактов между регионами. В первой половине 1980-х гг. был заключен семейный союз, который ярко ознаменовал полное исчерпание местного резерва брачных партнеров у демьянских юганцев: поженились однофамильцы. Хотя муж с женой не были близкими родственниками, их родители (как инициаторы брака) подверглись единодушному осуждению со стороны соседей. С этого момента все юноши-ханты уже ездили свататься в селения Б. Югана. Выезды совершали зимой, и в качестве транспортного средства теперь служили снегоходы. Показательно, что старшие мужчины, сопровождавшие женихов, нередко путались в дороге — прежние пути сообщения на Б. Юган поросли лесом и были основательно забыты [ПМА, 2007]. Однако обратного потока сватов не было и заметное количество демьянских юганок оставалось незамужними. Это стало дополнительным стимулом для миграции некоторых семей на Б. Юган. Территориально обособленная кеумская группа в 1980-е гг. вообще исчезает.

В результате к концу 1980-х гг. окончательно выкристаллизовалась общность демьянских юганцев в количестве 50 чел. (численность с тех пор остается стабильной), ареал проживания которой теперь ограничивался верхней и средней Демьянкой. Существенно изменилась демографическая ситуация. По сравнению с 1960–1970-ми гг. значительно снизилась рождаемость в семьях. В 1990–2000-х гг. более половины хантыйских семей имели не более 1–2 детей, высокий процент составляли незамужние женщины детородного возраста, кроме того, часть женщин покидала Демьянку после вступления в брак с юганскими хантами. С учетом лишь женщин в детородном возрасте до 50 лет в число незамужних в это время входило 9 (из них 1 с внебрачным ребенком и 3 вдовы). В конце 1990-х это соотношение изменилось довольно своеобразно: 7 незамужних, из них 4 с внебрачными детьми и 1 вдова. Некоторое снижение числа одиноких юганок не должно вводить в заблуждение — оно произошло за счет достижения вдовами 50-летнего возраста, тогда как состав

незамужних частично обновился. Обращает на себя внимание выросшее число внебрачных детей, причиной чего несомненно была нерешенная проблема дефицита женихов.

Обозначившееся положение, когда брачные контакты Демьянки с Б. Юганом приобрели почти односторонний характер, свидетельствует в пользу двух важных пунктов: а) выделение демьянских юганцев в особую общность с этого момента можно считать завершенным — в глазах сородичей с Б. Югана они уже явно представляли «отрезанный ломоть», при том что желающих покинуть Демьянку среди них самих больше не было; б) одновременно их локальная общность несла в себе отчетливые черты социальной неустойчивости.

В следующие десятилетия локальная идентичность демьянских юганцев существенно укрепилась. Основные маркеры этого процесса:

1. *Укоренение*. В 1990-е гг. ушли из жизни почти все представители старшего поколения, родившиеся на Б. Югане, и похоронены они были возле своих демьянских селений. В результате у последующих поколений местных хантов останки предков покоились уже на Демьянке, а их собственная биография была целиком связана с этой территорией.

2. *Чувство причастности к Уватскому региону*⁴. Уват стал для демьянских юганцев привычной точкой коллективного сбора, решения важнейших производственных и бытовых вопросов. В их сознании районный центр постепенно начал являться бесспорным средоточием властных полномочий, распространяющихся на всю демьянскую территорию. Для доставки населения в село и обратно с конца 1980-х гг. задействуется авиатранспорт и моторные катера, что позволяет перемещать людей быстро и большими группами. С 1983 г. демьянские стойбища снабжены рациями, обеспечившими голосовую связь с ближайшими селениями (самые западные таежные жители могут напрямую общаться с Уватом и передают по цепочке сообщения восточным соседям, точно так же сведения доставляются в обратном направлении). В Увате с советского времени происходит награждение и чествование успешных промысловиков — эти производственные состязания всегда воспринимались юганцами с большой серьезностью. В 2008 г. в районном центре открылся современный краеведческий музей, один из разделов которого посвящен культуре демьянских юганцев. Последние с удовольствием посещают музей, периодически приносят предметы для пополнения экспозиции и приглашают музейных сотрудников на свои стойбища для съемки этнографических фильмов. Некоторые из перечисленных выше позиций — посещение столицы, общее информационное поле, музеефикация истории — были выделены Б. Андерсоном в качестве важных атрибутов формирования национальной идентичности [2006, р. 25–56, 178–185]. В данном случае они несомненно играют ту же роль для актуализации идентичности региональной.

3. *Консолидация группы*. Существенное снижение численности демьянских юганцев к концу 1980-х гг. способствовало усилению их коллективной сплоченности. Группу из 50 чел. было проще собрать во время ежегодных собраний промысловиков в Увате. Из-за недостатка брачных партнеров все семьи давно находились в более-менее близком родстве, что периодически становилось поводом для гостевых поездок и на дальние расстояния. Возможность прямого общения значительно упростилась в 1980-х гг., когда в быт хантов широко вошли моторные лодки, снегоходы и рации.

4. *Новый правовой статус*. Хотя демьянские юганцы проживали вне пределов ХМАО, они, в отличие от эвенков, относились к титульным северным народам Тюменской области. Поэтому в 1990-е гг. первые меры государственной поддержки коренных народов, коснулись сначала именно их, что безусловно подчеркивало особое положение хантов среди остальных таежников Демьянки. Именно «в целях решения социальных задач при работе с КМНС» Уватский район обеспечил бесперебойную работу советского промхоза «Кедровый» в 1990–2000-е гг. [Архив МУП «ПОХ Кедровый». Устав..., л. 3]. В результате все демьянские промысловики, включая юганцев, получили в этот сложный период существенную экономическую поддержку и сохранили официальное право пользоваться промысловыми угодьями. В итоге демьянские юганцы имели тот же уровень социальных гарантий, что и их сородичи на Б. Югане. Кроме того, крайне важно, что в Уватском районе они официально позиционируются не как недавние мигранты, а как коренное население. В общественном дискурсе произошла своеобразная подмена: юганских хантов в районе называют демьянскими [Уватский МО. Официальный сайт], тем самым подразумевая, а иногда непосредственно указывая, что они и есть прямые потомки исконного

⁴ В данном случае речь идет о региональной идентичности, которая, на мой взгляд: 1) неразрывно связана с локальной и поддерживает ее (демьянские юганцы ощущают себя жителями не просто Уватского района, а совершенно конкретной территории в его составе); 2) подчеркивает смену правового положения демьянских юганцев — от полулегальных беглецов к официальным жителям региона, признающим примат местной власти.

угорского населения реки⁵. Вольно или невольно демьянские юганцы принимают на себя такой мифологизированный образ, утверждающий их незыблемую связь с территорией проживания.

Проблема недостатка брачных партнеров-мужчин у демьянских юганцев тоже получила интересное развитие, важное для актуализации локальной идентичности всей общности. Первая половина 2000-х гг. была отмечена радикальными переменами: одинокие юганки стали вступать в брак с русскими, причем союзы в большинстве случаев складывались прочные. К концу 2010-х гг. насчитывалось пять подобных семей, мужчины обычно имели местное происхождение. Устойчивыми браки были прежде всего благодаря культурному сближению юганцев с иноэтничными соседями. Существенно здесь то, что не женщины покидали отчий кров, а мужья оседали в хантыйских селениях, адаптируясь к новому образу жизни и усваивая традиции новой семьи. Показательно, что новых случаев появления внебрачных детей за этот период не отмечено. То, что одинокие юганки продолжали жить в своих селениях, имело любопытные последствия: недемянская невестка нередко оказывалась в окружении целого коллектива родственников мужа. Вполне вероятно, подобные обстоятельства могут способствовать устойчивому сохранению местных культурных особенностей группы. Как ни парадоксально, возникшие на Демьянке в 1980–1990-х гг. сложности с недостатком женихов имели определенный положительный эффект для укрепления локального хантыйского сообщества. Слабый отток своих женщин за пределы региона помогал небольшому коллективу поддерживать стабильную численность и способствовал сохранению этнической самобытности — даже наметившееся смешение с русским населением происходит с позиции культурного доминирования хантов.

Заключение

В настоящий момент демьянские юганцы несомненно являются обособленной общностью восточных хантов, обладающей устойчивой локальной идентичностью. Их территориальная причастность включает на региональном уровне отождествление себя с жителями Уватского района Тюменской области, а на локальном — закрепившееся представление о Демьянке как о своей родине. По аналогии с группой юганцев-переселенцев, осевших на р. Салым, которые получили название новосалымских [Мартынова, 1997, с. 222], в отношении данного сообщества можно предложить термин «новодемьянские ханты». Малая численность группы — главное препятствие для перехода ее в категорию самостоятельной этнолокальной общности хантов. В ближайшей перспективе она будет по-прежнему связана нитью отношений со своими сородичами на Б. Югане, хотя прямые контакты жителей двух речных бассейнов сильно ограничены. Они осуществляются в основном со стороны демьянцев и притом через небольшую группу посредников.

Продолжительное обособленное существование новodemьянской общности уже привело к появлению некоторых культурных характеристик, которые заметно отличают ее от хантов, проживающих на Югане. Это, в частности, отсутствие местных поселковых святынь, сохранение ритуала медвежьего праздника (на Б. Югане сегодня не осталось знатоков, способных руководить церемонией), а также включение в состав своего коллектива русских соседей-таежников. В дальнейшем число таких различий будет неизбежно расти, увеличивая культурную специфику новodemьянских хантов. Показательно, что в высказываниях современных жителей Б. Югана относительно демьянской группы явственно проступает обозначившаяся культурная граница: «*На Демьянке ханты есть, они родственники с юганскими хантами, Лянтины из Тайлаковых — это демьянские ханты. <...> Демьянские — это те, кто во время войны туда переселился*» (выделено мной. — В. А.) [ПМ А. Рудя, 2004]. Жителей Демьянки в приведенной фразе называют уже не юганскими хантами, а лишь их родственниками, по отношению к ним на русском языке прямо используется термин «демьянские ханты», который имеет свое определение.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаев В.Н. Этапы адаптации юганских хантов на р. Демьянке: Хозяйственное освоение и заселение новой территории // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1. С. 67–75.

Балкашин М.И. Казенные лесные дачи Тарского уезда Тобольской губернии: Материалы к изучению колонизационных районов Азиатской России. СПб., 1911. 31 с.

⁵ Например, в свежей краеведческой монографии предлагается установить, какие к сегодняшнему дню произошли изменения в жизни хантов на Демьянке в сравнении с описаниями С.К. Патканова 1887 г. (данные описания касались исключительно местной демьянской группы хантыйского населения) [Телегина, 2020, с. 110].

- Богордаева А.А. Ханты р. Демьянки в конце XX века (по материалам полевых исследований 1999 г.) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПСО СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 57–61.
- Богордаева А.А., Повод Н.А. Традиционные поселения юганской группы хантов на р. Демьянке (по материалам полевых исследований 1999–2000 гг. в Уватском районе Тюменской области) // Космос Севера. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2005. Вып. 4. С. 220–229.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. Т. 2: Географическое и статистическое описание страны по отдельным географическим районам. М.: Либерея, 1996. 432 с.
- Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 151–163.
- Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. 276 с.
- Лукина Н.В., Кулемзин В.М. Новые данные по социальной организации восточных хантов // ИИС. Томск: ИТУ, 1976. Вып. 21. С. 232–240.
- Мануйлов П. Семья промысловика // Охота и охотничье хозяйство. 1955. № 2. С. 47–48.
- Мартынова Е.П. Салымские и новосалымские ханты — правовой статус и пути развития // Ното Juridicus: Материалы конф. по юридической антропологии. М., 1997. С. 222–228.
- Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: Формы актуализации и типы // Политическая экспертиза: Политэкс. 2008. № 4. С. 139–151.
- Патканов С.К. По Демьянке: Бытовой и экономический очерк // С.К. Патканов. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Очерк колонизации Сибири. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 123–183.
- Перевалова Е.В. И не шаман, и не этнограф: (Этническая идентичность в музейных коллекциях) // УИВ. 2019. № 4. С. 108–115. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4\(65\)-108-115](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4(65)-108-115)
- Пирожников Г.А. Обь-Иртышский Север: Этнографический очерк // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север. Сургут, 2002. С. 89–191.
- Телегина Л.А. Там, где текут реки. Уват; Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2020. 254 с.
- Шухов И.Н. Последние следы угасшего оленеводства в Тарском округе // Труды Сибирского ветеринарного института. 1927. Вып. VIII. С. 201–207.
- Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. L.; N. Y.: Verso, 2006. 240 p.
- Kolossov V., O'Loughlin J. New borders for New World orders: Territorialities at the Fin-de-Siecle // Geo-Journal. 1998. Vol. 44. No 3. P. 259–273.
- Wiget A., Balalaeva O. Khanty people of the taiga. Surviving the 20th century. Fairbanks: University of Alaska Press, 2011. 398 p.

ИСТОЧНИКИ

- Архив МУП «Промыслово-охотничье хозяйство Кедровый». Устав МУП «ПОХ Кедровый» объединенного МО «Уватский район». Уват, 2005.
- Архив Усть-Ишимского заготпрома (Архив УИЗ). Проект внутривладельческого устройства ГПХ «Усть-Ишимский». Т. 1. 1974.
- Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (ГБУТО «ГАСПИТО»). Ф. П-23. Оп. 1. Д. 21.
- Миронов А.В. Самоотношение и этническая идентичность личности (на примере обских угров и русских): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 22 с.
- Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ). Ед. 1440: Отчет об экспедициях А.В. Головнева и Е.В. Переваловой к хантам рр. Демьянка, Б. Юган за 1984 г. и 1988 г.
- Полевые материалы автора, 2000–2020 гг.
- Полевые материалы А.А. Рудя, 2004.
- Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 29 с.
- Уватский МО. Официальный сайт. URL: <https://www.uvatregion.ru/aboutregion/photogallery/1193/> (дата обращения: 01.04.2021).
- Уватский районный государственный архив (УРГА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 3.

Adaev V.N.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: whitebird4@yandex.ru

The Khanty of the Yugan River in the Demyanka River basin: formation of local identity

The study is focused on the deep taiga territory located in the upper and middle reaches of the Demyanka River — Uvatsky district of Tyumen Oblast (Western Siberia, Russia). A particular case of the development of local identity in a small community of taiga inhabitants — the Khanty reindeer herders from the Bolshoi Yugan River, who migrated in the first half of the 20th century to the basin of the neighbouring Demyanka River — is

presented. This study aims to examine in detail the mechanism of formation of local identity and to trace how a new territorial identity determines development of specific ethnic local community. The paper is largely based on field ethnographic materials collected in 2000–2020, as well as information from archival documents. The study builds upon a system analysis where the formation of a new local community is viewed through the prism of its changing external contacts and socio-cultural boundaries. There were identified the broken links with the historical homeland and new bonds that rooted the people into the new territory. The corresponding role of administrative transformations, socio-economic relations, marriage contacts, and religious beliefs has been established. The main markers of the local identity formed by the 1990s are territorial rooting, a sense of belonging to the region, a new legal status and consolidation of the considered Khanty community. Presently, the descendants of the Bolshoy Yugan Khantys living in the Demyanka River basin are undoubtedly a separate group within the Eastern Khantys with established local identity. Their territorial belonging includes, at the regional level, self-identification as inhabitants of the Uvatsky District, and at the local level, an upheld notion of the Demyanka Region as their homeland. The long isolated existence of the new Khanty community has already led to the emergence of some cultural characteristics that noticeably distinguish these Khanty people from their kin who live in the Bolshoi Yugan River basin.

Keywords: Siberian ethnography, indigenous people of the North, reindeer husbandry, migration, local ethnic communities, social contacts and isolation.

Funding. The work was done according to the state order № 121041600045-8.

REFERENCES

- Адаев, В.Н. (2013). Stages of adaptation of the Yugan Khanty in the Demyanka river basin: Economic exploitation and settlement of a new territory. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 67–75. (Rus.).
- Anderson, B. (2006). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London; New York: Verso.
- Balkashin, M.I. (1911). *State forest allotments of the Tarsk district of the Tobolsk guberniya: Materials for the study of the colonization regions of Asian Russia*. St. Petersburg. (Rus.).
- Bogordaeva, A.A. (2000). Khanty of the Demyanka River at the end of the 20th century (based on materials from field research in 1999). In: *Problemy vzaimodeistviia cheloveka i prirodnoi sredy*, (1), Tyumen: IPOS SO RAN, 57–61. (Rus.).
- Bogordaeva, A.A., Povod, N.A. (2005). Traditional settlements of the Yugan group of Khanty on the Demyanka river (based on materials from field research in 1999–2000 in the Uvat district of the Tyumen oblast). In: *Kosmos Severa*, (4). Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 220–229. (Rus.).
- Dunin-Gorkavich, A.A. (1996). *The Tobolsk North: In 3 vol. Vol. 2*. Moscow: Libereia. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (1995) *Talking cultures: Traditions of Samoyeds and Ugrians*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Kolossov, V., O'Loughlin, J. (1998). New borders for New World orders: Territorialities at the Fin-de-Siecle. *GeoJournal*, 44(3), 259–273.
- Loginov, K.K. (2006). *Russian ethnocultural group of Vodlozerye*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Lukina, N.V., Kulemzin, V.M. (1976). New data on the social organization of the Eastern Khanty. In: *Iz istorii Sibiri*, (21). Tomsk: ITU, 232–240. (Rus.).
- Manuilov, P. (1955). The hunter's family. *Okhota i okhotnich'e khoziaistvo*, (2), 47–48. (Rus.).
- Martynova, E.P. (1997). The Salym and new-Salym Khanty: Legal status and development paths. In: *Homo Juridicus: Materialy konferencii po iuridicheskoi antropologii*. Moscow, 222–228. (Rus.).
- Morozova, E.V., Ul'ko, E.V. (2008). Local Identity: types and forms of actualization. *Politicheskaya ekspertiza: Politeks*, (4), 139–151. (Rus.).
- Patkanov, S.K. (1999). On Demyanka-river: Social and economic essay. In: S.K. Patkanov. *Sochinenia: V 2 t. T. 2*. Tyumen, 123–183. (Rus.).
- Perevalova, E.V. (2019). Neither a shaman, nor an ethnographer (ethnic identity in museum collections). *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 108–115. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4\(65\)-108-115](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-4(65)-108-115)
- Pirozhnikov, G.A. (2002). Ob-Irtyskh North: Ethnographic essay. In: *Takoi dalekii i takoi blizkii Ob'-Irtyskii Sever*. Surgut, 89–191. (Rus.).
- Shukhov, I.N. (1927). The last traces of extinct reindeer husbandry in the Tara region. *Trudy Sibirskogo veterinarnogo instituta*, (8), 201–207. (Rus.).
- Telegina, L.A. (2020). *Where rivers flow*. Uvat; Tyumen: IPTs "Ekspress". (Rus.).
- Wiget, A., Balalaeva, O. (2011). *Khanty people of the taiga. Surviving the 20th century*. Fairbanks: University of Alaska Press.
- Zamiatina, N.Iu. (2012). Territorial identities and social structures. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*, (5), 151–163. (Rus.).

Адаев В.Н., <https://orcid.org/0000-0001-7355-2007>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Томилов Н.А.

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Маркса, 15, Омск, 644024
E-mail: n.a.tomilov@gmail.com

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ СЕРЕДИНЫ XX — ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XXI в.

На основе опубликованных российскими учеными работ исследована история изучения типологии традиционно-бытовой культуры народов Сибири исходя из научной концепции хозяйственно-культурных типов. Особое внимание уделено типологии культуры тюркских народов Западной и Южной Сибири — тувинцев, чулымских татар, сибирских татар и др. Исследована система интегрированных хозяйственно-культурных типов в переходных природных зонах ряда групп сибирских татар. Поставлена задача изучения хозяйственных комплексов и типов культуры тоболо-иртышских татар XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: тюркские народы Сибири, типы традиционно-бытовой культуры, хозяйственные комплексы, история этнографических исследований культуры, метод формальной типологии, интегрированные хозяйственно-культурные типы.

Концепция хозяйственно-культурных типов (ХКТ), развиваемая в советской этнографической науке с 1930-х гг. [Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 6–7], входит в группу теоретических разработок типологии культуры. А они, в свою очередь, важны для изучения роли культурного наследия в жизнедеятельности людей и их сообществ. В научном плане изучение ХКТ может создать базу для разработки собственно этнографической классификации народов мира по компонентам традиционно-бытовой культуры в сопряжении с социальными компонентами и характеристиками природной среды, в которой функционируют культурные явления.

Цель данной статьи — на основе научных работ о ХКТ тюркских народов Западной и Южной Сибири (тувинцев, чулымских тюрков, групп сибирских татар — томской, барабинской и тоболо-иртышской) главным образом на период XVIII — начала XX в. выяснить степень изученности типов традиционной культуры у этих народов и определить пути дальнейших исследований в этом направлении.

Первая часть слова «хозяйственно-культурный» в данной дефиниции порой являлась для исследователей определяющей, и это приводило к тому, что изучались в основном хозяйственные занятия и в меньшей степени отдельные явления материальной культуры (или даже они не изучались). Фактически это были хозяйственные комплексы [Головнев, 1993, с. 12–13], которые тоже могут быть типологизированы и называться хозяйственными типами.

В то же время хозяйство может рассматриваться как одна из сфер традиционно-бытовой культуры, а не как отдельная от нее область жизнедеятельности людей. При таком подходе ученые говорят о производственной культуре или культуре первичного производства [Головнев, 1995, с. 18–19]. И все же представляется, что хозяйственные занятия и их предметные объекты входят своей значительной частью в материальную культуру. Мы предложили выделить еще природно-средовую культуру в одной системе с материальной, соционормативной и духовной сферами традиционно-бытовой культуры [Томилов, 2000, 2003 и др.]. Пятой сферой в этой системе является культура жизнеобеспечения [Арутюнов, 1989, с. 201–203], которая понимается как поддерживающая жизнедеятельность людей система межсферного явления, т.е. включающая жизненнозначимые компоненты материальной, природно-средовой, духовной и соционормативной культуры.

Понятие природно-средовой культуры охватывает взаимодействия историко-культурных общностей с природной средой и взаимоотношения людей в сфере природной среды [Томилов, 2002, с. 49–50]. Омские ученые осуществили опытное изучение природно-средовой культуры народов Сибири [Казанник и др., 2008]. В их монографии была охарактеризована и основная функция природно-средовой культуры: «это удовлетворение потребностей людей в освоении природы, превращении ее части в природную среду и создании условий для функционирования

культуры жизнеобеспечения — это прежде всего, но и для функционирования других сфер культуры тоже» [Там же, с. 28].

Метод типологии начал использоваться в этнографических и также в археологических исследованиях в 1760-х — 1820-х гг., когда зародилась формальная типология как типология вещей по формам. В последующий период обращаются к типологии не только вещей, но и в целом культуры или групп ее компонентов. С 1880-х гг. до конца 1920-х гг. «завершается длительный процесс складывания формально-типологического метода, который становится основным» [Жук и др., 2003, с. 23–24]. Именно на этом уровне типологической методики в 1930-х гг. С.П. Толстов приступает к разработке научной концепции ХКТ в археологической и этнографической областях знания. При этом внимание ряда ученых сосредоточивается сначала на изучении ХКТ народов Сибири [Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 6]. И здесь выделяется работа М.Г. Левина, специально обращенная к ХКТ народов Северной Азии [1947]. В 1950–1970-х гг. началась планомерная работа по выявлению и изучению ХКТ разных народов земного шара, большей частью Евразии [Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 7–8].

Большое внимание во второй половине XX в. в советской этнографии уделялось теоретическим аспектам научной концепции ХКТ. Это работы Б.В. Андрианова [1968], С.А. Арутюнова и А.М. Хазанова [1979], С.И. Вайнштейна [1971], М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова [1955], А.М. Решетова [1980], Н.Н. Чебоксарова и И.А. Чебоксаровой [1985], Я.В. Чеснова [1970, 1982]. Несколько работ по теории ХКТ опубликовали и мы [Томилов, 1979; 1987, с. 28–49; 1993, с. 54–91]. Одним из важнейших результатов изучения ХКТ была составленная и изданная Б.В. Андриановым карта «Хозяйственно-культурные типы земного шара на рубеже XIX–XX вв.» [Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 8–9, вклейка]. Эта масштабная работа создавала базу для дальнейших действий этнографов по определению типов культуры отдельных народов или их групп и для содержательной характеристики предметных и неперспективных компонентов традиционно-бытовой культуры, свойственных ХКТ. И в 1970–1990-е гг. такие исследования проводились в том числе в этнографии народов Сибири.

Наиболее полноценным и, если можно так сказать, образцовым является исследование Ю.Б. Симченко древнейшего типа культуры охотников на дикого оленя арктической и субарктической зон Северной Азии, выделенного и реконструированного на основе изучения этнографии северосамодийских народов с привлечением археологических, лингвистических и фольклористических материалов [1976]. Им определена моноотраслевая хозяйственная направленность данной тундровой культуры с ведущей ролью охоты на северного дикого оленя, изучены циклы хозяйствования, все стороны традиционно-бытовой культуры, социальные структуры и отношения. В эти годы появились также работы по изучению ХКТ кетов [Алексеев, 1979], хантов и манси [Соколова, 1991], эвенков [Туров, 1990], самодийских народов Саянского нагорья [Вайнштейн, 1976, 1979], тувинцев [Вайнштейн, 1972], чулымских тюрков [Львова, 1979; Тюрки таежного Причулымья..., 1991], сибирских татар [Томилов, 1980, с. 40–44; 1993, с. 54–91] и др.

Разночтение в понимании дефиниции ХКТ продолжало сохраняться в отечественной науке в 1970–1990-е гг. Многие ученые понимали ХКТ как тип хозяйственной деятельности, а не традиционно-бытовой культуры. Так, Р.Ф. Итс в учебном пособии «Введение в этнографию» ввел отдельную главу «Хозяйственно-культурные типы народов мира» [1971, с. 80–96]. В ней он, отметив ведущую роль в разработке концепции ХКТ М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова и оценив ряд работ советских ученых в этом направлении, утвердил положения о трех генеральных и исторически последовательных ХКТ: «Первым хозяйственно-культурным типом являются охота, собирательство и рыболовство. Вторым — ручное (включая мотыжное) земледелие и скотоводство. Третьим — пашенное земледелие» [Там же, с. 81]. И далее он пишет о локальных группах и подтипах ХКТ, ставя на первое место характеристику хозяйственных занятий, но и приводя данные о компонентах в основном материальной культуры. Мне случалось беседовать с Р.Ф. Итсом на эту тему, и я пытался убедить его в необходимости в содержании ХКТ видеть прежде всего типы культуры, а не просто типы хозяйства. Но и в вышедшем в 1991 г. уже после кончины этого выдающегося этнографа втором издании данной книги все трактовки ХКТ остались прежними [Итс, 1991, с. 97–113].

С 1980-х гг. интерес исследователей к теме ХКТ постепенно стал затухать, ослабло внимание к ней и со стороны руководителей ведущего в СССР этнографического научного учреждения — Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Так, в юбилейной статье по поводу 50-летия этого института теме ХКТ посвящено всего четыре строчки, а основное внима-

ние сосредоточено на теории этноса и научной концепции современных этнических процессов [Бромлей, Чистов, 1983, с. 33–36]. И в 1988 г. при характеристике современного периода в истории советской этнографии, начавшегося в середине 1960-х гг., основной чертой был назван «решительный поворот к разработке теоретических основ этнографической науки, прежде всего теории этноса как ее главного исследовательского объекта» [Вайнштейн, Крюков, 1988, с. 114–124]. Относительно этнографического сибиреведения З.П. Соколова писала тогда: «Проблемы, связанные с формированием хозяйственно-культурных типов, развитием хозяйства народов Сибири, разработаны в меньшей степени» [1989, с. 38]. Нам также приходилось отмечать, что в те годы стала слабее разрабатываться этнографическая хозяйственно-культурная классификация [Томилов, 2001, с. 99]. Тенденция к сокращению исследований по тематике ХКТ особенно проявилась в первые десятилетия XXI в., что существенно мешает выработке собственной этнографической классификации народов мира и его отдельных регионов с использованием типологии традиционно-бытовой культуры, сопряженной с природными и социально-экономическими условиями жизнедеятельности людей.

Переходя к обзору определения и изучения ХКТ тюркских народов Сибири в работах российских ученых, отметим, что довольно часто сведения даются в монографиях и статьях по этнографии отдельных народов или их хозяйственным занятиям. Нередко это либо краткие характеристики ХКТ, т.е. типов культуры, либо представление типов хозяйства (по-другому — хозяйственных комплексов) с углубленным и скрупулезным описанием каждого хозяйственного занятия.

В качестве иллюстрации подробного подхода можно привести монографию моего ученика Д.А. Мягкова о присваивающем хозяйстве барабинских татар [2008]. За успешное исследование генезиса и динамики отраслей присваивающего хозяйства и сопряженных с ними компонентов традиционно-бытовой культуры (орудий труда, промысловых жилищ, средств передвижения, пищи, промыслового культа и др.) и способов специальной организации рыболовства, охоты и собирательства его автору заслуженно присудили ученую степень кандидата исторических наук. Интересен его подход к хозяйству как к подсистеме материальной культуры [Там же, с. 4]. ХКТ барабинских татар не был включен им в объектно-предметную сферу работы. И все же частично Д.А. Мягков опирался на наши разработки в изучении ХКТ сибирских татар, о чем и написал: «...для целостного осмысления хозяйственного комплекса барабинских татар, для уяснения логики его функционирования и развития автор руководствовался концепцией интегрированных хозяйственно-культурных типов, разработанной Н.А. Томиловым» [Там же, с. 15].

В 1956 г. в издаваемой под руководством С.П. Толстова серии «Народы мира» вышел том с этнографическими очерками о народах Сибири (см.: [Народы Сибири, 1956]). В описаниях почти каждого народа, в том числе тюркских, содержатся и сведения о ХКТ. В 1997–2018 гг. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН по инициативе и под руководством крупного ученого и организатора науки В.А. Тишкова выпустил 32 тома серии «Народы и культуры». Три тома этой серии включают разделы только по этнографии тюркских народов Сибири; в один том вошли очерки по этнографии тюркских народов Западной и Южной Сибири — сибирских татар, чулымцев, телеутов, шорцев, кумандинцев, алтайцев, челканцев, тубаларов, теленгитов и хакасов [Тюркские народы Сибири, 2006], в другой — очерки о тюркских народах Восточной Сибири — тувинцах, тофаларах и долганах [Тюркские народы Восточной Сибири, 2008], а один том полностью посвящен якутам [Якуты (Саха), 2012]. Во многих, хотя и не во всех очерках тема ХКТ все же нашла место.

Если говорить о работах специально по ХКТ тюркских народов Сибири, то в первую очередь надо назвать исследования этой темы С.И. Вайнштейном по материалам этнографии тувинцев [1972, 1991]. Г.Е. Марков писал об этой книге, что прежде всего в ней «дана характеристика хозяйственно-культурных типов у тувинцев и ряда других кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии в XIX — начале XX в., выделены местные подтипы» [1973, с. 181]. Всестороннее изучение хозяйственно-культурной сферы жизнедеятельности тувинцев позволило С.И. Вайнштейну увидеть более сложную картину ХКТ с системой подтипов. Г.Е. Марков подчеркивал: «Необходимо отметить, что автор вполне обоснованно отвергает вывод Л.П. Потапова о том, что все тувинцы, кроме оленеводов, должны быть отнесены к скотоводам-охотникам, а их тип хозяйства рассматриваться как присущий “лесным племенам или народам”» [Там же, с. 181]. Исследования С.И. Вайнштейна вместе с рядом работ других коллег в какой-то мере стали опорой при разработке нами концепции интегрированных ХКТ. Выделенный С.И. Вайнштейном ХКТ кочевых и полукочевых охотников-скотоводов горной таежно-степной зоны (факти-

чески у населения, жившего на стыке горно-степных и горно-таежных районов) [1972, с. 9–10] и был одним из видов такого интегрированного ХКТ. Еще один вид такого рода ХКТ был у якутов в зонах стыка тундры и тайги — обозначенный Б.В. Андриановым и Н.Н. Чебоксаровым ХКТ полуоседлых скотоводов-охотников [1972, с. 14].

В 1991 г. увидела свет коллективная монография «Тюрки таежного Причулымья», которая включает очерки по этнографии, лингвистике и антропологии чулымских тюрков. Автором этнографической части является Э.Л. Львова, охарактеризовавшая все виды хозяйственных занятий на протяжении XVIII — начала XX в., а также средства передвижения и народные знания о календаре, ориентации и счете. На основании этих материалов она не стала определять ХКТ, а выдвинула положение о культурно-хозяйственном типе (комплексе). Собственно, такой тип ею был представлен и изучен ранее [Львова, 1979]. Традиционный культурно-хозяйственный тип (комплекс) чулымцев она определила как реконструированная «многокомпонентная экономическая структура, в которой преобладали рыболовство и охота в сочетании с собирательством, примитивным земледелием и некоторыми элементами скотоводства» [Тюрки..., 1991, с. 96]. Возможность определить тип культуры (ХКТ) чулымских тюрков оказалась, видимо, затруднительна в связи с тем, что, как писала сама Э.Л. Львова, не все стороны их традиционно-бытовой культуры могли быть изучены полностью: «Традиционная одежда, жилища, домашняя утварь и пр. давно исчезли из обихода чулымцев, что и объясняет отсутствие описаний некоторых разделов культуры, общепринятых в историко-этнографических исследованиях» [Там же, с. 22].

В изучении этнографии сибирских татар и их основных этнических массивов — тоболо-иртышских, барабинских и томских татар за последние полвека произошли существенные сдвиги. Это десятки монографий и сотни статей, в том числе и прежде всего о хозяйственных занятиях и в целом о традиционно-бытовой культуре. Это позволило омским ученым выдвинуть и обосновать ряд теоретических положений и разработок в некоторых направлениях и субдисциплинах этнографии, в том числе в отдельных смежных науках (музееведении, религиоведении, экологии и т.д.) [Жигунова, 2014; Томилов, 2011b]. Определенное внимание было уделено и концепции ХКТ.

При определении ХКТ сибирских татар обращалось внимание на то, что большая их часть расселена в природных зонах лесостепи и южной (менее лесной) части тайги и что в компонентах культуры (включая хозяйственные занятия) сосуществовали явления культурных типов, связанных как с присваивающими видами — охотой, рыболовством, собирательством (играли порой главенствующую роль), так и с производящими — скотоводством и земледелием. Так, у томских татар XVII в. в этой зоне был выявлен «интегрированный хозяйственно-культурный тип с разными вариантами сочетания полуоседлого скотоводства, мотыжного земледелия, охоты и рыболовства при часто ведущей роли двух последних видов занятий либо какого-то одного из них... У южной части чатов и телеутов (группы, вошедшие в состав томских татар. — Н. Т.) в тот период господствовал совсем другой хозяйственно-культурный тип кочевых скотоводов степей и лесостепей умеренной зоны» [Томилов, 1980, с. 42].

Основания для выделения особой категории интегрированных ХКТ были впервые озвучены нами в докладе на Западно-Сибирском археолого-этнографическом совещании в Томске [Томилов, 1979]. Затем потребовалось несколько лет для выделения и изучения ХКТ разных групп сибирских татар, консультаций с ведущими учеными, в первую очередь с Б.В. Андриановым, Р.Ф. Итсом, Л.П. Лашуком, для апробации полученных результатов в этом направлении в учебном пособии [Томилов, 1987, с. 28–49]. И, наконец, в наиболее полном виде характеристики ХКТ сибирских татар и концепция интегрированных ХКТ были изложены монографически [Томилов, 1993, с. 54–91].

В этот раз более углубленно рассматривались хозяйственные занятия и компоненты народной культуры барабинских татар XVII — начала XVIII в. В составе интегрированного ХКТ барабинцев, соединившем явления традиционно-бытовой культуры у населения со смешанными видами присваивающего (часто преобладающего) и производящего хозяйства (ХКТ оседлых и полуоседлых скотоводов-охотников и рыболовов лесостепи и южной части лесной зоны) были выделены три подтипа: «Первый подтип — это оседлые (отчасти полуоседлые) скотоводы-рыболовы дернисто-луговой и разнотравно-луговой лесостепи с наличием озер. Охота в меньшей степени и земледелие в большей играли здесь подсобную роль. Второй подтип — оседлые рыболовы-скотоводы-охотники займищно-лугово-солончаковой и дернисто-луговой лесостепи, а также отчасти болотно-береговых лесов с большим количеством крупных озер и рек. Подсобными видами занятий здесь были земледелие и собирательство. Третий подтип — полуосед-

лые охотники-рыболовы-скотоводы заболоченных хвойно-лиственных и частично болотно-береговых лесов. Из подсобных отраслей хозяйства большую роль играло у них собирательство. Что касается земледелия, то в этих местах им мало кто занимался, а скорее всего оно не получило в тот период здесь распространения» [Там же, с. 90–91].

Относительно тоболо-иртышских татар, состоящих из пяти групп (тюменской, тобольской, ясколбинской, тарской и курдакско-саргатской) и достаточно широко расселенных в основном в Омской и Тюменской областях, известно, что их традиционно-бытовая культура изучена неравномерно, хотя имеются монографические работы, прежде всего обобщающий труд Ф.Т. Валеева [1980]. Почти всюду здесь фиксируется ХКТ оседлых скотоводов и плужных земледельцев. У ясколбинцев и татарского населения остальных четырех групп, проживавшего в более северных таежных районах, фиксируются явления традиционно-бытовой культуры комплексного направления хозяйственной деятельности [Томилов, 1993, с. 77].

Недавно мы провели предварительную работу с материалами по хозяйственным занятиям и компонентам традиционно-бытовой культуры тюменских татар в XVII–XIX вв. [Томилов, 2018]. В результате были сделаны выводы, что «здесь сложился и функционировал тип культуры земледельцев и скотоводов лесостепной зоны». И далее: «В более северной части расселения тюменских татар в таежной зоне в XVII–XVIII вв. проявлялись черты интегрированного хозяйственно-культурного типа с равным значением культурных явлений земледельческого и скотоводческого укладов, с одной стороны, и где-то охотничьего, а где-то рыболовецкого укладов» [Там же, с. 257].

В связи с вышеизложенным представляется необходимым продолжить изучение типов традиционно-бытовой культуры разных групп тоболо-иртышских татар. Определенная база для таких исследований создается в последние десятилетия благодаря многочисленным публикациям по этой тематике, в первую очередь ряда фундаментальных монографий [Валеев, Томилов, 1996; Культура..., 2005; Матвеев, 2012; Селезнев и др., 2006; Тихомирова, 2006; Томилов, 2011а; Тычинских, 2010; и др.]. И все же первоначально для исследования типологии традиционно-бытовой культуры всех групп сибирских татар нужно в полном объеме с использованием археологических, этнографических и исторических источников осуществить изучение хозяйственных комплексов этих групп XVII–XVIII вв. Эта задача стоит в планах наших научных работ на ближайшие годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Е.А. Природная среда и хозяйственно-культурный комплекс кетов // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 105–107.
- Андрианов Б.В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // СЭ. 1968. № 2. С. 22–34.
- Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования // СЭ. 1972. № 2. С. 3–16.
- Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.
- Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: Проблема и отношения // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 140–147.
- Бромлей Ю.В., Чистов К.В. Ордена дружбы народов Института этнографии Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР — 50 лет // СЭ. 1983. № 4. С. 20–37.
- Вайнштейн С.И. Проблема формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых исследований 1970 г.: Тез. докл. Тбилиси, 1971. С. 47–50.
- Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев: Проблема кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. 315 с.
- Вайнштейн С.И. Проблемы истории, хозяйства и культуры южносамодийских народов Саян // Языки и топонимия. Томск: Том. пед. ин-т, 1976. С. 168–172.
- Вайнштейн С.И. К реконструкции хозяйственно-культурных типов у южносамодийских народов Саян в XVII–XVIII вв. // Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 158–165.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 294 с.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Советская этнографическая школа // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988. С. 114–124.
- Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX в.: (Историко-этнографические очерки). Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 232 с.

- Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: История и культура. Новосибирск: Наука, 1996. 224 с. (Культура народов России; Т. 2.).
- Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Севера Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 204 с.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.
- Жижунова М.А. Омская этнографическая научная школа // Культурологические исследования в Сибири. 2014. № 1. С. 34–44.
- Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Введение в этноархеологию: Учеб. пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений. Омск: Наука, 2003. 72 с.
- Итс Р.Ф. Введение в этнографию: Учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. 160 с.
- Итс Р.Ф. Введение в этнографию: Учеб. пособие. Изд. второе, исправл. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 168 с.
- Казанник А.И., Татауров С.Ф., Тихомиров К.Н., Томилов Н.А. Традиционно-бытовая природно-средовая культура народов Сибири, ее место в этнологии и этнической экологии. Омск: Изд-во Омск. пед. ин-та: Изд. дом «Наука», 2008. 214 с.
- Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири / М.А. Корусенко, Е.Ю. Смирнова, С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, К.Н. Тихомиров, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2005. 268 с.
- Левин М.Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // КСИЭ АН СССР. 1947. Вып. XI. С. 84–86.
- Левин М.Г. Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4. С. 3–17.
- Львова Э.Л. К вопросу о некоторых закономерностях развития этноса и культурно-хозяйственного типа (на примере чувашских тюрок) // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 116–121.
- Марков Г.Е. [Рец.]. С.И. Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972. 314 стр., илл. // СЭ. 1973. № 3. С. 181–184.
- Матвеев А.В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX — первая треть XX века). Омск: Наука, 2012. 196 с.
- Мяков Д.А. Очерки истории присваивающего хозяйства барабинских татар. Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та: Изд. дом «Наука», 2008. 156 с.
- Народы Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с. (Народы мира).
- Решетов А.М. Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы: Этнографические очерки. Л.: Наука, 1980. С. 34–42.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур юга Сибири: (Традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск: Наука, 2006. 260 с.
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 321 с.
- Соколова З.П. Актуальные проблемы сибиреведения // СЭ. 1989. № 6. С. 36–46.
- Соколова З.П. Хозяйственно-культурные типы и поселения обских угров // Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1991. Вып. VII: Обские угры (ханты и манси). С. 45–61.
- Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: Проблемы формирования этнокультурных связей. Омск: Наука, 2006. 232 с.
- Томилов Н.А. Особенности синтеза хозяйства и культуры у народов южной и средней полосы Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 122–127.
- Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья: (Хозяйство и материальная культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 200 с.
- Томилов Н.А. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск: Омск. ун-т, 1987. 80 с.
- Томилов Н.А. Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири). Омск: Изд-во Том. ун-та, 1993. 222 с.
- Томилов Н.А. Культура и ее структурные сферы // Культурологические исследования в Сибири. 2000. № 1. С. 39–43.
- Томилов Н.А. Российское этнографическое сибиреведение XX века: (К постановке проблемы) // ЭО. 2001. № 3. С. 92–101.
- Томилов Н.А. Народная культура: Сферы, типы и проблемы изучения // От краеведения к культурологии. М., 2002. С. 48–58.
- Томилов Н.А. Природно-средовая культура в рамках этнической экологии // Культурологические исследования в Сибири. 2003. № 3. С. 55–58.

Хозяйственно-культурные типы тюркских народов Сибири в научных трудах...

Томилов Н.А. Омский научный этнографический центр и его теоретические исследования // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию академика В.А. Тишкова. М.: Наука, 2011а. С. 319–336.

Томилов Н.А. Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири в XVIII–XIX веках. Омск: Наука, 2011b. 224 с.

Томилов Н.А. Хозяйственные занятия и типология традиционно-бытовой культуры татар Западной Сибири XVII–XIX вв. // Вестник Омск. ун-та. Исторические науки. 2018. № 2. С. 254–258.

Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX века: (Принципы освоения угодий). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.

Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Фэн, 2010. 288 с.

Тюрки таежного Причулымья: Популяция и этнос / Э.Л. Львова, В.А. Дремов, Г.А. Аксянова и др. / Под ред. В.П. Алексеева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 246 с.

Тюркские народы Восточной Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Алексеев; Сост. Д.А. Функ. М.: Наука, 2008. 422 с. (Народы и культуры).

Тюркские народы Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М.: Наука, 2006. 678 с. (Народы и культуры).

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1985. 272 с.

Чеснов Я.В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М.Г. Левина) // СЭ. 1970. № 6. С. 15–26.

Чеснов Я.В. Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982. С. 115–122.

Якуты (Саха) / Отв. ред. А.Н. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова. М.: Наука, 2012. 599 с. (Народы и культуры).

Tomilov N.A.

Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of the RAS

Marksa av., 15, Omsk, 644024, Russian Federation

E-mail: n.a.tomilov@gmail.com

Economic and cultural types of the Turkic peoples of Siberia in scientific works of the mid-19th — first decades of the 21st century

The history of the Russian scientific research on the types of traditional culture of peoples using the scientific concept of economic-cultural types developed in the 1940s–1950s is analysed. The main attention is given to the scientific works on the economic-cultural types of the Turkic peoples of Western and Southern Siberia — the Tuvars, the Chulym, groups of the Siberian Tatars — Tomsk, Baraba, and Tobol-Irtysh, — mainly focused on the period of 18th — beginning of the 20th century. The aim of this paper is to clarify the level of knowledge of the types of traditional culture of these peoples and to determine future directions of research on the topic. The periods of the study of the economic-cultural types have been identified. These are the 1950s–1970s, when a body of work on the typology of traditional culture was carried out and B.V. Andrianov and N.N. Cheboksarov developed their classification and published a worldwide map of economic-cultural types in 1972. Further on it is the period of the 1980s–1990s when the works in this direction were reducing and almost completely stopped in the first decades of the 21st century. However, it is at this time that the theory of integrated economic-cultural types has been formulated and tested during their study in different groups of the Siberian Tatars living predominantly in the transitional forest-steppe zone and combining components of the culture of populations with appropriative and productive types of economic activities. A task has been set to study economic complexes of the Tobol-Irtysh Tatars in the 17th–18th centuries aiming at the further use of obtained results in the development of an ethnographic classification of the types of traditional culture of the Turkic peoples of Western Siberia.

Keywords: Turkic peoples of Siberia, types of traditional everyday culture, household complexes, history of ethnographic studies of culture, method of formal typology, integrated economic and cultural types.

REFERENCES

Alekseenko, E.A. (1979). The natural environment and the economic and cultural complex of the Kets. In: *Osobennosti estestvenno-geograficheskoy sredy i istoricheskie processy v Zapadnoj Sibiri*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 105–107. (Rus.).

Alekseyev, V.P. (Ed.) (1991). *Türks of the taiga near the Chulym region Population and Ethnicity*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (Rus.).

Alekseyev, A.N., Romanova, E.N., Sokolova, Z.P. (Eds.) (2012). *Yakuts (Sakha)*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Andrianov, B.V. (1968). Economic and cultural types and the historical process. *Sovetskaya etnografiya*, (2), 22–34. (Rus.).

- Andrianov, B.V., Cheboksarov, N.N. (1972). Economic and cultural types and the problem of their mapping. *Sovetskaia etnografiia*, (2), 3–16. (Rus.).
- Arutyunov, S.A. (1989). *Peoples and cultures: Development and interaction*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Arutyunov, S.A., Khazanov, A.M. (1979). Archaeological cultures and economic and cultural types: Problem and relations. In: *Problemy tipologii v etnografii*. Moscow: Nauka, 140–147. (Rus.).
- Bromley, Yu.V., Chistov, K.V. (1983). Order of Friendship of Peoples to the Institute of Ethnography N.N. Miklouho-Maclay of the USSR Academy of Sciences — 50 years. *Sovetskaia etnografiia*, (4), 20–37. (Rus.).
- Cheboksarov, N.N., Cheboksarova, I.A. (1985). *Peoples, races, cultures*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Chesnov, Ya.V. (1970). On the socio-economic and natural conditions for the emergence of economic and cultural types (in connection with the works of M.G. Levin). *Sovetskaia etnografiia*, (6), 15–26. (Rus.).
- Chesnov, Ya.V. (1982). On the ethnic specificity of economic and cultural types. In: *E'tnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve*. Moscow: Nauka, 115–122. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (1993). *Historical typology of the economy of the peoples of the North of Western Siberia*. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirsk. gos. un-ta. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (1995). *Speaking cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians*. Yekaterinburg: Ural'sk. otделение RAN. (Rus.).
- Corusenko, M.A., Smirnova, E.Yu., Tataurov, S.F., Tataurova, L.V., Tikhomirov, K.N., Tikhonov, S.S., Tomilov, N.A. (2005). *Culture of the population of the XVI–XIX centuries as the basis for the formation of the modern appearance of the peoples of Siberia*. Omsk: Izdatel'sk. dom «Nauka». (Rus.).
- Funk, D.A., Alekseyev, N.A. (Eds.) (2008). *Turkic peoples of Eastern Siberia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Funk, D.A., Tomilov, N.A. (Eds.) (2006). *Turkic peoples of Siberia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Its, R.F. (1971) *Introduction to Ethnography*. Leningrad: Izd-vo Leningrad. gos. un-ta. (Rus.).
- Its, R.F. (1991). *Introduction to Ethnography*. Leningrad: Izd-vo Leningrad. gos. un-ta. (Rus.).
- Kazannik, A.I., Tataurov, S.F., Tikhomirov, K.N., Tomilov, N.A. (2008). *Traditional household natural and environmental culture of the peoples of Siberia, its place in ethnology and ethnic ecology*. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. pedagogicheskogo in-ta: Izdatel'sk. dom «Nauka». (Rus.).
- Levin, M.G. (1947). On the problem of the historical correlation of economic and cultural types of North Asia. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*, (XI), 84–86. (Rus.).
- Levin, M.G. Cheboksarov, N.N. (1955). Economic and cultural types and historical and ethnographic areas. *Sovetskaia etnografiia*, (4), 3–17. (Rus.).
- Lvova, E.L. (1979). On the question of some patterns of development of the ethnos and the cultural and economic type (on the example of the Chulym Turks). In: *Osobennosti estestvenno-geograficheskoy sredy i istoricheskie processy v Zapadnoj Sibiri*. Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. un-ta, 116–121. (Rus.).
- Markov, G.E. (1973). [Review]. S.I. Weinstein. Historical ethnography of Tuvans. Problems of the nomadic economy. M., 1972. 314 pages, ill. *Sovetskaia etnografiia*. (3), 181–184, (Rus.).
- Matveev, A.V. (2012). *Traditional travel culture of the population of the Middle Irtysh region (XIX — first third of XX century)*. Omsk: Izdatel'skii dom «Nauka». (Rus.).
- Myagkov D.A. (2008). *Essays on the history of the appropriating economy of the Baraba Tatars*. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. pedagogichesk. un-ta: Izdatel'skii dom «Nauka». (Rus.).
- Levin, M.G., Potapov, L.P. (Eds.) (1956). *Peoples of Siberia*. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, (Seriya «Narody mira»). (Rus.).
- Reshetov, A.M. (1980). The main economic and cultural types of early farmers. In: *Rannie zemledel'cy. E'tnograficheskie ocherki*. Leningrad: Nauka, 34–42. (Rus.).
- Seleznev, A.G., Selezneva, I.A., Belgibaev, E.A. (2006). *The world of taiga cultures in the south of Siberia: (Traditional economy and accompanying components of life)*. Omsk: Izdatel'sk. dom «Nauka». (Rus.).
- Simchenko, Yu.B. (1976). *The culture of deer hunters in Northern Eurasia: Ethnographic reconstruction*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Sokolova, Z.P. (1989). Actual problems of Siberian studies. *Sovetskaia etnografiia*, (6), 36–46. (Rus.).
- Sokolova, Z.P. (1991). Economic and cultural types and settlements of the Ob Ugrians. In: *Materialy k serii «Narody i kul'tury»*. Vyp. VII. Moscow, 45–61. (Rus.).
- Tikhomirova, M.N. (2006). *Food culture of the Tatars of the Middle Irtysh region: problems of the formation of ethnocultural ties*. Omsk: Izdatel'skii dom «Nauka». (Rus.).
- Tomilov, N.A. (1979). Features of the synthesis of economy and culture among the peoples of the southern and middle zone of Western Siberia. In: *Osobennosti estestvenno-geograficheskoy sredy i istoricheskie processy v Zapadnoj Sibiri*. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 122–127. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (1980). *Ethnography of the Turkic-speaking population of the Tomsk Ob region: (Economy and material culture)*. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (1987). *Problems of reconstruction of the ethnic history of the population of the south of Western Siberia*. Omsk: Omsk. gos. un-t. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (1993). *Ethnic history problems: (Based on materials from Western Siberia)*. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta. (Rus.).

- Tomilov, N.A. (2000). Culture and its structural spheres. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*, (1), 39–43. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (2001). Russian ethnographic Siberian studies of the twentieth century: (To the problem statement). *Sovetskaia etnografiia*, (3), 92–101. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (2002). Folk culture: spheres, types and problems of study. In: *Ot kraevedeniya k kul'turologii*. Moscow, 48–58. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (2003). Natural and environmental culture in the framework of ethnic ecology. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*, (3), 55–58. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (2011a). Omsk Scientific Ethnographic Center and its Theoretical Research. In: *Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: K 70-letiyu akademika V.A. Tishkova*. Moscow: Nauka, 319–336. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (2011b). *Ethnocultural processes among the Tatars of Western Siberia in the 18th–19th centuries*. Omsk: Izdatel'skii dom «Nauka». (Rus.).
- Tomilov, N.A. (2018). Household activities and typology of the traditional everyday culture of the Tatars of Western Siberia in the 17th — 19th centuries. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, (2), 254–258. (Rus.).
- Turov, M.G. (1990). *The economy of the Evenks in the taiga zone of Central Siberia in the late 19th — early 20th centuries: (Principles of land development)*. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gos. un-ta. (Rus.).
- Tychinskikh, Z.A. (2010). *Service Tatars and their role in the formation of the ethnic community of the Siberian Tatars (XVII–XIX centuries)*. Kazan': Izd-vo «Fe'n». (Rus.).
- Vainshtein, S.I. (1971). The problem of the formation of an economic and cultural type of nomadic pastoralists of the temperate zone of Eurasia. In: *Vsesoyuznaya nauchnaya sessiya, posvyashchennaya itogam polevykh issledovaniy 1970 g.: Tezisy dokladov*. Tbilisi, 47–50. (Rus.).
- Vainshtein, S.I. (1972). *Historical ethnography of Tuvans: Nomadic economy problem*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Vainshtein, S.I. (1976). Problems of history, economy and culture of the South Samodian peoples of the Sayan. In: *Yazyki i toponimiya*. Tomsk: Tom. gos. pedagogicheskii in-t, 168–172. (Rus.).
- Vainshtein, S.I. (1979). Towards the reconstruction of economic and cultural types among the South Samodian peoples of the Sayan Mountains in the 17th–18th centuries. In: *Problemy tipologii v etnografii*. Moscow: Nauka, 158–165. (Rus.).
- Vainshtein, S.I. (1991). *The world of nomads in the center of Asia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Vainshtein, S.I., Kryukov, M.V. (1988). Soviet ethnographic school. In: *Etnografiya i smezhnye discipliny. Etnograficheskie subdiscipliny. Shkoly i napravleniya. Metody*. Moscow: Nauka, 114–124. (Rus.).
- Valeev, F.T. (1980). *West Siberian Tatars in the second half of the 19th century: (Historical and ethnographic essays)*. Kazan': Tatar. kn. izd-vo. (Rus.).
- Valeev, F.T., Tomilov, N.A. (1996). *Tatars of Western Siberia: History and culture*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Zhigunova, M.A. (2014). Omsk ethnographic scientific school. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*, (1), 34–44. (Rus.).
- Zhuk, A.V., Tikhonov, S.S., Tomilov, N.A. (2003). *Introduction to Ethnoarcheology*. Omsk: Izdatel'skii dom «Nauka». (Rus.).

Томилов Н.А., <https://orcid.org/0000-0002-8105-0573>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Бурнаков В.А.

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090
E-mail: venariy@ngs.ru

ПОЧИТАНИЕ «ЗЕМЛИ-ВОДЫ» В ТРАДИЦИИ СЕВЕРНЫХ ХАКАСОВ — КЫЗЫЛЬЦЕВ (КОНЕЦ XIX — СЕРЕДИНА XX в.)

Охарактеризован мифоритуальный комплекс хакасов, связанный с почитанием отдельных природных объектов. В процессе изучения темы определено, что в культуре указанной этнической общности одно из ключевых мест отводилось поклонению «земле и воде», восходящему к древнетюркскому времени. Хакасы были убеждены в тесной мистической взаимосвязи указанных природных объектов с жизнью и благополучием людей. Одним из распространенных способов поддержания устойчивых гармоничных взаимоотношений у них выступал обряд жертвоприношения.

Ключевые слова: традиционное мировоззрение хакасов, кызыльцы, обряд, жертвоприношение, земля, гора, вода, шер-суҕ тайыҕ, шаман, образ, символ.

Верования и обрядность народов мира традиционно входят в исследовательское поле этнографии. Для российской науки актуальным является изучение автохтонных народов Сибири, в связи с ускорением процессов нивелирования этнической культуры. Эти процессы не обошли стороной и хакасов — один из тюркоязычных народов Южной Сибири.

Изучение традиционной религиозно-мифологической системы хакасов весьма интересно тем, что ее исторические корни уходят в древнетюркское время и более отдаленные эпохи. Многие сюжеты, отражающие мировоззрение и ритуальную практику древних тюрков, в реликтовой форме обнаруживаются в культуре хакасов. Соответствующий этнографический материал может выступать в качестве важного источника для исследования этногенеза населения Южной Сибири и Центральной Азии, его истории и культуры. Данный метод экстраполяции позволит приблизиться к пониманию некоторых граней древнетюркских религиозных верований, о которых сохранились лишь разрозненные и отрывочные сведения в письменных источниках.

Из истории изучения мировоззренческого понятия «Земля-Вода»

Культ земли и воды является одним из архаичных и широко распространенных среди жителей центральноазиатского региона и сопредельных территорий. Подтверждение тому находим в древнекитайских династийных хрониках. В них имеются сведения о том, что на рубеже эр хунны отправляли соответствующие обряды [Бичурин, 1950, с. 49]. В религиозно-мифологической системе древних тюрков в качестве одного из верховных божеств называется *ыдык Йер Суб*. В орхонских эпитафиях он упоминается совместно с божеством неба — *Тэнгри*: «Вверху Тэнгри тюрков и Йер-суб Тэнгри так сказали: «Да не погибнет народ тюркский, народом путь будет»; «Тэнгри, Умай, Йер Суб даровали [нам] победу» [Малов, 1951, с. 37, 39, 63, 68]. Следует отметить и то, что термин «Йер Суб» в древнетюркских источниках также используется вне религиозного контекста. Он употребляется для обозначения конкретной территории с ее естественными составляющими — землей — *йер* и водой — *суб*, но без эпитета *ыдык* — «священный». Например, в орхонских надписях есть следующие выражения: «Та, что держали наши предки, земля-вода без владыки да не будет!»; «Да не останется без властителя Кегменская земля-вода!» [Стеблева, 1972, с. 216].

Этимология и семантика термина «ыдык Йер Суб» на протяжении двух веков вызывали у многих исследователей большой научный интерес, сопровождаемый горячими дискуссиями. В конце XIX в. термин впервые был переведен В.В. Радловым. Согласно интерпретации указанного ученого, *ыдык Йер Суб* — теоним верховного божества древних тюрков и буквально означал «Священная Земля-Вода» [Radloff, 1895, S. 240; Радлов, Мелиоранский, 1897, с. 19–27]. Тюрколог В.Л. Томсен предложил свой перевод *Йер Суб* — «духи Земли и Воды» [Thomsen, 1896, p. 144]. Данная трактовка послужила причиной того, что в дальнейших исследованиях, посвященных верованиям древних тюрков, понятие «Йер Суб» стало толковаться чрезвычайно

широко и разнопланово. Позднее В.Л. Томсен был вынужден согласиться с В.В. Радловым в том, что рассматриваемый термин все же следует понимать не иначе как «божество Земли и Воды» [Thomsen, 1916, p. 35]. Академик В.В. Бартольд вслед за В.Л. Томсеном изначально придерживался толкования Йер Суб как совокупности указанных духов [Bartold, 1897, S. 10]. Затем он также пересмотрел свои взгляды по этому вопросу и признал, что «Землю и Воду» необходимо воспринимать как единое божество [Бартольд, 1968, с. 26–27]. П.М. Мелиоранский, не меняя своих позиций, характеризовал Йер Суб как персонифицированное шаманское божество [1899, с. 105].

В середине XX в. интерес к этой теме возобновляется, и некоторые тюркологи предлагают совершенно новую интерпретацию понятия «Йер Суб». Так, С.Е. Малов перевел этот термин еще и как «родина древних тюрков» [1951, с. 29, 37]. При этом понимание его как теонима было нивелировано. Эту идею подхватили лингвисты — составители «Древнетюркского словаря» и истолковали значение Йер Суб не иначе как «материк», «земля» [1969, с. 257]. Подобного же мнения придерживалась тюрколог А. фон Габэн [Gabain, 1974, S. 200]. В рамках данного подхода проводил исследования и востоковед Дж. Клосон. Под Йер Суб он понимал территорию, «включающую земли, реки, воды и т.д.» [Clouston, 1972, p. 783]. Р. Жиро пошел дальше и предложил понимать под Йер Суб конкретную территорию — «лес Отюкен и одну единственную реку Тамир, вернее ее исток» [Giraud, 1960, p. 107].

Вместе с тем в указанный период появляются работы, в которых данная проблема рассматривается в русле истории религии. Исследователь Э. Лот-Фальк, анализируя пантеон древних тюрков, пришла к оригинальной идее, что Йер Суб, как и Умай, является олицетворением богини Земли [Lot-Falck, 1956]. К сожалению, высказанное предположение не было подкреплено конкретным этнографическим материалом. Мировоззрение древних тюрков являлось одной из ключевых тем в исследовании Ж.-П. Ру, не обошедшего вниманием и Йер Суб. Ученый рассматривал его как «совокупность земных духов» и отмечал его значимую роль в жизни древних тюрков [Roux, 1984, p. 161].

Реконструкцией и анализом древнетюркской религиозно-мифологической системы с применением метода структурного анализа занималась И.В. Стеблева. Она рассматривала Йер Суб как совокупность духов земли и воды, сопоставила их с традиционными воззрениями алтайцев о духах-хозяевах местностей [1972, с. 216]. Представления древних тюрков об Йер Суб изучал М.А. Сейидов. В культурах некоторых современных тюркоязычных народов, преимущественно азербайджанцев и башкир, он выявил реликты архаических воззрений и обрядности, связанных с почитанием земли и воды. В ходе исследования он пришел к выводу о том, что представление об Йер Суб сложилось из культов земли и воды и затем трансформировалось в понятие *родина* [1973, с. 63–69].

Л.П. Потапов подвел итог всей многолетней дискуссии об Йер Суб. На основе анализа огромного корпуса исторических источников и обширных этнографических материалов, собранных среди алтайцев и других тюркоязычных народов, он пришел к обоснованному выводу об одновременном существовании у них культов Йер Суб — верховного божества и локальных духов-хозяев природных объектов. Ученый убедительно доказал факт прямой преемственности древнетюркских воззрений о божестве «Священная Земля-Вода» в современных культурах тюркоязычных народов Сибири и Центральной Азии, выявил процесс трансформации соответствующих представлений у них на современном этапе [1991, с. 274–284].

Подобные трансформационные процессы не обошли стороной и культуру хакасов. У них, в отличие от алтайцев, не сохранилось четких представлений об Йер Суб как персонифицированном верховном божестве. Тем не менее имеются основания полагать, что в прошлом подобные воззрения могли быть и у этого народа. В мировоззрении хакасов «земля» (*чир*) и «вода» (*суғ*) были важнейшими структурообразующими элементами сакральной картины мира. В традиционных представлениях народа понятие *чир-суғ* — «земля-вода / река» выступает в качестве образного обозначения своей земли, места рождения, т.е. Родины/Отчизны — *Ада чир-суғ* [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 971–972]. Выдающийся этнограф и тюрколог Н.П. Дыренкова в этой связи совершенно точно отметила, что «вода, горы и лес занимают у всех турецких племен Алтайско-Саянского нагорья выдающееся место как в фольклоре и религиозных представлениях, так и в обрядах и культе» [2012, с. 131].

Традиционно хакасы, как и все коренные народы Сибири, глубоко почитали свою землю и имеющиеся на ней природные объекты. Они устраивали в их честь специальные праздники —

тайыҥ/тайиу. Их неперменными составляющими были: обряды жертвоприношений, коллективные моления, пиршества, певческие и спортивные состязания, а также всевозможные игрища. Наиболее крупными и значимыми являлись праздничные мероприятия, посвященные: небу — *тигир тайыҥ*, духу священной горы — *таҥ тайыҥ*, духу воды (реки, озера) — *суҥ / көл тайыҥ* и др. Следует отметить, что кызыльцы (хак. *хызыллар*) — этническая группа хакасов, проживающая в северной части Минусинской котловины, отмечали еще праздник поклонения земле-воде — *шер-суҥ тайыҥ / таужан* (хак. лит. — *чир-суҥ тайыҥ*).

В научной литературе имеются крайне скудные сведения о рассматриваемом этнокультурном явлении. Первые упоминания о нем встречаются в отчете этнографа С.Д. Майнагашева за 1914 г. В нем сообщается об «особом жертвоприношении земле». Исследователь при этом уведомляет о том, что ему лично не удалось присутствовать на нем [Майнагашев, 2007, с. 35]. Краткие сведения о *шер-суҥ тайыҥ* у кызыльцев были опубликованы лишь более полувека спустя в небольшой статье томского этнографа М.С. Усмановой. Заметим, что работа была написана на основе собственных полевых этнографических исследований. Она отмечала, что информация об этом празднике была зафиксирована ею «с разной степенью точности и полноты во многих селениях» [Усманова, 1976, с. 240]. В силу ограничений в объемах публикации значительная часть собранного ею материала не была введена в научный оборот.

Цель данной статьи — охарактеризовать праздник *шер-суҥ тайыҥ* у кызыльцев. В качестве основных источников использованы архивные этнографические материалы, собранные в 1970-х гг. М.С. Усмановой и другими исследователями из Томского государственного университета.

Шер-суҥ тайыҥ

Территория, на которой проживают кызыльцы, как и другие группы хакасов, характеризуется большим разнообразием ландшафта с преобладанием горного рельефа. В рассматриваемом пространстве выделяются степная, лесостепная и горно-таежная зоны. Среди естественной растительности преобладают леса. В горах берут начало крупные реки — Белый Июс (Ах Ыйс) и Черный Июс (Хара Ыйс). Вместе с многочисленными притоками они концентрируют в себе практически все воды, стекающие по восточным склонам Кузнецкого Алатау. Наряду с этим на обозначенной территории отмечается множество небольших речек, ручьев и родников, а также немалое количество озер. Указанные природные объекты для местных жителей всегда имели не только определяющее хозяйственное, но и сакральное значение. Столь большое разнообразие природы этого края и ее богатств, а также зависимость людей от нее способствовали формированию у кызыльцев обрядности, связанной с почитанием и благодарением их родной земли — *шер-суҥ тайыҥ*.

М.С. Усманова в указанной работе [1976] кратко описала один из вариантов ритуала поклонения земле и воде, совершаемый коренными жителями деревни Ошколь. Обратим внимание на то, что само мероприятие было «растянуто» во времени и пространстве. Более того, местное население, собственно, проводило два самостоятельных обряда в разное время, нередко обозначая их общим наименованием *шер-суҥ тайыҥ* или *шер тайыҥ*. Первое жертвоприношение совершалось на вершине горы *Толу гёзен* у произраставшей там лиственницы. Именно с этой сакральной возвышенности берут начало пять ключей: *Хызыл жул*, *Ортагы жул*, *Кедерке жул*, *Сёктың жулу*, *Ер кыстаҥ жул* [АМАЭС ТГУ, № 678-2, л. 30–31]. Сам *тайыҥ* был непосредственно посвящен почитанию как духа указанной священной горы — *таҥ ээзі*, так и мистических хозяев перечисленных родников — *суҥ ээзі*. Обряд совершался регулярно, через каждые три года, поздней весной или в начале лета. Жертвоприношение проводилось чаще отведенного срока, если в жизни местных жителей происходили несчастные случаи, люди или скот начинали болеть, случались неудачи в хозяйственной деятельности и пр. [Усманова, 1976, с. 241].

В религиозно-мифологическом сознании хакасов важным сигналом, извещающим о необходимости срочно провести такой ритуал, было неожиданное появление горного духа — *таҥ ээзі* или мистического хозяина воды — *суҥ ээзі* как в местах загона скота, расположенных недалеко от пастбищ, так и вблизи человеческих жилищ и селений. У хакасов бытовало устойчивое представление о том, что спонтанное явление указанных сверхъестественных существ в обозначенных местах часто оказывает негативное влияние на домашний скот. Из-за этого он приходил в состояние повышенного беспокойства и тревоги, становился неуправляемым. Порой это приводило к тому, что такие животные крушили хозяйственные строения, при этом нередко даже калечились и далеко разбегались. Да и сами люди, непосредственно подпадавшие под

магическое воздействие этих мистических существ, долгое время испытывали глубокий страх и психологический дискомфорт. Хакасские старики по этому поводу сообщали: «Для ключей таиг назывался шер таиг [жертвоприношение земле]. Раньше у нас по дворам только дойных коров загоняли. А молодняк и овцы находились в загоне возле деревни. Пастух их караулил. Однажды ночью скот сломал загон и убежал. Его побеспокоил хозяин горы или ключа. Это был знак к тому, чтобы делать шер таижан (Прасковья Федоровна Итеменева, 1903 г.р., с. Ошколь)» [АМАЭС ТГУ № 678-2, л. 30–31]; «Мы кочевали. Загоняли скот на зимнее стойбище. Строили большие загоны. Там ночевали овечки и коровы. Пастух при них. [Однажды] появилось колесо [воплощение духа или его силы] какое-то. [Оно] сломало [загон]. Одну или две овечки изувечило. Пастухи [после этого происшествия] говорят, что таиг делать надо (Иван Васильевич Курбижев, 1886 г.р., д. Малое Озеро)» [АМАЭС ТГУ № 678-3, л. 17–18]; «Было это после [Великой Отечественной] войны. Пошел как-то к дому. Смотрю, вроде что-то черное сзади меня движется, типа стола. Думаю, что [это] мне кажется. Смотрю. Нет, собаки тоже залаяли. Одна собака не дает [ему пройти], тогда “стол” в собаку превратился и стал ласкаться к собаке. А та все равно не пускает. Так опять в “квадрат” превратился, пошел-пошел и исчез. Это был суг эзи» [АМАЭС ТГУ № 681-3, л. 17].

Руководство *шер-суҕ тайыҕ* ом брал на себя шаман (*хам*) или гадатель-ясновидец — *көрүҕү* (хак. лит. — *körügü*). Если таковых не оказывалось, то приглашали хорошо знающих традицию и уважаемых в народе стариков. В описанном М.С. Усмановой случае, обряд в д. Ошколь проводили два старика. На *шер-суҕ тайыҕ* собирались все жители селения за исключением женщин фертильного возраста. На ветви священного дерева подвешивали лоскуты материи белого, красного и синего цветов, размером приблизительно 15×15 см. В жертву приносили белого барана. Его закалывали и разделывали. Шкуру вместе с ногами и головой подвешивали на дерево. Внутренности, за исключением осердия, закапывали в землю. Последнее вместе с мясом помещалось в котел и варилось. Кровь животного собирали в специальную посуду. В процессе ритуала один из стариков разбрызгивал ее как подношение почитаемым духам. В это же время его помощники совершали жертвенные окропления из деревянной чаши: сначала водкой, затем молоком и напоследок — водой. Приготовленное мясо выкладывали в деревянное корытце — *типси*. Один из стариков, молитвенно обращаясь к духам, поднимал горячее мясо с исходящим от него паром вверх. Затем он, поворачивая голову сначала к одному плечу, затем к другому, восклицал: «Хуррай-хуррай!» Все участники обряда ему вторили. По окончании ритуала приступали к пиршеству и т.д. [АМАЭС ТГУ № 678-2, л. 23–35]. Непосредственная участница обряда *шер-суҕ тайыҕ* Анна Ларионовна Аргудаева (1910 г.р., д. Ошколь) вспоминала: «Все сидят кругом. У каждого молоко, водка. Брызгали водку, молоко, воду. Старики делали приношения. Один старик держит корытце, а другой держит посудину с водкой, молоком, водой и разбрызгивает. Шкуру оставляли на месте. Не сжигали. Мы боялись туда ходить. Они там гнили, их там черти ели. Каждая береза, лиственница, каждый кустик имеет хозяина» [АМАЭС ТГУ № 678-2, л. 35].

Некоторое время спустя аналогично, лишь с некоторыми отличиями, совершался *көл тайыҕ* — обряд жертвоприношения озеру Ошколь. М.С. Усманова, к сожалению, не конкретизировала, какой именно временной промежуток был между ними. Исследователь обратила внимание на то, что местное население этот ритуал нередко именовало еще *шер тайыҕ* — ‘жертвоприношение [своей] земле’. При этом главным распорядителем на нем был *көрүҕү*. Он, держа в руках свежесваренное жертвенное мясо, совершал обход всех присутствующих. *Көрүҕү* обращался с просьбами не только к озерному духу, но и ко всем покровительствующим духам родной земли. По окончании ритуальной части приступали к трапезе. При чем кости не ломали и не разбрасывали, а вместе со шкурой и осердием оставляли на трое суток на месте жертвоприношения [Усманова, 1976, с. 242–243].

Локальные варианты обряда

В деревне Черное озеро *шер-суҕ тайыҕ* также совершался один раз в три года и непосредственно включал в себя два обряда жертвоприношения: *таҕ тайыҕ* (почитание духа горы) и *көл тайыҕ* (почитание духа озера). Первый проводился на горе. В жертву приносили трех овечек (белых или серых). Их шкуры подвешивали на березу. Через неделю отправлялся ритуал *көл тайыҕ* уже на берегу Черного озера. При этом в качестве жертвенных животных выступали трехлетние коровы. По окончании мероприятия все остатки мяса вместе со шкурой, головой и ногами бросали в воду [АМАЭС ТГУ № 678-3, л. 42–43]. Помимо этих обрядов жители этого се-

ления проводили *суғ тайығ* (почитание духа реки) на берегу р. Белый Июс. Пожилая хакаска Александра Астафьевна Ипишкина (1892 г.р., с. Устинкино) по этому поводу сообщала: «У нас на Черном Озере (имеется в виду деревня, а не само озеро) делали таиг. Делали на берегу [р. Белый Июс]. Овечку заколют. Пар идет. Последний раз в 1924 г. был таиг. Его делали через каждые три года. Два человека стояли с коромыслами и кланялись. Ноги, кости, голову, кожу связывали и бросали в р. Белый Июс. Кровь жертвовали. Кланялись каждой горе, каждой речке. У нас командовал шаман. Он мясо держал. Это мясо домой везти нельзя» [АМАЭС ТГУ № 678-3, л. 42–43].

Проведение местным населением *суғ тайығ* главным образом было направлено на предотвращение наводнений и несчастных случаев на реке, а также на обеспечение обилия рыбы в ней. Так, например, пожилые хакаски о значимости указанной обрядности поведали следующее: «На таиг кололи белую овечку. Тогда вода хорошо течет. Дети не тонут. Сейчас уже года три хорошо, а то все люди тонули (Сулекова (Басагулова) Мария Герасимовна, 1914 г.р., д. Устинкино)» [АМАЭС ТГУ № 678-3, л. 40]; «Такие приношения делались хозяину реки (суғ эзи), чтобы никто не утонул. К хозяину реки ходили весной (Ефросинья Захаровна Попиякова, 1880 г.р., с. Трошкино)» [АМАЭС ТГУ № 677-4 а, л. 40].

Шер-суғ тайығ по схожему сценарию проводился и в с. Сарала. Мария Семеновна Аргудаева (1882 г.р., д. Секта) вспоминала: «В Сарале на речке Сарала Июс делали таиг и на горе отдельно. Если на речке, то шкуру связывали вместе с ногами и головой и бросали в воду. На горе шкуру вешали на березку. Дедушка держал деревянное корытце с мясом, пока шел пар, а потом это мясо все ели. Кишки и сердце варили. Кости не ломали. По суставам разрезали и вместе с кожей складывали, чтобы они — хозяева как будто целого барана ели. Тагдың эзи [горные духи], его дети, девки, парни могли это мясо есть. Кровь тоже шектили [разбрызгивали] вот так кругом. Водку, молоко, воду, табак тоже бросали. Мясо только один дедушка держал. Раньше через три года делали таиг» [АМАЭС ТГУ № 678-4, л. 20–21].

В д. Усть-Парная *тайығ* имел локальную специфику. Она проявлялась в том, что обряды также проводились дважды в год, но в более отдаленных друг от друга временных рамках. Первый проходил весной, его устраивали на р. Парная. Второй совершался осенью на озере Линево (хак. *Өлеңкөль*). В обоих случаях в качестве жертвы выступала годовалая телка. Старик-кызылец Иван Васильевич Курбижеков (1886 г.р., д. Малое Озеро) сообщал: «Таиг [проводился] в Усть-Парной. Мы телку кололи. Весь скот соберем. Весь народ соберем и таиг делали. Шаман был. Речка Парнушка. Около нее три березы стоят. Там и делали. Весной и осенью делали, два раза. В Усть-Парной было 20–30 дворов. Русских не было. Все собирались на таиг. Никто дома не оставался. Телку зарежут. Мясо на мелкие куски резали. Шкуру отдавали какому-нибудь человеку. Как хворь нападала, [так] таиг делали. Арьян пили. Сейчас там есть озеро Линево, по-хакасски *Өлеңкөль*. В двух местах делали таиг. Весной делали таиг на речке Парной, а осенью на озере. Кололи телку годовалую. Таиг делали одинаково, там и там. Когда делали таиг, выходила девка по пояс из воды — это суғ эзи. Волосы по пояс. Ей нравилось, когда таиг делали. Если таиг не делать, то она рассердится. Кто будет по озеру плавать, то утонет» [АМАЭС ТГУ № 678-3, л. 15–16].

Обращает на себя внимание то, что в отдельных местах кызыльцы совершали *тайығ* не днем, а ночью. Данное обстоятельство входит в диссонанс с традицией отправления соответствующей обрядности другими этническими группами хакасов. Так, например, подобное сакрализованное мероприятие проходило в селениях Агаскыр и Сулеков на берегу р. Печище. Более того, жертвоприношение совершалось осенью и хронологически соответствовало православному празднику — Семенову дню (14 сентября). Ритуал могли проводить как шаманы, так и знающие традицию старики. В жертву приносили кастрированных баранов белой масти. Хакаские старики рассказывали об этом следующее: «[Проводили] на Семенов день (14 сентября) наши [кызыльцы] называли его “Хаза ашин улу кун” — ‘день открытых ворот’. Мы называли его так потому, что мы кочевали и загоняли скот на зимнее стойбище. <...> Ночью, в 12 часов делают таиг. Старший дедушка руководит. Вечером управятся и идут на р. Печище на глубокое место. Режут овечку (кастрированного барана). [Должен быть] весь белый, чтобы ни одного черного пятнышка не было. Если у богатого человека 2–3 овечки пропадут, одну овечку жалко, что ли. Надрезут горло и шекнут [брызнут] в воду кровь. Шкуру снимали вместе с головой и ножками. Голову клали внутрь шкуры, а ножки завязывали. Кости выбрасывали после того, как съедали мясо. В 1920 г. был последний таиг. Кости собирали в одно место, а потом бросали в р. Печище. Остальное мясо и сердце варили, а потом осердие выкладывал старик на деревян-

ное блюдо (шанахшан тепсе) и шекал [жертвовал]. На пальцах у него были шалама [ритуальные ленты]. Делали по две тряпочки: черную и красную, белую и голубую. По три пары связывали. Их держал старик на пальцах, когда держал деревянное блюдо. Потом шкуру вместе с ножками и головой завязывали, ножки между собой и бросали в глубокое место в р. Печище. Просили хозяина тайги — таг эзи, чтобы он им дал хорошую жизнь. Чтобы черноголовым [т.е. хакасам] жилось хорошо. Чтобы скот не пропадал. “Хара басха улжай бер, хадарган малга амыр пер” — “Черноголовым дай здоровье, а скоту мир”. К шкуре также привязывали шалама, также по три пары на голову, хвост и четыре ноги. Кругом на том месте рос тальник и березки. На березки шалама не привязывали (Иван Васильевич Курбижеков, 1886 г.р., д. Малое Озеро)» [АМАЭС ТГУ № 678-3, л. 17–18]; «У нас тут раньше был таиг. [Там], где мост “солдатский” на р. Печище был таиг. Шамана обязательно звали на таиг. Когда был, того не скажу, но шаман всегда на нем был. Земле, наверное, молились тайге. Не помню, то ли сугэзи [хозяина воды], то ли шир эзи [хозяина земли] призывали. Я еще помню, когда подолы поднимут, становятся на колени и молятся. Так, женщины, бабы, старушки молились. Я вот помню, что старушки подол поднимут и до земли кланяются (Евгения Павловна Баскаулова, 1896 г.р., д. Агаскыр)» [АМАЭС ТГУ № 677-13, л. 5–6]; «Делали таиг в улусе Сулеков на берегу р. Печищи. Устраивался он ночью. Кололи белого барана. Кости не ломали. Обращались во все стороны, чтобы люди не болели, чтобы скот не болел. При этом тот, который руководит, все горы поминает, речки, лес, все поминает. Самогонкой шухтили [брызгали]. Самогон все приносят, но еду на таиг не приносят. Съедают все мясо или сваливают куда, не помню. Во время таига шаман свой костюм не надевал, просто черную одежду надевал» [АМАЭС ТГУ № 677-8, л. 1–2].

Следует отметить, что почитание духа воды/реки — *суҕ тайыҕ* у кызыльцев, как и у других групп хакасов, было одним из ключевых обрядов в их культуре. Данное обстоятельство отнюдь не означало, что жертвоприношение было адресовано исключительно лишь одному духу-хозяину конкретной реки — *суҕ ээзи*. Несмотря на то что указанное мероприятие проводилось в честь водного хозяина, оно было праздником и для других духов, а также для людей. В процессе ритуала призывались, восхвалялись и угощались и многие другие невидимые «гости» — сверхъестественные существа, имеющие отношение к этой местности духи-хозяева местных гор, духи людей издавна живших в этих землях и пр. В религиозно-мифологическом сознании хакасов *тайыҕ* являлся одним из важных традиционных сакральных действий, направленных на укрепление добрососедских взаимоотношений мира людей с миром духов, предотвращение и устранение возможных конфликтных ситуаций между ними. Народ верил в то, что это способствовало общей стабильности и благополучию жизни людей и связанных с ними существ.

Уместно привести воспоминания стариков-кызыльцев о рассматриваемой традиции: «В М[алом] Озере таиг не делали, а на Черном Июсе (Хараюс) делали. Таиг делали в Итеменевом улусе. Там в девках я все время была. Делали осенью в сентябре. Кололи белого барана. Весь белый. Июсу его надо “таирга” — подарить. Все соберутся: старухи, молодые. Кто-то принесет: печеное, водку. [Люди в] два-три круга соберутся. Барана заколют. Постелят бересту и положат на нее мясо, и в корытце кладут. Полые кости не ломают по суставам режут. А кожу вместе с головой и ногами бросают в р. Июс. Голову совсем не отрезают. Все вместе со шкурой. Когда бросают в р. Июс, то говорят: “Матушка, тебе даем. Июс, тебе подарок даем, чтобы наши люди хорошо жили”. Просили его так. Я кызылка. У нас одна шаманила. Без шамана на таиге нельзя. Он всех [духов] уговаривает. [Обращается к] Июсу чтобы всем хорошо жилось. Чтобы наперед всем было хорошо. А теперь никто не просит, и режутся все вот так (показывает ребром ладони по горлу). Когда Хараюс проходим, то просим: “Вот Харюс, матушка, мы проходим. А сами что-нибудь в реку бросаем. Или траву нарвем, вот тебе подарок. Этот когда хоть на пароме, хоть на лодке переезжали. Если с себя нечего бросить, так хоть траву брось, корольки бросали, вино ему подавали, хлебом. Что-что, да чтоб в Июсе [духа]-хозяина не было... В каждом маленьком кусточке [дух]-хозяин есть. Вот в тайгу поедешь ягоду брать, и просили каждый кустик: “Нас пусти переночевать”. [В] каждой бане, доме надо [их невидимого] хозяина просить [разрешения]. Раньше [так] бывало, теперь [этого уже] не признают. Хозяина Июса и других никто не видел. Не знают, какие они, но слышать-то слышали, голос-то. Если по-худому будет, то голос рывкает, рывкает, а если по-хорошему, то не так. Тогда подавали [брызгали] водку, молоко с белой коровы подают Июсу на таиге. Все собирались около берез, лесины (Анастасия Ивановна Янгүлова, 1903 г.р., д. Малое Озеро)» [АМАЭС ТГУ № 678-4, л. 33–34]; «Еще когда я была маленькая, два раза участвовала на праздниках “таиг”. Собиралась вся деревня Барбаково. Праздником руко-

водили старики. На берегу [реки] Юса кололи барана и в большом котле варили мясо. Ребятишки вокруг сидели. Потом это мясо складывали в корыто для мяса (тепсе) и поднимали на вытянутых руках во все стороны. Это обычно делал старик. Потом шихтели [брызгали] водкой во все стороны. Это было подношение реке, чтобы никто не утонул, и [жертвоприношение] земле и [людям] “чтобы легче жилось”. Я только на двух таких праздниках была. Потом таких праздников не устраивали. Оставили это (Евдокия Семеновна Баскаулова, 1896 г.р., д. Агаскыр)» [АМАЭС ТГУ № 677-13, л. 3].

В ритуальной системе хакасов одним из значимых был обряд посвящения домашних животных различным божествам и духам. Причем это сакральное действие всегда проходило без умерщвления животного. В качестве таковых обычно выступали конь, бык и баран. Их называли *ызых мал* — ‘священный скот’ или просто *ызых*. Они были неприкосновенны и свободно паслись вместе со стадом. Их запрещалось использовать в хозяйственных целях. Согласно традиционному мировоззрению *ызых*’и своей сакральной силой оберегали людей и их хозяйства от несчастий, отвращали болезни, способствовали увеличению приплода, охраняли стадо от хищных зверей и воров [Бурнаков, 2010]. В обрядовой практике хакасов распространенным явлением было посвящение *ызых*’а-коня духу-хозяину воды — *суғ эззи*. Данная традиция бытовала и у кызыльцев. Обычно это происходило во время *суғ тайығ*. Непосредственная свидетельница этого ритуала Анастасия Ивановна Янгүлова (1903 г.р., д. Секта) по этому поводу сообщала: «Вешали красные, голубые ленты на рыжего коня (*позрах*) с белой звездочкой. Ему на гриву и на хвост привязывали разные ленточки. Раньше парча звали, с него снимали золотую, серебряную нити и привязывали к коню. Потом шаман-старик моет коня. Уговаривает, уговаривает, а конь почему-то стоит смирно: “Хараюс ширинда шоршетсен чахша малын хадар шоршет, Хараюс ишиндаг шондар”. По-русски это приблизительно так: ‘По Юсам ходишь, всех храни, всю скотину, табуны, всех людей сохрани’. Когда всего коня вымоют, он [блестит как] жирный. А потом [гадают] деревянную чашку поставят на него и отпустят. А чашка даже не падает. А потом чашка упадет. Если как упадет, как из нее пьют [т.е. дном вниз], то [говорят] терих, терих. А если верх дном упадет, то народу нехорошо, алтын терих, говорят. Саламат тут делают. Сметану варят. Поставят большой таган, а потом все им [духам] подают. Мясо варят, р. Июсу туда маслом, все подают. Конь не работает. Его в табун отпускают. Женщинам, которые ребятишек носят, нельзя к нему подходить, а девочкам молоденьким, которые не моются [т.е. неполовозрелым], им можно подходить. Изых-шылгы называется конь. Старухам можно подходить. Они не моются, все равно как мужики. На крыльцо и в избу невестку тоже не пускали, и в церковь, где поп ходит, невестку на это место не пускали. Коня мужики седлали. Мужики ездили. Каждого [посвящаемого] коня умывали. В это время, чтобы хозяин и скоту было хорошо. В каждой деревне был свой конь. В Именево был рыжий конь. А у некоторых белый конь был. У которых — черный, это самый последний был. Его старались не брать. Его ниже [по статусу] считали. Самый лучший конь — соловый, соловка — сарыг шылгысы — желтый конь» [АМАЭС ТГУ № 678-4, л. 34–36].

Заключение

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод, что в мировоззрении и обрядовой практике северной группы хакасов — кызыльцев праздник *шер-суғ тайығ* имел большое значение. Он включал в себя обряды поклонения родной земле, в том числе горам и водным объектам — родникам, озерам и рекам. При этом в каждом селении он мог иметь локальную специфику. В своей основе он был призван установить гармоничные взаимоотношения человека с миром природы и его конкретных олицетворений — духов земли / гор, воды и пр. Верили в положительное воздействие данных обрядов: посредством их нейтрализовывалась возможная опасность для людей со стороны природных сил, обеспечивалось благополучие их жизни, подразумевающее сохранение самой жизни и здоровья людей, успех в хозяйственной деятельности и иных сферах, увеличение плодородия земли и т.д.

Отличительной особенностью *шер-суғ тайығ*, проводимых кызыльцами, от подобных ритуалов у других групп хакасов было то, что он включал в себя два или даже три специализированных обряда — *тағ / көл / суғ тайығ*, которые были тесно связаны друг с другом и образовывали единый ритуальный комплекс. Он имел определенную пространственную привязку и хронологические рамки. Соответствующая обрядность иных этнических сообществ хакасов, несмотря на общую мотивацию исполнения и некоторое сходство конкретных сакральных действий с кызыльской, все же не обнаруживает прямой взаимосвязи. Жертвоприношения горе и воде —

таг / суғ тайыҕ у них не только не коррелируются между собой, а выступают как самостоятельные ритуалы. В целом это не исключало чествования и остальных почитаемых духов. Руководство и непосредственное отправление обозначенных обрядов осуществлялось исключительно шаманами. Специфичным является то, что в отдельных селениях кызыльцы совершали *тайыҕ* ночью, а также осенью, что также не было характерно для других групп хакасов.

Очевидно, что *шер-суғ тайыҕ* — один из архаичных культов, вероятно, восходящий к древнетюркскому божеству Йерсу — «Священной земле-воде» орхонских рунических надписей. Как отмечает известный исследователь Л.П. Потапов, представление об Йерсу в реликтовой форме сохранялось у некоторых народов Средней Азии и Сибири. Так, например, киргизы совершали ритуал Жер-суу (Йерсу) с целью испрашивания дождя. В процессе обряда приносили в жертву овец. Их кровь выпускалась в реку. Более того, этот обряд проводился два раза в год — весной и осенью [Потапов, 1991, с. 282]. Подобная же традиция имела место и у кызыльцев. Добавим и то, что в прошлом алтайцы, почитая божество Йерсу, раз в три года жертвовали ему коня рыжей масти [Там же, с. 281]. Данная реалья обнаруживает прямое соответствие и в обрядности северных хакасов. В процессе обозначенного ритуала они также посвящали божеству рыжего коня. Отмеченные сходства в обрядовой практике указанных народов могут свидетельствовать об общности их мировоззренческих представлений и культурных контактах в прошлом.

Все еще остается открытым вопрос — почему лишь у северных хакасов — кызыльцев сохранилась наиболее архаичная форма двуединого поклонения «земле и воде». Можно лишь предположить, что именно эта этническая общность в прошлом имела более тесные генетические и социокультурные связи с древними тюрками, почитавшими такое божество, как «Священная земля-вода».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. Т. 5. 759 с.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 382 с.
- Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов об ызах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 111–121.
- Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая: Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 408 с.
- Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Майнагашев С.Д. Отчет по поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 года С.Д. Майнагашева // Этнографические экспедиции Н.Ф. Катанова (1896) и С.Д. Майнагашева (1913–1914) в Хакасии. Абакан, 2007. С. 32–38.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
- Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль Тегина с двумя таблицами надписей. СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1899. 144 с.
- Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 320 с.
- Радлов В.В., Мелиоранский П.М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // Сборник трудов Орхонской экспедиции. 1897. Т. 4. 45 с.
- Сейидов М.А. К вопросу о трактовке понятий *jersub* в древнетюркских памятниках // Советская тюркология. 1973. № 3. С. 63–69.
- Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник — 1971. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 213–226.
- Усманова М.С. Жертвоприношение земле и воде у северных хакасов // ИИС. Томск, 1976. Вып. 19. С. 240–243.
- Хакаско-русский словарь / Под ред. О.В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1115 с.
- Bartold V.V. Die historishchen Bedeutung der Altürkischchen Inshchriften. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1897. 36 p.
- Gabain A.V. Altürkische Grammatik3 [=EskiTürkçe Grameri3]. 3. Auflage. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. XXIV, 1974. 398 S.
- Giraud R. L'Empire des TurcsCélestes. Les règnesd'Elterich, QapghanetBilgä (680–734). P.: Adrien-Maisonneuve, 1960. 219 p.
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: at the Clarendon Press, 1972. 988 p.

Lot-Falck E. A propos d'Atiingan, deessemongole de la terre // *Revue de l'histoire des religions*. 1956. Vol. 149. P. 157–196.

Radloff V.V. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. III. Verbesserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Koscho Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orchon-Beckens und die Denkmäler im Flussgebiete des Jenissei. St. Petersburg, 1895. S. 175–460.

Roux J.-P. La religion des Turcs des Mongols. P.: Payot, 1984. 323 p.

Thomsen V.L.P. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. Suomalais-ugrilaisenseurantolmituksia V. Mémoires de la Société finno-ougrienne V. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1896. 224 p.

Thomsen V.L.P. Turcica, Etudes Concernant l'interprétation des Inscriptions Turques de la Mongolie et de la Sibirie. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXXVII. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1916. 108 p.

ИСТОЧНИКИ

АМАЭС ТГУ № 677-4 а «Этнографическая экспедиция в Хакасию 1972 г. Тетрадь № 4». 41 л.

АМАЭС ТГУ № 677-8 «Этнографическая экспедиция в Хакасию, летом 1972 г. Тетрадь № 8». 63 л.

АМАЭС ТГУ № 677-13 «Этнографическая экспедиция Хакасия — Чулым, лето 1972 г. Тетрадь № 13». 8 л.

АМАЭС ТГУ № 678-2 «Этнографическая экспедиция в Хакасию, летом 1973 г. Тетрадь № 2». 48 л.

АМАЭС ТГУ № 678-3 «Этнографическая экспедиция в Хакасию, Ужурский и Шарыповский районы Красноярского края, август 1973 г. Тетрадь № 3». 48 л.

АМАЭС ТГУ № 678-4 «Этнографическая экспедиция в Хакасию, август — сентябрь 1973 г. Тетрадь № 15». 36 л.

Burnakov V.A.

Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch RAS
prosp. Acad. Lavrentiev, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: venariy@ngs.ru

The veneration of “land-water” in the tradition of the northern Khakas — Kyzyls (late 19th — mid-20th century)

The paper discusses current scientific issues related to the study of the traditional worldview and ritualism of the Khakas people. The work is focused on the analysis of the traditional festival of veneration of “land-water” by the Kyzyls — an ethnic group of the Khakas living in the northern part of Khakassia and in the south of Krasnoyarsk Krai. The characteristic of the ritual complex associated with the worship of the host-spirits is presented: the land spirits (mountains) — *tag taiy*, and the water spirits (springs, lakes, rivers) — *sug taiy*. The main sources of the research are unpublished field ethnographic materials. Archival ethnographic information related to this topic, collected in the 1970s by M.S. Usmanova and other researchers from the Tomsk State University, are introduced in the scientific discourse. In the process of studying the indicated problem, it was found that in the culture of the Khakas, including the Kyzyl people, an important place was given to the worship of their native land — *sher-sug taiy*. In the religious-mythological consciousness, its specific personification was the spirit-masters of the mountains — *tag eezi*, and the water spirits — *sug eezi*. This worldview was due to the natural landscape of the territory in which they live. It features a mountainous terrain with a range of diverse water bodies — the streams, rivers, lakes, etc. The daily domestic life and economic activities of the ethnic community in question were directly related to them. It is argued that in the worldview of the people, connection between the human and nature goes beyond the framework of rational interaction. They were convinced of the close mystical interrelation of natural objects with the life and well-being of people. One of the common ways to maintain a steady balanced relationship between them was the rituals of sacrifice and celebration of these supernatural beings. It was found that in the cult practice of the Kyzyls, the *sher-sug taiy* included two or even three specialized rites — *tag / kol / sug taiy*, which were closely interconnected with each other and formed a single ritual complex. This sacralized event was held on a regular basis. It had a collective nature with a strictly defined structure, incorporating the leader and other immediate participants, as well as the victim themselves.

Keywords: traditional worldview of the khakas, kyzyls, rite, sacrifice, earth, mountain, water, sher-sug taiy, shaman, image, symbol.

REFERENCES

Bartol'd, V.V. (1897). *Die Historischen Bedeutung der Altürkischen Inschriften*. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.

Bartol'd, V.V. (1968). *Works*. Vol. 5. Moscow: Nauka. Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. (Rus.).

Bichurin, N.Ia. (1950). *Collection of Information About the Peoples who Lived in Central Asia in Ancient Times*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).

- Burnakov, V.A. (2010). Khakass Traditional Ideas about Yzykhs. *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 42(2), 111–121. (Rus.).
- Dyrenkova, N.P. (2012). *Turks of Sayan-Altai: Articles and ethnographic materials*. St. Petersburg: MAE RAN, 131–188. (Rus.).
- Gabain, A.V. (1974). *Alttürkische Grammatik*. Dritte Auflage. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. XXIV.
- Giraud, R. (1960). *L'Empire des Turcs Célestes. Les Règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680–734)*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- Clauson, G. (1972). *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: at the Clarendon Press.
- Lot-Falck, E. (1956). A propos d'Atiingan, Deesse Mongole de la Terre. *Revue de L'histoire des Religions*, (149), 157–196.
- Mainagashev, S.D. (2007). Report on a Trip to the Turkish Tribes of Minusinsk and Achinsk Counties of the Yenisei Province in the Summer of 1914 by S.D. Mainagashev. In: *Etnograficheskie ekspeditsii N.F. Katanova (1896) i S.D. Mainogasheva (1913–1914) v Khakasii*. Abakan, 32–38. (Rus.).
- Malov, S.E. (1951). *Monuments of Ancient Turkic Writing. Texts and Studies*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Melioranskii, P.M. (1899). *Monument in Honor of Kul Tegin With Two Inscription Tables*. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk. (Rus.).
- Nadelyayev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R., Shcherbak, A.M. (Ed.) (1969). *Ancient Türkic dictionary*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Potapov, L.P. (1991). *Altai Shamanism*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Radloff, V.V. (1895). Die Altiiirkischen Inschriften der Mongolei. In: Bd. III: *Verbesserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Koscho Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orkhon-Beckens und die Denkmäler im Flussgebiete des Jenissei*. St. Petersburg, 175–460.
- Radlov, V.V., Melioranskii, P.M. (1897). Ancient Turkic Monuments in Kosho Tsaidam. In: *Sbornik trudov Orkhonskoi ekspeditsii. T. 4*. (Rus.).
- Roux, J.-P. (1984). *La Religion des Turcs des Mongols*. Paris: Payot.
- Seidov, M.A. (1973). On the Interpretation of the Concepts of Jer Sub in Ancient Turkic Monuments. *Sovetskaya tiurkologiya*, (3), 63–69. (Rus.).
- Stebleva, I.V. (1972). To the Reconstruction of the Ancient Turkic Religious and Mythological System. In: *Tiurkologicheskii sbornik* — 1971. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia Vostochnoi literatury, 213–226. (Rus.).
- Subrakova, O.V. (Ed.) (2006). *Khakass-Russian dictionary*. Novosibirsk: Nauka Publ. (Khakas and Rus.).
- Thomsen, V.L.P. (1896). *Inscriptions de l'Orkhon Déchiffrées. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia V. Mémoires de la Société finno-ougrienne V*. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise.
- Thomsen, V.L.P. (1916). *Turcica, Etudes Concernant l'interprétation des Inscriptions Turques de la Mongolie et de la Sibirie. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXXVII*. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise.
- Usmanova, M.S. (1976). Sacrifice of Land and Water in the Northern Khakass. In: *Iz istorii Sibiri*, (19). Tomsk, 240–243. (Rus.).

Бурнаков В.А., <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Перевалова Е.В.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРИЕМОВ ВЫПАСА ОЛЕНЕЙ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В XX — НАЧАЛЕ XXI в.

Положенные в основу статьи полевые материалы экспедиции 2018 г. позволили еще раз обратиться к вопросу трансформации традиционных саамских и коми-ижемских технологий и приемов выпаса оленей на Кольском полуострове в XX — начале XXI в. Этническая специфика в современном кольском оленеводческом миксе, обусловленном этническими заимствованиями и внушительным комплексом советских и постсоветских трансформаций, прослеживается во многом уже только в воспоминаниях старых оленеводов.

Ключевые слова: оленеводство, саами (лопары), коми-ижемцы, Кольский полуостров, технологии, традиции, новации, конец XIX — начало XXI в.

Кольский полуостров издавна был, да и сегодня остается оленеводческим краем. При сравнении с другими оленеводческими регионами России кольское оленеводство обнаруживает ряд уникальных особенностей. Они касаются технологий, приемов, инструментария выпаса оленей и организации оленеводческого хозяйства. Это обусловлено, с одной стороны, историей становления кольского оленеводства, с другой — внешними факторами: полуостровным положением и спецификой ландшафта, относительно высокой населенностью региона, развитостью его экономической и транспортной инфраструктуры, сравнительно близким соседством к рынкам сбыта, включая скандинавские страны.

Кольское оленеводство удостоивалось внимания многих исследователей, среди прочих особо следует выделить работы Н.Н. Харузина [1890], В.В. Чарнолуского [1930a, 1930b], Т.В. Лукьянченко [1971], Н.Д. Конакова и О.В. Котова [Конаков и др., 1984; Конаков, 1986; Конаков, Котов, 1991], Л.В. Хомич [1999], К.Б. Клокова и С.А. Хрущева [2013], Ю.Н. Константинова [Konstantinov, 2015; Konstantinov, Vladimirova 2006], К.В. Истомина [2015, 2017]. В этой связи должно отметить и недавно вышедшую монографию «Арктика: атлас кочевых технологий» [Головнев и др., 2018]. Цель данной статьи — акцентное представление трансформации технологий и приемов выпаса оленей и ценностных ориентаций кольских оленеводов в XX — начале XXI в. в этнокультурном ключе.

В основу настоящей работы положены материалы экспедиции 2018 г. на Кольский полуостров, проводившейся в рамках проекта «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (РНФ, 2014–2017, рук. А.В. Головнев), ориентированного на изучение кочевых технологий («жизни-в-движении») и потенциала северного номадизма [Головнев, 2014]. Основные материалы собраны в зоне активного взаимодействия саами, коми-ижемцев и ненцев — в с. Ловозеро и Ловозерских тундрах (олeneводческие бригады СХПК «Тундра», бывшие колхозы и совхозы «Тундра» (с. Ловозеро), «Вперед» (с. Чудзьярв), «Доброволец» (с. Воронье), «Искра» (с. Иоканьга)).

Основанная на системно-аналитическом подходе, статья выстроена в формате нарративного дискурса [Брокмейер, Харре, 2000], где «слово» в значительной степени предоставлено самим кольским оленеводам. Переосмысление жизненного опыта старшего поколения и их критическое отношение к сегодняшним реалиям хозяйствования в оленеводческих кооперативах свидетельствуют об изменении этнических ценностей, на которых в значительной степени держалась индивидуальная и коллективная идентичность саами и коми-ижемцев.

От райды к «вахте»

Система кольского оленеводства сложилась вследствие срастания привнесенной на полуостров в конце XIX в. кочевой коми-ижемской оленеводческой культуры и местной полукочевой саамской. Саами (лопары) использовали оленя преимущественно как транспортное средство, а также в роли манщика в охоте на диких оленей. Стада были немногочисленны — от 5–6 до не-

скольких десятков голов на семью. Зимой лопари «жили в оленях», т.е. содержали их вблизи жилья с использованием изгородей и дымокуров, после отела отпускали в приморскую тундру на вольный выпас, а осенью вновь «имали» (собирали) под зимний надзор. Ездили, впрягая одного оленя в повозку в виде лодки (*кережу*) (рис. 1), грузы перевозили на выючных оленях (*ташечных быках*) [Харузин, 1890, с. 104–108; Чарнолуский, 1930а, 1930b; Лукьянченко, 1971, с. 22–34, 59–62, 70–80; Хомич, 1999, с. 17].

Привнесенное на Кольский полуостров в конце XIX — начале XX в. из бассейна Печоры и Большеземельской тундры *ижемское оленеводство* сформировалось на основе заимствования коми-ижемцами у европейских самоедов (ненцев) кочевой оленеводческой культуры — от практики взаимодействия с северным оленем до мобильного образа жизни и основных компонентов кочевого быта (чум, одежда и обувь из оленьих шкур, упряжь и разные типы нарт, практики их запряжки и пр.) [Лашук, 1958]. Ижемским оленеводам были свойственны применение упряжки из 3–5 оленей и большое разнообразие нарт, меридиональная система кочевания по узким «коридорам» от тундры в лесотундру, четкие маршруты и частые перекочевки *райдами* (кочевыми оленными караванами) (рис. 1), круглогодичное окарауливание стад с использованием собаки-оленегонки и наемных пастухов. Отличительная особенность ижемского оленеводства — крупностадность и рыночный характер: освоив кольские тундры, мигранты коми-ижемцы стремительно нарастили размеры стад (от 300 до нескольких тысяч голов на семью) и наладили широкую торговую сеть сбыта продукции оленеводства (мясо, замшевые и меховые изделия), что позволило им занять доминирующее положение в системе кольского оленеводства [Конаков, Котов, 1991]. По свидетельству В.В. Чарнолуского, несмотря на конфликтные отношения лопарских и ижемских оленеводов из-за конкуренции за пастбища и негативное отношение местных (лопарских) пастухов к привнесенной (ижемской) системе выпаса молодое поколение лопарских оленеводов уже в 1920–1930-х гг. выучилось «пасти по-новому», т.е. по-ижемски [1930а, с. 44; 1930b, с. 27–31, 75].

В конце 80-х гг. XIX в. в Кольских тундрах обосновалось несколько семей европейских ненцев (самоедов). В основном они нанимались в качестве пастухов и работников к ижемским и русским владельцам больших оленьих стад [Чарнолуский, 1930b, с. 31, 40–42].

Рис. 1. Игрушки из костей оленя: ижемская *райда* и саамская *кережа*. Краеведческий музей (Ловозеро). Фото Е.В. Переваловой.

Fig. 1. Toys from the bones of reindeers: the Izhma *rayda* (reindeer sledgings) and Sami *cereja*. Local History Museum (Lovozero). Photo by E.V. Perevalova.

В советское время произошла трансформация кольского (как полукочевого саамского, так и кочевого ижемского) оленеводства. В основу колхозно-совхозной системы были положены коми-ижемская технология и практики оленеводства. Территории оленеводческих предприятий были разделены на бригадные «коридоры», тянущиеся от гор до морского побережья (с юга на север). Каждая бригада кочевала по своему маршруту, из года в год устанавливая чумы в одних

и тех же местах, что соответствовало ижемской системе кочевания с устойчивыми протяженными маршрутами-*вэрга*, обеспечивавшими максимальное использование пастбищных ресурсов и одновременно снижение нагрузки на пастбища при выпасе больших стад [Истомин, 2015, с. 17–25]. На лето (с июня до сентября) бригады вставали стойбищем на рыбных угодьях, а оленное поголовье окарауливалось сменяющимися пастухами, которые пешком или на упряжках выезжали в стада. В кольском оленеводстве сложился так «называемый *бесчумный* летний выпас оленей, в котором можно усмотреть саамский элемент в ижемской системе оленеводства» [Головнев и др., 2018, с. 278].

С 1960–1970-х гг. бесчумный выпас постепенно был вытеснен *полувольным* отпуском оленей после отела, чему способствовали специфика кольского ландшафта (узкая полоса приморской тундры), истребление хищников и возможность контроля движения стад с помощью изгородей. Широтные изгороди отсекали лесотундровую полосу (осенне-зимне-весенние пастбища) от тундровой (летние пастбища), блокируя отход стад «в лес», где собирать оленей проблематично. Меридианно-широтные изгороди препятствовали смешению бригадных стад. В 1970-х гг. на бригадных маршрутах были поставлены стационарные оленеводческие базы [Там же, с. 278–280].

А. Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«От леса огораживание — это давняя теория, если в лес стадо уйдет, оттуда оленей уже не достать. Еще в начале семидесятых годов стали строить изгороди. Отец мой принимал участие в той стройке. Как БАМ была масштабной эта стройка. Колхоз сам, на свои деньги, строил. Тогда вездеходов мало было, проволоку и столбы оленями возили. Наша изгородь начиналась от села Воронье и тянулась до Лев-озера».

С. Н. Галкин (саами, 1944 г.р., пенсионер, бывший оленевод 4-й бригады левого крыла СХПК «Тундра»):

«Полувольный выпас оленей еще в совхозных хозяйствах стали применять. К морю оленей отпускали, когда мой отец бригадиром был. Это в шестидесятых. Тогда пастухи через день на смену ходили».

А. Н. Юрьева (саами, 1934 г.р., пенсионерка, бывшая чумработница 6-й бригады колхоза «Тундра»):

«Мы ездили с мужем больше сорока лет по тундре... До 1970-го или 1971-го года были колхозы, затем — совхоз. Наш колхоз был очень богатый. Я работала чумработницей. Стада были большие: в каждой бригаде по 3–4 тыс. оленей, а в отельное время — до 5 тыс. голов. Платили хорошо. В колхозе оленевод и доярка были самыми богатыми людьми. Чум большущий в нашем, шестом, стаде. Тогда и бригады были большие. По 9 человек было пастухов-то, еще оленетехник, женщины да ребята. Полный чум народу!»

Ездили *райдами*. Юркаешь оленей сама (от *юркать* — «перемещать», «двигать», в данном контексте — «отбирать/отлавливать оленей на упряжку». — Е. П.). Загонись в юрки и запрягаешь. Когда снега нет, по шесть быков. Женские сани с будкой (традиционная нарта-кибитка. — Е. П.), там дети, а сама на полозе... Уля, потом Лена, Валя, Надя. Надя уже на возу сидела, в будку-то все не влазят. Еще четыре воза сзади было. Детей на санях подняли. Четыре дочери и два сына все выросли в малицах и тоборках (традиционной меховой одежде и обуви. — Е. П.).

В 1975 г. перестали ездить *райдами* и жить в чумах. К каждой бригаде прикрепили вездеход. На вездеходах стали перевозить весь скarb до баз: одна бригада — один большой чум. Совхоз обеспечивал чумы брезентами. На Шестую базу у Харловки приехали в 1964 году, там только один домик стоял, и одна лодка была. В корале осенью, когда просчет шел, с пяти часов пастухи на ногах. А после отела они больше чем на полгода в стадо уходили. Женщины на базе оставались с детьми. Сами рыбу ловили, раньше-то мы все на веслах... Считаю, все хозяйство на женщинах держалось. А сейчас у чумработницы все готовое, только вари или жарь, даже шить не умеют. Я не считаю их чумработницами!

Новые два дома и баня на базе были построены во времена совхоза. Тогда уже только по две чумработницы на бригаду было положено, остальных женщин, кто с мужьями ездил, перестали оплачивать, и то платили копейки. Женщин перестали оплачивать, дети перестали с семьями ездить в тундру, и пастухов не стало».

Переход к технологии изгородей и стационарных баз вместо круглогодичного кочевания сопровождался «снегоходной революцией». Снегоход появился в кольских оленеводческих бригадах относительно рано, еще в середине 1970-х гг. Прочно заняв позиции в транспортной схеме кольского оленеводства в конце 1990-х — первом десятилетии 2000-х гг., он обеспечил возможность мобильного контроля за стадом — «вахтовые» выезды пастухов на одну-две недели с ночлегами в избах и проживанием на базах во время коральных работ. Последствия растянутой по времени «снегоходной революции» для кольских оленеводов оказались серьезными — изменение инфраструктуры хозяйства, практик выпаса, деятельностных схем и режима работы оленеводов, включая разделение труда по функционально-транспортному признаку [Абрамов, 2015].

В 1990-х гг. произошел слом совхозной системы с ее организацией содержания коралей и забойных пунктов, сбыта и реализации продукции, вакцинации оленьего поголовья, снабжения и оплаты труда оленеводов. Как и в других российских оленеводческих регионах, пришедшие на смену ликвидированным оленеводческим совхозам сельскохозяйственные производствен-

ные кооперативы «Тундра» (с. Ловозеро) и «Оленевод» (с. Краснощелье) с трудом встраивались в процесс «рыночной реставрации». В отличие от Ямала на Кольском полуострове произошло не наращивание, а сокращение оленного поголовья, что значительно уменьшило нагрузку на пастбища и практически сняло вопрос об угрозах перевыпаса. Частное оленеводство здесь не сформировалось, поскольку численность личного поголовья была лимитирована уставами оленеводческих кооперативов (75–100 голов на одного пастуха). В этих условиях частная продажа продукции оленеводства работниками кооперативов была ограничена, прибыль обеспечивалась за счет разнообразия ассортимента (мясо, камусы, шкуры, панты, рогами) и относительной близости рынков сбыта [Кочевники Арктики..., 2015, с. 114–123].

Несмотря на масштабные изменения, кольские оленеводы и сегодня довольно гибко, в зависимости от обстоятельств, используют преимущества обеих — ижемской и саамской — систем выпаса оленей. В кооперативе «Тундра» и «Оленевод» сочетают саамский полувольный выпас с июня по ноябрь в тундровой зоне и управляемый коми-ижемский выпас с декабря по март в лесотундровой зоне. Установленные на границе природных зон широтные изгороди контролируют этот «переход», обеспечивая остановку и сбор стада, мигрирующего от Баренцева моря на юг. Снегоходы позволяют вахтовым методом с опорой на базы и избы осуществлять летний контроль за стадом, его сбор в осенний период и окарауливание в зимний. В бригадах оленеводческих предприятий доминируют ижемцы, продолжающие традиции многооленного товарного «тундрового капитализма», включающего эффективное воспроизводство поголовья, рациональный пастбищеоборот, разветвленную торговлю, совмещение производственных задач и персональных интересов [Головнев и др., 2018, с. 269, 278–304].

Весь этот внушительный комплекс советских и постсоветских трансформаций привел к утрате многих традиционных технологий и приемов выпаса, к изменению популяционного состава, структуры и организации стада, его поведенческих характеристик. Исследователи настаивают на том, что современное оленеводство Кольского полуострова, осуществляемое в основном в рамках крупных предприятий, где работают как ижемские (почти все пастухи СХПК «Оленевод» и 50 % СХПК «Тундра»), так и саамские (50 % СХПК «Тундра») оленеводы, «не имеет смысла делить на саамское и ижемское» [Konstantinov, Vladimirova, 2006, с. 174; Konstantinov, 2015, с. 560; Истомин, 2017, с. 18], и, поскольку и традиционное саамское, и традиционное ижемское претерпели глубокие изменения, в этой ситуации следует говорить о кольской технологической системе оленеводства, не выявляя этнических черт [Истомин и др., 2017]. Вместе с тем некоторая этническая специфика в этом глубоком оленеводческом миксе пока еще прослеживается, хотя во многом уже только в воспоминаниях старых оленеводов.

Олень и этничность

Местную, «лопарскую породу», или «дикейку», кольские оленеводы отличают от иных пород: и от дикаря, и от «пришлого» одомашненного оленя. У оленей этой масти тело и шея длинные, ноги тонкие и высокие, зад круглый, шерсть гладкая «красная» (светло-коричневая), режа — серая или белая (рис. 2). Саами ценят оленя лопарской породы более других за быстрый ход. По их мнению, лопарский олень свободолюбив и если потеряется, то непременно вернется в стадо через год-другой. Эти отличительные экстерьерные и поведенческие характеристики лопарского оленя в ярких выражениях были описаны В.В. Чарнолуским: «истинно дикарского роду», «ход у него быстрый, в работе горяч и поэтому летом возить сани по земле не может», он менее «ручной», чем олень самоедской породы, ему «нужна вольная жизнь». По преданию, чтобы не стеснять оленю «вольность», пастухом «особого оленьего божества» всем лопарям была запрещена пастьба оленьих стад летом [Чарнолуский, 1930а, с. 24–25].

Так называемая «черная масть», или, как ее еще именуют, «печорская»/«самоедская», была приведена на Кольский полуостров ижемцами и ненцами. По мнению саамов, олени этой породы «не имеют выраженного характера», или, как писал тот же Чарнолуский, — «своей физиономии и индивидуальности». Вместе с тем уже в 1920–1930-х гг. лопарские стада на 1/5 состояли из оленей черной масти и значительного числа оленей смешанной, лопарско-самоедской, породы [Чарнолуский, 1930а, с. 24–25]. Тем не менее и в сегодняшнем диалоге оленевода-саами и оленевода-ижемца прослеживаются явные предпочтения.

А. Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Дикейка — это коми название, а масть чисто лопарская. Она более светлая, более крупная. Я был в Швеции, там большинство оленей дикейской масти, но их олень намного мельче нашего. А черную масть (прямо как цыгане!) коми пригнали с востока. Были и другие масти, но их повывели. Ворончане (бывшие

5-я и 10-я бригады совхоза «Доброволец», базировавшегося в селе Воронье.— *Е. П.*), например, держали особую масть, которую из-за длинной шерсти прозвали «медведь». А сейчас все перемешалось. Чистая масть встречается редко, потому что тащат на забой что под руку попадет. Белый и приметный (с пятном на боку, например) или дикейской масти — оставляй, таких легко отследить».

Рис. 2. Лопарский олень (детский рисунок) [Чарнолуский, 1930а, с. 31].

Fig 2. Loparskaya reindeer (the child's drawing).

В.К. Филиппов (коми-ижемец, 1966 г.р., начальник левого крыла СХПК «Тундра»):

«Оленеводческую культуру на Кольский полуостров принесли коми. Саамы-то раньше за дикими стадами ходили. Дикари кочуют — лопари следом идут. И мясо рядом, и рыба...

Дикого оленя издали видно. У него цвет шерсти другой и шея длинная. Голову вверх поднимает и сразу убегает... У саамов же преобладала *дикейка* — местный олень красной масти. Помнишь, Гаврилка, как твой брат Боря любил *дикейку*? Он не просто так ее любил. Олень этот крупный, ход у него быстрый. Свой характер у него есть, да? Но я не люблю *дикейку* — своенравный олень. Мы стараемся ее вывести, у нас *печорская порода* преобладает, черная масть. Белые и пестрые — это тоже *печора*.

В 9-й бригаде раньше держали чисто саамскую породу. Были у них еще *пыжымыли* — пестрые длинноволосые быки, очень крупные. Ижемцы четверку или пятерку оленей запрягали, а девятистадники на двойках ездили. Олени у них большие, как лоси... Пастухи «девятки» получали очень хорошие деньги с забоя».

По наблюдениям В.В. Чарнолуского, лопари довольно быстро перешли на ижемскую круглогодичную систему выпаса стад. Хотя, как они считали, такая система лишала оленя свободы. Вытеснение саамского ижемским, смешение саамского и ижемского в кольском оленеводстве происходило и происходит не только на уровне борьбы за «красную» или «черную» масти. Так или иначе эти процессы можно наблюдать во всех сферах оленеводческой культуры — будь то транспорт (рис. 3), жилище, одежда и язык. Как отмечают саами-олeneводы, особенно активно вытеснение саамского языка из оленеводческой среды происходило в смешанных, т.е. ижемско-саамских, бригадах, а также в саамских бригадах, где бригадирами назначались коми-ижемцы. Сегодня даже местные (саамские) топонимические названия практически повсеместно заменены ижемскими.

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Коми-технология выпаса отличалась от нашей. У них более жесткая технология, стадо держат более скудно. Это выбивает кормовую базу, и олени не так упитанны, как на воле. У нас-то полувольный выпас, мы и зимой более вольно стада держали. Нынче от саамского оленеводства практически ничего не осталось. Теряем все — дикарскую масть, культуру, язык... Раньше левое крыло — это чисто саамские бригады, коми почти не было. Когда проходили коральные работы, клейма и масть — все по-саамски кричали, а сейчас только по-коми. Переход с языка на язык произошел после перестройки (этот бардак никого не обошел стороной, в том числе и наше оленеводство!). Но началось все еще в семидесятых годах, когда бригадирами стали назначать ижемцев. Они все в оленеводстве на коми лад переделали: клейма кричат на коми, многие географические названия сейчас существуют только на коми, на саамский язык уже никто не хочет вернуться».

А.Н. Юрьева (саами, 1934 г.р., пенсионерка, бывшая чумработница 6-й бригады колхоза «Тундра»):

«В 4-й и в 6-й бригадах общались только по-саамски. 7-я бригада была смешанная, там и по-коми, и по-саамски говорили. Сейчас мало кто из молодых по-саамски знает. Но я и сейчас дома я с детьми только по-саамски говорю, так как-то быстрее соображаю...».

Рис. 3. Оленевод-саами на ижемской упряжке. Ловозерская тундра. Фото Ю.С. Коньковой, 2015.

Fig 3. Sami reindeer herder on the Izhma sled. Lovozero tundra. Photo by J.S. Konkova, 2015.

Олень и география

В 1970-х гг. оленеводческие хозяйства Кольского полуострова вернулись к полувольному летнему выпасу стад. При этом срок «вольного» пребывания оленей в приморских тундрах постепенно увеличился — с двух месяцев до пяти. В постсоветское время такая свобода обернулась немалыми потерями поголовья из-за отстрела домашних оленей браконьерами. Вероятно, отсюда особая ностальгия старшего поколения по временам, когда стада круглый год «держали в руках». Но в бригадах даже при нынешней *вахтовой* схеме окарауливания не «хватает рук», поскольку число пастухов ежегодно сокращается. Отсутствие постоянного контакта оленевода со стадом сказывается на численности, на поведенческих моделях и характеристиках оленного поголовья.

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г. р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«В наши времена летовали на Вайкис-вун и Сыд-вей... Наша база с основательными постройками была поставлена в 1967 г. Зимой туда завозили строй материалы и продукты. Женщины, начиная с 1970-х гг., когда базы появились, перестали кочевать: в апреле их увозили на базу, а в декабре привозили обратно в поселок. С собой даже овец брали, в поселке-то не оставишь. А до этого чумами кочевали с семьями, как табор цыганский. Но на юг, на зимние пастбища, мужчины ходили без женщин. Посменно в горах жили. Но это уже когда совхоз был. Зимой женщины работали в пошивочной мастерской, а мужчины на пастбищах посменно жили в *куоксах* (переносное каркасное жилище наподобие чума. — Е. П.). На отеле 1,5 месяца мужчины тоже в *куоксах*. Между сменами можно было и до базы съездить, расстояние не очень большое, 10–15 км. А вот к морю, конечно, хозяйством ходили, тогда стадо-то было круглый год под руками. Пастухи, что на самое побережье шли, тоже с собой *куоксы* брали. Ездовых оленей можно было в любой момент отловить. А сейчас стадо собрать невозможно. Олени слишком долго на воле, пять месяцев (в начале июня отпускают и со снегом, в октябре, собирают), а раньше самое большое — два с половиной месяца стадо без пастуха».

В.Г. Хатанзей (ненец, 1966 г.р., рабочий оленцеа, бывший оленевод 8-й бригады правого крыла СХПК «Тундра»):

«Финны рассказывали, что уже лет тридцать стада собрать не могут, после того как полувольный выпас ввели. Мы тоже в семидесятых годах на полувольный выпас перешли, но я-то помню, как в руках держали круглый год. Стада были более смирные, пастуха знали. В руках держать, конечно, надежнее».

Исследуя эту ситуацию, К.В. Истомин приходит к выводу, что модель поведения оленя как наследуется, так и приобретается (формируется и видоизменяется под влиянием внешних факторов, таких как изменение окружающей среды, воздействие человека и пр.). Поведенческие традиции оленя весьма устойчивы: выросшие в различных технологических системах оленеводства олени ведут себя по-разному, «с нарушением механизма передачи поведенческой традиции (из-за смешения между собой животных с разными моделями поведения молодое поколение оленей оказывается не в состоянии усвоить определенную поведенческую традицию)».

Человек и олень сохраняют «высокий уровень адаптивности друг к другу», отношения их динамично-пластичны (изменение поведения стада ведет за собой изменение поведения пастуха, и наоборот), на этом основываются используемые оленеводами приемы поиска и сбора оленьих стад, стратегии и технологии выпаса в разные периоды годового цикла. Разрушение поведенческих традиций стада (оленья) затрудняет многие оленеводческие операции [Истомин, 2017].

Структурные переформатирования оленеводческих хозяйств в постсоветское время, в ходе которых в одном стаде оказались олени не только из разных бригад, но и разных оленеводческих предприятий, обладавшие разными поведенческими моделями и ориентированные на разные локальные природно-ландшафтные условия, сыграли заметную роль в изменении поведенческих характеристик оленного поголовья. По этому поводу старые оленеводы сетуют, что «стада испорчены» и «олени географию не держат».

А. Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Почему сейчас олени географию (землю) не держат? Стада нынче испорчены — смешанные из разных бригад и даже совхозов. Олени-то становятся как блудные, они не знают своих маршрутов миграций. Важенка с одной бригады, а в стаде олени с другого крыла. Важенка со стадом уходит, а ее теленок после клеймения без матери остается. Раньше-то оленят клеймили возле матери, такой не пойдет гулять на другую землю, ему уже природой определено, по какому маршруту следовать. Это так же как семгу искусственно оплодотворяют, а затем мальков пускают, но из них только единицы приходят обратно, они все блудные. Так и олени...».

Олень, собака и снегоход

Многие традиционные технологии и приемы выпаса основаны на природных инстинктах оленя. Так, ориентируясь на инстинктивное вращение стада в случае опасности, кольские оленеводы умели «крутить стадо». Закручивание, или так называемая *вольная тандара*, использовалось для отлова быков на упряжки и молодняка во время маличных забоев. «На вольной» в одной связке работали человек, собака и оленья упряжка (позже — снегоход). Стадо намеренно загоняли на открытое возвышенное место, закручивали, а затем необходимое количество оленей отлавливали арканами. Собаки и упряжки удерживали стадо, не позволяя оленям вырваться за пределы круга.

В. Г. Хатанзей (ненец, 1966 г.р., рабочий оленцеа, бывший оленевод 8-й бригады правого крыла СХПК «Тундра»):

«Раньше пойдут к морю, оленей закрутят, арканами выловят быков, упряжки уже есть... Зимой тоже на гору загонят и закрутят — *вольная тандара*, без ограждений. Закрутил-закрутил и лови: внутрь круга пара человек заходит и арканит. С внешней стороны стоят два-три человека с собаками. Олени-то наши раньше собачек слушались. А сейчас попробуй так закрутить».

А. Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Раньше оленей не загоняли в проволоку и в корали, обычно на *вольной* ловили — выбирают гору плоскую, чтобы на вершине можно было крутить оленей собачкой или упряжкой, если снег есть — снегоходом. Два-три человека ловят, два-три на обороне стоят. Если олень выбегал из круга, пускали собаку. Оленевод без собаки — это только пятьдесят процентов оленевода. Сейчас стада не могут крутиться, отучены от этого, их невозможно собрать, невозможно на упряжку оленей ловить...».

Ныне все работы с оленним поголовьем (клеймение, просчет, кастрация, отделение забоя, вакцинация) проводятся исключительно в проволочных *тандарах* (специальных обнесенных проволочным ограждением местах) или коралах (стационарных ограждениях с загонными «крыльями», системой рабочих камер, бригадных и забойных отсеков, просчетной вышкой). Их строительство и обслуживание требуют особых знаний и навыков. Для сооружения корала на базе Помосе начальник левого крыла кооператива «Тундра» В. К. Филиппов специально приглашал стариков, но даже под их руководством правильно поставить ограждение получилось не с первого раза — «не шли олени в кораль».

В. К. Филиппов (коми-ижемец, 1966 г.р., начальник левого крыла СХПК «Тундра»):

«Раньше у каждой бригады было несколько *тандар*. Функционально они отличались: в одной маличный забой проходил, в другой — кастрация. Правильно найти место и поставить *тандару* — большое искусство. Я специально привозил стариков, чтобы смотрели, какие крылья делать, где расширить. Бывает, сделал *тандару*, а олени туда не идут».

Работа в *тандаре* и корале также требует особого умения.

А. Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Сегодня многие оленеводы даже аркана не имеют, не то что собаку приучить. В *заборе* (корале. — Е. П.) и то поймать оленя не могут. Позор! В старое время пацаны на баранах учились арканы бросать. Наши олени

мощнее финских. Кольскую трехлетку попробуй побороть, а я легко брал — за рог и на лопатку. А сейчас молодые пастухи теленка вдвоем держат, когда рога пилят, а он их таскает как дохлых лохов. За челюсть и за рог надо брать, а крупного — за челюсть и за пах. Когда эти все коммерческие дела начались, новые русские покупали оленей, думали все просто, стадо как овечки, чего не ловить-то. До смешного доходило — 1-я бригада как-то нанимала умельцев из 8-й бригады ловить быков, чтобы на период отела набрать упряжки».

К утрате многих традиционных технологий и приемов выпаса причастен снегоход. Сегодня использование оленьей упряжки кольскими оленеводами сократилось до одного месяца в году. Оленей запрягают ранней осенью и поздней весной, когда мало снега и движение на снегоходах невозможно. Появившись на Кольском полуострове в 1970-х гг., снегоход почти полностью заменил оленью упряжку и все более активно вытесняет собаку-оленегонку (рис. 4).

С.Н. Галкин (саами, 1944 г.р., пенсионер, бывший оленевод 4-й бригады колхоза «Тундра»):

«В совхозных хозяйствах оленей к морю стали отпускать еще в конце шестидесятых... Через день на смену ходили. Сентябрь — октябрь на упряжках, пока болота и озера не застынут. На оленях хорошо, стадо не так пугается. Потом до весны, пока снег не начнет таять, стадо на *буранах* (снегоходах «Буран». — Е. П.) держали».

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Пастухов осталось мало, а опытных тем более. Сейчас большинство пастухов пасут оленей в тундре снегоходом, обученных собак не найти. На снегоходе объехал стадо кругом, и собаку пускать не надо».

Рис. 4. Движение оленьего стада. Ловозерская тундра. Фото А.В. Головнева, 2015.

Fig. 4. Moving of the reindeer herd. Lovozero tundra. Photo by A.V. Golovnev, 2015.

Оленья беспризорность и приемы контроля за стадом

Уход из оленеводческих практик традиционных технологий и приемов выпаса повлиял на поведенческие характеристики и организацию стада. Особую роль в этом сыграли изменения в проведении кампании отела и клеймения (конец апреля — май). Традиционное клеймение «из-под важенки» и «из-под хорей», как поясняют старики, обеспечивало совместное пребывание телят и важенок в течение года, практически до появления нового приплода. Переход на клеймение в проводочных *тандарах* и коралях разорвал эту связь и привел к заметным потерям молодняка.

А.Н. Юрьева (саами, 1934 г.р., пенсионерка, бывшая чумработница 6-й бригады колхоза «Тундра»):

«Раньше-то уже в марте прекращали гонять стадо собаками, чтобы выкидышей не было. А сейчас важенок стельных в кораль загоняют, где это видано! Бригада жила в чуме при стаде.

Бригадир следит за клеймением, весь день на ногах. Клеймили строго около матери. Падежу было намного меньше. Молодые пастухи вечером сядут чай пить, «срезанные ушки» (фрагмент уха при вырезании фигурной метки. — Е. П.) считают, у кого больше. Ушки в кармане носили, старались не терять».

Традиционная технология клеймения новорожденных телят в нынешних условиях нехватки пастухов невозможна, но в воспоминаниях старшего поколения она рисуется как главный регулятор весеннего прироста стада.

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Раньше клеймили *из-под важенки* и *из-под хорея*. Маточное стадо выпускали кормиться... Оно, как якорь, тяжелое, быстро двигаться не может. Кормежка 3–4 часа, затем олени ложатся часа на четыре. На смене 2–3 человека, один *перед* стада караулит, другой *сзади* идет, где молодой родится. После очередной лежки *перед* стада отпускают. Родившие за время отдыха *важенки* с телятами остаются на месте, а основное поголовье уходит вперед. В это время пастух идет или едет на упряжке и режет уши. Которые шустрые оленята, вскочат, его хореом к земле придавят и клеймят. По *важенке* режут уши.

В совхозное время после отела загоняли в проволочную *тандару* и там клеймили. Сразу новорожденных телят клеймили, чтобы другие не пометили. Принцип действовал — кто собрал, того и телята, постоянные трения из-за этого с соседями происходили. Можно у соседа прибрать — одна бригада сильная, другая слабая, первый перехватил и за счет соседа стал передовиком, а руководству только бы план был. А сегодня другой подход: у нас Филиппов дирижирует, чтобы у бригад телят вровень было».

С.Н. Галкин (саами, 1944 г.р., пенсионер, бывший оленевод 4-й бригады колхоза «Тундра»):

«Клеймили *из-под хорея* и *из-под важенки*. Важенка своего теленка знала, он всегда при матери, куда она, туда и теленок. Такой теленок сто процентов выживет. Зимой мать и снег для него разроет, чтобы легче до ягеля добраться. Теленок возле матери кушает. В *тандаре* клеймят сначала одной бригаде, потом другой, без разбора, чей теленок, от какой *важенки*. Важенка уже за 30 км ушла, а теленок здесь как беспризорный, всю зиму без матери».

Г.Е. Кирилов (саами, 1944 г.р., оленевод 6-й бригады левого крыла СХПК «Тундра»):

«До 1991 года телят клеймили *из-под хорея* и *из-под важенки*. Потом был перерыв в 10 лет, клеймили только осенью, после сбора стада. Лучше сразу клеймить, при матери. Рядом с матерью большее выживание. В *тандаре* уже не узнаешь, чей теленок, кто хозяин».

Утрата традиционных технологий и приемов выпаса в определенном смысле обезличила стадо. В упомянутых работах Чарнолуского, например, говорится о разделении стада по половозрастному, «производственному» и «религиозному признакам», а также о типичных «олених личностях» [1930а, с. 45–46, 48–49, 53–57]. А «личность» — это не только, как говорят старики, *важенка*, хорошо знающая тундру и ведущая стадо, «куда память держит», и не только «приметные» олени или «олени, идущие обыкновенно впереди или сзади стада», по присутствию которых опытные оленеводы определяют, что все стадо в сборе. Тут и «хлебоеды» (прикормленные, прирученные к хлебу), и «ручные» (прирученные, не боящиеся человека), и «колоколовые» (вожаки, на которых надевается нашейный колокол-ботало) — особая когорта, игравшая важную роль в общем контроле за движением стада (рис. 5).

Рис. 5. Приметные олени (колоколовый и белошерстный). Ловозерская тундра. Фото А.В. Головнева, 2015.
Fig. 5. Notable reindeers (with the bell and with the white skin). Lovozero tundra. Photo by A.V. Golovnev, 2015.

Трансформация традиционных технологий и приемов выпаса оленей на Кольском полуострове...

А. Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«У нас-то очень много было хлебоедных быков. Это тоже труд. Пастухи знали, кто из оленей в их стаде обычно впереди идет, а кто сзади, если эти олени на месте, значить, стадо в сборе. А сейчас олени слишком долго на воле (в начале июня отпускают, а собирают только снегом, в октябре), пять месяцев, а у нас самое большое — два с половиной».

Традиционные навыки выпаса теряют и стадо, и оленеводы. Например, один из утраченных ныне способов ведения стада, так называемое хоканье, требовал особой сноровки пастуха и выучки оленя.

В. Г. Хатанзей (ненец, 1966 г.р., рабочий оленцеа, бывший оленевод 8-й бригады правого крыла СХПК «Тундра»):

«Раньше олени знали человека, много смирных было, а потом стали в забой бить всех без разбора, выбили смирных-то, остались полудикие. На упряжке, особенно после лета, подъезжаешь к стаду, а олени врассыпную. День-другой поводишь, только потом чуть привыкают. Старики, чтобы вести стадо, *хокали* — привязывали смирного быка на длинную веревку к упряжке и вели. Следом, смотришь, одна важенька пошла, вторая... Мы как-то попробовали — не получилось».

С. Н. Галкин (саами, 1944 г.р., пенсионер, бывший оленевод 4-й бригады колхоза «Тундра»):

«Для ведения стада использовали особый прием — *хоканье*. К упряжке привязывали быка. Пастух медленно начинал движение и покрикивал: “Хок, хок”. Все стадо поднималось за ними следом. С *пятки* (сзади. — Е. П.) стадо собака или другая упряжка гонит. У меня один такой олень был. Таким же образом стадо в кораль загоняли. А сейчас все нахрапом, снегоходом гонят. Без снегохода молодые пастухи работать не будут. Олени одичали. Все погубили. Старики уйдут и не будет оленеводства».

Изменения системы кольского оленеводства, произошедшие вследствие срастания привнесенной самоедско-ижемской кочевой культуры с саамской полукочевой «избной», а затем советской колхозно-совхозной трансформации традиционного оленеводческого хозяйства и развертывания «снегоходной революции», привели к утрате многих традиционных технологий, приемов выпаса и контроля, изменению популяционного состава, структуры и организации стада, его поведенческих характеристик. Особенно глубокое воздействие процессы трансформации оказали на традиционную саамскую оленеводческую культуру, практически разрушив ее, что сегодня вызывает болезненные воспоминания и реакции ее последних носителей. Традиции безвозвратно уходят: старые оленеводы сетуют, что «стада испорчены», «олени географию не держат», ушли в прошлое «клеимение из-под важенок» и «клеимение из-под хорей», «вольные тан дары» и «хоканье», молодые пастухи «собаками работают мало» и «скоро арканы бросать разучатся». Вытеснение саамской составляющей продолжается на уровне предпочтения разводимых «пород» оленя, ухода саамского языка и саамской топонимии из оленеводческой среды.

Хотя возвращение к полувольному выпасу стад и переход к вахтовой схеме окармливания оленного поголовья в постсоветское время дали возможность экономически возродиться оленеводческой отрасли и способствовали более комфортному образу жизни оленеводов, оленеводство ныне не считается престижной профессией среди молодежи, как это было в период расцвета колхозов и совхозов. Бригады вынуждены объединять стада, чтобы оптимизировать трудозатраты, пренебрегая традиционными технологиями и приемами выпаса («в общем, не до стариковских методов!»). «А оленеводство — дело тонкое, — считает Игорь Степанович Чупров, работающий в оленеводческой бригаде с 14 лет. — Кому-то суждено Богом знать оленей, кому-то нет: Бог дал знать, и знаешь, а другой оленевод всю жизнь проработал, но так и не понял оленя». Будучи на пенсии, он продолжает работать пастухом в оленеводческой бригаде СХПК «Тундра» и очень переживает, что его сын «отказался от оленеводства» и уехал из Ловозера, хотя, по словам заслуженного оленевода, «на Празднике Севера он всегда занимал призовые места». В оправдание такого выбора старик добавляет, что, оставив родные места, его сын «постоянно смотрит новости про оленеводов в Интернете, переживая за пастухов и оленей».

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00309).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов И. В. Оленеводы Кольской тундры: Локальные особенности снегоходной революции // УИВ. 2015. № 2 (47). С. 26–32.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: Проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

- Головнев А.В. Кочевье, путешествие и нео-номадизм // УИВ. 2014. № 4 (45). С. 121–126.
- Головнев А.В., Куканов Д.А., Перевалова Е.В. Арктика: Атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 352 с.
- Истомин К.В. Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: Снегоходная революция и рыночная реставрация // УИВ. 2015. № 2(47). С. 17–25.
- Истомин К.В. О динамике культуры оленей на Кольском полуострове // УИВ. 2017. № 2(55). С. 16–24.
- Истомин К.В., Лискевич Н.А., Уляшев О.И. Коми-ижемское оленеводство: Этнические инварианты и локальные традиции // Вестник антропологии, археологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 114–125.
- Клоков К.Б., Хрущев С.А. Этноэкологическая оценка устойчивости традиционного оленеводческого хозяйства Мурманской области // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2013. № 32. С. 200–204.
- Конаков Н.Д. Становление крупнотабунного оленеводства на Кольском полуострове // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Труды ИЯЛИ. Сыктывкар: Коми филиал УрО РАН СССР, 1986. Вып. 37. С. 42–56.
- Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 232 с.
- Конаков Н.Д., Котов О.В., Рочев Ю.Г. Ижемские коми на Кольском полуострове. Серия претендентов «Научные доклады». Вып. 99. Коми филиал АН СССР, 1984. 52 с.
- Кочевники Арктики: Текстово-визуальные миниатюры / А.В. Головнев, Е.В. Перевалова, И.В. Абрамов, Д.А. Куканов, А.С. Рогова, С.Г. Усенюк. Екатеринбург: Альфа Принт, 2015. 142 с.
- Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края: Опыт историко-этнографического исследования. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. 199 с.
- Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца 19 — 20 вв. М.: Наука, 1971. 167 с.
- Харузин Н.Н. Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта). М.: Известия ИОЛЕАЭ, 1890. 472 с.
- Хомич Л.В. Саамы. Сер. Народы Севера и Дальнего Востока. СПб.: Просвещение, 1999. 92 с.
- Чарнолуцкий В.В. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей // Кольский сборник: Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы коми экспедиционных исследований. Сер. Северная. Л.: Изд-во АН СССР, 1930а. С. 23–70.
- Чарнолуцкий В.В. Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л.: ГРГО, 1930b. 176 с.
- Konstantinov Y. Conversations with Power: Soviet and post-Soviet developments in the reindeer husbandry part of the Kola Peninsula. Uppsala: Uppsala University, 2015. 417 p.
- Konstantinov Y., Vladimirova V. The Performative Machine: Transfer of Ownership in a NW Russian Reindeer Herding Community (Kola Peninsula) // Nomadic Peoples. New Series. Vol. 10. № 2. 2006. P. 165–185.

Perevalova E.V.

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS
Universitetskaya Naberezhnaya, 3, St. Petersburg, 190034, Russian Federation
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru

Transformation of traditional reindeer herding technologies and pasturing practices on the Kola Peninsula in the 20th — early 21st century

The purpose of the article is to give an accent presentation of the transformation of technologies and techniques of reindeer grazing and value attitudes of the Kola reindeer herders in the 20th — early 21st century from an ethno-cultural perspective. The paper is based on the materials of the 2018 expedition to the Kola Peninsula. On the basis of using a system-analytical approach, the paper is structured as a narrative discourse, where the “floor” is given to the Kola reindeer herders themselves. As the studies show, the changes in the Kola reindeer husbandry brought about by the merger of the nomadic Samoyed-Izhem Culture, introduced to the Kola peninsula in the late 19th — early 20th century, with the semi-nomadic “cabin” Saami herding style, as well as by the Soviet period collective and state farm transformation of the traditional reindeer husbandry and the unfolding “snowmobile revolution” (the use of the reindeer sled has been reduced to one month in a year), have led not only to the loss of numerous traditional reindeer herding technologies, pasturing practices and herd control, but also to significant changes in the population composition, structure, and organization of the behavioral characteristics of the herds. Today, the Komi-Izhem reindeer husbandry is dominant in the Kola region. However, despite the major changes, the Kola herders are still quite flexible in using, depending on the circumstances, the advantages of both the Izhem and the Lapp reindeer husbandry systems. The return to the semi-free herds ranging practices and transition to rotational organization of reindeer herd tending in the post-Soviet period stimulated the economic revival of the herding industry and added more comfort to the reindeer herders' lifestyle, although the reindeer herding is not considered a prestigious occupation among young people. Rethinking the older generation's life

experiences, together with the more critical perception of today's realities, is an indication of changes within the system of ethnic values, which formerly, in a sense, supported both the individual and collective identities of the Saami and Komi-Izhem ethnies. The transformation processes have had a particularly profound impact on the traditional Saami reindeer culture, almost destroying it, which causes painful memories and reactions of its last bearers. Displacement of the Lapp component is carried forward in the choice of preferred deer breeds and disappearance of the Saami language and Saami toponymy from the reindeer herding context.

Keywords: reindeer herding, Saami (Lapps), Komi-Izhem, Kola Peninsula, technologies, traditions, novations, the late 19th — early 20th century.

Funding. This work was supported by the grant from the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00309).

REFERENCES

- Abramov, I.V. (2015). Reindeer herders of Kola Peninsula: Local peculiarities of the snowmobile revolution. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 47(2), 26–32. (Rus.).
- Brokmeier, I., Kharre, R. (2000). Narrative: Problems and Promises of an Alternative Paradigm. *Voprosy filosofii*, (3), 29–42.
- Charnoluskii, V.V. (1930a). Notes on grazing and organization of herds of the Lapps. In: *Kol'skii sbornik: trudy antropologo-etnograficheskogo otriada Kol'skoi ekspeditsii. Materialy komi ekspeditsionnykh issledovaniy. Seriya Severnaia*. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Charnoluskii, V.V. (1930b). *Materials on the life of lapps. Experience in determining the nomadic state of lapps in the eastern part of the Kola Peninsula*. Leningrad: GRGO. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (2014). Migration, Travel, and neo-nomadism. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 45(4), 121–126. (Rus.).
- Golovnev, A.V., Kukanov, D.A., Perevalova, E.V. (2018). *Arctic: Atlas of Nomadic Technologies*. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii RAN. (Rus.).
- Golovnev, A.V., Perevalova, E.V., Abramov, I.V., Kukanov, D.A., Rogova, A.S., Usenjuk, S.G. (2015). *Nomads of the Arctic: Text and visual miniatures*. Ekaterinburg: Alfa Print. (Rus.).
- Haruzin, N.N. (1890). *Russian Lapps (Essays on the past and modern life)*. Moscow: Izvestiia IOLEAE. (Rus.).
- Istomin, K.V. (2015). Nomadic mobility of Izhma-Komi reindeer herders: Snowmobile revolution and market restoration. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 47(2), 17–25. (Rus.).
- Istomin, K.V. (2017). On the dynamics of reindeer culture on the Kola Peninsula. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 55(2), 16–24. (Rus.).
- Istomin, K.V., Liskevich, N.A., Ulyashev, O.I. (2017). Komi-Izhma reindeer herding: Ethnic invariants and local traditions. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 39(4), 114–125. (Rus.).
- Khomich, L.V. (1999). Sami. Series "Peoples of the North and Far East". St. Petersburg: Prosveshchenie. (Rus.).
- Klovov, K.B., Khrushchev, S.A. (2013). Ethno-ecological assessment of the sustainability of the traditional reindeer husbandry of the Murmansk region. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, (32), 200–204. (Rus.).
- Konakov, N.D. (1986). The rise of large-herd reindeer herding on the Kola Peninsula. In: *Traditsii i sovremennost v kulture selskogo naseleniya Komi ASSR*, 37. Syktyvkar: Komi filial UrO AN SSSR, 42–56. (Rus.).
- Konakov, N.D., Kotov, O.V. (1991). *Ethnoareal groups of Komi: Their formation and modern ethnic and cultural situation*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Konakov, N.D., Kotov, O.V., Rochev, Yu.G. (1984). *Izhma Komi on the Kola Peninsula*, (99). Syktyvkar: Komi filial UrO AN SSSR. (Rus.).
- Konstantinov, Y. (2015). *Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in Thereindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula*. Uppsala: Uppsala Universitet. (English).
- Konstantinov, Y., Vladimirova, V. (2006). The Performative Machine: Transfer of Ownership in a NW Russian Reindeer Herding Community (Kola Peninsula). *Nomadic Peoples. New Series*, 10(2), 165–185.
- Lashuk, L.P. (1958). *An essay on the ethnic history of the Pechora region: An attempt of a study in historical ethnography*. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatelstvo. (Rus.).
- Luk'ianchenko, T.V. (1971). *Material culture of the Sami of the Kola Peninsula in the late 19th and 20th centuries*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Перевалова Е.В., <https://orcid.org/0000-0002-9480-715X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Романова Е.Н.^{a, b}, Степанова Л.Б.^{a, *}

^a Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027

^b Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики»
ул. Белинского, 58, Якутск, 677000

E-mail: e_romanova@mail.ru (Романова Е.Н.); solo007_79@rambler.ru (Степанова Л.Б.)

АНТРОПОЛОГИЯ БОЛЕЗНИ. ПО СЛЕДАМ ЭПИДЕМИЙ ПОЛЯРНОГО КРУГА: ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И.С. ГУРВИЧА

Представлена интерпретация визуального образа эпидемий в традиционном мировоззрении коренных народов Якутии. На примере локальных представлений о болезнях и лечении в разных этнических общностях Северной Азии (якутов, эвенов, юкагиров) анализируется сложный социокультурный феномен, сформировавшийся в XVII в. в результате исторических контактов местных и пришлых культур. Методологической новацией настоящей статьи является «когнитивный» поворот в изучении колониальных болезней в русле их восприятия и переживания человеческими сообществами.

Ключевые слова: история эпидемий, коренные этносы Северо-Востока России, антропология болезни, здоровьесберегающие народные практики, персонаж и образ болезни, семантика и ритуальный контекст.

Введение

В истории Северо-Востока России массовые эпидемии стали судьбоносными для многих этнических сообществ северного кочевого мира, уничтожив за сравнительно короткий период якутские, юкагирские, эвенские и чукотские роды. Структура народных знаний, включающая систему обрядовых действий при эпидемиях, внезапно актуализировалась в связи с пандемией коронавирусной инфекции в 2020 г. В статье рассматривается опыт изучения антропологии болезни, а также системы сохранения жизни и здоровья локальных северных сообществ на фоне советского дискурса. Исследования телесности в контексте болезни и здоровья в рамках ментальных и знаково-символических измерений народов Северной Азии, реализующих свой креативный адаптивный механизм, востребованы в мировой науке в условиях глобальных эпидемических вызовов. Целью настоящего исследования является репрезентация системы сохранения жизни и здоровья локальных северных сообществ и их духовного опыта при социальных, эпидемических и климатических катастрофах.

Система обрядовых действий при эпидемиях в структуре народных знаний коренных народов Севера всегда вызывала интерес исследователей. Методологический «прорыв», произошедший со сменой идеологической парадигмы в российской этнографической науке в 1990-е гг., открыл возможности для развития медицинской антропологии в России. В 2005 г. при Институте этнологии и антропологии РАН (г. Москва) была создана группа медицинской антропологии под руководством В.И. Харитоновой [Харитонов, 2015, с. 5]. Анализируя специфику сибирского неошаманизма, в том числе новые формы неошаманских практик (религиозные организации шаманов), а также проблемы болезни и врачевания в культурном и социально-экономическом контексте, исследователи отмечают, что местные магико-религиозные целители, шаманы, действуют в социуме в качестве психотерапевтов [Михель, 2015, с. 220]. Констатируются тенденции ревивализма, основанного на психофизиологических особенностях тех лиц, которые тяготеют к шаманской деятельности [Харитонов, 2003, 2009]. В исследованиях А.М. Григорьевой подчеркивается право коренных народов на сохранение практики народного врачевания в современном обществе [2012, с. 5]. В трудах Т.В. Пашковой, М.М. Содномпиловой и Е.П. Батяновой, посвященных исследованию здоровья коренного населения Сибири и Русского Севера, актуализировано изучение эпидемий и их визуализирование в разных культурных традициях с учетом этнической специфики этих народов [Пашкова, 2016; Содномпилова, 2016, 2017; Батянова, 2018].

В зарубежной историографии современные специалисты по медицинской антропологии фиксируют устойчивый интерес к мировому опыту неинституционализированных небиемедицин-

* Corresponding author.

ских традиций. Изучение медицинских систем обществ, которые не входят в авангард индустриального и постиндустриального секторов мира, стал предметом исследования начиная со второй половины 1980-х гг. [Ohnuki-Tierney, 1984]. Заметное разочарование от организации азиатской медицинской системы и западной холистической медицины заставляет обращаться к методам этнографического исследования целительных практик [Rashid et al., 2015, p. 12]. Зарубежные исследователи, изучавшие опыт лечебных практик шаманов Якутии, акцентируют внимание на особенностях их мировоззрения, отмечая, что они используют собственные духовные силы для исцеления [Balzer, 2008, p. 148; Kolodeznikova, Peers, 2015, p. 245]. При этом лечебные манипуляции сопровождаются магическим действием, направленным на «умилостивление» либо «изгнание» болезни.

Объект исследования

Исследования советского этнографа-североведа И.С. Гурвича (1919–1992) в местах компактного проживания коренных народов Якутии (Юкагирская экспедиция 1959 г.) впервые определили научный интерес к проблеме медицинской антропологии, где нашли отражение самобытные представления о болезнях и здоровье как витальном единстве (тело и душа), а также выделена символическая природа лечебных практик. Главным объектом настоящего исследования, скрепляющим прошлое и настоящее, является традиционный мир «восприятия» и «переживания» массовых эпидемий коренными жителями Севера на протяжении длительного времени (табл. 1).

Таблица 1

Годы эпидемий в Якутской области *

Table 1

Years of epidemics in Yakut region

	Болезни
1651–1652	Оспа у якутов в нижнем течении Лены и столбовских тунгусов
1653	Эпидемия оспы у якутов на реке Оленеке и в нижнем течении Лены
1657–1659	Оспа
1663	Первая крупная эпидемия оспы
1669	Оспа
1691–1694	Оспа, умерло 2535 юкагиров
1779–1791	Эпидемия кори
1781	Оспа
1852	Оспа
1855	Эпидемия оспы в Походске
1859–1860	Оспа
1861–1870	1863 — эпидемия кори в Якутске, умерли 431 чел.
1868–1870	Эпидемия ящура
1873–1874	Оспа
1882	Оспа в Якутске
1883–1885	Оспа в Усть-Янье, Булуна, на Нижней Колыме у чукчей в алазейской и чаунской тундре.
1898	Эпидемия оспы на р. Омолон (приток Колымы), вымерло 10 юкагирских стойбищ
1924	Эпидемия испанки в Якутске

* Таблица составлена по: [Парникова, 1962, с. 247; Гурвич, 1974, с. 249–250; Окладников, Гоголев, 1977, с. 72–74; Иохельсон, 2005, с. 34–35].

Методология

На основе разнообразного корпуса источников (документальных, архивных, литературных, научных) актуализируются сведения о колониальных болезнях в Якутии. При подготовке статьи авторы опирались на документальные и визуальные источники из Владельческой коллекции И.С. Гурвича в собрании Научно-исследовательского центра книжных памятников Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) и Рукописного фонда Архива ЯНЦ СО РАН. На основе полевых материалов И.С. Гурвича о массовых эпидемиях на Севере авторы раскрывают тему природных и социальных катаклизмов через призму восприятия и переживания их северными этническими сообществами. Колониальные болезни рассматриваются в русле социальной и когнитивной антропологии. В статье представлен семиотический анализ мифологических, фольклорных и обрядовых текстов.

Результаты

Уникальный опыт «переживания» и народные стратегии по укрощению эпидемий на протяжении столетий раскрывают бытийный адаптивный ресурс северных сообществ, связанный с

жизнесберегающей, этноэкологической культурой Севера. В полевых материалах И.С. Гурвича сохранился разнородный пласт народных медицинских знаний и представлений, а также сюжеты о духах болезней, собранные в разных районах Якутии. В результате сравнительного анализа сюжетов юкагирских и якутских преданий об оспе ученый приходит к выводу о заимствовании образа болезни от русских и проникновении его в фонд локальных демонологических представлений [Гурвич, 1974, с. 269]. Примечательно, что коренные народы Севера разработали оригинальную систему представлений, поверий и здоровьесберегающих практик, направленных на предотвращение природных и социальных катаклизмов. В языковой картине мира якутов понятие «эпидемия» — «дъанг» (ср. с монг. «венерическая болезнь» и алт. «эпидемия») включает следующие значения: мор, повальная болезнь, чума, поветрие [Пекарский, 2008, с. 784]. У эвенов «оспа» звучит как «игат», что подчеркивает ее особенность [Ришес, 1950, с. 134], в то время как другие болезни на эвенском языке — «энэк», «бутэн»; заразная болезнь — *давувки энэк*, *давувки бутэн* [Там же, с. 15]. В представлениях юкагиров, корь, оспа и сифилис — болезни, принесенные русскими. Корь стала для них настоящим бичом, унесшим многие жизни. Оспу лесные юкагиры называют «шомодъ-йоу». В.И. Иохельсон в своих материалах отмечает, что ни одна другая болезнь не вызывает такого ужаса у юкагиров, как оспа — одна из главных причин вымирания народа, особенно эпидемия 1691 г. Эти сведения дают представление о масштабах бедствия для этого народа, вызванного болезнью [Иохельсон, 2005, с. 66]. В языке тундровых юкагиров слову «эпидемия» есть соответствия «ньинизэйгуу», «чумдуул» — досл. большая болезнь, великая беда, вымирание, эпидемия [Курилов, 2001, с. 384, с. 564]. В представлениях юкагиров даже шаманы бессильны перед оспой, но ее можно умиловить. Для этого во время эпидемии, они на деревьях размещали подарки и жертвоприношения в виде меха [Иохельсон, 2005, с. 67].

В ходе работы Юкагирской экспедиции 1959 г. И.С. Гурвич зафиксировал предание о сборе юкагирских родов в местности Куемэ на весеннюю ярмарку 1863 г., во время которой произошла вспышка черной оспы. Ценную информацию ученому предоставил уроженец Аллаиховского района Н.И. Слепцов. Фольклорный текст передает, что по всем родам и стойбищам прошло известие о скором приезде чиновника для разрешения административных вопросов, священника для крещения и регистрации браков и купцов для торговли. К положенному времени в одном месте собрались сотни представителей родов, которые позднее погибли от вспышки эпидемии. В живых осталось только несколько мужчин и женщин. По мнению информанта, с этого события началось смешение родов, народностей и языков [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 1, д. 359, л. 280–281].

Предание о гибели Зашиверска — полярного «града Китежа» от оспы в 1883 г. было записано участниками Зашиверской историко-архитектурной экспедиции в 1969 г. Согласно легенде причиной смерти его жителей стал безымянный сундук с ярмарки: расхватали люди из сундука блестящие украшения, драгоценности, ткани, не послушав наказ шамана утопить «чужой» сундук в проруби на р. Индигирке. Назавтра в городе появилась страшная гостья — «черная оспа». Вымерли все жители, уцелела только одна маленькая девочка [Окладников, Гоголев, 1977, с. 30].

Эпидемия как «дорожный» женский персонаж

В народных представлениях «чужие» болезни ходили по дорогам в поисках людей, поэтому во времена страшных эпидемий оспы люди переселялись в другие места далеко от проезжих мест, убивали собак и быков — порозов¹, чтобы те своим лаем и ревом не могли привлечь в дом оспу. Считалось, что оспа, превратившись в русскую женщину, все время прислушивалась в поисках мест обитания людей. Если услышит собачий лай, человеческий голос или мычание скота, стук топора, скрип саней, узнает, что живут люди, и приходит к ним [Исторические предания..., 1960, с. 295]. В этом контексте большой интерес представляет мотив слушания/подслушивания оспой звуков человеческой деятельности. Поверья, связанные с подслушиванием оспой звуков Жизни, отсылают нас к зимним гаданиям по звукам на судьбу, что в символическом плане означало прибытие оспы как непрошеной гостьи из «иномирья» в мир людей в поисках «суженого». Когда в селении появлялась оспа или корь, в доме заболевшего устраивали ритуальное пиршество с приглашением соседей: *«Делают радостные лица, выкладывают на стол все, что есть в доме лучшего, как бы принимая почетного гостя»*. Реакция на контакт с «незваной» гостьей выражалась в форме символически разыгрываемых «проводов» в доме больного. Когда кто-нибудь заболевает в юрте, родственники делают маленькую лодку с уключинами и всеми принадлежностями, ставят на нее столик с чашками, кладут угощение, выносят

¹ Пороз — некастрированный бык.

на дорогу и говорят: «Ну, мама (название кори. — Е. Р.), иди теперь к таким-то...» (называют фамилию тех соседей, кому хотят передать болезнь) [Романова, 1997, с. 74]. Существовали определенные запреты: больному не давали смотреть на огонь, не показывали материю (одежду) красного цвета, пищу. Запрет мотивировался тем, что если больной увидит свет или красное, то болезнь усилится и он скоро умрет [Исторические предания..., 1960, с. 295]. Многие болезни у народов Сибири и Севера имели визуальные образы, соотнесенные с определенным цветом [Батьянова, 2018, с. 699]. Возможно, красный цвет ассоциировался с внешним проявлением самой болезни. Вызывает интерес обозначение «духа кори» местными жителями как «мамы». Это безусловно отражает результат межэтнических контактов с русским старожильческим населением Арктики и восприятия «чужих» болезней в образе «родственников».

В демонологической традиции коренных народов Севера в наибольшей степени была персонифицирована оспа, представляемая в разных ипостасях. Оспу изображали в виде высокой, худой старухи или девушки славянской внешности. Якуты называли оспу «улахан ыарыы» (*большая болезнь*). Это девушка, что к северному морю не подходит, мерзнет нога, ходит она в торбазах с загнутой головкой из конской кожи, с оторочкой из синего сукна [НИЦКП НБ РС (Я). Архив И.С. Гурвича. Ящ. 35, д. 1, л. 1]. Встречаются варианты преданий, где оспа визуализируется в образе старухи в черном платье [Григорьева, 2012, с. 22]. В легендах абыйских якутов оспа изображалась в виде трех молодых русских девушек-сестер, которые ходили вместе [Исторические предания..., 1961, с. 301]. Таким образом, эпидемиологические болезни «встраивались» в систему социальных коммуникаций жизненного мира по типу «комплиментарности».

Что касается происхождения повальных болезней, то считалось, что русские болезни, такие как оспа и корь, насылались северными старухами — духами (юер) русских женщин, умерших не своей смертью на Севере [Бравина, Попов, 2008, с. 156–157]. В поверьях северных якутов Оспа избегала сильных холодов и не заходила далеко на Север (сюжеты об Оспе, обморозившей ноги в реке), этим объяснялось отсутствие оспы в Оймяконе [Исторические предания..., 1960, с. 296–297].

Цветовой код повальных болезней на Севере соотнесен с красным, черным (символ смерти) и синим. Анализ нарративных источников, связанных с эпидемией у коренных народов Севера, как единого текста (с оспой — женским персонажем) показал, что Дух оспы в образе девушки в синем платье, с синей оторочкой на торбазах и красным платком на голове — «особость» визуализации болезни на Северо-востоке Азии. Важно отметить, что использование синего цвета в описании одежды духа болезни обусловлено «этнодиалектной» символикой пространственного континуума Арктики, где широкоизвестный образ оспы как «русской девушки в сарафане» был значительно переработан в контексте ментальной карты локальных северных этнических сообществ.

Зооморфное воплощение эпидемий

Оспа как мифологический персонаж могла появляться в облике птицы. Воплощение духа оспы в образе священной птицы встречается в якутском предании о шамане Суор уола, который вступил в борьбу с духом оспы, представшим перед ним в образе семи девушек-стерхов. Он побеждает дух болезни, обманом поместив его в бутылку, после чего кладет в железную бочку с тройными стенками и топит в проруби [Исторические предания..., 1960, с. 300]. Показательно, что здесь дух болезни кодируется признаком «множественности»: так, семь стерхов, по преданию сестер, прибыв в незнакомую местность, «взявшись за руки, стали кружиться в пляске по середине озера» [Там же, с. 299]. По всей видимости, круговой танец и протяжные песни духа оспы демонстрируют особое магическое поведение мифологического персонажа перед встречей с людьми. Можно предположить, что в семантическом поле «птичьего» сюжета проигрываются календарные символы «перехода» (птица / мотив орнитоморфной невесты; озеро / граница мира живых и мира мертвых; хоровод / ритуал девичества, выбор местности / «знак» гадания).

Особо выразительна в этом смысле амбивалентная символика самой птицы в культурной традиции юкагиров, якутов, эвенков. По народным поверьям, стерх знаменовал собой весну и был связан со светлым началом. Архаичный корпус фольклорных текстов якутов сохранил образ небесных дев в ипостаси стерхов, а также эпических небесных шаманок, превращающихся в стерхов. Исследователь С.П. Ойунская, изучая загадки якутов, отметила отсутствие загадок о стерхе (кыталык), объясняя это запретом произносить вслух название этой птицы, имеющей шаманское происхождение; его изображение на шаманском костюме служило «эмблемой полета шамана» [Соловьева-Ойунская, 1992, с. 29]. Добавим, что в местности, куда прилетали стер-

хи и было слышно их пение, нельзя было останавливаться, строить дом, селиться [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, д. 523, л. 139 об.].

Представление об «опасных» локусах (связь птицы с иномиром) в имплицитной форме указывает на «опасное» время — ранневесенний период (время прихода эпидемии в образе демонологического персонажа). Как известно, эпидемии носили сезонный характер. В этом плане большой интерес представляют ритуальные поединки якутского шамана в образе голубо-пестрого быка с быком Оспы, восходящие в своей основе к календарным мифам. Так, в шаманских текстах при сражении с рыже-пестрым быком Оспы (рыжий — «знак» болезни) у шамана вырастают красные рога, и он начинает с сильным шумом рыть ими землю [Ксенофонов, 1992, с. 86–87]. Мотив «роста красных рогов» у голубо-пестрого шамана быка («знак» небесного начала) может быть интерпретирован как «рождение солнца на его рогах», что означало уничтожение темных деструктивных сил (болезнь) и начало новой жизни. Примечательно, что «пестрый скот» был общей характеристикой «оспы» в мифологической картине тюрков (хакасов) и монголов [Содномпилова, 2016, с. 46]. Близким им по сюжету является календарный миф о состязании двух знаменитых шаманов в обличье быков, провалившихся под землю и спасшихся с помощью небесного шамана, который вытащил их на «солнечный свет» [Серошевский, 1993, с. 696]. Обращает на себя внимание якутский миф о Быке Зимы — архаичном календарном символе (зима в образе огромного быка «с очами, словно проруби, с предлинными звонкими рогами, с туловищем, заслоняющим солнце... с вьюком из болезней, тороками из простуды») и его параллели с Быком Оспы [Кулаковский, 1979, с. 46]. Оба мифологических существа имеют хтоническое происхождение и участвуют в создании хаотичной ситуации в природном и жизненном цикле.

В восприятии северных народов ритуальный мотив «битвы шамана с оспой» восходит к креационным мифам преодоления Хаоса (гибель, смерть) и восстановления Гармонии (жизнь, обновление). Символической стратегией «переживания» болезни являлось проецирование/моделирование сакральной коммуникации в реальность как заданной «программы» по преодолению кризисного состояния общества (упорядочение мира). Оригинальные сведения о перевоплощениях духа оспы на основе местных традиций были собраны в северных экспедициях И.С. Гурвичем, который придавал этой сфере народной культуры большое значение. Из его полевых материалов следует, что оспа как дух часто принимала обличье огненно-красного быка, красной белки, красной лисицы, иногда она имела форму множественных бесплотных духов, которые выбирают направление своего дальнейшего губительного для людей передвижения, прислушиваясь к шепоту верхушек деревьев (табл. 2) [НИЦКП НБ РС (Я). Архив И.С. Гурвича. Ящ. 35, д. 2, л. 57]. В славянской народной традиции болезнь могла исходить от природных явлений: от воды, тумана, но чаще всего от ветра, вихря [Славянские древности..., 1995, с. 223].

Традиционное восприятие эпидемии как «поветрия» сохранилось в языковой картине якутов и юкагиров. По народным поверьям, повальные болезни приносились холодными ветрами с севера. Показательно, что у русских старожилов Арктики сохранились ритуальные действия, которыми с помощью куклы «вызывали» ветер. В 1944 г. И.С. Гурвичу у субэтнической группы русских — походчан удалось приобрести «ритуальную куклу» — «вещный» символ вызывания ветра. Согласно поверью, для вызывания ветра летом куклу выносили на улицу, стегали прутьями и вешали на крышу дома [Циркумпольная цивилизация..., 2009, с. 88]. Исследователи, изучавшие русское старожильческое население Заполярья, отмечали, что «досельные русские набожны, и у них прочно бытует до сих пор христианская религия». В случае серьезной болезни обращались за помощью к эвенским и якутским шаманам [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, д. 766, л. 13]. «Перестраивание» обрядовых символов русских на Севере было обусловлено этнокультурным пограничьем, при этом знаковая система отбирала наиболее значимые элементы традиционной культуры соседних этносов.

Магические приемы защиты от эпидемий

В разгар эпидемии оспы якуты тушили огонь в камельке и добывали новый огонь с помощью трения (Григорьева, 2012, с. 177). Магические действия зажигания «нового» огня как продуцирующего начала, обладающего целительными свойствами в доме больного, должны были обеспечить хозяевам избавление от болезни. Традиционный этикет коренных народов Севера предписывал во время эпидемии оспы, при переезде на другое место, сжечь свое жилье, оставив на месте пепелища особый ритуальный знак. В землю втыкали горелую палку, которой мешали в камельке угли, что в семантическом плане означало «границу-преграду», переход от смерти к жизни. Об уходе из этих мест не говорили вслух, а перемигивались, чтобы не услыша-

ла оспа. Тогда оспа думала, что к ней идут новые люди, и оставалась на старом месте дожидаться людей [НИЦКП НБ РС (Я). Архив И.С. Гурвича. Ящ. 35, д. 1, л. 1]. Символическая коммуникация в ситуации самоизоляции семей на дальние расстояния устанавливалась с помощью невербальных средств сообщения. Визуальный диалог с внешним миром осуществлялся посредством предметов — образов: далеко от жилища, в лесу, втыкали палки в снег, самая длинная из них означала хозяина дома, покорооче этой — хозяйку, а еще короче — детей. Если кто-то заболел, наклоняли его «именную» палку, а если умирал, переламывали ее, наступив на нее. Одной из профилактических мер, вошедших в предписания во время эпидемий, был запрет встречаться лично с человеком из семьи больного, прямой контакт усматривался как встреча лицом к лицу с самой «эбэ» (оспой) [Исторические предания..., 1960, с. 296]. Таким образом, акт общения с духом болезни приобретал знаковый характер, способом кодирования сообщений выступали предметы — образы, ритуальное молчание, мимика.

В 1952 г. в Абыйском районе ЯАССР И.С. Гурвич в п. Крест-Майор зафиксировал пепелище на месте юрты, где проживала семья умершего от оспы (рис. 1).

Рис. 1. Дом, сожженный после увоза прокаженного, п. Крест-Майор Абыйского р-на ЯАССР. Владельческая коллекция И.С. Гурвича в фонде Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). Фотоархив [Абыйский район ЯАССР. Л. 112].

Fig. 1. The house burned after the removal of the leper, Krest-Major settlement by the Abyjskij district of YaASSR. Owner's collection of I.S. Gurchich in the Fund the National library of the Sakha Republic (Yakutia). Photo archive. [Abyjskij district. L. 112].

В традиционном мировосприятии коренных жителей Севера болезнь изображалась хтоническим персонажем, которого можно было победить посредством исполнения специальных ритуально-магических действий. Так, для предотвращения повальной болезни на Колыме юкагиры совершали следующие охранительные действия: вечером били колотушкой снег, выносили из яранги огонь и разводили его у входа, приговаривая: *«Не спи, никого не пропускай»* [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 1, д. 359, л. 110].

В 1954 г. И.С. Гурвич зафиксировал оригинальное предание об эпидемии кори на р. Коркдон. Согласно сюжету старик, предчувствуя приближение опасной болезни из Среднеколымска, распоряжается, чтобы весь род откочевал, наказав ни в коем случае не оглядываться. Старик остается встречать болезнь в одиночестве. Дух кори предстает в образе русской женщины в одном платье, она обращается к старику с просьбой о ночевке. Старик соглашается, а ночью бросается на болезнь с горящей головней. Болезнь, не выдержав ударов, оборачивается ветром и улетает, а старик воссоединяется с родичами. От болезни умирает лишь молодая девушка, оглянувшаяся во время пути назад, нарушив наказ старика [НИЦКП НБ РС (Я). Архив И.С. Гурвича. Ящ. 35, д. 3, л. 12–13]. Очевидно, что старик в юкагирском предании о болезни выполняет ритуальную роль шамана и побеждает. Отметим, что в данном тексте болезнь как антропоморфный субъект несет в себе способность к «природным» перевоплощениям, что дает основание говорить о ее «колдовской» силе.

Сакральные практики воздействия на болезнь: предвидение, договор, одаривание/выкуп, приемы обмана, избавление

В народной медицине аборигенных сообществ Севера особое место отводилось магическим действиям, ориентированным на излечение больного. Обратим внимание на разворачивание символических актов коммуникации шамана с демонологическим персонажем. Визуальный контакт начинается на расстоянии, когда шаманы предсказывают приближение оспы. В материалах, собранных И.С. Гурвичем у верхоянских якутов, есть рассказ о гибели хоролорского шамана, предчувствовавшего приход большой болезни (оспы) и погибшего после камлания [НИЦКП НБ РС (Я). Архив И.С. Гурвича. Ящ. 35, д. 2, л. 6]. Большой интерес вызывает участие детей в шаманском обряде изгнания духа болезни. Так, во время «общения» шамана с духом оспы посредниками между ними выступали дети, как существа, близкие к «природному» миру (способность видеть «невидимое»). В преданиях об Оспе среди выживших остается только маленький ребенок или мальчик и девочка, которых болезнь жалеет и оставляет в живых, но их дальнейшая судьба неизвестна. В описаниях хосунного эпоса главные персонажи батыры Маһараах и Хахыс вступают в битву с Оспой. Хитроумный Маһараах, владевший колдовством, обманывает Оспу, морозит ее на Северном побережье и в конце концов заставляет признать свое поражение, заставив ее покинуть эти места. Хахыс-батыр, выживший вместе с безымянным мальчиком, бросает вызов болезни, терпит поражение и погибает [Там же, л. 9].

Избавление от болезни происходило, как правило, посредством ее заточения в какой-нибудь предмет. Кобяйский шаман, встретив оспу в образе трех сестер, совершил камлание, после чего закрыл их в сосуд и утопил в озере. Колымский шаман Куома обманом поймал оспу в ловушку — мочевой пузырь собаки и таким образом победил ее [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, д. 430, л. 18–19]. Примечательно, что при эпидемиях оспы и кори шаман совершал обряд под названием «жертвоприношение собаки северным старухам», при котором «собаку хоронили живьем» [Бравина, Попов, 2008, с. 156]. В обряде «жертвоприношение собаки северным старухам», в записи этнографа А.А. Попова, северные духи-сестры (воплощение повальной болезни) в обмен на жизнь людей требовали от шамана выкупа: *«...вручая выкуп за красивое (тонкое) дыхание отдал что ли дар за себя и выкуп за дыхание? ...Это что ли нужно нам? Это что ли наша огненно-пестрая скотина? Это что ли собака девяти уор? ...Наше желание еще не полно, мы, отважные, отрывисто дыша и запыхавшись [спрашиваем]: где же шелковый платок для утирания пота, а крестовая монета, а пегий, имеющий ошейник, кругом пестрый колонок, а сиводушка с пятном на груди, когда же все это приготовишь? Подавайте это, если не дадите, смотрите, ужо! Сделаю из вас хаос, превращу вас в туман и пыль!»* [Попов, 2006, с. 261].

Одним из важных актов социальной коммуникации с духом болезни являлся договор о сохранении жизни сородичам взамен сохранения жизни Госпоже-болезни. Представление о партнерских отношениях с демоническим персонажем (болезнью) переводило хаотичную ситуацию в ситуацию диалога. Иллюстрацией такого «договора» могут служить уникальные материалы об оспе у верхнеколымских якутов, зафиксированные этнографом А.А. Саввиным в 1940 г. Так, по легенде, Оспа, попав в западню, стала просить шамана отпустить ее, на что шаман поставил ей условие, что отпустит ее только в том случае, если она не тронет людей из его рода. *«Как я узнаю этих людей?»* — спросила Оспа. Шаман ответил, что люди его рода будут носить шапки с двумя рогами и торбаза с острым концом, по этим отличиям она узнает, что это его сородичи. Договорились шаман и Оспа, после чего шаман отпустил болезнь на волю. Прошло какое-то время, и Оспа нарушила договор и пришла опять в эту местность. Шаман поймал ее вновь и снова отпустил, взяв с нее слово, что она никогда не вернется в эти края. С тех пор Оспа в эти края не возвращалась [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, д. 430, л. 19]. Заметим, что такая двусторонняя коммуникация на уровне договора (сообщение шамана адресату) имела место уже в советское время. В 1937 г. во время эпидемии кори, вспомнив эту легенду, детям начали надевать шапки с двумя «рожками» и остроконечные торбаза.

Анализ шаманских камланий против Оспы позволил выделить определенную стратегию поведения шамана. Шаманы вначале предсказывали приход большой болезни, вступали с ней в битву в образе быка-пороза, побеждали хитростью и обманом, заключая дух в предмет, настораживали самострел. Если же силы шамана и духа болезни были равны, то заключали договор. Так, Оспа обязывалась никогда не бывать среди потомков шамана или заглядывать в эти края [Ксенофонтов, 1992, с. 86–87]. Обращает на себя внимание, что в битвах с Оспой шаман погибает, обрекая на гибель сородичей, из-за нарушения ими строгого запрета не смотреть состязание

шамана с Оспой. В преданиях именно любопытство женщины становится причиной гибели рода [Там же]. По другим сюжетам, шаман ценой своей жизни выкупает у болезни жизнь сородичей. Сохранить физическое и духовное здоровье людей в условиях кризисных ситуаций — основная целительская функция шамана. В целительской практике северные шаманы (ойууны) использовали психоментальные технологии [Чиркова, 2015, с. 135].

Известный этнограф С.М. Широкогоров в своем труде «Psychomental Complex of the Tungus» (1935), подчеркивая огромную значимость феномена шаманизма, определял его как «проявление биологических функций рода, средство самозащиты, предохранительный клапан или саморегулирующийся механизм психологической сферы людей» [Ревуненкова, Решетов, 2003, с. 114]. У коренных народов Арктики были разные сакральные специалисты, обладающие способностями воздействовать на болезнь. К таким специалистам можно отнести и сказителей (олонхосутов). Существовало поверье, что во время эпидемий они рассказывали вечером «хорошее» олонхо, со счастливым исходом для героя, перенесшего тяжелые испытания [Долганский фольклор, 1937, с. 16]. Исполнение олонхо с приемами обмана Оспы можно встретить в долганском фольклоре. В старину к одному сказителю пришла русская болезнь (оспа) и сказала: «Укажи мне на людей, чтобы я могла их съесть». «Ладно», — ответил тот. И стал рассказывать былину, направляя ее сюжет в подземный мир (мир теней. — Е. Р.), и, указывая рукой, отправил оспу в ту сторону [Там же, с. 15]. С тех пор оспа не появлялась в этих краях. Очевидно, что ритуальная функция эпического текста заключалась в достижении конечного результата — изгнания болезни и исцеления больного.

Рис. 2. Мария Суздадова высматривает духов, п. Ойотунг Аллаиховского р-на. Фото М.Я. Жорницкой. Владельческая коллекция И.С. Гурвича в фонде Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). Фотоархив [Юкагирская экспедиция АН СССР. 1959 г. Л. 49].

Fig. 2. Maria Suzdalova is looking for spirits, Ojotung settlement by the Allaikhovskiy district of YaASSR. Photo of M.Ya. Zhornitskaya. Owner's collection of I.S. Gurvich in the Fund of the National library of the Republic of Sakha (Yakutia). Photo archive [Yukagir expedition the Academy of Sciences of the Soviet Union, 1959. L. 49].

Шаманский обряд «поимки» злого духа (болезни)

И.С. Гурвич посвятил всю свою жизнь изучению повседневности аборигенов Арктики. Его научная биография начиналась в заполярной Якутии. Будучи учителем, а потом директором Оленекской школы, он проехал сотни километров по бескрайним просторам тайги и тундры, где встречался с оленеводами, охотниками, рыбаками, стариками, женщинами и детьми, собирая у них ценную информацию [Эхо Арктической Одиссеи..., 2019, с. 7]. Знание якутского языка и длительное проживание на Севере позволили ученому стать «своим» в местной среде и полу-

чить уникальные сведения по «закрытой» в советское время теме — шаманской обрядности. В Аллаиховском районе ученому удалось описать и даже сфотографировать исполнение шаманского обряда по поимке болезни шаманкой М.А. Суздаловой²: «...взяла в рот спирт. Обрызгала возле печки, открыла дверь на улицу, дунула. Села на нары. Кукует, распустила волосы, начала петь. Потирает лицо, провела пальцем вокруг головы, несколько раз выкрикивает, отмахивается, ударяет ладонями, поочередно проделывает взмахи то одной, то другой рукой. Говорит несколько слов, потирает лицо, закрыла его ладонями, снова поет и приговаривает “горля, горля, горля”, фыркнула» [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 1, оп. 1, д. 359, л. 288].

В ходе камлания шаманка продемонстрировала поимку духа болезни, прибегнув к вызову чукотских духов³: «Движения не очень резкие. Корпус все время находится в небольшом полуприседании. Очень много движений проделывается на корточках. Очень много поворотов головы из стороны в сторону и поклоны вперед. Поднимает руки, согнутые в локтях, закрывает глаза и из-под локтя показывает лицо и язык. Прыгает на двух ногах. Садится на одно колено, бьет себя по голове. Бубен ставит между ногами, этим изображает езду верхом. Тело очень гибкое» (рис. 2) [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 1, д. 359, л. 287]. Этот зафиксированный в советское время уникальный обряд поимки духа болезни раскрывает представление о болезни как о сверхъестественной категории. Избавиться от этой напасти можно было посредством чужих «пограничных» духов (чукотских, эвенских, юкагирских).

Обсуждение результатов

Широкий семиотический анализ концепта болезни у коренных народов Арктики на уровне лингвистических, исторических, мифологических, фольклорных и ритуальных текстов позволил выделить оригинальный пласт демонологических представлений, связанных с массовыми эпидемиями и символическими стратегиями по их предотвращению. Ментальная карта таких представлений формировалась в условиях «холодного мира», где геокультурная составляющая была одной из важных характеристик пространственного континуума. Очевидно, что культурные коды и символы, обслуживающие образ «русской» болезни в рамках локальных этнокультурных традиций, отражали ее местные особенности. Эпидемиологические болезни «встраивались» в систему традиционных социальных коммуникаций в форме родственных отношений, по типу «комплиментарности» (обозначение болезни «мама», «бабушка», «госпожа», «большая болезнь»). Система визуальных образов персонифицированного духа Оспы включала антропоморфные, зооморфные, природные и бестелесные воплощения (табл. 2).

Визуальные образы болезни

Таблица 2

Table 2

Visual images of the disease

Антропоморфные	Зооморфные	Орнитоморфные	Стихии
Старуха в черном платье	Красная лисица	Птица	Бесплотный дух
Женщина в красном платье	Красная белка	Семь девушек-сестер стерхов	Невидимый ветер
Женщина, одетая в синее платье, с синей оторочкой на торбазах из конской кожи, на голове красный платок	Огненно-красный бык		
Три русские девушки			
Русская девушка в торбазах с загнутой головкой из конской кожи с оторочкой из синего сукна			
Три сестры			

Анализ шаманских камланий против повальных болезней позволил выделить определенную символическую коммуникацию в отношении болезни (дистанционная и прямая). Сакральные практики воздействия на болезнь выражались в следующих способах: предвидение, договор, одаривание/выкуп, приемы обмана, избавление. В восприятии северных народов ритуальный мотив «битвы шамана с болезнью» восходил к креационным мифам преодоления Хаоса и восстановления Гармонии (преодоление кризисного состояния общества, упорядочение мира).

² Суздалова Мария Андриановна — шаманка, Аллаиховский р-н ЯАССР [РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 1, д. 359, л. 286].

³ В представлениях населения Колымского края самыми сильными считались чукотские духи и шаманы.

Заключение

В данном исследовании в рамках символической антропологии анализируется многовековой опыт восприятия коренными народами Севера и Арктики массовых эпидемий и применения ими сакральных стратегий по предупреждению, укрощению и преодолению повальных болезней. Изучая психоментальный мир северного социума, авторы статьи приходят к важному заключению, что именно в нем заложены адаптивные ресурсы бытийного кода коренных народов Севера. Анализ здоровьесберегающих народных практик коренных жителей Арктики предполагает многоуровневый комплекс знаний: связь гуманитарных и социальных наук и духовного опыта локальных этнических сообществ.

Благодарности. Авторы выражают признательность сотрудникам Научно-исследовательского центра книжных памятников Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) и лично директору С.В. Максимовой за помощь в предоставлении материалов из фотоархива И.С. Гурвича.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства России № 2020-220-08-6030).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батьянова Е.П.* Визуальные образы в мировоззрении, мифологии и фольклоре народов Севера // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 695–704. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2018-8-4-695-704>
- Бравина Р.И., Попов В.В.* Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
- Григорьева А.М.* Народная медицина саха. Якутск: Бичик, 2012. 160 с.
- Гурвич И.С.* Якутско-юкагирские предания об оспе: (К вопросу о путях формирования демонологических образов) // Социальная организация и культура народов Севера: Посвящается памяти Б.О. Долгих / Отв. ред. И.С. Гурвич; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1974. С. 249–269.
- Долганский фольклор* / Вступит. статья, тексты и переводы А.А. Попова; Общ. ред. М.А. Сергеева. М.; Л., 1937. 256 с.
- Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
- Исторические предания и рассказы якутов:* В 2 ч. / Подгот. Г.У. Эргис; Под ред. А.А. Попова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 2. 360 с.
- Ксенофонтов Г.В.* Шаманизм: Избранные труды. Якутск: Север-Юг, 1992. 316 с.
- Кулаковский А.Е.* Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.
- Курилов Г.Н.* Улуру Адо: Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
- Михель Д.В.* Медицинская антропология: Исследуя опыт болезни и опыт врачевания. Саратов, 2015. 320 с.
- Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А.* Древний Зашиверск. М.: Наука, 1977. 211 с.
- Парникова А.С.* О расселении якутов в XVII–XVIII вв. // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. С. 247–256.
- Пашкова Т.В.* Персонифицированные болезни и способы их лечения в народной культуре карел // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7-2 (160). С. 31–34.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка: В 3 т. / РАН. СПб.: Наука, 2008. Т. I. Вып. 1–4: А–Кудуолат. Стб. 1–1280.
- Попов А.А.* Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа. Тексты. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа. Новосибирск: Наука, 2006. 484 с.
- Ревуненкова Е.В., Решетов А.М.* Сергей Михайлович Широкогоров // ЭО. 2003. № 3. С. 100–119.
- Ришес Л.Д.* Русско-эвенский (русско-ламутский) словарь для эвенской начальной школы. Л.; М.: Учпедгиз, 1950. 258 с.
- Романова Е.Н.* Люди солнечных лучей: С поводами за спиной: (Судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов). М., 1997. 200 с.
- Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. Изд. 2. М., 1993. 736 с.
- Славянские древности.* Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.
- Содномпилова М.М.* Эпидемические заболевания в жизни монгольских народов // Вестник Бурятского НЦ СО РАН. 2016. № 3 (23). С. 41–51
- Содномпилова М.М.* Инфекционные заболевания в жизни монгольских народов: Представления и практики, борьба с ними // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 10. № 5 (33). С. 141–154.
- Соловьева-Ойунская С.П.* Якутские народные загадки: Специфика жанра. СПб.: Наука, 1992. 112 с.

- Харитонова В.И. Без веры и надежды...: (К проблеме возрождения традиционных религиозно-магических практик) // ЭО. 2003. № 3. С. 60–83.
- Харитонова В.И. Шаманизм в современной России // ЭО. 2009. №3. С. 148–164.
- Харитонова В.И. Медицинская антропология: Российские реалии // Медицинская антропология, проблемы, методы, исследовательское поле. М.: Публисити, 2015. 333 с.
- Циркумполярная цивилизация в музеях мира: Вчера, сегодня, завтра. Каталог / Сост. А.Н. Решетникова. Якутск: СР НБР Саха, 2009. 126 с.
- Чиркова А.К. Мой отец — шаман. Якутск: Якутия, 2006. 144 с.
- Эхо арктической Одиссеи: К 100-летию И.С. Гурвича / Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия); Рук. проекта Е.Н. Романова; Сост.: Е.Н. Романова, Л.Б. Степанова, В.А. Неустроева; Отв. за вып. С.В. Максимова, Н.И. Попова. Якутск: Алаас, 2019. 178 с.
- Balzer M.M. Healing Failed Faith? Contemporary Siberian Shamanism // Anthropology & Humanism. 2008. № 2 (26). P. 134–149.
- Kolodeznikova L., Peers E. The Post-Colonial Ecology of Siberian Shamanic Revivalism // World Views Environment Culture Religion. 2015. 3 (19). P. 245–264. <https://doi.org/10.1163/15685357-01903003>
- Ohnuki-Tierney E. Illness and culture in contemporary Japan: An anthropological view. Cambridge: University Press, 1984. 242 p.
- Rashid M., Caine V., Goetz H. The Encounters and Challenges of Ethnography as a Methodology in Health Research // International Journal of Qualitative Methods. 2015. Vol. 14. № 5. P. 1–16.

ИСТОЧНИКИ

- Полевые материалы ЯАССР. 1951–1952 // НИЦКП НБ РС (Я). Владельческая коллекция И.С. Гурвича. Ящ. 35. Д. 1.
- Полевые материалы ЯАССР. 1954–1955 // НИЦКП НБ РС (Я). Владельческая коллекция И.С. Гурвича. Ящ. 35. Д. 2.
- Материалы по малым народам Севера // НИЦКП НБ РС (Я). Владельческая коллекция И.С. Гурвича. Ящ. 35. Д. 3.
- Юкагирская экспедиция. 1959 г. Л. 49 // НИЦКП НБ РС (Я). Фотоархив И.С. Гурвича.
- Абыйский район ЯАССР. Л. 112 // НИЦКП НБ РС (Я). Фотоархив И.С. Гурвича.
- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359: Отчеты и полевые материалы Юкагирской комплексной экспедиции ИЯЛИ. 381 л.
- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 430: Предания, легенды по верованиям якутов Верхне-Колымского наслега Среднеколымского района ЯАССР. Материалы экспедиции С.И. Боло 1940 г. 20 л.
- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 523: Фольклорные материалы, собранные Поповым И.В.: (Народные приметы, народная медицина, загадки, песни и др.). 1941 г. 256 л.
- РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 766: Досельные русские на низовьях Индигирки. Краткие замечания о жанрах фольклора Русского Устья. Материалы Индигирской этнографо-лингвистической экспедиции Т.А. Шуба. 22 л.

Romanova E.N.^{a, b}, Stepanova L.B.^{a, *}

^a Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of Siberian Branch of the RAS

Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation

^b International Research Laboratory "Linguistic Ecology of the Arctic"
Belinsky st., 58, Yakutsk, 677000, Russian Federation

E-mail: e_romanova@mail.ru (Romanova E.N.); solo007_79@rambler.ru (Stepanova L.B.)

Anthropology of disease. In the wake of the Arctic Circle epidemics: field materials of I.S. Gurvich

The unique body of materials collected by the Soviet ethnographer and the North scholar I.S. Gurvich (1919–1992) in places of compact residence of the indigenous peoples of Yakutia (the Yukagir expedition of 1959) for the first time determined scientific interest in the problem of medical anthropology, which reflected original ideas about diseases and health as a vital unity (body and soul), as well as symbolic “charging” of medical practices. The purpose of this research is an attempt to understand the spiritual experience of the peoples of Yakutia in the context of social, epidemiological, and climatic disasters. An interpretation of the visual image of epidemics in the

* Corresponding author.

traditional worldview of the indigenous peoples of Yakutia is given. The main object of this research, which reconciles the past and present, is the traditional world of long-lasting “perception” and “experience” of mass epidemics by indigenous people of the North. The methodological innovation of the paper is the study of colonial diseases in the framework of social and cognitive anthropology. With the example of local ideas about diseases and treatment in different ethnic communities of North Asia (the Yakuts, Evens, and Yukagirs), we analyze a complex socio-cultural phenomenon that emerged in the 17th century from the historical contacts between local and foreign origin cultures. The cultural dimension of the epidemic diseases within the borders of the Arctic circle, based on the historical and ethnographic sources of the Northern expeditions of the Soviet ethnologist I.S. Gurvich, is the first attempt of the cognitive analysis, the image of the disease and symbolic strategies for its prevention. A broad semiotic analysis of the concept of disease in the indigenous peoples of the Arctic at the level of linguistic, historical, mythological, folklore and ritual texts allowed us to identify the original layer of demonological representations associated with mass epidemics and symbolic strategies for their prevention. Cultural codes of the demonic character-disease (space, color, object, action, ritual) are identified. Sacred practices of influencing the disease were expressed in the following ways: foresight; conciliation; gifting/redemption; deception techniques; and deliverance. Diseases are personified and encoded using certain characters. Obviously, the semiotic system serving the image of disease in the framework of the local ethno-cultural traditions reflected the local specifics.

Keywords: history of epidemics, medical anthropology, indigenous ethnic groups of the North-East of Russia, the population of the past, the anthropology of the disease, health-saving folk practices, the character and image of the disease, the language picture and the ritual context.

Acknowledgements. The authors express their sincere gratitude to employees of the Research center of book monuments the National library of the Sakha Republic (Yakutia) and personally to the Director S.V. Maksimova for their assistance in providing the photo archive of I.S. Gurvich.

Funding. The research is funded by grant No. 2020-220'08-6030 «Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation».

REFERENCES

- Balzer, M.M. (2008). Healing Failed Faith? Contemporary Siberian Shamanism. *Anthropology & Humanism*, 26(2), 134–149.
- Bat'yanova, E.P. (2018). Visual images in the worldview, mythology and folklore of the peoples of the North. *Bulletin of Ugric studies*, (4), 695–704. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2018-8-4-695-704>. (Rus.).
- Bravina, R.I., Popov, V.V. (2008). *Funeral and memorial rituals of the Yakuts: Monuments and traditions (15th–19th centuries)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Chirkova, A.K. (2006). *My father is a shaman*. Yakutsk: Yakutiya. (Rus.).
- Ergis, G.U., Popov, A.A. (Eds.) (1960). *Historical legends and stories of the Yakuts. Vol. 2*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Grigor'eva, A.M. (2012). *Traditional medicine Sakha*. Yakutsk: Bichik. (Rus.).
- Gurvich, I.S. (1974). Yakut-Yukagir legends about smallpox: (On the question of the ways of forming demonological images). In: *Social'naya organizatsiya i kul'tura narodov Severa: Posvyashchaetsya pamyati B.O. Dolgih*. Moscow: Nauka, 249–269. (Rus.).
- Haritonova, V.I. (2003). Without faith and hope... (To the problem of the revival of traditional religious and magical practices). *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 60–83. (Rus.).
- Haritonova V.I. (2009). Shamanism in modern Russia. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 148–164. (Rus.).
- Haritonova, V.I. (2015). Medical Anthropology: Russian Realities. In: *Medit'sinskaya antropologiya, problemy, metody, issledovatel'skoe pole*. Moscow: Publisiti, 5–8. (Rus.).
- Iohel'son, V.I. (2005). *Yukaghirs and Yukagirized Tunguses*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kolodeznikova, L., Peers, E. (2015). The Post-Colonial Ecology of Siberian Shamanic Revivalism. *World Views Environment Culture Religion*, 19(3), 245–264. <https://doi.org/10.1163/15685357-01903003>
- Ksenofontov, G.V. (1992). *Shamanism: Selected Works*. Yakutsk: Sever-Yug. (Rus.).
- Kulakovskij, A.E. (1979). *Scientific works*. Yakutsk: Knizhnoye izdatel'stvo, 1979. (Rus.).
- Kurilov, G.N. (2001). *Uluro Ado: Yukaghir-Russian Dictionary*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Mikhel', D.V. (2015). *Medical Anthropology: Exploring the Experience of Disease and the Experience of Healing*. Saratov. (Rus.).
- Ohnuki-Tierney, E. (1984). *Illness and culture in contemporary Japan: An anthropological view*. Cambridge: University Press.
- Okladnikov, A.P., Gogolev, Z.V., Ashchepkov, E.A. (1977). *Ancient Zashiversk*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Parnikova, A.C. (1962). About the settlement of the Yakuts in the 17th–18th centuries. In: *Sibir XVII–XVIII vv*. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO AN SSSR, 247–256. (Rus.).
- Pashkova, T.V. (2016). Personalized diseases and methods of their treatment in the Karelian folk culture. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, (7-2), 31–34. (Rus.).
- Pekarskij, E.K. (2008). *Dictionary of the Yakut language: In 3 vol. Vol. 1*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).

- Popov, A.A. (2006). *Kamlaniya shamans of the former Vilyui district: Texts: Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Rishes, L.D. (1950). *The Russian-Even (Russian-Lamut) dictionary for the Even primary school*. Leningrad; Moscow: Uchpedgiz. (Rus.).
- Rashid, M., Caine, V., Goetz, H. (2015). The Encounters and Challenges of Ethnography as a Methodology in Health Research. *International Journal of Qualitative Methods*, 14(5), 1–16.
- Reshetnikova, A.N. (2009). *Circumpolar civilization in the museums of the world: Yesterday, today, tomorrow*. Catalog. Yakutsk. (Rus.).
- Revunenkov, E.V., Reshetov, A.M. (2003). Sergej Mihajlovich Shirokogorov. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 100–119. (Rus.).
- Rishes, L.D. (1950). *The Russian-Even (Russian-Lamut) dictionary for the Even primary school*. Leningrad; Moscow: Uchpedgiz. (Rus.).
- Romanova, E., Stepanova, L., Neustroeva, V. (Eds.) (2019). *Echo of the Arctic Odyssey: To the 100th anniversary of I.S. Gurvich*. Yakutsk: Alaas. (Rus.).
- Romanova, E.N. (1997). *Sun rays people. With reins behind the back: (Fate in the context of the mythical tradition of the Yakuts)*. Moscow. (Rus.).
- Sergeev, M.A., Popov A.A. (Eds.) (1937). *Dolgan folklore*. Moscow; Leningrad. (Rus.).
- Seroshevskij, V.L. (1993). *Yakuts: Ethnographic research experience*. Moscow. (Rus.).
- Solov'eva-Ojunsкая, S.P. (1992). *Yakut folk riddles: Specificity of the genre*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).
- Sodnompilova, M.M. (2016). Epidemic diseases in the life of the Mongolian peoples. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 23(3), 41–51. (Rus.).
- Sodnompilova, M.M. (2017). Infectious diseases in the life of the Mongolian peoples: Ideas and practices, the fight against them. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2017, (5), 141–154. (Rus.).
- Tolstoy, N.I. (Ed.) (1995). *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vol. Vol. 1*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (Rus.).

Романова Е.Н., <https://orcid.org/0000-0001-6973-0608>

Степанова Л.Б., <https://orcid.org/0000-0002-2826-6295>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Яковлева К.М. *, Яковлев А.И.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
ул. Белинского, 58, Якутск, 677000

E-mail: kapa1985@list.ru (Яковлева К.М.); aytalyakovlev@mail.ru (Яковлев А.И.)

РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ЯКУТОВ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Раскрывается вопрос трансформации комплекса традиционных родильных обрядов в культуре якутов на стыке XX и XXI вв. Выделены и освещены этапы ритуального поведения, практикуемого при подготовке к зачатию, беременности, при родах и в послеродовой период, а также обряды, направленные на сохранение младенца. Описана связь современных обрядов жизненного цикла якутов с традиционной культурой, зафиксированной этнографами XIX–XX вв. Дано объяснение трансформации традиционной культуры якутов в сфере родильных обрядов.

Ключевые слова: трансформация традиционной культуры, обряды жизненного цикла, родильные обряды, ритуал, традиция, современность, якуты, Якутия.

Введение

Обряды жизненного цикла, как важная часть процесса социализации, готовят индивида к социальной жизни, воспитывая в нем необходимые качества и подтверждая изменение статуса. Интегрирующая функция социализации заключается в том, что с помощью обрядов коллектив периодически обновляет и утверждает себя, свое единство. Воспроизводящая функция обрядов направлена на обновление и поддержание традиций, норм и ценностей коллектива. Помимо социальных, обряды жизненного цикла выполняют важную психологическую функцию — они служат для создания психологически комфортных условий социального бытия. Особое значение они приобретают, когда коллектив сталкивается с кризисными ситуациями.

Обряды жизненного цикла якутов (саха) описаны многими исследователями, как отдельно, так и в контексте изучения быта и культуры. Уже в XVIII в. участники Второй Камчатской экспедиции (1733–1744 гг.) Г.Ф. Миллер [2000], Я.И. Линденау [1983] зафиксировали архаичные религиозные верования якутов, бытовавшие до принятия христианства. Я.И. Линденау первым изучил брачно-семейные отношения якутов и затронул тему обрядов жизненного цикла. В изданном им труде описанию семейных обрядов и деторождению посвящено несколько глав. Из более поздних необходимо отметить исследования А.Ф. Миддендорфа [1878], Р.М. Маака [1994], И.А. Худякова [1969]. Важную роль в изучении культуры якутов сыграла Якутская (Сибиряковская) экспедиция ВСОИРГО, организованная в 1894–1896 гг. Работы политссыльных Н.А. Виташевского [1904], В.Ф. Троцанского [1904] и др., подготовленные на основе собранных ими материалов, содержат главным образом описание традиционных верований якутов. В книге В.Л. Серошевского «Якуты» подробно рассматриваются семейно-брачные отношения конца XIX в., в том числе родильный, свадебный и погребальный обряды [1993]. В XX в. семейные обряды и религиозные верования якутов были рассмотрены А.Е. Кулаковским [1923], Г.К. Ксенофоновым [1992], С.И. Боло [1994], Г.У. Эргис [1974] и др. Однако обряды жизненного цикла якутов затронуты ими частично. Отдельные аспекты семейной обрядности исследовали П.А. Слепцов [1989], Б.Н. Попов [1989], А.И. Гоголев [2002], Р.И. Бравина и В.В. Попов [2008], Д.Г. Брагина [2016]. В большинстве работ обряды жизненного цикла представлены как часть духовной культуры якутов, близкой к религиозной составляющей мировосприятия этноса, и лишь в работах последних лет рассмотрены с точки зрения ревитализации культуры, ренессанса традиционализма [Брагина, 2016].

В 2016–2017 гг. силами исторического факультета Северо-Восточного федерального университета (СВФУ) им. М.К. Аммосова были проведены полевые исследования в Центральной и Вилюйской группе улусов Республики Саха (Якутия). Тема исследования определялась как «Социокультурная трансформация современного якутского села». Работы проводились в населенных пунктах Усть-Алданского, Мегино-Кангаласского, Верхневилуйского улусов. По имеющейся в нашем распоряжении исторической информации, населенные пункты изучаемых районов возникли в XVII–XVIII вв. и в 1950–1960-х гг. были укрупнены. Современная этническая ситуация в данных улу-

* Corresponding author.

сах вполне однородна. Здесь в основном проживают якуты при небольшой доле русского населения. В силу географического положения территории якутская культура сохраняет архаичные признаки в повседневной жизни. За время исследований накоплена обширная база полевых этнографических материалов, осуществлен значительный объем аудио-, фото- и видеофиксаций. Изучены изменения в повседневной жизни, показывающие генезис ценностей, степень сохранности представлений о жизни и смерти у современных якутов. Культурная глобализация, глокализация, миграционные процессы в Якутии — все это стало катализатором трансформации и в то же время — ревитализации традиционной культуры якутов. Коренным образом ломается структура повседневной жизни современных саха в сельской и городской среде. Эти процессы затрагивают фундаментальные вопросы человеческой жизни: рождения и смерти — и в связи с этим — соотношение сакрального и профанного в современных обрядах жизненного цикла.

В данной статье мы ограничимся рассмотрением категории родильного обряда и поднимем вопрос — сохраняет ли родильный обряд современных якутов элементы традиционной формы обрядности и ритуалов, связанных с жизненными циклами.

Родильный обряд в системе обрядов жизненного цикла якутов

У якутов традиционно считалось, что счастливая семья — это многодетная семья. Дети — символ достатка и продолжения рода человека. Один из старожилов Верхневилуйского улуса отметил, что семьи, в которых рождаются и растут трое сыновей, отмечены и благословлены божествами Айыы [ПМА Яковлевой К.М., 2018]. Но не каждая семья могла похвалиться многодетностью, в силу высокой женской и детской смертности, а также неизлечимой бездетности. Бездетность приравнивалась к проклятию. Таких женщин избегали, боялись заразиться [Алексеев, 2008, с. 91]. Даже в современной Якутии сохранились представления о том, что бездетные люди непременно несчастны. Малодетность также не вызывает уважения. Поэтому одними из наиболее сложных обрядов жизненного цикла являлись родильные, нацеленные на обеспечение успешной репродуктивной деятельности женщины, а также на сохранение жизни ребенка.

При сборе полевых материалов, их систематизации и анализе комплекса родильной обрядности мы ориентировались на классификацию В.Л. Серошевского [1993, с. 261]:

- 1) обряды, стимулирующие деторождение;
- 2) представления и запреты, связанные с беременностью женщины;
- 3) обряды, выполняемые во время родов, и послеродовые обряды;
- 4) обряды для сохранения жизни ребенку.

До зачатия

По якутским религиозным представлениям, душу (*кут*) ребенка даровала *Айыысыт* — богиня, способствующая деторождению. Она живет на восточном небе и спускается оттуда, окруженная ореолом света, в виде богато одетой пожилой женщины или кобылицы. Она могла подарить душу ребенка (*кут*), могла и не дарить. Айыысыт появляется при родах, помогает благополучно разрешиться от бремени, благословляет родившееся дитя и покидает дом роженицы на третий день после родов.

Айыысыт «не нравились» брюзгливые, неопрятные женщины и те, кто плохо относится к детям. Поэтому причиной бесплодия считали «нарушение» женщиной магических запретов [Там же, с. 167]. Бездетным женщинам часто приходилось прибегать к обрядам «испрашивания ребенка». Примером могут служить обряды *Айыысыт тардар* (испрашивание ребенка у богини Айыысыт) или представления о плодоносных старых деревьях *Оруктаах масс* (дерево со сросшейся в виде копны кроной), к которым женщины ходили просить ребенка [Алексеев, 2008, с. 88–89]. Если первый обряд полностью сопровождался камланием шамана, то второй женщина могла проделать самостоятельно.

Обряд с шаманом проводили весной. Традиционное якутское зимнее жилище (*балаган*) чисто убрали, на пол кидали траву, всю посуду надо было вымыть и красиво расставить. Шаман выбирал семь юношей и девушек. Все должны были быть счастливыми во время обряда, иначе Айыысыт могла рассердиться. Для этого случая изготавливали специальный берестяной туесок, в котором выкладывалось гнездышко для души ребенка. Душу ребенка делали в виде птичек.

Шаман во время камлания рассказывал о своем тяжелом пути к Айыысыт по другим мирам, при встрече с богиней просил у нее душу ребенка. Айыысыт спрашивала у шамана, хорошие ли будут родители, не будут ли обижать ребенка. Шаман, получив *кут* ребенка, возвращался обратно, но мог по дороге потерять душу, тогда семья оставалась без детей. Затем душу ребенка в виде птички помещали в берестяной туесок и прятали в лесу.

Подобный обряд описан А.Е. Кулаковским. Обряд проводил белый шаман: летом — во дворе, а зимой — в юрте. Шаман сам отбирал себе помощников — девять юношей и восемь девушек. Также в обряде принимали участие две пожилые женщины, которые олицетворяли собой богинь Айыысыт и Иэйиэхсит. Если Айыысыт участвовала непосредственно в процессе деторождения, то Иэйиэхсит заботилась о человеке и оберегала его в течение всей его жизни. Между ними садилась женщина, которая просила детей. Все женщины были с распущенными волосами, одеты в свои лучшие одежды и шубы. Перед ними устанавливали березу, на которой подвешивали чашу с маслом и садили туда птичек, символизировавших души ребенка. Шаман начинал камлать, а женщины намазывали лица маслом и должны были радоваться. При этом шаман мог потерять *кут* ребенка в пути или душа могла вселиться в одну из девушек-помощниц. Никаких гарантий женщина не получала [Кулаковский, 1923].

Второй обряд проводился весной или ранним летом. Женщина находила дерево с наростом, приходила к нему одна с молоком, налитым в *кытыйа* (небольшая деревянная посуда в виде миски), и просила богиню Айыысыт о душе ребенка. По некоторым данным, если в кытыйа попадал муравей, то это означало, что богиня услышала мольбы женщины и непременно подарит ей ребенка.

В наши дни вопрос бесплодия вполне решаем, но во многих семьях прибегают к обрядам для «притягивания» души ребенка. Например, одна семья из Мегино-Кангаласского улуса по совету *удаганки* (шаманки) отказалась от своих имен, взяв себе якутские имена: поменяв все документы, супруги хотели обмануть богов и получить душу ребенка [ПМА Яковлевой К.М., 2017].

Женщина 1959 года рождения, уроженка Мегино-Кангаласского улуса, отметила следующие действия по «испрашиванию ребенка»: «чтобы забеременеть, было распространено заводить питомцев, также прятать детские вещи в доме, часто общаться с детьми». То же, с подбрасыванием детских вещей, было проделано одной женщиной из Верхневилуйского улуса для прибавления внуков в семье. По утверждению данного респондента, она принесла в дом дочери пинетки и оставила, в тот же год родился долгожданный внук [ПМА Яковлевой К.М., 2018].

Беременность

Следующим этапом является беременность. С этим состоянием женщины связана целая система запретов, которую можно поделить на две категории:

- 1) запреты, влияющие на роды;
- 2) запреты, влияющие на потомство.

К первой категории можно отнести запреты:

— переступать через скрученную веревку, сучить длинные нитки, стоять в дверях, т.к. роды будут долгими и трудными;

— сидеть на дороге — это вызовет осложнение при родах;

— есть накипь — послед прирастет к животу;

— есть голову и хвост большой рыбы — будет болеть поясница;

— есть мясо из тазовой полости животного — сузится родовой проход и др.

Ко второй категории относятся запреты:

— участвовать в похоронах, даже ходить по дороге, по которой везли покойника, есть поминальные блюда — в противном случае ребенок будет «спать» и не родится;

— есть голову налима — ребенок будет слюнявым;

— есть печень тайменя — у ребенка будут пятна на коже;

— сидеть или лежать на медвежьей шкуре — ребенок будет злым [Серошевский, 1993, с. 158].

Запреты во время беременности отмечены и в наши дни. По словам респондентов, сохранился запрет на посещение похорон, причем сторониться покойников стараются даже при малолетних детях. Если все же пришлось присутствовать на похоронах, то необходимо после церемонии пройти по людному месту, чтобы очистить себя от «отрицательной энергетики». Также нельзя вязать, иначе пуповина обвяжет шею ребенка и он задохнется. Некоторые женщины придерживаются запрета на стрижку волос. Считается, что волосы являются вместилищем души человека, а если подстричь их во время беременности, можно нанести вред ребенку. Одним из основных во время беременности является запрет «преждевременной» покупки детских вещей, т.е. до рождения ребенка. По утверждению респондентов, можно «спугнуть душу еще не родившегося ребенка». Критике подвергаются женщины, которые на «западный манер» готовят заранее комнату ребенка и принадлежности для новорожденного. Данный запрет соблюдается повсеместно, и существует множество рассказов о том, что кто-то когда-то покупал заранее вещи, а ребенок так и не родился [ПМА Яковлевой К.М., 2017]. Также есть поверье, что лучше

не объявлять о своей беременности до того, пока не будет видно живота. Запрещается даже подбирать имя ребенку до его рождения [ПМА Яковлевой К.М., 2018].

Данные запреты в современном мире, скорее всего, связаны с сохраняющимся страхом потерять ребенка еще до его рождения. У якутов существуют представления об особенной связи женщины со сверхъестественным миром, что делает ее «ближе к богам». Таким образом, если женщина нарушит запреты, то может обидеть богов и тем самым вызвать их гнев и остаться бездетной.

Рождение

Третий этап родильного обряда связан непосредственно с родами и послеродовым приобщением женщины и ребенка к обществу. Во время родин женщине приходили на помощь духи — покровители рода, с неба спускалась Айыысыт. Чтобы ее не спугнуть и не рассердить, все домочадцы говорили только шепотом, «кормили ее и почитали».

В современной Якутии некоторые люди считают, что необходимо практиковать роды «как в древности». Женщина должна рожать стоя, опершись на перекладину, а родившийся ребенок должен коснуться земли. Это делается для того, чтобы *буор кут* младенца моментально вселился в его тело [ПМА Яковлевой К.М., 2018]. Нам неизвестно, действительно ли практикуется такой метод родов, но некоторые женщины всерьез задумываются над этим.

На третий день после родов проводился обряд проводов Айыысыт [Серошевский, 1993, с. 90]. В дар ей убивали домашнее животное. Голову и внутренние органы животного ставили на стол для Айыысыт. В земляном полу балагана выкапывали небольшую ямку, около нее устанавливали маленькую берестяную *ураса* (летняя юрта). Возле урасы ставили *сэргэ* (коновязь) и к ней привязывали берестяного коня. Если рождался мальчик, то на коне был человек. Около коновязи размещали изображения животных, на которых якуты охотились. Также специально изготавливали маленький лук со стрелой.

Рис. 1. Реконструкция места родов в якутском балагане (ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского).

Fig. 1. Reconstruction of the place of birth in Yakut traditional house (Balagan) (Yakutsk State Museum of history and culture of the people of the North named after Em. Yaroslavskiy).

В гости приходили нарядные женщины, они выгоняли всех мужчин из дома, даже маленьких мальчиков, рассаживались вокруг маленькой специально изготовленной берестяной урасы. Самая старая из этих женщин разжигала внутри урасы огонь и подливала туда масла. Она желала благополучия ребенку и матери. Вокруг урасы расставляли также сделанные из бересты миниатюры животных, образ лошади с наездником (если родился мальчик) или без наездника (при рождении девочки). Самая молодая из гостей стреляла из игрушечного лука в животных. При попадании все

присутствующие должны были бурно реагировать. Таким образом гадали, насколько удачным и успешным будет новорожденный. Затем все изображения животных кидали в костер и следили за дымом — его направление показывало, кто станет следующей матерью (рис. 1).

Пока шел обряд, женщины мазали лица маслом и громко хохотали. Айыысыт должна была понравиться та женщина, которая громче и веселее всех смеется. Когда обряд заканчивался, все убирала и предавалась угощению. В этот день все должны были наесться досыта, в том числе домашние животные.

По материалам И.А. Худякова, на третий день после родов женщины варили особое угощение для богини и духов, которым «кормили» огонь и землю. Данный обряд называется *О5о малааына* [Худяков, 1969, с. 65].

Сегодня обряд *О5о малааына* сохраняется в виде праздника. Жительница с. Балыктах Мегино-Кангаласского улуса, Габышева Марфа Николаевна, пенсионерка, описывая родильные обряды, отмечает: «В деревне обычно устраивают праздник для родственников и близких людей, после месяца рождения ребенка. Приготавливается праздничная еда, из стандартного набора блюд, дарят подарки ребенку, произносится “алгыс” (благопожелание). Кульминационным моментом события является ритуал помазания золой лба ребенка, чтобы дух местности и дома принял его» [ПМА Яковлева А.И., 2015].

Женщины с. Тюнгюлю Мегино-Кангаласского улуса отмечают, что в их время праздник устраивался в день выписки роженицы и назывался *Айыысыт*. Таким образом, современный праздник в честь приветствия ребенка является неким синтезом двух обрядов — проводов Айыысыт и *О5о малааына*, но в основном носит характер приобщения ребенка к роду [Там же]. В городских условиях родственников приглашают на исполнение месяца ребенку. Обязательным является обряд *алгыс* (благопожелание), который проводится старейшиной рода и сопровождается обрядом кормления огня (рис. 2).

Рис. 2. О5о малааына (ПМА, г. Якутск).

Fig. 2. Ogo malahina (Field material of the author, Yakutsk).

Хозяева накрывают стол, гости одаривают новорожденного и родителей. Наиболее популярным подарком в последнее время является специальная шкатулка (*куьэйдэ*) для хранения пуповины, первых остриженных волос и браслетиков ребенка. Также родственники дарят амулеты, чаще серебряные (колокольчик, ножнички для девочки, ножичек для мальчика, круглые бляхи с орнаментом) с куском шерсти медведя или конским волосом [ПМА Яковлевой К.М., 2017]. Ранее подобные амулеты подвешивали к кроватке новорожденного. Такие обереги были отмечены П.А. Слепцовым: «Большое количество амулетов привязывали над колыбелью или к ее веревке: нож с ножнами, огниво с трутом, деревянный топорик, наконечник стрелы, медный колокольчик, голову или ногу совы, ястреба, медвежью лапу с когтями, надутый коровий пузырь и т.д.» [1989, с. 89].

Обязательным является ритуал помазания лба ребенка золой из домашнего очага, это действие нацелено на приобщение ребенка к духам местности. Дух домашнего очага должен был принять малыша как своего нового человека и, таким образом, оберегать его от злых духов. Данную традицию отметили практически все респонденты [ПМА Яковлева А.И., 2018].

После рождения

Дальнейшие обряды были нацелены на сохранение жизни уже родившегося ребенка. Известны такие обряды, как *О5о куоттырыыта* (кража ребенка), когда ребенка до 6–7 лет называли другим именем или отдавали на усыновление другой семье по сговору. Даже «меняли» пол ребенка, если, например, в данной семье не выживали именно мальчики. Девочку называли мужским именем и воспитывали как мальчика, и наоборот. Одновременно с «кражей ребенка» шаман совершал обряд оберегания души ребенка. Он просил изготовить деревянного коня и человека, на него подвешивали берестяной туесок с птичкой, символизирующий душу (*кут*) ребенка. Шаман всю изготовленную атрибутику относил в лес и прятал в недоступном месте (рис. 3).

Рис. 3. Шаманская атрибутика для обряда оберегания души ребенка (ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского).

Fig. 3. Shamanic paraphernalia for rites in protection the child's soul (Yakutsk State Museum of history and culture of the people of the North named after Em. Yaroslavskiy).

В Верхневилуйском улусе, в с. Мейик, рассказывали, как в 50-е гг. XX в. у женщины после родов забрали ребенка и она его не видела до 7 лет. До этого в их семье умерло несколько новорожденных. Данный обряд провела бабушка ребенка. Она вынесла его через окно, не сказав об этом матери, и замела метелкой свои следы, чтобы злые духи не выследили их. Матери ребенка строго-настрого запретили видаться с малышом. Через год в семье родился еще один здоровый малыш, а после — еще четверо. Респондент считает, что именно проведенный бабушкой обряд дал шанс родиться этим детям [ПМА Яковлева А.И., 2018]. Также известны случаи, когда мальчиков одевали как девочек и даже давали девичьи имена, чтобы сохранить жизнь и «спрятать» от злых духов. В древности, по данным исследователей, кражу ребенка производили не только через окно, но и через трубу камелька, так как считалось, что злые духи боятся духа огня. Мать могла встречаться со своим ребенком, но в день встречи должна была как будто по надобности обойти несколько домов, чтобы запутать злого духа. И.А. Худяков отмечает более гуманный обряд: многодетная пожилая женщина приходила в дом проблемной семьи и через окно «покупала» ребенка, при этом младенец оставался в своей семье, но считался ребенком этой женщины [Худяков, 1969, с. 68].

В современном мире обряды, нацеленные на сохранение жизни ребенка, проявляются в запрете фотографировать маленьких детей спящими, показывать всем ребенка до года (особенно в социальных сетях). Встречаются и случаи со сменой имени, в основном если ребенок сильно болеет [ПМА Яковлевой К.М., 2017].

Особо можно выделить запреты, которые распространялись на мать и на младенца. Они зафиксированы со слов современных якутских женщин и частично сохраняются по сей день. Женщи-

не после родов нельзя мыться, стричь ногти и волосы в течение 40 дней после родов. Новорожденного нельзя показывать в зеркало — может выпрыгнуть *кут* (душа) ребенка; нельзя двух младенцев укладывать друг напротив друга — *кут* одного из детей может вылететь, сначала нужно сделать так, чтобы они соприкоснулись затылками, а потом уже уложить их вместе; нельзя целовать пятку ребенка — можно отнять всю его энергию или, опять же, вытянуть *кут*; нельзя грозить ребенку кулаком — *кут* может покинуть тело; нельзя использовать повторно вещи часто болеющего ребенка [Там же]. Мы не можем утверждать, что эти запреты выполняются повсеместно на территории Якутии, но частично они имеют место и соблюдаются в некоторых семьях.

Выводы

Рассмотренные этнографические материалы и собранный полевой материал показывают, что родильный обряд современных якутов отчасти сохранил элементы традиционной формы обрядности и ритуалов, начиная со стимулирования деторождения и заканчивая обрядами для сохранения жизни и здоровья уже родившегося ребенка.

С развитием общества не имеющие практической значимости обряды исчезли, так как медицина и наука способствовали усовершенствованию практики здорового рождения детей. Но сохранились поведенческие стереотипы, которые в основном закреплены в подсознании людей. Пережитки родильных обрядов встречаются в системе запретов, связанных с сохранением жизни ребенка и женщины. Страх потери ребенка создает пласт новых, трансформированных родильных обрядов, которые обеспечивают полный переход женщины в статус матери, а новорожденного — в статус ребенка. Несмотря на то что форма обрядов меняется, адаптируется к новым веяниям культуры, само их существование не только обязательно, но и все более востребованно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 493 с.
- Брагина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
- Брагина Д.Г. Трансформация традиционной культуры якутов. Новосибирск: Наука, 2016. 120 с.
- Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск: Бичик, 1994. 319 с.
- Виташевский Н.А. Брак и родство у якутов // Живая старина. 1904. 4. С. 44–45.
- Гоголев А.И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2002. 104 с.
- Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. кн. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. Т. 1. 416 с.
- Кулаковский А.Е. Материалы для изучения верований якутов. Якутск: Кн. изд-во, 1923. 108 с.
- Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографический материал о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Маак Р.К. Вилюйский округ. М.: Яна, 1994. 592 с.
- Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб.: Тип. Император. АН, 1878. 242 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Издат. фирма РАН, Вост. лит., 2000. Т. II. 796 с.
- Попов Б.Н. Семейно-брачные отношения народов Северо-Востока СССР. Якутск: Интернационализация духовной жизни народов Якутской АССР, 1989. 260 с.
- Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. М.: Центрполиграф, 1993. 720 с.
- Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX — начало XX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1989. 159 с.
- Троцанский В.Ф. Любовь и брак у якутов // Живая старина. 1904. № 2–3. С. 17–34.
- Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 442 с.
- Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 404 с.

ИСТОЧНИКИ

- Полевой материал автора. Яковлев А.И. Материалы экспедиции в Мегино-Кангаласский улус Республики Саха (Якутия), 2015.
- Полевой материал автора. Яковлев А.И. Материалы экспедиции в Верхневилуйский улус Республики Саха (Якутия), 2018.
- Полевой материал автора. Яковлева К.М. Материалы экспедиции в Мегино-Кангаласский улус Республики Саха (Якутия), 2017.
- Полевой материал автора. Яковлева К.М. Материалы экспедиции в Верхневилуйский улус Республики Саха (Якутия), 2018.

The childbirth rituals of the Yakuts: traditions and modernity

The purpose of this paper is to consider the transformation of the maternity rites among the Yakuts from the end of the 19th to the beginning of the 21st centuries. The area under research is the Republic of Sakha (Yakutia), Eastern Siberia. The main source base was represented by the authors' field materials collected in 2016-2018 in the Verkhnevilyuysky, Churapchinsky, Ust-Aldansky, and Megino-Kangalassky districts. The field studies were conducted using modern and traditional methods of qualitative sociology. The key methods of collecting field materials included modern historical-anthropological methods of inclusive observation, and expert and in-depth interviewing of local residents. The stages of the ritual behavior practiced in preparation for conception, pregnancy, during childbirth, and during the postpartum period, as well as aimed at survival of the newborn, have been identified and clarified. The study of the transformation of the maternity rites shows that in the modern culture of the Yakuts there are only few prohibitions related to the life of the child in the first days after birth, whereas other rituals have faded away due to the development of medicine and the loss of fear, among both women and society as a whole, of infertility or death of the woman in labor or the baby in the process of birth itself.

Keywords: transformation of traditional culture, life cycle ceremonies, maternity ceremonies, ritual, tradition, modernity, Yakuts, Yakutia.

REFERENCES

- Alekseyev, N.A. (2008). *Ethnography and folklore of the peoples of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bragina, D.G. (2016). *Transformation of traditional culture of the Yakuts*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bravina, R.I., Popov, V.V. (2008). *Funeral and memorial rites of the Yakuts: Monuments and traditions (XV–XIX centuries)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bolo, S.I. (1994). *Past of the Yakuts before the arrival of the Russians on the Lena (according to the legends of the Yakuts of the former Yakut district)*. Yakutsk: Bichik. (Rus.).
- Ergis, G.U. (1974). *Essays on Yakut folklore*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gogolev, A.I. (2002). *The Origins of mythology and the traditional calendar of the Yakuts*. Yakutsk: Izdatel'stvo Yakutskogo universiteta. (Rus.).
- Khudyakov, I.A. (1969). *Brief description of the Verkhoyansk district*. Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Ksenofontov, G.V. (1992). *Uraankhay-sakhalar: Essays on the ancient history of the Yakuts*. Yakutsk: Nacionalnoe kniznoe izdatel'stvo RS (Ya). (Rus.).
- Kulakovskiy, A.Y. (1923). *Materials for the study of the beliefs of the Yakuts*. Yakutsk: Knizhnoye izdatel'stvo. (Rus.).
- Lindenau, Y.I. (1983). *Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): Historical and ethnographic material about the peoples of Siberia and the North-East*. Magadan: Magadanskoye kniznoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Maak, R.K. (1994). *Vilyuysk district*. Moscow: Yana. (Rus.).
- Middendorf, A.F. (1878). *Journey to the North and East of Siberia*. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy AN. (Rus.).
- Miller, G.F. (2000). *History of Siberia. Vol. II*. Moscow: Izdatel'skaya firma RAN, Vostochnaya literature. (Rus.).
- Popov, B.N. (1989). *Family and marriage relations of the peoples of the North-East of the USSR*. Yakutsk: Internatsionalizatsiya dukhovnoy zhizni narodov Yakutskoy ASSR. (Rus.).
- Seroshesvkiy, V.L. (1993). *The Yakuts: the experience of ethnographic research*. Moscow: Tsentrpoligraf. (Rus.).
- Sleptsov, P.A. (1989). *Traditional family and ritual among the Yakuts (XIX — early XX century)*. Yakutsk: Kniznoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Troshchanskiy, V.F. (1904). Love and marriage among the Yakuts. *Zhivaya starina*, (2-3), 17–34. (Rus.).
- Vitashevskiy, N.A. (1904). Marriage and kinship among the Yakuts. *Zhivaya starina*, (4), 44–45. (Rus.).

Яковлева К.М., <https://orcid.org/0000-0002-5381-8960>

Яковлев А.И., <https://orcid.org/0000-0002-3233-780X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

* Corresponding author.

Григорьев С.А.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027
E-mail: DeTample@yandex.ru

ДОБЫЧА ОСТАНКОВ МАМОНТОВОЙ ФАУНЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ЯКУТИИ В КОНЦЕ XX в.

Формирование и развитие в арктических районах Якутии в конце XX в. такого нового вида промыслов, как добыча ископаемой мамонтовой кости, наложило заметный отпечаток на жизненный уклад местного населения, занимающегося традиционным хозяйством. Открывшиеся для населения возможности дополнительного дохода и слабый контроль государства в данной сфере создали условия для возникновения особой среды экономических взаимоотношений, что оказало значительное воздействие на социально-экономическое положение коренных народов, проживающих в регионе.

Ключевые слова: коренные народы, Якутия, ископаемая мамонтовая кость, промышленное освоение, конец XX в., арктическая зона, окружающая среда, недропользование.

Введение

Арктические территории традиционно считаются обладающими почти необъятными запасами природных ресурсов, а добыча ископаемых в северных регионах многие годы служит опорой экономической жизнедеятельности государства. Помимо активной разработки нефтегазовых, угольных, лесных, минеральных и биологических источников, в России в последние десятилетия намечилось увеличение добычи особого рода полезных ископаемых — мамонтовой кости. Это стало возможным благодаря тому, что в 1973 г. ООН была принята Конвенция о международной торговле исчезающими видами фауны и флоры (СИТЕС). В приложении 1 этого документа были перечислены виды, экспорт и импорт которых подпадал под запрет [Конвенция о международной торговле...]. В 1989 г. в этот список был внесен африканский слон, а в 1990 г. принято «Международное соглашение о запрете торговли слоновой костью», что мгновенно спровоцировало рост спроса на ископаемую мамонтовую кость (ИМК) на международном рынке [Смирнов, 2005, с. 256]. Процесс совпал с полномасштабными социально-экономическими преобразованиями в СССР, являвшемся лидером по оценочным запасам ископаемого сырья. Как результат, либерализация экспортных возможностей и формирование «дикого» рынка положили начало так называемому «бивневому буму» в арктических регионах. Стремительный рост цен на ископаемую мамонтовую кость в значительной степени повлиял на жизненный уклад и систему приоритетов в хозяйственной деятельности прежде всего коренного населения северо-востока страны.

По экспертным данным, в северных районах Якутии сосредоточено до 70–80 % общего объема останков мегафауны плейстоценового периода [Смирнов, 2016, с. 66]. Предположительно сегодня ежегодно добывается до 35 тонн ископаемой кости, при этом потенциально в недрах региона может находиться около 450 тыс. тонн данного ресурса [Смирнов, 2005, с. 263]. Добыча бивней нуждается в законодательном урегулировании как на республиканском, так и на федеральном уровне. Власти Якутии на протяжении нескольких лет добиваются либо принятия нового закона «О мамонтовой фауне», либо внесения изменений в федеральный закон «О недрах», который на данный момент регулирует эту сферу. Все это не может не отражаться на жизни и социально-экономической деятельности локальных групп арктического региона РС(Я). Юридическая неопределенность (выраженная в отсутствии специального закона), а также высокая рентабельность данного вида бизнеса создает особые условия для жизнедеятельности местного населения. В связи с этим изучение и определение влияния такого «нового ресурса», как ИМК, на аборигенные сообщества имеет большое научное значение, в том числе для детального понимания последствий его освоения.

Интерес к данной проблеме со стороны научного сообщества проявился относительно недавно. Применительно к теме добычи мамонтовой кости интерес представляют работы А.Н. Смирнова, посвященные проблемам и перспективам освоения ИМК на арктических территориях [1998, 2005, 2016]. Обращает на себя внимание диссертация Н.Д. Кириллина [2011], в которой автор помимо

прочего рассматривает вопросы нормативно-правового регулирования добычи палеонтологических ресурсов и прав коренных малочисленных народов Севера. Также можно отметить диссертационное исследование С.Е. Федорова [2017], посвященное истории научного изучения млекопитающих четвертичного периода в Якутии (XVIII–XX вв.) в контексте развития отечественной палеонтологии. Несмотря на то что С.Е. Федоров основной задачей ставил описание именно научных изысканий ИМК, часть его работы затрагивает и более широкий контекст данной проблемы. В частности, им рассмотрена роль мамонтовой кости в жизни и творчестве коренных народов, а также вкратце дана общая историческая ретроспектива данного явления.

В течение нескольких последних лет стали публиковаться исследования, посвященные истории освоения и культурного восприятия мамонта как элемента природной среды [Arzyutov, 2019; Васильева и др., 2019, 2021; Николаев, 2019]. Также рассматривались вопросы юридического и экономического регулирования сбора и добычи бивней мамонта как вида традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера [Белолобская, 2019; Потравный и др., 2020]. Несмотря на наличие новейшей литературы по различным аспектам влияния ресурсов мамонтовой мегафауны на жизнь коренного населения Севера, эта тема по-прежнему остается малоисследованной. Между тем актуальность, теоретическая и практическая ценность данной темы очевидна.

В данной статье представлен результат исследования истории начала нового этапа освоения особого вида ресурсов — бивней мамонта на севере Якутии в конце XX в. и его влияния на местные сообщества. Арктические районы северо-востока России являются местом проживания коренных народов, значительная часть которых продолжает заниматься традиционным хозяйством. Особое развитие здесь получили оленеводство, охота и рыболовство, во многом сформировавшие современную культуру местного населения и предопределившие уникальную систему жизнедеятельности. В советский период традиционная экономика Севера подверглась значительным трансформациям, пройдя сначала колхозный, а затем и совхозный этап. Эти изменения в значительной степени негативно сказались на этнокультурном развитии коренных народов, но также обеспечили относительную социально-экономическую стабильность и уровень жизни. Именно в этот период в арктических районах Якутии сложилась современная поселенческая структура, являющаяся следствием многолетней государственной политики по переводу коренных народов на оседлый образ жизни. В результате во второй половине XX в. были возведены новые либо расширены уже существовавшие поселения, где сформировалось полиэтничное население, состоящее из представителей малочисленных народов Севера (долган, эвенков, эвенов, чукчей и юкагиров), якутов, русских, а также других этнических групп. За десятилетия совместного сосуществования жители этих сел и поселков взаимодействовали не только в хозяйственном, но и в культурном отношении [Филиппова, 2007]. Нужно добавить, что эти формирующиеся полиэтничные локальные сообщества вели во многом изолированный образ жизни, в силу значительных, в десятки или даже сотни километров, расстояний между населенными пунктами. В конце 1980-х гг. жители именно таких поселений оказались в эпицентре разворачивающегося «бивневого бума».

Целью данного исследования является изучение влияния развития новой отрасли экономики в регионе на местные сообщества, а также освещение последовательности событий, способствовавших этому. Источниками для статьи послужили материалы Национального архива Республики Саха (Якутия), региональных газет, а также правовые и справочные материалы, освещающие этот решающий этап в развитии местных коренных общин. В качестве методологической основы исследования использован исторический метод анализа архивных данных, периодических изданий, юридической и научной литературы, относящихся к теме статьи.

«Бивневый бум» и первые последствия

История добычи останков ископаемой фауны в Якутии насчитывает не одно столетие. Начало активной добычи мамонтового бивня связывается с событиями второй половины XVIII в., когда русские промысловики развернули деятельность по поиску и сбору мамонтовой кости между устьями Хатанги и Анабара, а затем обнаружили ее залежи на Ляховских островах. К концу XVIII в. география поисков распространилась на все побережье Якутии. Имеющиеся данные позволяют говорить об устойчивости объемов добычи мамонтовой кости на протяжении XIX–XX вв. Ежегодно через якутские ярмарки проходило около 1000 пудов мамонтовой кости [Васильева, 2019, с. 94]. После революционных событий 1917 г. рыночный оборот данного ресурса стал постепенно сворачиваться вследствие национализации имущества торговых домов и частных предпринимателей. Тем не менее рынок мамонтовой кости исчез не сразу; по крайней мере, в 1920-х гг. его объем оставался значительным, что видно по хозяйственной переписи Приполярного Севера СССР 1926–1927 гг. По

этим данным объем добычи мамонтовой кости составлял около 6 тонн в год. Мамонтовая кость стала использоваться в небольшом объеме внутри страны и в основном только для изготовления предметов сувенирного и декоративно-прикладного характера [Николаев, 2019, с. 38].

На протяжении большей части советского периода добыча ИМК в Якутии практически отсутствовала, в силу нерентабельности и недоступности стабильного рынка сбыта. К примеру, объем всей добытой кости до 1979 г. составил всего 10 тонн [Федоров, 2017]. Возрождение интереса к освоению бивня мамонта произошло только в конце 1980-х гг. в связи, как уже указывалось выше, с ужесточением запретов на добычу бивней слонов и сокращением их поголовья в странах Азии и Африки. К тому же именно в этот период происходившие в стране реформы впервые за долгое время предоставили регионам возможности для самостоятельной внешнеэкономической деятельности. Открытие зарубежных рынков сбыта, а также значительный спрос на ИМК подстегнули интерес властей и населения арктических районов к данной, доселе не востребованной у них отрасли и предопределили втягивание в нее значительного числа местных жителей, в том числе из представителей коренных народов, занятых преимущественно в сельскохозяйственной отрасли [«Не публиковать...», 1989; Бивневая лихорадка, 1990; В тундру — за мамонтом, 1990].

Первоначально официальная функция по сбору и реализации палеонтологических останков была возложена правительством Якутии на агропромышленный комбинат (АПК) «Север» — огромное хозяйственное образование, включавшее в себя 13 районных управлений сельского хозяйства Севера Якутии, в том числе 30 совхозов, 8 предприятий республиканского и городского значения. Также в его составе значились объединение «Якутрыбпром» в составе 6 рыбзаводов, рыболовческий колхоз «Арктика», сувенирная фабрика «Сардаана» в г. Якутске и т.д. [Санникова, 2018, с. 42]. Это объединение предприятий из смежных отраслей хозяйства контролировало экономику всех северных районов Якутии с момента своего формирования в 1988 г. до начала 1990-х гг. Именно в его ведении находились арктические совхозы, на чьих подведомственных территориях залегали основные запасы ИМК.

АПК «Север» начал свою деятельность по освоению данного вида ресурсов только во второй половине 1989 г., когда вышло постановление Совета агропромышленного комбината «Север» от 17 августа 1989 г., где рекомендовалось развернуть работу по созданию при совхозах и рыбзаводах специальных кооперативов, занимающихся добычей природных ресурсов, в том числе «заготовкой мамонтовых бивней» [НА РС(Я). Ф. П — 1500, оп. 1, д. 3, л. 53]. Предполагалось, что добытые местными жителями палеонтологические находки будут сдаваться ими в пункты приема за определенную плату и затем переправляться в г. Якутск, где уже было налажено производство сувениров. В дальнейшем готовую ювелирную и сувенирную продукцию рассчитывали сбывать за рубежом. Так, например, в 1990 г. был заключен контракт на поставку сувениров из мамонтовой кости в Японию [Там же, д. 10, л. 8].

16 февраля 1990 г. постановлением Совета Министров Якутской АССР агропромышленному комбинату «Север» было разрешено не только вести сбор мамонтовых бивней и других палеонтологических образцов, но также принимать их от граждан по установленным ценам. Совхозы, которые входили в АПК и осуществляли эту деятельность, должны были получить специальные разрешения местных районных Советов народных депутатов. Добыча ИМК была разрешена на арктическом побережье, в шельфовой зоне с применением специальной техники и водолазного снаряжения, но при этом запрещалось использование водометной техники для размыва берегов [Там же, д. 3, л. 75]. Таким образом, республиканские власти попытались узаконить и начать хоть как-то регулировать нарождающийся рынок нового вида ресурсов.

Примечательно, что относительно интенсивное освоение ИМК на севере Якутии, по всей видимости, началось несколько раньше, еще на рубеже 1970–1980-х гг. и осуществлялось приезжими старателями из геологоразведочных партий, а также различными предприятиями, кооперативами, частными лицами и даже воинскими частями [Там же]. «Хищнические» методы, применявшиеся при добыче мамонтовой кости, неоднократно вызывали недовольство у местного населения, в итоге отразившееся в нескольких критических публикациях на страницах республиканской прессы [«Не публиковать...», 1989; Бивневая лихорадка, 1990; В тундру — за мамонтом, 1990]. Особой критике подверглась деятельность Приморской партии северного производственного объединения (СПО) «Северкварцсамоцветы», сотрудники которого наладили вывоз найденных останков из Якутии в Ленинград. Нарекания вызывали как юридическое основание проводимых работ, так и собственно методы ленинградцев по добыче ресурса. В 1980-х гг. данное СПО проводило целенаправленные геологоразведочные работы по поиску и добыче ма-

монтовой кости на арктическом побережье. Его поисковые партии действовали в пределах так называемой Североякутской костеносной провинции, куда входили Булунский, Усть-Янский, Аллаиховский и Нижнеколымский административные районы Якутской АССР. В небольшом объеме работы проводились в Чаунском районе Чукотского автономного округа, находившегося тогда в составе Магаданской области. Всего ими было выявлено 17 россыпных месторождений ИМК и проведен подсчет запасов, принятых в итоге на баланс министерства геологии СССР [Смирнов, 2007, с. 25]. На протяжении 1980-х гг. в различные инстанции поступали жалобы о фактах нарушения условий договора между Советом министров ЯАССР и СПО «Северкварцсамоцветы», игнорирования природоохранного законодательства, режима экологии, браконьерства и т.д. В местах производственной деятельности геологических партий широко применялась тяжелая вездеходная гусеничная техника, разрушавшая тундровый покров, активно разрабатывались горные выработки при помощи специальных мотопомп, размывавших многолетнюю мерзлоту, замусоривались бытовыми и техническими отходами значительные территории. Естественно, это не могло не отразиться на хозяйстве местного населения, во многом продолжавшем зависеть от природных биологических ресурсов их среды обитания.

Одним из следствий промышленной разработки ИМК для арктических районов стало сокращение численности некоторых промысловых видов животных. Как указывали специалисты и жители Булунского района, активное использование тяжелой техники на территории Новосибирских островов привело к миграции популяции белого песка — важного источника пушнины для кадровых охотников из совхоза «Таймырский» [Бивневая лихорадка, 1990]. В Усть-Янском районе Якутии в коллективном письме работников местного совхоза отмечалось, что *«за время работы ленинградцев на побережье моря Лаптевых резко сократилась численность белого песка, горностая, куропатки, лемминга и прочей тундровой живности, которой звенки кормились испокон веков. Тяжелая гусеничная техника, бездумно применяемая геологами, не только покaleчила растительный слой нашей скованной вечной мерзлотой земли, но и уничтожила места норения песцов, птичьих гнездовий, да и попросту распугала чрезвычайно чуткого к внешнему шуму и запаху северного зверя»* [В тундру — за мамонтом, 1990].

Тогда же отмечалось, что истощение охотничьих угодий напрямую отражалось на доходах коренных жителей. Сокращение промысловых ресурсов приводило к невыполнению плановых заданий по заготовке продукции членами совхоза и, как следствие, к невыплате им заработной платы. В результате «под натиском геологов» местные охотники вынуждены были осваивать уже совсем удаленные, слабо исследованные угодья, зачастую с риском для жизни. Отмечались случаи гибели промысловиков, чьи семьи в итоге оставались без кормильцев [Там же]. Еще одним следствием активных геологоразведочных работ по поиску и добыче ИМК стало сокращение территорий, пригодных для выпаса домашних оленей — основы местной экономики. Из-за применения тяжелой гусеничной техники, уничтожавшей ягельный покров в тундре, выводились из обращения значительные площади совхозных пастбищ под кормовую базу, что, в свою очередь, влияло на численность стад, обуславливало рост трудозатрат на их содержание и повседневной нагрузки на оленеводов.

ИМК как экономический фактор

Помимо нанесения непосредственного ущерба экологии и хозяйству арктических районов Якутии расширение добычи ИМК создало сложную ситуацию для населения, оказавшегося включенным в новые, юридически неопределенные экономические отношения. Из-за несоответствия реальной стоимости ресурса официальным закупочным ценам, определявшимся государством, значительная часть местных жителей оказалась втянутой в сферу оборота мамонтовой кости, почти сразу перешедшую на полуполегалное положение. Это было обусловлено прежде всего высокими расценками на «черном рынке». К сожалению, пока не удалось обнаружить каких-либо официальных документов, раскрывающих тарификацию как розничной, так и оптовой стоимости ИМК того периода. В то время уже снизились требования к осуществлению делопроизводства, и это привело к тому, что в архивохранилищах интересующие нас документы сохранились фрагментарно либо полностью отсутствуют. Кроме того, определить существовавшие в то время в нелегальном обороте цены на мамонтовую кость сложно в силу естественной скрытности данной практики. Едва ли не единственным источником информации могут служить отдельные публикации в прессе, относящиеся к интересующей нас проблеме.

Так, в газете «Социалистическая Якутия» от 14 июля 1990 г. начальник отдела промыслов АПК «Север» Б. Мархандаев приводил условия приема и оплаты палеонтологических находок,

собранных на территориях, отведенных под этот вид экономической деятельности. Согласно его данным, при нахождении целых скелетов и туш мамонтов, обладающих большой научной и коммерческой ценностью, следовало сообщить в ближайший совхоз, который, в свою очередь, должен был вызвать комиссию для определения стоимости находки. Все собранные бивни оценивались по весу и качеству. За первый (высший) сорт (образцы любого цвета без трещин, с твердой плотной сердцевинной) полагалось 100 руб. за 1 кг. Второй сорт стоил 80 руб. за 1 кг, в этом случае образец мог иметь продольную трещину, но не более чем на одну треть бивня. Третий и четвертый сорта — 50 и 30 руб. соответственно [Ищите мамонтовую кость, 1990]. Примечательно, что уже через неделю вышел новый прейскурант закупочных цен, выполненный в соответствии со стандартом, утвержденным Советом министров ЯАССР, хотя до этого цену определял непосредственно АПК «Север». Согласно новому прейскуранту, цены на ИМК были значительно снижены, а требования к качеству, наоборот, повышены. Теперь официальный тариф за 1 кг мамонтовой кости высшего сорта составлял 70 руб., первого — 56 руб., второго и третьего — 35 и 21 руб. соответственно [«Ищите мамонтовую кость», 1990].

Вполне естественно, что реальная стоимость ИМК на «черном рынке» была значительно выше, чем установленные властями республики закупочные цены. Предполагалось, что она могла достигать от 100 до 150 руб. за килограмм. Широко были распространены истории наподобие той, что как-то одному из местных жителей предлагали 30 тыс. руб. за 100 кг бивня. Существовали прецеденты и прямого обмена ИМК на импортную электронику [Контрабандный мамонт, 1991]. Таким образом, к началу 1990-х гг. на севере Якутии сложилась необычная ситуация, когда на смену старым, но еще действующим порядкам, выражающимся в полном контроле государства над местной экономикой, приходили новые правила и установки неконтролируемого рынка. Ископаемые костные останки палеонтологических животных, прежде всего мамонта, неожиданно стали весьма ценным и ликвидным ресурсом, что не могло не отразиться на местном населении, видевшем в ИМК дополнительный источник доходов.

Следует отметить, что данный процесс происходил в период глубокого социально-экономического кризиса. Сложная ситуация, сохранявшаяся на протяжении 1990-х гг., послужила причиной упадка всего сельскохозяйственного и промышленного комплекса Якутии. Общая нестабильность привела к серьезным деформациям сельской экономики, являющейся сферой традиционной деятельности коренного населения. Сократилось финансирование государством сельскохозяйственных и оленеводческо-промысловых хозяйств, нарушились производственные связи. В результате резко упали производственные показатели традиционных хозяйств, что, в свою очередь, привело к снижению уровня и качества жизни местного населения, росту безработицы, уменьшению покупательной способности.

Закрытие промышленных, транспортных и строительных предприятий обусловило свертывание и деградацию рабочих поселений, а это подрывало установившийся внутренний рынок оленеводческой продукции и промыслов, на который было ориентировано местное население. Эти обстоятельства естественно предопределили интерес жителей арктических районов Якутии к освоению нового ресурса. Зачастую такой способ заработка был единственным обеспечивающим реальный доход на этих территориях в первые постсоветские годы.

Развал СССР и последующая федерализация в России в начале 1990-х гг. предоставили регионам значительную автономию в разработке и принятии собственного законодательства, регулирующего их внутреннюю жизнь. Для Якутии, с ее значительными запасами полезных ископаемых, правовой контроль над этим важнейшим источником доходов являлся приоритетной задачей. Не был обойден вниманием и такой вид деятельности, как сбор мамонтовых бивней и других палеонтологических находок. В разные годы в республике был принят ряд нормативно-правовых документов по сбору и добыче ИМК, в частности указы Президента Республики Саха (Якутия) «О неотложных мерах по охране, сбору, закупке и использованию бивней мамонта и других остатков мамонтовой фауны на территории Республики Саха (Якутия)» [О неотложных мерах...] и «Об особом статусе природных ресурсов — ископаемых остатков мамонтовой фауны и регулировании их оборота на территории Республики Саха (Якутия)» [Об особом статусе...], а также закон «О регулировании пользования и распоряжения особым природным ресурсом — ископаемыми остатками мамонтовой фауны» [О регулировании пользования...]. Местные власти принимали и другие меры по контролю и регулированию добычи ИМК. Так, в начале 1990-х гг. по их инициативе был создан Национальный мамонтовый фонд, куда должны были доставляться все найденные на территории республики останки мамонтовой фауны, а в 1991 г. в Якутске был открыт Всемирный музей мамонта [Белолюбская, 2019, с. 7].

Указанные меры способствовали установлению нового порядка в обороте ИМК и демонстрировали стремление республиканских властей к государственной монополизации данной сферы. В частности, в 1992 г. в соответствии с указом «О мерах по сохранению природных комплексов Новосибирских островов» ограничивалась деятельность всех сторонних геологических организаций на островах и приморских территориях Якутии [Смирнов, 2007, с. 25]. В том числе была приостановлена работа и уже упомянутого СПО «Северкварцсамоцветы», чья активность вызывала множество нареканий в предыдущие годы.

В принятом 17 июля 1992 г. указе № 199 «О неотложных мерах по охране, сбору, закупке и использованию бивней мамонта и других остатков мамонтовой фауны на территории Республики Саха (Якутия)» утверждалось, что отпуск бивней из Национального мамонтового фонда мог производиться с разрешения правительства только специализированным организациям и предприятиям, а также гражданам, занимающимся традиционными промыслами. Главы муниципальных образований обязаны были уведомлять Всемирный музей мамонта о находках мамонтовых останков. Более того, все коллекции и экспонаты мамонтовой фауны, хранящиеся в государственных учреждениях, объявлялись государственной собственностью республики [О неотложных мерах...].

Вводимые республиканскими властями ограничения значительно повлияли на добычу ископаемой кости в арктических районах Якутии. В конечном счете это привело к почти полному вытеснению старателей из других регионов местными «охотниками за бивнями», в том числе представителями коренных народов Севера, чьи родовые общины также занимались поиском и реализацией ИМК. В настоящее время не обнаружено каких-либо опубликованных источников о состоянии данной отрасли в 1990-е гг., о ее масштабах могут говорить лишь косвенные данные, основанные на оценках объемов добычи в начале XXI в., когда формировалась новая нормативно-правовая система по регулированию использования ископаемой мамонтовой кости. По данным Госкомгеологии Якутии, в 2002 г. в республике действовали около 30 недропользователей преимущественно малых форм хозяйствования: общества с ограниченной ответственностью, сельскохозяйственные кооперативы, родовые кочевые общины малочисленных народов Севера и индивидуальные предприниматели. Всего же в арктических районах добывалось 25–35 тонн мамонтового бивня в год [Кириллин, 2009, с. 61], и, по неподтвержденным данным, в 1990-е гг. большая часть местного сельского населения (за исключением крупных промышленных поселков) так или иначе была связана с данным видом промысла. По образному выражению одного из жителей в беседе с автором этих строк, *«в то время мамонтовые бивни лежали в каждом сарае»*.

Заключение

Ситуация, сложившаяся в северной Якутии в конце XX в., имела во многом уникальный характер. Почти одномоментно в силу объективных причин до того ничем не примечательный и не вызывавший интереса объект природного происхождения стал восприниматься как ценный, востребованный ресурс. Появившийся в мире спрос на ИМК и одновременное снятие изоляции на внешние контакты в Советском Союзе стимулировали стремительное развитие принципиально иной структуры социальных и хозяйственных отношений. Естественно, что это в значительной степени влияло на положение аборигенных сообществ: в районах их традиционной жизнедеятельности развернулся интенсивный промысел, несший для них как реальные экологические и социальные угрозы, так и новые возможности. Открывшиеся перспективы, наряду с неготовностью государства регулировать складывающийся «дикий» рынок ИМК, создали условия для возникновения особой среды экономических взаимоотношений, охвативших арктические районы Якутии. Этот почти не учитываемый фактор, несомненно, оказал значительное воздействие на социальное самочувствие коренных народов региона в конце XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белолубская Г.С. Правовое регулирование сбора останков мамонтовой фауны в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Юридические исследования. 2019. № 12. С. 1–11. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.12.31697>
- Васильева О.В. Добыча мамонтовой кости в контексте взаимоотношений торгового капитала и коренного населения (XIX–XX вв.) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 12. С. 92–98. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.16>
- Васильева О.В., Кузьмина А.А., Федорова А.Р. Воображение Севера в контексте освоения природной среды: Мамонт в мифологических представлениях якутов // Научный диалог. 2021. № 1. С. 194–210. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-194-210>

Добыча останков мамонтовой фауны и локальные сообщества арктических территорий...

Кириллин Н.Д. Ископаемая мамонтовая кость особый геокриогенный природный ресурс // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». 2009. Т. 2. № 8. С. 55–63.

Николаев Д.А. Из истории торговли мамонтовой костью в Якутии (XIX — нач. XX в.) // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2019. № 4. С. 35–39.

Потравный И.М., Протопопов А.В., Гассий В.В. Добыча бивней мамонта как вид традиционного природопользования // Арктика: Экология и экономика. 2020. № 1 (37). С. 109–121. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-1-109-121>

Санникова Я.М. Традиционное хозяйство Якутии и АПК «Север»: организационно-управленческие решения второй половины 1980-х — 1991 г. // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 42–55. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.33.40>

Смирнов А.Н. Мамонтовая кость — россыпное полезное ископаемое арктической области России // Минеральные ресурсы России: Экономика и управление. 1998. № 2. С. 16–20.

Смирнов А.Н. Ископаемая мамонтовая кость: Проблемы и перспективы изучения и освоения ресурсного потенциала в Российской Арктике // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2005. Т. 5. № 13. С. 255–265.

Смирнов А.Н. Ресурсный потенциал ископаемой мамонтовой кости в российской Арктике // Минеральные ресурсы России. 2007. № 4. С. 21–29.

Смирнов А.Н., Кириллин Н.Д., Иванова Ю.В., Журилова М.А. Забытое полезное ископаемое российской Арктики — мамонтовая кость // Арктика: Экология и экономика. № 1 (21). 2016. С. 66–75.

Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: Вторая половина XX в. Новосибирск: Наука, 2007. 176 с.

Arzyutov D.V. Environmental encounters: Woolly mammoth, indigenous communities and metropolitan scientists in the Soviet Arctic // Polar Record. 2019. № 55. P. 142–153. <https://doi.org/10.1017/S0032247419000299>

ИСТОЧНИКИ

Бивневая пихорадка // Маяк Арктики. 1990. 4 янв.

В тундру — за мамонтом // Мирнинский рабочий. 1990. 26 июля.

Ищите мамонтовую кость // Социалистическая Якутия. 1990. 14 июля.

«Ищите мамонтовую кость» // Социалистическая Якутия. 1990. 21 июля.

Кириллин Н.Д. Методологические основы рационального пользования особым геокриогенным минеральным ресурсом — ископаемой мамонтовой костью: Дис. ... канд. геол.-минер. наук. М., 2011. 184 с.

Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения // Организация Объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cites.shtml (дата обращения 19.10.2019).

Контрабандный мамонт // Социалистическая Якутия. 1991. 9 янв.

НА РС (Я) Ф. П — 1500. Оп. 1. Д. 3, 10.

«Не публиковать в периодической печати» // Социалистическая Якутия. 1989. 4 июня.

О неотложных мерах по охране, сбору, закупке и использованию бивней мамонта и других остатков мамонтовой фауны на территории Республики Саха (Якутия): Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 17 июля 1992 г. № 199 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/802022903> (дата обращения: 23.04.2021).

Об особом статусе природных ресурсов — ископаемых остатков мамонтовой фауны и регулировании их оборота на территории Республики Саха (Якутия): Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 30 марта 2005 г. № 2044 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/802030236> (дата обращения: 23.04.2021).

О регулировании пользования и распоряжения особым природным ресурсом — ископаемыми остатками мамонтовой фауны: Закон Республики Саха (Якутия) от 16 июня 2005 г. № 250-3 N 507-III [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/802046362> (дата обращения: 23.04.2021).

Федоров С.Е. История исследований млекопитающих четвертичного периода в Якутии: XVIII–XX вв.: Дис. ... канд. биол. наук. Якутск, 2017. 245 с.

S.A. Grigorev

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the RAS
Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: DeTample@yandex.ru

Extraction of remains of the mammoth fauna and local communities of the Arctic territories of Yakutia at the end of the 20th century

Studying the consequences of exploitation of indigenous territories is an urgent topic of modern science. This study presents the result of the research on the history of the development of a special type of resources — mammoth tusks in northern Yakutia. The paper is aimed at the analysis of impact of the new sector of the economy in the region on the local communities. It was also important to identify the sequence of the events that

facilitated this development. The methodological basis of the study is represented by the historical method of analyzing archival data, periodicals, and legal and scientific literature on this subject. Sources for the paper included materials from the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia), regional periodicals, as well as legal and reference materials covering this crucial stage in the development of the local indigenous communities. Despite the fact that extraction of fossil mammoth bone has been carried out for a long time, its active development began only at the end of the 20th century. The formation and progress of such a new type of mining activity has left a special impression on the development of the local population engaged in the traditional farming. Opportunities and the weak state control in this area have created favorable conditions for the emergence of a special environment for economic relations. This has had a significant impact on social well-being of the local indigenous peoples. During this period, a special situation developed when, due to objective reasons, mammoth tusks turned from an object of natural origin that did not cause any interest into a valuable, highly sought resource. The growing global demand for mammoth remains and the removal of barriers for external contacts in the Soviet Union stimulated the rapid development of the fundamentally different structure of socio-economic relations in the Arctic zone. As a result, this situation greatly influenced the state of the local indigenous communities. The areas of their traditional living became a territory of intensive development of "new resources", which brought about real environmental and social threats, but also new opportunities. The new prospects, as well as the state unreadiness to regulate the emerging market of "wild" mammoth bone, created all conditions for the emergence of a special area of economic relations spanning the Arctic regions of Yakutia. This almost neglected factor undoubtedly had significant impact on the social well-being of the indigenous peoples living in the region at the end of the 20th century.

Keywords: indigenous peoples, Yakutia, fossil mammoth bone, industrial development, late 20th century, Arctic zone, environment, subsoil use.

REFERENCES

- Arzyutov, D.V. (2019). Environmental encounters: Woolly mammoth, indigenous communities and metropolitan scientists in the Soviet Arctic. *Polar Record*, (55), 142–153. <https://doi.org/10.1017/S0032247419000299>
- Beloliubskaya, G.S. (2019). Legal Regulation of Collection of Mammoth Fossils Remains in the Russian Federation. *Yuridicheskie issledovaniia*, (12), 1–11. (Rus.). <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.12.31697>
- Filippova, V.V. (2007). *Indigenous People of Yakutia in the changing living space: the second half of the twentieth century*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kirillin, N.D. (2009). Fossil mammoth bone is a special geocryogenic natural resource. *Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal «EKO»*, (8), 55–63. (Rus.).
- Nikolaev, D.A. (2019). The History of the Mammoth Bone Trade in Yakutia (in the XIX — early XX Centuries). *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, (4), 35–39. (Rus.).
- Potravnny, I.M., Protopopov, A.V., Gassiy, V.V. (2020). Mammoth tusks getting as a type of traditional nature management. *Arctic: Ecology and Economy*, (1), 109–121. (Rus.). <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-1-109-121>
- Sannikova, Y.M. (2018). Traditional economy of Yakutia and AIC "Sever": organizational and managerial decisions of the second half of the 1980s — 1991. *Arktika i Sever*, (33), 42–55. (Rus.). <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.33.40>
- Smirnov, A.N. (1998). Mammoth bone — an alluvial mineral resource in the Arctic region of Russia. *Mineral'nye resursy Rossii. Ekonomika i upravlenie*, (2), 16–22. (Rus.).
- Smirnov, A.N. (2005). Fossil mammoth bone: Problems and prospects for the study and development of resource potential in the Russian Arctic. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, (13), 255–265. (Rus.).
- Smirnov, A.N. (2007). Resource potential of fossil mammoth bone in the Russian Arctic. *Mineral'nye resursy Rossii*, (4), 21–29. (Rus.).
- Smirnov, A.N., Kirillin, N.D., Ivanova, Iu.V., Zhurilova, M.A. (2016). Mammoth Bone — Forgotten Mineral Resources of the Russian Arctic. *Arktika: Ekologiya i ekonomika*, (1), 66–75. (Rus.).
- Vasileva, O.V. (2019). Mammoth tusk mining industry in the context of interaction of trade capital and indigenous population (19th and 20th centuries). *Obshchestvo: Filosofiya, istoriya, kul'tura*, (12), 92–98. (Rus.). <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.16>
- Vasilyeva, O.V., Kuzmina, A.A., Fedorova, A.R. (2021). Imagination of the North in Context of Development of Natural Environment: Mammoth in Mythological Representations of Yakuts. *Nauchnyi dialog*, (1), 194–210. (Rus.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-194-210>

Григорьев С.А., <https://orcid.org/0000-0001-9365-0122>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

Корандей Ф.С.^{a,*}, Абрамов И.В.^b, Костомаров В.М.^c, Черепанов М.С.^c,
Шелудков А.В.^d

^a Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003

^b Институт истории и археологии УрО РАН, ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990

^c ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026

^d Институт географии РАН, Старомонетный переулок, 29, стр. 4, Москва, 119017

E-mail: f.s.korandey@utmn.ru (Корандей Ф.С.); ilya_abramov@list.ru (Абрамов И.В.);

vkostomarov@yandex.ru (Костомаров В.М.); maximcherepanov@yandex.ru (Черепанов М.С.);

a.v.sheludkov@igras.ru (Шелудков А.В.)

ПРОВОЦИРУЮЩИЕ ЛАНДШАФТЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ПЕРИФЕРИИ АГЛОМЕРАЦИЙ

Описаны исследовательские принципы и первые результаты реализации проекта по изучению повседневных культурных ландшафтов периферии Екатеринбургской и Тюменской агломераций. Дизайн проекта предполагает сдвиг от парадигмы экспертного чтения ландшафта к парадигме процессуального проживания среды. Перспективы применения метода демонстрируются на примере экспедиции в Тобольское Заболотье (зима, осень 2020 г.).

Ключевые слова: периферия агломераций, повседневный культурный ландшафт, чтение ландшафта, предрасположенности (аффордансы) среды, процессуальный ландшафт, чувствующая экология, ресурсная парадигма, социальная антропология, историческая география.

«Ландшафт — ключ к культуре», писал в 1979 г. П. Льюис, полагавший, что исследование повседневного культурного ландшафта является важнейшим инструментом понимания определяющих пространственных различий страны и социальных процессов, происходящих в ней [Meinig, 1979, p. 15]. Российское социально-географическое пространство стягивается в направлении крупнейших городских центров [Стратегия..., 2019; Nefedova, Treivish, 2020; Kagarichurina, Mkrtchyan, 2020]. Крупные города — средоточие экономической активности, фабрики культурных и социальных инноваций, узлы формирующихся агломераций, привлекающие к себе потоки трудовых мигрантов с соседних территорий. Небольшие населенные пункты на периферии и за пределами городских агломераций кажутся аутсайдерами, исключенными из этого масштабного исторического процесса, хотя время от времени влияние крупного города распространяется и на них, вторгаясь в их пределы в виде туристов, дачников и модернизированных управленческих практик. Однако действительно ли культурный ландшафт периферии столь уж статичен по сравнению с динамичной жизнью крупных городов? Насколько вообще он зависим от окружающего природного ландшафта и этнокультурных традиций его обитателей? Насколько быстро меняются их повседневные экономические практики, неотделимые от пространства? Как выглядит центр-периферийная география влияния, если посмотреть на нее не из центров, а с периферии?

Настоящая работа посвящена артикуляции исследовательских принципов и первых результатов осуществления коллективного междисциплинарного проекта, целью которого является исследование культурных ландшафтов периферии одного из самых динамично трансформирующихся регионов страны — области, расположенной в зоне притяжения двух соседних агломераций — Екатеринбургской, относящейся к числу крупнейших в России (4-е место, свыше 2 млн чел.), и Тюменской, представляющей собой феномен быстрого роста центра с высокой экономической привлекательностью (около 1 млн чел.). Разнообразный регион, включающий в себя контрастные по уровню освоенности и расселения районы лесостепи, тайги и подтаежного леса, сочетающий районы интенсивного индустриального природопользования с очагами традиционной хозяйственной деятельности коренных народов [Шелудков и др., 2016], представляется нам весьма перспективным с точки зрения методов, описанных ниже. Наше исследование строится на использовании комплекса полевых качественных методов. Пределы региона исследова-

* Corresponding author.

ния в данном случае определяются не строгими административно-территориальными, экономико-статистическими, но гибкими паттернами биографической мобильности информантов.

Жанр нашей работы — проспект осуществляющегося исследования, то, что в англоязычной журнальной номенклатуре обозначается как *introducing the topic*. Мы предлагаем очерк близких нам на сегодняшний день теоретических и методологических принципов, а также по необходимости первоначальных и далеких от концептуальной завершенности итогов первого года полевой работы.

Специфика подхода

Подход, развиваемый в рамках нашего исследовательского проекта, может быть охарактеризован в терминах сдвига от исследовательской оптики «чтения ландшафта» к «проживанию среды». Специфика теоретических и методологических посылок, на основании которых проектируется наша полевая работа в трансформирующемся культурном ландшафте, может быть описана как «обучение ландшафту посредством местных практик». Позиция исследователя культурных ландшафтов, таким образом, приобретает трансформирующий характер, предполагающий транзит от «внешней» позиции наблюдателя к «внутренней» позиции участника, с важностью автоэтнографического элемента, отражающего рефлексия исследователя относительно своей позиции.

А. Чтение ландшафта

Оптика культурного ландшафта, который полагается «прочсть», восходит, прежде всего, к исследованиям П. Видаль де ла Блаша, выдвинувшего в качестве альтернативы географическому детерминизму идею поппибилизма. Согласно ей человеческие группы адаптируются к ландшафтам при помощи разнообразных практик, сочетания и последствия которых уникальны [Vidal de la Blache, 1955]. В свою очередь, К. Зауэр сформулировал влиятельное понимание культурного ландшафта как страты, вырабатываемой культурной группой на базе природного ландшафта [Sauer, 2008]. Посвященные культурному ландшафту и культурным ареалам работы Зауэра, разработавшего идеи Ф. Ратцеля, О. Шлютера, Ф. Боаса и К. Уисслера и ориентировавшего исследователей на полевую работу в современных ландшафтах, стали краеугольным камнем американской культурной географии, получившей новое развитие во второй половине XX в. В то же время ведущим направлением в немецкой исторической географии стало исследование проблем истории, использования и сохранения культурных ландшафтов [Schenk, 2011]. Именно подход немецкого типа разрабатывался советскими историко-географами на материале истории культурного ландшафта, природопользования и преобразования окружающей среды [Жекулин, 1982]. Однако в советский период даже эти исследования, близкие более к археологии и музееведению, чем к антропологии и социологии, оставались на периферии отечественного ландшафтоведения, занимавшегося преимущественно природными ландшафтами [Колбовский, 2006, введение], и к исторической географии, понимавшейся в качестве вспомогательной исторической дисциплины [Корандей, 2008].

В русле национальной традиции исторической географии развивалась британская традиция «чтения» культурного ландшафта. Ее представители, видевшие историческую географию страны как последовательность временных срезов, выдвинули классическую исследовательскую метафору «чтения» культурного ландшафта [Darby, 1951]. У. Хоскинс предлагал исследовать ландшафт Англии середины XX в. как текст, пролистываемый от исторических истоков к современному состоянию [Hoskins, 1955]. Принципы, предложенные Хоскинсом в качестве основополагающих при чтении национального ландшафта, в частности антимодернизм (обращенность в прошлое) и тенденция восприятия ландшафта как эстетического явления, исключавшая многие территории из поля зрения исследователей, долгое время оставались сущностными чертами английской ландшафтной археологии (*landscape archaeology*) [Aston, 1985] и были переосмыслены только в последние десятилетия [Muir, 2000; Johnson, 2007].

Значительное влияние социальной антропологии испытала американская школа исследований культурного ландшафта. Антропологическая установка американского ландшафтоведения на изучение любых культурных ландшафтов, даже не обладающих эстетическими достоинствами, восходит к Зауэру, который апробировал свои идеи о морфологии ландшафта на материале аграрного юга США и Латинской Америки. Значительная роль в расширении понятия «культурный ландшафт» за счет признания исследовательского значения повседневных, обыденных ландшафтов США принадлежит Дж. Б. Джексону, занимавшемуся историей, феноменологией и планированием этого явления [Jackson, 1984]. Манифестом американской школы чтения повседневного культурного ландшафта стал цитировавшийся в начале нашей статьи текст

П. Льюиса. Несмотря на то что идеи, подобные тем, которые выражал Льюис, позже критиковались [Mitchell, 2008], практика чтения культурного ландшафта страны остается важной частью арсенала американских ученых, определяющих себя одновременно и в качестве исторических и в качестве культур-географов [Wyskoff, 2014; Dickens, 2017].

Несмотря на разницу в генеалогии подходов, британские и американские пособия по чтению культурного ландшафта весьма схожи: они обучают читателя видеть специфическую природную среду, лежащую в его основании, а также интерпретировать исторические и современные элементы повседневного культурного ландшафта [Aston, 1985; Muir, 2000; Wyskoff, 2014].

С наступлением советского периода в отечественном ландшафтоведении, решавшем те же проблемы соотношения природного и культурного ландшафтов, что О. Шлютер и К. Зауэр [Семенов Тян-Шанский, 1928], «идея единого ландшафта редуцировалась до природного ландшафта и наиболее продуктивно развивалась в рамках физической географии. Это сужение понимания ландшафта произошло за счет «утраты» человека (культуры) как неотъемлемого компонента ландшафта» [Калуцков, 2008, с. 47–48]. В рамках «антропогенного» ландшафтоведения, имевшего тенденцию редуцировать ландшафтную деятельность человека до хозяйственно-технической составляющей (при этом культурный ландшафт понимался как «оптимально спроектированный» и в этом качестве противопоставлялся акультурному ландшафту) [Исаченко, 2003], практика чтения ландшафта и в ее британской, и тем более в ее американской форме была невозможна.

Как следует из вышесказанного, культурный ландшафт — достаточно широкое понятие, допускающее ряд разных трактовок. Используя в дальнейшем для его уточнения термин «повседневный культурный ландшафт», мы отсылаем к упомянутой выше антропологически ориентированной традиции исследования культурных ландшафтов американского типа, для которой характерно внимание к обыденной среде как пространству социальных практик [Meinig 1979; Jackson 1984; Groth, Bressi, 1997]. Работы, посвященные практикам чтения отечественного повседневного культурного ландшафта, начали публиковаться только в постсоветский период [Родоман, 2002; Нефедова, 2013; Каганский, 2001]. Как близкие нашей теме должны быть упомянуты опыты составления книг по чтению российского ландшафта [Колбовский, 2004] и сетевой базы данных мета-значений универсальных элементов российского обитаемого ландшафта, предпринятые исследователями «гаражной экономики» [Селеев, Павлов, 2016].

В. Теория аффордансов

Главным источником теоретического вдохновения для исследовательской программы проекта стала идея аффордансов (от англ. to afford ‘предоставлять’), сформулированная американским психологом Дж. Гибсоном, изучавшим проблемы восприятия. «Аффордансы окружающей среды — это то, что она предлагает животному, что она предоставляет ему, или чем снабжает его во зло или во благо» (The affordances of the environment are what it offers the animal, what it provides or furnishes, either for good or ill) [Gibson, 1979, p. 127]. Ключевой точкой дискуссии, развернувшейся по поводу аффордансов в экологической психологии, стал вопрос о том, что является движущим механизмом запуска аффордансов как механизма адаптации — специфические, связанные с поведением животных, качества среды [Stoffregen, 2003], особенности восприятия самих животных, позволяющие им видеть новые средовые возможности [Chemero, 2003], наконец, коллективность (социальность) поиска этих возможностей, предполагающая не только реактивное действие в ответ на стимулы, но и обучение, построенное на категориальном мышлении [Heft, 2007]. Другими словами, те возможности, которые среда может предоставить индивидууму, зависят не только от ландшафта, но и от индивидуального опыта [Heft, 2001, p. 124–125], и от культурной традиции [Rietveld, Kiverstein, 2014, p. 339].

Благодаря последнему заключению теория аффордансов стала частью инструментария социальной антропологии. Прежде всего здесь важны работы Т. Инголда [Ingold, 1993, 2000]. Отличие подхода Инголда от других подходов, пытавшихся увязать поведение человека в ландшафте с его базовыми психологическими потребностями, например с надеждой на будущее (prospect) и безопасностью (refuge), как у Дж. Эплтона [Appleton, 1990], заключалось в том, что он снимал противопоставление между человеком и средой его обитания, подчеркивая, что они функционируют как одна система [Ingold, 2000, 2018]. Поскольку аффордансы существуют одновременно и в реальности, и в восприятии, но не являются качествами, присущими только среде или только человеку, их природа процессуальна [Chemero, 2003, p. 181]. Таким образом, ландшафт — это коммуникационное пространство обучения, основанного не столько на отвлеченном, сколько на практическом, действенном знании, получаемом путем действий, проживаемых в ландшафте. Отсюда

ключевые термины данной теории — «чувствующая экология» (sentient ecology) [Ingold, 2000] и «процессуальный ландшафт» (processual landscape) [Heras-Escribano et al., 2018].

С точки зрения этой теории функции, а тем более значения элементов ландшафта, воспринимаемого человеком, не являются константами, но постоянно конструируются. Посредством взаимных предрасположенностей люди и другие элементы ландшафта находятся в состоянии переменной сонастройки (variable attunement) через практические навыки восприятия и действия. Любая интерпретация, т.е. чтение ландшафта, возможна только с учетом опыта этих практик, и не только актуальных, но сохраняющихся в культуре [Ingold, 2018].

Наиболее фундаментальный вопрос нашего проекта — как объяснить известный полевым исследователям факт, что многие материальные элементы ландшафта словно бы *провоцируют* ([Massey, 2006]; курсив наш) на типологически сходное поведение даже представителей обществ, не имеющих между собой связей или общей культурной традиции. Предвидя необходимость прояснить отличия теории аффордансов от классической попповской теории, а также уточнить формулировку названия проекта — ведь базовый термин предполагает возможность говорить не о «провоцирующих», а о «предрасполагающих» или «предлагающих» ландшафтах,— отметим, что для нас представляет особый интерес ситуативный аспект теории аффордансов. С точки зрения этой теории фундаментальное значение имеют не столько устойчивые (глубинные и неизменные) предрасположенности среды и человека как таковых, сколько процесс обнаружения ситуаций, вызывающих новую деятельность, способность творческого взаимодействия со средой [Chemero, 2003]. Формулировка «провоцирующий», предполагающая взаимную агентность человека и среды, как кажется, подходит здесь больше, чем «предлагающий» или «дающий возможность».

Общества, населяющие похожие ландшафты, иногда склонны использовать их похожим образом. Всегда ли это так? Что в данном случае является определяющим фактором выбора жизненных стратегий — «законы природы», «культурная традиция» или «взаимная сонастройка», предполагающая обоюдную субъектность человека и природы? Пригодна ли оптика аффордансов для исследования современного культурного повседневного ландшафта, далекого от антропологической утопии обществ, живущих только за счет традиционного природопользования? Как быть со второй природой? Два определяющих элемента эколого-психологической теории — процессуальный ландшафт и обучение при помощи практик [Jukes et al., 2019], вероятно, должны быть дополнены третьим — исследованием агентности материального мира, функционирующего в режиме значительной автономии по отношению к человеческой культуре [Amin, Thrift, 2002; Thrift, 2007].

Отчасти вышеперечисленные вопросы, связанные с применением теории аффордансов к материалу социальных наук, уже не раз обсуждались на мелкомасштабном уровне моделей и картографии в археологической литературе [Gillings 2012; Kempf 2020]. Однако до сих пор существует дефицит работ, посвященных крупномасштабным процессам, полемому исследованию стратегий повседневного ландшафтного выбора.

С. Прогулки с местными

Таким образом, центральная категория нашего исследования — повседневные культурные ландшафты периферии агломераций, понимаемые как пространство обнаружения аффордансов, выбора укорененных в окружающей среде жизненных стратегий. Для исследования этих стратегий мы полагаем необходимым методологический транзит от позиции «внешнего» наблюдателя к «внутренней» позиции участника, что требует новых исследовательских, интерпретационных и нарративных моделей. В этом смысле нам представляется важным опыт авторов, работающих в русле ориентированных на «опыт и телесность» общественной географии и социальной антропологии [Wylie, 2005; Pine, 2016; Edensor, 2017]. В условиях полевого сезона 2020 г. на дизайн проекта, предполагающий сравнительную перспективу и повышенную мобильность исследователей, оказал значительное влияние метод путевого интервью (walking interview); при этом мы, как правило, предпочитали держаться в русле соответствующей географической и антропологической рефлексии [Anderson, 2004; Bates, 2017; Evans, Jones, 2011; Finlay, Bowman, 2016; Ingold, Vergunst, 2008; Jones et al., 2008; Kusebach, 2003; Macpherson 2016; McDonald, 2005; Middleton 2010; Sansi 2020; Vergunst 2010]. Мы следовали повседневным паттернам мобильности, проводя по пути интервью, обсуждая с информантами иерархию мест и территорий, критерии выделения вернакулярных районов, емкость каналов коммуникации, режимы мобильности и ее ограничения. Попутно мы получали опыт внедискурсивного, воплощенного в материальности и телесности, движения, фиксировали местные нарративы идентичности. Как правило, эти нарративы выражали тревогу по поводу происходящих или возможных

трансформаций этого периферийного пространства. Направление передвижения во время исследования задавалось повседневными маршрутами местных жителей, по ходу движения вышеописанные вопросы обсуждались в виде неформализованного интервью. Беседа могла инициироваться исследователем, респондентом либо ландшафтом как таковым — теми его элементами, которые участникам прогулки хотелось обсудить.

Рис. 1. Прогулка по с. Лайтамак, Тобольское Заболотье, февраль 2020 г.

Fig. 1. Walking with locals, Laitamak, Tobolsk Zabolot'e, February 2020.

Апробация метода в экспедициях 2020 г.

Описанный выше сдвиг от исследовательского чтения ландшафтов к их проживанию в известной степени корреспондирует с необходимостью сдвига от жестко противопоставлявших объект субъекту представлений о ресурсоемкости территорий, свойственных прежним политэкономическим моделям, базировавшимся в отечественном случае на теории хозяйственно-культурных типов и теории размещения производительных сил, к «мягким» моделям, оперирующим представлениями о «предрасположенностях» эндогенного экономического роста территорий. О подобных вещах применительно к новой теории освоения Севера пишут А.Н. Пилясов и Н.Ю. Замятина [2019]. «Ресурсы» как артикуляция отчуждения и колониального внешнего взгляда и аффордансы как метафора вовлечения в локальность не идентичны друг другу как аналитические категории прежде всего в свете современной теории места. Применяя в наших экспедициях 2020 г. метод «прогулок с местными» и пытаясь на ходу артикулировать концептуальные основания своей работы, мы опирались главным образом на идею целенаправленного конструирования «знакомости» (familiarity), которая в своем современном виде восходит к книге И-Фу Туана [Tuán, 1990, p. 99–100] и была развита в ряде работ, предлагавших разные методики опытного постижения, описания и интерпретации места [Heat-Moon, 1991; Edensor, 2005; Cresswell, 2019].

Географические репрезентации малых мест определяются в основном зависимостью от образов крупных центров, больших географических «брендов»: города Зауралья расположены за Уралом, но в Сибири; Заболотье — за болотом, но в Прииртышье; город Полевской на Урале, но под Екатеринбургом. Однако влияние больших городов на внутреннюю жизнь периферийных селений не столь тотально — она по-прежнему зависит от предрасположенностей окружающего ландшафта: пашни, недр, леса, рек. Консensusные отношения, сложившиеся между человеком, природой и технологиями в тех или иных местах, хоть и кажутся издалека похожими, однотипными, при взгляде с близкого расстояния оказываются весьма разнообразными. Технологии, в целом уравнивавшие местные экономики с точки зрения орудий труда, не способны сделать того же с ландшафтным разнообразием. Разные среды предопределяют разнообразие социальной жизни. Внимательный взгляд на устройство жизни в том или ином уголке Зауралья обнаруживает заметные отличия в сборках природы, человека и технологий.

Экспедиции пандемийного 2020 г. по необходимости были ограничены во времени, но, тем не менее, имели многообразные практические результаты и в дальнейшем станут отправной точкой для разработки ряда сюжетов на уровне статей.

Главной стала экспедиция в Тобольское Заболотье: члены исследовательского коллектива посетили регион зимой и ранней осенью 2020 г. Регион характеризуется традиционной экономикой (ягоды, рыба, дикий зверь), которая сочетается с отхожими промыслами. Столица Заболотья —

село Лайтамак, находится всего в 40 км от Тобольска, однако автомобильная коммуникация с городом возможна только зимой. Самый южный и самый короткий зимник Тюменской области используется с декабря по март. Это время активных контактов и повышенного грузооборота. В оставшуюся часть года сообщение между Заболотьем и большой землей весьма затруднено, местная авиация занимается только пассажирскими перевозками. Преодоление болот пешком, а затем на лодке по системе «резок» (каналов), хотя и возможно, требует значительных усилий и доступно не каждому.

В феврале 2020 г. мы прибыли в Лайтамак в знаменательный момент — накануне нашего приезда в рамках государственной программы по устранению цифрового неравенства и обеспечению равного доступа к госуслугам в село провели 4G-интернет. Осуществляя обычные процедуры участвующего полевого исследования (интервью, участие в повседневной жизни и таежных промыслах), мы испробовали все типы местной мобильности — перелеты самолетом «Ан-2», легкую езду по замерзшим болотам, тяжелую ходьбу по открытым болотам, быстрое перемещение на моторной лодке по рекам, медленное продвижение (местами — волочение) по судоходным каналам, которые именуются резками. Последние представляют собой, пожалуй, наиболее интересный феномен местного традиционного природопользования. Резки имеют длительную и не вполне ясную историю, иногда представляют собой настоящий памятник ушедшим в прошлое технологическим укладам, но при этом используются до сих пор, обеспечивая доступ к промысловым угодьям.

Рис. 2. Резка на Большом Карасьем озере, Тобольское Заболотье, сентябрь 2020 г.

Fig. 2. Rezka Bol'shoye Karas'ye ozero, Tobolsk Zabolot'ye, September 2020.

Исследование резок и зимников согласно оптике нашего исследования должно производиться в контексте непосредственного опыта локальной мобильности и опираться на местные традиции природопользования. Природные ресурсы привлекают в регион конкурирующих городских акторов, что создает линии разграничения влияния, проходящие по самым ценным в рыболовном отношении озерам. Интересным представляется ситуативный консенсус по поводу природопользования, определяющий дискурсы и практики взаимодействия природы, сообществ и преобразующих их технологий. Характерна тревога местных жителей по поводу хрупкости этого консенсуса в условиях «наступления цивилизации». Вторгающиеся в повседневность Заболотья технологии, неподконтрольные местному сообществу, но меняющие его повседневную жизнь, порождают характерные эмоциональные режимы, в которых эта тревога иногда смешивается с восторгом, вызванным у людей переменами. Однажды утром мы запустили в небо коптер, чтобы снять Лайтамак сверху, и спугнули охотников, собиравшихся на промысел. Они не раз слышали, что при помощи подобной техники охотинспекторы следят за браконьерами. Нашего проводника (тоже охотника) эта история, напротив, порадовала, поскольку предполагала множество «озорных прочтений», которые любит деревня, вносила в жизнь элемент непредсказуемости и новизны.

В теории интернет, пришедший в Заболотье, способен создать новые внутридеревенские и внутридомовые рабочие места, однако на практике имплементация этой городской модели поведения требует населения и агентов влияния, которые обладают радикально иным опытом и образованием, нежели наличествующие. В свою очередь, локальный опыт жизни создает практики и идентичности, настолько укорененные в местной почве, что они едва ли смогут продолжать свое существование, будучи перенесенными куда-то еще. Давление экономической конъюнктуры и форсированное внедрение городских инноваций может поставить их под угрозу, однако, если все происхо-

дит в щадящем темпе, складывается новый консенсус. В одних местах это приводит к индустриализации культурного ландшафта, в других — к его рурализации, в третьих — погружает его в грезы, связанные с реставрацией прошлого. Уникальные, характерные только для низменностей Прииртышья, резки когда-то копали деревянными лопатами, в советские времена — колхозными тракторами, теперь — при помощи бензопилы. Местное значение интернета, согласно декларациям чиновников проведенного в регион прежде всего для того, чтобы у населения был доступ к госуслугам, конечно, отнюдь не определяется только этой прагматической функцией — перед жителями Заболотья открылся полноценный мир онлайн-развлечений и соцсетей. Этот новый способ коммуникации, безусловно, будет иметь многочисленные последствия: так, мы стали свидетелями первых опытов интернет-репрезентации местной религиозной общины в соцсетях, собрали ряд интервью, посвященных использованию интернета в условиях сезонных ограничений мобильности, внедрения при его помощи новых практик администрирования и контроля.

Заключение

В ходе экспедиций 2020 г., осуществленных в рамках нашего проекта, были намечены основания будущей обобщающей работы, посвященной повседневным культурным ландшафтам периферийных районов Урала и Зауралья. Концептуальной основой такого текста и его принципиальной размерностью, как представляется, должны стать места и как уникальные воплощения конкретных пространственных связей, и как масштабируемые образцы типичного, случаи, релевантные в качестве примеров, основа для дальнейших обобщений. Принципиальной для нас также представляется оптика человеческого взгляда, соразмерная наблюдаемому ландшафту. Кейс заболотских резок и зимников интересует нас прежде всего как возможность исследовать социальные аспекты пространственных практик в человеческой перспективе. Как кажется, это подходящая размерность для того, чтобы показать, насколько важной, даже на новом витке технологического развития и урбанизации, остается укорененность практик в ландшафте, насколько влиятельны, при всем изобилии возможных сценариев деятельности, предопределенные ландшафтом схемы взаимодействия человека, природы и технологий, насколько устойчивы сложившиеся однажды репрезентации мест и регионов.

Благодарности. Мы выражаем благодарность имаму Лайтамакского сельского поселения Абдулlezхазрату Кучумову и главе Ачирского сельского поселения Дильнуру Яналиеву, оказавшим неоценимую помощь в организации и проведении полевой работы, глубоко признательны анонимным рецензентам журнала за советы и рекомендации.

Финансирование. Исследование поддержано грантом РФФИ № 20-05-00592 А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жекулин В.С. Историческая география: Предмет и методы. Л.: Наука, 1982. 224 с.
- Исаченко А.Г. О двух трактовках понятия «культурный ландшафт» // Известия РГО. 2003. Т. 135. № 1. С. 5–16.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛО, 2001. 576 с.
- Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
- Колбовский Е.Ю. Изучаем ландшафты России. М.: Академия Развития, 2004. 224 с.
- Колбовский Е.Ю. Ландшафтоведение. М.: Академия, 2006. 480 с.
- Корандей Ф.С. Введение в историческую географию. Тюмень: ТюмГУ, 2008. 124 с.
- Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: Ленанд, 2013. 456 с.
- Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Освоение Севера 2.0: Вызовы формирования новой теории // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 57–76. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.34.57>
- Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. 336 с.
- Селеев С., Павлов А. Гаражни. М.: Страна Оз, 2016. 160 с.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.-Л.: ГИЗ, 1928. 311 с.
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>
- Шелудков А.В., Рассказов С.В., Фарахутдинов Ш.Ф. Сельские муниципалитеты юга Тюменской области: Пространство, статистика, власть. М.: Страна ОЗ, 2016. 184 с.
- Amin A., Thrift N. Cities: Reimagining the Urban. Cambridge: Polity Press, 2002. 184 p.
- Anderson J. Talking whilst walking: A geographical archaeology of knowledge // Area. 2004. Vol. 36 (3). P. 254–261. <https://doi.org/10.1111/j.0004-0894.2004.00222>
- Appleton J. The Symbolism of Habitat: An Interpretation of Landscape in the Arts. Seattle: University of Washington Press, 1990. 114 p.
- Aston M. Interpreting the Landscape. Landscape Archaeology and Local History. L.; N. Y.: Routledge, 1985. 168 p.
- Bates C., Rhys-Taylor A. (eds). Walking Through Social Research. Abingdon: Routledge, 2017. 202 p.

- Chemero A.* An outline of a theory of affordances // *Ecological Psychology*. 2003. Vol. 15 (2). P. 181–195. https://doi.org/10.1207/S15326969ECO1502_5
- Cresswell T.* Maxwell Street. Writing and thinking place. Chicago: University of Chicago Press, 2019. 242 p.
- Darby H.C.* Changing English Landscape // *The Geographical Journal*. 1951. Vol. 117 (4). P. 377–394.
- Dickens S.* Reading a Cultural Landscape: Fieldwork Exercise for Cultural Geography or Advanced Placement Human Geography Students // *The Geography Teacher*. 2017. Vol. 14 (4). P. 173–181.
- Edensor T.* Industrial Ruins: Spaces, Aesthetics and Materiality. Oxford; N. Y.: Berg, 2005. 189 p.
- Edensor T.* Seeing with light and landscape: a walk around Stanton Moor // *Landscape Research*. 2017. Vol. 42 (6). P. 616–633. <https://doi.org/10.1080/01426397.2017.1316368>
- Evans J., Jones Ph.* The walking interview: Methodology, mobility and place // *Applied Geography*. 2011. Vol. 31. P. 849–858. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2010.09.005>
- Finlay J. M., Bowman J. A.* Geographies on the Move: A Practical and Theoretical Approach to the Mobile Interview // *The Professional Geographer*. 2016. Vol. 69 (2). P. 263–274. <https://doi.org/10.1080/00330124.2016.1229623>
- Gibson J.J.* The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979. 332 p.
- Gillings M.* Landscape Phenomenology, GIS and the Role of Affordance // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2012. Vol. 19. P. 601–611. <https://doi.org/10.1007/s10816-012-9137-4>
- Groth P., Bressi T.W.* (eds). Understanding Ordinary Landscapes. New Haven: Yale University Press, 1997. 284 p.
- Heat-Moon W. L.* Prairie Earth: (A deep map). Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 1991. 624 p.
- Heft H.* Ecological Psychology in Context: James Gibson, Roger Barker, and the Legacy of William James's Radical Empiricism Resources for Ecological Psychology. Mahwah, NJ; L.: Lawrence Erlbaum Associates, 2001. 435 p.
- Heft H.* The social constitution of perceiver-environment reciprocity // *Ecological Psychology*. 2007. Vol. 19 (2). P. 85–105. <https://doi.org/10.1080/10407410701331934>
- Heras-Escribano M., De Pinedo-García M.* Affordances and Landscapes: Overcoming the Nature-Culture Dichotomy through Niche Construction Theory // *Frontiers in Psychology*. 09.01.2018. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.02294>
- Hoskins W.G.* The Making of the English Landscape. L.: Hodder & Stoughton, 1955. 325 p.
- Ingold T.* The Temporality of Landscape // *World Archaeology*. 1993. Vol. 25 (2). P. 152–174. <https://doi.org/10.1080/00438243.1993.9980235>
- Ingold T.* The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. L.: Routledge, 2000. 465 p.
- Ingold T.* Back to the future with the theory of affordances // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2018. Vol. 8 (1/2). P. 39–44. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/698358>
- Ingold T., Vergunst J.L.* (eds). Ways of walking: Ethnography and practice on foot. L.: Ashgate, 2008. 218 p.
- Jackson J.B.* Discovering the Vernacular Landscape. New Haven; L.: Yale University Press, 1984. 166 p.
- Jones P., Bunce G., et al.* Exploring space and place with walking interviews // *Journal of Research Practice*. 2008. Vol. 4 (2). Article D2. URL: <http://jrp.icaap.org/index.php/jrp/article/view/150/1611>.
- Jonhson M.* Ideas of Landscape. Oxford: Blackwell Publishing, 2007. 242 p.
- Jukes S., Stewart A., Morse M.* Acknowledging the agency of a more-than-human world: material relations on a Snowy River journey // *Journal of Outdoor and Environmental Education*. 2019. Vol. 22 (2). P. 93–111. <https://doi.org/10.1007/s42322-019-00032-8>
- Karachurina L., Mkrtchyan N.* Age-specific migration in regional centres and peripheral areas of Russia // *Comparative Population Studies*. 2019. Vol. 44. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12>
- Kempf M.* From landscape affordances to landscape connectivity: contextualizing an archaeology of human ecology // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2020. Vol. 12. 174. <https://doi.org/10.1007/s12520-020-01157-4>
- Kusenbach M.* Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool // *Ethnography*, 2003. Vol. 4 (3). P. 455–485. <https://doi.org/10.1177/146613810343007>
- Macpherson H.* Walking methods in landscape research: moving bodies, spaces of disclosure and rapport // *Landscape Research*. 2016. <https://doi.org/10.1080/01426397.2016.1156065>
- Massey D.* Landscape as a Provocation // *Journal of Material Culture*. 2006. Vol. 11 (1–2). P. 33–48. <https://doi.org/10.1177/1359183506062991>
- McDonald S.* Studying actions in context: A qualitative shadowing method for organisational research // *Qualitative Research*. 2005. Vol. 5 (4). P. 455–473. <https://doi.org/10.1177/1468794105056923>
- Meinig D.W.* (ed). The Interpretation of Ordinary Landscapes. Geographical Essays. N. Y.: Oxford University Press, 1979. 255 p.
- Middleton J.* Sense and the city: Exploring the embodied geographies of urban walking // *Social and Cultural Geography*. 2010. Vol. 11. P. 575–596. <https://doi.org/10.1080/14649365.2010.497913>
- Mitchell D.* New Axioms for Reading the Landscape: Paying Attention to Political Economy and Social Justice // *Political Economies of Landscape Change: Places of Integrative Power* / Ed. by J.L. Westcoat Jr. & D.M. Jonston. Springer, 2008. P. 29–50.
- Muir R.* The New Reading the Landscape: Fieldwork in Landscape History. Exeter: University of Exeter Press, 2000. 256 p.
- Nefedova T., Treivish A.* Russia's early developed regions within shrinking social and economic space // *Regional Science Policy & Practice*. 2020. Vol. 12. № 4. P. 641–655. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12278>
- Pine J.* "Last Chance Incorporated" // *Cultural Anthropology*. 2016. Vol. 31 (2). P. 297–318. <https://doi.org/10.14506/ca31.2.07>

- Rietveld E., Kiverstein J. A Rich Landscape of Affordances // *Ecological Psychology*. 2014. Vol. 26(4). P. 325–352.
- Sansi R. Walking Utopias: The politics of walking in art and anthropology // *Social Anthropology*. 2020. <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12749>
- Sauer C.O. The Morphology of Landscape // *The Cultural Geography Reader* / Ed. by T.S. Oakes & P.L. Price. L.: Routledge, 2008. P. 96–104.
- Schenk W. Historische Geographie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2011. 134 S.
- Stoffregen T.A. (2003) Affordances as Properties of the Animal-Environment System // *Ecological Psychology*. 2003. Vol. 15 (2). P. 115–134. https://doi.org/10.1207/S15326969ECO1502_2
- Thrift N. Non-representational theory: Space, Politics, Affect. L.: Routledge, 2007. 336 p. <https://doi.org/10.1080/10407413.2014.958035>
- Tuan Y.-F. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. N. Y.: Columbia University Press, 1990. 260 p.
- Vergunst J.L. Rhythms of Walking: History and Presence in a City Street // *Space and Culture*. 2010. Vol. 13 (4). P. 376–388. <https://doi.org/10.1177/1206331210374145>
- Vidal de la Blache P. Principes de géographie humaine. P.: Armand Colin, 1955. 327 p.
- Wyckoff W. How to Read the American West: A Field Guide. Seattle: University of Washington Press, 2014. 422 p.
- Wylie J. A single day's walking: narrating self and landscape on the South West Coast Path // *Transactions of the British Geographers*. 2005. Vol. 30 (2). P. 234–247. <https://doi.org/10.1111/j.1475-5661.2005.00163.x>

Korandei F.S.^{a,*}, Abramov I.V.^b, Kostomarov V.M.^c, Cherepanov M.S.^c,
Sheludkov A.V.^d

^a Tyumen State University, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation

^b Institute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation

^c Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation

^d Institute of Geography RAS, Staromonetny lane, 29, Moscow, 119017, Russian Federation
E-mail: f.s.korandei@utmn.ru (Korandei F.S.); ilya_abramov@list.ru (Abramov I.V.);
vkostomarov@yandex.ru (Kostomarov V.M.); maximcherepanov@yandex.ru (Cherepanov M.S.);
a.v.sheludkov@igras.ru (Sheludkov A.V.)

Provocative landscapes: a study of everyday cultural landscapes at the outskirts of agglomerations

The paper describes research principles and preliminary results of collaborative interdisciplinary research project aimed at the study of everyday cultural landscapes on the periphery of the Yekaterinburg and Tyumen urban agglomerations. The research design of the project implies a paradigm shift from expert reading of the landscapes to communicative learning of the environment, from the perception of the territories in question as resource reservoirs to their exploration as a domain of affordances providing opportunities for endogenous economic development. In 2020, an expedition worked in the villages of Tobolsk Zabolotye, in the cities of Irbit and Polevskoy of Sverdlovsk Oblast, and in the village of Belozerskoye of Kurgan Oblast. The cases and places deemed perspective in view of the application of the research method were characterized. This paper mainly provides an overview of the methodological principles that underpin our ongoing study, which should be considered only as an outline of the preliminary results of the first year of field work. The main source of the theoretical inspiration for the project design was the idea of affordances, coined by the American psychologist James J. Gibson, who studied the problems of perception. The main methodological objective of the project is to apply the theory of affordances to the field study of strategies for everyday landscape choice. In the 2020 field season, the design of the project, envisaging comparative perspective and increased mobility of researchers, was significantly influenced by the method of traveling interview. While working in Tobolsk Zabolotye, we followed everyday patterns of mobility, conducting interviews along the way, discussing with the respondents the hierarchy of places and territories, criteria for identifying vernacular regions, capacity of communication channels, modes of the mobility and its limitations. Concurrently, we were gaining the experience of non-discursive, embodied in materiality and corporeality, movement and recording local narratives of identity.

Keywords: edges of metropolitan areas, cultural landscape, ordinary landscape, everyday landscape, reading of landscape, affordances, processual landscape, sentient ecology, walking, resource paradigm, social anthropology, historical geography.

* Corresponding author.

Acknowledgements. We warmly thank imam of the Laitamak rural settlement Hazrat Abdullah Kuchumov, and the Head of the Achir rural settlement Dilnur Yanaliev, for providing us invaluable assistance in our field work, also we would like to thank the anonymous reviewers for their comments and suggestions.

Funding. The study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research No. 20-05-00592 A.

REFERENCES

- Amin, A., Thrift, N. (2002). *Cities: Reimagining the Urban*. Cambridge: Polity Press.
- Anderson, J. (2004). Talking whilst walking: A geographical archaeology of knowledge. *Area*, 36(3), 254–261. <https://doi.org/10.1111/j.0004-0894.2004.00222>.
- Appleton, J. (1990). *The Symbolism of Habitat: An Interpretation of Landscape in the Arts*. Seattle: University of Washington Press.
- Aston, M. (1985). *Interpreting the Landscape. Landscape Archaeology and Local History*. London; New York: Routledge.
- Bates, C., Rhys-Taylor, A. (Eds.) (2017). *Walking Through Social Research*. Abingdon: Routledge.
- Chemero, A. (2003). An outline of a theory of affordances. *Ecological Psychology*, 15(2), 181–195. https://doi.org/10.1207/S15326969ECO1502_5
- Cresswell, T. (2019). *Maxwell Street. Writing and thinking place*. Chicago: University of Chicago Press.
- Darby, H.C. (1951). Changing English Landscape. *The Geographical Journal*, 117(4), 377–394.
- Dickens, S. (2017). Reading a Cultural Landscape: Fieldwork Exercise for Cultural Geography or Advanced Placement Human Geography Students. *The Geography Teacher*, 14(4), 173–181.
- Edensor, T. (2005). *Industrial Ruins: Spaces, Aesthetics and Materiality*. Oxford; New York: Berg.
- Edensor, T. (2017). Seeing with light and landscape: A walk around Stanton Moor. *Landscape Research*, 42(6), 616–633. <https://doi.org/10.1080/01426397.2017.1316368>
- Evans, J., Jones, Ph. (2011). The walking interview: Methodology, mobility and place. *Applied Geography*, 31(1), 849–858. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2010.09.005>
- Finlay, J.M., Bowman, J.A. (2016). Geographies on the Move: A Practical and Theoretical Approach to the Mobile Interview. *The Professional Geographer*. 69 (2), 263–274. <https://doi.org/10.1080/00330124.2016.1229623>
- Gibson, J.J. (1979). *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin.
- Gillings, M. (2012). Landscape Phenomenology, GIS and the Role of Affordance, *Journal of Archaeological Method and Theory*, (19), 601–611. <https://doi.org/10.1007/s10816-012-9137-4>
- Groth, P., Bressi, T.W. (Ed.) (1997). *Understanding Ordinary Landscapes*. New Haven: Yale University Press.
- Heat-Moon, W.L. (1991). *Prairie Earth: (A deep map)*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- Heft, H. (2001). *Ecological Psychology in Context: James Gibson, Roger Barker, and the Legacy of William James's Radical Empiricism Resources for Ecological Psychology*. Mahwah, NJ; London: Lawrence Erlbaum Associates.
- Heft, H. (2007). The social constitution of perceiver-environment reciprocity. *Ecological Psychology*, 19(2), 85–105. <https://doi.org/10.1080/10407410701331934>
- Heras-Escribano, M., De Pinedo-García, M. (2018). Affordances and Landscapes: Overcoming the Nature-Culture Dichotomy through Niche Construction Theory. *Frontiers in Psychology*, (09.01.2018). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.02294>
- Hoskins, W.G. (1955). *The Making of the English Landscape*. London: Hodder & Stoughton.
- Ingold, T. (1993). The Temporality of Landscape. *World Archaeology*, 25(2), 152–174. <https://doi.org/10.1080/00438243.1993.9980235>
- Ingold, T. (2000). *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge.
- Ingold, T. (2018). Back to the future with the theory of affordances. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 8(1/2), 39–44. <https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/698358>
- Ingold, T., Vergunst, J.L. (Ed.) (2008). *Ways of walking: Ethnography and practice on foot*. London: Ashgate.
- Isachenko, A.G. (2003). On two interpretations of the concept of cultural landscape. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 135(1), 5–16. (Rus.).
- Jackson, J.B. (1984). *Discovering the Vernacular Landscape*. New Haven & London: Yale University Press.
- Jones P., Bunce G., et al. (2008). Exploring space and place with walking interviews. *Journal of Research Practice*, 4(2), Article D2. <http://jrp.icaap.org/index.php/jrp/article/view/150/1611>.
- Jonhson, M. (2007). *Ideas of Landscape*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Jukes S., Stewart A., Morse M. (2019). Acknowledging the agency of a more-than-human world: Material relations on a Snowy River journey. *Journal of Outdoor and Environmental Education*, 22(2), 93–111. <https://doi.org/10.1007/s42322-019-00032-8>
- Kaganskii, V.L. (2001). *Cultural landscape and the Soviet inhabited space: a collection of papers*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).
- Kalutskov, V.N. (2008). *Landscape in cultural geography*. Moscow: Novyi khronograf. (Rus.).
- Karachurina, L., Mkrtchyan, N. (2020). Age-specific migration in regional centres and peripheral areas of Russia. *Comparative Population Studies*, (44). <https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12>
- Kempf, M. (2020). From landscape affordances to landscape connectivity: contextualizing an archaeology of human ecology. *Archaeological and Anthropological Science*, (12), 174. <https://doi.org/10.1007/s12520-020-01157-4>
- Kolbovskii, E.Iu. (2004). *Exploring the landscapes of Russia*. Moscow: Akademiia Razvitiia. (Rus.).

- Kolbovskii, E.Iu. (2006). *Study of landscapes*. Moscow: Akademiia. (Rus.).
- Korandei, F.S. (2008). *Introduction to Historical Geography*. Tyumen: Tyumen State University. (Rus.).
- Kusenbach, M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4 (3), 455–485. <https://doi.org/10.1177/146613810343007>
- Macpherson, H. (2016). Walking methods in landscape research: moving bodies, spaces of disclosure and rapport. *Landscape Research*. <https://doi.org/10.1080/01426397.2016.1156065>
- Massey, D. (2006). Landscape as a Provocation. *Journal of Material Culture*, 11(1–2), 33–48. <https://doi.org/10.1177/1359183506062991>
- McDonald, S. (2005). Studying actions in context: A qualitative shadowing method for organisational research. *Qualitative Research*, 5(4), 455–473. <https://doi.org/10.1177/1468794105056923>
- Meinig D.W. (Ed.) (1979). *The Interpretation of Ordinary Landscapes. Geographical Essays*. New York: Oxford University Press.
- Middleton, J. (2010). Sense and the city: Exploring the embodied geographies of urban walking. *Social and Cultural Geography*, 11), 575–596. <https://doi.org/10.1080/14649365.2010.497913>
- Mitchell, D. (2008). New Axioms for Reading the Landscape: Paying Attention to Political Economy and Social Justice. In: J.L. Westcoat Jr. & D.M. Jonston (Eds.). *Political Economies of Landscape Change: Places of Integrative Power*. Springer, 29–50.
- Muir, R. (2000). *The New Reading the Landscape: Fieldwork in Landscape History*. Exeter: University of Exeter Press.
- Nefedova, T.G. (2013). *Ten actual questions about rural Russia: Answers of the geographer*. Moscow: Lenand Publ. (Rus.).
- Nefedova, T., Treivish, A. (2020). Russia's early developed regions within shrinking social and economic space. *Regional Science Policy & Practice*, 12(4), 641–655. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12278>
- Piliashov, A.N., Zamiatina, N.Iu. (2019). Development of the North 2.0: challenges of making a new theory. *Arctic and North*, (34), 57–76. (Rus.). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57
- Pine, J. (2016). "Last Chance Incorporated". *Cultural Anthropology*, 31(2), 297–318. <https://doi.org/10.14506/ca31.2.07>
- Rietveld, E., Kiverstein, J. (2014). A Rich Landscape of Affordances. *Ecological Psychology*, 26(4), 325–352.
- Rodoman, B.B. (2002). *Polarized Biosphere*. Smolensk: Oikumena. (Rus.).
- Sansi, R. (2020). Walking Utopias: The politics of walking in art and anthropology. *Social Anthropology*. <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12749>
- Sauer, C.O. (2008). The Morphology of Landscape. In: T.S. Oakes & P.L. Price (Ed.). *The Cultural Geography Reader*. London: Routledge, 96–104.
- Schenk, W. (2011). *Historical Geography*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Seleev, S.S., Pavlov, A.B. (2016). *Garazhniki [Garages]*. Moscow: Strana Oz. (Rus.).
- Semenov-Tian-Shanskii, V.P. (1928). *Region and Country*. Moscow; Leningrad: GLZ. (Rus.).
- Sheludkov, A., Rasskasov, S., Farakhutdinov, S. (2016). *Rural Municipalities of the South of the Tyumen Region: Space, Statistics, Governance*. Moscow: Strana Oz. (Rus.).
- Stoffregen, T.A. (2003). Affordances as Properties of the Animal-Environment System, *Ecological Psychology*, 15(2), 115–134. https://doi.org/10.1207/S15326969ECO1502_2
- Thrift, N. (2007). *Non-representational theory: Space, Politics, Affect*. London: Routledge.
- Tuan, Y.-F. (1990). *Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values*. New York: Columbia University Press.
- Vergunst, J.L. (2010). Rhythms of Walking: History and Presence in a City Street. *Space and Culture*, 13(4), 376–388. <https://doi.org/10.1177/1206331210374145>
- Vidal de la Blache, P. (1955). *Principles of Human Geography*. Paris: Armand Colin. (Fr.).
- Wyckoff W. (2014). *How to Read the American West: A Field Guide*. Seattle: University of Washington Press.
- Wylie, J. (2005). A single day's walking: Narrating self and landscape on the South West Coast Path'. *Transactions of the British Geographers*, 30(2), 234–247. <https://doi.org/10.1111/j.1475-5661.2005.00163.x>
- Zhekulin, V.S. (1982). *Historical Geography: Its subject and methods*. Leningrad: Nauka. (Rus.).

Корандей Ф.С., <https://orcid.org/0000-0003-1781-1937>
 Абрамов И.В., <https://orcid.org/0000-0002-8772-0566>
 Костомаров В.М., <https://orcid.org/0000-0002-8667-3809>
 Черепанов М.С., <https://orcid.org/0000-0003-2246-1329>
 Шелудков А.В., <https://orcid.org/0000-0001-5409-934X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде:

1) одного файла, включающего сведения об авторе (авторах), название статьи, аннотацию, ключевые слова, список сокращений, основной текст статьи со вставленными иллюстрациями, подписанными подписями, таблицами, названиями таблиц, библиографическим списком в формате *.rtf или *.doc (не в *.docx, чтобы избежать склеивания слов или искажения текста), озаглавленного по фамилии автора(ов) (Романов.doc; Романов и др.doc);

а) сведения об авторе(ах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи: строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия;

в) аннотация на русском языке **объемом не более 500 знаков**: необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы;

г) таблицы: представляются без разрывов при переходе с одной страницы на другую, должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

д) иллюстрации: должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.** В подписанных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подписанных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями;

2) дополнительных файлов с иллюстрациями в форматах jpg, tiff, bmp (Романов.jpg, Романов_рис.1.tiff, Романов_рис.2.jpg);

3) файла со сведениями статьи на английском языке;

4) файла со списком возможных рецензентов;

5) одновременно с рукописью высылается заполненное автором/авторами авторское соглашение (публичная оферта).

Сведения статьи на английском языке должны содержать:

— ФИО авторов, место работы, адрес учреждения;

— Article title (название статьи);

— Summary (на русском и английском языках) объемом не менее 2000–2500 знаков с пробелами. Summary не является копией русскоязычной аннотации, должно включать указания: на географическую и хронологическую привязку исследований (если не указано в названии), цель исследования, материалы и источниковую базу, методы исследования, а также основные результаты и выводы. В скобках надо дать перевод на английский язык специфических терминов и названий (например, названия археологических культур, орудий, сырья, методов, технологий и т.д.);

— Keywords;

— Figure captions (подписанные подписи);

— Table giving the names (названия таблиц);

— **Acknowledgements** (благодарность за содействие и помощь в подготовке работы, а также спонсорам);

— **Funding (сведения о финансировании проектов);**

— References (список литературы на латинице).

При составлении References нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для References) редакция отклоняет статью.

Список возможных рецензентов (не менее трех) — квалифицированных специалистов по тематике рецензируемых материалов, имеющих в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи, должен содержать следующую информацию: ФИО рецензента полностью; место работы; ученая степень; e-mail. Возможные рецензенты не должны работать в одном учреждении с авторами статей.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии...» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи в одном текстовом файле на русском языке (включая аннотацию, основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список на русском языке, разделы «Благодарность», «Финансирование») не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». «Summary» и «References» не входят в этот объем, однако не должны превышать 10 тыс. знаков с пробелами. Статья должна содержать не более 5–6 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. **Рукописи объемом свыше 1 авт. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей не рассматриваются.**

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

7. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d и т.д.** **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191>.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др.* или *et al.*)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. <https://doi.org/10.1016/j.crpv.2014.06.004>.

8. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

625007, Тюмень, , ТюмНЦ СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68

Адрес сайта: <http://ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМАЭС ТГУ — Архив Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета

АН РТ — Академия наук Республики Татарстан

АН СССР — Академия наук СССР

ИА РАН — Институт археологии РАН

ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН

ИИС — Из истории Сибири

ИОЛЕАЭ — Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии

ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН

ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории

КСИА — Краткие сообщения Института археологии

МАЭ РАН — Музей археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

МОН РК — Министерство образования и науки Республики Казахстан

НА РС (Я) — Национальный архив Республики Саха (Якутия)

НБ РС (Я) — Национальная библиотека Республики Саха (Якутия)

РА — Российская археология

РАН — Российская академия наук

РГО — Русское географическое общество

РФ АЯНЦ СО РАН — Рукописный фонд Якутского научного центра СО РАН

СА — Советская археология

СМАЭ — Сборник МАЭ АН СССР (РАН)

СО РАН — Сибирское отделение РАН

СЭ — Советская этнография

УИВ — Уральский исторический вестник

УрО РАН — Уральское отделение РАН

ЭО — Этнографическое обозрение

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

16+

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3 (54)

2021

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
С.В. Святко

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Дата выхода: 15.09.2021. Уч.-изд. л. 30,1. Объем 55 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции и издателя: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Размещение журнала: <http://ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

9 772071 043705

К 80-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Н.А. ТОМИЛОВА

Глубокоуважаемый, дорогой Николай Аркадьевич!

От всей души поздравляем Вас с юбилеем с пожеланиями здоровья, творческой энергии, неиссякаемой жизненной активности, всех благ Вам, Вашим родным и близким, процветания омской этнографической научной школе и успешного покорения новых научных вершин!

С наилучшими пожеланиями и искренним уважением

*А.Н. Багашев, д.и.н., директор ТюмНЦ СО РАН
сотрудники Института проблем освоения Севера
ТюмНЦ СО РАН
Ваши друзья и единомышленники*

Николай Аркадьевич Томилов — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музееологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный работник высшей школы РФ, кавалер ордена Дружбы и ордена Почета, заслуженный профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный деятель науки Омской области, кавалер медали «За заслуги перед Томским государственным университетом».

Н.А. Томилов родился 14 сентября 1941 г. в г. Енисейске Красноярского края в семье служащих. В 1967 г. окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева (ТГУ). В 1973 г. в совете Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР защитил кандидатскую диссертацию «Современные этнические, культурные и бытовые процессы среди сибирских татар», в 1983 г. — там же докторскую диссертацию «Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX вв.». Является основателем омской этнографической научной школы, а также омских культурологического и музееведческого научных центров. В течение более чем 40 лет был участником, а затем руководителем историко-этнографических экспедиций по изучению народов Западной Сибири и Поволжья, организатором многочисленных международных и российских научных форумов, конгрессов, симпозиумов, конференций, семинаров.

В разные годы являлся заведующим кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музееологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, директором Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, директором Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, директором Сибирского филиала Российского института культурологи МК РФ. Под научным руководством Н.А. Томилова защищено 37 кандидатских и 4 докторских диссертаций. Н.А. Томиловым опубликованы фундаментальные работы по исследованию этногенетических процессов народов Сибири: общее количество научных публикаций 1250, в том числе 55 монографий (40 — в соавторстве) и учебных пособий. Среди наиболее значимых работ — «Современные этнические процессы среди сибирских татар» (1978), «Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв.» (1992), «Проблемы этнической истории» (1993), «Русские Нижнего Притомья (конец XIX — первая четверть XX вв.)» (2001), «Народная культура городского населения Сибири» (2010), «Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири в XVIII–XIX веках» (2011), «Музееведение и музеи России» (в двух томах, 2016, 2018), «Российские ученые в гуманитарных науках» (2018), «Казахи аула Каскат» (2013, в соавторстве с Ш.К. Ахметовой), «60 лет в научном сообществе: гуманитарные исследования, российские ученые и их окружение» (2020).

Являлся главным редактором журнала «Культурологические исследования в Сибири», научных серий «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев», «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума», «Интеграция археологических и этнографических исследований».

Сегодня Николай Аркадьевич продолжает плодотворно трудиться в научной, образовательной и культурной сферах жизни России, работает над монографиями, проведением ряда научных форумов международного и российского уровней.

Тюменский научный центр СО РАН

Подписной индекс 80385

Каталог Агентства Роспечать «Журналы России»